ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 9.

СЕНТЯБРЬ, 1909.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас.-Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 9-я. — СЕНТЯБРЬ, 1909.

стр.

АНГЛІЙСКАЯ ГЕЛІОГРАВЮРА: С. М. СОЛОВЬЕВЪ.
I.—КОСТЕРЪ ДІАНЫ.—**А. Ястребова** 5
II.—ИЗЪ МАРТИНА ГРЕЙФА. — I. Одинокая. — II. На родинѣ. — III. Первая трава.—IV. Предчувствіе.—**О. Чюминой** 48
III.—КОРОНА ВЪ АНГЛІИ.—Переписка королевы Викторіи.—**Бар. Б. Э. Нольде** . 50
IV.—ТЕМНЫЙ КАРЦЕРЪ. — Изъ жизни Е—ской тюрьмы.—**А. Г.** 67
V.—ИЗЪ НОВАЛИСА.—Сонетъ.—**Л. Василевскаго** 81
VI.—ОБЪЕКТИВНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКІЙ МЕТОДЪ ВЪ ПРИМѢНЕНІИ КЪ ИЗУЧЕНІЮ ПРЕСТУПНОСТИ.— Окончаніе.—**В. Бехтерева** 82
VII.—ШАХЭ.—Какъ было.—**Сестры Нины** 106
VIII.—КАКЪ РѢШЕНЪ БЫЛЪ НА ЗАПАДѢ ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ. — **Максима Ковалевскаго** 125
IX.—„ГОЛУБАЯ КУКУШКА".—Романъ Эмиля Эртля.—„Die Leute aus dem Blauen Guguckshaus". Roman v. Emil Ertl.—I-V.—Съ нѣм. **О. Ч.** 155
X.—ПАРЛАМЕНТСКІЯ КОАЛИЦІИ ВЪ АНГЛІИ И ФРАНЦІИ. — **К. К. Арсеньева** 196
XI.—ПАМЯТИ И. С. ТУРГЕНЕВА.—**Л. Нелидовой** 207
XII.—АГРАРНЫЕ ГРѢХИ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІИ.—**Л. З. Слонимскаго** 242
XIII.—НОВЫЙ ГОРОДЪ. — Paul Adam, „Autour de la Porcherie". — Переводъ съ рукописи **З. В.** 257
XIV.—ХРОНИКА. — РУССКАЯ БЮРОКРАТІЯ И КАВКАЗСКІЕ ГОРЦЫ. — **Ахмета Ц—ова** 298
XV.—АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРІЕМЫ „УСПОКОЕНІЯ".—**Вѣры Танаевской** 316
XVI.—КАКЪ У НАСЪ ИНОГДА ОТМѢНЯЮТСЯ ЗАКОНЫ.—Письмо въ редакцію „Вѣстника Европы".—**Ивана Янжула** 329
XVII.—ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—**И. В. Жилкина** 332
XVIII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Англійскій министръ и русская реакціонная печать.—Покушеніе негодными средствами.—Пережитки прошлаго: неутвержденіе избранныхъ должностныхъ лицъ, высылка Н. Н. Гусева, отказъ въ легализаціи сектантской общины. — Закрытіе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.—Русскій клерикализмъ 341
XIX.—КУЛЬТУРНО-НАЦІОНАЛЬНОЕ ДѢЛО.—Домъ-Музей имени Л. Н. Толстого въ Петербургѣ.—**В. Богучарскаго** 357
XX.—ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА.— **Діонео** 365
XXI.—ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА.—**Рене Моньe** 380
XXII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Либеральныя партіи въ Германіи.—Соціалъ-демократія и ея отношенія къ буржуазной оппозиціи. — Практическіе совѣты Бернштейна.—Партійный судъ въ Штутгартѣ.—Нѣмецкое чиновничество и реакція.—Критскій вопросъ.—Испанскія дѣла.—Шведская забастовка 387
XXIII.—ИЗЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—**Ив. Лазаревскаго** 397
XXIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — I. Эразмъ Пильцъ. „Русская политика въ Польшѣ".—**Л. П.** — II. Е. В. Тарле. Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи. Историческіе очерки. Часть первая.—**И. Бороздина.**—III. Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1907 г. Изд. м-ва торговли и промышленности.—**В. Голубева.** — IV. А. Савицкій и В. Шеръ. Очеркъ положенія рабочихъ печатнаго дѣла въ Москвѣ.— С. Н. Прокоповичъ. Бюджеты петербургскихъ рабочихъ. — V. Л. Ѳ. Тиграновъ. Изъ общественно-экономическихъ отношеній въ Персіи.— VI. Б. П. Кадомцевъ. Профессіональный и соціальный составъ населенія Европейской Россіи по даннымъ переписи 1897 г.— **В. В.** — VII. А. А. Зубрилинъ. „Улучшеніе крестьянскаго хозяйства". Вып. I. Современныя условія крестьянскаго хозяйства и травосѣяніе.—**Сем. Маслова.**—Новыя книги и брошюры 404
XXV.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Избраніе М. М. Стасюлевича почетнымъ гражданиномъ г. Петербурга.—Деревенскія впечатлѣнія и наблюденія. — Былое благополучіе Одессы и его утрата. — Запретъ обывательскимъ обществамъ въ Петербургѣ вступать въ союзъ между собой. — „Россія" объ условіяхъ снятія исключительныхъ положеній и карательное распоряженіе главнаго начальника г. Кронштадта. — Любопытный приказъ и оставленные безъ отвѣта вопросы.— Самодуръ-милліонеръ и земскій начальникъ въ роли косца.—Разоблаченія 421
XXVI.—ИЗВѢЩЕНІЯ 439
XXVII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ 440
XXVIII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Объ условіяхъ подписки на журналъ въ 1909-мъ году см. на послѣдней страницѣ обертки.

Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ.

(5 мая 1820 г.—4 окт. 1879 г.)

Съ портрета, писаннаго И. Е. Рѣпинымъ. 1880 г.

(Городская галлерея П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ).

«Вѣстникъ Европы», 1909 г.

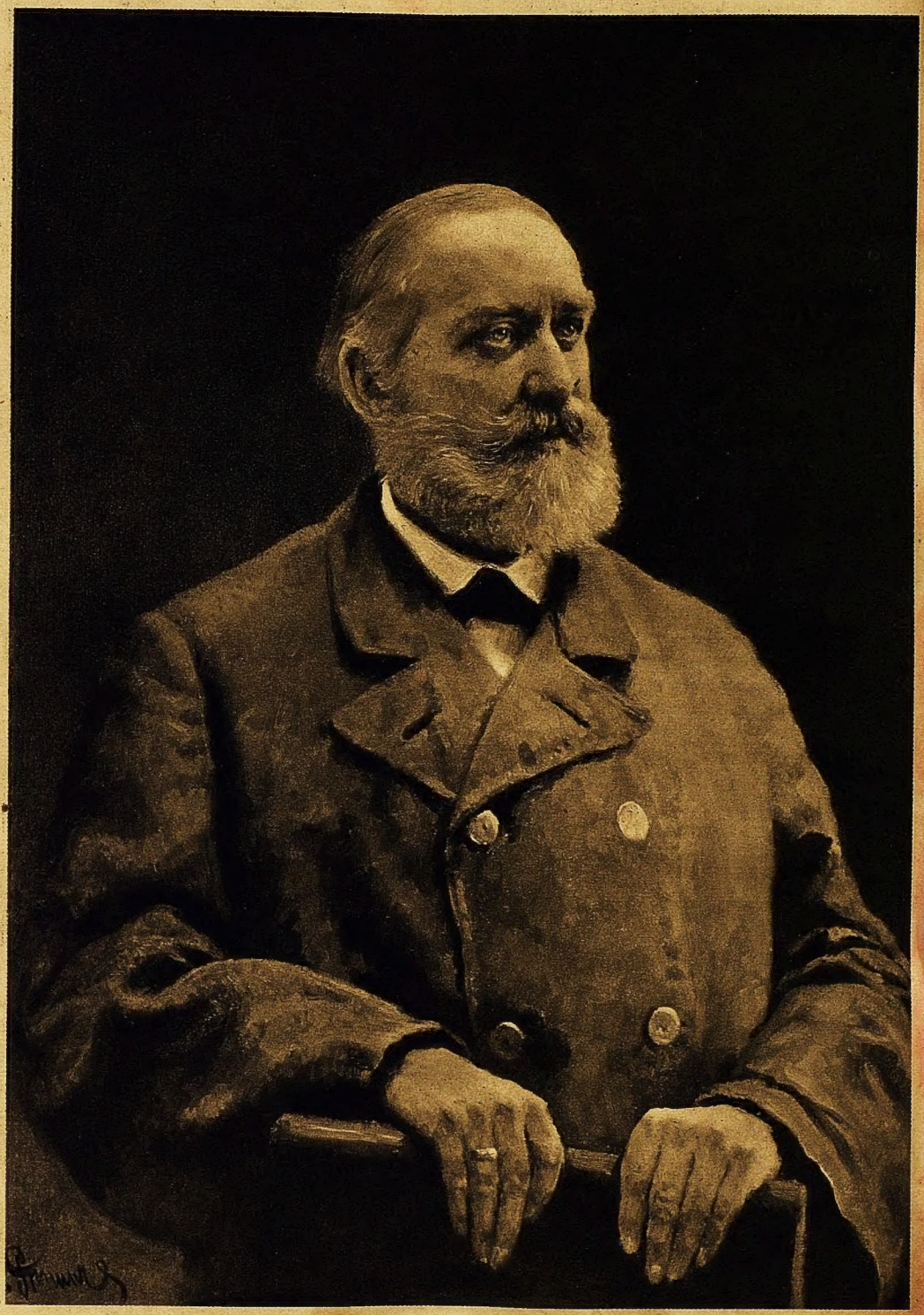
СЕРГѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ СОЛОВЬЕВЪ.

(5 мая 1820 г.—4 окт. 1879 г.)

Съ портрета, писаннаго Н. Е. Рѣпниным. 1880 г.

(Гравюра галлера П. и С. Третьяковыхъ въ Москвѣ).

«Вѣстникъ Европы», 1909 г.



ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

ГОДЪ LXXIV. — ТОМЪ CDXXXIII. — 1/14 СЕНТЯБРЯ 1909.

Сист. 05

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный **М. М. Стасюлевичемъ** въ 1866 году.

ДВѢСТИ-ПЯТЬДЕСЯТЪ-ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ

СОРОКЪ-ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: МОХОВАЯ, 32.

Главная Контора журнала: Васильевскій-Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: Петербургская-Сторона, Кронверкская ул., 21.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1909

3938

КОСТЕРЪ ДІАНЫ

Луна свѣтитъ тамъ по ночамъ ярко, можетъ-быть даже слишкомъ ярко. Подъ ея гипнотическимъ, неподвижнымъ взоромъ земля, измученная дневнымъ зноемъ, замираетъ въ безсильномъ оцѣпенѣніи и въ чуткой дремотѣ живетъ новой, неясной, лунной, таинственной жизнью, необычной, красивой и хрупкой, какъ сонъ. Въ синеватомъ, мертвенномъ свѣтѣ луны мѣняется все — и краски, и формы, и настроенія. Выжженная солнцемъ желто-бурая степь — „дала" — становится пепельно-сѣрой, серебристой мѣстами, — тамъ, гдѣ блестятъ въ лунномъ свѣтѣ выцвѣты соли, проступившей узорными лентами сквозь глину по контурамъ недолговѣчныхъ степныхъ озёрокъ, около округлыхъ и овальныхъ воронокъ и западинъ. У подножія склоновъ, которыми „Высокая Степь" сбѣгаетъ къ широкой террасѣ „Низкой Степи", придвинувшейся къ плесамъ и островамъ рѣки, около тускло блестящихъ изъ камышей и высокихъ травъ круглыхъ прудовъ Теплыхъ Ключей, — мрачно чернѣютъ на яркомъ фонѣ бѣлыхъ проплѣшинъ степи огромныя ямы и пещеры „бѣлыхъ глинищъ", изъ которыхъ жители окрестныхъ поселковъ изъ году въ годъ берутъ глину для побѣлки своихъ хатъ. Вверхъ къ Высокой Степи, по пологимъ склонамъ, изборожденнымъ оврагами, балками и глубокими, узкими щелями дождевыхъ промоинъ, поросшими кое-гдѣ чахлыми тамарисками, тощими кустиками бересклета, дикихъ розъ, боярышника, крушины и узловатыми деревцами байрачныхъ лѣсковъ, — чернымъ кружевомъ тянутся по землѣ между деревьями и кустами падающія отъ ихъ стволовъ и вѣтвей зеленовато-черныя, рѣзко очерченныя тѣни. А надъ ними неподвижно висятъ въ воздухѣ дымно-серебряныя облачка тускло-блестящаго тумана. Это солончаковая пыль, сме-

тенная сюда за день вѣтромъ со степи и неуспѣвшая еще осѣсть, блеститъ теперь въ неподвижномъ воздухѣ въ лучахъ луны.

Низкая Степь обрывается надъ рѣкой высокимъ, крутымъ обрывомъ, кое-гдѣ разбитымъ трещинами, щелями и оврагами въ острогранные столбы и глыбы. Далеко внизу подъ его подошвой прячется и потомъ широкимъ размахомъ уходитъ въ даль огромная полукруглая излучина рѣки, трижды мѣняющей здѣсь свое направленіе. Надъ ея отмелями поднимаются заросли ивняка разливовъ и займищъ, купы дубовъ и осокорей на грядкахъ и буграхъ острововъ. Надъ песками рѣки, вдоль подошвы берегового яра, слѣдуя за ея изгибами, то пропадая въ черной тѣни, падающей отъ нависшихъ обрывовъ, то выбѣгая на яркій лунный свѣтъ, — тянется отчетливо очерченная линія, обозначенная на откосѣ берега полосой щепокъ, обломковъ дерева, хворостинъ и камыша, сложенныхъ тамъ самою высокой водой весенняго разлива. Надъ этой природной мѣтой уровня половодья, чуть-чуть повыше отсыпи обрушившихся сверху комьевъ и глыбъ земли, лежатъ, чередуясь въ правильномъ рисункѣ, прослойки глины и песка изъ цвѣтныхъ зеренъ яшмы, роговика, кварца, лидита и бураго желѣзняка. А надъ ними, выходя на поверхность террасы, громоздятся пласты пестрой, полосчатой глины, темнобурой, коричневатой и темносѣрой, образуя своими мощными спинами широкое унылое поле, по которому торчатъ кое-гдѣ метелки „кара-джусанъ-травы“ — черной полыни, зеленыя дерновинки типчака, тонконогъ и ковыли, виднѣются мѣстами низенькіе красные и желтые степные тюльпаны и между ними — ямки съ остатками ихъ луковицъ, которыя вырываютъ и ѣдятъ земляные зайцы. По безплодной землѣ разбросаны сухія черныя лепешки Nostoc, глядя на которыя не вѣришь, что это растенія, а не обрывки какой-то высохшей, жесткой и шершавой кожи. Виднѣются какіе-то синеватые и блѣдно-желтые цвѣты. Тамъ и сямъ разбросаны сѣдые кустики Artemisia maritima incana.

Широкой петлей огибая склоны Высокой Степи, спускается на Низкую Степь линія желѣзной дороги. Около Теплыхъ Ключей къ ней придвинулись парки запасныхъ путей, заставленные вагонами, вокзалъ, зданія складовъ и мастерскихъ, школы, больницы и слободка кирпичныхъ домиковъ служащихъ.

Одинъ изъ домиковъ, на краю, побольше — квартира Батурина. Онъ сидитъ на крыльцѣ, выходящемъ въ садъ, и смотритъ, какъ изъ-за красной черепичной крыши сосѣдняго дома поднимается тусклое золотое зарево и вслѣдъ за нимъ огромный

дискъ луны, на фонѣ котораго мрачными силуэтами рисуются колючія лапы огромныхъ агавъ, стоящихъ въ кадкахъ на каменномъ парапетѣ крыльца.

Недѣлю тому назадъ онъ получилъ открытое письмо съ одною только фразой: „Жди телеграммы". Сегодня пришла и телеграмма: „Пріѣду седьмымъ. Встрѣть". И онъ дожидался теперь прихода седьмого номера, до котораго оставался какой-нибудь часъ.

И письмо, и телеграмма были отъ Елены. Батуринъ разсматривалъ теперь письмо и улыбался. На бланкѣ открытки, изображавшей снимокъ съ картины Керъ „При лунномъ свѣтѣ", фамилія художника была зачеркнута и оставлено только названіе картины. Это, вмѣстѣ съ тѣмъ, что̀ написала Елена, должно было составить фразу: „Жди телеграммы при лунномъ свѣтѣ". Батуринъ зналъ капризную манеру Елены говорить и писать, и тогда же, получивъ письмо, прочелъ его: „Когда наступятъ лунныя ночи, я пріѣду къ тебѣ. Жди..."

— Лунныя ночи наступили. Вонъ какъ ярко разгорается луна. Чего же она не подчеркнула кстати тутъ на открыткѣ насъ съ нею?

На открыткѣ была изображена часть огромнаго выпуклокруглящагося шара и десятки влюбленныхъ паръ, собранныхъ въ одно мѣсто фантазіей художника, гуляющихъ подъ яркимъ свѣтомъ луны.

Каждая пара повидимому совершенно не замѣчаетъ остальныхъ, каждая одна здѣсь, наединѣ съ луной, каждая живетъ сама по себѣ и своимъ. Одна, въ центрѣ, вальсируетъ на ярко освѣщенной луною площадкѣ. Другая — задумчиво лежитъ на землѣ, лицами къ небу и смотритъ вверхъ. Дальше влюбленные сидятъ неподвижно, обнявшись, повернувшись къ лунѣ. Вотъ одинъ поднялъ и сложилъ руки въ жестъ молитвы—онъ молится ей, этой лунѣ, традиціонной, блѣдной, круглой рожѣ, которая смотритъ куда-то въ сторону съ кислой миной скуки. Одна изъ паръ замерла въ поцѣлуѣ... А въ одной, помѣщенной ближе къ первому плану, уже въ полутѣни, ближе къ неосвѣщенной сторонѣ шара, мужчина схватилъ руки женщины порывистымъ, страстнымъ движеніемъ, нагнулся близко къ ея лицу, пристально глядитъ ей въ глаза—и что-то сказалъ ей... Она отшатнулась въ ужасѣ, прячетъ лицо, прячетъ глаза... Она не смѣетъ смотрѣть на него, не смѣетъ отвѣтить, не можетъ выдержать его изступленнаго, остановившагося взгляда...

Батуринъ смотрѣлъ на влюбленныхъ, символически собран-

ныхъ на темени этого фантастическаго шара, ярко озареннаго луною, и думалъ о мистической силѣ луны, объ „actio in distans“, о великомъ законѣ всемірнаго тяготѣнія, о могучей волнѣ морского прилива, покорно идущей за луною, и о волнѣ томныхъ лунныхъ настроеній, безотчетной грусти, неясныхъ порывовъ, томленія и тоски, которая неуклонно, какъ время, идетъ также по людскимъ душамъ вслѣдъ за ней, безпріютной странницей неба...

— ...Да, велика и таинственна твоя власть, Селена-Мене, Діана-Артемида,—кроткая и кровожадная, добрая и ужасная... Когда-то ты — „сверкающій глазъ ночи“, прекрасная женщина въ серебристой дымкѣ, ведущая за руку дѣтей-звѣзды, съ факеломъ и вѣнцомъ, отъ котораго исходитъ мягкій, мирный свѣтъ... Самъ Зевсъ влюбленъ въ тебя; и Панъ томится по тебѣ въ горной Аркадіи... А въ пещерѣ Латма непробуднымъ сномъ покоится юный охотникъ, спокойный и прекрасный во снѣ, какъ самъ сонъ или даже смерть... И вотъ къ нему-то приходишь ты каждую ночь и долго любуешься на него спящаго,—молчаливая, очарованная, печальная...

...Когда-то ты — женская половина двуликаго бога свѣта; и почему-то въ священной рощѣ у озера Неми рядомъ съ тобой поклоняются мрачному демону... Безплодная дѣвственница, покровительница звѣрей, а людей убивающая своими стрѣлами, не щадя ни женщинъ, ни дѣтей... Губительница, которую жрецы-евнухи старались умилостивить человѣческими жертвами... Мрачный, мертвый двойникъ солнца, „похожій на женщину, встающую изъ могилы, на мертвую женщину, которая ищетъ мертвыхъ“...

Батуринъ смотрѣлъ на желтый дискъ, медленно разгоравшійся въ небѣ, и перебиралъ образы, которыми людская фантазія пыталась охарактеризовать властныя, дремотныя чары этой „sovereign mistress of true melancholy“, неуловимую, непонятную силу ея лучей, которая „велитъ любить намъ зыбь волны, и даже смерть, и даже преступленье“... Застывшій, безстрастный, холодный, чужой, заемный свѣтъ? Желтый, медлительный, дымный, туманный... Блѣдный, невѣрный, непрочный... Ласковый, задумчивый, больной и скорбный, какъ „печаль больной женщины, вставшей съ постели и горько плачущей безсонною ночью“...

...Да, въ лунѣ много женскаго: и этотъ холодъ, и эта измѣнчивость и неуловимость, и эта завораживающая, усыпляющая и вмѣстѣ съ тѣмъ тревожная ласка...

Батуринъ вспомнилъ, какъ онъ говорилъ это Еленѣ два года

тому назадъ, въ тотъ памятный вечеръ, когда онъ встрѣтилъ ее въ залитомъ луннымъ свѣтомъ паркѣ моднаго заграничнаго курорта. Онъ спускался въ паркъ съ террасы казино, откуда волною неслись звуки симфоническаго оркестра. Она окликнула его съ боковой террасы, окаймленной клумбами роскошныхъ, пышныхъ цвѣтовъ и широколистыхъ тропическихъ растеній, гдѣ она стояла среди какихъ-то элегантныхъ дамъ и кавалеровъ, наблюдая проходившую публику.

Батуринъ оглянулся и не сразу узналъ ее. Онъ былъ знакомъ съ нею уже давно; изрѣдка встрѣчалъ ее и ея мужа у знакомыхъ или въ театрѣ, бывалъ и у нихъ, когда жилъ раньше въ томъ городѣ, гдѣ жили они, но, казалось ему теперь, онъ не видѣлъ ея никогда раньше... Это была не она. Тамъ была сѣренькая, заурядно красивая, обыкновенная и даже немного скучная дамочка, озабоченная тѣмъ, чтобы былъ какъ слѣдуетъ поданъ чай, чтобы былъ во-время накрытъ ужинъ, чтобы не сердился мужъ... Здѣсь, на фонѣ роскошныхъ зданій, цвѣтовъ и богатой, нарядной, разноплеменной толпы, онъ увидѣлъ красавицу, львицу, смѣлую и увѣренную въ себѣ, полную прелести и обаянія...

Батуринъ съ изумленіемъ и восхищеніемъ разсматривалъ ее, когда почтительно здоровался съ нею и, болтая что-то, шелъ рядомъ съ нею среди цвѣтниковъ, волшебно освѣщенныхъ луною.

„Какое превращеніе! Что могло такъ удивительно измѣнить ее? Неужто этотъ лунный свѣтъ и этотъ нарядный свѣтлый лѣтній костюмъ, эти звуки музыки, фонъ этихъ дивныхъ цвѣтовъ и зданій?..“ — И когда они гуляли по парку и потомъ шли къ ней въ гостинницу, куда она позвала его пить чай, онъ не могъ налюбоваться на нее, разсматривалъ украдкой ея матовое лицо, смуглое и блѣдное, съ едва замѣтнымъ блѣдно-оливковымъ оттѣнкомъ, волны ея черныхъ душистыхъ волосъ, бархатныя крылья бровей и длинныя черныя рѣсницы, изъ-подъ которыхъ ласково, вопросительно и насмѣшливо смотрѣли на него зеленовато-сѣрые глаза, казавшіеся глубокими и черными теперь, ночью. Она смотрѣла на него и улыбалась.

— Что вы разсматриваете меня такъ, словно я диво какое, или вы меня никогда не видѣли?

— Въ томъ-то и дѣло, что вы и есть диво, и что я дѣйствительно *никогда* васъ раньше *не видѣлъ*...

Она укоризненно покачала головой и молча развела руками, какъ бы говоря:

— Не я виновата въ этомъ! Гдѣ у тебя-то глаза были?

Они подошли къ огромному, роскошному зданію гостинницы, высившемуся среди цвѣтниковъ и газоновъ. Главный входъ, лѣстница и даже каретка лифта были богато изукрашены цвѣтами.

— Да у васъ не гостинница, а цвѣтникъ какой-то,—шутилъ Батуринъ, разглядывая растенія, среди которыхъ они поднимались въ первый этажъ, въ ея комнату.

— Это только сегодня. Сегодня здѣсь празднуютъ свадьбу какіе-то американскіе милліонеры. Для молодыхъ приготовлена цѣлая квартира въ четвертомъ этажѣ. Посидимъ у меня на балконѣ, если хотите. Подождемъ, скоро долженъ пріѣхать свадебный кортежъ. Отсюда мы всѣхъ увидимъ...

Елена заварила чай въ серебряномъ чайномъ приборѣ и принесла чашки себѣ и Батурину на балконъ. Они сидѣли, болтали и поджидали свадебную процессію. Показались автомобили, разукрашенные цвѣтами; въѣхали въ садъ; остановились среди цвѣтниковъ у подъѣзда гостинницы. Откуда-то появились кавалеры во фракахъ и нарядныя дамы въ бѣломъ; появилось шампанское, букеты цвѣтовъ. Всѣ пили, поздравляли молодыхъ, прощались съ ними, желали имъ всякихъ благъ. Елена и Батуринъ внимательно разсматривали молодыхъ. Отъ усталости ли послѣ суматохи всѣхъ свадебныхъ церемоній, или отъ волненія при мысли о томъ, что эти церемоніи *кончились*, но молодые смотрѣли какъ-то сумрачно, особенно *она*. Она остановилась на послѣдней ступенькѣ крыльца и долго прощалась съ кѣмъ-то. Потомъ какъ-то словно застыла на мгновеніе, выпрямилась во весь ростъ и долгимъ печальнымъ взглядомъ обвела цвѣтники, деревья, аллеи парка, сбѣгавшія внизъ по косогору, и крыши лечебныхъ кіосковъ и казино, откуда еще доносились изрѣдка звуки музыки. Неподвижная, молчаливая, съ тоскливо блуждающимъ гдѣ-то взоромъ, бѣлая и блѣдная въ ворожащемъ, мертвомъ свѣтѣ луны, — она казалась такой одинокой, грустной, затерянной среди этихъ цвѣтовъ, вина и шумной, праздничной, нарядной толпы.

— Смотрите, смотрите!..—шепталъ Батуринъ Еленѣ.—Какое у нея лицо! Есть что-то въ немъ. Или это впечатлѣніе луннаго освѣщенія?

Молодые поднялись къ себѣ наверхъ. Гости разъѣхались.

Батуринъ и Елена долго сидѣли на балконѣ и говорили о невеселой свадьбѣ, о лицѣ американки, о неудачныхъ бракахъ, о томъ, какой сложной стала жизнь, о трагедіи мятущихся и ошибающихся человѣческихъ душъ, всегда замкнутыхъ въ себѣ, недоступныхъ, неясныхъ, не успѣвающихъ раскрыться, узнать, понять, простить... Смотрѣли внизъ, на деревья засыпающаго,

затихшаго парка, на черепичныя крыши городка и ярко освѣщенныя луною бѣлыя стѣны спящихъ виллъ, на печальную и одинокую луну...

Гдѣ-то по близости глухо звякнулъ ломъ. Послышался лязгъ желѣза по камню и потомъ тупые удары лопатъ, рывшихъ землю.

Елена вздрогнула.

— Что это?.. Роютъ что-то?.. Какъ непріятно стучатъ лопаты...

— Это вотъ тамъ на улицѣ, кажется... Рабочіе... Очевидно чинятъ что-нибудь; вѣроятно мѣняютъ какую-нибудь лопнувшую трубу... Вотъ, я вижу, зажигаютъ переносный горнъ... Вы сказали про стукъ лопатъ... Да, непріятно слышать его ночью... Невольно думается тогда объ одной, основной, зловѣщей работѣ землекопа... Вы читали вторую часть „Фауста"? Помните конецъ ея, финалъ поисковъ, стремленій, разочарованій, бѣдъ и радостей вѣчно куда-то стремившагося доктора? Послѣ объятій прекраснѣйшей изъ женщинъ, прекрасной царицы, носившей ваше лунное имя, послѣ шумной и вздорной суеты императорскаго двора, Фаустъ захотѣлъ наконецъ просто работы, „добраго дѣланія", созиданія, труда, который хоть кому-нибудь помогъ бы жить. И вотъ онъ задумалъ побороться *съ луной*. Видъ морского прилива на отлогомъ берегу зародилъ въ немъ мысль отнять у моря ту громадную площадь земли, которую оно дѣлаетъ безплодной и непроизводительной, періодически заливая ее своими волнами. И Фаустъ осуществилъ свою мысль. Построилъ сѣть каналовъ и плотинъ, и подъ защитою ихъ безплодное дно моря превратилось въ цвѣтущіе поля и луга, на которыхъ счастливо зажили люди. А къ нему самому подкралась тѣмъ временемъ старость, и старуха-Забота ослѣпила его... Но не погасъ до конца его вѣчно тревожный, творческій духъ. Слѣпой, дряхлый старикъ—онъ торопится созидать, работать. Онъ спѣшитъ сдѣлать еще одно дѣло, которое завершило бы трудъ многихъ, долгихъ лѣтъ, — онъ хочетъ осушить ядовитое болото, заражающее болѣзнями поля, отвоеванныя имъ у моря. Онъ торопитъ работу, понукаетъ надсмотрщика за работами — Мефистофеля, приказываетъ ему торопить и гнать постройку, собирать отовсюду землекоповъ на рытье канала, который долженъ осушить болото. И въ нетерпѣніи, въ лихорадкѣ созиданія, прислушивается съ восторгомъ къ звуку лопатъ, роющихъ землю... Но лопаты работаютъ не надъ каналомъ. Дѣло идетъ, какъ злорадно говоритъ въ сторону надсмотрщикъ-Мефистофель, — „von keinem Graben,

doch vom *Grab*"!.. Это лемуры, полутрупы, ночныя привидѣнія древнихъ римлянъ, поставленныя Мефистофелемъ на работу вмѣсто землекоповъ,—роютъ Фаусту могилу...

— Брр!.. Послушайте! Можетъ-быть эти тамъ тоже лемуры, тоже роютъ... кому-нибудь?..

Батуринъ улыбнулся.

— Нѣтъ!.. Эти пожалуй скорѣе водопроводчики. А можетъ-быть и лемуры, можетъ-быть дѣйствительно *роютъ*... Ну что же! Пусть ихъ! Вѣдь это неизбѣжно: каждую секунду кто-нибудь и что-нибудь умираетъ... Но вѣдь и рождается кто-нибудь и что-нибудь каждую секунду! И лопата могильщика на самомъ дѣлѣ роетъ, можетъ быть, не могилу, а котлованъ для фундамента прекраснаго храма будущаго, въ которомъ будетъ жить то, что не умираетъ, что „связуетъ нетлѣнною связью душу и сердце живыхъ съ темной душою могилъ"... Смотрите: вотъ отсюда видна яма, которую вырыли тамъ лемуры. Они взломали и сложили плиты тротуара, видите?—совсѣмъ могильныя плиты... Смотрите, какъ жутко чернѣетъ яма и тѣнь, падающая на землю отъ плитъ. И какъ весело и ярко пылаетъ на этомъ мрачномъ фонѣ огонекъ горна! И чѣмъ чернѣе будетъ яма, тѣмъ бодрѣе и ярче будетъ пылать огонекъ! Посмотрите...

Но Елена не слушала его и не смотрѣла на землекоповъ. Она положила голову бокомъ на баллюстраду балкона, смотрѣла куда-то вдоль и вверхъ по фасаду зданія и напряженно прислушивалась.

Батуринъ взглянулъ на нее.

— Что вы?..

Она быстро махнула рукой: „молчите!" и заговорила торопливымъ, взволнованнымъ шепотомъ:

— Тише, ради Бога! Я не знаю... мнѣ послышалось что-то... Мнѣ страшно... Тутъ что-то происходитъ около... Какъ странно все... и эта луна, и вы... и эти—съ плитами и заступами... Вы ничего не слышали? Мнѣ послышалось, кто-то плачетъ... Вы ничего не слышите? Слушайте, слушайте!..

Она замолчала. Они стали прислушиваться. Сердца встревоженно, громко бились. Елена съ мучительнымъ безпокойствомъ осматривалась кругомъ. Случайно взглянула вверхъ и со сдавленнымъ крикомъ схватила руку Батурина.

— Тамъ! Боже мой, Боже мой!..

Батуринъ откинулся назадъ и посмотрѣлъ наверхъ, куда она указывала. Съ ихъ выдававшагося впередъ балкона видна была до верху ярко освѣщенная луной стѣна отодвинутой не-

много назадъ средней части зданія. Одно изъ оконъ четвертаго этажа было открыто настежъ. И въ немъ бѣлѣла фигура женщины, стоявшей у притолоки, закрывъ лицо руками. Вотъ она медленно взобралась на подоконникъ и во весь ростъ встала въ окнѣ. Бѣлая прозрачная сорочка едва держалась на плечахъ, которыя вздрагивали отъ сдерживаемаго плача. Вотъ она опустила руки, взглянула внизъ и въ ужасѣ отшатнулась назадъ...

— Американка, молодая, Боже мой!..— рванулся съ мѣста Батуринъ.— Гдѣ же *тотъ-то?..* Я бѣгу туда, надо сказать, надо...

Онъ не успѣлъ уйти съ балкона. Глухо загремѣло наверху желѣзо подоконнаго слива. Бѣлая фигура быстро мелькнула въ воздухѣ и грузно и глухо ударилась о камни тротуара. Слышно было, какъ хрустнули кости...

Батуринъ выбѣжалъ изъ номера, пробѣжалъ корридоръ и, прыгая черезъ ступеньки, сбѣжалъ внизъ по лѣстницѣ. Тамъ уже суетились люди. Представительный господинъ вѣжливо и рѣшительно загородилъ Батурину дорогу.

— Тамъ упала женщина! Разбилась! Надо поднять ее, позвать доктора, помочь!..

— Да, мсьё! Я знаю, мсьё! Пусть мсьё не безпокоится — все сдѣлано. Сейчасъ поднимутъ раненую, сейчасъ будетъ докторъ. Я почтительно прошу мсьё не безпокоиться... и найти возможность не разсказывать безъ нужды своимъ знакомымъ объ этомъ прискорбномъ происшествіи... Это такъ непріятно теперь, въ разгаръ сезона... Нашъ отель, посѣщаемый такой избранной публикой, можетъ понести громадные убытки... Администрація отеля заранѣе благодаритъ мсьё за молчаніе... И всегда и всѣмъ къ услугамъ мсьё...

Батуринъ вернулся къ Еленѣ. Она стояла у баллюстрады балкона, опершись на нее, неподвижная, словно застывшая — и смотрѣла внизъ. Служителя гостинницы и землекопы, бросившіе свою работу, толклись около несчастной молодой. Потомъ подняли ее какъ попало и грубо, какъ тюкъ, понесли куда-то... На плитахъ тротуара остались большія пятна крови... Елена смотрѣла на нихъ не отрываясь, не имѣя силы оторваться. Батуринъ взялъ ее за руку.

— Не смотрите, пойдемте... Вы поблѣднѣли, вамъ будетъ дурно... Э-э, да вы шатаетесь! Пойдемте!.. Гдѣ у васъ вода? Сейчасъ я дамъ вамъ...

Она не могла идти, не могла стоять на ногахъ. Батуринъ почти внесъ ее въ комнату, дрожа и вглядываясь въ ея лицо.

Ея глаза были закрыты, лицо искажено улыбкой, вздрагивающія губы полуоткрыты съ выраженіемъ муки и еще чего-то... Батурину вспомнилось лицо Леды на картинѣ Маттисена... Ошибиться было невозможно... Съ ней происходило то же, что онъ съ ужасомъ чувствовалъ въ себѣ... Какъ невозможный, неожиданный результатъ зрѣлища крови и смерти, властно и бѣшено вспыхнулъ огонь, которому повелѣно зажигать новыя жизни... Древняя сила земли торопилась зачѣмъ-то возстановить неожиданно нарушенное только-что равновѣсіе...

...Утромъ, когда Батуринъ уходилъ отъ Елены, она долго не отпускала его, сидѣла, спрятавъ голову у него на плечѣ и обхвативъ его шею руками, и тихо жаловалась:

— Зачѣмъ все это случилось!.. Что ты сдѣлалъ со мной!.. Какъ я вернусь теперь домой, какъ я буду смотрѣть въ глаза мужу? Такой далекій, чужой сталъ онъ мнѣ теперь... Такъ пусто и холодно будетъ мнѣ теперь дома, безъ тебя, милый... И зачѣмъ только мы встрѣтились! Думала ли я когда-нибудь, могла ли я когда-нибудь подумать про себя... И вдругъ... Явился откуда-то ты, словно съ луны свалился, сумасшедшій, бѣшеный, нежданный... первый...

Батуринъ молчалъ. Бережно гладилъ ея нѣжныя, бархатныя плечи, смотрѣлъ на голубенькую ленточку, продернутую сквозь прозрачныя кружевныя складки рубашки на груди, и цѣловалъ ея глаза и руки.

...Съ тѣхъ поръ быстро пролетѣли уже два года, въ работѣ и заботахъ, въ мучительныхъ думахъ о ней, о невозможности всегда быть около нея, имѣть ее всегда около себя. Объ унизительной необходимости прятаться, скрываться, видѣться съ нею такъ рѣдко, тайкомъ и урывками. За первымъ, случайнымъ сближеніемъ сурово и властно пришла любовь...

Батуринъ поднялся на крыльцо, прошелъ въ кабинетъ и досталъ изъ ящика письменнаго стола фотографическую карточку Елены, которую она подарила ему зимою, уѣзжая послѣ ихъ послѣдней встрѣчи. Сталъ разсматривать ее и перечитывать стихи, отрывокъ изъ Гофмансталевскаго „Вчера“, который Елена написала на карточкѣ:

— „И жизнь бываетъ жизнью лишь тогда,
Когда вѣнокъ изъ каждаго цвѣтка
Сплетается, и каждое желанье
Свой истинный, созрѣвшій плодъ даетъ, —
И чувства всѣ гармоніи достигнутъ.
Вотъ это—жизнь...“ —

Онъ сѣлъ въ кресло и задумался. Потомъ отыскалъ въ одномъ изъ ящиковъ стола письмо, которое написалъ Еленѣ зимою, въ день ея отъѣзда, ночью. Почему-то онъ рѣшилъ тогда не посылать его Еленѣ, и случайно сохранилъ его. Теперь внимательно перечелъ его:

„...Теперь ночь. Я думаю о тебѣ. Снова и снова разсматриваю твою карточку. Перечитываю прекрасную надпись. Изучаю каждую складку твоего платья. Вижу твои губы (помнишь „*лучшую изъ алыхъ розъ земли*“?) и съ дрожью вспоминаю ихъ нѣжную свѣжесть, ихъ сладкій ядъ, ихъ пьяный хмѣль... Любуюсь на твои милые задумчивые глаза. Они блестятъ, улыбаются и въ то же время грустятъ о чемъ-то. А на губахъ—чуть-чуть лучится улыбка. Улыбка на губахъ и печаль въ глазахъ—тихая, прозрачная грусть, грусть слабаго, печальнаго, луннаго свѣта и замирающихъ звуковъ струннаго оркестра — задумчивая, какъ грусть тихаго, догорающаго дня,—легкихъ облачковъ, слабо освѣщенныхъ послѣдними, запоздалыми лучами заката,—далекаго паруса, теряющагося въ унылой дали моря,—и слабаго звона колоколовъ, издалека мѣрно летящаго откуда-то и умирающаго надъ засыпающими волнами...

„...О чемъ эта грусть, маленькая? Объ уходящей жизни и молодости? О томъ, что эта жизнь сложилась и складывается не такъ, какъ хотѣлось бы, какъ она, можетъ быть, могла бы сложиться? О томъ, что мало въ ней „цвѣтовъ“, и не сплетаются они въ „вѣнки“?

„Помнишь, мы читали у Шелли: „Какъ позабытыя мы арфы. Ладъ ихъ струнный разстроенъ и дастъ измѣнчивый отвѣтъ“... Позабытыя арфы, убогій, нищенски-блѣдный, изуродованный и искаженный отзвукъ лютни Израфеля... И все же еще много въ немъ богатыхъ и звучныхъ аккордовъ, только бы хватило смѣлости позволить себѣ эту роскошь—не заглушать ихъ... Смотри: пойти бы на берегъ моря, вотъ хотя бы туда, гдѣ ты жила лѣтомъ, подойти бы къ тебѣ, обвѣянной вѣтромъ, опаленной солнцемъ,—и поклониться тебѣ до земли, до морского песка, который подъ твоими ногами, до травки, которая изъ-подъ твоихъ туфелекъ глядитъ тебѣ въ глаза... и сказать тебѣ: „не ноги твои я цѣлую, не къ тебѣ прикасаюсь, а къ этой травкѣ, опаленной зноемъ, обвѣянной вѣтромъ... Ее я цѣлую, потому что когда я склоняюсь — она глядитъ тебѣ въ глаза“... Можетъ-быть ты засмѣялась бы и убѣжала... Можетъ-быть сказала бы:—сумасшедшій!..“

Въ комнату вбѣжалъ Рокъ, охотничій песъ Батурина, и, ла-

скаясь, положилъ свою красивую, умную морду ему на колѣни. Батуринъ погладилъ и потрепалъ его.

— Вотъ какой вопросъ имѣю я предложить вамъ, мистеръ Рокъ. Вотъ у насъ въ душахъ разныя тамъ лютни и сады... Такъ не слѣдуетъ ли приподнимать хоть изрѣдка глухіе колпаки, подъ которые мы ихъ такъ старательно прячемъ? Напримѣръ, мы поемъ въ романсахъ: „стезю твою усыпалъ бы цвѣтами". Такъ вотъ не пойти ли намъ сейчасъ въ столовую, не взять ли тамъ розы изъ корзинки, да не разбросать ли ихъ по полу? А?..

Рокъ вилялъ хвостомъ и тихонько выль.

Задребезжалъ звонокъ телефона. Батуринъ взялъ трубку.

— Поѣздъ № 7 вышелъ къ намъ...

— А, хорошо!.. Спасибо...

Батуринъ спряталъ письмо и карточку въ ящикъ стола, всталъ и одѣлъ фуражку. Прошелъ въ столовую и нерѣшительно взялъ нѣсколько розъ изъ корзины съ цвѣтами, стоявшей на столѣ... Потомъ рѣзкимъ движеніемъ швырнулъ ихъ обратно на столъ, затопалъ и закричалъ на Рока:—Пошелъ на кухню!—и разсерженный, раздосадованный на себя, пошелъ на вокзалъ.

Вокзалъ былъ тутъ же, въ нѣсколькихъ шагахъ, на краю слободки. Батуринъ поздоровался съ „красной шапкой"—дежурнымъ на станціи, отвѣтилъ козырявшимъ стрѣлочникамъ и прошелъ на дальній конецъ платформы, за которымъ виднѣлись огоньки Бендеровскихъ фонарей входныхъ стрѣлокъ, свѣтящійся вдали глазокъ семафора и серебряная лента пути, уходившая въ даль пологимъ подъемомъ. На самой верхушкѣ его слабо сіялъ крошечный треугольникъ изъ трехъ свѣтящихся звѣздочекъ: № 7 подходилъ къ станціи.

Паровозъ, окутанный волнами теплаго пара, тяжело прокатился мимо, грузно громыхая на стыкахъ. Замелькали разноцвѣтные вагоны съ незнакомыми лицами въ окнахъ. Послышались сигнальные звонки и свистки. На платформѣ стало сразу людно и шумно.

У окна вагона перваго класса Батуринъ замѣтилъ Елену, въ дорожной шапочкѣ, съ густымъ вуалемъ на лицѣ. Вошелъ къ ней въ купэ. Она была одна. Поздоровался съ нею. Поцѣловалъ ее сквозь вуаль.

— Съ пріѣздомъ! Какъ доѣхала, какъ живешь-можешь? Спасибо, что надумала пріѣхать!.. Какъ удалось тебѣ вырваться?.. У тебя кромѣ этого чемоданчика еще что-нибудь есть?..

— Ничего... Александръ уѣхалъ въ Варзинское на заводъ,

вотъ я и удрала... Ты самъ понесешь чемоданчикъ?.. Слушай, я не хотѣла бы идти черезъ вокзалъ... Тамъ столько народу; меня могутъ узнать...

— Сойдемъ на среднюю платформу, обойдемъ станцію степью... Тутъ недалеко...

Батуринъ взялъ дорожный мѣшокъ Елены. Они вышли изъ вагона со стороны противоположной вокзалу, обошли поѣздъ, прошли по путямъ и, держась за руки, сбѣжали съ насыпи въ степь. Здѣсь никого не было. Елена подняла вуаль. Батуринъ поставилъ чемоданъ на землю, схватилъ Елену въ охапку, поднялъ на воздухъ и сталъ цѣловать ея лицо, губы, шею.

— Пусти, пусти, сумасшедшій... Потомъ... Ахъ, какой ты, право...

Они обогнули пути, занятые товарными вагонами, пакгаузы и погрузочныя платформы, перешли снова черезъ путь и пошли полемъ къ дому Батурина.

— Вотъ и моя хибарка. Ты ужъ извини мнѣ скудость моихъ палатъ. Послѣ твоихъ, послѣ твоихъ рысаковъ и автомобилей...

Она остановилась и укоризненно посмотрѣла на него:

— Опять ты за старое? Какъ тебѣ не стыдно!

Они вошли въ домъ. Батуринъ проводилъ Елену въ приготовленную для нея комнату, а самъ вернулся дожидаться ея въ столовую, гдѣ на бѣломъ столикѣ у окна стояли цвѣтущія камеліи и уродливые, колючіе кактусы, а въ углу, на высокой дубовой подставкѣ, на полкахъ которой толпились каменные, глиняные и фарфоровые туземные божки и уродцы, — поднималась большая ваза, грубо выкованная изъ мѣди, произведеніе какого-то доморощеннаго степного художника, съ букетомъ живописныхъ, широколистыхъ сѣрыхъ степныхъ колючекъ, между которыми ярко алѣли маки. Съ буфета зорко и грозно смотрѣло внизъ чучело огромнаго орла, охотничій трофей Батурина.

Елена вошла въ комнату, свѣжая, благоухающая, улыбающаяся. Въ короткой дорожной юбкѣ и простенькой англійской блузкѣ, съ волосами, скромно и кокетливо причесанными на рядокъ, гибкая и стройная, она казалась чуть ли не дѣвочкой, подросткомъ. Трудно было подумать, глядя на нее, что она уже семь лѣтъ замужемъ.

Батуринъ говорилъ ей это, пока она разсматривала божковъ и уродцевъ, и колючки, и маки въ мѣдной вазѣ.

— Удивительно, какая ты молодая и гибкая... Вотъ вѣдь тебя мучатъ какія-то хвори, тебѣ приходится ѣздить такъ часто и подолгу лечиться, а какъ хорошо ты выглядишь... Посмотри

на себя—какая ты упругая, сильная и крѣпкая. Это оттого, навѣрное, что у тебя нѣтъ дѣтей...

— Ты думаешь оттого?... А скажи, Микъ, правда ли это, что женщины, которыя имѣютъ многихъ мужчинъ, становятся очень быстро обрюзгшими, дряблыми?...

Батуринъ засмѣялся. — Почему это пришло тебѣ въ голову? Не знаю... Вѣроятно, да...

Елена на цыпочкахъ, крадучись, подошла къ нему, пригнула къ себѣ его голову и шепнула ему на ухо быстрой скороговоркой:—А у меня одинъ вотъ этотъ Мишукъ... Вотъ отчего...

Быстро поцѣловала его ухо, отскочила, смѣясь,—и поскользнулась. Нѣсколько розъ упали на полъ, когда Батуринъ давеча швырнулъ ихъ въ корзину. Елена наступила теперь на одну изъ нихъ. Нагнулась и подняла сломанные и смятые цвѣты.

— Какіе чудные цвѣты! Кто это такъ варварски растрепалъ ихъ, изломалъ, разбросалъ?..

— Я...—Батуринъ разсказалъ ей о „стезѣ, усыпанной цвѣтами", о лютнѣ Израфеля, о непосланномъ ей письмѣ.

— Гдѣ оно?... Дай мнѣ прочесть!

Они прошли въ кабинетъ. Батуринъ сѣлъ въ кресло, досталъ изъ ящика письмо и далъ ей. Она взобралась на столъ и стала читать, обхвативъ правой рукой голову Батурина и ероша ему волосы.

— Поэтъ ты мой!.. Дай, я поцѣлую твои красивыя сердитыя брови... Отчего же ты не послалъ мнѣ этого письма? Ахъ, Микъ, Микъ! Вотъ ты можешь быть и ласковымъ, и даже нѣжнымъ. Почему же ты какъ будто стыдишься этого, ходишь всегда въ какой-то бронѣ сдержанности, холодности и даже пренебрежительности... Суровый рыцарь! Имѣйте въ виду, что люди, а женщины въ особенности, никогда не прощаютъ этого, и мстятъ, какъ умѣютъ мстить только женщины... Вотъ ты говоришь здѣсь въ письмѣ о морѣ, о травинкѣ подъ моими ногами на морскомъ пескѣ. А когда я звала тебя въ прошломъ году пріѣхать туда ко мнѣ на море, ты не пріѣхалъ! Какъ я умоляла тебя, какъ ждала, какъ тосковала по тебѣ—нѣтъ!—ты отвѣтилъ, что тебѣ некогда... Ахъ, Микъ! Какъ хороши тамъ ночи, теплыя, свѣжія, благоухающія!.. Пахнутъ магноліи, чуть плещется море, горитъ луна... Мы сидѣли бы съ тобой подолгу гдѣ-нибудь въ глуши парка, надъ моремъ... Еслибы ты зналъ, какъ я скучала, какъ противны были мнѣ эти франты и мальчишки, которые увивались тамъ около меня, какъ тяжело мнѣ было съ ними, какъ я была одинока... Они надоѣдали мнѣ своими ухаживаніями... А тотъ, о комъ и дни, и

ночи думала я, кого надѣялась увидѣть наконецъ въ толпѣ, сходящей съ парохода, который я каждый день ѣздила напрасно встрѣчать, тотъ не нашелъ нужнымъ пріѣхать!...

— Ты неправа, Ленокъ... Я не поѣхалъ не потому, что не хотѣлъ, а потому, что *не могъ*. Ты знаешь, что прошлымъ лѣтомъ мы заканчивали работы на перепрудахъ Большой Плотины, и бросить ихъ я не могъ ни на одинъ день, а замѣниться было некѣмъ. И можетъ-быть не знаешь, что когда ты слушала сладкія рѣчи твоихъ поклонниковъ тамъ, подъ благоухающими магноліями, на берегу нѣжно плещущаго моря, — я тонулъ здѣсь въ бурю на рѣкѣ, когда пришлось выручать изъ бѣды караванъ нашихъ баржей съ камнемъ,—меня ранило обрушившимися лѣсами,—меня едва не убили взбунтовавшіеся землекопы!..

— Я въ первый разъ слышу обо всемъ этомъ! Ты мнѣ ничего не говорилъ и не писалъ...

— О многомъ я ничего не говорилъ тебѣ, сердце мое... Сегодня, если хочешь, буду. Пойдемъ въ столовую, я разскажу тебѣ о землекопахъ...

Они вернулись въ столовую и сѣли за столъ. Батуринъ пододвинулъ Еленѣ кушанья и налилъ ей и себѣ вина.

— За твое здоровье! Кушай пожалуйста! Ты не очень устала, не очень хочешь спать? Тогда слушай, я буду разсказывать.

...Видишь ли, мы строили тутъ въ прошломъ году водосборныя галлереи. Между прочимъ надо было ставить опускные колодцы. Сейчасъ я объясню, что это такое: — изъ досокъ или брусковъ вбивается на землѣ плоское кольцо и обшивается по краю ножемъ изъ тонкихъ листовъ и уголковъ желѣза, смотрящихъ внизъ. На кольцѣ начинаютъ вести кладку стѣнъ колодца, а изъ-подъ кольца и ножа осторожно выбираютъ землю, работая изнутри, внутри колодца. Вотъ колодецъ постепенно, подъ тяжестью своихъ постепенно ростущихъ стѣнъ и уходитъ въ землю. Пока земля сухая, работа очень проста. Но когда въ грунтѣ показывается вода, рабочимъ, выбирающимъ землю изъ колодца, приходится работать увязая въ грязи. Когда человѣку становится совершенно невозможно работать, приходится вычерпывать разжиженный грунтъ машинами. Вотъ намъ и пришлось дѣлать въ грунтѣ, пропитанномъ водой, нѣсколько такихъ колодцевъ и нѣсколько галлерей, гдѣ рабочимъ-землекопамъ приходилось простаивать цѣлые дни по колѣно въ водѣ и грязи. За это они получали сорокъ копѣекъ въ день. Платить больше

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

я не могъ, кредиты были въ обрѣзъ, да и цѣна рабочихъ рукъ устанавливается вѣдь почти сама собой... Они, понятно, были недовольны, роптали... Ты знаешь, какое тревожное было время и вообще-то... Я ждалъ какого-нибудь происшествія — и дождался.

Разъ поздно вечеромъ я занимался у себя въ конторѣ. Отпустилъ служащихъ и остался одинъ, работалъ въ чертежной надъ какимъ-то проектомъ. Было уже очень поздно, когда ко мнѣ въ чертежную неожиданно ввалилась ватага рабочихъ съ водосборниковъ. Человѣкъ тридцать набилось въ комнату. Остальные запрудили корридоръ. Меня прижали къ моему столу. Землекопы— грязные, оборванные, всклокоченные, „духовитые",—столпились около меня и, путаясь и перебивая другъ друга, стали безтолково говорить мнѣ то, что я великолѣпно зналъ и безъ нихъ— что они обносились и наголодались, что имъ ѣсть нечего и не на что справить одежду, что десятники дерутъ съ нихъ „пятачки", что они слѣпнутъ отъ грязи и лихорадки, что ноги у нихъ пухнутъ и гніютъ отъ стоянья въ водѣ, что они обросли грязью, что въ землянкахъ и баракахъ ихъ заѣли вши... Все сводилось къ старой пѣснѣ—увеличить плату, почистить бараки, построить новые, разрѣшить имъ пользоваться казенной баней, построить спеціальную для нихъ, командировать имъ особаго фельдшера, выдавать казенныя лекарства, выдавать казенную одежду, сапоги и такъ далѣе... На все это нужны были деньги, а ихъ-то въ моемъ распоряженіи и не было. Я крутился и такъ и сякъ, старался урезонить и успокоить ихъ, внимательно прислушивался къ угрожающему бормотанью и выкрикамъ въ заднихъ рядахъ, и къ гулу, доносившемуся со двора, откуда жались къ окнамъ рабочіе, не попавшіе изъ-за тѣсноты внутрь... Толпа глухо гудѣла, настроеніе ея замѣтно повышалось, положеніе становилось серьезнымъ. Я былъ одинъ, позвать на помощь было некого и невозможно. Взлѣзъ и сѣлъ на свой высокій чертежный столъ и машинально взялъ изъ готовальни большой циркуль. Вертѣлъ передъ собой его отточенное трехгранное остріе и съ тревогой присматривался къ лицамъ, начинавшимъ уже звѣрѣть; замѣтилъ, что въ толпѣ много пьяныхъ... Они горланили громче всѣхъ. Причину всѣхъ бѣдъ землекопы видѣли, конечно, во мнѣ: вѣдь я былъ начальникъ работъ! И свое озлобленіе направляли на меня. Толпа волновалась и угрожающе гудѣла и рычала:

— Живьемъ ты насъ гноишь! Кровь ты нашу пьешь! Мало вы насъ въ Манчжуріи уложили!...

Я приподнялся на своемъ сидѣньи, размахивая циркулемъ.

— Эй, послушайте! Если вы хотите, чтобы мы договорились до чего-нибудь, такъ говорите дѣло, а ерунду бросьте! Съ разною тамъ кровью и Манчжуріями вы спрячьтесь! Не я сочинилъ баръ и голоштанниковъ, не я виноватъ въ томъ, что вы—чернорабочіе, а я—инженеръ! Повѣрьте, что если бы я былъ колдунъ и могъ бы вотъ такъ, дунувъ и плюнувъ, сдѣлать васъ богатыми панами, — обязательно бы это сдѣлалъ, мнѣ не жалко, пануйте себѣ на здоровье! А пока что, я дѣлаю для васъ, что могу, и вы это знаете. И еслибы вы хотѣли просить прибавки, переговорить со мной о чемъ, то могли бы прислать ко мнѣ двухъ-трехъ выборныхъ, а не вваливаться сюда гуртомъ, пьяными, орать и безобразничать здѣсь! Это свинство! И на это одинъ отвѣтъ—вонъ съ работы! Завтра же на ваше мѣсто станутъ другіе!..

— Какъ же, держи карманъ! Такъ мы ихъ и пустили! Вотъ пойдемъ мы сейчасъ по работамъ, да по вашимъ домамъ, да поразломаемъ, да сожжемъ все, вотъ и будетъ тебѣ—„вонъ съ работы"!..

— А на это я вамъ заявляю, что сейчасъ здѣсь будутъ казаки! Они уже вызваны и ѣдутъ сюда! Уходите же по добру по здорову, пока цѣлы!..

Я вралъ напропалую — никакіе казаки не были вызваны и не ѣхали къ намъ...

— А вотъ до казаковъ-то мы ребра тебѣ пересчитаемъ, а тамъ видно будетъ! Бей его, ребята, что съ нимъ разговаривать!.. Видали мы, какъ изъ вашего брата кишки мотаютъ, свѣтлыя пуговицы!..

Тонкій, пронзительный голосъ выдѣлился изъ толпы, покрывъ на мгновеніе крики и ревъ. Это вопилъ пьяный Одокій, плюгавый и шершавый мужиченко, забитый, запуганный, безпричинно трепещущій и слезливый въ обыкновенное время. Теперь онъ, что называется, вошелъ въ ражъ, лѣзъ на стѣну.

— А у меня, въ колодцѣ-то работамши, въ водѣ-то стоямши—черви въ ногахъ завелись! Заживо меня червямъ скормилъ! Пустить-ко меня къ нему! Дай-ко, ему ноги мои покажу! Дай-ть-ко, я ему горло перерву, прежде чѣмъ подохну!!

Толпа гудѣла:—Иди, иди!

Дѣло близилось къ развязкѣ. Что я не передумалъ тутъ, стараясь изобрѣсти способъ выбраться изъ комнаты, добраться до телефона, позвать на помощь, убѣжать, спастись!.. И вдругъ въ головѣ мелькнула почему-то мысль о фразѣ, которою когда-то

довелъ меня до слезъ инспекторъ гимназіи, когда я, еще гимназистъ-первоклассникъ, расшалился въ классѣ такъ, что не было со мной никакого сладу. И я почему-то рѣшилъ, куда ни шло, примѣнить ее теперь къ Одокію...

— Бить меня хотите? Сдѣлайте одолженіе! Только имѣйте въ виду, что ничего этимъ не добьетесь, кромѣ каторги!.. А пока пустите-ка сюда Одокія, больно онъ что-то хорохорится!

— Иди, Одокій, иди до начальника!

Толпа немного разступилась около меня. На освободившееся мѣсто вытолкнули Одокія. Всѣ примолкли и съ любопытствомъ смотрѣли на него, ждали, что онъ сдѣлаетъ. Одокій опѣшилъ и растерялся, весь его пылъ пропалъ. Онъ стоялъ теперь передо мной, снявъ шапку и сконфуженно осклабясь, маленькій, корявый, слюнявый...

— Вотъ что я хочу спросить тебя, Одокій, — началъ я, отчеканивая каждый слогъ:—ты *купался въ рѣкѣ?*

Одокій остолбенѣлъ отъ неожиданности и недоумѣнія. Чуялъ какой-то подвохъ, и не могъ понять, гдѣ онъ? чего отъ него хотятъ? Испуганно заморгалъ и зашморгалъ носомъ.

— Ку-упався...

— Такъ какъ же тебя, харю этакую, *раки не съѣли*?!—я щелкнулъ пальцами передъ его носомъ.

Эффектъ получился потрясающій. Одокій разомъ скисъ, что называется, захныкалъ и заголосилъ, громко всхлипывая по-бабьи. Толпа ухнула и загоготала...

— Ха, ха! Одокій? А? Какъ же оно? Какъ же ты такъ промахнулся! А?!...

Сраженіе было неожиданно выиграно... Надо было спѣшить использовать побѣду. Я соскочилъ на полъ.

— Посторонись, дай дорогу!...

Хохочущіе люди разступились, и я прошелъ къ выходу, находу бросая имъ послѣднія фразы, теперь уже *приказанія:*

— Маршъ живо въ бараки! Завтра безъ разговоровъ на работу! Тѣмъ, кто въ колодцахъ и на галлереяхъ — завтра затребую сапоги... Если работа будетъ идти хорошо, получите съ той недѣли по пятаку прибавки! Объ остальномъ подумаемъ... Посторонись!!...

— Покорно благодаримъ!—Спасибо, господинъ начальникъ!..

Я схватилъ фуражку и вышелъ на улицу. У калитки стояли два жандарма, вызванные со станціи перепуганнымъ разсыльнымъ, и шепотомъ разспрашивали его о томъ, что происходитъ, но дипломатично не торопились идти въ контору...

На этомъ исторія съ землекопами не кончилась. Оказалось, я напророчилъ Одокію „раковъ". Вскорѣ послѣ происшествія въ конторѣ я перевелъ его съ колодцевъ на перепруды Большой Плотины. И здѣсь онъ упалъ въ воду вмѣстѣ съ оползнемъ земли. А сверху его прикрыло рухнувшими вслѣдъ за оползнемъ камнями и фашинами. Такъ онъ и остался тамъ гдѣ-то на днѣ...

Говорятъ, что плотина поэтому будетъ стоять крѣпко. Старое повѣрье о человѣческихъ костяхъ... И еще говорятъ, что въ лѣтнія лунныя ночи Одокій вылѣзаетъ изъ воды и стоитъ на верху плотины, опираясь на лопату, бѣлый и прозрачный... Стоитъ и ждетъ чего-то...

Я лично не сподобился его видѣть ни разу, хотя часто бывалъ на плотинѣ въ лунныя ночи...

Елена сидѣла задумавшись и полузакрывъ глаза. Медленно пила вино. Потомъ встала и подошла къ окну.

— Луна свѣтитъ во всю!.. Это далеко, эта плотина?.. Не особенно?.. Микъ, поѣдемъ, милый, туда, можетъ-быть *увидимъ!* Поѣдемъ, Мишукъ!

Она подбѣжала и стала ласкаться къ Батурину.

— Вотъ, признаюсь, никакъ не ожидалъ такой фантазіи! Да стоитъ ли ѣхать? Тамъ, на плотинѣ, сыро ночью, кругомъ болота... Можетъ-быть останемся, а? Впрочемъ, какъ хочешь... Изволь, съѣздимъ, провѣримъ, кстати, сторожей на пристани и угольной станціи. Поѣдемъ на маленькой моторной дрезинѣ, я ее какъ разъ только вчера получилъ изъ починки. Путь теперь свободенъ, поѣздъ съ пристани уже давно прошелъ... Ты не боишься ѣхать на дрезинѣ?

Батуринъ позвонилъ и приказалъ татарину-слугѣ сходить въ казарму и приказать вывести дрезину на пристанской путь. Черезъ нѣсколько минутъ тотъ вернулся:

— Дрезина готова, баринъ.

— Хорошо, Мусса. Запри домъ, потуши огонь и ложись спать. Ступай.

Мусса ушелъ.

— Ѣдемъ?.. Только возьму сейчасъ на всякій случай походный фонарикъ...

— Ѣдемъ! А я возьму свой мѣшочекъ.

Кто-то стукнулъ въ окно. Елена вздрогнула. Задребезжало желѣзо подоконника, заскрипѣло стекло, словно кто-то царапалъ его; послышался заунывный вой. Батуринъ подошелъ къ окну и посмотрѣлъ наружу.

— Это Рокъ окаянный, моя собака! Какъ эти песьи сердца мятутся въ лунныя ночи! То ему зачѣмъ-то понадобилось въ окно ломиться, а сейчасъ слышишь, какъ воетъ?—Онъ открылъ окно.

— Тубо, Рокъ! Что съ тобой, старикъ?...—Рокъ замолчалъ.

— Ну, ѣдемъ. Ты готова?

Они прошли полемъ къ боковому пути, гдѣ ждалъ ихъ рабочій съ дрезиною. Батуринъ отпустилъ рабочаго и помогъ Еленѣ взобраться на скамейку дрезины. Сѣлъ самъ и пустилъ машину въ ходъ. Дрезина быстро покатилась по рельсамъ мимо спящихъ домовъ, пакгаузовъ и запасныхъ путей, заставленныхъ вагонами.

Мелькнули огоньки послѣднихъ стрѣлокъ. Путь вышелъ въ степь, отклонился отъ главнаго и стрѣлою потянулся вдаль. Вдоль него убѣгала вдаль безконечная шеренга столбовъ, выкрашенныхъ въ красную краску, съ черными перекладинами наверху. Елена внимательно приглядывалась къ нимъ.

— Замедли, пожалуйста, ходъ... Хорошо, спасибо... Послушай, Микъ... Что это за странные столбы? На нихъ нарисована какая-то гадость—черепа, скелеты...

— И этотъ безконечный рядъ крестовъ съ эмблемами смерти вызываетъ въ твоемъ воображеніи мысль о дорогѣ между Капуей и Римомъ, вдоль которой были распяты на крестахъ шесть тысячъ рабовъ послѣ подавленія возстанія Спартака,—не такъ ли? И мнѣ приходила въ голову мысль объ этомъ страшномъ крестномъ пути, когда я видѣлъ въ прошломъ году, какъ на этихъ столбахъ корчились умирающіе люди... Видишь ли, по этимъ перекладинамъ идутъ мѣдные провода тока высокаго напряженія. По нимъ энергія передается съ нашей центральной станціи на пристани, заводы, водокачки, мастерскія и т. д. Въ первое время послѣ ихъ подвѣски ихъ преисправно крали. Тутъ по рѣкѣ и по степи много всякой аховой публики, а мѣдь проводовъ стоитъ денегъ. Начала дѣйствовать станція, пустили по проводамъ токъ, но кражи все-таки не прекращались. Ловкачи ухитрялись срѣзать провода въ тѣ короткіе промежутки времени, когда станція почему-либо останавливалась. Иногда не успѣвали, или попадали неудачно — и тогда ихъ на проводахъ увѣчило, обжигало и убивало токомъ. Двоихъ такихъ при мнѣ сняли съ проводовъ. Оба оказались туземцы, мѣстные конокрады... Тогда мнѣ пришло въ голову попытаться испробовать то, что въ такомъ же случаѣ сдѣлали нѣмцы гдѣ-то въ какомъ-то Камерунѣ или Зулуландѣ. Я послалъ маляровъ изобра-

зить на столбахъ „*смерть*“, и они поусердствовали и намалевали вотъ эти Адамовы головы, скелеты съ косами, чертей и всякую нечисть, которую ты видишь. И сотворилось чудо—кражи прекратились! Суевѣрныя дѣти степи, изъ-за куска мѣдной проволоки, которую продавали потомъ скупщикамъ краденаго за двѣ копѣйки или мерзавчикъ водки, не боявшіяся раньше лѣзть на столбы на вѣрную смерть,—теперь боялись даже подходить къ столбамъ. Ихъ пугала *нарисованная* „смерть“...

Батуринъ повернулъ рычагъ и снова увеличилъ ходъ дрезины.

— Хочешь слушать еще разные страхи? Смотри,—видишь вонъ тамъ, на бѣломъ косогорѣ, такъ ярко освѣщенномъ луной, одинокая и мрачная группа деревьевъ? Это сосны. Кромѣ этихъ, тутъ на много десятковъ и даже сотенъ верстъ кругомъ нѣтъ нигдѣ ни одной сосны. Понятно, что около этихъ диковинныхъ деревьевъ съ сухой, потрескавшейся корой, плачущихъ прозрачными янтарными слезами, съ колючими, сухими иглами вмѣсто листьевъ, сложился цѣлый рядъ легендъ. Про нихъ говорятъ, что они стали такими, потому что прокляты. Раньше и они были деревья какъ деревья, со свѣжей корой и сочной зеленой листвой. Потомъ она засохла у нихъ и превратилась въ колючки въ наказаніе за участіе ихъ въ зломъ, неправомъ дѣлѣ: въ стародавнія времена, когда добрая воля деревьевъ и людей была почти равносильна, они отдали свои вѣтви какому-то разбойнику или хану, и тотъ повѣсилъ на нихъ много людей, и стариковъ, и женщинъ, и дѣтей, цѣлыя семьи, чѣмъ-то ему не угодившія. За это они были прокляты. И вотъ съ тѣхъ поръ потеряли свою листву. И солнцу повелѣно безъ пощады жечь ихъ; кора ихъ накаляется, какъ желѣзо въ горнѣ, дымится и лопается отъ жары, и сквозь нее каплями сочится желтая, смолистая кровь деревьевъ...

...А вотъ тамъ внизу изъ-подъ обрыва, къ которому мы приближаемся, видишь—блестятъ проплесы рѣки, а надъ нею чернѣетъ вонъ тамъ вдали крутой, высокій мысъ? Тамъ наверху, на самой кручѣ, высится съ незапамятныхъ временъ огромный черный крестъ, срубленный изъ стариннаго, потемнѣвшаго дуба. По нему и обрывъ называется—Крестовымъ Яромъ, яромъ Чернаго Креста. Говорятъ, что подъ этимъ крестомъ похороненъ добрый молодецъ, бросившійся съ кручи внизъ вмѣстѣ съ тройкой лихихъ коней. Это говорятъ здѣсь, впрочемъ, про многія береговыя могилы... Какъ бы то ни было, это повѣрье мнѣ по крайней мѣрѣ нравится, говоритъ многое. Въ немъ есть и бурное, лютое горе, и дикая степная удаль. По пьяному ли дѣлу ухнула подъ обрывъ разудалая головушка, или не снесла тоски-разлуки съ

милой,—я люблю этотъ обрывъ, этотъ старый крестъ; часто ѣзжу туда, когда катаюсь верхомъ, стою на моемъ На́лѣ надъ кручей и поминаю загубленную тамъ грѣшную, буйную душу...

Батуринъ нагнулся къ уху притихшей Елены и быстро и тихо прошепталъ ей:

— Вотъ если ты обманешь меня, разлюбишь меня, оттолкнешь меня, насмѣешься надо мною,—я поѣду туда, привяжу Наля къ кресту, а самъ, перекрестясь, прыгну съ кручи внизъ головою...

Елена чуть-чуть вздрогнула, закрыла ему ротъ рукою и прижалась щекою къ его щекѣ.

Путь шелъ теперь вдоль края обрыва. Далеко внизу подъ нимъ раскинулись щетинистыя поросли ивняка, между которыми тускло блестѣли и курились кое-гдѣ бѣлыми столбами тумана маленькія озерца, болотца и мокрые ерики. Изъ-подъ обрыва мощно выдвигалось впередъ и смѣлой, упругой дугой уходило вдаль огромное земляное тѣло Большой Плотины, упиравшееся вдали, за двумя пересыпанными протоками рѣки, въ гигантскую черную яму выемки, прорѣзанной въ холмѣ другого, островного берега. Батуринъ остановилъ дрезину.

— Вотъ и плотина! Видишь? Вся какъ на ладони! Вонъ тамъ, гдѣ блеститъ вода, тамъ и погибъ Одокій. Черная щель, въ которую упирается плотина за перепрудами, — это выемка. По ней путь проходитъ къ пристани и угольной станціи. Сейчасъ мы начнемъ спускаться къ плотинѣ, полетимъ такъ, что только держись! Вотъ только осмотрю на всякій случай тормазъ и передачу...

Батуринъ слѣзъ, зажегъ свой фонарикъ и сталъ осматривать машину. Елена тоже спрыгнула съ дрезины.

— Дай-ка, я посвѣчу тебѣ, мастеровой!...

Она взяла фонарикъ и, наклонившись, свѣтила Батурину.

— Спасибо, не надо; оказывается, видно и такъ. Луна сегодня прямо какая-то невѣроятная.

Онъ досталъ ключъ и сталъ подтягивать и мѣнять болты. Елена подняла фонарикъ надъ головой и, изображая Ночь или Селену, медленно пошла по обрыву надъ кручей, казавшейся бездонной отъ черной падающей тѣни.

Она сѣла на краю обрыва, поставила на землю фонарикъ, положила около свою сумочку и, держась руками за траву, заглянула съ обрыва внизъ.

— Ухъ, страшно! Микъ, это ты, кажется, говорилъ, что поиграть съ опасностью, побродить по краю пропасти, испы-

тать, какъ она тянетъ къ себѣ—одно изъ самыхъ стильныхъ, красивыхъ наслажденій?

Батуринъ стучалъ у дрезины молоткомъ и ключемъ.

— Не помню, не знаю... Ты, однако, пожалуйста не увлекайся этимъ стильнымъ наслажденіемъ. Сорвешься—разобьешься вдребезги...

— Ничего! А если и сорвусь—ты виноватъ будешь, зачѣмъ научилъ...

Она достала изъ сумочки какіе-то листки и разсматривала ихъ при свѣтѣ фонарика, развалясь на землѣ и болтая ногами надъ кручей.

— Да, да, это ты говорилъ... Много ты еще говорилъ разныхъ разностей, я помню! Что любовь, напримѣръ—рѣдко счастье и радость, а чаще всего ярмо, проклятіе, тормазъ, который вяжетъ силы и волю людей и мѣшаетъ имъ работать... Ты говорилъ, что жизнь — это „странный манускриптъ, гдѣ настоящее неясно въ половину". Говорилъ про „вечерніе огни", про „старика, пришедшаго вечеромъ съ работы и устало сидящаго у своего стола"... Говорилъ, что морщинистыя, дрожащія руки его разскажутъ душѣ больше, чѣмъ двадцать симфоній и поэмъ и милліонъ любовныхъ писемъ. Говорилъ, что жизнь серьезна и отвѣтственна, что ея радости мелки и пошлы въ сравненіи съ ея несправедливостями и горемъ... Говорилъ о красотѣ и холодѣ какихъ-то альпійскихъ вершинъ...

Она замолчала и, улыбаясь, читала листки, повидимому какое-то письмо, легши на землю навзничь и придвинувъ къ себѣ фонарикъ.

— Хочешь послушать, что̀ говорятъ другіе? — „*Живите, смѣлѣй воруйте счастье, гдѣ можно, только умно, увлекайтесь и пусть васъ больше и больше любятъ. Въ этомъ счастье и поэзія молодости, а ея такъ мало. Фейерверкъ лучше ночника!*"

Батуринъ давно уже пристально смотрѣлъ издали на Елену, на лицо ея и листки, которые она читала, черезъ силу заставляя себя стучать молоткомъ и загонять на мѣсто болты. Руки его дрожали мелкою нервною дрожью.

— О, это великолѣпно, восхитительно! Глубина мысли необычайная, стиль — прямо божественный! И это „воруйте", и этотъ „ночникъ" съ „фейерверкомъ",—это шедевры! Тамъ еще много такихъ перловъ?... Дай почитать... для образованности...

Елена сложила письмо, спрятала его въ сумочку и встала.

— Ну, вотъ еще! Хватитъ съ тебя и этого... Что̀ ты ворожишь тамъ такъ долго съ машиной? Смотри, еще испортишь что-нибудь! Скоро поѣдемъ?

— Готово. Садись! Ѣдемъ...

Дрезина рванулась съ мѣста и, описывая огромную дугу, покатилась внизъ на плотину. Съ рѣки и займищъ пахнуло сыростью. Въ камышѣ захрипѣла и ухнула выпь. Вздрогнула болотная трава. Пролетѣлъ жалобный и протяжный свистъ змѣи...

— Что же ты замолчалъ? Разскажи что-нибудь...

Батуринъ молчалъ и хотя смотрѣлъ прямо передъ собой, но видѣлъ только одно: сумочку Елены...

— Михаилъ, да что съ тобой? Чего ты надулся?

Батуринъ продолжалъ упорно смотрѣть впередъ. Бросилъ глухимъ, измѣнившимся голосомъ:

— Дай письмо...

Елена посмотрѣла на него и отодвинулась къ краю скамейки.

— Увѣряю тебя, что въ немъ нѣтъ ничего интереснаго... Это отъ одного изъ влюбленныхъ въ меня мальчишекъ, глупая, дѣтская болтовня и ничего больше. Я съ удовольствіемъ дала бы тебѣ его прочесть, но я обѣщала никому не показывать его. Неужели ты хочешь заставить меня нарушить слово? Послушай, Микъ, это прямо смѣшно!... Я не узнаю тебя...

— Дай письмо... Если нельзя читать, я не буду... Я хочу только посмотрѣть почеркъ... отъ кого это...

Онъ нагнулся и рѣзкимъ движеніемъ перекинулъ приводъ на полный ходъ. Дрезина, дребезжа, полетѣла по плотинѣ. Елена поблѣднѣла, выхватила письмо изъ сумки и начала торопливо рвать его. Батуринъ схватилъ ее за руки и сталъ молча и сосредоточенно ломать ей пальцы и вырывать у нея клочки бумаги, въ дикомъ страхѣ, что она успѣетъ разбросать ихъ... Она отчаянно сопротивлялась. Дрезина летѣла.

— Михаилъ, ты съ ума сошелъ!.. Это насиліе!.. Пусти!.. Пусти, говорю тебѣ!.. Отдай сейчасъ же письмо!!. Хорошо, значитъ это конецъ, разрывъ, и навсегда... Слышишь? Клянусь тебѣ!!...

Батуринъ не выпускалъ ея рукъ и молча, тяжело дыша, вырывалъ у нея клочки бумаги одинъ за другимъ и совалъ ихъ себѣ въ карманъ. Дрезина пролетѣла полосу тумана — первую перепруду—и быстро приближалась къ черному устью выемки. Неожиданно въ ней блеснулъ огонь и гулко рявкнулъ свистокъ паровоза. Оттуда летѣлъ на встрѣчу дрезинѣ поѣздъ, запоздавшій на пристани. Елена увидѣла его, вскочила и закричала, дико, отчаянно, пронзительно... Потомъ опять упала на скамью. Батуринъ изъ всей силы навалился на педаль тормаза, забывъ въ суматохѣ остановить двигатель машины... Пахнуло ѣдкимъ ды-

Батуринъ сидѣлъ въ креслѣ, согнувшись, и снова и снова перечитывалъ письмо. Голова кружилась, все тѣло ныло, ныло отъ страшной, острой, физической боли обиды, горя, дикихъ, мучительныхъ сожалѣній...

— Но галченокъ бывалый, стрѣляный... Въ письмѣ (очевидно и въ пріемахъ „атаки“ тоже!) есть стиль... и яхта, и море, и слѣдъ маленькой ножки въ пыли, и кровь зажигающія ночи, и стрекотанье цикадъ, и „грудки“... Но эта „дама съ авансами“, это „запилъ съ горя“ и этотъ „ужасный кашель и адскія боли въ легкихъ“ — это уже по щенячьи! И наконецъ это безподобное „*воруйте* счастье, только *умно*“!... Неотразимый Димочка, я боюсь, что вы ошиблись здѣсь позою... Можетъ-быть эффектнѣе было бы сказать этакъ гордо: — „идите смѣло къ своему счастью, съ открытымъ лицомъ и поднятымъ забраломъ, и берите его смѣло!“ Можетъ быть *умно* воруютъ только — скажемъ — „куку въ руку“, носовые платки, да двугривенные изъ кармановъ, да еще когда „стригутъ пижоновъ“ — передергиваютъ краплеными картами?.. Можетъ-быть „счастье“, къ которому примѣняются такія рискованныя сентенціи, смахиваетъ на мелкое дрянцо, которое трусливо прячутъ за чьей-нибудь спиной, воровато оглядываясь... Пожалуй тутъ сногсшибательнаго фейерверка и не дождешься?... Спасибо, если и ночничекъ умненько покоптитъ на скорую руку!...

Батуринъ глубоко откинулся въ кресло.

— Эхъ вы, „вѣнки изъ каждаго цвѣтка“, эстеты „истинныхъ плодовъ желаній“! Посмотрите-ка, не торчитъ ли у васъ слишкомъ аляповато изъ рукава крапленая колода... и еще кое-что?!...

И Батуринъ вспомнилъ публику дорогихъ курортовъ, гдѣ ему приходилось бывать, — ограниченную, разряженную, праздную, изнывающую отъ скуки и бездѣлья и жадно бросающуюся на первый подвернувшійся романъ, на флиртъ съ первымъ встрѣчнымъ. Сталъ припоминать бѣглыя фразы изъ писемъ и разсказовъ Елены о прошломъ лѣтѣ, о „мальчишкахъ“, которые такъ смѣшили и злили ее своими ухаживаніями, съ которыми она такъ скучала, бѣдная, одинокая, поджидающая его... и неясныя разрозненныя детали сомкнулись теперь въ ясную, законченную картину...

Вотъ расположенныя террасами одна надъ другой богатыя дачи, принадлежащія отцу Димы. Дима живетъ въ комнатѣ наверху. Къ нему ведетъ отдѣльная лѣстница, отдѣльный ходъ. Маленькая продолговатая комната, съ балкономъ и клумбами

цвѣтовъ подъ окнами... Рисунки, этюды и подмалевки на стѣнахъ... Человѣческій черепъ на столѣ... „Неотразимый“ сочинилъ про этотъ черепъ цѣлую легенду—будто какой-то пріятель завѣщалъ его ему, умирая. Убогая кровать...

„*Хотите винограду!!*“...

Батуринъ вскочилъ съ мѣста и съ бѣшенствомъ швырнулъ черезъ комнату бронзовый ножъ для разрѣзыванія бумаги. Тяжелый клинокъ ударился объ изразцы камина и, отразившись, сшибъ съ полки камина вазу съ искусственными маками и гипсовую статуэтку коннаго скиѳа. Батуринъ съ проклятіями бѣгалъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ. Уродливыя черныя маски японскихъ латъ съ злобной улыбкой смотрѣли на него со стѣны, изъ-за ружей, мечей, рапиръ и сабель, развѣшанныхъ на коврѣ надъ диваномъ.

— Что это за „виноградъ“? Что̀ обозначаетъ, что̀ *должна* обозначать эта фраза? Ясно, ясно—что̀: какую-то памятную имъ деталь ихъ сладострастія!..

Мозгъ Батурина бѣшено работалъ. Память подсказывала все новое и новое—оттѣнки во взглядахъ и выраженіи лица Елены, когда она смотрѣла на красивыхъ, крѣпкихъ мужчинъ на улицѣ, въ театрѣ, въ циркѣ. Фразы, намеки и цѣлыя легенды, которыя не разъ и давно уже долетали до его ушей и въ которыхъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ трепалось ея имя. Раньше онъ не придавалъ этимъ росказнямъ никакого значенія—такой дикой, такой нелѣпо невозможной казалась ему вся эта грязь въ примѣненіи къ чистому, ослѣпительному, поэтическому облику Елены... Теперь все представилось ему совершенно инымъ. Вспомнилось многое и *многіе*... и разрозненные слухи, слова, жесты, совпаденія, ея поступки соединились теперь, неумолимо ясно, неумолимо послѣдовательно, въ несомнѣнную, отчетливую цѣпь, въ которой и онъ былъ однимъ изъ звеньевъ, но далеко, далеко не первымъ и не послѣднимъ!... Сколько же ихъ, этихъ „звеньевъ“?...

Батуринъ взялъ листочекъ бумаги и сталъ писать фамиліи: одинъ, два... пять, десять, *четырнадцать!*

Онъ скомкалъ листокъ и бросилъ его въ корзину. Взялъ красный карандашъ и крупными буквами написалъ на самомъ большомъ изъ обрывковъ письма Димы девизъ, который Андреа Сперелли въ одномъ изъ романовъ Аннунціо посовѣтовалъ вышить на сорочкахъ Маріи Фортуна, кокоткѣ, у которой было „бѣлое тѣло, непрозрачной и глубокой бѣлизны, одно изъ тѣхъ неутомимыхъ тѣлъ, надъ которымъ Геркулесъ могъ бы совер-

шить свой любовный замыселъ, свой тринадцатый подвигъ, не услышавъ просьбы объ отдыхѣ":

— „Diu, saepe, fortiter" — долго, часто, сильно...

Потомъ скомкалъ клочки письма, бросилъ ихъ въ конвертъ, запечаталъ его и швырнулъ въ ящикъ стола. А самъ, обезсиленный, легъ на диванъ и неожиданно скоро заснулъ, злорадно улыбаясь въ полудремотѣ плану мести, который подсказывала ему безпокойная, не хотѣвшая спать, обида...

Рано утромъ Батурина разбудили звонки телефона, и онъ ушелъ въ контору, приказавъ дома не безпокоить и не будить Елену, и сказать ему, когда она проснется. Только въ первомъ часу Мусса позвонилъ ему изъ квартиры и сказалъ, что „барыня встала". Сама Елена подошла къ телефону и на вопросы Батурина о здоровьѣ отвѣтила, что чувствуетъ себя превосходно.

Батуринъ поторопился закончить въ конторѣ самое неотложное и ушелъ домой. Елена сидѣла на террасѣ въ качалкѣ и перелистывала какой-то журналъ. Батуринъ поцѣловалъ ей руку и сталъ разспрашивать ее объ ея ссадинахъ и ушибахъ.

— Ничего, все благополучно, все повидимому сущіе пустяки. Поѣду домой, въ Хоромашевъ, посижу нѣсколько дней въ комнатѣ и живо залѣчу все... Хорошо, что мужъ и Мурочка сейчасъ не дома, а въ Варзинскомъ. Не дурно было бы явиться къ нимъ въ такомъ видѣ, съ синяками и ссадинами!.. Скажи пожалуйста, когда ближайшій поѣздъ въ Хоромашевъ?.. Да,—и отдай мнѣ пожалуйста письмо...

— Поѣздъ въ четыре... А зачѣмъ тебѣ собственно ѣхать?.. Осталась бы здѣсь, твои раны заживутъ и здѣсь... Куда тебѣ спѣшить въ самомъ дѣлѣ? Не успѣла пріѣхать, и уже летишь...

Елена удивленно посмотрѣла на него.

— Я тебя не понимаю... Оставаться?.. Послѣ вчерашняго?.. Ты конечно прочелъ письмо?...

— Прочелъ...

— Такъ пожалуйста кончимъ поскорѣе: отдай мнѣ его. Больше оно тебѣ ни для чего не нужно... Ты добился своего... Я сожгу его вмѣстѣ вотъ съ этими...

Она достала изъ сумочки и стала рвать какія-то письма. Батуринъ узналъ свои.

На столѣ стояли самоваръ и чайный приборъ. Батуринъ подошелъ, налилъ себѣ стаканъ чаю и сталъ молча ходить съ нимъ по верандѣ, методично размѣшивая ложечкой сахаръ и искоса посматривая на Елену, которая медленно покачивалась

въ качалкѣ, глядя куда-то вверхъ и закинувъ руки подъ голову.

— Ты слышалъ, что̀ я сказала тебѣ?... Пожалуйста отдай мнѣ письмо...

— Къ величайшему моему сожалѣнію—не могу...

— Это еще что? Почему?

— Потому что у меня *нѣтъ его*...

Елена приподнялась въ качалкѣ и съ досадой пожала плечами.

— Послушай, это становится скучнымъ!... Брось пожалуйста эту комедію... Письмо не могло испариться, исчезнуть ни съ того, ни съ сего... Оно у тебя, и я прошу тебя вернуть мнѣ его. Ты долженъ, я думаю, это сдѣлать хотя бы изъ простой порядочности...

Батуринъ остановился у стѣны и кисло улыбался, упорно смотря въ свой чай и отпивая его маленькими глотками.

— Вотъ видишь ли... Что̀, бишь, я хотѣлъ сказать тебѣ?... Ахъ, да!... Въ Парижѣ, а съ легкой руки французовъ и у насъ въ Петербургѣ есть театръ „Гиньоль", театръ сильныхъ ощущеній... Тамъ изображаютъ всякіе ужасы — рѣжутъ, пытаютъ, выжигаютъ глаза, обливаютъ лица кислотой... Многія, особенно женщины, не выдерживаютъ этихъ сценъ и падаютъ въ обморокъ...

— Не понимаю, къ чему все это...

— Сейчасъ поймешь...

Батуринъ поставилъ свой стаканъ на столъ, вынулъ изъ кармана испанскую наваха̀ и съ трескомъ открылъ лезвее. У испанскихъ складныхъ ножей корень лезвея обдѣлывается зубчаткой, которая сухо и четко трещитъ при открываніи ножа, перескакивая по пружинной закрѣпкѣ. Елена вздрогнула и остановила качалку.

— Это что?...

— Это?... Это—наваха... Извини, я, кажется, испугалъ тебя ея трескомъ? Дѣйствительно, трещитъ здорово, словно курокъ у пистолета... Извиняюсь, что не предупредилъ... Я собственно хочу отрѣзать себѣ лимона...

Елена съ досадой и затаеннымъ страхомъ слѣдила за движеніями громаднаго ножа, которымъ Батуринъ утрированно спокойно рѣзалъ лимонъ... Отрѣзалъ ломтикъ, положилъ въ свой стаканъ и сталъ снова ходить съ нимъ по верандѣ...

— Такъ вотъ я говорю — многіе не выдерживаютъ, такъ что передъ самыми сильными сценами администрація театра проситъ обыкновенно тѣхъ, кто не надѣется на свои нервы,— покинуть залъ...

— Дальше...

— ...Покинуть залъ, говорю я,—тѣхъ, кто не можетъ выдержать... Мы съ тобой сейчасъ—*и администрація, и публика...*

Елена поблѣднѣла и поднялась съ качалки.

— Стой... Что̀ ты хочешь сдѣлать?...

— Сдѣлать? Ничего. Уже *сдѣлано?!...*

— Да что же, Господи-Боже ты мой!?...

— Приготовься!.. Приготовься къ самому худшему!..

Батуринъ забѣгалъ по верандѣ, какъ укушенный фалангой, проливая свой чай, стуча зубами о стаканъ и хрипло выкрикивая фразы:

— ...Я не спалъ всю ночь!.. Я читалъ это проклятое письмо, я сошелъ съ ума!... И потомъ...

— Ты...

— ...Ну да, да! Я отправилъ его съ ночнымъ почтовымъ поѣздомъ въ Варзинское, твоему мужу!!... Подчеркнулъ краснымъ тѣ мѣста, на которыя нужно обратить вниманіе—понимаешь?!—и послалъ заказнымъ!!...

Елена бросилась въ качалку, впилась пальцами въ ея ручки и неподвижными, широко раскрытыми глазами смотрѣла на Батурина.

— Ты сдѣлалъ это?!... *Ты могъ это сдѣлать?!...* Зачѣмъ ты это сдѣлалъ? Ну зачѣмъ? Къ чему эта... эта подлость?!...

Она не выдержала. Прижалась къ спинкѣ качалки и заплакала.

Батуринъ бѣгалъ по верандѣ и кричалъ хриплымъ, грубымъ голосомъ:

— Къ чему, зачѣмъ, почему?... Теперь ты спрашиваешь!... Развѣ я знаю! Развѣ ты не понимаешь, что послѣ этого письма мнѣ оставалось выбрать одно изъ двухъ: или вотъ этотъ ножъ, или... Да не въ томъ дѣло! Слушай ты тамъ! Теперь я самъ ужасаюсь тому, что̀ сдѣлалъ. Надо попытаться поправить какъ-нибудь дѣло, придумать что-нибудь, сдѣлать что-нибудь! И сейчасъ же! Завтра утромъ письмо будетъ въ рукахъ у Александра!

— Что̀ же можно теперь сдѣлать! Ничего! Ты хорошо разсчиталъ ударъ, хорошо, можешь радоваться!!... Унизилъ меня, растопталъ, выбросилъ на улицу,—ты знаешь, что я нищая, что если мужъ выгонитъ меня...

— Да успокойся ты, говорятъ тебѣ! Время идетъ, надо рѣшать сейчасъ же, что̀ дѣлать! Слушай! Мурочка въ Варзинскомъ? Ты хороша съ ней? Довѣряешь ей?—Телеграфируй ей, чтобы

она перехватила письмо... Синій конвертъ, адресъ написанъ отъ руки печатными буквами...

Елена спрыгнула съ качалки.

— Гдѣ телеграфъ? Идемъ, проводи меня!..

— Да зачѣмъ тебѣ самой идти? У меня есть бланки. Напиши, а Мусса отнесетъ на станцію...

— Нѣтъ, нѣтъ, я сама... Я не вѣрю больше, никому и ничему не вѣрю!

Она побѣжала въ свою комнату за шляпой. Батуринъ зашелъ въ кабинетъ и взялъ изъ стола конвертъ съ письмомъ.

Елена вернулась въ накидкѣ и шляпѣ съ вуалью.

— Идемъ, идемъ...

Она почти бѣжала. Батуринъ намѣренно отставалъ. У калитки она остановилась и нетерпѣливо оглянулась: Батуринъ остановился у клумбы цвѣтовъ и прилежно выдергивалъ изъ нея сорныя травы. Елена ждала его, дрожа и задыхаясь отъ негодованія...

— Послушайте! Если вамъ неугодно идти, можете не трудиться!... Но будьте добры указать мнѣ, по крайней мѣрѣ, дорогу...

— Что, мадамъ?... А вамъ собственно куда и зачѣмъ угодно идти, мадамъ?...

Онъ перешелъ отъ клумбы къ какому-то деревцу и сталъ поправлять ремешокъ, которымъ поддерживали деревцо два забитыхъ около него зеленыхъ садовыхъ кола.

Елена всплеснула руками.

— Михаилъ, Михаилъ! Я тебя окончательно не понимаю, не могу понять, не могу... Ты, ты...

— Да ты чего собственно убиваешься? Если изъ-за письма, такъ вотъ оно, на, возьми его, пожалуйста... Я совсѣмъ и позабылъ, что вовсе не отправлялъ его...

Елена подбѣжала, схватила конвертъ, открыла его, бѣгло пересмотрѣла клочки бумаги... Отступила на шагъ, ухватилась за столбикъ у деревца, блѣдная, тяжело дыша.

— Какъ прикажете назвать все это?..

— Сценкою изъ репертуара Grand Guignol, какъ я уже имѣлъ честь докладывать раньше, сударыня! Для вашей забавки и поученія, и для собственнаго шпасу исполнилъ (и не безъ успѣха, кажется?) Мишка Батуринъ, вашей Лунной Свѣтлости всенижайшій рабъ, придворный мимъ и скоморохъ... На бисъ не прикажете?...

Батуринъ снялъ фуражку и театрально раскланялся.

Елена вернулась въ домъ, сбросила накидку, шляпу и вуаль,

зажгла свѣчу и начала жечь на ней клочки письма, волнуясь, торопясь и обжигая пальцы. Батуринъ остановилъ ее.

— Погоди, такъ не годится!... Пожалѣй свои очаровательные пальчики... Пойдемъ лучше въ кабинетъ, я зажгу огонь въ каминѣ; можешь тамъ продолжать сіе огненное дѣйство, столь угодное Господу...

Принесъ щепокъ и зажегъ огонь въ каминѣ. Елена сѣла на полъ передъ огнемъ и стала бросать въ него скомканные клочки злополучнаго письма одинъ за другимъ. Батуринъ сидѣлъ на полу около и помогалъ ей, пронзительно насвистывая мотивъ модной шансонетки; поправлялъ огонь, прибавлялъ щепокъ... Елена удивленно взглянула на него мелькомъ нѣсколько разъ. Перестала бросать въ огонь обрывки бумаги и, задумавшись, смотрѣла на нихъ... Батуринъ поймалъ ея взглядъ и угадалъ ея мысль.

— Подожди, не жги... Дай хоть эти-то прочесть...

Она уперлась въ него пристальнымъ, пронизывающимъ взглядомъ. Батуринъ выдержалъ его, улыбаясь. Теперь онъ былъ сильнѣе ея...

— Что это значитъ: „хоть эти-то"? Значитъ, ты... Бумага скомкана, какъ будто ее... и не разворачивали...

— Ну да... я *не* читалъ... Извини меня, пожалуйста, милая, мнѣ такъ неловко въ этомъ признаваться... Городилъ, какъ говорится, огородъ — и вдругъ... Я такъ усталъ вчера, что совсѣмъ забылъ про письмо; повалился на этотъ диванъ и заснулъ, какъ проклятый... А утромъ, когда я вспомнилъ о письмѣ, я устыдился своей ночной выходки, этого насилія надъ тобою... Извини меня за нее кстати, прости, другъ!.. Конечно, я не позволилъ себѣ прочесть ни одной буквы... За кого бы ты меня считала иначе?.. Досталъ обрывки изъ кармановъ и сложилъ ихъ вотъ въ этотъ самый конвертъ... Однако теперь я готовъ жалѣть, что не прочелъ. Должно-быть въ письмѣ было что-нибудь криминальное,—ты такъ всполошилась изъ-за этой глупой шутки въ жанрѣ Guignol... Дай просмотрѣть хоть эти послѣдніе обрывки...

Елена быстро бросила въ огонь остатки письма и перемѣшала щепочкой пепелъ. Поднялась съ пола и забралась съ ногами на диванъ подъ мечи и страшныя лакированныя маски.

— Ну, Михаилъ! Ты или помѣшанный, или ужъ я не знаю что... Чуть не убилъ меня вчера, отнялъ это письмо—для того, чтобы запечатать его въ конвертъ... и отдать мнѣ... Дикій ты какой-то, безудержный... Найдетъ на тебя что-то, и ты себя не помнишь, готовъ на все...

— Извини, извини, милая. Ты видишь—мнѣ самому стыдно

за себя... Все это ревность проклятая, мысль, что ты не любишь меня...

— Послушай, еслибы я не любила тебя, развѣ я была бы теперь здѣсь, у тебя? Или ты совершенно не вѣришь мнѣ? Вотъ и съ этимъ письмомъ. Я не хотѣла дать его тебѣ только потому, что знала, что тебѣ будетъ непріятно читать его. Его писалъ одинъ сумасшедшій мальчишка, влюбленный въ меня, и навыдумывалъ тамъ Богъ знаетъ чего. Онъ приставалъ, правда, ко мнѣ со своею любовью, надоѣлъ мнѣ страшно, и когда я прогнала его,—началъ галлюцинировать, воображать то, чего на самомъ дѣлѣ не было, писать объ этомъ... Вѣдь не могу же я управлять больными фантазіями? Я возвращала ему сначала его письма, онъ вымолилъ разрѣшеніе писать... Я разрѣшила—изъ жалости... Мальчуганъ совсѣмъ съ ума сошелъ... А ты готовъ думать Богъ знаетъ что, готовъ мучить меня изъ-за ни на чемъ не основанныхъ подозрѣній... Кажется, я доказала тебѣ, что люблю тебя, сдѣлала для тебя все, поступилась всѣмъ... А ты — ты никогда не исполнилъ ни одной моей просьбы... Какъ я просила тебя пріѣхать въ прошломъ году туда на море, гдѣ я была одна, была свободна, гдѣ мы могли бы проводить цѣлые дни вмѣстѣ... Ты не пріѣхалъ... И я проскучала все лѣто, среди этой чудной природы, на берегу этого волшебнаго моря, безъ тебя, одна, всегда одна...

Она достала надушенный платочекъ и начала плакать. Батуринъ подсѣлъ къ ней, обнялъ ее и сталъ ласкать и утѣшать. Смотрѣлъ на ея бархатныя брови и длинныя рѣсницы, вглядывался въ ея блестящіе, влажные, заплаканные глаза и припоминалъ, какъ вчера, эпитеты-характеристики луннаго свѣта. И прибавлялъ къ нимъ теперь еще три, повторялъ ихъ про себя, глядя въ темнѣвшіе зрачки Елены:

— Бездушный, сѣрый, лживый...

...Елена уѣхала ночью. Батуринъ проводилъ ее до скрещенія со встрѣчнымъ поѣздомъ. На послѣдней станціи они прощались долго и нѣжно. Батуринъ соскочилъ на платформу, когда поѣздъ Елены уже тронулся, и, ускоряя шагъ, шелъ рядомъ съ ея вагономъ, изъ окна котораго она улыбалась и кивала ему головою. Поѣздъ увеличивалъ ходъ. Батуринъ почти бѣжалъ теперь рядомъ съ вагономъ, едва поспѣвая...

— Ахъ, да! — крикнулъ онъ рѣзкимъ, срывающимся голосомъ:—*а не хотите ли вы винограду?!*

Она судорожно откинулась вглубь вагона, словно ее хлестнули по лицу... Бросилась потомъ снова къ нему, высунулась

въ него, крикнула что-то... За разстояніемъ и грохотомъ колесъ ничего нельзя было разобрать. Поѣздъ и станція быстро уходили другъ отъ друга въ равнодушную, устало-дремлющую дымку прозрачной ночи.

Батуринъ вернулся домой съ встрѣчнымъ поѣздомъ и на утро уѣхалъ на линію, на встрѣчу коммиссіи, пріѣхавшей для осмотра дороги и работъ. Съ коммиссіей ему пришлось проѣздить нѣсколько дней и проводить ее до Хоромашева. Здѣсь его отпустили. Все время до прихода поѣзда, съ которымъ ему надо было ѣхать домой, онъ просидѣлъ въ поѣздѣ коммиссіи, не поѣхалъ въ городъ и не зашелъ даже на вокзалъ. Онъ не надѣялся на себя. Боялся, что не удержится отъ искушенія: въ городѣ — заѣхать къ Еленѣ, на вокзалѣ—поговорить съ нею по телефону. Онъ не хотѣлъ допустить себя до этого, считалъ это слабостью, малодушіемъ...

Какъ только пришелъ его поѣздъ, Батуринъ прошелъ въ вагонъ и занялъ маленькое купэ. Ни думать, ни читать, ни спать не хотѣлось. Онъ положилъ на сѣтку свой портфель, дорожный мѣшокъ и газеты, которыя только-что купилъ у разносчика,—легъ на диванъ и сталъ безцѣльно смотрѣть въ пространство. Поѣздъ тронулся. Послѣ этихъ пяти дней ѣзды, осмотровъ, засѣданій, провѣрокъ, послѣ всей этой сутолоки, которая не давала ему опомниться и доводила его до изнеможенія, теперь онъ остался въ первый разъ снова одинъ-на-одинъ со своими мыслями, и сталъ думать о происшествіяхъ памятной лунной ночи, о поѣздкѣ на плотину, о разрывѣ съ Еленою... Онъ вспоминалъ ее съ тоской и мукой, и начиналъ понимать, что взвалилъ на свои плечи ношу не по силамъ... Не можетъ онъ вычеркнуть ее изъ своей жизни!... Больше, о, гораздо больше значитъ она для него, чѣмъ онъ думалъ, чѣмъ онъ могъ думать... И какое онъ имѣетъ право судить ее, контролировать ея поступки? Развѣ онъ знаетъ ея жизнь, развѣ онъ знаетъ хоть что-нибудь, развѣ онъ знаетъ *все?*... Пусть она живетъ, какъ хочетъ. Диктовать ей, какъ жить, никто не имѣетъ права... Четырнадцать или сто-четырнадцать,—это ея дѣло... Конечно, онъ въ числѣ ихъ уже никогда не будетъ... Но видѣть ее хоть изрѣдка, хоть тайкомъ, со стороны... слышать ея голосъ, знать, что она жива, что, можетъ быть, иногда думаетъ о немъ, вспоминаетъ его...

Батуринъ снова чувствовалъ страшную, ноющую боль въ груди. Радость любви умерла, но самая-то любовь осталась. И

съ нею осталась вся боль сожалѣнія о томъ, что̀ прошло и не вернется, что̀ могло бы быть—и не пришло!...

Батуринъ повернулся и погрозилъ кому-то кулакомъ.

— Ты тамъ, подъ плотиной!... Ты можешь теперь успокоиться и не вылѣзать на плотину, караулить кого-то по ночамъ... Если тебѣ нужно было мстить за что-то *мнѣ*—ты отмстилъ... Ты похоронилъ то, что̀ тебѣ было нужно!...

Изъ сосѣдняго купэ сквозь тонкую раздвижную перегородку доносились неясные голоса, по временамъ почти неслышные изъ-за стука поѣзда. Тамъ разговаривали два пассажира.

— Вы видѣли?.. У моста, экипажи?.. Проѣхали уже обратно...

— Да... Возвращаются... Спрятали...

— Могъ ли кто-нибудь ожидать? Да съ чего это, скажите на милость?!...

— Богъ его знаетъ... Не придумаешь, съ какой стороны и приступиться къ этой исторіи... Силенъ былъ человѣкъ, набросился на жизнь, да не такъ, какъ надо, — вотъ и обжегся... Вѣдь запуталась она, жизнь-то; проживешь ее всю, и то не поймешь,—гдѣ же разобраться въ ней зеленой дѣвчонкѣ!...

— Надо, надо жить, а не проходить мимо жизни, но надо жить наверху, на высотахъ, на ясныхъ горныхъ лужайкахъ, искать ихъ, создавать ихъ—и бѣжать отъ трясинъ, отъ болотъ, выбиваться изъ ихъ тины: засосетъ, измажетъ, задушитъ, убьетъ, зря убьетъ, вотъ какъ тутъ! И думать надо объ этомъ постоянно, надо знать — гдѣ горная дорожка, и гдѣ топь... Придется, понятно, заплатить за эти думы—лепесткомъ-другимъ изъ вѣночка, погремушкой какой-нибудь, можетъ-быть очень любимой, — ну, такъ что же? За все вѣдь платятъ, все имѣетъ цѣну. И не жаль заплатить дорого за то, что̀ стоитъ,—а вотъ за дрянь, за грязь платить,—да чѣмъ!—молодостью, радостью, яснымъ солнцемъ, платить изъ-за непониманія, незнанія, нежеланья знать—вотъ въ чемъ обида, вотъ въ чемъ горе!

— Посмотрите въ окно. Видите, какое зарево? Это поднимается луна. Сейчасъ взойдетъ; ярко вспыхнетъ серебряный костеръ — и въ одинъ мигъ сгоритъ на немъ правда трезваго, рабочаго дня, придетъ и властно станетъ на ея мѣсто сладкая, разслабляющая, ночная ложь. Сильна она, ужасна она... Съ ней приходитъ сначала опьяненіе, потомъ — слабость, потомъ—безуміе, безудержное, отчаянное паденіе, похожее на прыжокъ въ пропасть съ кручи, на мрачное, изступленное помѣшательство,—вотъ какъ у нея... И сейчасъ же измѣняется съ нею вѣсъ ноши жизни, потому что перемѣщается равнодѣйствующая ея

силъ — наши вотъ съ вами симпатіи. Смотрите — вотъ первый шагъ къ обрыву, первая рана—онъ, *первый*... Мы почтительно снимаемъ шапку, мы сочувствуемъ той, бѣдной, раненой, бережемъ ея убогое счастье: вѣдь она платитъ за него тревогой, мукой, заботой, угрызеніями совѣсти... Но вотъ появляется *второй*... Мы оглядываемся, воровато улыбаясь, нахлобучиваемъ безъ разговоровъ шапку и подмигиваемъ другъ другу:—не зѣвай, парень, становись въ очередь, авось набѣжитъ что-нибудь и на твой пай!—вѣдь за вторымъ послѣдуетъ третій, десятый, сотый... И начинаетъ трепаться чортъ знаетъ гдѣ вѣнокъ прекраснаго Вакха...

— Отчего такъ обыкновенно все это, такъ часто повторяется? Отъ бездѣлья, должно быть, отъ праздности, отъ потрясающаго безнадежнаго убожества жизни, отъ лжи ея, отъ страшной пустоты ея... Нѣтъ въ ней думы, нѣтъ творящей тревоги, дѣйствія, самоотверженной, любовной заботы—вотъ нѣтъ и красоты. Читали вы въ Розановскомъ фельетонѣ: „Гдѣ хорошъ человѣкъ? Мать около люльки ребенка, жена около постели умирающаго мужа; хорошъ человѣкъ въ болѣзняхъ;—мишура слетѣла, ложь отошла“...

— „Мать у люльки ребенка“—*мать*,—вы понимаете? Ну, а нѣтъ дѣтей, какъ у нея, не умираетъ мужъ, не бьетъ судьба болѣзнями и заботами, нѣтъ дѣла, некуда дѣвать время, — вотъ и начинается томленіе и бросаніе на все, что подвернется... Опускается человѣкъ, получается въ результатѣ усталость, тупая неразборчивость и смертельная, смертная скука... Тускнѣетъ и мельчаетъ жизнь и становится непосильной, какъ ей... Пожалѣемъ ее, пошлемъ ей привѣтъ, поздній, горькій, теперь ужъ ненужный... Господи, какая красота была, какая полноцвѣтная, богатая душа! Кажется, солнцемъ могла бы пройти по міру, такъ и зажгла бы все кругомъ, расцвѣтила бы цвѣтами, лучами бы взбрызнула, молніями!!... Изъ насъ, михрютокъ—боговъ могла бы сдѣлать, героевъ, титановъ, которые наперерывъ другъ передъ другомъ загромоздили бы міръ чудесами и подвигами, — ради одной ея улыбки, одного ея ласковаго взгляда!... Да куда!... Не захотѣла, или не смогла, не съумѣла... Не съумѣла самоё себя понять—и пропала такъ, зря, ни за грошъ, размѣнялась на дрянь и грязь...

— Какъ все это случилось?... Не знаю точно, разговоровъ масса... Говорятъ, что послѣ отъѣзда мужа на заводъ и она удрала куда-то, а черезъ два дня вернулась — вся избитая, въ синякахъ и ссадинахъ, на лицѣ—ни кровинки... Сидѣла цѣлый

день дома запершись, плакала... А вечеромъ нарядилась въ пухъ и прахъ, надѣла дорогое парижское платье, перстни, брилліанты, вызвала всѣхъ своихъ милыхъ дружковъ, прошедшихъ и настоящихъ, какіе оказались налицо, и закатилась съ ними на музыку, а потомъ ужинать въ „Альгамбру",—„лечить свои раны", какъ она твердила. На разспросы объ этихъ ранахъ, т. е. объ ушибахъ и ссадинахъ, — разсказывала съ хохотомъ про какого-то дикаго степного коня, который закусилъ удила, понесъ и сбросилъ ее съ крутого яра, сбросилъ, разбилъ... Была какъ помѣшанная, смѣялась и плакала, пила, перецѣловалась со всѣми, велѣла позвать хоръ цыганъ... А на разсвѣтѣ, вернувшись домой, выбросилась изъ окна внизъ головой на мостовую...—

Батурину казалось, что жилы на вискахъ у него вотъ-вотъ лопнутъ отъ бѣшеныхъ, тяжелыхъ ударовъ крови. Онъ лежалъ, боясь шевельнуться, боясь дышать, чтобы не проронить ни слова изъ того, что̀ говорилось за перегородкой... И ему казалось, что нѣтъ ни этого дивана, ни этихъ качающихся стѣнъ, ни этой зеленой занавѣски у окна, нѣтъ вагона, а есть только огромная, черная, бездонная яма, въ которую онъ безудержно летитъ, летитъ стремглавъ подъ звуки этого чужого, незнакомаго, взволнованнаго голоса... Его било какъ въ лихорадкѣ. Онъ открылъ глаза и сталъ упорно смотрѣть вверхъ, не смѣя, не въ силахъ будучи перевести взоръ: тамъ на сѣткѣ бѣлѣли газеты, мѣстныя, хоромашевскія газеты... „Тамъ *есть*, тамъ *должно быть!*..." думалъ Батуринъ, и не смѣлъ взять газету и прочесть... И онъ вспомнилъ и сдѣлалъ то, что̀ давно забылъ и чего давно не дѣлалъ—опустился на полъ на колѣни и сталъ молиться, горячо и усердно, крестясь и стукаясь лбомъ о качающійся полъ вагона. Молился, чтобы это была *не она*, чтобы Богъ сохранилъ ее, сдѣлалъ чудо... Потомъ поднялся, взялъ газету и развернулъ ее. На первомъ листѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ крупными буквами было напечатано объявленіе о смерти Елены. Ее должны были хоронить сегодня днемъ, когда онъ сидѣлъ въ Хоромашевѣ въ служебныхъ вагонахъ коммиссіи и ждалъ поѣзда.

Поѣздъ неустанно гулко отсчитывалъ стыки, неустанно шелъ впередъ, какъ время. Надвинулась ночь, взошла луна. Показались мрачныя ямы Бѣлыхъ Глинищъ, замелькали красные столбы съ перекладинами и „смертями". Батуринъ пріѣхалъ домой.

...Какой былъ смыслъ спать въ эту ночь? Къ чему было умываться послѣ дороги, ѣсть ужинъ, пить чай, читать депеши и бумаги, накопившіяся за эти дни? Думать, работать, заботиться, жить?... Батуринъ вышелъ въ садъ и сѣлъ на ступени

крыльца, подъ колючія лапы агавъ, какъ шесть дней тому назадъ. Прибѣжалъ Рокъ, соскучившійся по хозяинѣ, прыгалъ и радостно лаялъ, лизалъ руки Батурину и заглядывалъ ему въ глаза. Стукнула калитка—Мусса̀ принесъ съ вокзала бумаги и вещи Батурина.

— Мусса̀!—крикнулъ Батуринъ—осѣдлай Наля!—Прошелъ въ домъ, переодѣлся въ одежду для верховой ѣзды, надѣлъ высокіе сапоги и фуражку и взялъ хлыстъ. Прошелъ одѣтый въ кабинетъ, сѣлъ къ столу и хотѣлъ писать... Въ дверь заглянулъ Мусса̀:

— Лошадь готова, баринъ...

— Хорошо! Запри домъ, погаси огонь и ложись спать...

Батуринъ бросилъ перо, вышелъ на дворъ, сѣлъ на лошадь и медленно выѣхалъ на улицу. Рокъ радостно лаялъ и носился около. Въ степи Батуринъ поднялъ Наля въ галопъ и пустилъ его по дорогѣ къ Черному Кресту. Сильный, легкій конь разстилался въ воздухѣ, вытянувшись, распустивъ хвостъ и громко фыркая. Рокъ летѣлъ около, не касаясь, казалось, земли, только качаясь плавно въ воздухѣ, то пропадая въ бѣлыхъ облакахъ пыли, поднимавшихся изъ-подъ копытъ Наля, то вылетая изъ нихъ на яркій лунный свѣтъ... Спустились въ балку, перевалили ее, миновали другую и стали шагомъ подниматься вверхъ по косогору, кое-гдѣ поросшему рѣдкими кустарниками дикихъ розъ. Рокъ насторожился и вдругъ съ звонкимъ лаемъ рванулся въ сторону: по косогору между кустами быстро шла лисица. Пригнувъ къ землѣ голову, вытянувъ трубой длинный пушистый хвостъ, она стремглавъ летѣла вдоль по косогору къ перелѣску, который перекидывался дальше по неглубокой сѣдловинкѣ къ приверхамъ глубокой балки, заросшей густыми порослями береста, желтой акаціи и дикаго дерна.

— Уйдетъ!..

Батуринъ взметнулся на сѣдлѣ и хлестнулъ Наля—надо было отрѣзать лису отъ перелѣска, отжать ее въ степь, на открытое мѣсто!... Наль полетѣлъ. Лиса замѣтила погоню и круто повернула въ сторону. Рокъ настигалъ уже ее... Батуринъ, пригнувшись къ лукѣ, скрючившись, горящими глазами слѣдилъ за нею, хлесталъ Наля и рѣзкими, дикими криками подгонялъ Рока.

Но лиса все же ушла. Совершенно неожиданно она нырнула около какого-то куста въ нору, и тѣ всѣ трое—и Рокъ, и Наль, и Батуринъ — остановились надъ маленькимъ чернымъ отверстіемъ, разгоряченные, со сверкающими глазами, тяжело дышащіе... Запыхавшійся Рокъ стоялъ какъ-то особенно твердо

разставивъ лапы, сгорбившись, тяжело дыша и высунувъ на бокъ длинный, дрожащій, влажный языкъ, съ котораго капала бѣлая пѣна. Смотрѣлъ исподлобья горящими глазами на Батурина, какъ будто говоря: „Ушла, каналья!... Правда, досадно?!... Но ничего! Ты запомни хорошенько мѣсто, мы еще доберемся до нея!...“ Наль встряхивалъ мордой и танцовалъ на мѣстѣ... Батуринъ внимательно осмотрѣлся кругомъ, стараясь замѣтить и запомнить мѣсто лисьей норы: вотъ тамъ — два разрытыхъ кургана,—отъ нихъ взять линію на берестовый кустъ... А другую—отъ этой полянки съ темнымъ красно-багровымъ ковромъ щетокъ солероса на поворотъ скотопрогоннаго тракта, съ глубокими выбоинами, въ которыхъ блестятъ выцвѣты соли...

Батуринъ повернулъ лошадь, поднялся шагомъ на вершину увала и взъѣхалъ на курганъ. Отсюда была далеко видна пепельно-бурая, унылая равнина Высокой Степи, испещренная холмиками, нарытыми сусликами, съ черно-зелеными и сѣрыми пятнами порослей полыни, синевато-сѣрыми лужайками сарсазанъ-травы и одинокими бѣловатыми подушками остролистыхъ колючекъ, которыя днемъ поворачиваютъ къ солнцу иглы и сухія острія своихъ листьевъ и держатъ ихъ параллельно его палящимъ лучамъ. А съ другой стороны далеко внизу уходила въ даль ночи плоская пустыня Низкой Степи, узкой ленточкой желѣзно-дорожной насыпи, горсточкой спящихъ домиковъ, брошенныхъ въ поле около нея, — и плесами и островами рѣки внизу подъ обрывомъ. На дальнемъ краю его чуть замѣтно свѣтились неподвижные, тусклые огоньки створной вѣхи. Кто-то не спалъ тамъ около нихъ, заботился о томъ, чтобы они не гасли, смотрѣлъ за ними — чтобы судоходцы не сбились ночью съ глубокаго судового хода и не навалились бы со своими баржами и пароходами на мели и карчи... Въ степи, на горизонтѣ, тамъ, гдѣ какъ будто начинала уже тускло заниматься заря, — едва замѣтно бѣлѣла надъ моремъ земли, какъ маякъ, далекая колокольня деревенской церкви. Самой деревни не было видно. Но въ полѣ за нею курились низко надъ землею бѣлые дымки пыли—это караванъ верблюдовъ вышелъ въ степь до разсвѣта, до жары, и шелъ съ товарами къ дальнимъ степнымъ поселкамъ. Далеко въ полѣ мигалъ, замирая, слабый огонекъ костра—должно-быть странники, пастухи или охотники, а можетъ-быть бѣглые или воры, ночевавшіе подъ открытымъ небомъ, проснулись и варили себѣ пищу... Прогудѣлъ пролетѣвшій жукъ. Ящерица быстро и беззвучно пробѣжала по сухой, растрескавшейся глинѣ. У подножія кургановъ неподвижно стояли,

какъ стража, высокія, сухія, пыльныя травы. Неподвижно смотрѣла на нихъ съ неба мертвенная, старая, строгая, сосредоточенно-внимательная луна. И безостановочно, размѣренно шла впередъ жизнь, степенная, важная, полная думъ и тайнъ, съ ея бездоннымъ прошлымъ, съ ея огромнымъ настоящимъ, съ ея невѣдомымъ, необъятнымъ будущимъ...

Высокій Крестовый Яръ виднѣлся вдали острымъ изломомъ.

Батуринъ не отрывалъ отъ него глазъ. Снялъ фуражку и медленно, широко перекрестился.

— Упокой, Господи... Упокой, Господи, ихъ тревожныя, замученныя души...

Онъ свиснулъ Рока, который носился гдѣ-то по бурьянамъ, должно-быть гонялъ тушканчиковъ, и осторожно спустился съ кургана.

— Домой, Рокъ, домой! Завтра надо вставать, завтра пріѣдетъ главный врачъ смотрѣть больныхъ, распредѣлять пособія... Завтра надо экзаменовать артельныхъ и сдѣлать разбивку фундамента казармы... А *туда*, къ нимъ, — мы пріѣдемъ потомъ, потомъ... Сейчасъ намъ нельзя, намъ некогда...

Тронулъ поводья. Наль бодро и весело взялъ съ мѣста и широкимъ махомъ пошелъ по полю, на ходу бросая копытами горсточки земли и ломая и сбивая метелки сѣдой полыни и пушистые султанчики ковыля. Рокъ скакалъ около, въ лучахъ мертвеннаго луннаго свѣта серебристый, огромный и странный, какъ оборотень. А по землѣ подъ нимъ скакала и извивалась зеленовато-черная тѣнь, причудливая, кошмарная, сказочная, какъ химеры древнихъ соборовъ или фантастическіе геральдическіе звѣри старинныхъ знаменъ и гербовъ.

Батуринъ, задумавшись, сидѣлъ на сѣдлѣ, покачиваясь въ тактъ плавнымъ движеніямъ лошади, сгорбившись, понуривъ голову и оттянувъ стремена. Опустилъ плетью руку, державшую хлыстъ. Другую уронилъ на луку сѣдла. И пальцами ея машинально и бѣгло перебиралъ поводья.

А. Ястребовъ.

ИЗЪ МАРТИНА ГРЕЙФА

I.—Одинокая.

Догоралъ послѣднiй лучъ
Въ небѣ утомленно,
И одна изъ малыхъ тучъ
Медлила влюбленно.

Тучка, глядя солнцу вслѣдъ,
Отъ подругъ отстала,
А когда померкнулъ свѣтъ—
И ея не стало.

II.—На родинѣ.

Въ край родной пришелъ я снова;
Изъ конца бродя въ конецъ,
Я среди села родного
Одинокъ былъ, какъ пришлецъ.

Лишь на кладбищѣ селенья
Не одинъ нашелся другъ,
И къ кресту прикосновенье
Было мнѣ—пожатьемъ рукъ.

III.—Первая трава.

Что мнѣ—и самъ пойму едва—
Когда, блестя росой,
Ложится первая трава
Подъ звонкою косой!

Я знаю: вновь трава взойдетъ,
И будетъ вновь покосъ,
Но что-то сердце мнѣ гнететъ
При звонѣ острыхъ косъ!

IV.—Предчувствіе.

Предъ жатвою дрожь по колосьямъ
Порой пробѣжитъ,
Одинъ содрогнется—и рядомъ
Другой задрожитъ...

Трепещутъ они, ожидая
Жнецовъ на поляхъ,
А съ ними цвѣты и былинки
Дрожатъ на стебляхъ.

О. Чюмина.

КОРОНА ВЪ АНГЛІИ

(Переписка королевы Викторіи.)

Королева Викторія исторіи не боялась. Послѣ смерти своего мужа, принца-супруга, она приняла дѣятельное участіе въ изданіи его біографіи, сливавшейся на пространствѣ двухъ десятковъ лѣтъ съ ея собственной біографіей, и снабдила автора цѣнными, иногда интимнѣйшими документами; она дважды сама печатала выдержки изъ своего дневника и любила дарить ихъ съ надписью: „отъ скромнѣйшей изъ писательницъ". Сынъ покойной королевы, король Эдуардъ VII, слѣдуетъ ея завѣтамъ и недавно издалъ переписку своей матери за первую половину ея жизни [1]). Опубликованные документы представляютъ величайшій интересъ: вся англійская и отчасти европейская исторія за 1837—1861 гг. находитъ въ нихъ краснорѣчивое и авторитетное отраженіе. Исчерпать этотъ матеріалъ въ его цѣломъ невозможно въ краткомъ очеркѣ. Мы ставимъ себѣ болѣе скромную задачу и постараемся отвѣтить, на основаніи переписки, лишь на вопросъ о томъ, какъ королева училась дѣлу конституціоннаго монарха и каковы были достигнутые ею къ серединѣ царствованія результаты.

Королева вступила на престолъ въ 1837 г., будучи 18-ти лѣтъ отъ роду, и скончалась въ 1901 году, восьмидесяти-одного года и восьми мѣсяцевъ. Ей выпало на долю стоять во главѣ Англіи въ теченіе болѣе чѣмъ шести десятилѣтій, во время которыхъ

---

[1]) „The letters of Queen Victoria. Published by authority of His Majesty the King". Первое изданіе 1907; второе, удешевленное, 1908.

произошли крупнѣйшія событія въ исторіи страны и родилась современная Англія. Только за эти десятилѣтія окончательно выросъ и окрѣпъ тотъ политическій порядокъ, которымъ мы привыкли издали любоваться, въ которомъ мы привыкли искать свои политическіе идеалы и который кажется намъ верхомъ гармоніи и изящества. Въ созданіи этого строя королевѣ Викторіи безспорно принадлежатъ существенныя заслуги. Если роль короны въ Англіи рисуется намъ въ эту минуту въ краскахъ, правда, не яркихъ, но во всякомъ случаѣ мягкихъ и не рѣжущихъ глаза, если мы видимъ въ коронѣ историческій и небезполезный вѣнецъ англійской государственной постройки, то не слѣдуетъ забывать, что это цѣликомъ дѣло королевы Викторіи. Англійская корона въ XVIII-мъ и за первыя десятилѣтія XIX-го вѣка представляется намъ скорѣе источникомъ внутренней анархіи и смуты; она лишена обаянія и служитъ предметомъ рѣзкихъ нападокъ и подчасъ острой ненависти. Переворотъ произошелъ не сразу, но королева Викторія вложила въ дѣло столько доброй воли и столько стараній, что онъ совершился. Въ этомъ смыслѣ жизнь королевы Викторіи—часть англійской конституціонной исторіи. Изучая переписку, опубликованную королемъ Эдуардомъ, перевертываешь страницы любопытной и важной главы въ книгѣ политическихъ судебъ великой страны.

Королева записала въ своемъ дневникѣ въ день смерти Вильгельма IV и своего вступленія на престолъ (20 іюня 1837 г.): „Разъ Провидѣнію угодно было поставить меня на это мѣсто, я все сдѣлаю, чтобы исполнить мой долгъ въ отношеніи моей страны; я очень молода и, можетъ быть, во многихъ, но не во всѣхъ отношеніяхъ неопытна, но я увѣрена, что лишь немногіе имѣютъ больше дѣйствительной доброй воли и больше желанія дѣлать то, что полезно и справедливо, чѣмъ я“. За день до того королева, тогда еще принцесса Викторія, писала своему дядѣ и ближайшему другу, бельгійскому королю Леопольду I [1]): „Я смотрю впередъ на событіе, которое, кажется, скоро будетъ имѣть мѣсто [воцареніе], спокойно и увѣренно: я не боюсь его, и все же не считаю себя вполнѣ на его высотѣ; однако я на-

[1]) Выдающійся государственный человѣкъ, одинъ изъ создателей современной Бельгіи Леопольдъ, будучи еще принцемъ Саксенъ-Кобургскимъ, женился на англійской принцессѣ Шарлоттѣ, дочери Георга IV, считавшейся наслѣдницею англійскаго престола, но рано умершей. До избранія на бельгійскій престолъ онъ жилъ въ Англіи.

дѣюсь, что съ доброй волей, честностью и смѣлостью я во всякомъ случаѣ съ нимъ справлюсь" (19 іюня 1837 г.). Король отвѣчалъ: „Увѣренность въ успѣхѣ часто является причиной успѣха, и вы хорошо сдѣлаете, если сохраните это чувство" (23 іюня 1837 г.).

Король былъ правъ: залогъ успѣха былъ на лицо. Отсутствіе сколько-нибудь преувеличеннаго представленія о своихъ способностяхъ и подготовкѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хладнокровное спокойствіе тамъ, гдѣ, казалось бы, его всего меньше можно было бы ожидать — эти качества помогли королевѣ Викторіи справиться съ возложенной на нее событіями задачей. Чувство долга и добрая воля сдѣлали остальное.

То, что королева унаслѣдовала отъ своихъ непосредственныхъ предшественниковъ, весьма осложняло ея миссію. Довѣріе къ коронѣ было глубоко поколеблено, и ей очень скоро пришлось считаться съ этимъ фактомъ. Первые полтора года царствованія прошли болѣе или менѣе безмятежно. Королева унаслѣдовала либеральное министерство лорда Мельбурна и очень скоро прониклась самымъ живымъ сочувствіемъ къ нему; Мельбурнъ, съ своей стороны, сдѣлалъ все, чтобы завоевать ей симпатіи, съ отеческою нѣжностью руководя каждымъ шагомъ молодой королевы. Въ 1839 г. консервативной оппозиціи, во главѣ которой стоялъ государственный человѣкъ неизмѣримо болѣе крупный, нежели Мельбурнъ — „великій коммонеръ", сэръ Робертъ Пиль, — удалось нанести либеральному кабинету пораженіе по вопросу о пріостановкѣ дѣйствія законодательнаго собранія на Ямайкѣ. Королева была глубоко огорчена и разстроена. Въ одномъ изъ писемъ къ лорду Мельбурну, проникнутомъ чѣмъ-то дѣтскимъ и наивнымъ, она пишетъ: „Королева думаетъ, что лордъ Мельбурнъ, можетъ быть, хотѣлъ бы знать, какъ она чувствуетъ себя сегодня утромъ [1]); королева немного спокойнѣе; она была вчера въ ужасномъ состояніи до девяти часовъ вечера, когда она постаралась думать съ меньшею грустью объ этой ужасной перемѣнѣ, и ей удалось успокоиться, пока она не ушла спать и спала хорошо; но когда она сегодня проснулась, все, все, что случилось за одинъ короткій, но богатый событіями день, съ силою вновь пришло ей на умъ и вернуло ее къ ея горю. Теперь королева чувствуетъ себя лучше, но она не могла прикоснуться къ ѣдѣ ни вчера вечеромъ,

[1]) Переписка между королевой и министрами, даже чисто личнаго характера, ведется всегда въ третьемъ лицѣ.

ни сегодня. Королева надѣется, что лордъ Мельбурнъ хорошо спалъ, хорошо себя чувствуетъ и это утро придетъ ровно въ одиннадцать часовъ" (8 мая 1839 г.)... Дѣлать было, однако, нечего; установившійся порядокъ требовалъ перемѣны министерства, и сэръ Робертъ Пиль получилъ порученіе составить кабинетъ. Торіи сразу поставили условіемъ своего вступленія въ управленіе перемѣну состава двора молодой королевы. Требованіе это лишь отчасти отвѣчало яснымъ конституціоннымъ прецедентамъ; при перемѣнѣ министерства составъ придворныхъ лордовъ всегда измѣнялся, но вопросъ о придворныхъ дамахъ былъ спорнымъ. „Сэръ Робертъ — пишетъ королева въ своемъ дневникѣ — сказалъ: „Теперь о дамахъ", на что я отвѣтила, что не могу отказаться ни отъ одной изъ моихъ дамъ, и никогда объ этомъ и не помышляла. Онъ спросилъ, намѣрена ли я сохранить всѣхъ. Я сказала: „всѣхъ".—„The Mistress of the Robes and the Ladies of the Bedchamber?" [1]) Я отвѣтила: „всѣхъ". Онъ указалъ, что онѣ — жены представителей оппозиціи, упомянувъ о лэди Норманби въ особенности, какъ о женѣ одного изъ бывшихъ министровъ. Я сказала, что никогда не говорю съ ними о политикѣ, что многія изъ нихъ въ родствѣ съ торіями, и перечислила ихъ среди моихъ Bedchamber women и Maids of Honour; онъ сказалъ, что думалъ о Mistress of the Robes и о Ladies of the Bedchamber; на что я отвѣтила, что послѣднія важнѣе первыхъ, что я не могу согласиться и что это прежде никогда не дѣлалось. Онъ сказалъ, что я — царствующая королева, и это составляетъ разницу. „Не въ этомъ отношеніи", сказала я,—и настаивала на своемъ правѣ" (9 мая 1839 г.). Пиль не согласился составить, при этихъ условіяхъ, министерство, и Мельбурнъ вернулся ко власти послѣ рѣшенія виговъ поддержать королеву въ вопросѣ о придворныхъ дамахъ. Этотъ когда-то знаменитый инцидентъ (the Bedchamber question), отодвинувшій на два года переходъ власти къ Пилю, на первый взглядъ мало понятенъ: зачѣмъ надо было крупному государственному человѣку во что бы то ни стало смѣнить нѣсколькихъ придворныхъ дамъ, къ которымъ королева относилась съ большой симпатіей? Объясненіе легко найти въ перепискѣ королевы. Леопольдъ I пишетъ ей черезъ нѣсколько дней по окончаніи кризиса: „Пиль, предъявивъ свое требованіе, дурно судилъ о васъ; онъ помнилъ о Георгѣ IV и о покойномъ ко-

---

[1]) Придворныя званія, которыя трудно перевести на русскій языкъ: буквально первое значитъ „начальница платьевъ", второе—„дамы спальни".

ролѣ, и ему мерещились придворныя вліянія лицъ, стоящихъ около монарха. Вы же имѣете большое достоинство, за которое нельзя достаточно васъ хвалить: вы въ высшей степени честны и порядочны въ своихъ дѣйствіяхъ. Еслибы вы удержали Пиля, вы бы дѣйствовали по отношенію къ нему честно, при чемъ никакая дама не имѣла бы ни малѣйшихъ шансовъ причинить ему какой-либо вредъ" (17 мая 1839 г.). Это письмо, кончающееся нѣкоторымъ поученіемъ, даетъ ключъ къ инциденту съ придворными дамами. Вліятельная партія настолько мало довѣряла коронѣ, настолько боялась придворныхъ интригъ, что была вынуждена отказаться отъ власти изъ-за вопроса о близко стоящихъ къ королевѣ дамахъ.

Королева на этотъ разъ восторжествовала, но та атмосфера рѣзкаго взаимнаго недовѣрія между короной и представителями одной изъ парламентскихъ партій, въ которой инцидентъ разыгрался, повидимому произвела огромное на нее впечатлѣніе. Въ первую минуту она считала себя правой. „Я нашла и буду находить поддержку въ моей странѣ, которая относится съ большимъ энтузіазмомъ къ происшедшему и громко апплодировала мнѣ, когда я ѣхала въ церковь въ субботу",—писала она послѣ возвращенія Мельбурна (14 мая 1839 г.). Но мало-по-малу сознаніе опасностей, сопряженныхъ съ этой атмосферой, ясно предстало передъ королевой. Борьба за личный режимъ ей была не подъ силу, и она никогда о ней не помышляла. Изъ чувства благоразумія надо было помириться съ торіями, и королева честно пошла на встрѣчу этой необходимости. Это было трудно, потому что торіи ничего не сдѣлали, чтобы облегчить примиреніе. Напротивъ того, по выраженію королевы, „они вели себя очень дурно" въ томъ близкомъ для королевы вопросѣ, рѣшеніе котораго могло отъ нихъ зависѣть. Въ 1840 г. королева объявила о своемъ намѣреніи выйти замужъ за принца Альберта Саксенъ-Кобургскаго. Будущему принцу-супругу надо было назначить ежегодное содержаніе; Мельбурнъ внесъ билль объ ассигнованіи 50.000 фунтовъ; торіи, соединившись съ радикалами, въ самой рѣзкой формѣ протестовали и настояли на уменьшеніи этой суммы до 30.000 фунтовъ. Пренія были, по выраженію короля Леопольда, въ высшей степени „вульгарны и непочтительны". „Я не понимаю торіевъ,—прибавлялъ онъ;—люди, которые защищаютъ достоинство короны, такъ трактуютъ своего суверена, въ такую минуту!" (31 января 1840 г.).

Не смотря на все это, когда въ 1841 г. стало яснымъ, что милое сердцу королевы, но безцвѣтное министерство лорда Мель-

бурна должно пасть, королева, не дожидаясь развязки, поспѣшила первая заранѣе заявить о своей готовности отказаться отъ плодовъ своей побѣды 1839-го года. Въ памятной запискѣ секретаря принца Альберта мы находимъ слѣдующую запись, представляющую рѣзкій контрастъ съ приведенной выше выдержкой о скорби королевы по поводу перспективы разлуки съ Мельбурномъ двумя годами ранѣе. „Видѣлъ лорда Мельбурна послѣ его свиданія сегодня утромъ съ королевою. Онъ сказалъ, что ея величество была совершенно спокойна и разсудительна, и казалась вполнѣ готовой къ отставкѣ правительства. Онъ сказалъ, что она согласна, если потребуется, уступить по вопросу о дамахъ, но очень хотѣла бы, чтобы этотъ пунктъ былъ предварительно установленъ переговорами съ сэромъ Р. Пилемъ, дабы избѣжать всякихъ споровъ или несогласій“ (5 мая 1841 г.). По приказанію королевы тотъ же секретарь отправился къ сэру Роберту и заявилъ ему, что королева готова по собственной своей иниціативѣ отказаться отъ придворныхъ дамъ, на уходѣ которыхъ онъ прежде настаивалъ, но не желаетъ, чтобы вопросъ былъ поставленъ въ формѣ требованія при составленіи министерства. Пиль поспѣшилъ успокоить королеву. „Я скорѣе откажусь отъ всякой претензіи на должность,—сказалъ онъ,—нежели допущу, чтобы принятіе ея мною было сопряжено съ какимъ-либо личнымъ униженіемъ для королевы“. Отказъ отъ придворныхъ званій со стороны трехъ дамъ, связанныхъ родствомъ съ вигами, его вполнѣ удовлетворилъ, и онъ просилъ королеву указать ему, кого она желаетъ назначить на ихъ мѣсто (9 мая 1841 г.).

Гораздо позднѣе Биконсфильдъ, говоря объ отношеніяхъ между королевой и Гладстономъ, никогда не отличавшихся особенной теплотой, выразился такъ: „Гладстонъ обращается съ королевой какъ съ казеннымъ учрежденіемъ, я же отношусь къ ней какъ къ женщинѣ“. Полный глубокаго такта и высокой порядочности отвѣтъ Пиля на проявленную королевой готовность мирно уладить вопросъ о дамахъ свидѣтельствуетъ, что въ этомъ смыслѣ онъ былъ ближе къ своему будущему врагу, нежели къ своему ученику и другу. Результаты обоюдной уступчивости не замедлили сказаться. Примиреніе съ торіями въ 1841 г. знаменуетъ собою поворотный пунктъ въ англійской исторіи: корона вернула себѣ то довѣріе, которое пошатнулось при послѣднихъ Георгахъ, вернула его, сознательно и, вѣроятно, навсегда отказавшись отъ какихъ бы то ни было попытокъ мѣшать правильному функціонированію парламентскаго управленія.

Въ душѣ королевы не сохранилось никакой горечи. Въ 1846 г., разставаясь съ Пилемъ, королева писала ему, что „выражаетъ свое глубокое огорченіе по поводу конца его службы"; „въ какомъ положеніи ни находился бы сэръ Робертъ Пиль, мы всегда будемъ смотрѣть на него какъ на добраго и вѣрнаго друга и навсегда сохранимъ глубокое уваженіе къ нему, какъ къ министру и частному человѣку" (1 іюля 1846 г.). Шестьдесятъ лѣтъ спустя послѣ инцидента 1839 года, королева, вспоминая о немъ, сказала: „я была очень молода тогда, и возможно, что я поступила бы совершенно иначе, еслибы все пришлось продѣлать вновь".

Много разъ послѣ паденія министерства Пиля пришлось королевѣ переживать перемѣны въ составѣ правительства; передъ нею прошли всѣ крупные политическіе люди современной Англіи— лордъ Джонъ Россель, лордъ Дерби, лордъ Абердинъ, лордъ Пальмерстонъ, снова Дерби, снова Пальмерстонъ, снова Россель, въ третій разъ Дерби, Дизраэли, Гладстонъ, снова Дизраэли, снова Гладстонъ, Солсбери, въ третій разъ Гладстонъ, во второй разъ Солсбери, въ четвертый разъ Гладстонъ, Розбери, въ третій разъ Солсбери. Каждый разъ перемѣна кабинета вызывала въ королевѣ напряженное волненіе, она никогда не оставалась пассивною зрительницею происходившаго; зачастую составленіе министерства сопряжено было съ немалыми затрудненіями, и бывали минуты, когда, казалось, положеніе было безвыходнымъ. Достаточно вспомнить кризисъ, вызванный паденіемъ коалиціоннаго министерства лорда Абердина въ 1855 г., въ самый разгаръ Крымской войны. Партіи были раздроблены: консервативная группа, ослабленная такъ называемой „измѣной" Пиля въ 1846 г. и образованіемъ промежуточной группы „пилитовъ", съ Гладстономъ во главѣ, еще не успѣла сформироваться, подъ предводительствомъ Дизраэли, въ ту сильную партію, которая такъ часто держала въ своихъ рукахъ управленіе Великобританіей въ послѣднія десятилѣтія XIX вѣка; либералы были разъединены благодаря присутствію двухъ равноправныхъ вождей, въ лицѣ лорда Джона Росселя и лорда Пальмерстона; пилиты еще не превратились въ либераловъ гладстоновскаго типа. Цѣлую недѣлю шли безуспѣшные переговоры съ отдѣльными политическими дѣятелями, и только въ концѣ концовъ удалось, благодаря благородной поддержкѣ уходившаго въ отставку перваго министра, создать жизнеспособное цѣлое, въ видѣ кабинета Пальмерстона. Въ этомъ и во всѣхъ остальныхъ, менѣе осложненныхъ положеніяхъ помыслы королевы всецѣло были направлены на то,

чтобы облегчить функціонированіе системы кабинета. Она приносила при этомъ въ жертву всѣ свои личныя симпатіи и антипатіи, напряженно стараясь обезпечить необходимыя условія для образованія по возможности прочныхъ политическихъ комбинацій. Переписка по поводу образованія кабинета Пальмерстона въ 1855 г. служитъ прекрасной тому иллюстраціей. Королева, по причинамъ, о которыхъ скажемъ ниже, не любила Пальмерстона и была убѣждена, что его дѣятельность приноситъ вредъ странѣ; наоборотъ, она высоко цѣнила Абердина и связана была съ нимъ узами тѣсной дружбы, — и тѣмъ не менѣе она самымъ добросовѣстнымъ образомъ работала надъ переходомъ власти отъ второго къ первому, видя въ этомъ единственное средство создать сильное министерство. Вотъ свидѣтельство этихъ стараній королевы въ письмѣ, написанномъ принцемъ-супругомъ Абердину въ самый разгаръ затрудненій: „Дорогой лордъ Абердинъ, для королевы будетъ большимъ облегченіемъ, еслибы вы согласились на предложеніе, которое, какъ мы понимаемъ, будетъ вамъ сдѣлано, войти въ составъ новаго правительства, и тѣмъ побудить мистера Гладстона, мистера Сидней Герберта и сэра Джемса Грэхэма сдѣлать то же“ (6 февраля 1855 г.). Послѣдствіемъ этого письма было рѣшеніе названныхъ въ немъ „пилитовъ“ войти въ составъ кабинета Пальмерстона, благодаря чему онъ и могъ образоваться.

Минуты перехода власти отъ одного кабинета къ другому дѣлаютъ роль короны въ конституціонномъ государствѣ гораздо болѣе яркою, нежели она представляется въ годы безмятежной власти того или иного министерства. Послѣ тяжелаго опыта столкновенія съ торіями въ началѣ царствованія, королева всегда ясно сознавала въ эти минуты свой высокій долгъ конституціоннаго монарха. Принося въ жертву ему свои личныя чувства, она научилась служить тому идеалу, о которомъ она писала въ своемъ дневникѣ въ день восшествія на престолъ.

И съ какою грустью говоритъ королева о тѣхъ случаяхъ, когда политическая комбинація не позволяла ей найти дѣйствительно цѣлесообразный выходъ изъ трудныхъ положеній. Въ 1852 г. отставка лорда Джона Росселя заставила ее призвать ко власти лорда Дерби, главу консерваторовъ. Вотъ что пишетъ она Леопольду I по этому поводу: „Большія и не очень пріятныя событія случились съ тѣхъ поръ, какъ я вамъ писала. Я знаю, что Ванъ-де-Вейеръ (бельгійскій посланникъ въ Лондонѣ) увѣдомилъ васъ обо всемъ, о дѣйствительно (до послѣдняго дня) нежданномъ пораженіи и о принятіи управленія

лордомъ Дерби, съ очень плачевнымъ кабинетомъ [1]). Я считаю, однако, необходимымъ, чтобы они попытали свои силы, и поэтому примирилась съ этимъ. Разъ страна останется спокойной и они будутъ осторожны въ своей внѣшней политикѣ, я отнесусь къ этому опыту настолько терпѣливо, насколько могу"... (24 февраля 1852 г.; II, 372).

Было бы большою ошибкою думать, что сознательное и честное подчиненіе системѣ парламентскаго правительства знаменовало собою для королевы полный отказъ отъ участія въ государственномъ управленіи. Мы слишкомъ склонны довѣрять Бэджготу въ его классическомъ описаніи англійской королевской власти, какъ чисто „орнаментальной" части англійской конституціи. Болѣе глубокій знатокъ исторіи этой конституціи [2]) предостерегаетъ отъ увлеченія такимъ тезисомъ: „Немногіе — говоритъ онъ — на самомъ дѣлѣ знаютъ, много или мало вліяютъ на ходъ управленія личныя желанія королевы. Я сильно подозрѣваю, что въ общихъ представленіяхъ ея вліяніе скорѣе преуменьшается, нежели преувеличивается". Переписка королевы краснорѣчиво подтверждаетъ правильность этого мнѣнія.

Въ области чисто внутренняго управленія королева съ самаго начала царствованія склонна была довѣрять своимъ конституціоннымъ совѣтникамъ и рѣдко брала на себя иниціативу какихъ-либо новыхъ мѣропріятій или критику того, что дѣлали ея министры. За исключеніемъ, повидимому, лишь вопроса объ ирландскомъ гомрулѣ, выдвинутаго во второй половинѣ ея царствованія, королева была чужда какого-либо предвзятаго консерватизма или страха реформъ. Она прониклась тѣми коренными свойствами, которыя отличаютъ государственное творчество Англіи: отсутствіемъ политическаго доктринерства, готовностью жить по старому образцу, пока жизнь не потребуетъ его измѣненія, твердою рѣшимостью въ ту минуту, когда выяснилась необхо-

---

[1]) Взглядъ королевы оказался ошибочнымъ: въ составъ кабинета вошелъ, въ качествѣ канцлера казначейства и лидера палаты общинъ, Дизраэли, сразу превратившійся изъ эксцентричнаго литератора и честолюбиваго homo novus въ руководителя судебъ Англіи. Впрочемъ самъ Дерби говорилъ о своихъ товарищахъ: „Я чувствую себя весьма хорошо съ моими ребятами (babies)". Мало-по-малу королева научилась цѣнить Дизраэли и повидимому ставила его выше всѣхъ другихъ своихъ первыхъ министровъ. Могила Дизраэли украшена поставленной королевою доской съ надписью: „Дорогой и высокой памяти Бенжамена графа Биконсфильда поставленъ этотъ памятникъ его благодарнымъ сувереномъ и другомъ Викторіей К. И." (королевой-императрицей).

[2]) F. W. Maitland, профессоръ въ Кембриджѣ, авторъ извѣстнаго труда: „The constitutional history of England" (1908).

димость преобразованія, отказаться отъ традиціи, забыть вчерашнюю политическую программу и смѣло пойти на встрѣчу новшеству. Достаточно прочесть обширную переписку королевы по поводу крупнѣйшей внутренней реформы первой половины царствованія—отмѣны хлѣбныхъ законовъ, въ 1846 г.,—чтобы въ этомъ убѣдиться. Королева слѣдитъ съ живѣйшимъ вниманіемъ за судьбой этой реформы, и всѣ ея симпатіи на сторонѣ Пиля, смѣло, вопреки своей собственной программѣ, стремленіямъ значительной части своей собственной партіи и своимъ личнымъ политическимъ выгодамъ, рѣшившагося разорвать съ традиціоннымъ англійскимъ протекціонизмомъ. „Пиль—пишетъ королева своему постоянному корреспонденту, королю Леопольду—находится въ очень тревожномъ и очень странномъ положеніи, и только сила обстоятельствъ и громадная энергія могутъ помочь ему пережить сессію. Онъ дѣйствуетъ, конечно, съ величайшей незаинтересованностью, ибо еслибы онъ не чувствовалъ (что всякій, вполнѣ знакомый съ истиннымъ положеніемъ страны, долженъ чувствовать), что политика, которой онъ слѣдуетъ, единственная правильная и единственная трезвая съ точки зрѣнія блага страны, онъ никогда бы не подвергъ себя всѣмъ непріятностямъ и огорченіямъ разрыва съ друзьями“ (3 марта 1846 г.). Можно сказать, что въ области внутренней политики королева пережила и санкціонировала все, что пережилъ и чему подчинился рядовой англичанинъ за ея царствованіе; здѣсь она никого не вела за собою и не пыталась вести, а слѣдовала, какъ этотъ рядовой англичанинъ, за признанными вождями своего народа.

Иначе складывалось отношеніе королевы къ политикѣ внѣшней. Здѣсь роль ея была гораздо болѣе дѣятельной и яркой. Королева связана была близкимъ родствомъ съ большею частью царствующихъ въ Европѣ династій и поддерживала съ большинствомъ европейскихъ монарховъ постоянныя сношенія. Это служило первымъ источникомъ того живого интереса, съ которымъ она относилась къ европейскимъ событіямъ. Въ этомъ отношеніи близость къ королю Леопольду, стоявшему во главѣ государства, судьба котораго въ 30-хъ и отчасти даже въ 40-хъ годахъ составляла крупную политическую проблему, съиграла немалую роль. Черезъ него сложились ея связи съ Людовикомъ-Филиппомъ, съ одной стороны, и Германіей—съ другой. Принцъ-супругъ сталъ для нея вторымъ звеномъ съ континентомъ, а позднѣе тому же служилъ бракъ старшей и любимой ея дочери, Викторіи, съ наслѣдникомъ прусскаго престола (будущимъ императоромъ

германскимъ Фридрихомъ III). Разъ завязанныя связи никогда не прерывались, и королева больше, можетъ быть, чѣмъ всѣ ея министры, самымъ внимательнымъ образомъ слѣдила за всѣмъ, что происходило на континентѣ. Въ ея оцѣнкахъ происходившаго не было ничего дѣланнаго или навязаннаго ей извнѣ; она никогда не поддавалась въ этомъ отношеніи своимъ родственнымъ чувствамъ и всегда умѣла смотрѣть на вещи съ точки зрѣнія интересовъ своей страны. Стараясь оріентироваться вполнѣ самостоятельно, она умѣла внести въ свои оцѣнки много здраваго смысла и большую проницательность.

Интересна характеристика, данная ею, въ письмѣ къ королю Леопольду, императору Николаю Павловичу, посѣтившему Англію въ 1845 г.: „Онъ строгъ и суровъ, съ совершенно опредѣленными принципами долга, которому измѣнить ничто на землѣ его не заставитъ; очень умнымъ я его не нахожу, и его умъ лишенъ всякой культуры; его образованіе весьма недостаточно; политика и войско представляютъ единственное, чѣмъ онъ очень интересуется; къ искусствамъ и ко всякимъ мягкимъ занятіямъ онъ равнодушенъ; но онъ искрененъ, я въ этомъ увѣрена, искрененъ даже въ самыхъ своихъ деспотическихъ актахъ... Онъ слишкомъ, я скажу, откровененъ и съ трудомъ можетъ сдерживать себя... Онъ несчастливъ, и меланхолія, которая чувствуется въ его поведеніи, подчасъ на меня дѣйствовала; суровость его взора значительно ослабляется и измѣняется въ зависимости отъ того, чувствуетъ ли онъ себя хорошо (а онъ можетъ очень конфузиться), или нѣтъ... Чтобы покончить, одно-два слова о его внѣшности. Онъ очень напоминаетъ своихъ и нашихъ двоюродныхъ братьевъ Вюртемберговъ, и имѣетъ много общаго съ этой семьей. Онъ старъ теперь, но въ своей кавалергардской формѣ все еще великолѣпенъ и очень поражаетъ“... (11 іюня 1845 г.).

Вполнѣ естественно, что интересъ королевы къ дѣламъ континента и близкое знакомство съ ними заставляли ее внимательно слѣдить за внѣшней политикой своихъ послѣдовательныхъ министровъ иностранныхъ дѣлъ. Здѣсь она требовала, чтобы ея участіе не было номинальнымъ. Политика однихъ министровъ ее удовлетворяла, политика другихъ—нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ она вступала въ борьбу и съ чрезвычайной настойчивостью отстаивала свое вліяніе на ходъ дѣлъ, вліяніе, оказывать которое она считала своимъ правомъ.

Было бы трудно учесть, насколько личныя воззрѣнія королевы отражались на самомъ дѣлѣ на судьбахъ внѣшней поли-

тики Англіи за ея царствованіе; для этого пришлось бы предварительно изучить огромное количество большею частью не опубликованныхъ архивныхъ документовъ. Но въ перепискѣ королевы имѣется достаточно данныхъ, чтобы судить, по отдѣльнымъ примѣрамъ, о характерѣ участія ея во внѣшнихъ дѣлахъ Англіи. Для этого достаточно взять два эпизода: съ одной стороны, пятилѣтнюю борьбу королевы съ лордомъ Пальмерстономъ въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ, съ другой—отношеніе ея къ политикѣ лорда Джона Росселя въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ.

Лордъ Пальмерстонъ представлялъ любопытное сочетаніе весьма консервативнаго англійскаго „вигизма" въ области внутренней политики и весьма радикальныхъ тенденцій и далеко идущаго либеральнаго „имперіализма" (тогда слово это еще не было придумано) въ области политики внѣшней. Можетъ-быть именно благодаря этому сочетанію, рѣдко какой-либо другой министръ пользовался такой огромной популярностью въ Англіи за прошлое столѣтіе. Королевѣ, напротивъ того, чужды были въ равной мѣрѣ оба свойства политическаго кругозора Пальмерстона. Антагонизмъ не замедлилъ обнаружиться послѣ того какъ Пальмерстонъ вошелъ, въ качествѣ государственнаго секретаря по иностраннымъ дѣламъ, въ составъ вигскаго министерства лорда Джона Росселя (1846).

Вотъ первые признаки зарожденія конфликта. Португалія служила въ первой половинѣ прошлаго вѣка театромъ постоянной гражданской войны. Въ серединѣ 40-хъ годовъ королева Марія вызвала своей политикой возстаніе части страны. Лордъ Пальмерстонъ не замедлилъ заявить себя сторонникомъ инсургентовъ. Нижеслѣдующее письмо рисуетъ отношеніе королевы къ этой политикѣ: „Королева только-что получила проектъ депеши лорда Пальмерстона на имя м-ра Соутерна (повѣренный въ дѣлахъ въ Лиссабонѣ) и должна замѣтить, что не вполнѣ одобряетъ ея тонъ, ибо онъ способенъ только разсердить, не произведя никакого впечатлѣнія. Если спрашиваютъ нашего мнѣнія, оно должно быть высказано въ духѣ безпристрастія и справедливости. Депеша лорда Пальмерстона производитъ такое впечатлѣніе, будто мы цѣликомъ беремъ сторону мятежниковъ, поведеніе которыхъ, по меньшей мѣрѣ, незаконно и подлежитъ осужденію. Лордъ Пальмерстонъ вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ, будто народъ и оппозиція—одно и то же. На чемъ мы можемъ настаивать, это—возвращеніе къ конституціонному правительству. И совѣтовать мы можемъ соглашеніе съ оппозиціей. Какое министерство

должно быть образовано — это слѣдуетъ предоставить самимъ португальцамъ. Такъ какъ сегодня 28-ое, то королева боится, что депеша была уже отправлена вчера. Королева надѣется, что на будущее время лордъ Пальмерстонъ не будетъ лишать ее возможности высказывать свое мнѣніе пока еще не поздно"... (28 ноября 1846 г.).

Лордъ Пальмерстонъ весьма рѣдко проявлялъ сговорчивость и шелъ на встрѣчу желаніямъ королевы. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ королева шлетъ ему новый репримандъ. „Королева много разъ просила лорда Пальмерстона, черезъ лорда Джона Росселя и лично, слѣдить за тѣмъ, чтобы проекты депешъ къ нашимъ представителямъ за границею не посылались ранѣе поднесенія ихъ королевѣ. Тѣмъ не менѣе, это до сихъ поръ дѣлается. Королева вновь выражаетъ свое желаніе, чтобы лордъ Пальмерстонъ предупредилъ возобновленіе подобной практики" (17 апрѣля 1847 г.). Нѣсколько мѣсяцевъ спустя—новое письмо такого же содержанія (9 октября 1847 г.). 1848-ой годъ еще болѣе обостряетъ отношенія. Пальмерстонъ считалъ себя призваннымъ играть крупную роль въ европейскихъ событіяхъ этого года: при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ англійскіе представители получали приказаніе вмѣшиваться во внутреннюю распрю въ той или другой европейской странѣ и поддерживать революціонное движеніе или оппозицію. Политика эта не приводила къ положительнымъ результатамъ: движенія 1848-го года всюду заканчивались торжествомъ правительствъ, сохранявшихъ чувства рѣзкой вражды къ лорду Пальмерстону. Королевѣ эта политика была совершенно непонятна и вызывала въ ней постоянное негодованіе. Въ теченіе всего революціоннаго періода она стремилась сдерживать своего министра; въ рядѣ случаевъ ей это удавалось, но часто строптивый Пальмерстонъ успѣвалъ вести свою линію, къ искреннему горю королевы.

Отношенія были настолько натянуты, что уже въ 1848-мъ году королева выразила премьеру желаніе, чтобы лордъ Пальмерстонъ передалъ свой постъ Кларендону (будущему министру иностранныхъ дѣлъ во время Крымской войны), а самъ получилъ другой портфель. Лордъ Джонъ Россель не рѣшился сдѣлать это, не безъ основанія опасаясь разрыва съ Пальмерстономъ. Полемика министра съ королевой продолжалась въ теченіе двухъ слѣдующихъ лѣтъ. Въ 1850-мъ году Пальмерстонъ, казалось, уступилъ: между нимъ и монархиней состоялось соглашеніе, изложенное въ нижеслѣдующемъ, весьма интересномъ для характеристики объема королевской власти въ Англіи, письмѣ королевы

къ лорду Джону Росселю (12 августа 1850 г.): „Ссылаясь на бесѣду о лордѣ Пальмерстонѣ, которую королева только-что имѣла съ лордомъ Джономъ Росселемъ, и на заявленіе лорда Пальмерстона, что онъ не имѣлъ въ виду проявить неуваженіе къ ней тѣми разнообразными выраженіями невниманія (neglects), на которыя она такъ долго и такъ часто имѣла случай жаловаться,—она считаетъ полезнымъ, во избѣжаніе всякихъ ошибокъ на будущее время, вкратцѣ изложить, чего она ожидаетъ отъ своего статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ. Она требуетъ: 1) чтобы онъ точно указывалъ, что онъ предлагаетъ въ каждомъ данномъ случаѣ, дабы королева могла знать столь же точно, на что она даетъ свою королевскую санкцію; 2) чтобы, разъ она дала свою санкцію на какую-либо мѣру, эта мѣра не подвергалась произвольному измѣненію со стороны министра; такой актъ она должна считать отсутствіемъ искренности по отношенію къ коронѣ и могущимъ по справедливости вызвать примѣненіе ея конституціоннаго права уволить министра. Она ожидаетъ, что ей будетъ извѣстно все происходящее между нимъ и иностранными представителями, прежде чѣмъ будутъ приниматься на основаніи этихъ переговоровъ какія-либо важныя рѣшенія, что она во-время будетъ получать иностранныя депеши и что проекты инструкцій будутъ посылаться на ея одобреніе, дабы она могла знакомиться съ ихъ содержаніемъ прежде ихъ отправленія. Королева считаетъ необходимымъ, чтобы лордъ Джонъ Россель показалъ это письмо лорду Пальмерстону". Такъ и было сдѣлано, и лордъ Пальмерстонъ письменно заявилъ Росселю, что „снялъ копію съ меморандума королевы и не преминетъ подчиниться указаніямъ, въ немъ заключающимся".

Въ этомъ договорѣ между королевой и Пальмерстономъ особенно любопытно стремленіе избѣгать всякихъ прямыхъ указаній на то, кому же изъ двухъ принадлежитъ въ концѣ концовъ власть *рѣшать* вопросы внѣшней политики. Можетъ-быть именно вслѣдствіе этого свойства договора онъ не положилъ конецъ борьбѣ. Слѣдующій годъ снова полонъ рѣзкой полемики, и лишь въ концѣ 1851 года лордъ Джонъ Россель рѣшается на отставку Пальмерстона. Иниціативу беретъ на себя самъ Россель, послѣ того какъ обнаружилось, что Пальмерстонъ, не посовѣтовавшись съ кабинетомъ и лордомъ Джономъ, безъ всякихъ видимыхъ причинъ заявилъ французскому послу Валевскому, что англійское правительство вполнѣ одобряетъ государственный переворотъ, произведенный Людовикомъ-Наполеономъ.

При назначеніи преемника Пальмерстона королева заявила,

что сохраняетъ за собою неограниченное право одобрить или не одобрить выборъ министра иностранныхъ дѣлъ (письмо къ лорду Джону Росселю 20 декабря 1851-го г.). Выборъ палъ на лорда Гранвилля, который пользовался довѣріемъ королевы.

Гораздо менѣе энергичная, но равнымъ образомъ не лишенная интереса борьба велась королевой съ лордомъ Джономъ Росселемъ, вошедшимъ, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, въ кабинетъ лорда Пальмерстона въ 1859 г. Россель былъ представителемъ той же школы, что и Пальмерстонъ, поскольку дѣло шло о народныхъ движеніяхъ въ чужихъ странахъ. Событія 1859—1860 гг. въ Италіи давали ему въ этомъ отношеніи благодарную тему. Но у него не хватало той энергіи, которая составляла слабость, но вмѣстѣ съ тѣмъ и силу Пальмерстоновской политики. Его попытки вліять на континентѣ носили болѣе или менѣе академическій и, во всякомъ случаѣ, вялый характеръ совѣтовъ политическаго доктринера. Этотъ типъ политики также былъ не по вкусу королевѣ, и она всячески старалась удержать Росселя въ рамкахъ трезваго отношенія къ событіямъ на континентѣ. Это было не такъ легко, и переписка королевы съ Росселемъ принимала иногда весьма рѣзкій характеръ. Однажды королева усумнилась, не слишкомъ ли пренебрежительно трактовалъ Россель Австрію въ качествѣ обладательницы сѣверной Италіи. На это Россель отвѣтилъ: „Лордъ Джонъ Россель позволяетъ себѣ сказать, что доктрины революціи 1688 г., доктрины, которыя поддерживали Фоксъ, Питтъ, герцогъ Веллингтонъ, лордъ Кастльри, Каннингъ и лордъ Грей, едва ли могутъ быть въ настоящее время оставлены теперешними совѣтниками вашего величества. Согласно этимъ доктринамъ, вся власть монарховъ можетъ быть ими утрачена вслѣдствіе ихъ дурного поведенія, и каждый народъ является судьей своего внутренняго управленія! Трудно ожидать отъ лорда Джона Росселя отказа отъ этихъ убѣжденій или дѣйствій вопреки имъ“ (11 января 1860 г.). Королева отвѣтила въ тотъ же день, что не понимаетъ, какое отношеніе доктрины 1688 г. имѣютъ къ дѣлу. Въ другой разъ, когда королева совѣтовала Росселю воздержаться отъ выраженія сочувствія итальянской политикѣ Наполеона III въ моментъ присоединенія Савойи, онъ отвѣтилъ: „Лордъ Джонъ Россель, къ несчастью, не раздѣляетъ мнѣній вашего величества въ отношеніи Италіи. Онъ не имѣетъ намѣренія затруднять ваше величество ненужнымъ изложеніемъ своихъ воззрѣній... Каковы бы ни были послѣдствія, освобожденіе итальянскаго народа отъ иностраннаго ига, въ глазахъ лорда Пальмерстона и лорда Джона

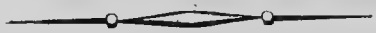
Росселя, является увеличеніемъ свободы и счастья, которому, какъ доброжелатели человѣческаго рода, они могутъ только радоваться" (9 февраля 1860 г.). Королева вернула письмо это лорду Джону Росселю черезъ Пальмерстона, замѣтивъ, что она ни словомъ не касалась освобожденія Италіи, что не считаетъ себя вычеркнутой изъ числа „доброжелателей человѣческаго рода", что она можетъ въ силу конституціи требовать доклада ей соображеній министерства и признаетъ письмо Росселя несовмѣстимымъ съ уваженіемъ, на которое она имѣетъ право (10 февраля 1860 г.). Россель поспѣшилъ извиниться.

Внѣшняя европейская политика, въ глазахъ королевы Викторіи, была тою областью, въ которой она считала себя въ правѣ если не приказывать — слѣдовъ такого воззрѣнія мы не находимъ, и оно чуждо приведенному выше „соглашенію" съ лордомъ Пальмерстономъ, — то во всякомъ случаѣ совѣтовать и даже направлять. Но отсюда не слѣдуетъ заключать, что другія сферы внѣшней дѣятельности Великобританіи ее мало интересовали. Напротивъ того, она слѣдила съ постояннымъ вниманіемъ за колоніальной политикою Англіи и за всѣми вопросами, связанными съ государственной обороной. Яркія доказательства этому мы находимъ въ ея перепискѣ. Въ колоніальной политикѣ ее интересовали не столько тонкости управленія автономныхъ или полуавтономныхъ колоній, сколько судьбы тѣхъ земель, гдѣ Англія на самомъ дѣлѣ властвуетъ и распоряжается милліонами подданныхъ низшей культуры. Мы не находимъ, напримѣръ, почти никакихъ слѣдовъ интереса къ тому крупному политическому движенію, которое привело къ введенію парламентскаго правительства въ Канадѣ (въ 30-хъ и 40-хъ годахъ) и послужило прототипомъ послѣдующаго освобожденія главныхъ англійскихъ колоній. Наоборотъ, королева съ интересомъ слѣдитъ за всѣми крупными событіями въ Индіи, находится въ постоянной перепискѣ съ руководителями индійскаго управленія и въ Лондонѣ, и въ Калькуттѣ, и обращаетъ вниманіе ихъ на то, что, по ея мнѣнію, надо и чего не надо дѣлать. Въ письмахъ, относящихся ко времени возстанія въ Индіи въ 1857 г., все остальное отходитъ на второй планъ; чувствуется, что королева нервно и глубоко переживаетъ со всею Англіей это тяжелое испытаніе. Она постоянно напоминаетъ министерству о необходимости посылки войскъ, убѣждаетъ его забыть на минуту объ экономіи, строитъ планы обороны береговъ Англіи и т. д.

Переписка, обнародованная королемъ Эдуардомъ VII, обрывается на 1861-мъ годѣ и такимъ образомъ не даетъ матеріала

для общей характеристики той роли, которую королева Викторія съумѣла себѣ отмежевать въ управленіи страною. Но если даже взять только результаты, достигнутые за эту первую, меньшую часть царствованія, то все изложенное выше, казалось бы, съ несомнѣнностью доказываетъ, что, быстро и твердо оріентировавшись въ сложной машинѣ парламентскаго управленія и признавъ безспорными и для себя обязательными рамки этого режима, королева въ то же время твердо отмѣрила свою долю участія въ государственномъ управленіи. Сложившійся такимъ образомъ порядокъ даже издали не напоминалъ систему „личнаго управленія", послѣдніе остатки которой были живы еще въ моментъ вступленія на престолъ королевы Викторіи. Установился истинно-конституціонный и парламентскій режимъ, не превращавшій монархію въ пустой символъ и вмѣстѣ обезпечивавшій полноту народныхъ правъ.

Бар. Б. Э. Нольде.



ТЕМНЫЙ КАРЦЕРЪ

(Изъ жизни Е—ской тюрьмы.)

I.

Среда. День свиданій. Черезъ каждыя десять минутъ появляется на нашемъ корридорѣ выводной ментъ (надзиратель) и выкрикиваетъ фамиліи. Доходитъ, наконецъ, очередь и до моей. Дежурный по корридору новый. Онъ еще не знаетъ, гдѣ я сижу. „Здѣсь! Здѣсь! Одиннадцатая камера!..“—кричу я черезъ прозурку.—„Приготовляйсь“.—„Готовъ“. Я иду по нашему длинному корридору къ выходу, гдѣ уже ждетъ меня выводной.

Выходимъ на дворъ и идемъ мимо большого корпуса. Я поворачиваю къ подворотнѣ, гдѣ намъ даютъ свиданія; онъ вдругъ направляетъ меня въ другую сторону. „Къ парадному подъѣзду“.—„Къ парадному подъѣзду?“ — „Да“.—Его „да“ звучитъ сочувственно. Выводной—хорошій ментъ. Но что толку? Среди двора, опершись на ружье, стоитъ часовой и зорко слѣдитъ за нами. Я вхожу въ подъѣздъ. Высокій черный ментъ подходитъ ко мнѣ. У стѣны стоитъ другой,—любимецъ нашего старшаго, „фаворитъ“. Высокій ментъ меня обыскиваетъ. Засовываетъ руку въ карманъ пиджака и вытаскиваетъ оттуда три перевязанныя ниточками ксивы [1]). Молча и угрюмо продолжаетъ свои поиски и находитъ еще три. „Что это?“ — спрашиваетъ онъ. — „Записки“,—говорю я. Минуту онъ стоитъ въ нѣкоторой нерѣшительности, потомъ передаетъ записки „фавориту“ и уходитъ. Тотъ вертитъ ихъ въ рукахъ, читаетъ адреса. „Што-жъ ты

[1]) Записки.

ксивы таскаешь? — спрашиваетъ потомъ, бросая на меня грозный взглядъ. — Што-жъ, ты думаешь, это тебѣ такъ и пройдетъ?.. А какъ въ шею накладутъ?..“ Нѣкоторое время смотримъ другъ на друга. „Стой тутъ“,—говоритъ онъ, наконецъ, отходя отъ стѣны. Выходитъ изъ подъѣзда и идетъ къ подворотнѣ. Къ старшему пошелъ за „инструкціями“,—соображаю я. Въ подъѣздѣ никого. Я одинъ. Но все равно убѣжать некуда. Стой и жди. Слышатся шаги „фаворита“ по двору: должно быть, его. Я смотрю на дверь. Онъ. Свирѣпый взглядъ. Повелительный жестъ руки по направленію къ лѣстницѣ. Громовой возгласъ: „Въ карцеръ!“ — Невольно ускоряю шаги, быстро взбѣгаю по ступенькамъ. Площадка. Съ нея въ нижній корридоръ, гдѣ карцеръ, еще лѣстница ступеней въ пятнадцать. Я инстинктивно берусь за перила. На тотъ случай, ежели ударитъ сзади. Вдругъ не удержусь на ногахъ и полечу внизъ. Спускаюсь, слышу—догоняетъ меня. Сейчасъ ударитъ. Прибавить шагу? Но въ корридорѣ ждутъ уже другіе. Вдругъ... летитъ моя шляпа! Я спотыкаюсь, но удерживаюсь на ногахъ. „Подыми шляпу!“—Я хватаю шляпу, бросаюсь внизъ, вбѣгаю въ нижній корридоръ. Въ немъ всегда полумракъ. Дневной свѣтъ проникаетъ въ него лишь чуть-чуть. Постоянно горятъ три или четыре керосиновыхъ лампочки. Отъ столика, напротивъ дверей, поднимаются мнѣ на встрѣчу темныя фигуры. Намѣренія ихъ ясны. Ждутъ, когда пройду мимо нихъ. Сзади „фаворитъ“. Я быстро прохожу мимо темныхъ фигуръ. Тумаки съ разныхъ сторонъ. Кто-то хватаетъ меня за руку. Кто-то ударяетъ ключами въ бокъ. Я вырываю руку, бѣгу дальше. Карцеръ. Я останавливаюсь у двери. Надо еще ждать, пока откроютъ и впустятъ. Менты окружаютъ меня со всѣхъ сторонъ. „Фаворитъ“ подходитъ ко мнѣ вплотную и замахивается кулакомъ: „Сволочь!.. Не будешь ксивы таскать?“— „Обыскать его?“—спрашиваетъ кто-то за моей спиной. — „Не надо, обысканъ“.—„Поясъ отдай“,—говоритъ мнѣ „фаворитъ“. Я отдаю поясъ. Дверь открыта. Старый и плюгавый ментъ толкаетъ меня въ узкій длинный корридорчикъ. Въ концѣ его другая дверь, уже въ самый карцеръ. Онъ идетъ за мной, чтобъ открыть ее. Передо мной какая-то черная большая дыра. Я стараюсь поскорѣй проскользнуть въ нее, но все-таки еще успѣваю получить тумака въ спину. И слышу, какъ летятъ мнѣ вслѣдъ изъ стараго беззубаго рта нехорошія слова. Дверь захлопывается.

II.

Я среди совершеннаго мрака. Стою не шевелясь, не зная, куда ступить. Вдругъ гдѣ-то справа движеніе, голосъ:—„Кто это? Откуда?"—Голосъ знакомый, но такой въ головѣ шумъ и безпорядокъ, что не могу сразу припомнить—чей. „Вы не... Семенъ?" — „Я самый и есть". Мы нащупываемъ другъ друга и здороваемся. „Ни черта не вижу, Семенъ!"—восклицаю я.—„Ну, и я не больше тебя. Впрочемъ, я уже немного оріентировался. Идемъ, я подведу тебя къ койкѣ". Держась за руки, осторожно подвигаясь впередъ, мы къ ней подходимъ и садимся. „Тутъ всего три вещи,—говоритъ онъ,—вотъ эта койка, кубъ съ водой и параша. Параша безъ крышки. Прими во вниманіе!.. Когда тебя впихнули сюда, я подумалъ, не сучка ли [1]). Хорошо бы, ежели бы и дальше сажали изъ нашей публики. Сидѣть—Богъ вѣсть сколько придется. По крайней мѣрѣ, чтобъ ужъ со своими".

Онъ тоже попался за ксивы. Минутъ за десять передо мной. Мы оба подъ одинаково сильнымъ и живымъ впечатлѣніемъ приключившейся съ нами непріятности. Хочется говорить, говорить безъ конца. Нервы напряжены до крайности. Часто, однако, умолкаемъ и начинаемъ прислушиваться. Малѣйшій шумъ въ корридорѣ отдается въ карцерѣ съ двойной силой и тревожитъ наши уши. Часто кажется, будто тамъ бьютъ кого-то, кто-то кричитъ. Въ такомъ напряженномъ состояніи пребываемъ мы до самой повѣрки. Первый ударъ колокола на повѣрку доносится до насъ со двора еле слышный, заглушенный толстыми стѣнами карцера. „Предварительный,—не безъ тревоги говоритъ Семенъ.—Черезъ полчаса еще одинъ, и повѣрка начнется. Явится сюда вся эта орава. Какъ ты думаешь, не поколотятъ ли насъ тутъ вторично?"— „Н-у-у-у..." — протягиваю я. Но тутъ же высказываю неувѣренность.—„А, впрочемъ..."—„Можетъ статься",—заключаетъ онъ. Бесѣда вяло поддерживается нами. Уже нѣтъ той приподнятости въ настроеніи, что была вначалѣ. Усталость чувствуется, да и ожиданіе повѣрки отбиваетъ охоту говорить о чемъ-нибудь.

---

[1]) „Сука", „суки"— такъ называютъ арестанты тѣхъ, кого изгоняютъ изъ своей среды за шпіонство, доносы и т. д. Систематическимъ преслѣдованіемъ послѣднихъ доводятъ до того, что они сами просятъ начальство убрать ихъ куда-нибудь. Ихъ уводятъ въ спеціально для того предназначенныя камеры; эти камеры называются „сучьими кутками" или „сучьими департаментами". Городовые, околоточные и т. п., попадающіе въ тюрьму, тоже помѣщаются тамъ.

Второй ударъ колокола. Мы напряженно прислушиваемся. Слышимъ топанье надъ нашими головами. „На среднемъ корридорѣ,—говоритъ Семенъ.—Еще немного времени, и повѣрка уже на нашемъ. Она идетъ очень быстро. Двери почти непрерывно хлопаютъ одна за другой, словно только то и дѣлаютъ, что отворяютъ да затворяютъ ихъ, не считая арестантовъ. У насъ, когда берутъ на казнь, то обыкновенно послѣ вечерней повѣрки. И тогда съ ней спѣшатъ". Одна и та же мысль,—не уведутъ ли и сегодня кого-нибудь,—приходитъ намъ въ голову.

Вотъ они уже около нашего карцера. Одна за другой открылись двери—внушительная картина. Два мента съ сжатыми кулаками входятъ къ намъ и становятся у стѣны. Третій останавливается у порога, высоко поднимаетъ фонарь и освѣщаетъ насъ. Потомъ влетаетъ старшій, быстро подходитъ къ намъ. Мгновеніе кажется, что онъ или лично „руку приложитъ", или дастъ „инструкцію". Не даромъ же тѣ стоятъ съ сжатыми кулаками. Но старшій живо поворачивается къ намъ бокомъ, склоняется немного къ фонарю и пишетъ на бумажкѣ карандашемъ.—„Ну, кажется, сойдетъ",—думаю я. Вдругъ онъ бросаетъ на насъ косой взглядъ—и снова пишетъ. Тягостная тишина. Онъ словно нарочно медлитъ, водитъ карандашемъ еле-еле. Наконецъ поворачивается къ намъ спиной и выходитъ. За нимъ вся свита. „Сошло!"—толкаю я Семена. Мы облегченно вздыхаемъ. „И въ слѣдующіе дни будетъ сходить,—говоритъ онъ:—попугать хотѣлъ".—„Постой-ка, братъ, а сколько-жъ дней намъ сидѣть придется?"—„Ну, это, другъ, неизвѣстно". Мы снова усаживаемся на нашу койку. Ждемъ. Повѣрка пошла въ малый корпусъ. Если минутъ черезъ десять, какъ кончатъ тамъ подсчетъ арестантовъ, вернутся снова въ нижній корридоръ, гдѣ камеры смертниковъ, значитъ, будутъ брать на казнь. Прислушиваемся. И вотъ слышимъ опять топанье ногъ за дверьми. Возвратились. Хлопанье дверей, удаляющіеся шаги, тишина опять.—„Кто-то, кажется, закричалъ на дворѣ",—говорю я Семену.—„Не слышалъ",—отвѣчаетъ онъ. Какая-то суета на корридорѣ. Рѣзкій и раздражительный, какъ всегда, голосъ старшаго: „Чанъ съ водой!" Намъ становится понятнымъ все сразу. Когда смертниковъ выводятъ на дворъ и подходятъ съ ними къ подворотнѣ, они тутъ оборачиваются лицомъ къ корпусу и прощаются съ товарищами. И обыкновенно не успѣваютъ выговорить этихъ двухъ словъ: „Прощайте, товарищи", на нихъ бросаются со всѣхъ сторонъ, хватаютъ за глотки, бьютъ. И иногда такъ, что потомъ отливаютъ водой. Проходитъ еще нѣкоторое время въ суетѣ и бѣготнѣ по корридору. Потомъ снова

тишина. Ежели не возьмутъ въ карцеръ кого-нибудь, то до утра ее ничто уже не нарушитъ. Развѣ только ночью, въ двѣнадцать часовъ, услышимъ смѣну ментовъ.

— „Эхъ, покурить бы сейчасъ!—мечтаю я вслухъ. Семенъ не куритъ и не выражаетъ сочувствія.—Страшно подумать, ежели долго придется сидѣть, а табаку не будетъ".—„Можетъ, посадятъ кого съ табакомъ",—снисходитъ онъ къ моему положенію. Я ощупываю койку рукой.—„Узковата. Какъ-то мы съ тобой на ней уляжемся? Развѣ бочкомъ и обнявшись, чтобъ не слетѣть? Придется".—Мы укладываемся и кладемъ себѣ подъ головы широкополую мою шляпу. За усталостью не замѣчаемъ неудобствъ и скоро засыпаемъ.

III.

Непріятное пробужденіе. Во всемъ тѣлѣ ломота, знобитъ. Утромъ въ карцерѣ холоднѣе, и больше ощущается сырость. Утромъ? А можетъ, еще не утро, а ночь? Какъ здѣсь опредѣлить время? Только послѣ повѣрки начинается въ тюрьмѣ движеніе, а до нея — тихо. Пожалуй, время можно опредѣлить по нашимъ бокамъ. Порядочно-таки болятъ. Вѣроятно, спали долго. Во всякомъ случаѣ спать больше уже нельзя. Не услышишь, какъ придетъ повѣрка, не соскочишь сразу съ койки, тогда ужъ навѣрняка быть биту. Однако, много еще времени проходитъ, пока наконецъ мы слышимъ удары колокола. Къ намъ входитъ одинъ старшій. Видъ его уже не такъ воинственен и свирѣпъ. Посмотрѣлъ, записалъ, ушелъ. Мы подходимъ къ прозуркѣ и прислушиваемся къ тому, что дѣлается на корридорѣ. Когда близко подходишь къ прозуркѣ, тогда только видишь, что въ ней чуть-чуть брезжитъ свѣтъ. А когда смотришь въ нее — видишь въ полумракѣ длинный корридоръ, первую дверь, а въ ней— такую же прозурку, какъ наша, равную пятаку, ежели его увеличить вдвое. Въ ней свѣтъ ярче, но и онъ становится едва замѣтнымъ, когда затворяютъ дверь, что ведетъ изъ корридора на дворъ. Эти двѣ прозурки открываютъ очень маленькій доступъ воздуха въ карцеръ. Что-то несутъ тяжелое, что-то съ грохотомъ ставятъ на полъ. Льется вода. Это принесли умывальники. Сейчасъ начнется оправка. Мы, конечно, не пойдемъ на оправку: мы сидимъ не только „на хлѣбѣ, на водѣ", но и на „парашѣ". Отворяются камеры, стучатъ арестантскіе коты, иногда раздаются какіе-то глухіе удары, такъ, какъ будто бьютъ по спинамъ, и

слышатся ругательства. Это менты торопятъ, чтобъ скорѣй оправлялись. Наконецъ, на корридорѣ движеніе затихаетъ. Подходятъ къ нашему карцеру. Мы отходимъ отъ прозурки. Впереди дневальный—уголовный арестантъ, позади дежурный ментъ. Осматриваетъ насъ внимательно, командуетъ: „Выставляй парашу". Семенъ подаетъ дневальному парашу. „Вода есть?"—спрашиваетъ ментъ.—„Есть,—говоримъ мы,—но нельзя ли перемѣнить? Тутъ воздухъ плохой,—она скоро портится".—„Въ карцеръ попалъ, пей вонючую. Дай имъ пайки". Дневальный подаетъ намъ два пайка чернаго хлѣба, затѣмъ возвращаетъ обратно парашу. Дверь захлопывается. Мы опять во мракѣ. Ощупью находимъ кубъ, на крышку котораго положили хлѣбъ. Закусываемъ. Потомъ по очереди становимся передъ кубомъ на колѣни и втягиваемъ изъ него воду въ себя, какъ коровы. Къ заржавленнымъ краямъ его непріятно прикасаться губами, а кружки нѣтъ. Съ непривычки мочимъ носы. Вода пованиваетъ, но мы пьемъ ее жадно. Жажда здѣсь ужасно какъ мучитъ. А курить какъ хочется! Настроеніе у насъ сильно понизилось. Мы все больше молчимъ. Лежалъ бы все, да двумъ неудобно. Мы чередуемся. Не спишь, а такъ просто—валяешься. Только вечеромъ передъ повѣркой немного оживляемся. Занимаемъ обычную позицію у койки, напротивъ двери. Становимся рядомъ. Старшій входитъ совсѣмъ спокойно, даже не глядя на насъ. Но въ корридорѣ вдругъ движеніе среди ментовъ. Мы слышимъ нѣжный теноръ „толстаго помощника". „Это здѣсь литераторы сидятъ? Интересно! А покажите ка мнѣ этихъ литераторовъ". Входитъ и окидываетъ насъ насмѣшливымъ взглядомъ.—„Паршиво писать, правда?"—Старшій кончаетъ запись и уходитъ. За нимъ „толстый помощникъ" и всѣ. „Вотъ мы и произведены въ литераторы",—говорю я. Семенъ дѣлаетъ предположеніе: „Видно, найденная у насъ литература имъ не нравится, ежели такъ интересуются нами. Это не обѣщаетъ ничего хорошаго"—заканчиваетъ онъ мрачно...

IV.

Спать не хочется. Какая-то возня у карцера привлекаетъ наше вниманіе. Я добираюсь до прозурки, прикладываю къ ней ухо. Звенятъ ключи, кто-то сопитъ, пыхтитъ. Черезъ нѣкоторое время впрыгиваетъ къ намъ чья-то темная фигура. Мелькаетъ на секунду свѣтъ и опять ничего не видно. Семенъ съ койки чинитъ допросъ. „Откуда?"—„Съ верхняго корридора",—отвѣчаетъ

кто-то жалобнымъ голосомъ. „А!“—одобрительно замѣчаетъ Семенъ. На верхнемъ корридорѣ нѣтъ сучьихъ кутковъ. Мы задаемъ еще нѣсколько вопросовъ, и личность вновь прибывшаго уже не возбуждаетъ въ насъ никакихъ опасеній. „А какъ зовутъ?“—„Павлюченко... Охъ, били жъ, шобъ имъ!.. Охъ, и били жъ!.. Вотъ этотъ... онъ называетъ имя мента,—такъ ключами далъ въ бокъ, я ажъ присѣлъ... Охъ, и били жъ!..“ „А табакъ есть?“—спрашиваю я.—„Та есть“... Тяжелый вздохъ во мракѣ. „Ну и молодчина жъ вы!“—посылаю я въ темноту восторженное восклицаніе.—„Хлопцы въ бушлатъ зашили... А гдѣ жъ вы?..“—„А мы тутъ“.—Онъ медленно и неувѣренно идетъ къ намъ. Рука его натыкается на мое плечо. Я притягиваю его къ койкѣ. Онъ садится между нами. „А какъ же вамъ табакъ успѣли зашить?“—„Заранѣе извѣстно было все. Я переговаривался черезъ прозурку на пальцахъ съ Шиломъ. Знаете? Камера его напротивъ нашей. Ментъ увидалъ. Того не замѣтилъ, а меня поймалъ. Ну и знали уже, что на повѣркѣ или послѣ повѣрки въ карцеръ заберутъ. Ментъ не донесъ сразу. Хлопцы позашивали табаку, спичекъ наломали. Вотъ сейчасъ закуримъ. Бушлатъ распорю“. Бушлатъ распоротъ. Павлюченко суетъ мнѣ въ руку бумажку и осторожно начинаетъ насыпать на нее махорку: я скручиваю папиросу. — „Ну, подождите-жъ, я себѣ сдѣлаю, тогда спичку достану“. — Онъ зажигаетъ спичку. Мы пользуемся маленькимъ свѣтомъ ея и посматриваемъ другъ на друга. Совершенно мнѣ незнакомое лицо, худое, безъ усовъ, безъ бороды. Быстрые, живые глаза. „Вы мнѣ казались большимъ и толстымъ,—говорю я ему.—А вы совсѣмъ не толстый и маленькій къ тому же“.—„Чего-жъ я вамъ казался толстымъ?“—„Не знаю“. Мы смѣемся. Спичка тухнетъ. Затяжка за затяжкой—и я прихожу въ великолѣпное расположеніе духа. Очень пріятно смотрѣть, какъ вспыхиваютъ огоньки нашихъ папиросъ и на моментъ озаряютъ робкимъ слабымъ свѣтомъ кусочекъ нашего карцера. Павлюченкѣ не даетъ покоя вопросъ, сколько его въ немъ продержатъ. И другія мысли его безпокоятъ. „Какъ же мы спать будемъ?“—„Чередоваться можно“.—„Я лучше на полу лягу“. „На полу скверно“.—„Отчего?“—Онъ наклоняется къ земляному полу, посыпанному пескомъ, и прикасается къ нему рукой.—„Ой, и мокро жъ!“—„Конечно“.—„Ну, такъ вы оба ложитесь, а потомъ мнѣ мѣсто кто-нибудь дастъ“. Я предлагаю ему разбудить меня въ двѣнадцать часовъ. Это время не трудно опредѣлить: какъ разъ ночная смѣна ментовъ, шумъ въ корридорѣ. Семенъ и я ложимся. Павлюченко садится въ нашихъ ногахъ, на конецъ койки. Не знаю, сколько я сплю. Просыпаюсь, зову: „Павлюченко!.. Павлю-

ченко!"—Отвѣта нѣтъ.—„Павлюченко!"—Ни звука. Не выдержалъ Павлюченко. На землѣ пристроился. Я нахожу его и толкаю. Не слышитъ. Крѣпко спитъ. Я снова ложусь рядомъ съ Семеномъ. Но не спится. Была ли уже смѣна ментовъ? Я долго лежу и долго прислушиваюсь, но тихо на корридорѣ. Въ концѣ концовъ мнѣ удается растолкать Павлюченку и растолковать ему, что лучше лечь на койку, чѣмъ валяться на мокромъ полу. Онъ что-то бурчитъ и ложится на мое мѣсто. Я пробую прогуляться по карцеру. Особенно не разгуляешься. Онъ очень малъ, и притомъ тьма кромѣшная. Мѣшаетъ и то, что стѣны круглыя. На лбу шишка не вскочитъ, разъ ходишь съ протянутыми руками. Но зато то и дѣло задѣваешь или парашу, или кубъ съ водой. Скучно. Я снова сажусь на койку и съ нетерпѣніемъ жду повѣрки.

V.

Повѣрка, потомъ шумъ въ корридорѣ во время оправки, появленіе дежурнаго въ карцерѣ, выдача хлѣба, воды—все это вноситъ разнообразіе маленькое въ карцерную жизнь. Правда, въ двѣнадцать часовъ дня бѣготня въ корридорѣ: разносятъ по камерамъ баки съ баландой [1]). Но это только разстраиваетъ намъ нервы. Какъ ни плоха наша баланда, а все-таки то, что мы лишены ея, скверно отзывается на насъ. Одного чернаго хлѣба и воды слишкомъ мало. Лежишь иной разъ, и все представляются какія-нибудь вкусныя вещи, до того вкусныя, что прямо слюнки текутъ. Говоришь сокарцерникамъ:—„Ахъ, други, вотъ чего бы я съѣлъ"... Но и съ ними происходитъ то же самое. „Вы знаете, что̀ хорошо сейчасъ было бы съѣсть?"—мечтательно говоритъ Семенъ и называетъ какое-то блюдо. „Это ерунда,—рѣшаетъ Павлюченко.—Самое лучшее—это большой кусокъ хорошаго сала". — „Совершенно вѣрно, — присоединяюсь я къ нему:—сало, и потомъ нѣсколько стакановъ крѣпкаго, горячаго чая". „И папиросы",—насмѣшливо прибавляетъ Семенъ, оставшійся въ одиночествѣ.—„И папиросы!"

На четвертыя сутки нашего сидѣнья съ Семеномъ Павлюченко былъ выпущенъ. Утромъ является старшій.—„Ты выходи

---

[1]) Баланда—арестантскій борщъ: горячая вода, куда кладутъ квашеную капусту, картошку, мясо третьяго сорта изъ бычачьихъ головъ. Оно даетъ очень слабый наваръ, да и мало его въ баланду кладутъ.

отсюда... Помни, если... еще разъ повторится—шкуру спущу"...— Павлюченко быстро выходитъ. Старшій отдаетъ приказанія:— „Поставить имъ лампу! Дверь въ этотъ корридоръ оставить открытой! Въ обѣдъ дать имъ горячую пищу!"—„Слушаюсь",— отвѣчаетъ дежурный. Дневальный вноситъ поганенькую лампу и ставитъ ее на полъ. Мы остаемся одни.—„Итакъ,—говоритъ Семенъ,—сидимъ [1]) семь сутокъ".—Какъ бы то ни было, мы рады свѣту. Семенъ поднимаетъ лампу. Мы ходимъ по карцеру и осматриваемъ стѣны. Влажныя и холодныя отъ сырости, что̀ огромными, уродливыми пятнами выступаетъ на нихъ то тутъ, то тамъ, онѣ имѣютъ крайне непривлекательный видъ. Ползаютъ по нимъ мокрицы и еще какія-то насѣкомыя. Кое-гдѣ выдолблены буквы, но такимъ несовершеннымъ орудіемъ, что большую часть ихъ нельзя разобрать, и словъ изъ нихъ не вылѣпишь. Мы наклоняемся къ полу. Въ пескѣ кишмя кишатъ маленькіе темные жучки. Ничего интереснаго больше не находимъ. Семенъ ложится. Я сажусь и болтаю ногами. При свѣтѣ лампы это занятіе здѣсь кажется очень интереснымъ. Чудовищныя тѣни падаютъ отъ моихъ ногъ на стѣну и скачутъ по ней самымъ прелюбопытнымъ образомъ. Когда устаютъ ноги, я пускаю въ ходъ руки и пытаюсь изобразить ими что-нибудь. Но мои старанія ни къ чему не приводятъ. Одинъ изъ моихъ бывшихъ сожителей по камерѣ былъ знатокъ этого дѣла. Изъ своихъ пальцевъ чего только ни создавалъ онъ: попъ шелъ у него по стѣнѣ; заяцъ, притаясь, настораживалъ уши; господинъ въ цилиндрѣ гулялъ... А у меня даже заяцъ не выходитъ. Даже досада беретъ, что я тогда у него не поучился. Все-таки было бы развлеченіе. Семенъ спитъ. На немъ, повидимому, сильнѣе, чѣмъ на мнѣ, отражается сидѣнье въ карцерѣ. Онъ больше нервничаетъ, рѣже съ койки встаетъ. Звонокъ на обѣдъ. Я бужу его. Сейчасъ принесутъ намъ баланду. Но ждать приходится еще долго: карцеры послѣдними получаютъ. Наконецъ,—наша очередь. Мы набрасываемся на горячую баланду съ жадностью. На днѣ миски не остается ничего. Животы наши полны до того, что даже вздулись. И брюки ужъ не приходится подтягивать каждую минуту. Я чувствую себя отлично. Только сытости въ баландѣ никакой нѣтъ. Сколько ея ни съѣшь—часа черезъ два-три опять ѣсть хочется. Передъ самой повѣркой мы дѣлаемъ

---

[1]) Посаженныхъ на недѣлю въ темный карцеръ на четвертыя сутки переводятъ въ свѣтлый, или просто въ темный карцеръ даютъ лампу; выдается также горячая пища. Слѣдующія трое сутокъ наказанные—опять на прежнемъ положеніи.

открытіе. Подходимъ къ кубу, чтобы напиться. Снимаемъ хлѣбъ и видимъ по краямъ его подозрительныя полоски,—„Плѣсень,— говоритъ Семенъ. — Хорошо, что мы въ предыдущіе дни въ это время почти не прикасались къ нему".

Дѣйствительно, къ вечеру онъ такъ сырѣетъ, что становится непріятнымъ на вкусъ.

На повѣркѣ у насъ забираютъ лампу и запираютъ дверь въ корридорчикъ. Конченъ „свѣтлый карцеръ". Мы опять впотьмахъ.

VI.

Утромъ слѣдующаго дня, въ часъ получки нами хлѣба, выставленія параши, между ментомъ и дневальнымъ протискивается къ намъ высокая фигура въ арестантской одеждѣ. Останавливается тутъ же около насъ и недовѣрчивымъ, испытующимъ взглядомъ окидываетъ меня и Семена. Мнѣ становится непріятно и неловко отъ этого взгляда. Дежурный запираетъ карцеръ. — „Откуда?" — задаетъ обычный вопросъ Семенъ. — „Изъ тринадцатой", — отвѣчаетъ тотъ нерѣшительно. — „А!" — многозначительно дѣлаетъ Семенъ. — „Изъ сучьяго департамента, значитъ. За что же васъ загнали въ сучій кутокъ?"—Тотъ разсказываетъ длинно и долго, путаетъ, завирается. Уже съ половины его рѣчи мы догадываемся, что когда-то кого-то онъ выдалъ и что теперь онъ вретъ. Онъ и самъ смекаетъ, что мы ему не вѣримъ. Воцаряется непріятное молчаніе. — „А гдѣ вода?"—вдругъ спрашиваетъ онъ изъ темноты.—„Въ кубѣ",—неохотно отвѣчаетъ Семенъ.— „А гдѣ кубъ?"—„А какъ же я вамъ скажу, гдѣ кубъ, когда темно? Поищите сами".—Что-то большое начинаетъ двигаться во мракѣ изъ стороны въ сторону. Мы боимся, какъ бы онъ не задѣлъ насъ руками, и отодвигаемся къ стѣнѣ. Наконецъ, онъ находитъ кубъ. Мы слышимъ, какъ онъ пьетъ воду. Потомъ снова шаритъ по карцеру, — натыкается на койку и садится. У насъ одна мысль: когда его заберутъ отсюда? Теперь—прикуси языкъ. О многомъ въ его присутствіи придется молчать. Не проходитъ и минуты—его вдругъ убираютъ. Слышатся крики въ корридорѣ, битье; отворяютъ нашъ карцеръ. Голосъ: „Тотъ, что изъ 13-ой, выходи". — Тотъ, что изъ 13-ой, выходитъ. Но на его мѣсто вталкиваютъ къ намъ еще кого-то, да не одного, а сразу двухъ. Дверь быстро затворяется, мы не успѣваемъ разсмотрѣть ихъ. Опять разспросы: къ нашему общему удовольствію, все „своя публика". Сообщаемъ нашимъ гостямъ, что

только-что избавились отъ суки.—„Мы видѣли этого фрукта,—говорятъ они,—его, вѣроятно, въ другой карцеръ перевели, а, можетъ, обратно въ камеру“.

Ихъ поколотили порядочно. У Петра грудь сильно пострадала. У Николая глазъ подбитъ и бока болятъ. Перваго за рубль сюда посадили: рубль въ карманѣ нашли. У второго перехватили ксиву. Николай изъ малаго корпуса, какъ и я, только изъ другой камеры.—„Какъ же это такъ случилось,—говоритъ онъ,—что вы не успѣли получить моей записки? Мнѣ въ тотъ же день сообщили, что у насъ новые порядки—обыскиваютъ въ подъѣздѣ идущихъ на свиданіе. Я тотчасъ же всѣмъ написалъ и вамъ. Ксивы всѣ провалились?“—„Всѣ,—говорю я съ смущеніемъ.—Ни одна не уцѣлѣла!“—„Въ нихъ ничего важнаго не было. Мнѣ потомъ, какъ васъ взяли, сами же авторы и авторши такъ передавали“.—„А выписка была [1])?“—„Уже“.—„А у насъ?“—обращается Семенъ къ Петру. Они оба изъ большого корпуса. „Тоже была“,—отвѣчаетъ тотъ. „Ну, пусть только, черти, не оставятъ мнѣ колбасы или чего-нибудь,—всѣмъ головы поразбиваю“.—Мы смѣемся.

VII.

Опять возня на корридорѣ около нашего карцера. Отворяются одна за другой двери. Высокій, плотный арестантъ появляется на порогѣ. Чей-то кулакъ поднимается и быстро опускается ему на голову. На секунду мелькаетъ изъ-за двери физіономія нашего дежурнаго. Онъ маленькаго роста. Вѣроятно, становится на цыпочки, чтобы достать до головы арестанта: такъ онъ вытягиваетъ руку, нанося удары. „Да будетъ уже“,—довольно спокойно говоритъ тотъ. Удары, повидимому, не производятъ на него особенно сильнаго впечатлѣнія. Дежурный оставляетъ его и захлопываетъ дверь. „Кто здѣсь?“—спрашиваетъ новый посѣтитель. „А вы кто?“—„Крушицкій. Не слыхали?“—„Нѣтъ“.—„Я изъ А—ской тюрьмы съ этапомъ пришелъ. Тутъ у меня судъ будетъ“.—„За что судиться будете?“—„За побѣгъ... Гдѣ вы сидите? Сколько васъ? Мѣста много?—Можно примоститься къ вамъ?“—задаетъ онъ вопросъ за вопросомъ. Онъ намъ почему-то внушаетъ довѣріе.—„Насъ четверо. Мѣста нѣтъ. Но мы вамъ усту-

---

[1]) Всѣ тѣ продукты, что арестанты выписываютъ за свои деньги черезъ контору тюрьмы.

пимъ. Идите, садитесь".—Каждый изъ насъ предлагаетъ ему свое мѣсто, но онъ отказывается. — „Я на полу". — „Тамъ сыро очень".—„Мнѣ ничего не станется".—Онъ грузно садится на полъ и подтягиваетъ кандалы.—„Не умѣютъ бить у васъ".—„А за что васъ привели сюда?"—„Въ подворотнѣ, когда обыскивали, записку нашли. Въ подкандальникѣ была зашита... Били меня вашъ старшій и еще какой-то старикашка. Это бы ничего. Да мальчишка вдругъ откуда-то выскочилъ. Лѣтъ пятнадцати-шестнадцати. Въ фуражкѣ съ кокардой"... „Это писарь",—говоримъ мы.—„Не знаю ужъ... „бейте его", кричитъ, „получше, онъ бѣглый". Такое зло меня взяло!.. Ногтемъ его раздавить можно. А тоже... Ну, а у кого жъ табакъ есть?"—„У Павлюченко былъ, да его такъ неожиданно взяли отсюда, что онъ не успѣлъ и оставить".—„У меня немного,—объявляетъ Николай,—и четыре спички. Только обо что ихъ зажечь?"—„У меня есть деревянный мундштукъ",—говорю я. И объясняю, какое употребленіе можно изъ него сдѣлать. Семенъ отодвигается къ стѣнѣ. Мы выбираемъ мѣстечко на краю койки и, сильно надавливая, быстро водимъ по немъ мундштукомъ. Образуется желобокъ. Найдя его достаточно нагрѣтымъ, Петръ беретъ спичку у Николая и проводитъ ею по желобку. Вылетаютъ двѣ-три искорки, а огня нѣтъ. То же со второй, третьей, четвертой спичкой.—„Отсырѣли",—съ отчаяніемъ восклицаетъ Петръ.—„Воздуху мало,—говоритъ намъ Крушицкій,—развѣ тутъ можетъ горѣть огонь?"—„Скорѣй бы выйти отсюда,—стонетъ Петръ.—Что̀ если сидѣть тутъ недѣли двѣ да безъ табаку? Съ ума сойти можно!"—„И табакъ есть, а закурить нельзя",—смѣется Семенъ.—„Ну, ты лежи тамъ да помалкивай",—говоримъ мы съ раздраженіемъ.

VIII.

„Какъ добыть огня?"—„Давайте водить мундштукомъ по желобку, пока не загорится",—предлагаю я.—„Пустая затѣя!"—говоритъ Петръ. Потомъ онъ соглашается. Мы трёмъ. То я, то онъ. Трёмъ долго. Начинаетъ пахнуть гарью. Трёмъ дальше. Долго! Только гарью пахнетъ, и ничего больше. Наконецъ, мы бросаемъ эту работу. Нѣтъ силъ больше, нѣтъ вѣры въ успѣхъ. Николай смѣняетъ насъ, но сдается спустя двѣ минуты.—„Окончательно не везетъ вамъ",—говоритъ Семенъ. Мы угрюмо молчимъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ все труднѣе становится дышать въ нашемъ карцерѣ. Слишкомъ малъ онъ для пятерыхъ. А тутъ

еще у Семена разстройство желудка. Онъ часто садится на парашу. А параша ничѣмъ не прикрытая, очищается разъ въ сутки. Все чаще подходишь къ прозуркѣ и тянешь воздухъ изъ корридорчика. Все же онъ лучше нашего. Стоишь у прозурки, пока не устанешь. Обернешься назадъ—и тотчасъ со всѣхъ сторонъ лѣзетъ на тебя что-то вонючее, липкое, влажное, залѣзаетъ въ носъ, ротъ и давитъ грудь. Сутокъ за двое до моего выхода на вечерней повѣркѣ потухла лампа. Входитъ ментъ съ лампой, потомъ старшій. Свита въ корридорѣ. Вдругъ огонь начинаетъ мигать, быстро уменьшается и тухнетъ.—„Лампа погасла!"—удивленно восклицаетъ кто-то изъ ментовъ. Старшій приказалъ принести другую, но не вносить въ карцеръ, а свѣтить ему изъ корридорчика. Такъ было и на слѣдующихъ повѣркахъ. Старшій уже не входитъ къ намъ и съ порога считаетъ. И не задерживается ни на одну секунду. Видно, и у него сильно щекочетъ въ носу отъ нашей атмосферы.

IX.

Вотъ, наконецъ, наступаютъ седьмыя сутки нашего сидѣнья. Выпустятъ ли насъ завтра? Насколько мы знаемъ, такъ не имѣютъ права держать въ карцерѣ больше семи сутокъ подъ-рядъ. Но мы съ Семеномъ все-таки волнуемся.—„А вдругъ не выпустятъ?"—Остальные насъ успокаиваютъ. Но вотъ и завтра. На утренней повѣркѣ старшій ничего не объявляетъ. Записалъ и ушелъ, какъ всегда. Я и Семенъ падаемъ духомъ. Часа черезъ два отворяются двери. Голосъ старшаго. — „Выходи!" — А кому выходить — неизвѣстно. Мы выходимъ всѣ. У выхода изъ карцера насъ встрѣчаетъ старшій.—„А вы зачѣмъ?"—спрашиваетъ онъ Петра и Крушицкаго.—„Назадъ!"—Тѣ поворачиваютъ обратно.—„Ступайте!"—обращается онъ къ намъ. Мы всѣ трое идемъ по корридору. Дежурные менты изъ новичковъ съ любопытствомъ глядятъ на это шествіе. Мы идемъ нечесанные, съ взлохмаченными волосами, грязные. Одежда наша имѣетъ плачевный видъ.—„Стой!"—командуетъ старшій. Мы останавливаемся.—„Выдать имъ ихніе пайки!"—Маленькій уголовный арестантикъ съ хлѣбомъ въ рукахъ пробѣгаетъ бочкомъ мимо старшаго и суетъ намъ въ руки наши пайки. — „Поясъ тому отдать!" — старшій показываетъ на меня. Мнѣ возвращаютъ поясъ.—„Дальше!"—Мы всѣ трое поднимаемся на площадку. — „Стой!"—Мы останавливаемся. Старшій командуетъ Семену:—„На верхній корри-

доръ!"—Обращается къ намъ: —„Въ малый корпусъ!"—Мы спускаемся по лѣстницѣ, выходимъ на дворъ. Старшій слѣдуетъ за нами. Яркое солнце первое мгновеніе ослѣпляетъ насъ, мы закрываемъ глаза, но тотчасъ же, отчаянно моргая ими, открываемъ снова. Тянетъ взглянуть поскорѣй на свѣтъ божій. Такъ хорошо, какъ будто вышелъ на волю. Въ клѣткѣ, у тюремной стѣны, гуляетъ человѣкъ десять. Они смотрятъ на насъ молча. Поздороваться нельзя. За это — карцеръ. Мы только обмѣниваемся съ ними значительными взглядами и проходимъ мимо. Въ ногахъ слабость, колѣни дрожатъ. Идемъ-пошатываемся. Входимъ въ корридоръ нашего корпуса. — „Разведи ихъ по камерамъ!"—приказываетъ старшій дежурному менту. Я вхожу въ свою камеру. Судя по взглядамъ моихъ сокамерниковъ, я произвожу сильное впечатлѣніе. Но меня это мало занимаетъ. Я вижу на столѣ папиросы. Я сажусь на койку около стола и беру одну изъ нихъ.—„Однако у васъ и внѣшность",—говоритъ одинъ изъ сокамерниковъ, внимательно меня разсматривая.—„Ну, разсказывайте".—„Пусть очухается",—говоритъ другой.—„Вотъ это сначала",—показываю я на папиросу. Я поспѣшно ее закуриваю...

А. Г.

ИЗЪ НОВАЛИСА

Сонетъ.

Во мнѣ желанье пробудила ты
Высокое—проникнуть въ глубь вселенной,
Ты—мой источникъ вѣры неизмѣнный
И твердости средь бурь и темноты.

Вокругъ ребенка—свѣтлый міръ мечты
Ты создала, чудесный и мгновенный,
Ты, нѣжныхъ женъ прообразъ совершенный,
Ему внушила жажду высоты.

Что̀ мнѣ земля и всѣ земныя узы!
Я сердцемъ твой до окончанья дней,
Любовь—мой щитъ, и съ каждымъ днемъ сильнѣй

Души моей и творчества союзы,
Затѣмъ, что ты—любовь моя и муза,
И свѣтлый духъ поэзіи моей.

Л. Василевскій.

ОБЪЕКТИВНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКІЙ МЕТОДЪ

ВЪ ПРИМѢНЕНІИ КЪ ИЗУЧЕНІЮ

ПРЕСТУПНОСТИ

Окончаніе *).

Объективная точка зрѣнія, которой мы держимся въ психологіи, разсматриваетъ поступки человѣка какъ двигательные акты, которые, хотя и предшествуются и сопровождаются тѣми или иными субъективными переживаніями или такъ называемыми мотивами, но въ дѣйствительности являются результатомъ его прошлаго индивидуальнаго опыта и дѣйствія внѣшнихъ ближайшихъ факторовъ. Само собою разумѣется, что не исключается при этомъ и вліяніе особенностей самой индивидуальности, поскольку послѣднія зависятъ отъ наслѣдственныхъ условій. Должно, однако, имѣть въ виду, что объективная психологія не можетъ по самому своему существу ограничиваться изслѣдованіемъ мотивовъ преступленія, на чемъ основываетъ почти всѣ свои положенія классическая школа; и съ другой стороны, она не можетъ ограничиваться и изслѣдованіемъ личности самихъ преступниковъ, къ чему сводили также свои основные взгляды криминально-антропологическая, психіатрическая и паразитарная теоріи.

Съ объективно-психологической точки зрѣнія преступное дѣйствіе личности является результатомъ съ одной стороны внѣшнихъ вліяній, общихъ и ближайшихъ, сложившихся около данной личности, и, съ другой стороны, вліяній, сложившихся въ ея прошломъ, т.-е. въ періодъ ея зачатія (въ смыслѣ наслѣдственности), въ періодъ ея развитія и дальнѣйшей жизни, а потому и изученіе

*) См. августъ, стр. 474.

должно имѣть въ виду, кромѣ самаго преступленія, какъ внѣшніе общіе и ближайшіе факторы, такъ и факторы индивидуальные. Между тѣмъ, криминально-антропологическая и другія родственныя ей теоріи стали изучать не преступленіе, а преступника, надѣясь найти въ немъ тѣ или иныя особенности такъ называемаго преступнаго типа и такимъ образомъ объяснить происхожденіе самаго преступленія; только соціальная школа обратила вниманіе на общіе, предрасполагающіе факторы преступности; но ближайшіе и индивидуальные факторы она какъ бы подчинила общимъ факторамъ. Объективно-психологическій методъ вновь возвращаетъ насъ къ изученію внѣшнихъ условій самаго преступленія, какъ человѣческаго дѣянія, но изучаетъ его въ соотношеніи со всей совокупностью обусловившихъ его вліяній, общихъ и частныхъ, внѣшнихъ и индивидуальныхъ, отдаленныхъ и ближайшихъ, которыя воздѣйствовали какъ на данное преступленіе, такъ и на самую личность преступника [1]).

Переходя отъ этихъ общихъ соображеній къ частностямъ, мы должны при примѣненіи объективно-психологическаго метода къ преступленію имѣть въ виду выясненіе, кромѣ общихъ соціально-экономическихъ факторовъ, главнымъ образомъ слѣдующія условія, ближайшимъ образомъ опредѣляющія преступленіе.

1) Несоотвѣтствіе условій жизни съ насущными потребностями человѣческаго бытія и вообще несоотвѣтствіе ихъ съ привычными, установившимися жизненными потребностями. Мы уже знаемъ, какое огромное предрасполагающее значеніе имѣетъ экономическій факторъ въ отношеніи преступности населенія. Въ этомъ отношеніи обстановка и условія жизни являются во многихъ случаяхъ и ближайшимъ факторомъ, толкающимъ человѣка на путь преступленія. Особенно это имѣетъ значеніе по отношенію къ обстановкѣ и условіямъ жизни пауперизма. Для иллюстраціи этого важнаго условія заимствуемъ картину пауперизма изъ описанія Albrecht'a [2]). „Если жилище, въ которомъ онъ (пауперъ) работаетъ или которое его ожидаетъ послѣ работы, представляетъ грязную яму съ зараженнымъ воздухомъ, если въ этомъ помѣщеніи больные, исхудалые члены семьи стонутъ, если къ тому же онъ свое помѣщеніе долженъ дѣлить еще съ посторонними, грубыми, а иногда и преступными людьми, такъ

---

[1]) См. В. Бехтеревъ, „Основныя задачи и методъ объективной психологіи". Рѣчь, сказанная въ ноябрьскомъ торжественномъ собраніи врачей клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней за 1908 г.

[2]) H. Albrecht, „Die Wohnungen in die Grosstädten und die Mittel zu ihrer Abhülfe", 1891.

что ему прямо не остается мѣста, куда приклонить свою усталую голову, то будетъ ли онъ при такихъ условіяхъ въ такомъ помѣщеніи работать съ радостью, будетъ ли онъ послѣ работы спѣшить домой въ такое помѣщеніе, а разъ онъ дома, то не будетъ ли онъ стремиться оттуда уйти? Ну, конечно. И куда же онъ идетъ? Въ трактиръ, въ кабакъ, всюду, гдѣ онъ можетъ замѣнить свой негостепріимный кровъ менѣе отталкивающимъ мѣстопребываніемъ. Если мы часто въ одной квартирѣ, состоящей изъ одной комнаты, находимъ набившимися родителей, дѣтей и, кромѣ того, ночлежниковъ обоего пола, то чего можно ожидать въ нравственномъ отношеніи отъ подростающаго поколѣнія? Что тутъ удивительнаго, если въ этомъ общежитіи всякое чувство стыдливости заглушается, проституція и противоестественные пороки являются вполнѣ естественными".

Вообще при условіяхъ нищеты часто дѣйствуетъ факторъ, который можно было бы назвать жизненною потребностью. Самымъ простымъ примѣромъ вліянія жизненной потребности можетъ служить случай, когда похищаются съѣстные припасы голодающимъ человѣкомъ. Случаи похищенія самыхъ ненужныхъ предметовъ только для того, чтобы попасть въ тюрьму, если нѣтъ возможности добыть инымъ способомъ обезпеченіе своей жизни, относятся также къ этой категоріи факторовъ. Конечно, несоотвѣтствіе условій жизни съ насущными человѣческими потребностями далеко не всегда подходитъ подъ понятіе крайней необходимости; если, напримѣръ, человѣкъ, привыкшій жить широко, истощивъ свои богатыя средства, прибѣгаетъ къ похищенію для поддержки своего сравнительно безбѣднаго существованія, то онъ, въ сущности, также наталкивается на путь преступленія несоотвѣтственностью новыхъ условій съ установившимися его потребностями. Отсюда очевидно, что не одна только обстановка пауперизма приводитъ къ преступленію. Родной домъ можетъ опостылѣть для человѣка послѣ происшедшаго раззоренія, хотя бы и не доведшаго его до пауперизма, но внезапно выбившаго его изъ нормальной обычной колеи, изъ условій привычной жизни. Въ различныхъ случаяхъ условія перемѣны внѣшней домашней обстановки могутъ оказаться неодинаковыми, но вездѣ сущность перемѣны сводится къ неудовлетворенію привычныхъ жизненныхъ потребностей. Вотъ почему въ отдѣльныхъ случаяхъ постепенное пониженіе человѣка до степени пауперизма можетъ привести къ тому, что онъ свыкается съ нищетой и не дѣлается воромъ, тогда какъ въ другихъ случаяхъ болѣе или менѣе быстрая утрата привычныхъ жизненныхъ условій толкаетъ

человѣка, особенно неустойчиваго въ нравственомъ отношеніи, на путь мошенничества или злостнаго банкротства.

2) Устраненіе сдерживающихъ вліяній семейно-общественнаго характера также составляетъ одно изъ важныхъ условій, содѣйствующихъ ближайшимъ образомъ совершенію преступленій. Эти сдерживающія вліянія бываютъ различны, но ихъ значеніе не можетъ быть умаляемо ни въ какомъ случаѣ. Для многихъ сдерживающимъ началомъ—помимо индивидуальныхъ условій, напр. религіи и такъ называемыхъ нравственныхъ правилъ, усвоенныхъ съ воспитаніемъ,—служатъ окружающіе ихъ близкіе люди, вліяющіе на нихъ такъ или иначе, а равно и болѣе обширный кругъ знакомыхъ или даже незнакомыхъ, но связанныхъ съ ними тѣми или иными отношеніями и условіями существованія. Вотъ почему однимъ изъ важныхъ условій, содѣйствующихъ развитію преступленій, особенно преступленій противъ собственности, является оторванность человѣка отъ того круга лицъ, къ которому онъ принадлежалъ — отъ семьи, деревни, союза, общины и т. п. Вмѣстѣ съ этимъ человѣкъ не только лишается извѣстной сдерживающей атмосферы, которая его окружала, но и теряетъ призоръ и помощь въ критическую минуту. Отхожіе промыслы, раннее освобожденіе дѣтей изъ-подъ родительской опеки, переселеніе изъ малыхъ поселковъ въ большіе города—все это создаетъ условія такъ называемой деклассаціи или оторванности и одиночества, которыя содѣйствуютъ или, точнѣе говоря, создаютъ благопріятныя условія для совершенія преступленія.

Въ какой мѣрѣ деклассація оказываетъ вліяніе на самое преступленіе, показываетъ и статистика. Такъ, по даннымъ французской статистики за 1880 г., въ то время какъ сельское населеніе даетъ 8 преступниковъ на 100 тысячъ населенія, лица, не имѣющія ни крова, ни опредѣленныхъ занятій, или такъ называемые бродяги, даютъ 405. По Corne'у, изъ 4.154 судившихся присяжными въ 1865 году во Франціи, 37% были пришельцами изъ другого департамента. Изъ 25.506 задержанныхъ въ томъ же году въ департаментѣ Сены всего лишь 7.450 оказались уроженцами этого департамента, остальные же были пришельцами. Мы видѣли затѣмъ, что большіе города даютъ значительно больше преступленій, нежели села и деревни. Но все ли здѣсь должно быть сведено на скопленіе пролетаріата, связаннаго съ производствомъ? Развѣ другія условія здѣсь ни при чемъ? Уже Dürckheim правильно отмѣтилъ, что въ небольшомъ городѣ всякое стремленіе высвободиться отъ общепринятыхъ обычаевъ вызываетъ всеобщее

вниманіе, общее осужденіе, которое естественно вліяетъ на каждую личность сдерживающимъ образомъ. Такъ съужены здѣсь общественные интересы и рамки жизни. Не то въ большихъ городахъ. Здѣсь—толпа съ болѣе разрозненными элементами, а въ такой толпѣ личность оказывается менѣе замѣтною.

3) Вліяніе соблазна и благопріятная обстановка должны быть признаны однимъ изъ важныхъ ближайшихъ условій, вліяющихъ на совершеніе преступленія. Преступленіе совершается съ большей легкостью тамъ, гдѣ великъ соблазнъ и гдѣ выполненіе преступленія и сокрытіе его въ высшей степени облегчены. Такая обстановка чаще всего создается въ большихъ центрахъ, гдѣ рядомъ съ пауперизмомъ процвѣтаетъ роскошь отъ несмѣтныхъ богатствъ, да и преступленіе осуществляется съ большею легкостью, напримѣръ, при уединенной жизни богатаго человѣка, и сокрытіе преступнаго дѣянія оказывается болѣе удобнымъ (напримѣръ въ ночное время).

4) Нарушеніе установившихся личныхъ отношеній съ окружающими лицами представляетъ одно изъ частыхъ условій, влекущихъ человѣка на путь преступленія. Оно можетъ различно затрагивать личность, при чемъ весьма важно, наступаетъ ли нарушеніе постепенно, давая возможность человѣку мало-по-малу привыкнуть къ нему, или же установившіяся отношенія порываются сразу, внезапно, или по крайней мѣрѣ нарушеніе, хотя и медленно подготовлявшееся, сразу какимъ-либо однимъ изъ своихъ моментовъ воздѣйствуетъ на личность и сразу выбиваетъ ее изъ обычной колеи и привычныхъ реакцій. Примѣромъ могутъ служить частые случаи преступленій противъ личности при условіяхъ, напримѣръ, нарушенія супружеской вѣрности, компрометированіи чести или добраго имени.

5) Вліяніе примѣра и словеснаго воздѣйствія такъ же должно быть принято во вниманіе въ числѣ ближайшихъ факторовъ, опредѣляющихъ преступленіе. Личность человѣка не можетъ быть разсматриваема отдѣльно отъ окружающихъ ее лицъ; со стороны послѣднихъ обнаруживается то или другое вліяніе, облагораживающее или развращающее; чаще всего оно передается путемъ примѣра, возбуждающаго подражаніе, или же путемъ прививанія тѣхъ или другихъ взглядовъ, совѣтомъ, убѣжденіемъ или простымъ внушеніемъ. Какое вліяніе можетъ принадлежать примѣру и словесному воздѣйствію въ роли преступленія—легко доказывается растлѣвающимъ дѣйствіемъ тюрьмы. Мы знаемъ, что пребываніе въ тюрьмахъ не только не гарантируетъ отъ возможности возврата къ преступной дѣятельности, а напротивъ того, поддерживаетъ

рецидивизмъ. Теперь уже всѣ лучшіе юристы приходятъ къ мысли о несостоятельности самой идеи собиранія преступныхъ элементовъ страны въ тюрьмы съ общими помѣщеніями. Такая тюрьма, по словамъ Гогеля [1]), превращается въ академію порока и преступленія, содержимую на государственный счетъ. Здѣсь завязываются знакомства и связи между преступниками, здѣсь происходятъ взаимное обученіе преступленію и взаимное развращеніе, здѣсь надо искать источникъ того явленія, которое отмѣчаетъ Тардъ: занятіе преступленіемъ складывается въ ремесло, промыселъ и организуется по началамъ цехового устройства [2]). Когда встрѣчаешься съ указаніемъ Féré, что изъ 8.227 заключенныхъ въ исправительныхъ колоніяхъ 2.573 происходятъ отъ родителей, подвергавшихся ранѣе осужденію за тѣ или другія преступленія, то нетрудно въ этомъ фактѣ найти прямое указаніе на роль семейной среды въ развитіи преступности. Здѣсь сказывается самымъ нагляднымъ образомъ вліяніе преступной среды на совершеніе преступленія. Если человѣкъ съ малолѣтства дышетъ атмосферой преступной среды, то неудивительно, что онъ въ концѣ концовъ и самъ дѣлается преступникомъ. Дѣйствіе примѣра, возбуждающаго подражаніе, оказывается и въ случаяхъ массовыхъ преступленій, слѣдующихъ одно за другимъ, въ особенности если они имѣютъ удачный исходъ. Факторъ подражанія въ развитіи преступленія особенно былъ выдвинутъ Tarde'омъ. По взгляду этого автора въ преступности вообще играетъ немаловажную роль подражаніе. Такъ, парижанка Гра въ 1875 г. облила лицо измѣнившаго ей любовника сѣрной кислотой—и этотъ способъ расплаты за любовную измѣну нашелъ немало подражателей. Повторялись также убійства съ разрѣзываніемъ частей тѣла на куски. Въ сельской преступности подражаніе проявляется главнымъ образомъ въ формѣ обычая, въ городской—въ формѣ моды. Съ другой стороны, преступность высшихъ классовъ, въ видѣ убійства, хищенія и грабежа, переходитъ путемъ подражанія къ низшимъ слоямъ населенія. По Tarde'у, разбои, всякаго рода насилія и, между прочимъ, половыя, безпробудное пьянство съ буйствомъ — всѣ эти прелести высшихъ сословій стараго добраго времени въ силу законовъ подражанія распространились теперь на низшіе классы населенія. Даже частыя убійства на Корсикѣ Тардъ ставитъ въ зависимость отъ случайно занесеннаго вреднаго примѣра.

---

[1]) Гогель, l. c., стр. 76.

[2]) Tarde, „Philosophie pénale“ (цит. по Гогелю).

Здѣсь мы встрѣчаемся, очевидно, съ увлеченіемъ ученаго созданной имъ теоріей. Врядъ ли вообще можно сомнѣваться, что въ заключеніяхъ Tarde'а имѣется нѣкоторое преувеличеніе; тѣмъ не менѣе неоспоримо, что извѣстную роль въ преступленіи играетъ примѣръ или подражаніе, чему свидѣтельствомъ служатъ эпидеміи преступленій, бывавшія въ разныхъ странахъ въ тотъ или другой періодъ времени. Сюда отчасти относятся и факты извѣстныхъ у насъ за послѣднее время экспропріацій, которыя осуществлялись даже подростками по примѣру старшихъ. Роль словеснаго воздѣйствія также не безразлична, какъ условіе преступленія. Совѣтъ или убѣжденіе — нерѣдкая причина преступленія. Въ извѣстныхъ случаяхъ словесное вліяніе не можетъ быть понимаемо иначе, какъ въ формѣ внушенія. Нельзя забывать, что есть натуры, въ поразительной степени поддающіяся внушенію и выполняющія все, чего отъ нихъ на словахъ требуютъ. Такихъ лицъ Tarde („Преступленія толпы") насчитываетъ приблизительно въ пропорціи 4 на 1.000 чел. населенія.

Что касается собственно индивидуальныхъ условій, то здѣсь на первомъ планѣ должно быть поставлено объективное изученіе нервно-психической сферы самого преступника. На важность этого изученія указывалось уже нѣсколькими изслѣдователями; даже Ferri, представитель криминально-антропологической школы, утверждалъ, что изслѣдованіе психической сферы преступника имѣетъ еще бо́льшую важность, нежели изученіе его физической организаціи. То же самое высказывали Garofalo, Benedict, Дриль и др. Но существующія до сего времени изслѣдованія носили по преимуществу субъективный характеръ. Мы полагаемъ, что изслѣдованіе нервно-психическихъ особенностей преступнаго лица должно быть предметомъ исключительно объективно-психологическаго изслѣдованія, которое должно быть совершенно освобождено отъ анализа субъективныхъ переживаній преступника и субъективныхъ мотивовъ совершеннаго имъ преступленія. При этомъ разсказъ самого преступника о мотивахъ его преступленія заслуживаетъ вниманія лишь своею внѣшнею стороною, какъ личная оцѣнка дѣянія. Объективно-психологическое изслѣдованіе должно вполнѣ устранить изъ своего обихода такія понятія, какъ умыселъ, намѣреніе и т. п., а должно довольствоваться лишь строго объективными данными какъ относительно условій самаго преступленія, такъ и относительно личности преступника. Изъ практики нашихъ судовъ мы знаемъ, какъ легко вообще можно оперировать съ субъективными поня-

тіями въ видѣ умысла, намѣренія и т. п. и какъ трудно добиваться съ ихъ помощью истины. Достаточно выслушать на судѣ рѣчи двухъ сторонъ, обвиненія и защиты, чтобы видѣть, какъ истина при субъективномъ анализѣ подъ вліяніемъ доводовъ той или другой стороны переходитъ съ одной точки опоры на другую. Объективно-психологическій методъ, требующій оцѣнки преступнаго лица въ связи съ внѣшними вліяніями, на него дѣйствовавшими, не имѣетъ никакой надобности обращаться къ субъективному анализу преступной личности и мотивовъ ея дѣянія. Главнымъ центромъ объективнаго изслѣдованія личности преступника должны быть не внутреннія или субъективныя, а внѣшнія или объективныя особенности, какъ онѣ характеризуются въ ея умственной работоспособности, въ ея аффективныхъ движеніяхъ и рефлексахъ, въ ея дѣйствіяхъ и поступкахъ и вообще во всемъ ея поведеніи, какъ въ настоящемъ, такъ и въ прошломъ. При этомъ должны быть принимаемы во вниманіе и результаты такъ называемаго антропологическаго и физическаго изслѣдованія, по скольку они даютъ возможность объяснить имѣющіяся уклоненія отъ нормальнаго нервно-психической дѣятельности преступника. Тѣмъ не менѣе нѣтъ основанія придавать тѣмъ или другимъ уклоненіямъ въ антропологическомъ сложеніи организма больше цѣны, нежели они того заслуживаютъ. Съ нашей точки зрѣнія антропологическія уклоненія, какъ и такъ называемые признаки вырожденія, служатъ указателями на неправильность организаціи, идущую отъ времени зачатія, и съ этой стороны въ оцѣнкѣ личности не лишены значенія; но такъ какъ не существуетъ строгаго параллелизма между физическими недостатками и нервно-психическими измѣненіями, то и центръ тяжести въ объективномъ изслѣдованіи преступнаго лица долженъ заключаться не въ антропологическомъ изслѣдованіи,—которое, повторяю, не лишено значенія, хотя и не въ томъ смыслѣ, какъ его понимала криминально-антропологическая школа,—а въ объективномъ изслѣдованіи личности вообще и ея нервно-психической дѣятельности въ частности.

При разсмотрѣніи индивидуальныхъ условій необходимо остановиться еще на вопросѣ объ умственномъ развитіи преступниковъ, чтобы выяснить роль этого индивидуальнаго фактора въ вопросѣ о преступности. Не подлежитъ сомнѣнію, что слабость умственнаго развитія можетъ служить причиной преступленія не косвеннымъ только путемъ, способствуя развитію пауперизма, но и болѣе прямымъ путемъ, отражаясь на отношеніяхъ личности къ другимъ и къ чужому имуществу. Чтобы выяснить

состояніе умственныхъ способностей преступныхъ лицъ, необходимы точныя экспериментальныя изслѣдованія; довольствоваться простымъ наблюденіемъ въ этихъ вопросахъ не представляется возможнымъ. Въ этихъ видахъ еще въ 1903 г. въ особой работѣ [1]) я указалъ значеніе экспериментально-психологическаго изслѣдованія преступниковъ. Затѣмъ, согласно моему предложенію, докторомъ Щегловымъ было предпринято у насъ подробное экспериментально-психологическое изслѣдованіе малолѣтнихъ преступниковъ въ С.-Петербургской колоніи [2]). Это изслѣдованіе имѣло въ виду выяснить, съ одной стороны, скорость умственныхъ процессовъ у малолѣтнихъ преступниковъ по сравненію съ мальчиками такого же возраста и того же общественнаго положенія, взятыми изъ начальнаго городского и ремесленнаго училищъ; съ другой стороны, это изслѣдованіе должно было выяснить ихъ утомляемость, сосредоточенность, вниманіе и репродукцію. При опредѣленіи скорости умственныхъ процессовъ изслѣдовалось время такъ называемой психо-физической реакціи, простой и съ выборомъ, и время потребное для рѣшенія простыхъ ариѳметическихъ задачъ. Для изученія умственной утомляемости испытуемыхъ заставляли производить умственную работу, въ видѣ складыванія однозначныхъ чиселъ въ теченіе 50 минутъ и воспроизведенія данныхъ словесныхъ впечатлѣній въ теченіе 10 мин., при чемъ въ обоихъ случаяхъ изучались измѣненія въ характерѣ работы за время ея выполненія.

Что касается сосредоточенности, то показателемъ ея служила средняя варіація работоспособности въ послѣдовательные періоды работы отъ ея начала до конца. Наконецъ, репродукція изслѣдовалась путемъ воспроизведенія словесныхъ впечатлѣній.

При изслѣдованіи выяснилось, что время простой реакціи и реакціи съ выборомъ представляется бо̀льшимъ у малолѣтнихъ преступниковъ, нежели время тѣхъ же реакцій у мальчиковъ непреступниковъ одинаковаго съ ними возраста и того же общественнаго положенія. Также и средняя варіація какъ для простой реакціи, такъ и для реакціи съ выборомъ, оказалась у малолѣтнихъ преступниковъ большей, нежели у мальчиковъ не-преступниковъ. Эти данныя говорятъ о нѣкоторомъ замедленіи въ теченіи умственныхъ процессовъ и о меньшей устойчивости со-

---

[1]) В. Бехтеревъ, „Ueber experimentell-psychologische Untersuchung der Verbrecher“, въ „Journal f. Psychologie u. Neurologie“, т. II, 1903.

[2]) Д-ръ Щегловъ, „Объ умственной работоспособности малолѣтнихъ преступниковъ“. Спб., 1903.

средоточенія у малолѣтнихъ преступниковъ, сравнительно съ ихъ сверстниками не-преступниками.

Далѣе, скорость умственныхъ процессовъ, состоявшихъ въ рѣшеніи простыхъ ариѳметическихъ задачъ, или, что̀ все равно, скорость сравнительно простыхъ и привычныхъ ассоціацій у малолѣтнихъ преступниковъ, оказалась меньшей по сравненію со скоростью тѣхъ же процессовъ у мальчиковъ не-преступниковъ изъ начальнаго городского и ремесленнаго училища. При этомъ выяснилось, что̀ вліяніе упражненія у малолѣтнихъ преступниковъ сказывается сильнѣе, нежели у мальчиковъ не-преступниковъ. Это должно быть отнесено на счетъ меньшей способности у первыхъ сразу сосредоточиваться на работѣ. Опредѣленіе средней варіаціи въ этомъ случаѣ показало, что у малолѣтнихъ преступниковъ она въ общемъ больше, чѣмъ у мальчиковъ не-преступниковъ; къ тому же съ теченіемъ работы возрастаніе средней варіаціи у малолѣтнихъ преступниковъ значительнѣе, нежели у мальчиковъ не-преступниковъ, что̀ говоритъ опять-таки за меньшую способность сосредоточиваться и за относительно быстрое ослабленіе этой способности подъ вліяніемъ утомленія. И дѣйствительно, коэффиціентъ утомляемости, опредѣляемой величиною паденія работоспособности къ концу работы, у малолѣтнихъ преступниковъ оказывается бо̀льшимъ, нежели у мальчиковъ не-преступниковъ. Равнымъ образомъ и способность воспроизведенія сложныхъ впечатлѣній у малолѣтнихъ преступниковъ оказалась менѣе совершенной, нежели у мальчиковъ не-преступниковъ. И здѣсь можно было констатировать меньшую устойчивость сосредоточенія малолѣтнихъ преступниковъ по сравненію съ ихъ сверстниками: первыми воспроизводились въ большей мѣрѣ послѣднія впечатлѣнія, какъ болѣе свѣжія.

Возникаетъ, конечно, вопросъ, какъ смотрѣть на вышеуказанныя данныя: составляютъ ли они результатъ прирожденной недостаточности нервно-психической организаціи малолѣтнихъ преступниковъ или же являются результатомъ условій ихъ жизни и воспитанія? Окончательное выясненіе этого вопроса необходимо поставить въ зависимость отъ будущихъ изслѣдованій, пока же нужно довольствоваться фактами, каковы они суть въ дѣйствительности. При этомъ однако одно обстоятельство заслуживаетъ особаго вниманія: малолѣтніе преступники обнаруживаютъ значительную способность къ упражненію. Еслибы такое упражненіе поддерживалось съ тѣмъ постоянствомъ, которое мы имѣемъ въ нормальной школѣ, то и малолѣтніе преступники въ отношеніи нервно-психическихъ процессовъ вѣроятно догнали бы

своихъ сверстниковъ не-преступниковъ. Во всякомъ случаѣ способность къ совершенствованію путемъ упражненія выгодно отличаетъ ихъ отъ слабоумныхъ, у которыхъ эта способность обыкновенно или почти вовсе не обнаруживается, или же, если и обнаруживается, то въ значительно меньшей степени, нежели у здоровыхъ. Все это заставляетъ пока признать, что малолѣтніе преступники, хотя и обнаруживаютъ въ умственномъ отношеніи нѣкоторый недочетъ по сравненію со своими сверстниками непреступниками, учащимися въ школахъ, но этотъ недочетъ долженъ быть поставленъ не на счетъ природныхъ недостатковъ ихъ нервно-психической организаціи, а на счетъ недостаточнаго упражненія ихъ психики, недостатка ихъ воспитанія и образованія, иначе говоря—на счетъ привычной для нихъ праздности и лѣни.

Дальнѣйшимъ индивидуальнымъ условіемъ преступленія является недостатокъ нравственнаго воспитанія. Воспитаніе, въ общей своей совокупности, сводится къ вліянію словеснаго воздѣйствія на молодую слагающуюся личность, путемъ примѣра, совѣта, убѣжденія и внушенія. Вліяніемъ воспитанія въ значительной мѣрѣ обусловливаются и индивидуальныя особенности той или другой личности. Сложившись подъ вліяніемъ многообразныхъ внѣшнихъ условій, дѣйствовавшихъ въ прошломъ, личность является неодинаковой по своему характеру и по реакціи на внѣшнія раздраженія [1]). Отсюда очевидна роль воспитанія по отношенію ко всѣмъ вообще поступкамъ человѣка и въ томъ числѣ по отношенію къ преступнымъ дѣяніямъ. Какое значеніе можетъ играть здѣсь воспитаніе—врядъ ли требуетъ доказательствъ. Особенно здѣсь слѣдуетъ имѣть въ виду полную безпризорность дѣтей при условіяхъ растлѣвающей обстановки. Такъ, Геркнеръ [2]), описывая неблагопріятныя условія фабричнаго труда, рисуетъ такую картину жизни рабочаго: „если, благодаря продолжительности рабочаго времени, отецъ оставляетъ квартиру прежде даже, чѣмъ еще дѣти проснулись, возвращается назадъ домой тогда уже, когда маленькія дѣти легли спать; если даже и мать на такихъ же условіяхъ привлекается къ работѣ на фабрикѣ; если, благодаря большому разстоянію отъ фабрики, родителямъ приходится даже и обѣдать внѣ дома, на фабрикѣ или гдѣ-нибудь въ ближайшемъ трактирѣ; если непомѣрная высота наемной платы за квартиру заставляетъ пускать жильцовъ или даже просто ночлежниковъ; если дѣти въ возрастѣ 9—12 лѣтъ уже должны зарабатывать свое содержаніе и даже больше, чѣмъ

---

[1]) Tarde, „Преступленія толпы“. Отд. изд. въ русск. переводѣ.

[2]) H. Herkner, „Die Arbeitsfrage“, 3 Aufl. 1902. Гогель, l. c., стр. 36.

стоило ихъ содержаніе; если, поэтому — и часто не безъ основанія,—они считаютъ себя предметомъ эксплоатаціи со стороны родителей и оставляютъ послѣднихъ, чтобы вести уже никѣмъ не стѣсняемую жизнь — тогда основѣ всего нашего общественнаго бытія, семьѣ, грозитъ растерзаніе или разрушеніе". Рабочіе иногда сами заявляютъ въ своихъ постановленіяхъ, что слишкомъ продолжительная работа и участіе въ работѣ женъ и дѣтей приводятъ къ разрушенію ихъ семьи [1]).

Можно ли послѣ этого удивляться, что дѣти, еще не вступившія въ жизнь, дѣлаются преступниками и фабрика является очагомъ, вокругъ котораго населеніе подвергается вырожденію? Свидѣтельствомъ этого вырожденія служатъ, между прочимъ, пониженіе процента годныхъ къ отбыванію воинской повинности и разительное повышеніе процента смертности въ фабричныхъ районахъ [2]). Сами рабочіе сознаютъ разрушительное вліяніе недостатка воспитанія своихъ дѣтей. Такъ, въ одномъ изъ ходатайствъ рабочихъ говорится слѣдующее: „мать, которая не имѣетъ времени заниматься своимъ ребенкомъ, оставляетъ его на произволъ кормилицы, плохо оплачиваемой, или няньки, которая его кормитъ всякими похлебками. Благодаря этому — чрезвычайная смертность, быстро увеличивающееся вырожденіе расы, отсутствіе всякаго нравственнаго воспитанія. Дѣти 3-хъ—4-хъ лѣтъ бродятъ по улицамъ безъ всякаго призора".

По Joly [3]), изъ 4.238 дѣтей, принятыхъ въ пенитенціарныя колоніи въ 1901 г. во Франціи, у 907 родители были осуждены за преступленія, у 343—родители оказались бродягами или проститутками, у 1.405 не было отца или матери. Съ другой стороны, по Georges Bessière'у, вырожденіе дѣтей объясняется тѣмъ, что населеніе отравляется алкоголемъ; ребенокъ становится воромъ или бродягой, потому что необходимость заработка для обезпеченія куска хлѣба отвлекаетъ его родителей отъ семейнаго очага.

Само собою разумѣется, что недостатокъ воспитанія, какъ факторъ преступности, обнаруживается не только среди бѣднаго особенно рабочаго люда, но и въ интеллигентной средѣ, если родители, имѣя возможность воспитывать дѣтей, слишкомъ пренебрегаютъ этимъ важнымъ дѣломъ, вслѣдствіе чего ихъ дѣти, подъ вліяніемъ неправильнаго воспитанія, становятся лѣнивыми, привыкшими къ праздности, невоздержными и т. д. Нѣтъ ни-

---

[1]) M. Turmann, „Le Catholicisme Social", 1900, стр. 50. Гогель, loco cit., стр. 46.

[2]) См. Дементьевъ, „Что дала фабрика народу и пр.". Спб. Отд. изд.

[3]) „Revue pénit.", 1904, стр. 662.

чего удивительнаго, что при неблагопріятныхъ жизненныхъ условіяхъ такой человѣкъ сравнительно легко впадаетъ въ преступленіе. Не видимъ ли мы массы примѣровъ, когда преступленіе, въ видѣ растраты казеннаго или чужого имущества лицами, имѣвшими полную возможность вести безбѣдное и честное существованіе, является прямымъ слѣдствіемъ непривычки къ самоограниченію, достигаемому лишь воспитаніемъ. Другимъ примѣромъ вліянія недостатка воспитанія является несдержанность и можно даже сказать разнузданность въ половомъ отношеніи, нерѣдко усваиваемая молодыми людьми, не имѣющими въ этомъ отношеніи никакого контроля. Этимъ объясняется рядъ половыхъ преступленій, совершаемыхъ лицами вполнѣ здоровыми, но легко относящимися къ различнаго рода нарушеніямъ въ сферѣ половыхъ отношеній.

Затѣмъ однимъ изъ немаловажныхъ факторовъ преступности должна быть признана также большая или меньшая степень наслѣдственнаго вырожденія. Условія жизни того класса населенія, изъ котораго главнымъ образомъ вербуются преступники, дѣйствительно таковы, что нельзя не признать условіе вырожденія за одинъ изъ факторовъ преступности вообще и въ особенности дѣтской преступности. По статистическимъ даннымъ Corne'a, изъ 8.006 молодыхъ преступниковъ 31 декабря 1864 г. въ французскихъ тюрьмахъ оказалось 60% незаконныхъ дѣтей или лицъ, не имѣвшихъ отца или матери, а 38% были дѣтьми бродягъ, преступниковъ и проститутокъ. По американской статистикѣ въ 1869 г. въ исправительныхъ и воспитательныхъ заведеніяхъ дѣти-преступники произошли отъ родителей пьяницъ: въ штатѣ Иллинойсѣ въ 47%, въ Мериландѣ въ 35%, въ Массачузетсѣ въ 50%, въ Нью-Гемпширѣ въ 34%, въ Нью-Іоркѣ въ 31%, въ Родъ-Эйландѣ въ 23%, въ Висконсинѣ въ 27% случаевъ. Въ Англіи изъ всѣхъ преступниковъ, судившихся за тяжкія преступленія, въ 1890 г. 49,5% оказались дѣтьми эпилептиковъ, въ 43,5%—дѣтьми пьяницъ.

Можно было бы привести много другихъ цифръ, иллюстрирующихъ роль наслѣдственной дегенераціи въ развитіи преступности, но и вышеприведенныхъ данныхъ вполнѣ достаточно, чтобы оцѣнить всю важность этого фактора. Какъ среди малолѣтнихъ, такъ и среди взрослыхъ преступниковъ, имѣются настоящіе выродки, которые подлежатъ болѣе вѣдѣнію психіатріи, нежели вѣдѣнію юстиціи.

Многіе авторы пытались сгруппировать преступниковъ по тѣмъ или другимъ особенностямъ ихъ личности и создать такимъ

образомъ особые преступные типы: слабовольныхъ или инертныхъ, аффективныхъ, нравственно-испорченныхъ или дефектныхъ и т. п. Извѣстная часть этихъ особенностей невро-психики преступныхъ лицъ можетъ быть отнесена на счетъ наслѣдственной дегенераціи, другая часть—на счетъ ихъ плохого воспитанія и неблагопріятныхъ жизненныхъ условій.

Криминально-антропологическая школа намѣтила, кромѣ того, рядъ физическихъ признаковъ у преступниковъ, которые могутъ быть понимаемы какъ физическіе признаки вырожденія. Послѣдніе заслуживаютъ вниманія, но мы не придаемъ имъ того преувеличеннаго значенія, которое приписывала имъ школа Lombroso. Дѣло въ томъ, что физическая и психическая дегенерація не идутъ параллельно другъ другу: мы нерѣдко встрѣчаемъ разнаго рода наслѣдственныя физическія уродства при существованіи относительно хорошихъ умственныхъ способностей, и наоборотъ, несомнѣнно наслѣдственныя душевныя разстройства могутъ не сопровождаться никакими или почти никакими физическими признаками вырожденія. Тѣмъ не менѣе, при существованіи закоренѣлой преступности въ той или другой личности, присутствіе признаковъ физическаго вырожденія можетъ служить до нѣкоторой степени основаніемъ къ установленію наслѣдственной дегенераціи, сыгравшей ту или иную роль при совершеніи преступленія.

Все это, однако, ничуть не говоритъ за выдѣленіе особаго преступнаго типа въ смыслѣ криминально-антропологической, психіатрической или паразитарной теоріи. Какія бы группы мы ни выдѣляли въ средѣ преступниковъ, руководясь особенностями ихъ психофизической организаціи, мы должны имѣть въ виду, что совершенно такія же группы мы найдемъ и среди честныхъ людей, которые не дѣлаются преступниками только потому, что не попали въ тѣ условія, въ которыхъ, по независѣвшимъ отъ нихъ причинамъ, оказались лица, впавшія въ преступленіе.

Особо важнымъ факторомъ преступности являются патологическія состоянія нервно-психической сферы въ видѣ эпилепсіи и душевныхъ болѣзней. О какомъ значительномъ числѣ патологическихъ состояній, какъ факторовъ преступности, идетъ здѣсь рѣчь, могутъ показать уже ранѣе приведенныя цифры, изъ которыхъ видно, что, напр., въ Англіи за 1890 годъ изъ всѣхъ осужденныхъ за тяжкія преступленія оказалось 49,5% эпилептиковъ. Что же касается душевныхъ болѣзней, какъ общеизвѣстнаго фактора преступности, то число преступленій, совершаемыхъ въ душевной болѣзни, находится, повидимому, въ прямомъ соотношеніи съ числомъ душевно-больныхъ, остающихся на сво-

бодѣ и безъ достаточнаго призора. Ближе входить въ разсмотрѣніе этого вопроса здѣсь не представляется необходимости.

Наконецъ, однимъ изъ важныхъ индивидуальныхъ условій совершенія преступленія является слабость физическаго здоровья. Она приводитъ къ преступленію косвеннымъ образомъ, создавая невозможность зарабатывать кусокъ хлѣба собственнымъ трудомъ. Ряды пауперизма, столь способствующаго развитію преступности, пополняются лицами немощными въ томъ или другомъ отношеніи. Извѣстный изслѣдователь пауперизма, Duglade, не сомнѣвается, что пауперизмъ есть указаніе на слабость какого-либо рода, благодаря или дѣтскому, или старческому возрасту, или болѣзни, или, для женщинъ, рожденію дѣтей. Наслѣдственный пауперизмъ вызывается главнымъ образомъ какою-либо болѣзнью и приводитъ, въ концѣ концовъ, къ угасанію рода. Пауперизмъ, по Дюгладу, можетъ быть опредѣленъ какъ соціальная форма физическаго вырожденія. Также и по Вернеру значительная часть случаевъ впаденія въ нищету объясняется слабостью физическаго здоровья или умственнаго развитія.

Съ этимъ вмѣстѣ мы закончили разсмотрѣніе главныхъ условій внѣшнихъ и индивидуальныхъ, приводящихъ къ совершенію преступленія.

Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что человѣкъ, впавшій въ преступленіе, является жертвой условій соціально-экономическихъ, жертвой алкоголизма, жертвой пауперизма, жертвой одиночества и оторванности отъ своего очага и круга людей, жертвой соблазна и обстановки благопріятствующей преступленію, жертвой нарушенія установившихся личныхъ отношеній, жертвой дурныхъ примѣровъ, жертвой недостаточнаго воспитанія и, наконецъ, жертвой различныхъ болѣзней, ослабляющихъ человѣка и физически, и морально.

Что касается самаго преступленія, которое также должно быть изучаемо исключительно съ объективной, т.-е. внѣшней его стороны, то, являясь сложнымъ актомъ, развившимся при тѣхъ или другихъ условіяхъ и въ прямой зависимости отъ цѣлаго ряда предшествовавшихъ воздѣйствій, вліявшихъ на нервно-психическую сферу даннаго лица, оно оказывается роковымъ и неизбѣжнымъ при данныхъ условіяхъ, завершающихъ цѣлый циклъ предшествующихъ вліяній какъ общаго, такъ и частнаго характера. Предупрежденіе его, конечно, не невозможно, но въ большинствѣ случаевъ оно уже не стоитъ въ зависимости отъ самого лица, совершающаго преступленіе, а зависитъ отъ измѣненія внѣшнихъ условій, приводящихъ къ совершенію преступленія. Достаточно

было бы измѣнить одно какое-либо внѣшнее вліяніе или ввести новое, благопріятно вліяющее воздѣйствіе—и преступленія не совершилось бы; но разъ этого измѣненія не послѣдовало, преступленіе происходитъ роковымъ и неизбѣжнымъ образомъ, какъ всякое внѣшнее явленіе, обусловленное извѣстнымъ рядомъ предшествующихъ условій.

Поэтому, чтобы объяснить преступленіе, необходимо изучить вполнѣ объективно какъ всѣ внѣшнія условія, при которыхъ оно произошло, такъ и самую личность, совершившую преступленіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ все ея прошлое. При такомъ изученіи преступленіе для насъ станетъ понятнымъ и яснымъ, какъ всякій другой поступокъ человѣка, выполняемый, при данныхъ внѣшнихъ условіяхъ, какъ неизбѣжный актъ, вслѣдствіе вліянія цѣлаго ряда болѣе отдаленныхъ и ближайшихъ по времени внѣшнихъ воздѣйствій.

Такимъ образомъ, объективная точка зрѣнія въ приложеніи къ каждому отдѣльному преступленію имѣетъ цѣлью раскрыть всю цѣпь прошлыхъ и ближайшихъ внѣшнихъ воздѣйствій, приведшихъ къ развитію преступленія, во всей ихъ совокупности и послѣдовательности, дабы сдѣлать данное преступленіе вполнѣ яснымъ съ объективной стороны.

Мы постараемся выяснить, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, различіе между прежними теоріями и проводимой нами объективной точкой зрѣнія на преступленіе и преступность.

Прежняя, классическая теорія, основанная въ значительной мѣрѣ на субъективномъ анализѣ преступленія и разсматривавшая самое преступленіе какъ проявленіе свободной воли, неизбѣжно приводитъ къ соотвѣтственной карѣ преступнаго лица, если даже отрѣшиться отъ нравственнаго воззрѣнія, требующаго отъ преступника цѣлокупнаго искупленія самаго преступленія. Такимъ образомъ субъективная точка зрѣнія не можетъ видѣть выхода изъ создавшагося положенія ни въ чемъ иномъ, какъ только въ мѣрахъ устрашенія и наказанія. И въ самомъ дѣлѣ, если преступленіе есть актъ свободной воли, оказавшейся въ данномъ случаѣ „злою волею“, то какія же мѣры могутъ быть принимаемы противъ преступленія, кромѣ наказанія, которое будто бы въ состояніи своимъ вліяніемъ ограничивать дурное направленіе человѣческой воли и предупреждать преступныя наклонности? Однако всѣмъ извѣстно, что самыя строгія мѣры наказанія не предупреждаютъ преступленія, тѣмъ болѣе, что каждый преступникъ, совершая преступленіе, принимаетъ мѣры къ сокрытію его слѣдовъ, въ цѣляхъ избѣжанія законнаго возмездія, и большею частью сохра-

няетъ до самаго обнаруженія преступленія наивную увѣренность въ томъ, что онъ избѣгнетъ правосудія. Безсиліе мѣръ репрессіи лучше всего доказывается слѣдующимъ извѣстнымъ примѣромъ. Въ Англіи одно время смертная казнь полагалась за всякое воровство, даже мелкое—и совершались кражи на той самой площади, на которой публично выполнялись казни.

Что касается криминально-антропологической школы, то она отличается, повидимому, наибольшей жестокостью къ преступнику. Вездѣ, гдѣ дѣло идетъ о преступникѣ, какъ особомъ типѣ, съ ея точки зрѣнія представляется одинъ раціональный исходъ: уничтоженіе безъ всякой жалости этого прирожденнаго преступника. Въ лучшемъ случаѣ эта школа требуетъ для него полнаго удаленія изъ общества и всегдашняго его содержанія въ условіяхъ заключенія. Въ послѣднемъ смыслѣ и высказывается Lombroso въ предисловіи къ одному изъ послѣднихъ изданій своего сочиненія: „Homo delinquente".

Между тѣмъ защищаемая мною объективная точка зрѣнія, въ примѣненіи къ дѣйствіямъ человѣка вообще и къ преступленію въ частности, главный центръ тяжести переноситъ на условія, въ которыхъ создалась и дѣйствуетъ извѣстная личность. Эта точка зрѣнія говоритъ намъ, что въ случаяхъ преступленія слѣдуетъ винить не самую личность, которая производитъ преступленіе, а главнымъ образомъ окружающія ее условія, слѣдовательно, косвеннымъ путемъ, и все общество, создавшее тѣ условія, въ которыхъ человѣкъ совращается на путь преступленія. За преступленія отдѣльныхъ лицъ, въ сущности, все общество отвѣтственно, точнѣе говоря—весь строй его жизни, весь укладъ его соціально-экономическихъ условій, всѣ его установленія и обычаи нравственно-правового характера. Большее или меньшее число преступленій съ этой точки зрѣнія является вѣрнымъ показателемъ ненормально сложившихся соціально-правовыхъ и соціально-экономическихъ отношеній въ обществѣ, а въ извѣстной мѣрѣ, имѣя въ виду преступленія душевно-больныхъ и дегенератовъ—и показателемъ его біопатологическихъ условій.

Итакъ, объективная психологія говоритъ намъ: само общество создаетъ въ своей средѣ преступниковъ, и потому нельзя сваливать вину за преступленіе на самое лицо, его совершившее; оправданіемъ его служатъ условія, которыя привели его на путь преступленія. Даже тогда, когда дѣло идетъ о дегенератахъ и душевно-больныхъ преступникахъ, имѣетъ ли право общество сваливать вину за преступленіе на природу человѣка, когда и дегенерація, и душевная болѣзнь въ огромномъ большинствѣ

случаевъ—результатъ ненормально сложившихся соціальныхъ, экономическихъ условій, приводящихъ въ концѣ концовъ и къ нарушенію біологическихъ законовъ? Однимъ словомъ, преступникъ есть жертва этихъ условій—не болѣе.

Отсюда очевидно, что и раціональнымъ объектомъ борьбы, имѣющей цѣлью уменьшеніе преступности въ населеніи, съ нашей точки зрѣнія будетъ не самый преступникъ, а условія, которыя его создаютъ. Въ нихъ—корень зла, а не въ личности. Объективная точка зрѣнія выдвигаетъ, прежде всего, необходимость для устраненія преступности бороться всѣми мѣрами съ ненормальными условіями общественной, общественно-правовой и экономической жизни страны. Коренное сокращеніе преступности до возможнаго minimum'а она видитъ только въ устраненіи упомянутыхъ условій, что возможно при соотвѣтственномъ измѣненіи соціально-экономическихъ отношеній и, въ томъ числѣ, капиталистическаго строя современнаго общества.

Нѣкоторые соціологи, какъ Durkheim [1]), признаютъ не безъ основанія, что преступность является правильнымъ и постояннымъ явленіемъ нашей общественной жизни. Этотъ фатализмъ имѣетъ корни въ той ненормальной общественности, съ которой человѣчество жило до сихъ поръ,—общественности, основанной на значеніи капитала въ условіяхъ современной жизни. Но мы не склонны, подобно Ferri [2]), успокаиваться на мысли, что цивилизація и варварство имѣютъ свою преступность, имъ свойственную. Тѣмъ болѣе трудно согласиться съ мнѣніемъ Lombroso [3]), который признаетъ что цивилизація можетъ привести лишь къ видоизмѣненію характера преступности и, можетъ быть, къ увеличенію числа преступленій.

Наконецъ, трудно раздѣлять также и оптимистическій взглядъ Paletti [4]), по которому соціальная человѣческая энергія развивается въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ—въ смыслѣ усиленной производительности и усиленной разрушительности, при чемъ первая преобладаетъ надъ второй и постепенно должна ее вытѣснить.

Мы полагаемъ, что всѣ наши стремленія должны быть направлены къ тому, чтобы преступность не увеличивалась, а уменьшалась, чтобы она постепенно была доведена до возможнаго minimum'а и чтобы цивилизованное человѣчество вырабо-

---

[1]) Durkheim, „Des règles de la méthode sociologique", Парижъ, 1895, стр. 89.
[2]) Ferri, „La sociologie criminelle", 1905, стр. 196.
[3]) Lombroso, „Le crime, causes et remèdes", 1899, стр. 64.
[4]) Paletti, „Il sentimento nella scienza di diritto penale", 1882, гл. VIII.

тало такой соціально-экономическій строй, при которомъ преступность не только не признавалась бы явленіемъ понятнымъ, а считалась бы явленіемъ глубоко ненормальнымъ и исключительнымъ.

Во всякомъ случаѣ не въ наказаніяхъ надо искать нравственнаго оздоровленія общества, а въ соціально-экономической гигіенѣ и въ улучшеніи тѣхъ внѣшнихъ условій, въ которыхъ оказывается значительная часть населенія. Мы видѣли, что пауперизмъ является однимъ изъ главныхъ факторовъ преступности; но въ чемъ же заключается основная причина пауперизма? Нѣкоторые полагаютъ, что алкоголизмъ и собственная порочность ведутъ къ пауперизму, но при этомъ упускаютъ изъ виду, что и то, и другое въ огромномъ большинствѣ случаевъ есть уже слѣдствіе пауперизма, а не причина его... Другіе видятъ причину пауперизма въ индустріализмѣ и свободной конкурренціи труда, естественнымъ послѣдствіемъ которой является непостоянство дневного заработка, откуда — развитіе нищеты, приводящей къ дегенераціи какъ физической, такъ и нравственной. Въ связь съ индустріализмомъ ставится и усиленіе городского населенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пауперизма, находящаго въ городахъ, при условіяхъ фабричнаго производства, особенно благопріятныя условія для своего развитія.

Однако виноваты ли самый индустріализмъ и свободная конкурренція въ развитіи пауперизма? Освободившись съ такими усиліями отъ средневѣкового рабства и цеховой кабалы, человѣкъ получилъ, наконецъ, возможность свободно трудиться и обезпечивать себѣ пропитаніе. Можетъ ли, спрашивается, въ этомъ корениться причина зла, можетъ ли содержать въ себѣ корень зла тотъ свободный трудъ, который составляетъ самое дорогое благо человѣческой личности — или же корень зла лежитъ въ чемъ-либо другомъ? Вѣдь рабамъ стараго времени жилось также нелегко, и они также пополняли собою ряды преступниковъ, какъ и свободно трудящееся населеніе. И если вспомнить исторію древняго Рима, возстаніе рабовъ и другіе тяжелые эпизоды древней исторіи, а также исторію средневѣкового феодализма и крѣпостничества у насъ, то можно ли хотя на минуту сомнѣваться въ томъ, что условія жизни и труда въ прежнія времена оказывались ничуть не болѣе благопріятными по сравненію съ современными? Если не было тогда пауперизма матеріальнаго, то былъ пауперизмъ нравственный, выражающійся безвольностью и безличіемъ—а это еще тяжелѣе матеріальнаго пауперизма.

Такимъ образомъ общая причина зла—не въ современномъ

индустріализмѣ, а въ капиталистическомъ строѣ современнаго общества. Ограниченіе значенія капитала, борьба за уравненіе правъ, борьба за лучшія условія современнаго труда, борьба за участіе въ производствѣ, на артельныхъ началахъ, самихъ трудящихся и другія реформы соціально-экономическаго характера, а равно и полное устраненіе алкоголя изъ употребленія въ населеніи—вотъ что оздоровитъ общество, обремененное тяжестью все болѣе и болѣе растущей преступности.

Но какъ бы ни былъ идеаленъ строй, какъ бы ни были хороши общественныя и экономическія условія, личность сама по себѣ—говорятъ моралисты—можетъ оказаться преступной, независимо ни отъ какихъ внѣшнихъ общихъ факторовъ. Да, скажемъ мы, но личность сама по себѣ есть продуктъ всего, что ее окружало въ прошломъ и окружаетъ въ настоящемъ; она является продуктомъ тѣхъ соціально-біологическихъ условій, которыя дали первоначальный зародышъ будущей личности, а потому, независимо отъ улучшенія общественнаго строя и устроенія экономической жизни, совершенствуйте и улучшайте условія, которыя создаютъ личность путемъ ограниченія браковъ между дегенератами и алкоголиками и путемъ общественнаго воспитанія—и вы получите вмѣстѣ съ этимъ также возможное уменьшеніе преступности въ населеніи.

Меня спросятъ: что же дѣлать съ преступностью въ настоящее время, пока общество себя еще не перестроило, пока оно еще живетъ ненормальною жизнью, пока оно еще очень далеко отъ тѣхъ счастливыхъ дней, когда не будетъ на землѣ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, ни барина, ни мужика, когда не будетъ ни эллина, ни іудея, когда воспитаніе для всѣхъ будетъ обязательнымъ наравнѣ съ образованіемъ, когда будутъ царствовать между людьми равенство, любовь и братство, когда будетъ полная общность интересовъ, когда уничтожатся зависть и борьба между людьми и люди будутъ помогать другъ другу, а не попирать и уничтожать одинъ другого?

Пока, разумѣется, необходимо имѣть въ виду мѣры палліативныя, но тѣмъ не менѣе раціональныя, ведущія къ дѣйствительному ослабленію того зла, которое именуется преступностью. Для этой цѣли можетъ служить систематическая организація широко поставленныхъ мѣръ, клонящихся къ возможному улучшенію соціально-экономическихъ условій населенія и улучшенію соціально-правовыхъ отношеній, широкая организація общественнаго воспитанія съ малолѣтства, особенно для бѣднѣйшихъ клас-

совъ населенія, образованіе союзовъ и обществъ для поднятія нравственнаго уровня населенія, организація трудовой помощи населенію, организація филантропическихъ обществъ и пріютовъ для содержанія и воспитанія безпріютныхъ дѣтей, всемѣрное улучшеніе условій труда, особенно фабричнаго, устраненіе алкоголя изъ вольной продажи, введеніе медицинскаго освидѣтельствованія при бракахъ и т. п.

Мы не входимъ въ частности этихъ важныхъ вопросовъ, такъ какъ разсмотрѣніе ихъ не входитъ въ задачи нашего труда. Но въ какой степени тѣ или другія мѣры соціально-экономическаго характера могутъ уже при нынѣшнемъ строѣ общества служить къ пониженію преступности въ населеніи, это можно выяснить нѣсколькими примѣрами.

Мы уже говорили выше, что во время экономическихъ бѣдствій число преступленій обязательно возрастаетъ. Интересный примѣръ вліянія экономическихъ бѣдствій на развитіе преступности мы можемъ заимствовать у Meyer'a [1]). Когда, въ 1866 г., кантонъ Цюрихъ подвергся тяжелому экономическому кризису, число преступленій противъ собственности сразу быстро поднялось, но послѣ того какъ была организована въ широкихъ размѣрахъ помощь населенію и организовано кормленіе голодающихъ, число преступленій начало быстро падать, а съ улучшеніемъ экономическихъ условій въ слѣдующемъ году оно достигло снова нормальныхъ предѣловъ.

Съ другой стороны, статистическими данными доказывается и тѣсная зависимость между уменьшеніемъ потребленія алкоголя и освобожденіемъ населенія въ значительной мѣрѣ отъ преступнаго кошмара. Такъ въ Норвегіи, въ періодъ времени съ 1844-го по 1871-й годъ, когда душевое потребленіе спиртныхъ напитковъ понизилось съ 10 до 5 литровъ, а въ 1876 году — до 4 литровъ, количество преступленій уменьшилось съ 294 на 100 тысячъ населенія до 207 и 180. То же самое замѣчено и по отношенію къ Швеціи. Въ Ирландіи, подъ вліяніемъ проповѣди патера Mathew, въ періодъ съ 1838 до 1842 г. душевое потребленіе алкоголя убавилось почти на 50% и вмѣстѣ съ тѣмъ число преступленій понизилось съ 64.520 до 47.027. По словамъ лорда верховнаго судьи Coleridge'a, преступленія насильственныя возникаютъ, за малыми исключеніями, въ питейныхъ домахъ и обусловливаются пьянствомъ. „Девять десятыхъ тюремъ

---

[1]) A. Meyer, „Das Verbrechen in seinem Zusammenhang mit dem wirtschaftlichen und socialen Verhalten", 1895, стр. 39.

мы могли бы очистить, говоритъ авторъ, — если бы мы могли отрезвить Англію" [1]).

Другой примѣръ оздоровляющей мѣры приводитъ Оссонвиль [2]). Въ Парижѣ имѣются многія тысячи заброшенныхъ и морально испорченныхъ дѣтей. По обычаю, ихъ отдаютъ въ семьи департамента Ньевры. Не смотря на то, что это практикуется уже очень давно и многія тысячи дѣтей уже выросли въ новыхъ условіяхъ, оказывается, что преступность населенія этого департамента по прежнему остается весьма малою: слѣдовательно, будущіе преступники, которые непремѣнно воспитались бы изъ этихъ дѣтей при неблагопріятныхъ условіяхъ парижской жизни, становятся полезными гражданами послѣ того, какъ ихъ помѣстили въ благопріятную сельскую обстановку. Joly по этому поводу говоритъ, что потокъ нравственныхъ нечистотъ, который выливаетъ въ этомъ случаѣ Парижъ на почву департамента Ньевры, тамъ всасывается, очищается, какъ воды клоакъ въ Achères и Gevevilliers [3]).

Можно было бы точно такимъ же образомъ доказать пользу и многихъ другихъ общественныхъ мѣръ, предупреждающихъ развитіе нищеты и пауперизма и оздоровляющихъ общество въ отношеніи преступности. Бутсъ правъ, говоря, что „когда-нибудь общество, построенное на индивидуальныхъ началахъ, признаетъ себя вынужденнымъ въ собственныхъ интересахъ взять на себя заботу о жизни тѣхъ лицъ, которыя по какой бы то ни было причинѣ не въ состояніи сами самостоятельно обезпечить себѣ существованіе, отвѣчающее извѣстнымъ, достойнымъ человѣка условіямъ, и общество вполнѣ въ состояніи это сдѣлать" [4]). Итакъ, борьба съ преступностью вообще должна быть направлена прежде всего на ея источники. Мѣры же устрашенія уже всѣхъ разочаровали, и только потерявшая свое достоинство власть можетъ еще въ системѣ устрашенія видѣть якорь спасенія для поддержки экономическихъ классовыхъ интересовъ.

Разсматривая самый актъ преступленія, какъ результатъ цѣлаго ряда внѣшнихъ воздѣйствій, предшествовавшихъ и современныхъ преступленію, объективное изслѣдованіе, какъ мы уже говорили, разсматриваетъ самое преступленіе какъ актъ вполнѣ неизбѣжный при данныхъ условіяхъ, сложившихся около личности, впавшей въ преступленіе, — актъ, который въ силу своей не-

---

[1]) Кроль, loco cit., стр. 127.

[2]) Haussonville, „France criminelle", стр. 200.

[3]) Гогель, loco cit., стр. 53.

[4]) Гогель, loco cit., стр. 42.

избѣжности, зависящей отъ чисто внѣшнихъ причинъ, не можетъ служить основаніемъ для осужденія самого преступника. Въ самомъ дѣлѣ, можемъ ли мы винить человѣка за то, что онъ былъ выполнителемъ внѣшняго акта, обусловленнаго цѣлымъ рядомъ внѣшнихъ воздѣйствій? Конечно, нѣтъ; вина лежитъ на тѣхъ, кто создалъ эти условія для данной личности, кто ее дурно воспиталъ, кто научилъ ее пороку, кто возбудилъ въ ней дурныя страсти, кто предоставилъ въ ея распоряженіе алкоголь, кто ее обездолилъ и тѣмъ самымъ вынудилъ пойти на преступленіе. Намъ необходимо, поэтому, стремиться не къ увеличенію числа и не къ расширенію существующихъ уже тюремъ, а къ замѣнѣ ихъ учрежденіями колоніально-воспитательнаго типа [1]). Только когда исчезнетъ самое понятіе о тюрьмахъ, этихъ растлѣвающихъ очагахъ, являющихся мрачными пережитками далекой и варварской старины, мы будемъ въ состояніи говорить о раціональномъ отношеніи общества къ преступнику.

Объективная психологія, перенося центръ тяжести съ субъективной стороны преступника на условія, содѣйствовавшія, подготовлявшія и опредѣляющія преступленіе, даетъ возможность индивидуализировать и мѣры воздѣйствія на преступниковъ. Она говоритъ намъ, что если преступленіе совершено въ прямой зависимости отъ алкоголизма или дегенераціи, то преступника должно направлять не въ мѣста заключенія, хотя бы и колоніально-воспитательнаго типа, а въ больницы, какъ и всѣхъ преступниковъ—дегенератовъ и душевно-больныхъ. Можно было бы привести мнѣніе цѣлаго ряда авторовъ, какъ Elliot, Baer, Oheti и др., рѣшительно высказывающихся противъ того, чтобы пьяница-преступникъ находилъ мѣсто въ тюрьмѣ. Въ настоящее время кажется для всѣхъ очевиднымъ, что хроническій алкоголизмъ есть болѣзнь, а не порокъ, острое же отравленіе алкоголемъ есть настоящая отрава.

Другіе преступники, въ силу вышесказаннаго, должны подвергаться временному изолированію и въ однихъ случаяхъ подлежатъ воспитанію, въ другихъ — леченію, но никакъ не наказанію, которое вездѣ подсказывается дурными инстинктами человѣческой природы. Если же не отъ чего лечить и нѣтъ предмета для воспитанія, какъ въ преступленіяхъ политическаго характера, то изолируйте, если угодно, но не вѣшайте и не казните: на это вы не имѣете нравственнаго права!

Нельзя не вспомнить, при этомъ, о мрачной сторонѣ совре-

---

[1]) В. Бехтеревъ, „Ueber die Persönlichkeit“ etc., Висбаденъ, 1906, стр. 27.

менной дѣйствительности, подводящей кровавые итоги нашего государственнаго общественнаго нестроенія. Къ сожалѣнію здѣсь мы должны остановиться, такъ какъ нѣтъ возможности обсуждать то, что не сообразуется ни съ какими нравственными законами. Насиліе есть насиліе, и намъ остается съ грустью и трепетомъ ждать того момента, когда лицамъ, творящимъ кровавую расправу, предстанутъ „мальчики кровавые въ глазахъ". Нужно пожелать, чтобы ихъ раскаяніе не оказалось слишкомъ запоздалымъ.

В. Бехтеревъ.

ШАХЭ

(Какъ было.)

Уже третій день какъ изъ-за сопокъ неслись глухіе, неясные раскаты—точно удары далекой грозы.

Ночью они затихали не надолго — а съ утра напряженно, тревожно и гулко говорили о томъ, что тамъ, за сопками, идетъ бой.

Мы, т.-е. два нашихъ свернутыхъ подвижныхъ полевыхъ госпиталя, стояли тогда верстахъ въ двухъ отъ деревни, гдѣ была главная квартира Куропаткина. Оттуда шла оживленная вѣтка на Мукденъ, гдѣ были развернуты красно-крестные и военные госпиталя, земскіе отряды, и работали питательные пункты.

И не смотря на то, что мы ежедневно сообщались съ Мукденомъ, гдѣ на вокзалѣ, у вагоновъ Экономическаго Общества, на площади, гдѣ торговали китайскіе „ходи" и стояли бойкіе рикши, гдѣ можно было встрѣтить представителей самыхъ разнообразныхъ частей, пріѣхавшихъ съ отдаленнѣйшихъ позицій, — мы ничего не знали.

И всѣ эти люди, беззаботно и шумно отдававшіеся впечатлѣніямъ дня на оживленныхъ и тѣсныхъ улицахъ грязнаго Мукдена, жадно раскупавшіе необычайно подешевѣвшіе китайскіе товары, мѣха и шитые халаты, — не понимали и не предчувствовали всей важности надвигавшагося момента.

Мы стояли въ большой, богатой китайской деревнѣ—словно ненужные, словно забытые, утомленные долгимъ бездѣйствіемъ и постоянными перегонами изъ одной стоянки въ другую, ночуя то въ шатрахъ и палаткахъ, то въ полуразрушенныхъ китай-

скихъ кумирняхъ, то въ покинутыхъ бѣжавшими китайцами фанзахъ.

И теперь, подъ равномѣрные, непрерывные, страшные по своему значенію и нарастающей силѣ удары, въ нашемъ свернутомъ госпиталѣ шла своя жизнь.

Синее, ясное небо. Ясный до прозрачности воздухъ. Утро. Просыпаемся.

Просыпаемся постепенно, всѣ восемь сестеръ, въ уголкахъ просторной и свѣтлой, на этотъ разъ, фанзы. Насъ будитъ ходя.

Легкій, загадочный, съ вѣжливой, тонкой и хитрой улыбкой, онъ привозитъ намъ хлѣбъ своего печенья. Мы уже привыкли теперь къ специфически китайскому „бобовому" запаху и охотно ѣдимъ этотъ круглый, мягкій, темный, точно изъ пшеничной муки хлѣбецъ, что развозитъ онъ каждое утро въ своей „фудутункѣ" и самъ сидитъ тутъ же, въ своихъ ослѣпительно бѣлыхъ чулкахъ и характерныхъ туфляхъ, среди горой наваленныхъ хлѣбцевъ, которые нарасхватъ разбираютъ солдаты.

На дворѣ пылаютъ гаоляновые костры, надъ которыми покачиваются закоптѣлые мѣдные чайники. Это грѣется вода для нашего чая.

Тихо, безвѣтренно. По большому двору угрюмо шагаетъ врачъ З — кій, старшій въ нашемъ госпиталѣ. Выбитый изъ колеи, оторванный отъ дѣла, семьи, привычной обстановки, онъ желчь и раздраженье срываетъ на всѣхъ. Къ тому же его мучаютъ ревматическія боли и не даютъ ему спать по ночамъ.

У врачей, въ ихъ большой фанзѣ, уютно и чисто. Но всѣ они не знаютъ, что съ собой дѣлать въ столь чуждой обстановкѣ. Ходятъ, бродятъ безъ дѣла, ѣздятъ въ Мукденъ, гдѣ покупаютъ разныя ненужныя вещи, и, примостившись на своихъ канахъ, истово пишутъ письма на родину.

Нашъ монахъ-священникъ, о. Евлогій, мѣста себѣ не находитъ. Буквально, не находитъ мѣста, гдѣ вычитать всѣ положенныя монастырскимъ уставомъ молитвы. Мечется нервно по двору, мимо китайскихъ божковъ и драконовъ, гдѣ снуютъ солдаты и „ходи", поднимаетъ глаза къ далекому, точно чужому здѣсь небу и скорбно вздыхаетъ о своей лаврѣ.

Въ нашей сестринской фанзѣ восемь сестеръ волонтерокъ, собранныхъ случайно подъ одной крышей женщинъ, „творили" жизнь.

Въ уголкѣ, у дверей, на большомъ, нарядно убранномъ канѣ, было всегда празднично весело. Двѣ молоденькія сестры, въ изысканно модныхъ прическахъ, служили приманкой. Ужъ около

нихъ вились офицеры сосѣднихъ штабовъ и обозовъ. Командиръ нашего, дивизіоннаго, ежедневно разсыпался въ любезностяхъ, соперничая со своимъ подобострастнымъ и пошлымъ адъютантомъ. Со стола не сходили вино и лакомства, которыя ими привозились наперерывъ.

Здѣсь, въ этомъ уголкѣ, подъ раскаты орудій, зарождался тотъ очагъ наслажденья, который потомъ, характерно названный „чайнымъ домикомъ съ гейшами", скрасилъ суровую походную жизнь гг. генераловъ, командировъ частей и начальниковъ штабовъ.

Наступаетъ ночь—холодная, ясная. Тише на сопкахъ. Стихло.

И въ нашей фанзѣ дневная суета затихла.

Въ уголкѣ у дверей еще шопотъ: дѣлятся многообѣщающими интересами дня.

Рядомъ—тихія, заглушенныя рыданья въ подушку. Здѣсь сидятъ двѣ сестры, что зовутъ себя „братиками" и играютъ въ нѣжнѣйшую братскую любовь. И плачетъ „братикъ" ревнивыми слезами, зачѣмъ другой такъ долго не возвращается изъ Мукдена, гдѣ въ общежитіи такъ много милыхъ, праздныхъ и ласковыхъ сестеръ.

Скрипнула дверь, кто-то вошелъ—мужской голосъ. Это мужъ той сестры, что недавно пріѣхала и здѣсь пристроилась къ удобному ей госпиталю. Онъ въ охотничьей командѣ, съ развѣдокъ урвался взглянуть на жену.

Они также стоятъ и ждутъ. Что предстоитъ имъ дѣлать завтра, черезъ часъ? Въ чемъ ихъ задача? Куда идти? Не знаетъ.

И это за два-три дня до Покровскаго боя и общаго отступленья!

Мнѣ онъ привезъ письмецо: маленькій клочекъ бумажки, вырванной изъ военно-полевой книжки. Еле разобрала, при тускломъ свѣтѣ бобовой лампочки, карандашемъ нацарапанныя слова:... „былъ Куропаткинъ... посланы въ сторожевое на Лѣсистую сопку"...

Въ уголкѣ рядомъ — ликующая радость: братикъ вернулся! Сдержанно-страстный шопотъ, воркующая нѣжность, поцѣлуи, ласки въ голосѣ, еще надорванномъ отъ рыданій, — такіе влюбленные переливы! Помирились. Закурили, и въ темнотѣ фанзы, какъ два огонька, вспыхиваютъ ихъ папироски, подъ аккомпаниментъ французскихъ фразъ.

А лишь слабый разсвѣтъ глянетъ сквозь бумагу створчатыхъ оконъ, съ сопокъ ужъ несутся страшные по своему значенью раскаты...

И еще день и другой—все то же. Та же безсмысленно-томительная стоянка людей, вызванныхъ сюда для дѣла.

Раскаты все сильнѣй, все ближе, все интенсивнѣй. Бой идетъ.

Ночью пришло приказанье изъ штаба: въ путь съ утра, по дорогѣ къ рѣкѣ Шахэ, стать на томъ берегу и ждать дальнѣйшихъ указаній. Все встрепенулось, засуетилось, ожило.

Но суетилось безтолково и неумѣло. Упряжка не ладилась, нагрузка шла не въ должномъ порядкѣ, все валилось изъ рукъ. Шла нетерпѣливая перебранка, безтолковые поиски и безтолковые окрики нераспорядительнаго и неподготовительнаго смотрителя.

И въ результатѣ, вмѣсто назначенныхъ въ приказаніи шести часовъ утра, едва лишь къ двѣнадцати два нашихъ полевыхъ подвижныхъ (вѣрнѣе—„неподвижныхъ") госпиталя вытянулись по дорогѣ огромнымъ, нескончаемымъ обозомъ.

Тяжелыя перегруженныя фуры, тряскія двуколки, стараго типа неповоротливая двухъ-этажная линейка—годны ли онѣ для быстраго передвиженія по сопкамъ или по жидкой невылазной манджурской грязи въ періодъ ливней?

На заваленныхъ безпорядочно экипажахъ не находилось мѣста для персонала. Пришлось примоститься на козлахъ — врачамъ и сестрамъ, тѣмъ, которыя не рѣшались ѣхать верхомъ на неизвѣстныхъ, необъѣзженныхъ лошадяхъ, застоявшихся въ долгомъ бездѣйствіи.

„Братикъ", лихая наѣздница, гарцуетъ верхомъ по-мужски, не стѣсняясь костюмомъ сестры. Другой „братикъ", отличный ходокъ, въ сапожищахъ и съ палкой неустрашимо пускается пѣшкомъ.

По счастливой случайности у меня на этотъ разъ удобная и легкая американка, предоставленная намъ любезностью командира обоза, и хорошую она мнѣ оказала услугу.

Тронулись... Неуклюжій обозъ тянется безконечно длинной лентой...

— „Стой!"—слышится окрикъ: гдѣ-то въ срединѣ распряглась кое-какъ налаженная упряжка, лопнула подпруга, разсыпался кое-какъ укрѣпленный веревками возъ.

И вся громада обоза, съ такимъ трудомъ и опозданіемъ снаряженнаго, стоитъ и томительно ждетъ, чтобы, пройдя немного впередъ, опять задержаться въ дорогѣ, и такъ безъ конца, безъ конца...

А сердце неудержимо стремится и рвется впередъ, туда, гдѣ все призывнѣй и тревожнѣй гудятъ раскаты.

Яркое солнце, синее ясное небо; тепло, какъ весной, и безвѣтренно...

На встрѣчу намъ, впереди, такой же безконечно-длинный обозъ.

Ближе, ближе, яснѣй—это транспортъ съ ранеными, которыхъ везутъ съ позицій. Навалены они на тряскія двуколки и фуры, съ наскоро наложенными повязками, тѣсно, въ рядъ. Кто легче раненъ, пѣшкомъ идетъ рядомъ. Останавливаемся... Самыя тревожныя вѣсти о ночномъ дѣлѣ: наши разбиты; тамъ, впереди, непрерывные транспорты раненыхъ, которыхъ еле успѣваютъ подбирать на полѣ сраженія...

Силъ больше не было томительно тащиться съ неподвижнымъ обозомъ; сердце неудержимо стремилось туда, гдѣ рвались снаряды и истекали кровью изувѣченные люди, туда, за эти сопки, гдѣ идетъ бой...

Не разсуждая, не отдавая себѣ отчета, забывая свою подчиненность и военную дисциплину, мы разогнали лошадь и черезъ нѣсколько мгновеній вырвались изъ строя. Томительно скучный обозъ остался далеко позади.

Мелькаютъ кумирни, китайскія фанзы; дорога стала неровной, холмистой, ручейки и рѣчонки пересѣкаютъ ее. Вотъ пошире рѣка: это Шахэ. Переѣхали въ бродъ; уже на томъ берегу...

Тамъ — наши обозы; бѣлѣютъ палатки. Огоньки костровъ и ѣдкій дымокъ.

Какъ ни неудержимо рвалась душа скорѣе впередъ, все же мелькнула разумная мысль—не ѣхать туда съ пустыми руками.

Гдѣ-то по пути въ обозѣ нашлось вино. Взяли все, что было, не разбирая,—коньякъ, красное, бутылка какой-то сладковатой мятной водки.

И ее потомъ съ такой жадностью хватали запекшіяся губы, и одинъ глотокъ ея вливалъ уже бодрость и силу.

Съ горы опять спускается транспортъ съ ранеными. Впереди ѣдетъ Е. С. Боткинъ; Краснаго Креста значитъ транспортъ...

Вотъ несутъ на носилкахъ смертельно раненаго въ животъ офицера... Несутъ неумѣло, неловко и каждымъ движеніемъ, каждымъ толчкомъ причиняютъ нестерпимую боль.

Не говоритъ и не стонетъ... Глаза сознательно смотрятъ... И такое страданье въ этихъ глазахъ, поднятыхъ къ далекому небу. Что видитъ онъ тамъ? Что еще въ этихъ глазахъ, полныхъ страшной тайны? Укоръ? Вопросъ? Или прощенье?..

Дальше, дальше... Вотъ идетъ офицеръ, возбужденно и странно

размахивая руками, говоритъ возбужденно-несвязныя рѣчи. На головѣ какая-то китайская треуголка, вмѣсто потерянной офицерской фуражки. Безумно-горящіе дикіе глаза и безумныя рѣчи...

Дальше, на фурахъ, какъ дрова свалены раненые, и трясетъ ихъ мучительно фура по рубчатому гаоляновому полю.

Этотъ раненъ въ голову; тотъ, что съ нѣмой мольбой глядитъ на меня, — раненъ въ грудь навылетъ. На запекшихся трещинахъ губъ—алая свѣжая кровь. Вытираю и даю нѣсколько капель крѣпкаго вина. Облегченно, благодарно вздыхаетъ...

Дальше несемся: мелькаютъ поля и кумирни.

По пыльной дорогѣ бредутъ отсталые раненые. Имъ не хватило мѣста на подводахъ, и они пошли. Бредутъ какъ автоматы. Измученные, обезсиленные ужасомъ боя, мукой ранъ и голодомъ, ложатся они на край пыльной дороги, безъ воли и желанья брести впередъ.

Нѣсколько капель влитаго въ горло вина, нѣсколько ласковыхъ бодрящихъ словъ — раненый встрепенется, поднимется и медленно потащится дальше, до ближайшаго пункта.

Канонада все слышнѣй и сильнѣй: близко сраженье.

Вотъ верхомъ на конѣ знакомый полковой врачъ. Увидалъ у меня въ рукахъ бутылку и прямо изъ горлышка вытянулъ всю: три дня ничего во рту не было, при головокружительной работѣ. Теперь имъ приказано сняться, всему перевязочному пункту, такъ какъ они очутились подъ обстрѣломъ. Еще что-то говорилъ несвязно — о нашихъ потеряхъ, объ убитыхъ и раненыхъ. Некогда слушать, дальше впередъ, гдѣ идетъ работа.

Вотъ чья-то большая фанза, казаки, пикеты: оказалось—Куропаткинская ставка. Остановились узнать, гдѣ работаетъ подвижной лазаретъ. Ежеминутно—верховые съ донесеніями, запыленные, черные отъ порохового дыма, нервно-тревожные.

Казакъ подскакалъ, прямо изъ боя; сзади него на сѣдлѣ—плѣнный японецъ; кому сдать?

Не забыть мнѣ никогда этого перваго видѣннаго мной японца. Глядитъ живыми, смышлеными глазами, улыбается весело и привѣтливо этотъ только что взятый изъ-подъ пуль и порохового дыма японецъ. Легко и свободно, какъ резиновый мячъ, спрыгнулъ онъ съ сѣдла и низкимъ, почтительнѣйшимъ поклономъ до земли склонился передо мной,—повернулся и другой поклонъ, но съ инымъ уже оттѣнкомъ, стоявшимъ въ кругу офицерамъ,—потомъ дружескій привѣтственный салютъ товарищамъ солдатамъ—и, сверкая бѣлыми зубами и открытой улыбкой, уже вскочилъ

на коня легко и живо, прежде чѣмъ его казакъ успѣлъ вернуться.

Да, это не то, что нашъ солдатъ, отъ котораго не всегда и не сразу добьешься отвѣта.

Нашъ дивизіонный лазаретъ работалъ по близости, за холмомъ, и я помчалась туда. Три большіе бѣлые шатра переполнены ранеными. Тамъ идутъ безпрерывныя операціи и перевязки и оттуда блѣдные, съ трясущимися губами вырываются измученные врачи—вздохнуть, отрезвиться, оторваться на мигъ отъ жестокихъ впечатлѣній и въ этомъ далекомъ сине-прекрасномъ небѣ найти хоть на мгновеніе покой усталой, измученной душѣ.

А кругомъ, на травѣ сотни—нѣтъ, тысячи раненыхъ лежатъ рядами и ждутъ своей очереди попасть въ шатеръ на операцію или перевязку. „Сестрица, испить! сестрица, холодно мнѣ,—застываю, сестрица, пить, родная!“ — шепчутъ запекшіяся губы, тянутся ко мнѣ дрожащія руки.

И я, не помня себя, перебѣгаю отъ одного къ другому съ водой, съ виномъ, съ ватой и бинтами, перекладываю, покрываю, подбинтовываю протекшія повязки... И тихіе стоны, и хрипъ агоніи, и крики тамъ, изъ шатра, заглушаемые непрерывной, несмолкаемой канонадой...

„О поле, поле, кто тебя усѣялъ мертвыми тѣлами“!?..

На мигъ я забылась; мнѣ казалось, что схожу съ ума, или грежу.

Очнулась, подняла голову: передо мной стоитъ Е. С. Боткинъ и старается говорить строго: „Здѣсь не мѣсто для сестры,—она должна быть со своей частью; выйдутъ большія непріятности, если увидитъ Александровскій, а онъ сейчасъ ѣдетъ сюда со штабомъ; поэтому спрячьтесь, спрячьтесь скорѣе!“

Куда? — открытое поле кругомъ, все сплошь покрытое ранеными.

Вмигъ добрѣйшій Евгеній Сергѣевичъ нашелся: онъ снялъ свою бурку, я прилегла на землѣ, къ остывавшему въ агоніи солдату, и оба мы, прикрытые одной буркой, пролежали спокойно, пока былъ объѣздъ. Моя бѣлая косынка и передникъ не привлекли ничьихъ взоровъ и не вызвали недовольства начальства, которое, послѣ ляоянскихъ случаевъ съ сестрами, ревниво оберегало ихъ безопасность.

Темнѣло. Ужъ звѣзды зажигались на небѣ. Лазарету приказано было сняться.

Что за вопли и стоны поднялись среди мертваго поля, усѣяннаго полумертвыми тѣлами! „Братцы, не оставляйте! братцы, не покидайте!“—надрывающіе, хриплые неслись стоны.

Я забрала двухъ въ свою американку и помчалась обратно. Теперь уже нашъ госпиталь вѣроятно дотащился до своей стоянки, и если о немъ вспомнили и дошло до него приказанье „развернуться“, то предстоитъ работа и надо спѣшить.

Ночь. Сине-прекрасное небо смотритъ на землю. И ярко и властно свѣтитъ таинственная луна. Въ ея лучахъ бѣлѣютъ шатры на пригоркѣ, на берегу рѣки Шахэ.

Лихорадочно-напряженная, нервно-мучительная кипитъ работа. У врачей, сестеръ, санитаровъ строго серьезныя лица, сознаніе святости, важности дѣла. Перевязываютъ въ шатрахъ у столиковъ, гдѣ лежатъ инструменты, заготовленный матеріалъ. Операціи дѣлаютъ тутъ же, въ сторонѣ.

А раненые все идутъ, бредутъ, ползутъ. Ихъ приносятъ на носилкахъ, подвозятъ на тряскихъ телѣгахъ и арбахъ, привозятъ и на безшумныхъ и мягкихъ носилкахъ — на мулахъ.

И вмигъ три огромные наши шатра завалены изуродованными, искалѣченными человѣческими тѣлами. Терпѣливо и молча, безъ крика и стона, подставляютъ они намъ свои раны.

Лежатъ они на матрасахъ — холщевыхъ мѣшкахъ, наскоро набитымъ чумизной и гаоляновой соломой.

Нѣтъ больше мѣста въ шатрахъ—ихъ кладутъ подъ навѣсомъ шатровъ и кругомъ, рядами. Много лежитъ ихъ на чуждой землѣ, подъ таинственнымъ небомъ, въ мерцающемъ, холодномъ свѣтѣ луны.

Тихо лежатъ они, безъ крика и стона, и страшна, непонятна эта жуткая тишина.

Санитары рѣжутъ спѣшно хлѣбъ и разносятъ чай съ суровой, но отъ сердца идущей лаской—и жадно припадаютъ къ нему запекшіяся губы.

Ночь. Уже вторая. День прошелъ въ непрерывной работѣ. Выбившіяся изъ силъ сестры прикорнули на мигъ, одѣтыя, въ бѣлыхъ халатахъ, забрызганныхъ кровью. Прикорнули тутъ же, кто гдѣ, среди этихъ замученныхъ, странно неподвижныхъ тѣлъ.

До того замучены, загнаны эти люди шедшимъ безъ перерыва боемъ, до того обезсилены гоньбой съ сопки на сопку, непривычнымъ карабканьемъ по свѣже срѣзанному полю, въ тяже-

лыхъ сапожищахъ, съ тяжелой, неприспособленной къ обстановкѣ амуниціей, безъ пищи (и сухари давно у всѣхъ вышли), съ ежеминутнымъ страхомъ смерти, съ свистящими пулями и разрывающимися надъ головой шрапнелями, подъ непрерывный оглушающій гулъ орудій, — до того замучены эти люди непривычными, невѣроятно жестокими, непріемлемыми для человѣка впечатлѣніями, что раненые и искалѣченные сразу почти не реагируютъ на боль.

Подавлены и притуплены ихъ мозговые и нервные центры.

Они не могутъ стонать. У нихъ нѣтъ силъ для стона.

Вотъ чѣмъ объясняется эта жуткая, мертвая, зловѣщая тишина среди раненыхъ, вырванныхъ изъ безумія боя.

Эти же самые люди, попавъ въ Харбинъ и другіе тыловые пункты, отойдя, откормившись, отлежавшись въ пути, отдохнувъ физически и придя въ себя отъ полныхъ безумнаго ужаса и муки впечатлѣній, — протестуютъ ярко и живо, и стоны ихъ полными, сильными звуками оглашаютъ перевязочную.

Здѣсь—это полумертвые трупы, ошеломленные, полубезумные, страшные съ ихъ тихимъ, безсильнымъ, жалобнымъ стономъ.

Жутко. Не спится. Скорѣй опять за работу, лихорадочно-нервную, чтобы не думать, не сознавать, забыться, перестать слушать и слышать эти грохочущіе раскаты, которые тамъ, въ горахъ, рѣшили искалѣчить, истребить все живое. Слушая ихъ властный, немолчный гулъ, не вѣрится, чтобы кто-нибудь, тамъ на роковыхъ сопкахъ, могъ спастись, могъ уцѣлѣть...

Свѣтаетъ. Вѣетъ утренней, бодрящей прохладой.

Новый транспортъ раненыхъ. Бѣгу встрѣчать.

Съ жуткой и острой болью заглядываю въ носилки, поднимаю шинели, закрывающія уже остывшіе въ дорогѣ трупы, ищу. Ищу среди этихъ, ставшихъ и близкими, и дорогими, еще болѣе близкаго, родного... Этотъ? Можетъ-быть—тотъ?..

Заглядываешь въ искаженныя мукой лица и ждешь увидѣть страшное, самое страшное... И, кажется, не выдержитъ сердце... И даешь себѣ слово не ждать, не встрѣчать, не искать...

Новый транспортъ—и опять, забывая все, перебѣгаешь отъ арбы къ арбѣ, заглядываешь въ носилки... И, кажется, нѣтъ человѣческихъ силъ выдержать эту постоянную муку.

И хочешь лучше мгновенной смерти всѣмъ тѣмъ, кто тамъ, на сопкахъ, подъ этимъ гудящимъ ревомъ орудій.

Лучше мгновенная смерть тамъ въ бою, чѣмъ мука эвакуаціи — перевозки, переноски, тряски мучительныхъ арбъ по клавишамъ гаоляноваго поля, отъ которой изъ трещинъ черепа

вытекала сѣрая масса мозга и смачивала повязку. Я сама снимала такого съ носилокъ. Дышалъ еще, и все его жгучее страданье глядѣло на меня изъ его неподвижныхъ глазъ.

Или этотъ? Я его знала: С—въ. У него семь ранъ въ животѣ, нестерпимая боль перитонита—и колотится онъ по тряской дорогѣ, и сколько еще мукъ впереди, пока доберется до постояннаго, оборудованнаго пункта или умретъ въ пути.

Да, лучше смерть тамъ, мгновенная, чѣмъ эти муки перевозки.

Весь первый наплывъ своихъ раненыхъ мы эвакуировали въ Мукденъ, отдавъ подъ нихъ всѣ свои арбы и двуколки. Докторъ и фельдшеръ поѣхали сопровождать транспортъ.

Бѣдняга С — въ! Врядъ ли его довезутъ живого. И такъ кротко, покорно онъ переноситъ пытку, пока его неловко укладываютъ на тряскую телѣгу.

Знала его веселымъ, безпечнымъ мальчикомъ-офицеромъ. Ѣхалъ сюда точно на праздникъ, полный вѣры въ себя, въ свое дѣло...

На козлахъ его телѣги примостился другой; имъ нѣтъ мѣста рядомъ.

Здоровенный, крѣпкій дѣтина, онъ малодушно струсилъ и бѣжалъ отъ боя.

Вчера натолкнулась на него случайно, думала — раненъ, зову въ шатеръ, показаться врачамъ. Смущенъ, не идетъ и бормочетъ что-то жалкое и безсвязное. Такъ и просидѣлъ у шатра, не смѣя войти, а теперь пристроился около раненыхъ и съ транспортомъ дотащился до Мукдена, оттуда въ Харбинъ, а изъ Харбина,—не до него было въ безумной сутолокѣ впечатлѣній усталымъ и измученнымъ людямъ,—въ общей сумятицѣ и кашѣ благополучно попалъ домой, въ Россію.

А дома, какъ я случайно узнала потомъ, ждали его какъ героя и устроили ему съ помпой радостную встрѣчу.

Еще день. Тотъ же грохотъ орудій и та же работа. Ужъ матеріалъ на исходѣ; ваты, бинтовъ не хватаетъ. Зашла къ сосѣдямъ узнать, у нихъ какъ? И у нихъ та же напряженная работа.

Вотъ на колѣняхъ сестра, склонилась и тянетъ съ окровавленной ноги сапожище, тянетъ бережно, осторожно. Лицо блѣдное, измученное при сѣромъ свѣтѣ рождавшагося дня.

Глянула на меня. Узнаю и не узнаю ее.

Вся мука, весь ужасъ, все безуміе страданья этихъ дней и ночей было въ этихъ двухъ огромныхъ на исхудавшемъ лицѣ

женскихъ глазахъ. И такъ дивно прекрасны были эти глаза, что я наклонилась и невольно поцѣловала ихъ.

Совсѣмъ инымъ человѣкомъ, въ иной обстановкѣ видала ее потомъ, на позиціяхъ и въ штабахъ. Тѣ же глаза сверкали вызывающе, когда, постукивая каблуками французскихъ ботинокъ, въ кокетливо наброшенной на пышную прическу косынкѣ, гуляла она по платформѣ вокзала и тянулись за ней полупьяныя фигуры военныхъ селадоновъ, молодыхъ и старыхъ, и здѣсь, на войнѣ, не желавшихъ и не умѣвшихъ сдерживать своихъ чувственныхъ вожделѣній.

Въ нее бросали камнями, звали „Маринкой" и осуждали ее.

А у меня вставало въ памяти сѣрое грустное утро,—измученные, окровавленные люди-трупы и эти два глаза на измученномъ лицѣ,—женственно мягкіе, полные вдохновенной любви.

И за этотъ одинъ лишь мигъ, гдѣ я видѣла ея душу, я уже не могла судить ее, какъ другіе...

Все напряженнѣе гудятъ орудія. Слышна ружейная трескотня. По ночамъ видны огоньки на окрестныхъ сопкахъ; вспыхиваютъ и дымятся они. Все тревожнѣе вѣсти, и смутнѣе, и непонятнѣе. Мимо потянулись обозы.

Въ сумерки пальба звучала напряженно рѣзко и странно близко... Пріѣхалъ верхомъ нашъ главный корпусный врачъ, старикъ Н—ръ.

Всегда добродушно-мягкій и сдержанный, онъ что-то рѣзко и громко говорилъ группѣ врачей, возбужденно размахивалъ руками, потерявъ на этотъ разъ свое душевное равновѣсіе и самообладаніе.

Оказывается, еще два дня тому назадъ намъ было послано приказаніе сняться и идти немедленно назадъ, къ мѣсту нашей стоянки...

Приказанье это—какъ впрочемъ и большая часть приказаній, исходившихъ изъ штабовъ въ столь горячее время,—до насъ не дошло, попавъ по другому адресу. Впослѣдствіи мы къ этому привыкли, какъ къ самому обычному явленію, но сначала...

И нашъ корпусный врачъ былъ озадаченъ не менѣе насъ, натолкнувшись неожиданно на нашъ госпиталь, который долженъ былъ пройти, во всякомъ случаѣ, раньше обозовъ.

Сняться „немедленно" мы и теперь не могли, такъ какъ лошади и подводы отданы были всѣ подъ эвакуированныхъ нашихъ раненыхъ. Мы ихъ ждали съ минуты на минуту, но онѣ

не возвращались, такъ какъ задержаны были на обратномъ пути, какъ оказалось потомъ, отступавшими не во-время, съ большимъ запозданіемъ, тяжелыми обозами. Ихъ, опять-таки по ошибкѣ, неосторожности или незнанію, слишкомъ продвинули впередъ и забыли убрать во-время.

Свернули шатры, убрали вещи и ждемъ. Сидимъ на свернутомъ холстѣ шатровъ, гдѣ только-что былъ раскинутъ нашъ госпиталь и кипѣла работа; сидимъ точно на развалинахъ пепелища.

Мимо тянутся обозы и застрываютъ въ вязкомъ и размытомъ руслѣ рѣки. Раненые бредутъ съ позицій, оттуда, гдѣ немолчно раздается адскій грохотъ, и каждый раскатъ какъ ножемъ рѣжетъ по сердцу теперь, когда нельзя забыться работой.

Раненые бредутъ и бредутъ, и вотъ около насъ ихъ уже цѣлая группа.

Пришлось опять распаковывать матеріалъ и подъ открытымъ небомъ наскоро подправлять и подбинтовывать съѣхавшія и промокшія повязки.

Тутъ же, на полянкѣ, между деревьями пріютился профессоръ Мантейфель со своимъ летучимъ отрядомъ. Увѣренно и спокойно, точно въ самой оборудованной операціонной, онъ одну за другой „творилъ“ свои знаменитыя, по смѣлости и удачѣ, операціи.

Утро. Страшное, зловѣщее утро перво-октябрьскаго Покровскаго дня,—дня всеобщаго смятенія, отступленія, бѣгства.

Намъ нельзя больше медлить. Ружейная стрѣльба слышна близко и ясно. Говорятъ, японцы берутъ ближайшую сопку и скоро будутъ здѣсь; вопросъ лишь часовъ.

Лошади не вернулись; рѣшено двинуться пѣшкомъ—персоналу, а вещи, шатры, госпитальное имущество, аптека, бѣлье, посуда—все свалено въ кучу, зажжено и запылало какъ громадный костеръ.

Двинулись. Раненые бредутъ за нами — кто можетъ. Собрали послѣднія силы. Оставшіеся, слабые, молятъ не покидать ихъ. Остались среди поля и пылающихъ костровъ. У сосѣдняго госпиталя перегружены повозки; раненые сидятъ, лежатъ другъ на другѣ. На крутомъ и размытомъ бродѣ перевернулась неустойчивая двуколка; некогда останавливаться, некогда вытаскивать изъ воды затонувшихъ людей, такъ какъ сзади напираетъ отступающая масса частей, уже артиллерія громыхаетъ. Все перепуталось, все смѣшалось. Обозы, артиллерія, подводы

съ ранеными, пѣшіе, конные, — бредутъ раненые, — тяжелыхъ несутъ на носилкахъ. Вся эта масса карабкается прямо въ гору, чтобы сократить путь, подгоняемая страшной, оглушительной пальбой. Сестры, какъ были въ рабочихъ халатахъ, бредутъ тутъ же. Усталыя ноги служатъ плохо.

Бредемъ. Двѣ устроились на осликахъ, верхами.

Бредемъ въ общей массѣ. Гляжу—штабные насъ перегоняютъ.

Штабъ въ полномъ составѣ.

— Отступленіе?—спрашиваю знакомаго.

— Перемѣна фронта, — уклончиво отвѣчаетъ штабный и стремительно скачетъ дальше впередъ.

Бредемъ еще, пока слушаются ноги. Кто-то сзади скачетъ, верхомъ, ближе, нагоняетъ,—нагналъ.

— Стойте! — кричитъ: блестящія вѣсти! Японцы отбиты — назадъ, назадъ,—ура!—и самъ поворачиваетъ обратно.

Измученные люди опускаются на землю, устраиваютъ привалъ, закусываютъ.

Тутъ же расположились два связанные косами хунхуза. Ихъ поймали ночью на сопкѣ: давали условные сигналы японцамъ (зажигали траву, облитую керосиномъ), показывая расположенія нашихъ частей. Теперь ведутъ ихъ на казнь.

Страшнѣе и ближе гудятъ раскаты орудій. Они „настрѣляли" эти темныя тучи, которыми вмигъ обложилось безоблачно-ясное всѣ эти дни небо.

Двигаются съ шумомъ части. Съ вершинки видимъ, какъ „наши" хозяйничаютъ на мѣстѣ покинутаго госпиталя. Берутъ что не успѣло сгорѣть.

Тарелки, бѣлье, холсты—все перешло потомъ въ наши же части; забрали кто что успѣлъ по дорогѣ.

Тотъ, кто только-что кричалъ намъ „ура!—японцы отбиты!" — проскакалъ опять мимо, на этотъ разъ безнадежно махнувъ рукой.

Снимаемся, бредемъ опять, обезсиленные. Все перепутывается, бредетъ въ смятеньѣ.

Дождь хлынулъ. Знаменитый дождь—первооктябрьскаго Покровскаго боя и отступленья.

Онъ хлынулъ какъ изъ ведра, и маленькія, еле примѣтныя ручейки и рѣчки вмигъ превратились въ широкія, бурливыя рѣки.

Глинистая почва стала вязка. Ноги липнутъ и скользятъ въ тяжелыхъ солдатскихъ сапожищахъ.

Всѣ разбрелись, всѣ растерялись въ этомъ морѣ чужихъ, отступающихъ, бѣгущихъ...

Впереди—широкое, широкое море воды... неужели брести?..

Дѣлаю шагъ, другой по колѣна въ водѣ, не вытащить ногъ изъ липкой мягкой глины, бреду—спотыкаюсь, падаю въ воду...

— Сестрица, садись, подвезу.

Собираю всѣ силы, вылѣзаю, карабкаюсь на громадный лафетъ... Тамъ уже двое раненыхъ.

Наши гдѣ? Сестры гдѣ? Врачи? Не вижу. Никого не вижу. Море чужихъ кругомъ.

Страшный и незабвенный день 1-го октября.

Наканунѣ—безсонная ночь подъ открытымъ небомъ, темная, съ мигающими огоньками ружейной трескотни; все прибывающіе раненые съ позицій, и съ ними жуткія смутныя вѣсти; торопливая работа тутъ же, среди поля. Утро и общее отступленіе, смятенье, общая растерянность.

И этотъ головокружительный ливень, настрѣлянный артиллерійскимъ огнемъ—съ ясно-солнечнаго за мигъ передъ тѣмъ неба.

Только къ вечеру этого рокового дня мы, т.-е. я и двое раненыхъ на лафетѣ, остановились и застряли передъ бурно и широко разлившейся рѣчонкой. Еле замѣтная раньше, она стала теперь непроходимой, бурлила, пѣнилась и естественной преградой остановила теперь общую лаву отступленья.

Надо ждать, пока не будетъ готовъ мостъ, надъ которымъ уже истово работаютъ солдаты.

Тутъ же на берегу—маленькая, грязная, полуразрушенная фанза. Идемъ туда укрыться отъ непогоды и наступившей ночи. Она набита биткомъ, но въ темнотѣ не разберешь никого. Къ тому же канъ топится и ѣдкимъ дымомъ застилаетъ глаза и щекочетъ горло. Зато нагрѣлся, можно будетъ немного обсушиться за ночь: вѣдь буквально нитки сухой на насъ не было, а сапоги были прямо полны водою.

Судьба захотѣла придти мнѣ на помощь въ видѣ случайно попавшаго въ эту же фанзу уполномоченнаго Краснаго Креста, командированнаго съ какимъ-то порученіемъ къ покойному Александровскому.

Съ нимъ былъ чемоданчикъ, въ которомъ нашлось все, что надо, чтобы переодѣться въ сухое—разумѣется, мужское—бѣлье; но съ этимъ, какъ и вообще со всѣми условностями, здѣсь не приходилось считаться.

Я съ восторгомъ растянулась на тепловатомъ канѣ и рада была всѣмъ этимъ людямъ, чужимъ и грязнымъ, которые прижались ко мнѣ со всѣхъ сторонъ. Они, какъ и я, инстинктивно тянулись къ теплу. Измученные и иззябшіе, мы согрѣвали другъ друга и спали тревожнымъ, тяжелымъ сномъ на грязныхъ ци-

новкахъ кана, на которыхъ годы и годы спали грязные голые китайцы...

Одинъ раненый спалъ у меня въ ногахъ, положивъ голову на мои колѣни; забинтованная голова другого лежала на моемъ плечѣ.

Я не сразу освободилась и поняла всю необычайность моего положенія, когда чей-то голосъ въ темнотѣ разбудилъ меня, предлагая чаю.

Мутную, грязную, потемнѣвшую отъ дождя воду нагрѣли въ котлѣ, вмазанномъ въ канѣ, въ которомъ обыкновенно китайцы варили свою грязную, вонючую пищу, но я съ благодарностью и жадно выпила горячую жидкость.

Въ чемоданчикѣ, кромѣ бѣлья, оказалось немного перевязочнаго матеріала; на-скоро рвались простыни на бинты, и подъ утро всѣ эти забредшіе сюда на ночлегъ раненые — ихъ было около двадцати—были подбинтованы и перевязаны.

Они были голодны и безъ силъ брести дальше.

Судьба и это уладила: имъ дали обѣдъ по распоряженію командира сосѣдняго обоза, который растерянно-случайно попалъ въ эту фанзу.

Дождь лилъ. Грохотъ не смолкалъ. Куда двинуться? Гдѣ искать свой госпиталь? Гдѣ другія сестры?

Я потеряла всякій слѣдъ, всякую связь съ нашей частью.

Пришлось пассивно ждать и идти за теченіемъ.

Въ фанзѣ, биткомъ набитой, лица смѣнялись ежеминутно...

Шло безпрерывное движеніе, безтолковое, смутно-тревожное, по размытой и вязкой дорогѣ.

Орудія, обозы, конные, пѣшіе—все смѣшалось на берегу, ожидая очереди.

Кухни ѣдутъ, везутъ пищу туда, гдѣ идетъ сраженье, откуда несется несмолкаемый грохотъ.

Недолго думая, я взгромоздилась на козлы одной изъ повозокъ, чтобы ѣхать туда, впередъ, узнать, услышать, видѣть, чтобы какъ-нибудь выйти изъ своего пассивнаго состоянія.

Въ обозѣ перваго разряда, ближайшаго къ сражающимся частямъ, было смутно и тревожно.

Растерянные, измученные перегонами и неизвѣстностью люди ничего не могли мнѣ сказать.

Сдали обѣдъ, и, не мѣшкая, не отдыхая, подводы повернули обратно. Почему-то мы уклонились отъ прежней дороги, взяли въ сторону и невольно еще продвинулись къ боевой линіи...

Благодаря этой случайности, я на мигъ, на мигъ только уви-

дала безумно измученнаго, затравленнаго человѣка. Онъ скакалъ туда, гдѣ шло самое жаркое дѣло.

Возилъ донесенье и съ новымъ приказаніемъ возвращался въ свою часть.

— Полкъ перебитъ, солдаты и товарищи — ихъ не осталось и половины. Но лучше смерть, лучше конецъ, чѣмъ эти десять дней непрерывнаго безумія, безъ пищи, безъ сна, безъ отдыха, подъ пулями!

Мы обнялись, перекрестили другъ друга,—и онъ поскакалъ туда, гдѣ шло самое жаркое дѣло, гдѣ уже десять дней шла безумно-кровавая, дикая оргія ужаса.

Не мудрено, что люди сходили съ ума. И многіе дѣлались навсегда душевно-больными.

Не мудрено, что когда всѣ ужасы кончились, канонада замолкла и лишь гудѣла въ ушахъ, перестали подвозить изуродованные тѣла и трупы и на манджурскомъ небѣ ярко свѣтило и грѣло осеннее солнце,—когда изъ окрестныхъ частей неслись уже лихія солдатскія пѣсни, жизнь наша стала входить въ колею, вспомнились друзья и родные, оставленные на далекой родинѣ, и захотѣлось разсказать имъ о пережитомъ,—то я не могла этого сдѣлать.

Не могла потому, что между ними и мной стояло „Шахэ".

„Оно" властно вырвало изъ памяти все, что осталось за его рубежемъ.

Когда я бралась за перо, чтобы написать любимой сестрѣ, я не могла, не могла припомнить: *куда? какъ* зовутъ сестру? Все, что не тутъ, стало такъ блѣдно, такъ смутно, такъ чуждо-далеко!

Оторванная отъ своей части, спрашивая всѣхъ по пути о своемъ госпиталѣ, увлеченная общимъ теченіемъ, добралась я до Мукдена. На вокзалѣ очутилась ночью и затерялась въ смутной, не отдающей себѣ отчета толпѣ.

Въ раскинутомъ тутъ же, на вокзалѣ, шатрѣ былъ огонь и кипѣла работа; шли операціи, перевязки, нагрузка раненыхъ въ вагоны. Вся платформа была покрыта ранеными, которые ждали своей очереди попасть въ переполненный теплушку - вагонъ, чтобы эвакуироваться въ Харбинъ и ближайшіе тыловые госпитали.

Не смотря на то, что въ своемъ мужскомъ длинномъ потертомъ пальто и въ грязныхъ мужскихъ сапогахъ я только

лишь грязной косынкой походила на сестру, меня встрѣтили какъ свою и сейчасъ же пристроили къ работѣ.

Я подавала матеріалъ, перевязывала, переодѣвала, поила чаемъ, провожала носилочныхъ въ вагоны-теплушки, гдѣ принимала ихъ другая сестра,—до тѣхъ поръ, пока сама не почувствовала такую смертельную, съ ногъ валящую усталость, съ которой не въ силахъ была бороться.

Я набрела въ полутемномъ углу шатра на кучу чего-то мягкаго—это были ватные халаты и одѣяла, присланные изъ складовъ для раздачи раненымъ,—повалилась на нее и какъ мертвая заснула. Только подъ утро я стала различать стоны и крики оперируемыхъ, чувствовала, какъ черезъ меня шагали санитары, задѣвая сапогами и какъ что-то досадливо щекотало по лицу, точно мухи.

Когда я очнулась совсѣмъ, въ шатрѣ шла та же работа.

Мягкая куча подо мной точно растаяла, а сама я буквально вся была забросана грязными, окровавленными компрессами, гнойными шариками и бинтами, которые усталые санитары смахивали въ темный уголъ отъ операціоннаго и перевязочнаго столовъ, и они летѣли на мое безжизненное тѣло.

Здѣсь, на мукденскомъ вокзалѣ, какъ конечномъ объединяющемъ пунктѣ, встрѣтила я сначала сестеръ, потомъ и врачей своей части и понемногу добралась до госпиталя, который былъ временно остановленъ въ небольшой китайской, очень грязной деревушкѣ, близъ южныхъ воротъ Мукдена, въ виду императорскихъ могилъ.

Всѣ ходили растерянные и подавленные, не въ силахъ еще ни разобраться, ни понять всего, что̀ было.

И безъ инвентаря (оборудованія) госпиталя, сожженнаго и брошеннаго на берегу рѣки Шахэ, безъ шатровъ, безъ мебели, безъ посуды, безъ рабочаго матеріала, чувствовали себя совсѣмъ безъ почвы.

Вся отвѣтственность ложилась на старшаго врача, который уже получилъ запросъ и нареканія и обвинялся за то, что растерялъ персоналъ и утратилъ имущество. Поспѣшность обвиненія вызывалась случайной встрѣчей генерала Трепова, тогда бывшаго начальникомъ санитарной части, съ двумя сестрами нашего госпиталя, попавшими въ общее теченіе и оторванными надолго отъ своей части.

Переодѣтыя въ теплые китайскіе халаты, онѣ привлекли вниманіе нервно настроеннаго генерала. Одна изъ нихъ, племянница одного изъ корпусныхъ командировъ, баронесса М., была

лично знакома генералу—и этого было достаточно, чтобы съ особенной строгостью привлечь къ отвѣтственности нашего, и безъ того смущеннаго старшаго врача.

И благодаря тому, что генералъ Треповъ случайно натолкнулся на свою знакомую, выяснилось, что для передвиженія сестеръ предоставляется такъ называемая лазаретная линейка,—тяжелый, неповоротливый рыдванъ стариннаго образца, который въ данный моментъ занятъ былъ имуществомъ персонала..

Этотъ маленькій инцидентъ повелъ къ тому, что нашъ старшій врачъ потерялъ мѣсто и только какъ нервно-больной избѣжалъ суда и былъ эвакуированъ въ Россію, а всѣ его преемники вынесли изъ этой исторіи поучительный урокъ и съ особымъ усердіемъ заботились объ удобномъ передвиженіи и расквартированіи своихъ сестеръ...

Но такъ ли онъ виноватъ, нашъ врачъ? Не жертва ли онъ общей безтолковщины, русскаго знаменитаго „кое-какства" и полнѣйшей неподготовленности къ отвѣтственной работѣ, которая такъ ярко сказалась послѣ боевъ на Шахэ? Обнаружилась голая правда, которую ужъ не прикроешь теперь „русской доблестью", „русской храбростью" и другими, красивыми прежде, а теперь ненужными, жалкими, мишурно-обманчивыми словами.

И это чувствовали и видѣли всѣ тѣ, кто не потерялъ еще способности видѣть, чувствовать и понимать.

Какая щемящая боль переживалась въ частяхъ послѣ боя, по крайней мѣрѣ среди лучшихъ представителей арміи!

Этотъ нравственный гнетъ былъ куда хуже и смерти, и ужаса боя.

Тѣ ли это люди, что бодрые, радостные, съ вѣрой въ непоколебимую мощь русской арміи, съ вѣрой въ себя, собраны были на вокзалѣ лѣтомъ 1904-го года и бодро, увѣренно, съ музыкой, съ пѣснями, пускались въ далекій путь? Я говорю про близко мнѣ знакомую часть,—но настроеніе было общее.

И вотъ, при первомъ же столкновеніи съ правдой жизни оказалось, что для побѣды надъ жизнью надо что-то другое, а не одна лишь вѣра въ себя. Для побѣды нужно что-то другое, чѣмъ умѣнье блестяще носить мундиръ, браво пройти со взводомъ, лихо скомандовать ротѣ,—а потомъ мирно развлекаться въ офицерскомъ собраніи, сваливъ все веденіе дѣла на фельдфебелей и забывая о томъ, что офицеръ прежде всего долженъ быть всесторонне образованъ и не имѣетъ права не знать, что за страна, что за народъ, съ которымъ онъ идетъ сражаться.

Нужно что-то другое, чѣмъ вся эта длинная подготовительная

въ мирное время работа, съ ея парадами, маневрами, маршировками, съ громадной тратой денегъ и силъ,—оказавшаяся при столкновеніи съ правдой жизни лишь игрою въ солдатики!

Правда жизни доказала нашу полную неподготовленность, полную несостоятельность, полную безпомощность...

Наши части какъ слѣпые бродили во время боевъ, не вѣдая часто, что̀ творятъ. Одна часть понесла громадныя потери, потому что другая отступила, не получивъ во̀-время приказанія, не предупредила другую, и образовался прорывъ... Обозы не были убраны во̀-время и тяжестью своей загородили дороги... Командиры растеряли свои части и бродили жалкіе, въ полной неизвѣстности... Рѣдкое донесеніе не опаздывало или попадало по назначенію... Посланный, съ неумѣло составленной картой, съ перепутанными названіями, не могъ доставить важный пакетъ, если случайно не выручитъ его плѣнный офицеръ-японецъ, лучше насъ освѣдомленный о томъ, что̀ творилось у насъ; даже солдатъ подскажетъ, куда онъ посланъ и что̀ ему надо...

Все это было. И это было Шахэ. Страшное для русскаго самосознанія Шахэ.

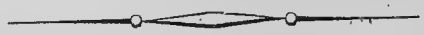
Я многаго еще не знала тогда.

Я не знала еще, что на войнѣ, въ страшную для родины годину, посланные ей на защиту сыны ея—командиры и командующіе, и начальники частей и штабовъ,—могутъ сводить здѣсь свои личные счеты и изъ-за нихъ губить дѣло...

Вѣчная память всѣмъ павшимъ, страдавшимъ и кровью своей искупившимъ грѣхи своей родины.

И кровью ихъ вписано въ каждое русское сердце незабвенное, горькое слово: „Шахэ“.

Сестра Нина.



КАКЪ РѢШЕНЪ БЫЛЪ НА ЗАПАДѢ

ЕВРЕЙСКІЙ ВОПРОСЪ

I.

Вопреки довольно распространенному мнѣнію, еврейскій вопросъ возникъ впервые не въ глубинѣ средневѣковья, а приблизительно со времени крестовыхъ походовъ. Его постановка совпадаетъ съ оживленіемъ на Западѣ религіознаго фанатизма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ первыми попытками внести свободу мышленія въ сферу вѣроисповѣдныхъ вопросовъ. Не безъ воздѣйствія іудейства и арабской науки, проводниками которой въ европейское общество не разъ являлись ученые раввины, по преимуществу въ Испаніи, стали зарождаться тѣ ереси, для борьбы съ которыми церковь въ XIII вѣкѣ создала два монашествующихъ ордена—доминиканцевъ и францисканцевъ. Снаряженіе крестоваго похода Ричардомъ Львиное Сердце въ Англіи сдѣлалось такимъ же исходнымъ моментомъ для еврейскихъ погромовъ, какъ и подавленіе силою оружія—подъ предводительствомъ сперва Симона де-Монфора, а затѣмъ французскаго короля — движенія альбигойцевъ въ южной Франціи. Вмѣстѣ съ альбигойцами подверглись преслѣдованіямъ и евреи. Ихъ наиболѣе многочисленное поселеніе въ Безьерѣ было предано огню и мечу.

Ко временамъ папы Иннокентія III надо отнесть и первый призывъ къ правителямъ Европы, сдѣланный отъ имени церкви, снять съ христіанъ отвѣтственность по платежу евреямъ процентовъ (булла 1198 г.) и провозглашеніе принципа, что евреи осуждены на вѣчное рабство въ искупленіе казни Христовой

(булла 15 іюля 1205-го года). Изъ среды созданныхъ католичествомъ въ теченіе того же XIII вѣка воинствующихъ орденовъ вышелъ тотъ учитель церкви, — доминиканецъ Ѳома Аквинатъ, который распространилъ въ католическомъ мірѣ вышеприведенный принципъ папы Иннокентія III, утверждая, что униженное положеніе евреевъ необходимо въ интересахъ христіанства, какъ доказательство выполненія предсказаній Іисуса о судьбѣ, ожидающей народъ израильскій за непризнаніе въ немъ Мессіи. Папская власть одинаково и въ Римѣ, и въ Авиньонѣ, во все время такъ называемаго Вавилонскаго плѣненія папъ въ XIV в., руководствовалась этой точкой зрѣнія въ своемъ отношеніи къ послѣдователямъ моисеева закона. Она не изгоняла ихъ, правда, изъ предѣловъ папскихъ владѣній, но ставила въ необходимость жить въ условіяхъ людей вполнѣ зависимыхъ отъ папы. Для евреевъ въ городѣ отводился особый кварталъ, кое-гдѣ отдѣленный стѣною и снабженный всего одними воротами, которыми онъ сообщался съ прочими частями города. Это такъ называемое „гетто". Кто бы хотѣлъ возстановить въ памяти эти порядки, отошедшіе въ дальнее прошлое, принужденъ былъ бы удовольствоваться въ Римѣ и Авиньонѣ осмотромъ лишь немногихъ уцѣлѣвшихъ слѣдовъ ихъ. Въ Римѣ еврейскій кварталъ расположенъ былъ въ Транстеверѣ, т.-е. по ту сторону Тибра, въ простонародной части города; онъ примыкалъ въ то же время къ Ватикану и къ кварталу храма св. Петра. Чему должно было служить такое обособленіе евреевъ въ предѣлахъ опредѣленной черты осѣдлости,—объ этомъ легко судить по уцѣлѣвшимъ гетто мусульманскихъ городовъ, прежде всего въ Марокко, куда подъ вліяніемъ преслѣдованій выселилось немало испанскихъ евреевъ. Здѣсь, — напримѣръ въ Тетуанѣ,—еврейскій кварталъ составляетъ замкнутое цѣлое. Его ворота закрываются съ заходомъ солнца на всю ночь, съ цѣлью предупредить возможность всякаго сближенія обоихъ міровъ — еврейскаго и магометанскаго. Еврейскія гетто въ городахъ Марокко служатъ въ настоящее время прибѣжищемъ и для христіанъ-путешественниковъ. Безъ широкаго гостепріимства, оказываемаго здѣсь пріѣзжимъ, мнѣ лично не удалось бы провести въ Тетуанѣ тѣхъ нѣсколькихъ дней, какихъ потребовало отъ меня даже поверхностное ознакомленіе съ арабскимъ бытомъ Сѣверной Африки. Магометане Марокко не допускаютъ европейцевъ въ свою среду.

Живя въ особомъ кварталѣ, евреи Рима пользовались покровительствомъ папы. Послѣ его избранія конклавомъ кардиналовъ они снаряжали къ нему депутацію, подносившую избраннику

Библію. Принимая ее, папа говорилъ депутатамъ: „въ этой книгѣ истина, но не вся“—и вслѣдъ за тѣмъ распоряжался насчетъ взысканія съ нихъ особаго приношенія, такъ называемаго „aurum papale“.

Несравненно хуже, чѣмъ въ предѣлахъ папскихъ владѣній, стало положеніе евреевъ въ средѣ феодальныхъ монархій и имперій. Въ своемъ законченномъ видѣ феодальное землевладѣніе построено на договорномъ началѣ, но съ тою особенностью, что имущественная сдѣлка осложняется религіозно-юридическимъ обязательствомъ вѣрности и покорности вассала сюзерену, покровительства и заступничества послѣдняго за вассала; тѣмъ самымъ устранялась возможность включенія въ число какъ собственниковъ, такъ и земельныхъ съемщиковъ, нехристей-евреевъ. Толкуя постановленія Ѳеодосіева и Юстиніанова кодекса въ превратномъ, но выгодномъ для нихъ смыслѣ, свѣтскіе правители Европы, по примѣру папы Иннокентія III, не прочь были признать евреевъ крѣпостными людьми, особаго рода „государственными крестьянами“, пріуроченными разъ навсегда къ казеннымъ землямъ, къ владѣніямъ фиска. Это давало возможность производства съ нихъ поборовъ и примѣненія къ ихъ наслѣдствамъ начала выморочности имуществъ. Независимо отъ этого, въ цѣляхъ пополненія своей казны, свѣтскіе правители Европы сплошь и рядомъ обращались къ обложенію евреевъ всякаго рода исключительными поборами. Характернымъ примѣромъ можетъ служить долгое время державшійся въ Германіи „Leibzoll“ — поборъ съ еврея при перемѣщеніи его по дорогамъ и при входѣ въ города. Чтобы сохранить за евреями, въ то же время, приниженное положеніе, ихъ заставляли носить на одеждѣ особенные значки (во Франціи — „rouelles“) или особыя шапки желтаго цвѣта.

Положеніе евреевъ значительно страдало и отъ нежеланія городскихъ промышленныхъ классовъ допустить ихъ конкурренцію въ области ремеслъ и торговли. Гильдейскія сообщества все чаще и чаще стали вносить въ свои статуты запретъ принимать евреевъ. Да и по самой своей природѣ гильдіи и цехи — эти одновременно промышленно-торговые и религіозно-общежительные союзы—не могли принимать въ свою среду лицъ, не соблюдавшихъ христіанскаго ритуала. Не допускаемые ни къ землевладѣнію, ни къ промышленности, евреи поставлены были въ необходимость ограничить свою дѣятельность однѣми денежными операціями, да ремесломъ тряпичниковъ и старьевщиковъ. Къ тому побуждали ихъ и необезпеченность, создаваемая возможностью ежечаснаго ихъ изгнанія изъ предѣловъ того или другого

государства или города, и бо̀льшая легкость перемѣщенiи денежныхъ цѣнностей сравнительно съ прочими товарами. Немудрено, если въ данныхъ условiяхъ кредитныя сдѣлки стали обычнымъ занятiемъ евреевъ. Невѣжественная толпа настолько свыклась съ мыслью о тѣсной связи евреевъ съ драгоцѣнными металлами, что во время погромовъ евреямъ не разъ вскрывали животы, въ надеждѣ открыть въ нихъ золото. Кредитныя сдѣлки евреевъ создавали имъ репутацiю почти исключительныхъ обладателей капиталовъ и позволяли правительствамъ Европы эксплуатировать ихъ въ формѣ займовъ, вынуждаемыхъ между прочимъ угрозой выселенiя и конфискацiи имущества. Если фискальный разсчетъ заставлялъ свѣтскiя власти дорожить евреями, какъ доходною статьею, то желанiе предупредить конкурренцiю съ ихъ стороны и поддерживаемое въ массахъ религiозной ненавистью ложное представленiе, что евреи для своего культа нуждаются въ крови христiанскихъ младенцевъ, что они не прочь оскорблять христiанскiя чувства надругательствомъ надъ таинствомъ евхаристiи (прободанiе остiи), что ихъ вражда къ христiанамъ не отступаетъ предъ рѣшимостью отравить колодцы и вызвать, будто бы, тѣмъ чумную эпидемiю,—сплошь и рядомъ имѣло своимъ послѣдствiемъ погромы и истребленiе еврейскихъ поселенiй, а также сожженiе самихъ евреевъ живыми, особенно въ годины народныхъ бѣдствiй. Никогда эта питаемая предразсудками ярость черни не выражалась съ большей силой, какъ въ эпоху такъ называемой черной смерти, т.-е. опустошительной моровой язвы 1348—9 гг. обошедшей, направляясь изъ Италiи, всю центральную Европу и унесшей съ собою болѣе одной трети ея населенiя. При ближайшемъ участiи фанатизированныхъ бандъ, такъ называемыхъ самобичующихся („flagellantes“), городская чернь въ Шпейерѣ, въ Вормсѣ и другихъ городахъ Германiи, приступала къ поголовному истребленiю евреевъ или побуждала ихъ къ бѣгству цѣлыми массами въ славянскiя страны и, въ частности, въ Польшу. Этимъ объясняется, почему польскiе евреи придерживаются, какъ разговорнаго языка, особаго нѣмецкаго жаргона.

Если всѣ вышеуказанныя причины обусловили собою бѣдственное положенiе евреевъ, то не ими вызвано было поголовное ихъ изгнанiе изъ большинства странъ Европы. Послѣднее было вызвано стремленiемъ поддержать единовѣрiе, борьбой католической iерархiи съ ересями, въ образованiи которыхъ немалое участiе, по ея мнѣнiю, принимала и проповѣдь iудейства.

Уступая настоянiямъ своей матери, Эдуардъ I въ Англiи

издаетъ приказъ объ оставленіи евреями его королевства. Если до этого времени преслѣдованія ихъ, — принявшія, напримѣръ, при отцѣ Эдуарда I, Генрихѣ III-мъ, форму вымогательства съ евреевъ въ общемъ до 422.000 фунт. стерлинговъ, что для того времени представляло баснословно-высокую сумму,—сопровождались нерѣдко угрозами выслать ихъ изъ предѣловъ государства въ случаѣ неподчиненія королевскому приказу, то правительство обращалось къ нимъ лишь какъ къ средству запугиванія; оно само нуждалось въ евреяхъ, какъ въ той части населенія, которая располагала въ любой моментъ наибольшимъ количествомъ звонкой монеты. Вмѣсто того, чтобы изгонять ихъ, оно, наоборотъ, противилось ихъ эмиграціи. Но съ Эдуарда I началось поселеніе въ Англіи богатыхъ итальянскихъ банкировъ, подъ именемъ „ломбардцевъ". Явилась, слѣдовательно, возможность для казны замѣнить евреевъ другими кредиторами. Это обстоятельство развязало руки правительству и позволило ему подчиниться вліянію доминиканцевъ, сильныхъ при дворѣ королевы Элеоноры. Въ 1290 г. рядъ мѣръ, принятыхъ противъ евреевъ, завершился изгнаніемъ ихъ и конфискаціей ихъ имущества. Это рѣшеніе принято было Эдуардомъ I помимо участія парламента — обстоятельство, на которое впослѣдствіи будетъ ссылаться ходатай евреевъ передъ Кромвелемъ, одинъ изъ главъ амстердамской синагоги, Манассія бенъ-Израэль, доказывая, что самый актъ, въ силу котораго евреи должны были покинуть Англію, по природѣ своей незаконенъ. Новѣйшіе историки англійскаго права, Поллокъ и Мэтлендъ, пытаются доказать, что правительство Эдуарда вынуждено было къ такому шагу послѣдовательнымъ запрещеніемъ церковью евреямъ всякаго производительнаго занятія: земледѣлія, ремеслъ, торговли, наконецъ кредитныхъ сдѣлокъ. Этимъ объясняется, и почему Эдуардъ I нашелъ подражателей, почему актомъ 1290 года только открывается въ исторіи евреевъ періодъ сперва временнаго удаленія ихъ изъ отдѣльныхъ государствъ Европы, — чего можно было избѣжать переходомъ въ христіанство, — а затѣмъ и окончательныхъ изгнаній. Мы не имѣемъ въ виду дать полнаго перечня фактовъ, изъ которыхъ слагается мартирологъ еврейскаго народа въ теченіе XIV-го и слѣдующихъ столѣтій. Мы укажемъ только на кульминаціонные пункты направленной противъ евреевъ политики преслѣдованій.

Денежная эксплуатація евреевъ правительствомъ, бывшая въ полномъ ходу во Франціи уже при Филиппѣ-Августѣ, т.-е. въ концѣ XII-го и началѣ XIII-го вѣка, сказалась въ Англіи въ томъ, что Ричардъ Львиное Сердце и Іоаннъ Безземельный стали требовать,

чтобы дупликаты всѣхъ кредитныхъ сдѣлокъ, заключаемыхъ евреями, доставляемы были въ особо созданное для того казначейство, такъ какъ это позволяло правительству знать дѣйствительное состояніе ихъ имущества и обирать ихъ соотвѣтственно послѣднему. Съ этого же времени, т.-е. съ XIII-го ст., начинаются и насильственныя удаленія евреевъ изъ отдѣльныхъ частей государства, въ частности — изъ казенныхъ имѣній (отъ чего имъ каждый разъ позволено было откупаться). Сто лѣтъ спустя, на евреевъ продолжаютъ во Франціи смотрѣть какъ на доходную статью, которая можетъ подвергнуться отчужденію на правахъ любого казеннаго имущества. Карлъ Валуа продаетъ за 20.000 ливровъ монеты турскаго чекана (20.000 livres tournois) своему брату, королю Филиппу Красивому, всѣхъ своихъ доменовъ-евреевъ. Изгнанія евреевъ изъ отдѣльныхъ частей Франціи открываются еще въ XIII в. Въ 1240 г. ихъ принуждаютъ оставить Бретань, въ 1288 — сосѣдніе съ нею Мэнъ и Анжу. Но не ранѣе 1306 года Филиппъ IV Красивый отдаетъ приказъ о задержаніи всѣхъ евреевъ, живущихъ во Франціи, и объ изгнаніи ихъ затѣмъ изъ ея предѣловъ, съ конфискаціей ихъ имущества въ пользу казны. Для оставленія Франціи евреямъ данъ мѣсячный срокъ; каждому дозволено унесть съ собою только имѣвшуюся на его плечахъ одежду, да 12 солидовъ турской монеты. Преемникъ Филиппа IV, Людовикъ X, возвращаетъ евреевъ въ предѣлы Франціи, какъ значится, „въ виду общаго требованія народа“ — sur la commune clameur des peuples. Но новыя преслѣдованія, каждый разъ вызываемыя фанатизмомъ и невѣжествомъ, дѣлаютъ вскорѣ существованіе ихъ невыносимымъ. Въ 1320 г. на югѣ Франціи они становятся жертвою погромовъ и убійствъ, произведенныхъ сбродомъ бродягъ и пастуховъ. Они толпами расхаживаютъ по странѣ, истребляя евреевъ или понуждая ихъ къ самоубійству изъ страха попасть въ руки этихъ новыхъ крестоносцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ „pastoureaux“ (отъ „pasteur“—пастухъ). Въ 1321 г. чума въ Гвіени вызываетъ новые погромы; въ 1322 г. евреевъ изгоняютъ изъ предѣловъ Франціи; въ 1349 г., въ эпоху черной смерти, ихъ высылаютъ изъ Дофинэ и Франшъ-Контэ. Карлъ V возвращаетъ евреевъ во Францію въ 1360 г., но Карлъ VI снова изгоняетъ ихъ въ 1394 г. Это изгнаніе было окончательнымъ; въ одномъ только Ліонѣ евреи продолжали жить до 1420 года. Со времени присоединенія Прованса къ Франціи, въ 1487 г., запретъ жительства распространенъ былъ и на евреевъ этой области. Приказъ въ этомъ смыслѣ отданъ былъ въ 1501-мъ году.

Въ Германіи мы не встрѣчаемъ поголовнаго изгнанія евреевъ. Въ XIV в. высылка евреевъ имѣетъ характеръ временной и мѣстной мѣры, вызываемой каждый разъ религіознымъ фанатизмомъ и невѣжествомъ черни, приписывающей евреямъ то совершеніе ритуальныхъ преступленій, то отравленіе колодцевъ. Высылкамъ предшествуютъ, обыкновенно, погромы и попытки поголовнаго истребленія евреевъ не только мечемъ, но и огнемъ. Къ постояннымъ запретамъ евреямъ жить въ ихъ предѣлахъ отдѣльные города имперіи обращаются въ концѣ XIV в., прежде всего Страсбургъ въ 1388 году, затѣмъ Прага, Аугсбургъ, Вюрцбургъ, Майнцъ, наконецъ Нюрнбергъ въ 1499 г. Въ 1470-мъ году майнцскій архіепископъ изгоняетъ евреевъ изъ предѣловъ своихъ владѣній. Его примѣру слѣдуютъ Австрія, Саксонія, Баварія. Въ послѣдніе годы XV вѣка только въ трехъ городахъ можно было встрѣтить въ Германіи сколько-нибудь значительныя поселенія евреевъ: въ Вормсѣ, Франкфуртѣ-на-Майнѣ и Регенсбургѣ. Изгнанники должны были направить свой путь одни въ Польшу, другіе—въ Турцію.

Испанія позднѣе другихъ государствъ вступаетъ на путь проскрипціи, а именно не раньше, какъ послѣ удачнаго исхода своей вѣковой борьбы съ маврами. Но преслѣдованія евреевъ начинаются здѣсь гораздо раньше. Они вызываются каждый разъ фанатической проповѣдью духовенства. Такъ, въ 1391 году въ Севильѣ архидіакону Фернанду Мартинецу удается направить чернь противъ еврейскаго квартала. Половина его жителей гибнетъ въ пламени зажженнаго фанатиками пожара, остальная—соглашается принять крещеніе. Въ Кордовѣ, Толедо и семидесяти другихъ городахъ Кастиліи, повторяются однохарактерныя событія. Изъ Кастиліи движеніе противъ евреевъ переносится въ Арагонію, Валенсію и Каталонію, и доходитъ до Балеарскихъ острововъ, гдѣ въ одной Пальмѣ, главномъ городѣ Майорки, болѣе трехъ сотъ евреевъ убито возставшими крестьянами. Изгнаніе евреевъ начинается съ Барселоны, которая въ 1324 году высылаетъ ихъ изъ своихъ предѣловъ. Характеръ общей нормы высылка евреевъ получаетъ только вслѣдъ за неуспѣхомъ политики, направленной къ ихъ обращенію въ христіанство. Она ставитъ себѣ цѣлью предупредить всякую попытку со стороны новообращенныхъ сохранить въ своемъ быту слѣды еврейскихъ вѣрованій и ритуала. Эти новообращенные извѣстны въ Испаніи подъ именемъ „марранов“. Это имя на арамейскомъ языкѣ звучитъ такъ: „маран-ата“, что значитъ: „Спаситель“ или „Мессія явился“. Другими словами, самое названіе марановъ указываетъ

на то, что они признавали Христа за Мессію. Опасаясь вліянія марановъ на ростъ ересей, мѣстное духовенство стало настаивать передъ монархами объединенной Испаніи на созданіи церковной инквизиціи. Фердинанду Католику въ 1474 г. стоило немалыхъ усилій добиться отъ папы передачи въ руки испанской инквизиціи, осуществляемой доминиканскими монахами, права постановлять смертные приговоры и устраивать такъ называемые ауто-да-фе—акты вѣры—т.-е. всенародныя сожженія тѣхъ, кто признаваемъ былъ повиннымъ въ отступленіи отъ вѣры. Большинствомъ жертвъ являлись обращенные въ христіанство евреи или мараны. Ауто-да-фе начались прежде всего въ Севильѣ, въ 1480 г. Менѣе чѣмъ въ годъ, съ января по ноябрь 1481 г., инквизиція сожгла въ Севильѣ 398 чел., а въ предѣлахъ кадикской епархіи—не менѣе 2.000 человѣкъ. Годъ спустя распространена была инквизиція и на Арагонію. Во главѣ обѣихъ инквизицій поставленъ былъ общій начальникъ, извѣстный своимъ фанатизмомъ доминиканецъ Торквемада; онъ усиливаетъ преслѣдованія и распространяетъ ихъ и на евреевъ. Послѣ паденія Гренады и прекращенія владычества мавровъ въ Испаніи Фердинандъ и Изабелла, во дворцѣ Алгамбры, подписываютъ приказъ 31 марта 1492 года, которымъ евреи изгоняются изъ предѣловъ Испаніи, Этотъ приказъ мотивируется исключительно интересами католической вѣры и не прекращающимися усиліями евреевъ вернуть марановъ къ соблюденію моисеева закона и талмуда.

Португалія не сразу присоединилась къ Испаніи въ этомъ походѣ противъ народа израильскаго. Она даже нѣкоторое время оказывала пріютъ покинувшимъ Испанію евреямъ и маранамъ. Но когда король Эммануилъ пожелалъ вступить въ бракъ съ инфантой Изабеллой Кастильской, отъ него потребовали обѣщанія изгнать одинаково изъ своего королевства и мавровъ, и евреевъ. Онъ подчинился этому требованію, включилъ это обѣщаніе въ брачный договоръ и въ исполненіе его обнародовалъ, 4-го декабря 1496-го года, приказъ, которымъ евреи удалены были изъ предѣловъ Португаліи подъ страхомъ смерти или принудительнаго перехода въ христіанство. Соединеніе Португаліи съ Испаніей имѣло послѣдствіемъ сохраненіе въ силѣ этого рѣшенія.

Нельзя сказать, чтобы реформація, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, принесла существенное улучшеніе еврейской участи. Лютеръ объявляетъ себя рѣшительнымъ врагомъ евреевъ. Неудивительно, поэтому, если значительнѣйшія изъ протестантскихъ державъ, Швеція и Пруссія, далеко не изъ первыхъ вступили на путь рѣшенія еврейскаго вопроса въ смыслѣ равенства всѣхъ

гражданъ передъ лицомъ закона, независимо отъ ихъ вѣроисповѣданія. Въ 1573 г. евреи были, наоборотъ, изгнаны изъ предѣловъ Бранденбурга, и этому изгнанію не было положено конца и послѣ того какъ Бранденбургъ сдѣлался составной частью Пруссіи.

Такъ какъ Южная Италія, вмѣстѣ съ Ломбардіей, а также Бельгія, съ Нидерландами, находились во владѣніи испанцевъ при Карлѣ V и Филиппѣ II, то, понятно, изгнаніе евреевъ распространено было и на эти страны. Неаполитанское королевство выслало евреевъ изъ своихъ предѣловъ въ 1571 г., Генуя — въ 1550 году. Папа Пій V удалилъ ихъ изъ своихъ владѣній, за исключеніемъ городовъ Анконы и Рима, въ 1569 году; Миланъ — въ 1597 году. Изгнанія евреевъ не окончились и съ XVI-мъ столѣтіемъ. Въ Австріи ихъ высылки доходятъ до 1745 года, когда благочестивая императрица Марія-Терезія еще считаетъ нужнымъ декретировать ихъ насильственное удаленіе изъ Богеміи и Моравіи. Еще ранѣе, въ 1670 г., они выселены были Леопольдомъ I Австрійскимъ изъ Вѣны.

II.

Отпаденіе Голландіи отъ прочихъ земель, объединенныхъ подъ властью Филиппа II, играетъ въ исторіи европейскаго еврейства роль поворотнаго момента. Религіозная терпимость, обнаруженная Амстердамомъ, какъ и вообще правительствомъ Голландіи, по отношенію къ разнообразнѣйшимъ сектамъ и вѣроисповѣданіямъ, позволила и евреямъ устремить свои взоры на отдѣлившіяся отъ Испаніи протестантскія провинціи и искать въ нихъ пристанища. Въ 1619-мъ году Амстердамъ разрѣшилъ поселеніе евреевъ въ своихъ предѣлахъ, предоставилъ имъ свободное отправленіе ихъ культа, освободилъ ихъ отъ всякаго чрезвычайнаго налога и отъ обязательства какими-либо внѣшними знаками выдѣляться изъ массы христіанскаго населенія. На евреяхъ продолжали тяготѣть только два запрета — вступать въ бракъ съ туземными жителями и занимать публичныя должности.

Спиноза, въ своемъ „Политическомъ трактатѣ“, написанномъ въ годъ его смерти (1677), прославляетъ Амстердамъ за его вѣротерпимость и указываетъ на счастливыя послѣдствія, какія она имѣла для матеріальнаго благосостоянія города — для его торговаго обмѣна. Въ Амстердамѣ образуется обширная и зажиточная колонія евреевъ. Въ ея составъ входятъ въ равной

мѣрѣ съ нѣмецкими выходцами и тѣ испанскіе изгнанники, которые, пробывъ нѣкоторое время въ Португаліи, принуждены были покинуть и эту страну, и извѣстны были поэтому тамъ, гдѣ они селились, подъ именемъ португальскихъ купцовъ. Въ Амстердамѣ осѣдаетъ также часть бѣжавшихъ съ Иберійскаго полуострова марановъ, или новообращенныхъ изъ еврейства христіанъ, которые при первой возможности открыто возвращаются къ старой вѣрѣ и культу. Широкія сношенія поселившихся въ Голландіи евреевъ и марановъ не только сильно содѣйствуютъ оживленію голландской морской торговли, но значительно помогаютъ Нидерландамъ перенесть на время въ свои руки владычество надъ завоеванной португальцами Бразиліей. Сотни евреевъ переселяются въ 1642 г. въ Бразилію и кладутъ здѣсь основаніе могущественной еврейской колоніи. Одинъ изъ главъ амстердамской синагоги, Манассія бенъ-Израэль, обращается къ Кромвелю, какъ протектору Англіи, съ краснорѣчивымъ посланіемъ, въ которомъ ставитъ ему на видъ, между прочимъ, уваженіе, какимъ Библія пользуется со стороны послѣдователей передовыхъ сектъ англійскаго протестантизма и, въ частности, единомышленниковъ Кромвеля — индепендентовъ, а также то, что актъ, которымъ евреи были изгнаны изъ Англіи, долженъ быть признанъ незаконнымъ, какъ обнародованный королемъ Эдуардомъ помимо парламента; онъ настаиваетъ на необходимости и пользѣ разрѣшить евреямъ свободное поселеніе въ англійской республикѣ. Кромвель обращается съ соотвѣтственнымъ заявленіемъ къ особому собранію пресвитеровъ, купцовъ и государственныхъ сановниковъ. Духовенство подаетъ голосъ противъ допущенія евреевъ. Богатые купцы Сити, напуганные возможной конкурренціей еврейскихъ негоціантовъ, всячески стараются помѣшать законодательному рѣшенію вопроса о свободѣ поселенія евреевъ. Не будучи въ состояніи добиться его путемъ закона, Кромвель даетъ знать амстердамской синагогѣ, что будетъ смотрѣть сквозь пальцы на тѣхъ евреевъ, которые рѣшились бы перенести свое мѣстожительство въ Лондонъ и другія части королевства. Такимъ образомъ, независимо и, можно сказать, вопреки закону, евреи стали возвращаться въ Англію. Въ 1664-мъ году они имѣли уже въ Лондонѣ синагогу и раввина и образовывали особое общество, подъ именемъ португальской націи. Манассія, не довольствуясь одной перепиской съ Кромвелемъ, самъ прибылъ въ Лондонъ, въ надеждѣ добиться путемъ свиданія съ протекторомъ скораго и окончательнаго рѣшенія еврейскаго вопроса. Разувѣрившись въ этомъ и истративъ всѣ свои сбереженія, онъ рѣшился снова

отплыть въ Голландію, но не раньше какъ послѣ полученія отъ Кромвеля пенсіи въ 100 фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Этой пенсіей ему не удалось воспользоваться, такъ какъ, не добравшись до Амстердама, онъ умеръ въ Миддельбургѣ, въ 1657-мъ году.

Еврейскій вопросъ не былъ рѣшенъ закономъ въ Англіи: въ теченіе XVIII вѣка евреи продолжали считаться иностранцами и, въ этомъ качествѣ, платили особый сборъ за отправляемые ими изъ Англіи товары, такъ называемую „alien-duty". Въ 1753 году министръ Пельгамъ внесъ въ парламентъ билль, которымъ разрѣшалось давать натурализацію — т.-е. сообщать англійское гражданство—тѣмъ изъ евреевъ, которые прожили въ Англіи не менѣе трехъ лѣтъ. Билль прошелъ, но агитація со стороны лондонскихъ торговцевъ и поднятой ими черни имѣла послѣдствіемъ отмѣну его въ слѣдующемъ году, подъ тѣмъ предлогомъ, открыто выраженнымъ въ мотивахъ закона, что актъ 1753 г. возмутилъ религіозное сознаніе многочисленныхъ подданныхъ короля. Такимъ образомъ, Англія, вступившая ранѣе Франціи на путь эмансипаціи евреевъ, опережена была ею на цѣлыхъ сорокъ лѣтъ. Въ Англіи агитація въ пользу отмѣны невыгодныхъ послѣдствій принадлежности евреевъ къ нехристіанскому культу началась лишь вслѣдъ за такъ называемой эмансипаціей католиковъ, въ 1829-мъ году.

Просвѣтительная философія XVIII-го вѣка, проповѣдуя начало равенства въ свободѣ, въ значительной степени подготовила то рѣшеніе, какое дано было еврейскому вопросу французской революціей и, подъ ея вліяніемъ, законодательствомъ XIX столѣтія. Какъ сторонники равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ и какъ ревнители свободы совѣсти, и Руссо, и Монтескьё, и энциклопедисты, одинаково подготовили общественное мнѣніе Франціи къ эмансипаціи евреевъ. Изъ названныхъ писателей ни одинъ не высказался болѣе рѣшительно въ ихъ пользу, чѣмъ Монтескьё. Кому неизвѣстенъ тотъ отрывокъ „Духа Законовъ", который озаглавленъ „Скромное ходатайство, обращенное къ инквизиторамъ Испаніи и Португаліи"? Авторъ говоритъ, что оно вызвано фактомъ сожженія въ Лиссабонѣ молодой восемнадцати-лѣтней еврейки. Потомство — говорилъ Монтескьё — не повѣритъ, что въ просвѣтительный вѣкъ могли найтись варвары, настолько отрицающіе ученіе Христа, чтобы подвергать гоненію и смерти тѣхъ, вѣрованія которыхъ нѣкогда угодны были Богу и во многихъ отношеніяхъ принимаются самими христіанами. „Если вы не можете быть христіанами, то оставайтесь по крайней мѣрѣ людьми", восклицаетъ Монтескьё по адресу преслѣдователей. Его возмущаетъ

то, что нетерпимость къ евреямъ можетъ проявляться въ столѣтіе, вполнѣ выяснившее взаимныя права людей и границы нашей власти надъ чужою совѣстью („Esprit des lois", XXV, 13).

Равенство въ свободѣ, проповѣдуемое освободительной философіей XVIII вѣка, стояло въ рѣзкомъ противорѣчіи съ той полицейской опекой, какая тяготѣла надъ сравнительно немногими евреями, которыхъ можно было встрѣтить во Франціи въ пятидесятилѣтіе, предшествовавшее революціи. Познакомимся ближе съ условіями ихъ жизни, на основаніи, главнымъ образомъ, полицейскихъ отчетовъ, счастливо уцѣлѣвшихъ въ Библіотекѣ Арсенала въ Парижѣ и использованныхъ нѣкоторыми новѣйшими изслѣдователями.

И не ища аналогій съ русской дѣйствительностью, трудно однако не замѣтить ихъ. Въ XVIII-мъ вѣкѣ евреи во всей Франціи и, въ частности, въ Парижѣ поставлены были въ зависимость отъ произвола полиціи не меньше, чѣмъ у насъ. Изгнанные изъ Франціи въ XIV в., а изъ Прованса, Фландріи и Франшконтэ по мѣрѣ присоединенія этихъ провинцій къ Франціи, евреи встрѣтили новое препятствіе къ частичному проникновенію во французскіе предѣлы въ эдиктѣ 25 апрѣля 1615 г. Въ немъ, подъ страхомъ смерти и конфискаціи имущества, запрещается принимать и укрывать евреевъ. Этотъ запретъ мотивируется тѣмъ ужасомъ (horreur), какой „христіаннѣйшіе" короли Франціи всегда питали къ націямъ, враждебнымъ христіанству, и въ особенности къ евреямъ. Преслѣдуя евреевъ, французское правительство обнаруживало, однако, терпимость—близкую къ той, какую русское оказываетъ караимамъ,—по отношенію къ семьямъ испанскихъ и португальскихъ выкрестовъ. Эти мараны, подъ именемъ новохристіанъ, въ 1550 г. допущены были къ поселенію въ Бордо и, не смотря на рядъ доносовъ, доказывавшихъ преданность ихъ іудейской вѣрѣ, оставлены въ покоѣ, по всей вѣроятности въ виду того значенія, какое они пріобрѣли въ торговлѣ Бордо. Отношеніе къ нимъ не измѣнилось и тогда, когда, въ концѣ XVII в., они, съ согласія правительства, вернулись къ моисееву закону. Патентныя письма 1723 г. подтвердили всѣ данныя имъ привилегіи. Бордоскіе евреи, подобно нашимъ караимамъ, стали пользоваться всѣми правами французскихъ уроженцевъ, поддерживая доброе отношеніе къ себѣ правительства добровольными, по виду, приношеніями. Послѣднія нерѣдко достигали суммы въ 100.000 ливровъ, напр. по случаю воцаренія Людовика XV. Извѣстные подъ именемъ португальскихъ купцовъ, такіе же вновь обращенные въ іудейство мараны или вы-

кресты, еще въ большемъ числѣ, чѣмъ въ Бордо, жили въ Байоннѣ и въ Сенъ-Жанъ-де-Люсъ. Изъ метрополіи они стали проникать въ колоніи. Ранѣе всего они появились въ Мартиникѣ. Но французскіе купцы постарались, послѣ смерти Кольбера, при содѣйствіи іезуитовъ, вытѣснить ихъ съ Антильскихъ острововъ. Въ 1683 г. имъ запрещено было пребываніе въ колоніяхъ, и этотъ запретъ воспроизведенъ былъ и въ такъ называемомъ кодексѣ черныхъ (Code des noirs) 1685 г. Нѣкоторая терпимость къ ихъ поселенію на Антильскихъ островахъ, и въ частности на Санъ-Доминго, проявлена была не ранѣе царствованія Людовика XV, и исключительно по отношенію къ евреямъ, прибывшимъ изъ Бордо.

Попавъ въ положеніе близкое къ тому, какое занимаютъ у насъ караимы, португальскіе и испанскіе евреи, переселившіеся во Францію, не замедлили обнаружить враждебныя чувства къ единовѣрцамъ, какъ только поставленъ былъ вопросъ о распространеніи тѣхъ же правъ на евреевъ Эльзаса, извѣстныхъ подъ именемъ нѣмецкихъ евреевъ. Франція, послѣ присоединенія Меца въ 1552 г., принуждена была допустить дальнѣйшее пребываніе тамъ евреевъ. То же повторилось послѣ присоединенія къ Франціи Эльзаса, а затѣмъ въ 1766 г., и герцогской Лотарингіи и Эльзаса, гдѣ число евреевъ было особенно значительно. Наконецъ, третьимъ очагомъ еврейства во Франціи явились бывшія папскія владѣнія въ Авиньонѣ (comtat Venaissin). Здѣсь, подъ защитой папской власти, евреи пребывали съ правами настоящихъ гражданъ — veri cives — начиная съ XIV ст., но принуждены были носить особый костюмъ и занимать особый кварталъ.

Когда при Людовикѣ XV-мъ евреи, отсюда и изъ Эльзаса, сдѣлали попытку проникнуть для поселенія въ Бордо, португальскіе евреи отказали имъ въ гостепріимствѣ. Они причислены были къ нищимъ и бродягамъ, и губернаторъ провинціи, герцогъ Ришельё, уступая настояніямъ мѣстнаго еврейскаго общества, изгналъ ихъ изъ Бордо въ 1761 г. Въ самомъ Эльзасѣ приняты были мѣры противъ дальнѣйшаго роста еврейской колоніи въ 1784 г., всего за пять лѣтъ до революціи. Прибывавшимъ изъ Германіи евреямъ не дозволялось селиться въ Эльзасѣ, а эльзасскимъ—пріобрѣтать земли въ собственность и даже вступать въ бракъ безъ спеціальнаго разрѣшенія короля.

Положеніе евреевъ въ Парижѣ можетъ быть передано словами: полицейская опека и произволъ. Исключенные изъ числа возможныхъ поселенцевъ во все время царствованія Людовика XIV, евреи, родомъ изъ Меца, стали проникать въ столицу тайно,

на правахъ иностранцевъ. Они попадали подъ такой же надзоръ полиціи, что и всякаго рода чужеродцы, нуждались въ паспортѣ и въ разрѣшеніи на жительство. Генеральные лейтенанты полиціи весьма настаивали на этомъ требованіи, и неисполненіе его повело въ 1719 г. къ открытію особаго разслѣдованія о евреяхъ, произвольно проживающихъ въ Парижѣ. Послѣдствіемъ разслѣдованія было составленіе проекта закона, запрещавшаго пребываніе въ Парижѣ евреямъ, не снабженнымъ паспортомъ. Тотъ, кто оказывался живущимъ безъ спеціальнаго разрѣшенія, подлежалъ изгнанію, а въ случаѣ сопротивленія заключаемъ былъ въ тюрьму. Регентъ одобрилъ этотъ проектъ 6 мая 1721 г. Изъ донесеній полиціи видно, въ какой мѣрѣ соблюдались эти запреты и къ какимъ послѣдствіямъ вело проведеніе ихъ въ жизнь. Особенному гоненію полиціи подвергались тѣ евреи, которые держали столовыя. Ихъ не безъ основанія подозрѣвали въ томъ, что занимаемыя ими помѣщенія служили еврейскими молельнями. Число евреевъ стало быстро возрастать со времени заключенія мира въ 1748 г. Полиція усилила мѣры строгости. Не покидавшихъ Парижъ евреевъ подвергали заточенію въ Бисетрѣ, въ Шатле́, въ Форъ-л'Эвекъ. Людовикъ XV продолжалъ настаивать на томъ, чтобы евреи не допускались въ Парижъ иначе, какъ снабженные паспортомъ. Въ этомъ смыслѣ 11 января 1750 г. данъ былъ лейтенанту полиціи Беррье письменный приказъ короля. Въ архивахъ парижской полиціи найденъ Людовикомъ Канъ обширный матеріалъ, указывающій на порядокъ примѣненія этихъ правилъ къ евреямъ. Еще въ 1721-мъ году создана была особая должность инспектора надъ евреями. Отъ него зависѣло слѣдить за поведеніемъ евреевъ, отказывать имъ въ дальнѣйшемъ пребываніи въ столицѣ, удалять ихъ изъ нея или заключать ихъ въ тюрьму—разумѣется, съ вѣдома и согласія начальника полиціи. Нѣкоторые изъ этихъ инспекторовъ, въ томъ числѣ Легранъ, пользовались своими широкими полномочіями для того, чтобы обложить евреевъ почти періодическими поборами. Дѣло обошлось не безъ протестовъ. Изъ нихъ оказалось, что многіе евреи подвергались вымогательству не только господиномъ, но и госпожею Легранъ. Съ кого брали деньгами, съ кого — трудомъ, съ кого — вынужденными подарками. Легранъ объясняетъ причину, по которой ему кажется особенно необходимымъ установить строгій контроль за евреями въ письмѣ отъ 16 ноября 1748 г. къ генеральному лейтенанту полиціи въ Парижѣ: „Надзоръ за ними необходимъ потому, что они иностранцы, владѣющіе при этомъ весьма значительными суммами

денегъ и состоящіе въ торговомъ обмѣнѣ съ лучшими негоціантами Европы. Изъ всѣхъ націй міра евреи—та, которой всего болѣе слѣдуетъ остерегаться". Несмотря на правительственную опеку и строгія мѣры противъ евреевъ, открывающихъ трактиры для своихъ единовѣрцевъ, еврейская колонія продолжала множиться; меблированныя квартиры, ими занятыя, стали смѣняться гостинницами, въ свою очередь не разъ служившими для устройства молелень. Въ полицейскихъ протоколахъ уцѣлѣло нѣсколько актовъ обыска и конфискаціи предметовъ еврейскаго культа въ такихъ частныхъ помѣщеніяхъ [1]. Преслѣдовали евреевъ и за то, что они держали при себѣ еврейскую прислугу, и за то, что принимали въ услуженіе христіанъ. Послѣднимъ также грозило наказаніе за готовность пойти на службу къ евреямъ. Немудрено, если евреи, въ надеждѣ избавиться отъ гоненій, не прочь были украшать себя вымышленными именами, обыкновенно заимствуя ихъ у тѣхъ городовъ, изъ которыхъ они вышли. Это позволяло имъ вводить въ свою фамилію аристократическое „de". Такъ появились всякіе de Vienne, de Lyon, de Perpignan и т. д. Многіе находили возможность скрыть свое происхожденіе подъ костюмомъ, украшеннымъ золотыми и серебряными пуговицами и галунами. Пользуясь покровительствомъ нѣкоторыхъ аристократическихъ домовъ, они искали въ свѣтскомъ обиходѣ средство выйти изъ-подъ опеки полиціи. Такъ развилась во второй половинѣ XVIII-го столѣтія своего рода золотая молодежь среди евреевъ. Но если меньшинство зажиточныхъ евреевъ, большею частью изъ Бордо, селилось въ богатыхъ кварталахъ города, по близости къ Сенъ-Жерменскому предмѣстью, и искало, какъ особой чести, возможности проникнуть въ его салоны, то масса еврейскаго народа устраивалась въ грязныхъ улицахъ и переулкахъ рабочихъ кварталовъ Сенъ-Марсо и Сенъ-Дени. Обращеніе евреевъ въ христіанство ставилось въ XVIII-мъ вѣкѣ въ такую же заслугу, какъ и въ наши дни; но съ нѣкоторымъ успѣхомъ прозелитизмъ проявлялся въ средѣ

---

[1]) Въ одномъ изъ протоколовъ значится, что евреи застигнуты были въ самый моментъ отправленія ими своего культа. На столѣ лежали одѣянія, приготовленныя для раввиновъ, и нѣсколько книгъ. Посреди комнаты висѣла мѣдная люстра съ вставленными свѣчами, а около окна, въ деревянномъ шкафѣ, который евреи называютъ скиніей (tabernacle), лежали два свитка еврейскаго закона, написаннаго еврейскими буквами, одинъ — въ бархатной обложкѣ, украшенной золотомъ и серебромъ, другой — въ шелковой. Все это было частью уничтожено на мѣстѣ, частью конфисковано и сдано на храненіе въ королевскую библіотеку, всѣ же застигнутые на мѣстѣ евреи препровождены въ тюрьму въ Fort l'Évêque.

однихъ только зажиточныхъ евреевъ и евреекъ. Масса не поддавалась ему.

Въ концѣ столѣтія, за нѣсколько лѣтъ до революціи, общественное мнѣніе Франціи уже озабочено было вопросомъ о томъ, не слѣдуетъ ли распространить и на евреевъ преимущества французскаго гражданства. Въ царствованіе Людовика XVI, вслѣдъ за начавшейся эмансипаціей протестантовъ, на очередь необходимо долженъ былъ выступить и еврейскій вопросъ. Хотя въ Эльзасѣ по прежнему поддерживался запретъ новой ихъ иммиграціи и покупка евреями земельной собственности встрѣчала препятствія въ законѣ, тѣмъ не менѣе въ 1784 г. отмѣненъ былъ оскорбительный для евреевъ сборъ, такъ называемый „Leibzoll". Изъ французскихъ государственныхъ дѣятелей Мальзербъ болѣе другихъ содѣйствовалъ движенію въ пользу уравненія евреевъ въ правахъ съ христіанами. Его почину Франція обязана тѣмъ, что въ 1787 году, за два года до революціи, собрана была особая коммиссія изъ еврейскихъ нотаблей, которой поручено было подготовить мѣры, къ улучшенію положенія ихъ единовѣрцевъ. Эта коммиссія, правда, не пришла ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ, вслѣдствіе сказавшейся въ ея средѣ розни евреевъ юга и запада съ евреями Эльзаса. Но нѣкоторые изъ выдающихся евреевъ вслѣдъ за тѣмъ получили натурализацію. Общественное мнѣніе настолько заинтересовалось вопросомъ о евреяхъ, что Королевская Академія Наукъ и Искусствъ въ Мецѣ сочла возможнымъ въ 1785 г. предложить премію за сочиненіе о средствахъ къ улучшенію положенія евреевъ. Только въ 1788 г. послѣдовало присужденіе преміи. Ея удостоены были три писателя, изъ которыхъ два—евреи. Третья премія дана была аббату Грегуару. Это — первое выступленіе знаменитаго члена революціонныхъ представительныхъ собраній; оно сказалось горячей защитой права евреевъ пользоваться всѣми преимуществами французскаго подданства. Въ числѣ же непремированныхъ мемуаровъ были и такіе, которые требовали насильственнаго выселенія евреевъ въ Гвіану.

Къ сочиненіямъ, повліявшимъ на измѣненіе общественнаго мнѣнія Франціи по отношенію къ евреямъ, надо отнести и „Прусскую монархію" Мирабо-сына, будущаго трибуна. Во время своего пребыванія въ Берлинѣ онъ сошелся съ кружкомъ лицъ, близкихъ къ еврейскому реформатору Мендельсону, и проникся мыслью, что эмансипированные проповѣдью послѣдняго евреи могутъ сдѣлаться желательными союзниками движенія, направленнаго къ торжеству права и справедливости. Такимъ обра-

зомъ общественное мнѣніе во Франціи было подготовлено къ тому рѣшенію еврейскаго вопроса, какое должно было явиться послѣдствіемъ признанія „декларацій правъ человѣка и гражданина“ равенства всѣхъ французовъ передъ закономъ. Тѣмъ не менѣе, выводъ, благопріятный интересамъ евреевъ, сдѣланъ былъ далеко не сразу. Наканунѣ революціи соглашались — самое большее — на допущеніе евреевъ къ свободному поселенію на протяженіи всего королевства, на отправленіе ими всякихъ профессій, на владѣніе ими землею на правахъ собственности, готовы были признать за ними и право имѣть свои синагоги, своихъ раввиновъ, свои школы, свои кладбища; но евреи все же должны были сохранить свое особое положеніе въ государствѣ, а не слиться съ прочими французами въ одинъ народъ. Болѣе этого не допускали самые смѣлые новаторы, съ Мендельсономъ во главѣ. Рѣчь шла о терпимости къ евреямъ и еврейскому культу, а не о равноправіи евреевъ съ послѣдователями христіанскихъ вѣроученій. Для большинства евреи продолжали оставаться „націей въ націи“. И это господствующее воззрѣніе найдетъ еще сторонниковъ въ самый разгаръ французской революціи.

Едва ли не первое слово въ пользу равноправія евреевъ въ Учредительномъ Собраніи произнесено было Мирабо. 22 августа 1789 г. Національное Собраніе, по предложенію графа Кастелана, стало обсуждать вопросъ о включеніи въ „декларацію правъ“ фразы: „Никто не долженъ подвергаться преслѣдованію за его религіозныя убѣжденія“. Мирабо, имѣя въ виду столько же протестантовъ, сколько евреевъ, высказался противъ употребленія термина „господствующей“ въ примѣненіи къ католической вѣрѣ и въ пользу замѣны словъ: „терпимость къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, помимо католическаго“, фразой: „неограниченная свобода вѣры“. Другой депутатъ, Рабо Сентъ-Этьенъ (протестантскій пасторъ), потребовалъ свободы и равенства правъ для народа, вырваннаго, какъ онъ выразился, „изъ нѣдръ Азіи, вѣчно ищущаго прибѣжища, постоянно подвергавшагося изгнанію, преслѣдуемаго за послѣдніе восемнадцать вѣковъ, для народа, который, несомнѣнно, принялъ бы наши нравы и наши обычаи, еслибы онъ былъ инкорпорированъ нами, для народа, которому мы не можемъ ставить въ вину нѣкоторыхъ его нравственныхъ недостатковъ, такъ какъ они — порожденіе нашего варварскаго отношенія къ нему, того уничиженнаго положенія, въ которомъ мы его держимъ“. Едва предложеніе Кастелана было принято, какъ парижскіе евреи сочли нужнымъ послать адресъ генеральнымъ штатамъ. Они ходатайствовали въ немъ о распространеніи на евреевъ всѣхъ гра-

жданскихъ правъ, которыми пользуются французы. Они отказывались отъ привилегій, ранѣе признанныхъ за еврейской націей, и желали слиться въ одно цѣлое „съ французскимъ народомъ". 1 сентября аббатъ Грегуаръ предложилъ посвятить одно изъ вечернихъ засѣданій разсмотрѣнію требованій, заявленныхъ евреями, поселенными во Франціи. Одного этого было уже достаточно для того, чтобы всѣ синагоги Франціи отправили аббату Грегуару выраженіе своей признательности. „Само Провидѣніе—значится въ одномъ изъ этихъ адресовъ—послало васъ для смягченія нашей участи". Но предложеніе Грегуара встрѣчаетъ въ собраніи и враждебное ему теченіе. Подъ разными предлогами одна отсрочка слѣдуетъ за другою. Изъ Эльзаса приходятъ, между тѣмъ, извѣстія, что народъ поднимается противъ евреевъ и что они неминуемо сдѣлаются жертвою народной ярости. На евреевъ возлагаютъ отвѣтственность за закрытіе храмовъ, послѣдовавшее въ иныхъ мѣстахъ въ виду нежеланія священниковъ принесть присягу конституціи. Такъ какъ повсюду въ Европѣ евреи начинаютъ высказывать свое сочувствіе французской революціи, то ихъ вездѣ дѣлаютъ отвѣтственными за успѣхи освободительнаго движенія. Когда въ предѣлы бывшихъ папскихъ владѣній въ Авиньонѣ и Comtat Venaissin проникаютъ французскія войска, евреевъ грабятъ и ставятъ въ необходимость бѣжать. Въ Римѣ прибытіе неаполитанцевъ, явившихся для защиты папы, сопровождается еврейскимъ погромомъ, и многіе евреи гибнутъ въ Тибрѣ. Въ Эльзасѣ, по слухамъ, 1.200 евреевъ поставлены были въ необходимость бѣжать въ Базель, гдѣ Швейцарія оказала имъ великодушное гостепріимство. Всѣ эти извѣстія доходятъ до Національнаго Собранія и побуждаютъ аббата Грегуара настаивать на томъ, чтобы, наконецъ, назначенъ былъ срокъ для обсужденія еврейскихъ запросовъ. 14 октября еврейская депутація допущена къ присутствованію на засѣданіи, вопреки протесту духовенства. Депутатъ Лотарингіи, еврей Бер-Исаакъ-Беръ предъявляетъ требованіе радикальной реформы, которая бы позволила людямъ смотрѣть на евреевъ какъ на братьевъ.

Но еврейскій вопросъ въ смыслѣ уравненія всѣхъ передъ закономъ и судомъ далеко не былъ рѣшенъ въ этомъ засѣданіи. Онъ внезапно всплылъ снова на поверхность при обсужденіи Учредительнымъ Собраніемъ условій активнаго гражданства и непризнанія его за актерами, за палачомъ и за евреями. Депутатъ отъ Эльзаса, Ревбель, будущій членъ Директоріи, всегда отличавшійся своимъ нерасположеніемъ къ евреямъ, требовалъ отъ собранія,

чтобы оно отвергло притязанія евреевъ на участіе въ политическихъ выборахъ. Но Клермонъ-Тоннерръ сталъ открыто на сторону евреевъ, и можно было ждать рѣшенія вопроса въ утвердительномъ смыслѣ, но шумные и затянувшіеся апплодисменты помѣшали постановкѣ его на голоса за недостаткомъ времени. Только 23 декабря дано было генеральное сраженіе. Подобно нѣкоторымъ русскимъ государственнымъ дѣятелямъ, Ревбель пророчилъ, что признаніе права голоса за евреями станетъ для нихъ смертнымъ приговоромъ. Аббатъ Мори, предсказывая такіе же погромы, въ пылу краснорѣчія заявлялъ: „Несчастные евреи! въ вашихъ же интересахъ оставаться навсегда въ положеніи иностранцевъ". Клермонъ-Тоннерръ сходился съ Робеспьеромъ въ отстаиваніи правъ евреевъ. На обвиненіе ихъ аббатомъ Мори въ ростовщичествѣ, въ презрѣніи къ земледѣлію, въ неспособности служить въ войскѣ изъ-за необходимости соблюденія субботняго отдыха, Клермонъ-Тоннерръ отвѣчалъ указаніемъ на то, что все было сдѣлано, чтобы обособить евреевъ отъ прочаго населенія—а теперь готовы карать ихъ за это обособленіе. „Евреевъ принуждали довольствоваться одной торговлей деньгами, и тѣмъ не менѣе находили и находятъ, что можно призвать ихъ къ отвѣту за то, что они пріобрѣли свойства, необходимо вытекающія изъ такой односторонности занятій. Имъ позволяли добывать средства къ жизни только путемъ роста, а теперь не прочь карать за то, что они пользовались и пользуются этой возможностью; имъ разрѣшено было только обогащаться, и ихъ, тѣмъ не менѣе, наказывали за то, что они становились богатыми". Въ отвѣтъ на заявленіе Мори: „что бы вы ни дѣлали, евреи останутся чужими въ нашей средѣ"— Робеспьеръ отвѣтилъ словами: „верните имъ родину, счастье и добродѣтель, а для этого есть только одно средство — признать за ними человѣческое достоинство и права гражданина". Тѣмъ не менѣе, и на этотъ разъ собраніе высказалось большинствомъ пяти голосовъ въ пользу такого перехода къ очереднымъ дѣламъ, который не давалъ бы возможности считать вопросъ о евреяхъ рѣшеннымъ. Дюпоръ внесъ предложеніе, чтобы каждый французъ могъ считаться активнымъ гражданиномъ, если къ изъятію его не имѣется основаній въ постановленіяхъ, принятыхъ Національнымъ Собраніемъ. Желая ускорить рѣшеніе еврейскаго вопроса въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ и опасаясь, чтобы противодѣйстіе, какое эмансипація евреевъ встрѣчала въ Эльзасѣ, не явилась къ тому помѣхой, бордоскіе евреи представили собранію особое ходатайство, въ которомъ они подчеркивали тотъ фактъ, что еще въ 1550 г. они признаны были француз-

скими уроженцами (regnicoles). Въ то же время они непрочь были отдѣлиться отъ эльзасскихъ и лотарингскихъ евреевъ, говоря, что послѣдніе, какъ они слышали, настаивали на признаніи за ними особаго порядка, т.-е. особыхъ правъ и преимуществъ. Для бордоскихъ евреевъ необходимо было не дарованіе имъ особыхъ правъ, а только признаніе за ними ихъ исконной принадлежности къ числу французовъ. Талейранъ, епископъ отёнскій, выступилъ 28 января 1790 г. въ защиту притязаній бордоскихъ евреевъ. Противники равноправія утверждали, что въ Бордо готовится движеніе противъ евреевъ и что имъ грозитъ погромъ, разъ ихъ притязанія будутъ признаны. Но эти слухи вскорѣ были опровергнуты извѣстіями изъ Бордо, доложенными собранію однимъ изъ депутатовъ. Притязанія бордоскихъ евреевъ были признаны, въ концѣ концовъ, но въ то же время сдѣлана оговорка, что вопросъ объ эльзасскихъ евреяхъ остается открытымъ. Равноправіе евреевъ безъ различія происхожденія было вотировано неожиданно въ засѣданіи 27 сентября 1791 г., всего за нѣсколько дней до роспуска Конституанты. Не смотря на то, что духовенствомъ и дворянствомъ открыта была жестокая полемика противъ всѣхъ сторонниковъ равноправія, которыхъ обвиняли въ томъ, что они продались евреямъ, не смотря на то, что князь Броль позволилъ себѣ на засѣданіи Учредительнаго Собранія заявить, что четыре или пять богатѣйшихъ евреевъ Эльзаса деньгами вербуютъ себѣ покровителей и заступниковъ въ столицѣ, не смотря на то, что тѣми же противниками равноправія распространяемъ былъ слухъ о готовящемся возстаніи въ Страсбургѣ, Дюпоръ 27 сентября рѣшился сдѣлать съ трибуны слѣдующее предложеніе. „Я полагаю—сказалъ онъ,—что свобода культа не дозволяетъ сохраненія какихъ-либо различій въ правахъ гражданъ, въ зависимости отъ ихъ вѣроисповѣданія. А между тѣмъ вопросъ о политическихъ правахъ евреевъ еще не рѣшенъ и откладывается со дня на день; и это въ то время, когда мусульмане и послѣдователи всякихъ религіозныхъ сектъ допущены къ пользованію во Франціи всею полнотою политическихъ правъ. Въ виду сказаннаго я требую, чтобы положенъ былъ конецъ дальнѣйшимъ отсрочкамъ, и чтобы собраніе декретировало: отнынѣ евреи пользуются правами активныхъ гражданъ“. Ревбель попробовалъ было потребовать слова, чтобы воспротивиться этому предложенію, но предсѣдательствовавшій Реньйо де Сенъ-Жанъ-д'Анжели призвалъ его къ порядку, объявляя, что всякій, кто выступитъ противъ проекта, тѣмъ самымъ совершитъ посягательство на конституцію. Послѣ этого Національное Собраніе

безъ всякихъ преній вотировало слѣдующій текстъ декрета: „Принимая во вниманіе, что условія, необходимыя для пріобрѣтенія французскаго гражданства, какъ и для пользованія правами активнаго гражданина, опредѣлены конституціей, и что всякій, удовлетворяющій этимъ требованіямъ, допускается къ принесенію присяги и клянется исполнять всѣ обязанности, налагаемыя конституціей, а слѣдовательно и можетъ пользоваться всѣми правами, какія она обезпечиваетъ, собраніе отмѣняетъ мѣропріятія, ранѣе изданныя по отношенію къ евреямъ, готовымъ принесть гражданскую присягу, и постановляетъ, что принесеніе такой присяги будетъ считаться равнозначительнымъ отказу отъ всякихъ привилегій и изъятій, ранѣе установленныхъ въ пользу евреевъ". Таково содержаніе акта, которымъ во Франціи и, можно сказать, на протяженіи всей Европы впервые проведена была эмансипація евреевъ. Имъ далеко, однако, не былъ рѣшенъ окончательно еврейскій вопросъ.

Попытка повернуть ходъ исторіи въ неблагопріятномъ для евреевъ смыслѣ совпадаетъ съ эпохой заключенія Наполеономъ конкордата и временнаго подчиненія его вліянію католической партіи и ея вожаковъ — Бональда и Фонтана. Ранѣе, во время похода Наполеона въ Египетъ, мы не только не встрѣчаемъ съ его стороны какой-либо враждебности по отношенію къ евреямъ, но, наоборотъ, онъ старается привлечь ихъ къ своимъ широкимъ планамъ, рисуя передъ ними проектъ возстановленія ихъ національной независимости въ Палестинѣ. Все это не помѣшало, однако, тому, что въ 1806 году еврейскій вопросъ снова поставленъ былъ ребромъ, и опять-таки по поводу эльзасскихъ евреевъ. Ближайшимъ основаніемъ выставлялась задолженность эльзасскаго землевладѣнія ростовщикамъ изъ евреевъ. Она возникла вслѣдствіе быстраго перемѣщенія собственности, какое вызвала секуляризація весьма распространенныхъ въ Эльзасѣ церковныхъ имуществъ, проведенная Учредительнымъ Собраніемъ. Къ поступившимъ въ продажу церковнымъ имуществамъ вскорѣ присоединились и помѣстья бѣжавшихъ изъ Франціи дворянъ. Чтобы перемѣстить всѣ эти оказавшіяся свободными земли въ руки новыхъ владѣльцевъ, потребовались значительные капиталы. А такъ какъ деньги сосредоточивались въ Эльзасѣ почти исключительно въ рукахъ евреевъ, покупщикамъ такъ называемыхъ національныхъ имуществъ пришлось обратиться къ посредничеству евреевъ. Послѣдніе, разумѣется, не давали денегъ иначе, какъ подъ залогъ пріобрѣтаемыхъ имѣній. Народная молва преувеличивала размѣръ задолженности, утверждая, что въ залогѣ у евреевъ имѣется не-

движимостей болѣе чѣмъ на 35 милліоновъ, тогда какъ въ дѣйствительности размѣръ задолженности не достигалъ и трети этой суммы (9.450.000 фр.). Какъ бы то ни было, но въ декретѣ 30 мая 1806 г. поводомъ къ правительственному вмѣшательству въ отношенія евреевъ-кредиторовъ къ должникамъ ставится обвиненіе первыхъ въ ростовщичествѣ, послѣдствіемъ котораго явилось разореніе многихъ земледѣльцевъ („la détresse de beaucoup de cultivateurs"). Декретъ признаетъ, что необходимо поднять въ средѣ послѣдователей еврейскаго закона уровень гражданской нравственности, упадокъ которой объясняется приниженнымъ еще недавно ихъ состояніемъ — состояніемъ, прибавляетъ законодатель, къ которому правительство отнюдь не намѣрено вернуть ихъ. Самое содержаніе декрета сводится къ отсрочкѣ на годъ исполненія рѣшеній, постановленныхъ по жалобамъ кредиторовъ-евреевъ Эльзаса и Прирейнскихъ Провинцій на неисправныхъ должниковъ.

Одновременно Наполеонъ предписалъ созывъ въ Парижѣ особаго представительнаго собранія отъ евреевъ Франціи, Италіи и провинцій, недавно присоединенныхъ отъ священной римской имперіи. О выборѣ представителей не было рѣчи: они назначены были префектами, но изъ числа выдающихся членовъ еврейскаго общества. Делегаты собрались въ Парижѣ, въ числѣ 111. Правительство назначило для присутствія на собраніи своихъ трехъ коммиссаровъ—графа Моле, Порталиса-сына и извѣстнаго юриста Паскье. Собраніе избрало своимъ президентомъ человѣка, вполнѣ выражавшаго передовыя воззрѣнія португальскаго еврейства, поселеннаго въ Бордо Авраама Фурнадо. Нотаблямъ предложенъ былъ отъ правительства рядъ вопросовъ. Когда Моле прочелъ вопросъ, гласившій: смотрятъ ли евреи, поселенные во Франціи и признаваемые закономъ за гражданъ, на эту страну какъ на свою родину, которую они обязаны защищать,—со всѣхъ сторонъ раздались голоса: „Да, не щадя жизни!" (Oui, jusqu'à la mort). Въ этомъ крикѣ высказалась благодарность послѣдователей моисеева закона за признаніе обновленной революціею Франціей начала религіозной свободы и равенства всѣхъ гражданъ передъ лицомъ закона. На вопросъ, какія обязательства налагаетъ еврейскій законъ на лицъ, придерживающихся его въ своихъ отношеніяхъ къ французамъ иной вѣры, собраніе отвѣтило: „Эти отношенія ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, въ какихъ еврей долженъ стоять къ еврею. Вѣдь все различіе между ними сводится къ тому, что евреи и христіане различно понимаютъ способъ поклоненія Верховному Существу. Вступивъ въ составъ французской

націи, евреи не могутъ болѣе относиться къ французамъ иначе, какъ къ согражданамъ". Въ числѣ вопросовъ былъ и вопросъ объ отдачѣ евреями денегъ въ ростъ. Правительство желало узнать, запрещаетъ ли еврейскій законъ взиманіе процентовъ съ единовѣрцевъ и ростовщичество по отношенію къ иностранцамъ. Еврейскіе нотабли пояснили, что безвозмездная ссуда единовѣрцамъ, предписанная еврейскимъ закономъ, вытекла изъ желанія обезпечить возможное равенство и низкій размѣръ состояній въ эпоху, когда евреи жили еще независимо въ Палестинѣ. Разсѣянные по лицу земли и поселенные среди другихъ народовъ, евреи усвоили себѣ ихъ обычаи, въ томъ числѣ отдачу денегъ на проценты.

Ходячіе во французскомъ обществѣ предразсудки противъ евреевъ отразились и на характерѣ нѣкоторыхъ вопросовъ, поставленныхъ нотаблямъ. На вопросъ, не запрещаетъ ли Талмудъ отправленіе евреямъ извѣстныхъ профессій, послѣдовалъ отвѣтъ: „еврейскій законъ не запрещаетъ евреямъ никакой профессіи; наоборотъ, Талмудъ объявляетъ, что отецъ семейства, не обучившій сына какому-нибудь ремеслу, готовитъ его въ разбойники". Паскье въ своихъ мемуарахъ говоритъ о глубокомъ впечатлѣніи, какое произвели эти заявленія еврейскихъ нотаблей. „Прежде,—пишетъ онъ,—евреевъ считали озабоченными исключительно преслѣдованіемъ матеріальныхъ интересовъ, преданными своей вѣрѣ по привычкѣ и еще въ большей степени въ виду того, что она открываетъ имъ возможность, не вступая въ борьбу со своей совѣстью, жить на счетъ всѣхъ народовъ, принявшихъ ихъ въ свою среду. Теперь пришлось отказаться отъ такихъ предположеній. Еврейскіе нотабли оказались людьми, стоящими по своему развитію надъ толпой, преданными своей вѣрѣ, хорошо знакомыми съ ея принципами и тѣмъ болѣе привязанными къ ней, что она была предметомъ гоненій и ненависти. Ихъ крайне развитой умъ не оказывается чуждымъ никакимъ научнымъ познаніямъ; исчезла, поэтому, возможность считать евреевъ одной чернью и пришлось признать существованіе особой еврейской націи".

Вслѣдъ за созывомъ нотаблей императоръ предписалъ открыть въ Парижѣ новое собраніе, которому дано было пышное названіе „Великаго Синедріона"; на $^1/_3$ оно составлено было изъ мірянъ-евреевъ, на $^2/_3$—изъ раввиновъ. Задачей его было обратить принципы, высказанные еврейскими нотаблями, въ законъ. Его резолюціи лежатъ и по настоящій день, по утвержденію еврейскихъ писателей—въ томъ числѣ Теодора Рейнаха,—въ основѣ духовной

организаціи французскаго еврейства. Великій Синедріонъ указываетъ въ своихъ постановленіяхъ, что въ моисеевомъ законѣ надо отличать религіозныя правила и политическія мѣропріятія. Первыя предписаны для всѣхъ временъ и носятъ абсолютный характеръ. Вторыя разсчитаны были на примѣненіе въ Палестинѣ, въ эпоху независимости еврейскаго народа, и не могутъ, поэтому, вынуждаться нынѣ, при измѣнившихся условіяхъ. Отправляясь отсюда, Синедріонъ высказывается противъ многоженства, допущеннаго моисеевымъ закономъ, но которое осуждено было синодомъ раввиновъ въ Вормсѣ еще въ XI-мъ столѣтіи и котораго болѣе не придерживаются евреи Запада. Синедріонъ считаетъ возможнымъ объявить, что и въ вопросѣ о бракѣ, и въ вопросѣ о разводѣ евреи будутъ слѣдовать кодексу Наполеона. Считаясь съ ходячими предразсудками, нашедшими выраженіе и въ обвиненіяхъ, сдѣланныхъ по отношенію къ евреямъ аббатомъ Мори въ эпоху Учредительнаго Собранія и вновь выступившими въ самомъ содержаніи вопросовъ, съ какими французское правительство обратилось къ еврейскимъ нотаблямъ, члены Синедріона напоминаютъ объ обязанности евреевъ любить своихъ согражданъ, считать Францію своей родиной, служить ей и защищать ее, быть свободными отъ исполненія предписываемыхъ религіей обрядовъ во все время несенія воинской службы, въ томъ случаѣ, еслибы эти обряды препятствовали ея осуществленію. Синедріонъ ставитъ на видъ евреямъ необходимость направлять молодежь къ занятію ремеслами и промышленностью, а также либеральными профессіями, къ пріобрѣтенію недвижимой собственности, могущей тѣснѣе связать ихъ съ родиной; онъ совѣтуетъ имъ отказаться отъ отправленія такихъ занятій, которыя могутъ дѣлать ихъ ненавистными или презрѣнными въ глазахъ ихъ согражданъ. Наконецъ, по вопросу объ отдачѣ денегъ въ ростъ Синедріонъ рекомендуетъ не устанавливать никакихъ различій между единовѣрцами и не-единовѣрцами и высказывается противъ взиманія чрезмѣрно высокихъ процентовъ, одинаково съ тѣхъ и другихъ.

Не смотря на все это, декретъ 17 марта 1808 г. на десять лѣтъ подвергъ значительнымъ ограниченіямъ торговую свободу евреевъ. Ни одинъ еврей не могъ заниматься торговлей безъ выдачи ему патента префектомъ департамента. Для производства ипотечной записи на имя еврея также требовалось предварительное разрѣшеніе. Иностраннымъ евреямъ запрещалось поселеніе въ предѣлахъ прирейнскихъ и эльзасскихъ департаментовъ; а евреямъ этихъ послѣднихъ областей—переселеніе въ другія части Франціи,

если они имѣютъ въ виду заняться чѣмъ-либо другимъ, помимо земледѣлія. Евреямъ не дозволялось также ставить за себя замѣстителей въ войскѣ. Послѣдующими декретами всѣ эти постановленія отмѣнены въ примѣненіи къ евреямъ Парижа, Бордо, Ливорно и нѣкоторыхъ другихъ городовъ. На практикѣ декретъ 1808 г. продолжалъ тяготѣть надъ одними евреями Эльзаса и Прирейнскихъ Провинцій.

Когда, десять лѣтъ спустя, въ 1818 году, палатамъ предстояло рѣшить вопросъ о продолженіи срока дѣйствія декрета 1808 года, въ пользу такого рѣшенія высказался всего на всего одинъ депутатъ—маркизъ Лятье́, собственникъ въ департаментѣ Дромы. Такимъ образомъ отпали всѣ ограниченія евреевъ въ пользованіи обще-гражданскими правами. Съ 8 февраля 1831 г. еврейскій культъ включенъ въ число тѣхъ культовъ, оплату издержекъ которыхъ приняло на себя правительство. Раввины сдѣлались государственными чиновниками, получающими жалованье на тѣхъ же правахъ, какъ и епископы, католическіе священники или протестантскіе пасторы. Правомъ гражданства не пользовались евреи, поселенные въ французскихъ колоніяхъ. Временнымъ правительствомъ, учрежденнымъ во Франціи послѣ переворота 4 сентября 1870 г., и это изъятіе было отмѣнено; Адольфъ Кремье, еврей по рожденію, исполнявшій обязанности хранителя печати, путемъ декрета даровалъ право гражданства евреямъ Алжира, и этотъ декретъ принятъ былъ Національнымъ Собраніемъ.

III.

Англія пошла по слѣдамъ Франціи. Въ 1830 г., вслѣдъ за эмансипаціей католиковъ, возникъ вопросъ о сообщеніи правъ гражданства евреямъ. Предложеніе въ этомъ смыслѣ сдѣлано было въ палатѣ общинъ депутатомъ Робертомъ Грантомъ и нашло горячую поддержку въ Маколеѣ, Робертѣ Пилѣ и лордѣ Джонѣ Росселѣ. Равноправіе достигнуто было, однако, не сразу, а путемъ постепенныхъ уступокъ. Въ 1830 г. евреи добились только права пріобрѣтать гражданство въ лондонскомъ Сити принятіемъ присяги на Библіи. Избирательная реформа 1832 года даетъ имъ право выбирать, но не быть выбранными. Въ 1833 году они допущены къ адвокатской профессіи; въ 1835 г. имъ дозволено быть шерифами графствъ; въ 1845 году впервые выбранъ еврей въ ольдермены—старшіе совѣтники—города Лондона. Этотъ выборъ признанъ былъ недѣйствительнымъ, въ виду отказа избраннаго, г. Саломонса, принять присягу на Евангеліи. Робертъ Пиль

проводитъ затѣмъ въ парламентѣ законъ, которымъ еврею, избранному на муниципальныя должности, дозволено изъ текста присяги выбрасывать слова: „клянусь именемъ христіанина". Всего болѣе добивались евреи доступа въ парламентъ. Первымъ изъ евреевъ, выбранныхъ въ депутаты, былъ Ліонель Ротшильдъ. Его послало въ парламентъ лондонское Сити въ 1847 г. Вторымъ, отъ Гринвича, прошелъ Саломонсъ. Оба отказались принести присягу, въ которой говорилось о клятвѣ именемъ христіанина; оба, поэтому, не были допущены къ занятію мѣстъ въ палатѣ. Нѣсколько разъ общины проводили билль, допускавшій замѣну для евреевъ формулы присяги такою, въ которой о принадлежности депутата къ христіанской вѣрѣ не было бы помину, но каждый разъ лорды высказывались противъ такой замѣны. Только въ 1858 г. они сдались, и Ліонель Ротшильдъ, пять разъ избиравшійся въ депутаты, могъ войти въ составъ палаты общинъ вслѣдъ за произнесеніемъ имъ измѣненной формулы присяги. Послѣдними должностями, открытыми евреямъ, были должности въ магистратурѣ (въ 1860 году) и мѣста въ палатѣ лордовъ.

Въ нѣкоторыхъ англійскихъ колоніяхъ уравненіе евреевъ въ правахъ съ христіанами наступило также вслѣдъ за движеніемъ въ пользу эмансипаціи католиковъ, напр. на островѣ Ямайкѣ—въ 1831 г., а въ Канадѣ—въ 1832 году.

Уравненіе евреевъ съ прочими гражданами достигнуто было впервые въ Бельгіи въ эпоху образованія Батавской республики, когда собраніемъ ея депутатовъ вотированъ былъ единогласно законъ 2 сентября 1796 года. Когда образовано было изъ Батавской республики королевство для брата Наполеона, Людовика, онъ озаботился измѣненіемъ формулы должностной присяги въ благопріятномъ для евреевъ смыслѣ и допустилъ ихъ къ военной службѣ. Когда вслѣдъ за паденіемъ Наполеоновой монархіи создано было соединенное королевство Нидерландъ, король Вильгельмъ I опредѣлилъ юридическое положеніе евреевъ въ самомъ либеральномъ смыслѣ. Отпаденіе Бельгіи отъ Нидерландовъ нисколько не ухудшило ихъ положеніе, такъ какъ конституція 1831 г. провозгласила въ Бельгіи начало равенства всѣхъ передъ закономъ и распространила его на евреевъ.

Въ Италіи уже съ XVIII вѣка начинается поворотъ въ пользу допущенія евреевъ къ поселенію. Почти за пятьдесятъ лѣтъ до французской революціи евреи, продолжавшіе свои торговые обороты въ Ливорно, снова допущены были въ Сицилію (1740 г.) и въ предѣлы Генуэзской республики (1752 г.). Съ того момента, когда многія части Италіи перешли подъ власть Наполео-

нидовъ, на нее распространены были тѣ же мѣры къ эмансипаціи евреевъ, какія проведены были во Франціи въ эпоху революціи. Послѣ 1815 г. началась по отношенію къ евреямъ реакція, и не ранѣе 1848 г., по изданіи Карломъ-Альбертомъ органическаго закона или статута для Пьемонта и Сардиніи, провозгласившаго начало равенства всѣхъ гражданъ, можно вести исторію окончательной эмансипаціи евреевъ. Въ томъ же 1848 г. торжество революціи сдѣлало изъ евреевъ гражданъ въ Тосканѣ, Миланѣ, Моденѣ и Венеціи, гдѣ еврею Манину суждено было исполнять—весьма, впрочемъ, недолго—обязанности послѣдняго дожа республики. По мѣрѣ того, какъ изъ прежняго Сардинскаго королевства возникала объединенная Италія, начало равенства правъ распространялось и на евреевъ—всего раньше въ Тосканѣ и Ломбардіи, присоединившихся въ 1859 г., всего позднѣе—въ Римѣ, вошедшемъ въ составъ королевства съ 1870 г.

Въ Скандинавскихъ государствахъ эмансипація евреевъ проведена была послѣ 1848 года. Въ Швейцаріи та же эмансипація достигнута еще позднѣе — въ 1874 г. На Иберійскомъ полуостровѣ еще раньше разрѣшила поселеніе евреевъ Португалія—въ 1811 г., позднѣе Испанія—въ 1868 г.

Въ Германіи эмансипація евреевъ началась съ Пруссіи. Въ 1812 году изданъ былъ актъ, имѣвшій цѣлью объединеніе всѣхъ подданныхъ на началѣ равенства гражданскихъ и публичныхъ правъ. Этотъ актъ сообщилъ и евреямъ гражданскую правоспособность, распространяя на нихъ и обязанности военной службы. Съ этого же времени они допущены были къ занятію учительскихъ и профессорскихъ должностей, а также должностей мѣстнаго управленія, но всякая иная государственная служба продолжала оставаться для нихъ закрытой. Съ 1815 г. началась реакція. Любекъ и Бременъ подвергли евреевъ новому изгнанію, Гамбургъ сталъ относиться къ нимъ придирчиво, а Франкфуртъ-на-Майнѣ потребовалъ отъ нихъ пребыванія въ границахъ еврейскаго квартала (такъ называемой „Judengasse“) и даже пытался оживить старинный регламентъ 1616 г., которымъ число браковъ, ежегодно заключаемыхъ евреями, ограничено было пятнадцатью.

Изъ монархическихъ государствъ Германіи только въ вел. герцогствахъ Гессенъ-Дармштадтскомъ и Баденскомъ, да еще въ Баваріи по лѣвую сторону Рейна, оставался въ силѣ принципъ равенства гражданъ, независимо отъ ихъ религіи и національности. Въ другихъ государствахъ, не исключая и Пруссіи, евреи подвергнуты были значительнымъ ограниченіямъ. Тѣ изъ нихъ, которые во время войны получили офицерскій чинъ, при-

нуждены были подать въ отставку. Университетскія каѳедры и судебныя должности съ 1822 г. были для нихъ закрыты. На путь полной эмансипаціи евреевъ Ганноверское королевство вступило въ 1845-мъ году. Пруссія присоединилась къ этому движенію только послѣ революціи 1848 г. Ст. 12-я ея конституціи 1850 года признала равенство правъ гражданъ независимо отъ религіи и открыла евреямъ доступъ къ занятію мѣстъ въ администраціи. Позднѣе другихъ обратились къ эмансипаціи евреевъ Гамбургъ — въ 1861 г. и Франкфуртъ-на-Майнѣ—въ 1864 г. Со времени объединенія Германіи исчезли законодательныя ограниченія по отношенію къ евреямъ. Но на практикѣ нѣкоторыя карьеры, въ томъ числѣ военная, остаются для нихъ закрытыми—въ особенности въ Пруссіи.

Хотя Австрія, благодаря Іосифу II и изданному имъ въ 1783-мъ году эдикту о вѣротерпимости, и должна быть отнесена къ числу странъ, ранѣе другихъ озаботившихся отмѣной несправедливыхъ законовъ по отношенію къ евреямъ (эдиктомъ 1783 г. отмѣненъ былъ, между прочимъ, такъ называемый „Leibzoll"), тѣмъ не менѣе эмансипація евреевъ достигнута была здѣсь лишь весьма поздно. Въ первую половину XIX-го столѣтія евреи, призванные къ несенію воинской повинности, не были допускаемы ни къ занятію гражданскихъ должностей, ни къ офицерской службѣ. Они не могли ни свободно пребывать въ столицѣ долѣе пятнадцати дней, ни переселяться изъ одной области въ другую, ни владѣть недвижимою собственностью, ни даже торговать свободно. Послѣднія два ограниченія не существовали въ Венгріи, почему многіе евреи изъ Цислейтаніи и переселялись туда. Въ 1848 г., съ торжествомъ революціи, отмѣнены были всѣ тяготѣвшія надъ евреями стѣсненія, но наступившая реакція возстановила ихъ снова, и только послѣ военныхъ неудачъ 1859-го и 1866 гг. конституція 1867 г. упразднила послѣднія ограниченія правъ евреевъ. Въ Венгріи законъ, эмансипирующій евреевъ, былъ вотированъ единогласно въ нижней палатѣ, а въ верхней оппозиція ему достигла всего четырехъ человѣкъ. Законъ, признаніемъ силы за гражданскимъ бракомъ, допустилъ заключеніе брачныхъ союзовъ евреевъ съ христіанками и наоборотъ; но въ Австріи издержки по содержанію еврейскаго причта не покрываются, какъ во Франціи, на средства государственнаго бюджета.

Я разсмотрѣлъ законодательства важнѣйшихъ государствъ по еврейскому вопросу, и изъ моего очерка съ наглядностью выступаетъ тотъ фактъ, что признаніе конституціями основного начала всякаго правового порядка—равенства гражданъ передъ за-

кономъ и судомъ—имѣло повсемѣстно послѣдствіемъ эмансипацію евреевъ. Но вѣковые предразсудки противъ евреевъ, созданные и поддерживаемые частью религіознымъ фанатизмомъ, частью желаніемъ избѣжать экономической конкурренціи, настолько сильны, что съ ними приходится вести еще упорную борьбу тѣмъ средствомъ, которое одно оказалось дѣйствительнымъ въ теченіе столькихъ столѣтій—распространеніемъ путемъ печати здравыхъ понятій о дѣйствительной природѣ еврейскаго закона и проводимыхъ имъ началахъ гражданскаго общежитія, а также распространеніемъ въ средѣ самого еврейства обще-европейской культуры, на почвѣ которой только и могутъ сойтись образованные русскіе и образованные евреи. Реформа, задуманная Мендельсономъ въ Пруссіи по отношенію къ еврейству, въ такой же степени содѣйствовала его эмансипаціи, какъ и освободительные законы, принятые французскимъ Учредительнымъ Собраніемъ и послѣдовавшими его примѣру палатами и правительствами. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ евреи всего болѣе слились съ общимъ культурнымъ движеніемъ, всего менѣе чувствуется острота расовой и религіозной вражды и соперничества. Еврейскій вопросъ, рѣшенный въ законодательномъ порядкѣ одинаково въ Англіи и ея колоніяхъ, всего менѣе даетъ себя чувствовать въ обширныхъ предѣлахъ англо-американской гражданственности. Въ Америкѣ евреи, получившіе нѣкоторое образованіе въ Россіи, находятъ, какъ я самъ имѣлъ возможность убѣдиться, легкій заработокъ, благодаря знанію ими нѣсколькихъ языковъ, въ томъ числѣ и русскаго. Въ рѣдкой изъ городскихъ и университетскихъ библіотекъ Соед. Штатовъ не имѣется одного или двухъ евреевъ, приставленныхъ къ составленію каталоговъ и выпискѣ книгъ. Въ рядахъ адвокатовъ элементъ еврейства представленъ весьма сильно; то же можетъ быть сказано объ американскомъ журнализмѣ и о производствѣ статистическихъ и этнографическихъ работъ за счетъ государства или ученыхъ обществъ и организацій, въ родѣ вашингтонскаго Смисоніевскаго института. Когда въ 1901 г. я былъ призванъ въ Америку для чтенія лекцій, я получилъ въ Чикаго, безъ всякаго предварительнаго ходатайства съ моей стороны, болѣе десяти томовъ статистическаго описанія американскаго населенія или такъ называемаго ценза, въ качествѣ признательнаго приношенія моего бывшаго слушателя въ московскомъ университетѣ, еврея по рожденію, исполнявшаго обязанности секретаря при вашингтонскомъ центральномъ бюро по составленію переписи. Мнѣ пришлось встрѣчать русскихъ евреевъ во все время моего пребыванія въ Америкѣ, и какъ актеровъ еврейскаго театра, интерпретирующаго

на нѣмецкомъ языкѣ пьесы Островскаго и нашихъ новѣйшихъ драматурговъ, и какъ лицъ, занимающихъ тѣ или другія должности по устройству переселенцевъ, и какъ студентовъ, и какъ профессоровъ, и какъ хранителей музеевъ, и какъ простыхъ рабочихъ, поселенныхъ въ дешевыхъ кварталахъ Нью-Іорка и Чикаго—и отъ всѣхъ ихъ мнѣ приходилось слышать одно и то же, а именно, что нетерпимое къ нимъ отношеніе обнаруживаютъ не исконные американскіе граждане, а только тѣ изъ переселенцевъ, которые, какъ напр. ирландцы, всего болѣе подчиняются еще духовному руководительству нерѣдко фанатическихъ священниковъ. Какъ общее правило—ни раса, ни вѣра, не являются въ Америкѣ препятствіемъ къ успѣшной карьерѣ, и я не буду пораженъ, если въ предѣлахъ англо-американскаго міра еврейскій вопросъ всего ранѣе сойдетъ со сцены. Онъ потерялъ также всякую рѣзкость въ Голландіи, Бельгіи, Италіи, въ меньшей степени во Франціи, гдѣ его недавняя постановка, по поводу знаменитаго процесса Дрейфуса, тѣсно связана съ новымъ усиленіемъ католической реакціи и ея проникновеніемъ въ сферу военнаго начальства. Нельзя сказать также, чтобы еврейскій вопросъ рѣзко ставился и въ наиболѣе культурной части Германіи—въ южнонѣмецкихъ ея государствахъ, а также въ Пруссіи, если не считать ея польскихъ провинцій. Такимъ образомъ, въ наиболѣе цивилизованной части Европы, тамъ, гдѣ всего ранѣе рѣшенъ былъ законодательствомъ въ смыслѣ равенства всѣхъ предъ закономъ вопросъ еврейскій, онъ потерялъ свою прежнюю остроту и въ области нравовъ. Мысль о возможности еврейскихъ погромовъ едва ли серьезно приходитъ въ голову кому-либо столько же въ предѣлахъ Соединенныхъ Штатовъ, сколько въ границахъ англійскихъ владѣній, въ Италіи или Германіи. А изъ всего этого, какъ мнѣ кажется, необходимо слѣдуетъ тотъ выводъ, что законодатель можетъ подготовить до нѣкоторой степени сближеніе всѣхъ народностей, населяющихъ государство, проведеніемъ начала равенства правъ и равенства обязанностей для всѣхъ подданныхъ, для всѣхъ гражданъ. Правовой порядокъ немыслимъ безъ этого, и насажденіе въ Россіи началъ европейской гражданственности неизбѣжно предполагаетъ и по отношенію къ евреямъ окончательное торжество принципа равенства правъ, какъ логическаго послѣдствія равенства въ обязанностяхъ.

Максимъ Ковалевскій.

„ГОЛУБАЯ КУКУШКА“

(Романъ Эмиля Эртля.)

(„Die Leute aus dem Blauen Guguckshaus“. Roman von Emil Ertl. Leipzig, 1908.)

Я снова обошелъ тихія улицы, бывшія свидѣтельницами моихъ первыхъ юношескихъ мечтаній, и все мирное предмѣстье, гдѣ я родился и выросъ и которое люблю, какъ люди любятъ свою родину, хотя бы въ ней не было ничего замѣчательнаго. Былъ чудный весенній вечеръ; заходящее солнце играло и отражалось въ окнахъ простыхъ старыхъ домовъ, еще сохранившихся тамъ, хотя и тѣснимыхъ высокими новыми строеніями. Внѣшность ихъ не измѣнилась съ того времени какъ шелковые ткачи Шоттенфельда еще работали за ручными станками.

Золотыя волны напоеннаго солнечными лучами воздуха широко разливались по тихимъ улицамъ, и въ ихъ просвѣтленномъ сіяніи меня словно привѣтствовали изъ дали временъ старые уютные дома, въ которыхъ жили когда-то мои дѣды, а также — ихъ отцы и дѣды. За этими стѣнами они на своихъ большихъ деревянныхъ станкахъ изготовляли изъ сверкающихъ шелковыхъ нитей художественныя ткани и ленты—тяжелыя и легкія, гладкія и узорчатыя. Всѣ мои предки, насколько мнѣ извѣстно, были ткачами и всѣ они, подобно многимъ ихъ современникамъ, занимались своимъ ремесломъ въ этомъ западномъ отдаленнѣйшемъ предмѣстьѣ старой Вѣны, на такъ называемомъ Шоттенфельдѣ. Здѣсь, въ этомъ трудолюбивомъ кварталѣ, они сидѣли въ своихъ мастерскихъ и маленькихъ фабрикахъ, проникнутые сознаніемъ значительности своего труда, гордясь своимъ искус-

ствомъ, своимъ скромнымъ бюргерскимъ званіемъ, любя порядокъ и строгую добросовѣстность, такіе же „почвенники“, какъ и крестьяне, и—сами себѣ господа. Теперь всѣ они давно уже успокоились отъ трудовъ праведныхъ на старинномъ кладбищѣ, и сердца ихъ, когда-то полныя надеждъ и разочарованій, какъ наши, перестали тревожиться и желать.

Дочь любви и мать вѣрности — воспоминаніе пробудилось во мнѣ въ этотъ солнечный вечеръ, когда я, послѣ долгаго отсутствія, вернулся въ тѣ мѣста, гдѣ протекло мое дѣтство, и мнѣ захотѣлось посѣтить скромныя могилы усопшихъ. Проходя мимо задумчиваго стараго дома, въ которомъ, когда я былъ крошечнымъ мальчикомъ, жила моя прабабушка и который носилъ странное названіе „Голубой кукушки“, я невольно замедлилъ шаги. Изъ одного окна доносился однообразный стукъ ткацкаго станка. Это была знакомая мнѣ съ дѣтства музыка, но тогда она раздавалась изъ многихъ оконъ сосѣднихъ строеній. Это была музыка, придававшая еще со временъ Маріи-Терезіи особенный отпечатокъ трудолюбивому кварталу, покуда мало-по-малу ремесло ткача не замѣнилось фабричнымъ производствомъ.

Однообразный, непрекращающійся, скромный и мудрый шумъ, которымъ сопровождается благороднѣйшее и вмѣстѣ съ тѣмъ старѣйшее изъ ручныхъ ремеслъ, пробудилъ въ моей душѣ тихій откликъ, похожій на отголосокъ струны, когда до нея нежданно коснутся рукою. И вдругъ новыя зданія словно исчезли, передо мною воскресли старые дворы и тѣнистые сады, гдѣ среди благоухающихъ кустовъ сирени и жасмина бродили фигуры людей въ старомодныхъ костюмахъ. Заговорила ли во мнѣ кровь ткачей,—но я былъ какъ зачарованъ: я увидѣлъ Шоттенфельдъ такимъ, какимъ онъ былъ болѣе ста лѣтъ тому назадъ, какимъ онъ рисовался мнѣ по разсказамъ, слышаннымъ мною въ дѣтствѣ, разсказамъ, за которыми коротались длинные зимніе вечера. Давно умершіе воскресли, они снова были молоды, жили и любили, надѣялись и боролись, и мужественно переносили невзгоды. Окружающее заговорило со мною, и я вдругъ понялъ, о чемъ поетъ птичка, понялъ голосъ поднявшагося вечерняго вѣтерка и шорохъ и шелестъ темной листвы...

I.

Прабабушка моя тоже была когда-то молоденькой дѣвушкой, и притомъ—прехорошенькой. У насъ въ семьѣ сохранился ея пор-

третъ. Свѣжая, розовая, она сидитъ въ зеленомъ саду и держитъ въ тонкихъ пальцахъ соломенную шляпку съ лентами; бѣлокурые волосы вьются локонами у висковъ, сзади они подобраны гребнемъ, а свѣтло-голубые глаза рѣдко блестятъ и въ жизни такъ весело и жизнерадостно, какъ на этомъ портретѣ. Она была веселой, добросердечною дѣвушкой—достойная и добродѣтельная дочь бюргера, Варвара Кебахъ, которую называли Веттль изъ „Голубой кукушки“.

Въ то время дома обозначались не нумерами, а носили свои собственныя, подчасъ—курьезныя названія, переходившія порою и на владѣльцевъ. Были дома, носившіе наименованія „Пяти шпулекъ“, „Длиннаго меча“, „Золотой флейты“, „Прекрасной венгерки“, „Сказочнаго счастья“, „Парфорской охоты“, „Терпѣливаго Іова“ и др. Въ домѣ подъ знакомъ „Голубой кукушки“ имѣлъ свою маленькую фабрику ткачъ шелковыхъ матерій Кебахъ, въ домѣ „Тихаго созерцанія“—бархатникъ Местроцци; заготовщикъ Войтехъ помѣщался въ „Красномъ ежѣ“. Надъ воротами каждаго изъ домовъ виднѣлся затѣйливо расписанный и разукрашенный гербъ его.

Маленькій, толстый Кебахъ побывалъ въ городѣ, чтобы устроить кое-какіе дѣла и заручиться заказами; но для этого нужно, конечно, чтобы купецъ далъ заказъ фабриканту, а нынче въ торговыхъ дѣлахъ чувствовался полный застой. Даже въ новомъ модномъ магазинѣ „Вѣнская красавица“, гдѣ съ нѣкоторыхъ поръ въ окнѣ красовалась восковая дама въ натуральную величину—и тамъ въ отвѣтъ на предложеніе Кебаха лишь качали головой и пожимали плечами. Правда, у окна толпилась масса зѣвакъ, но въ самомъ магазинѣ, гдѣ красовались всевозможныя матеріи—отъ нѣжнаго муслина до богатѣйшихъ шелковыхъ тканей—было почти пусто.

— Ну, что жъ? Нѣтъ, такъ нѣтъ!—сказалъ себѣ нѣсколько удрученный Кебахъ. Онъ старательно завернулъ свои образчики, взялъ пакетъ подъ мышку и отправился въ обратный путь. Онъ шелъ быстрыми, короткими шагами къ крѣпостнымъ воротамъ. Шляпу онъ нахлобучилъ себѣ на лобъ и сдѣлалъ недовольное лицо. Плохія времена, плохія времена! Но не въ его духѣ было долго грустить.

— Изготовлю-ка я новомодный левантинъ изъ тончайшаго мягкаго шелка, кармазиннаго цвѣта, который вошелъ теперь въ моду со времени коронаціи въ Парижѣ. Какъ осы на медъ, такъ женское сословіе налетитъ на него! — Онъ подошелъ къ

валамъ, окружавшимъ внутреннюю часть города. Тамъ была порядочная толкотня, приходилось подвигаться шагъ за шагомъ.

— Почему французскія дамы предпочитаютъ всему карма-зинный цвѣтъ? Вѣроятно въ честь новаго императора? Напоминаетъ онъ имъ пурпуровую мантію—или кровь? Вотъ истребитель людей этотъ Наполеонъ, а мы, какъ обезьяны, во всемъ подражаемъ французамъ.

Кебахъ взошелъ на длинный мостъ, переброшенный черезъ крѣпостной ровъ, и прежде всего взглянулъ на крѣпостныя ворота.

— Такъ и зналъ, все еще не выкрашены! Они не знаютъ, окрасить ли ихъ въ черножелтый или въ бѣлокрасный цвѣтъ? Постыдились бы!

На городскихъ воротахъ виднѣлись широкія полосы неопредѣленнаго цвѣта; краска мѣстами уже слѣзла, мѣстами появились пятна ржавчины. Проходя мимо, Кебахъ каждый разъ возмущался; онъ находилъ подобное небреженіе прямо непозволительнымъ.

— Императоръ—и такія ворота!—говорилъ онъ себѣ съ огорченіемъ.

Онъ остановился по срединѣ моста и слѣдилъ глазами за каретой, осторожно проѣзжавшей по гнилой настилкѣ. Этотъ мостъ былъ вторымъ его огорченіемъ. Онъ остановился у перилъ и сталъ глядѣть въ городской ровъ.

Перила тоже оказывались неисправленными. Ну, конечно, къ чему же торопиться, пусть прежде кто-нибудь свалится въ ровъ... Въ эту минуту кто-то сталъ рядомъ съ нимъ, такъ что локти ихъ соприкоснулись. Сначала онъ отодвинулся, но затѣмъ узналъ знакомаго. Это былъ его пріятель, красильщикъ Китцингеръ изъ „Райской птицы". Кебахъ слегка потрясъ перила.

— Посмотри-ка, что это такое!

— У нихъ нѣтъ денегъ на починку,—равнодушно сказалъ красильщикъ:—все уходитъ на пушки и мундиры. Пожалуй и мостъ придется взорвать, когда французы снова пожалуютъ сюда.

— Ну, это мы еще увидимъ!—вспыхнулъ Кебахъ. — Генералиссимусъ захлопнетъ имъ дверь передъ носомъ. Недаромъ мы пожертвовали столько денегъ на народное ополченіе. Я до сихъ поръ не могу помириться съ тѣмъ, какъ три года тому назадъ мы позволили войти сюда этимъ parlez-vous. Что касается меня, я бы сбросилъ ихъ всѣхъ въ ровъ—пускай-бы лѣзли оттуда на стѣны.

— Ничего не подѣлаешь! Ловкіе они вояки съ ихъ petit général. Они ворвались какъ громъ и молнія, мы такъ и остались съ разинутымъ ртомъ... Конечно, наши бѣдные солдаты тутъ ни при чемъ. Генераловъ настоящихъ у насъ нѣтъ, одинъ хуже другого,—долго ли Наполеону съ ними управиться? Недаромъ французы говорили тогда: „Nous avons pris le général Mack comme une prise de tabac“.

— Я по-французски не понимаю,—буркнулъ Кебахъ.

— Это значитъ, что они взяли Мака при Ульмѣ двумя пальцами, какъ понюшку табаку, а съ нимъ—20.000 человѣкъ.

— Знаешь, „Райская птица“, нечего такъ восхищаться врагами отечества,—прервалъ его Кебахъ.

Но Китцингеръ стоялъ на своемъ.

— Да вѣдь я своими глазами ихъ видѣлъ. Чудные солдаты! Я видѣлъ, какъ они шли съ распущенными знаменами подъ грохотъ трубъ и барабановъ. Каждый полкъ—что твоя стѣна!

— Я не выходилъ изъ дому,—проворчалъ Кебахъ:—работа была. Никогда я такъ усердно не работалъ, какъ во время этого вторженія. Десять быковъ не сдвинули бы меня съ мѣста.

— А стоило посмотрѣть,—настаивалъ Китцингеръ.—Что̀ за гренадеры! Сплошь великаны, вооруженные тяжелыми мушкетами со сверкающимъ штыкомъ. Бѣлые штаны, жилетъ и гамаши, медвѣжьи шапки съ краснымъ перомъ, а самый мундиръ—синій съ красными отворотами, и что̀ за чудный синій цвѣтъ, настоящій французскій. Скажу откровенно, что я не могъ добиться такого оттѣнка.

— Пачкунъ!—воскликнулъ Кебахъ.—Ты не можешь добиться настоящаго французскаго цвѣта? Что же это такое? Я могу выткать любую матерію, какая только существуетъ у нихъ въ Ліонѣ! Кстати о краскахъ.... Мнѣ нуженъ настоящій кармазинный цвѣтъ, и я зайду къ тебѣ на дняхъ посмотрѣть образчики.

Китцингеръ поспѣшилъ увѣрить его, что у него имѣются всевозможные модные оттѣнки, и они простились.

По выходѣ изъ городскихъ воротъ дорога шла между двухъ невысокихъ стѣнъ, выложенныхъ квадратными камнями; на нихъ расположились гуляющіе, уличные мальчишки, а также—торговцы всевозможнымъ живымъ и мертвымъ товаромъ. Продавались птицы въ клѣткахъ, собачки, украшенныя бантами, нитки для пряжи, гребенки. Итальянецъ-продавецъ гипсовыхъ фигуръ громкимъ голосомъ восхвалялъ произведенія своего искусства, а странствующій книгопродавецъ—сокровища ума. Кебахъ соблазнился

календаремъ подъ названіемъ: „Австрійскій Вѣстникъ умѣренности". Вообще онъ былъ равнодушенъ къ чтенію, но въ этомъ календарѣ заключались могущія заинтересовать его свѣдѣнія; онъ привыкъ ежегодно покупать его и дѣлать на его поляхъ свои замѣтки. Затѣмъ онъ зашелъ въ табачную лавочку, славившуюся въ цѣломъ городѣ, и купилъ чернаго нюхательнаго табаку, но, соблазнившись благоуханіемъ лежавшаго тутъ же въ ящикѣ свѣтлаго, приказалъ отвѣсить и его, самую крошечную порцію, для пробы. По нынѣшнимъ плохимъ временамъ онъ не позволялъ себѣ большой роскоши.

Близъ рынка ему встрѣтился еврей Шабзель въ длиннополомъ сѣромъ кафтанѣ и такой же шапочкѣ, торговецъ полотномъ, цѣлый день таскавшій на спинѣ тяжелый узелъ. Изъ сожалѣнія къ пожилому человѣку, казавшемуся всегда подавленнымъ и угнетеннымъ, Кебахъ отчасти благоволилъ къ нему, и время отъ времени оказывалъ ему протекцію у городскихъ властей, бывшихъ не прочь притѣснить бѣднаго еврея.

Съ низкимъ поклономъ Шабзель хотѣлъ уже пройти мимо, но Кебахъ удержалъ его и спросилъ, какъ идутъ его дѣла?

— Какія ужъ тутъ дѣла у такого бѣдняка?—сказалъ Шабзель, не глядя на Кебаха. Глаза его блуждали по сторонамъ съ тѣмъ выраженіемъ недовѣрія и сознанія своей порабощенности, которыя уже сдѣлались его второю натурою.

— Все-то ты жалуешься, — сказалъ Кебахъ: — погляди на меня, неужели ты думаешь, что я сдѣлалъ сегодня лучшія дѣла?

Еврей хихикнулъ, оглянулся и положилъ рядомъ съ собою тяжелый узелъ.

— Видите, господинъ Кебахъ: какимъ я унесъ его сегодня изъ дому, такимъ и несу его обратно.

— Утѣшься,—сказалъ Кебахъ:—со мною то же самое. Мы съ тобою, такъ сказать, товарищи по несчастію.

— Товарищи!—воскликнулъ Шабзель испуганно.—Хорошо, еслибы мы были товарищами. Когда г-нъ купецъ ничего не беретъ у г-на фабриканта, то онъ извиняется и провожаетъ его до двери съ поклономъ, а Шабзеля въ такихъ случаяхъ просто спускаютъ съ лѣстницы.

Кебахъ невольно усмѣхнулся.

— Неужели и это бываетъ?

— Конечно, есть христіане добрые къ бѣдному еврею, но есть и такіе, которые къ нему жестоки. Не вездѣ люди такъ добры, какъ въ домѣ „Голубой кукушки". Вотъ, напримѣръ, на

ленточной фабрикѣ „Жесткаго ежа“ Шабзелю пришлось пересчитать ступени...

— Шролль человѣкъ горячій, по шерсти ему и кличка [1]), а въ общемъ онъ честный человѣкъ. Чѣмъ же ты такъ прогнѣвалъ его? Можетъ-быть слишкомъ къ нему приставалъ, стараясь ему что-нибудь навязать, а?

Еврей снова сдѣлалъ испуганное лицо и замахалъ руками.

— Ужъ вѣрно было что-нибудь въ этомъ родѣ,—настаивалъ Кебахъ.

Шабзель прищурилъ глаза, изъ которыхъ сверкнулъ острый лучъ. Онъ выпрямился и видъ у него былъ скорѣе надменный, чѣмъ униженный.

— Господинъ изъ „Ежа“ — не кліентъ Шабзеля. Я ничего на немъ не зарабатываю, скорѣе онъ зарабатываетъ на мнѣ. Сколько сотенъ аршинъ лентъ я купилъ у него и перепродалъ ихъ другимъ. Гдѣ же есть такой законъ, чтобы дѣловой человѣкъ не могъ вѣжливо сказать другому, что такой-то товаръ кажется ему слишкомъ дорогимъ? Ну и что же? Онъ швырнулъ образцы въ шкафъ такъ, что стекла зазвенѣли, а Шабзель кубаремъ скатился съ лѣстницы. И это, по вашему, хорошій дѣловой человѣкъ, а?—Шабзель говорилъ очень серьезно и повидимому былъ огорченъ тѣмъ, что Кебахъ не могъ подавить улыбки.

— Господь посѣтитъ его въ дѣтяхъ его, потому что онъ жестокій человѣкъ.

Кебахъ почти испугался глубокой ненависти, отразившейся въ чертахъ еврея и зазвучавшей въ его хрипломъ голосѣ. Жалкій, бродячій торговецъ словно явился воплощеніемъ своего изгнаннаго, разсѣяннаго по лицу земли народа.

— Насколько мнѣ извѣстно, съ дѣтьми его все обстоитъ благополучно.

— Да, но если сынъ возстаетъ противъ воли отца и отказывается ему повиноваться, это не значитъ, чтобы все шло хорошо.

— Неужели это правда?—воскликнулъ Кебахъ задумчиво.— Старшій сынъ, Лебольдъ, такой тихій, кроткій юноша! Изъ-за чего же у нихъ съ отцомъ вышло несогласіе?

— А я же почему знаю?—сказалъ Шабзель сдержанно.— Слышалъ я, какъ говорили въ другихъ домахъ, что г-ну Лебольду не въ моготу дома, а потому онъ поступаетъ въ ополченцы и идетъ сражаться съ французами.

---

[1]) Schroll—ёжъ.

У Кебаха широко раскрылись глаза и ротъ.

— Вотъ такъ штука! А что же? Мнѣ это нравится... Еслибы сыновья изъ зажиточныхъ семействъ не откупались деньгами, а сами шли на врага, мы бы давно покончили съ этими parlez-vous, и съ ихъ толстымъ императоромъ тоже.

— Господину Кебаху хорошо говорить: у него дочь,—сказалъ еврей.

Онъ оборвалъ разговоръ и осторожно взялъ двумя пальцами щепотку табаку изъ табакерки, предложенной ему Кебахомъ. Онъ вдохнулъ его ароматъ съ видомъ знатока и чихнулъ.

— Тонкій табакъ! Сейчасъ видно, что имѣешь дѣло съ богатымъ господиномъ, который можетъ позволять себѣ такую роскошь. Кстати, у меня есть чудные испанскіе носовые платки для нюхающихъ табакъ.

И прежде чѣмъ Кебахъ успѣлъ опомниться, онъ уже развязалъ свой узелъ и, не смотря на отнѣкиванья фабриканта, навязалъ-таки ему три большихъ синихъ полотняныхъ платка, какихъ у него достаточно было дома.

На прощанье Кебахъ спросилъ Шабзеля о Сарѣ, когда же наконецъ они получатъ разрѣшеніе на бракъ? Ему было извѣстно, что Шабзель уже много лѣтъ напрасно добивается разрѣшенія жениться. Въ то время число еврейскихъ браковъ было ограничено и требовалась масса хлопотъ, чтобы добиться разрѣшенія.

— Въ началѣ будущаго года г-нъ королевскій коммиссаръ обѣщалъ мнѣ выдать бумагу, — отвѣтилъ Шабзель, и впервые по лицу его скользнула улыбка, говорившая о томъ, что онъ человѣкъ и чувствуетъ себя человѣкомъ.

— Ужъ какая это будетъ радость для насъ, когда женѣ моей не придется больше краснѣть передъ нашими дѣтьми!

Кебахъ просіялъ. Онъ такъ искренно обрадовался, словно дѣло касалось его самого.

— Вотъ какъ! Поздравляю отъ души!

Они простились. Еврей взвалилъ свой узелъ на спину и отправился домой, а Кебахъ, завернувъ покупки, раздумывалъ о томъ, что скажетъ Веттль, когда она увидитъ, что онъ снова принесъ домой носовые платки, которыхъ и такъ некуда было дѣвать. Но при каждой встрѣчѣ съ Шабзелемъ онъ неизмѣнно покупалъ хотя пару; такова была его судьба, и онъ заранѣе покорялся ей.

Идя по шумной „Маріяхильферштрассе“, Кебахъ все время вспоминалъ улыбку, озарившую солнечнымъ лучомъ лицо еврея при мысли, что его союзъ будетъ наконецъ узаконенъ.

„Онъ такой же человѣкъ, какъ и мы, — думалъ онъ; — почему же съ нимъ всю жизнь обращаются какъ съ собакой? Всякое насиліе дѣлаетъ людей хуже, чѣмъ они есть: и тѣхъ, которые учиняютъ его, и тѣхъ, которое отъ него страдаютъ“.

На маленькой площади, на которой билъ фонтанъ, онъ увидѣлъ приземистаго, широкоплечаго человѣка въ затасканномъ сѣромъ фракѣ и старой шляпченкѣ на четвероугольной головѣ. Это былъ механикъ Швейбенрайдеръ изъ „Краснаго фонаря“, съ которымъ ему нужно было переговорить по дѣлу. Механикъ стоялъ неподвижно, какъ статуя, совершенно поглощенный видомъ струящейся воды. Кебахъ окликнулъ его:

— Что ты стоишь, какъ намалеванный турокъ на вывѣскѣ? Въ первый разъ, что-ли, ты видишь фонтанъ?

Швейбенрайдеръ обернулъ къ нему свое широкое красное лицо, среди котораго особенно ярко пламенѣлъ носъ. Мельхеръ, будучи мальчишкой, увѣрялъ, что именно отъ этого носа заведеніе получило названіе „Краснаго фонаря“.

— Когда я вижу, какъ высоко бьетъ вода, прямо не могу оторваться, — сказалъ механикъ.

Имъ было по дорогѣ, и они пошли вмѣстѣ.

— На что же тутъ собственно смотрѣть? — спросилъ Кебахъ.

— На воду, — сказалъ Швейбенрайдеръ. — Она кажется мнѣ истиннымъ чудомъ Господнимъ: состоитъ она вся изъ ничтожныхъ маленькихъ капель, а составляетъ единую могучую струю, постоянно измѣняется и течетъ, и въ то же время похожа на изогнутую дугу изъ хрусталя. Развѣ это не удивительно?

— Не знаю, на что тутъ смотрѣть?

— Если ты видишь на выставкѣ чудный кусокъ матеріи, ты останавливаешься и смотришь, потому что это принадлежитъ къ твоему ремеслу; а все что движется — принадлежитъ къ моему. Понялъ?

— А новая рама для основы, которую ты мнѣ устроилъ, тоже имѣетъ отношеніе къ твоему ремеслу? — язвительно спросилъ Кебахъ.

— Я думаю! Почему же нѣтъ?

— А потому, что она не дѣйствуетъ.

— Что это значитъ? — спросилъ механикъ.

— Нейдетъ да и только, — сказалъ Кебахъ. — Кромѣ этого я ничего не могу про нее сказать. Многое недурно придумано:

эта шкатулочка, напримѣръ, сама по себѣ поднимающаяся и опускающаяся, которую ты зовешь проводникомъ или кошкой— весьма разумное изобрѣтеніе, такъ какъ работающему уже ненужно наматывать рукою нити, идущія отъ шпулекъ. Шкатулочка дѣлаетъ это за него. Вѣроятно по механикѣ все это совершенно точно, но для работы не годится.

Швейбенрайдеръ остановился.

— Не годится?—воскликнулъ онъ взбѣшенный.

— Если я говорю, что не годится, значитъ это такъ.

— А если я что-нибудь дѣлаю, то, значитъ, это годится!— воскликнулъ механикъ, красный отъ гнѣва.

— Положимъ, она не годится, но нечего изъ-за этого останавливаться,—настаивалъ Кебахъ.

Они молча свернули на Циглерштрассе, гдѣ грохотъ экипажей замолкъ, а изъ домовъ доносилось лишь мирное жужжанье ткацкихъ станковъ.

— Не знаю, почему бы она не годилась,—снова заговорилъ механикъ:—два совершенно такихъ же станка я сдѣлалъ для „Жесткаго ежа", и они дѣйствуютъ оба въ лучшемъ видѣ.

— Какое мнѣ дѣло до ленточника!—вспыхнулъ Кебахъ. — Мало ли что ему годится!

— Ему нужно совершенно то же, что и тебѣ. Его рама для основы даже больше, она имѣетъ четыре аршина въ обхватѣ и похожа на большую бочку въ Клостернейбургѣ, которую выкатываютъ въ день святого Леопольда. Вѣроятно среди твоихъ рабочихъ есть ослы, которые напортили что-нибудь въ механизмѣ.

— Среди моихъ рабочихъ нѣтъ ословъ, — воскликнулъ Кебахъ, останавливаясь въ свою очередь,—а просто механизмъ не дѣйствуетъ. Я еще не показывалъ его дѣдушкѣ; боюсь, что онъ засмѣетъ насъ.

— Во всякомъ случаѣ нечего тутъ стоять,— сказалъ механикъ, горѣвшій нетерпѣніемъ осмотрѣть свое произведеніе и осрамить хулителей.

Они снова двинулись впередъ. Дорогою Швейбенрайдеръ спросилъ, какъ идутъ дѣла?

— Какъ твой станокъ!—огрызнулся Кебахъ.

— Ну, значитъ, они пойдутъ какъ по маслу.

— А покуда совсѣмъ нейдутъ. Дѣло дошло до того, что фабрикантъ долженъ бѣгать за купцомъ. Два куска тафты и атласа, кусокъ муара и круазе — вотъ и всѣ заказы, какіе я получилъ. И это передъ праздничнымъ временемъ! При такихъ заказахъ должны существовать, — продолжалъ онъ, считая по

пальцамъ,—рабочій, торговецъ шелкомъ, заготовщикъ, красильщикъ и механикъ! А впрочемъ все равно... Хотя бы ужъ скорѣе все разрѣшилось.

— О какомъ разрѣшеніи говоришь ты? О войнѣ?

— Конечно, о ней всѣ говорятъ теперь.

— Богъ мой! Мало ли что говорятъ!—сказалъ механикъ.— Нашъ императоръ поостережется вступать въ борьбу съ Наполеономъ.

— И ты думаешь, что онъ спокойно будетъ смотрѣть на то, какъ Наполеонъ смѣщаетъ одного короля за другимъ? Неужели мы дождемся того, что корсиканскій выходецъ посадитъ намъ на престолъ одного изъ своихъ братьевъ? Тьфу!

— Чего ты только не наскажешь!—взволновался Швейбенрайдеръ.

— Развѣ ты не слышалъ, что онъ сказалъ недавно въ Испаніи? Что черезъ нѣсколько лѣтъ его династія будетъ старѣйшею во всей Европѣ.

Механикъ въ свою очередь заволновался. Въ политическихъ убѣжденіяхъ они были единомышленниками.

— Три предыдущихъ несчастныхъ войны подавляющимъ образомъ подѣйствовали на мужество народа; но если понадобится, онъ не откажется принести новыя, необходимыя жертвы. Нельзя надѣяться сразу на блестящія побѣды; достаточно будетъ, если мы покажемъ Наполеону, что мы у себя хозяева...

Пріятели уже подошли къ „Голубой кукушкѣ“; передъ воротами механикъ еще разъ остановился.

— Если дѣло дойдетъ до войны,—сказалъ онъ торжественно, поднявъ палецъ,—я снаряжу на свой счетъ одного ополченца, и тогда мы посмотримъ, не собьемъ ли мы спѣсь съ этого корсиканскаго выходца!

II.

Кебахъ и Швейбенрайдеръ остановились на минуту передъ дверью съ цвѣтными стеклами, черезъ которыя можно было видѣть внутренность двора и садъ. Механикъ, имѣвшій слабое зрѣніе, спросилъ:

— Что это за собраніе у тебя на дворѣ?

— Не знаю, на что они тамъ смотрятъ?—отвѣтилъ хозяинъ „Голубой кукушки“.

— Замѣчательно! И люди все синіе! — воскликнулъ механикъ, продолжая смотрѣть сквозь стекло.—Это все твои?

— Ты видишь синихъ людей? — сказалъ Кебахъ, котораго забавляло смотрѣть сквозь цвѣтныя стекла: — а я вижу сплошь желтыхъ. И небо желтое, и деревья въ саду, и башня Лаврентія, которая виднѣется вдали, все желтое. Итакъ: среди желтыхъ людей во дворѣ та, на которой красивое свѣтло-желтое платье— это моя дочка Веттль. Другая, въ темно-желтомъ платьѣ—одна изъ моихъ мотальщицъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ ключница — фрау Капланекъ. Рядомъ, въ желтой шапочкѣ съ козырькомъ — дѣдушка. Затѣмъ я вижу чижика, стоящаго къ намъ спиной; это, кажется, Винченцъ—подмастерье... Лучше бы ему сидѣть за работой... Вотъ и еще одинъ желтый,—старый Толльріанъ,—нашъ сосѣдъ. А вотъ того длиннаго какъ верста солдата я что-то не знаю; какъ онъ попалъ сюда?

Швейбенрайдеръ, забывъ, что онъ смотритъ сквозь цвѣтное стекло, воскликнулъ пораженный:

— И вообще я никогда не видалъ синяго кирасира! Не забрались ли къ намъ, чего добраго, французы?

Кебахъ расхохотался и, пока они входили во дворъ, сказалъ:

— Забавная исторія съ этими стеклами! А по моему не мѣшаетъ видѣть иногда все окружающее въ другомъ свѣтѣ: это наводитъ на многія мысли.

Они приблизились къ группѣ. Чѣмъ всѣ такъ заинтересовались?

Старая собака Дивризль лакала изъ своей чашки кофе; вообще кофе ей не полагалось, но теперь ей досталась порція хозяина.

— Господи Боже! — воскликнула Веттль — это вы, батюшка? Я все время разогрѣвала для васъ кофе, но потомъ его выпилъ Мельхеръ, а остатки получилъ Дивризль.

— На здоровье! — сказалъ добродушно Кебахъ.—А гдѣ же Мельхеръ?

Кирасиръ вытянулся передъ нимъ—руки по швамъ.

— Какъ? Это ты, длинный какъ верста? Ну да, теперь я узнаю тебя... Повернись-ка! Какая у тебя каска и сабля! Пожалуй она скоро тебѣ понадобится... Ну, какъ тебѣ нравится военная служба? Обучился пріемамъ?

— Онъ прекрасно ведетъ себя!—воскликнула, съ материнской гордостью, сіяющая фрау Капланекъ. — За цѣлую треть года не было за нимъ ни одной провинности.

— Прекрасно, хвалю! — сказалъ Кебахъ серьезно. — Съ годами люди становятся умнѣе. Мельхеръ былъ порядочнымъ ше-

лопаемъ, но когда онъ окончитъ службу и вернется, надѣюсь, онъ прилежно примется за работу.

Кебахъ оглянулся въ сторону подмастерья Винченца, но того уже и слѣдъ простылъ.

— Есть у тебя отпускъ?—обратился онъ снова къ кирасиру.

— Отпущенъ къ матери на четыре дня, такъ какъ кирасирскій полкъ кронпринца стоитъ теперь въ Корнейбургѣ, — отрапортовалъ Мельхеръ, все стоя на вытяжку.

Дѣдушка Зальцкюфель съ дѣтской радостью потянулъ Кебаха за рукавъ.

— Посмотрите, любезный зятёкъ, какъ Дивризлю нравится угощеніе!

Онъ съ истиннымъ наслажденіемъ смотрѣлъ, какъ собака лакала молочный кофе, и словно помогалъ ей своимъ беззубымъ ртомъ. Лицо его походило на перезимовавшее яблоко: такое оно было морщинистое и темное. На головѣ онъ носилъ зимою и лѣтомъ, на дворѣ и въ комнатѣ, коричневую шапочку съ козырькомъ; Мельхеръ увѣрялъ, что онъ не снимаетъ ее даже ночью. Куртка его тоже была коричневая; онъ носилъ короткіе штаны и длинные бѣлые нитяные чулки, оставаясь вѣрнымъ модѣ своего времени. Черно-сѣрый пудель-пинчеръ былъ дорогъ старику какъ любимое дитя, вслѣдствіе чего Веттль баловала его и весь домъ относился къ нему съ уваженіемъ. Дивризль принималъ это уваженіе какъ нѣчто должное, тѣмъ болѣе, что оно приносило ему и матеріальныя выгоды. Они съ дѣдомъ состарились вмѣстѣ, но ни одинъ еще не думалъ о покоѣ.

Правда, что Дивризль былъ освобожденъ отъ сторожевой службы по дому, которую онъ несъ въ юные и зрѣлые годы, онъ сталъ слабъ на ноги и зубы у него выпали, и теперь онъ состоялъ исключительно при особѣ дѣдушки; когда же на дворѣ или на крышѣ показывалась кошка, онъ, къ великой радости хозяина, лаялъ, какъ молодой. Вылизавъ блюдечко, пудель-пинчеръ облизнулся и съ достоинствомъ оглядѣлъ присутствующихъ, но не тронулся съ мѣста.

Сосѣдъ Толльріанъ, слывшій философомъ, сказалъ:

— Вотъ отличіе человѣка отъ животнаго: когда оно наѣстся, оно бываетъ удовлетворено—человѣкъ, наоборотъ, черпаетъ въ пищѣ силы для новой дѣятельности.

Собака повернула къ нему голову и бросила на него долгій, внимательный взглядъ; затѣмъ она равнодушно отвернулась.

— Теперь Дивризль сказалъ бы намъ что-нибудь, еслибы могъ говорить,—разсмѣялся Кебахъ.

— Извините, господинъ Толльріанъ, — вмѣшался механикъ: — многіе люди бываютъ совершенно довольны, когда они наѣдятся и напьются.

— Это и есть самое главное, самое главное! — воскликнулъ дѣдушка своимъ старческимъ дрожащимъ голосомъ.

— Что̀ главное? Ѣда и питье?

— Нѣтъ, не ѣда и питье, а то, чтобы человѣкъ былъ доволенъ... Одинъ — однимъ, другой — другимъ. Пусть каждый ищетъ то, что̀ ему нужно: такъ назначено самимъ Господомъ Богомъ.

Пудель-пинчеръ поднялъ къ нему голову, словно говоря: „я кончилъ, пора и за работу!“

— Ты правъ, — сказалъ Зальцкюфель, — пойдемъ работать.

На колокольнѣ святого Лаврентія, виднѣвшейся издали надъ вершинами деревьевъ, протяжно пробили часы. Кебахъ предложилъ пройти въ мастерскую, чтобы осмотрѣть недѣйствовавшій станокъ. Механикъ давно уже горѣлъ нетерпѣніемъ приняться за работу. Они позвали съ собой и Залцкюфеля, на что тотъ неохотно согласился, такъ какъ вообще не одобрялъ никакихъ новшествъ.

Веттль отвела отца въ сторону и шепнула ему, что Мельхеръ желаетъ съ нимъ поговорить. Длинный кирасиръ, стоявшій все время на вытяжку передъ своимъ бывшимъ хозяиномъ, подошелъ къ нему и, щелкнувъ шпорами, проговорилъ словно рапортуя:

— Прошу прощенія у господина мастера за то, что я не совсѣмъ хорошо велъ себя. Я былъ настоящимъ шелопаемъ и много виноватъ передъ господиномъ мастеромъ. Но теперь я принялъ къ сердцу слова̀ господина мастера, и если я вернусь сюда, то все пойдетъ по другому.

— Радъ слышать это! — воскликнулъ Кебахъ съ дѣтской радостью. — Милости просимъ! Считай себя здѣсь какъ дома. Позаботьтесь о немъ хорошенько, фрау Капланекъ, а также и ты, Веттль. Завтра воскресенье, день свободный, а теперь до свиданія: меня ждутъ.

Онъ выпустилъ руку Мельхера и поспѣшилъ вслѣдъ за уходившими. Кирасиръ вздохнулъ съ облегченіемъ и вспомнилъ, что существуетъ команда: „стоять вольно“.

— Спасибо, Веттль, — сказалъ онъ, — теперь мнѣ полегчало.

— Не за что, — сказала она ласково. — Мнѣ, кажется, что я слышала, какъ шлепнулся о мостовую камень, который упалъ у тебя съ души.

Фрау Капланекъ смотрѣла на сына сіяющими глазами. Веттль предложила кирасиру снять свое тяжелое вооруженіе.

— Что это у тебя за страшная сабля! — удивилась она.

— Это не сабля, а палашъ! — съ важностью объяснилъ Мельхеръ: — сабля бываетъ нѣсколько изогнутая, а палашъ прямой, какъ мечъ архистратига Михаила.

Онъ вынулъ на половину палашъ изъ ноженъ; фрау Капланекъ вскрикнула. Мельхеръ расхохотался.

— Что, матушка, вы по прежнему не можете справиться со своими женскими страхами? Небось и черной кошки по прежнему боитесь?

Уже въ теченіе многихъ лѣтъ черная кошка была для фрау Капланекъ роковымъ призракомъ и предвѣстницею всевозможныхъ бѣдъ. Стоило ей показаться во дворѣ или на крышѣ, какъ со всѣхъ сторонъ поднимались крики: „брысь, брысь!“ Это дѣлалось не изъ уваженія къ чувствамъ фрау Капланекъ, а ради дѣдушки, который терпѣть не могъ кошекъ.

Философъ Толльріанъ, крестный отецъ Мельхера, сталъ прощаться. Въ прежнія времена онъ слылъ опаснымъ якобинцемъ, но революція разочаровала его и вообще жизнь его была длинной цѣпью разочарованій. Онъ шелъ медленно, опираясь на палку, и казался дряхлымъ старикомъ, хотя былъ лѣтъ на двадцать моложе друга своего Зальцкюфеля. Онъ спѣшилъ домой къ своимъ книгамъ; только среди нихъ онъ находилъ забвенье и надежду.

Веттль съ Мельхеромъ прошли въ садъ. Изъ перваго этажа нѣсколько дверей выходило прямо во дворъ. Въ одной изъ этихъ комнатъ жила фрау Капланекъ, въ другой — большой — Зальцкюфель, въ третьей помѣщался подмастерье Винченцъ, участвовавшій въ сраженіи при Аустерлицѣ, въ четвертой — дѣвица Рослини. Магазинъ и мастерскія занимали верхній этажъ.

— Милая, старая музыка! — сказалъ Мельхеръ. — Часто хотѣлось мнѣ послушать, какъ гудятъ станки въ „Голубой кукушкѣ“ и какъ стрекочутъ сороки здѣсь въ саду.

— Ты охотно пошелъ въ солдаты? — спросила Веттль.

— Охотно? Какъ сказать! Пожалуй я бы лучше подождалъ, но фрейлейнъ извѣстно...

— Пожалуйста, не называй меня фрейлейнъ: мы товарищи дѣтства и по прежнему должны говорить другъ другу „ты“.

— Если фрейлейнъ позволитъ, — сказалъ сіяющій Мельхеръ.

Они медленно шли по аллеѣ, по обѣимъ сторонамъ которой деревья и кусты уже одѣвались въ осенній уборъ. Садъ былъ окруженъ домами и стѣнами, но для городского сада онъ былъ

достаточно великъ. Съ одной стороны онъ примыкалъ къ большому саду „Веселой тирольки"; послѣдній, въ свою очередь, граничилъ съ другими садами, тянувшимися чуть ли не до самой церкви святого Лаврентія.

Мельхеръ мало-по-малу почувствовалъ себя свободнѣе. Они разговорились о проказахъ прежнихъ лѣтъ, о подмастерьѣ Шнаусѣ, у котораго Мельхеръ, еще будучи мальчишкой, перепуталъ однажды всѣ нити на станкѣ.

Гуляя, они подошли къ орѣховому дереву, и Веттль, отстранивъ листья, полюбовалась массою орѣховъ.

— Прежде отъ нихъ давно бы уже ничего не осталось,— сказалъ Мельхеръ.

— Да, помню,—отозвалась Веттль, — мы безбожно обивали вмѣстѣ съ орѣхами и листья. Стоитъ дерево, бывало, все обобранное, словно побывало вмѣстѣ съ Винченцемъ подъ Аустерлицемъ. Нѣтъ, обиваніе орѣховъ не доставляетъ мнѣ больше удовольствія.

Они замолчали. Гудѣнье станковъ и шумъ шаговъ доносились къ нимъ; среди дикаго винограда щебетали воробьи. Молодая дѣвушка подняла глаза вверхъ и посмотрѣла на небо, которое среди озаренныхъ закатомъ кровель казалось темносинимъ, подобно небу отдаленныхъ южныхъ странъ, въ которыхъ живутъ совсѣмъ другіе люди, гдѣ птицы и цвѣты — другіе, и гдѣ есть, кромѣ того, безбрежное синее море...

— Да, все мѣняется,—сказалъ задумчиво Мельхеръ.

Они проходили мимо скамейки, на которой дѣдушка съ Толльріаномъ сидѣли обыкновенно теплыми вечерами.

— Что, они по прежнему здѣсь сидятъ?—спросилъ Мельхеръ.

— Конечно, какъ и въ то время, когда еще съ нами былъ Шакерль.

— А о немъ ни слуху, ни духу? Вѣдь прошло уже три года съ тѣхъ поръ, какъ онъ пропалъ.

— Около того,—сказала Веттль.—Мнѣ кажется, что онъ ушелъ съ французами. Помнишь, какъ онъ училъ насъ играть въ революцію?

Они вошли въ деревянную, обвитую плющемъ бесѣдку. Здѣсь Веттль любила когда-то играть въ куклы, и Мельхеръ напомнилъ ей, какъ онъ помогалъ ей пеленать маленькаго Францля и укладывать его спать. Веттль расхохоталась.

— Какъ это ты все помнишь! Удивительно!

Впослѣдствіи бесѣдка нерѣдко играла роль крѣпости, бомбардируемой непріятелемъ. Веттль зачастую изображала вождя; она

была ловка и сильна какъ мальчикъ. Игры въ „Голубой кукушкѣ“ носили весьма воинственный характеръ и у ангеловъ-хранителей было достаточно дѣла. Камни такъ и летали взадъ и впередъ, сражающимся перепадало достаточно синяковъ и шишекъ, но что за бѣда? Головы были крѣпкія и считалось стыдомъ просить пощады.

— Какимъ я была сорванцомъ! — сказала Веттль не безъ смущенія—но Фанни была, пожалуй, не лучше меня...

— Дерзкая дѣвчонка,—сказалъ Мельхеръ.

— Ну, вы, мальчишки, тоже были хороши! Пожалуй, что Шакерль былъ самымъ учтивымъ изъ всѣхъ васъ.

— Зато какія штуки онъ продѣлывалъ! — воскликнулъ Мельхеръ.—Помнишь, какъ эта бесѣдка изображала Тюльери, эта скамейка—тронъ, а Пеппи Войтехъ—короля? Сначала онъ важничалъ, но потомъ, когда мы подъ предводительствомъ Шакерля взяли приступомъ Тюльери, онъ страшно испугался и на судѣ плакалъ и просилъ пощады. Шакерль устроилъ настоящій судъ и въ рѣчахъ своихъ такъ громилъ королей и монархію, что Лебольдъ счелъ долгомъ вмѣшаться. Они даже подрались. А кстати, часто ли вы видитесь съ Лебольдомъ?

Веттль задумчиво вертѣла въ рукахъ виноградный листокъ.

— Не очень часто. На собраніяхъ я рѣдко бываю, на балахъ—никогда, а въ прятки играть намъ ужъ больше не приходится. Изрѣдка встрѣчаемся... Онъ сталъ очень серьезнымъ и тихимъ.

— Я хочу навѣстить его,—сказалъ Мельхеръ.

— Навѣрно онъ будетъ радъ тебѣ. Что же касается Шакерля, врядъ ли что-нибудь съ нимъ случилось, но господинъ Толльріанъ очень избаловалъ его: вотъ онъ и сбился съ пути.

— Какъ же къ этому относится г. философъ?

Веттль вдругъ вскочила, захлопала въ ладоши и закричала:— „Брысь, брысь!“

— Что, у васъ по прежнему гоняютъ кошекъ? — спросилъ Мельхеръ.

— Изъ-за бѣднаго дѣдушки. Я сама охотно взяла бы киску, я ничего противъ нихъ не имѣю.

— Почему онъ собственно такъ ненавидитъ ихъ?

— Главнымъ образомъ—изъ-за Дивризля. Тотъ, разумѣется, терпѣть не можетъ кошекъ, и при видѣ ихъ — лаетъ. Это доставляетъ дѣдушкѣ удовольствіе, но только въ томъ случаѣ, если кошка далеко. Дивризль уже состарился, и при схваткѣ со здо-

ровымъ котомъ ему пришлось бы плохо; поэтому-то мы и гоняемъ кошекъ.

Они помолчали, а затѣмъ Мельхеръ спросилъ о Фанни.

— Хорошо ли ей живется: вѣдь она, кажется, вышла замужъ?

— Да, уже полтора года тому назадъ. Живется ей очень хорошо. Она сдѣлалась большой модницей.

— Она вышла замужъ за богатаго?

— Очень богатаго, да и у нея самой были деньги. Батюшка былъ ея опекуномъ—вѣдь она приходится намъ съ родни,— и онъ значительно увеличилъ ея состояніе. Она не очень благодарила его, такъ какъ онъ не позволялъ ей мотать деньги, а Фанни ужасная транжирка. Но Пимперы гораздо богаче. Говорятъ, что они милліонеры. Мужъ ея, молодой Пимперъ, изъ „Англійскаго лорда".

— Есть, значитъ, и старый?

— Да, дядюшка. Его обыкновенно называютъ просто лордомъ, хотя онъ мало подходитъ подъ понятіе объ англійскомъ лордѣ. Это—толстый, жизнерадостный, привѣтливый старичокъ. Онъ мнѣ очень нравится, и батюшкѣ—тоже, хотя батюшка не особенно доволенъ его дѣлами.

— А почему?

— Дядя Пимперъ тоже фабрикантъ. Онъ изготовляетъ тонкіе, затканные серебромъ и золотомъ газы и парчу, но на этомъ одномъ онъ не могъ бы нажить столько денегъ. Онъ негоціантъ.

— Это что такое?

— Да я и сама хорошо не знаю, но батюшка говоритъ, что негоціантъ можетъ выиграть сегодня десять тысячъ гульденовъ, а завтра—потерять двадцать тысячъ.

— Вотъ что! А молодой Пимперъ, мужъ Фанни—тоже негоціантъ?

— Нѣтъ, онъ больше занятъ работой, хотя самое его главное удовольствіе—лошади.

— Мы съ нимъ коллеги, — сказалъ Мельхеръ: — я самъ больше всего люблю мою лошадь, кромѣ матушки, разумѣется... и господина мастера, ну, и еще... двоихъ людей.

Онъ смущенно умолкъ.

— А я больше всего люблю батюшку и дѣдушку, а затѣмъ Рослини.

— Какъ, Рослини?—удивился Мельхеръ.

— Да. Въ ея присутствіи словно слышится тихая музыка.

— А Фанни любитъ своего мужа?—спросилъ Мельхеръ.

— Думаю, что любитъ по-своему. Онъ некрасивъ собой, но очень добрый человѣкъ.

— Въ такомъ случаѣ онъ у нея навѣрно подъ башмачкомъ,—сказалъ Мельхеръ.

Песокъ аллеи заскрипѣлъ подъ чьими-то легкими шагами, и пословица: „легокъ на поминѣ“ еще разъ оправдалась воочію. Молодая женщина въ нарядномъ, бросающемся въ глаза туалетѣ, обогнувъ кусты, приближалась къ бесѣдкѣ. Это была Фанни. Мельхеръ не сразу узналъ ее. Весело, съ товарищеской привѣтливостью, она поздоровалась съ нимъ, говоря ему „ты“, хотя она не росла съ нимъ вмѣстѣ здѣсь въ домѣ, а только приходила сюда играть. Но Мельхеръ чувствовалъ себя неловко, отчасти потому, что онъ только-что говорилъ о ней, отчасти—вслѣдствіе ея бросающагося въ глаза туалета, рѣзко отличавшагося отъ свѣтлаго кисейнаго платья и простой прически Веттль. На роскошныхъ черныхъ волосахъ Фанни былъ тюрбанъ изъ краснаго шелка съ бѣлымъ перомъ; отъ шеи и до ногъ она была укутана въ шубу изъ драгоцѣннаго золотистаго мѣха, придававшую ей видъ очаровательной камчадалки. Когда она усѣлась и спустила шубу съ плечъ, подъ шубою оказалось низко вырѣзанное и безъ рукавовъ узкое платье изъ мягкаго свѣтло-желтаго шелка. Это платье, изъ-подъ котораго выглядывали ея стройныя ножки въ башмачкахъ изъ тончайшей красной кожи, словно обливало ея стройную, полную фигуру, и подъ нимъ могла быть одѣта развѣ только батистовая рубашка, ничего болѣе.

— Какъ ты прелестна! Это самая послѣдняя мода?—воскликнула Веттль, съ искреннимъ женскимъ восхищеніемъ и не безъ примѣси маленькой женской зависти.

— Я нравлюсь тебѣ?—весело сказала она и откинулась на спинку скамьи въ своей шубкѣ.

Ея открытое, свободное обращеніе сразу располагало къ ней. Она не давала себѣ ни малѣйшаго труда скрывать радость, доставленную ей восхищеніемъ Веттль.

— Это самая послѣдняя парижская мода,—сказала она, поглаживая свой мѣхъ. Затѣмъ, приподнявъ двумя пальчиками платье, она показала матерію.—А это называется epinglé и получено тоже изъ Парижа. Теперь ты знаешь всѣ подробности.

— Ну, матерію не стоило выписывать,—сказала Веттль;—такой левантинъ ты могла получить и у насъ въ „Голубой кукушкѣ“.

— Дѣло не въ матеріи, но въ фасонѣ!—воскликнула Фанни.—Не сердись на меня, но въ этой наукѣ ты совсѣмъ не

авторитетъ. Впрочемъ, если дѣвушка умѣетъ быть хорошенькой — это главное, а ты, parole d'honneur, умѣешь быть очаровательной и въ домашнемъ платьѣ.

Она взяла голову Веттль обѣими руками въ длинныхъ кружевныхъ перчаткахъ и нѣжно поцѣловала ее.

— Скажи мнѣ откровенно: хотѣла бы ты такъ же хорошо одѣваться и имѣть такія красивыя вещи?

— Ты знаешь, — сказала Веттль съ нѣкоторымъ огорченіемъ, — батюшка не позволяетъ мнѣ носить шелкъ.

— Батюшка не позволяетъ! — насмѣшливо протянула Фанни первый слогъ. — Все батюшка и батюшка!

— И притомъ, — заговорила Веттль: — платье твое прелестно, но при такомъ низкомъ вырѣзѣ оно, пожалуй, слишкомъ прохладно для этого времени года.

— Пустяки! — воскликнула Фанни. — Мы должны стать гречанками, хотя бы намъ пришлось замерзнуть. Такова судьба. А затѣмъ, для чего же и шуба?

— Шуба великолѣпна, — замѣтила Веттль: — но, но... пожалуй мнѣ было бы въ ней слишкомъ жарко.

Мельхеръ подумалъ, что присутствіе кирасира его императорскаго высочества едва ли необходимо при этомъ разговорѣ, и такъ какъ онъ собирался навѣстить Лебольда, то поднялся и объявилъ, что пойдетъ къ нему: позднѣе онъ можетъ не застать его дома.

— Но я еще должна повидать тебя, Мельхеръ! — воскликнула Фанни: — я ни о чемъ не успѣла тебя разспросить. Фрау Капланекъ разсказала мнѣ лишь самое главное. Я ѣхала въ гости и вздумала заглянуть къ Веттль по дорогѣ: словно предчувствовала, какой тутъ рѣдкій гость. Итакъ, рѣшимъ окончательно... Какой у насъ сегодня день? Суббота? Отлично! Приходите всѣ ко мнѣ завтра, въ воскресенье. Старики засядутъ за карты, а мы, молодежь, поболтаемъ о прежнихъ временахъ. Постараюсь собрать всѣхъ старыхъ, боевыхъ товарищей изъ „Голубой кукушки". Къ сожалѣнію вождей республиканской партіи, съ Шакерлемъ во главѣ, мнѣ врядъ ли удастся разыскать до завтра. Кстати, Мельхеръ, если ты идешь къ Лебольду, то не откажись передать ему мое приглашеніе. Au revoir!

Мельхеръ простился и ушелъ. Во дворѣ онъ остановился съ матерью и такъ крѣпко обнялъ ее, что она взвизгнула. Онъ радовался, что у него отпускъ, что онъ снова дома со своими. Затѣмъ онъ надѣлъ свою блестящую каску, пристегнулъ саблю, бывшую въ сущности палашемъ, и направился на Кейзеръ-Штрассе.

III.

Тѣмъ временемъ механикъ, въ качествѣ врача больной машины, отправился пощупать ей пульсъ, сопровождаемый Кебахомъ и Зальцкюфелемъ. Они вошли въ мастерскую, гдѣ стояли двумя рядами громадные остовы изъ дерева съ жилами и нервами изъ болѣе тонкихъ планокъ и рѣшетинъ и съ безконечными, переплетающимися между собою шнурами и веревками, Ихъ большіе, неуклюжіе члены двигались медленно и солидно, подобно умнымъ, тяжелымъ лошадямъ на пашнѣ, которыя знаютъ, что должны беречь свои силы, чтобы не остановиться на полъпути. Здѣсь обрабатывали не влажную съ комьями землю, но широкіе сверкающіе потоки, состоящіе изъ тысячи и тысячи разноцвѣтныхъ нитей. Швейбенрайдеръ невольно обратилъ вниманіе на блестящую свѣтло-зеленую основу на одномъ изъ станковъ. Казалось, что лунный лучъ скользитъ по омытой росою нѣжной весенней зелени. Онъ восхитился цвѣтомъ и чуднымъ матеріаломъ.

Кебахъ радовался, если кто-нибудь обращалъ вниманіе на то, что у него было дѣйствительно прекраснаго; онъ радовался этому всей душою, такъ какъ каждый кусокъ матеріи на каждомъ станкѣ былъ его произведеніемъ, которое онъ обдумывалъ, для котораго долго выбиралъ матеріалъ и составлялъ узоры. Онъ вкладывалъ въ работу свое знаніе и опытъ, свои мысли, свою любовь къ дѣлу и заботился не объ одной лишь выгодѣ.

— Постой! Ты долженъ видѣть готовую матерію, — воскликнулъ онъ съ загорѣвшимися глазами и тотчасъ приказалъ одному изъ рабочихъ достать кусокъ шелка и развернуть его.

— Настоящая фландрская, — сказалъ онъ. — Скинь-ка передъ нею шапку, такую не каждый день увидишь!

Даже Зальцкюфель, который рѣдко что хвалилъ, одобрилъ ткань. Онъ схватилъ механика за руку, и, напрягая голосъ, такъ какъ при его беззубыхъ деснахъ и ввалившихся щекахъ его, трудно было разслышать среди шума, онъ заговорилъ:

— Точь въ точь такую же фландрскую матерію я выткалъ сорокъ пять лѣтъ тому назадъ; тогда же добрая наша государыня императрица Марія-Терезія приказала сшить изъ нея платья ихъ высочествамъ принцессамъ. И при этомъ спросила, кто изготовилъ эту матерію, и ей сказали: Зальцкюфель!

Онъ засмѣялся съ дѣтской радостью и погладилъ своею костлявою рукой голову Дивризля, жавшагося къ нему.

Швейбенрайдеръ былъ настолько добродушенъ, что удивился и выказалъ интересъ, хотя исторію съ Маріей-Терезіей онъ слышалъ уже не въ первый разъ.

Кебахъ не удержался, чтобы не похвастаться передъ пріятелями своими произведеніями. Тутъ были тяжелыя набивныя и узорчатыя ткани, болѣе легкія, похожія на полотно матеріи, воздушные газы, скромныя тафты, мягкіе левантины и фуляры, бархатистые сверкающіе атласы. При видѣ этихъ тканей невольно рисовалось то глубокое темносинее ночное небо, то залитое солнцемъ море, то яркія краски заката, то нѣжная листва оливковыхъ деревьевъ или блистающій снѣгъ. Для болѣе сложныхъ узоровъ была придумана цѣлая система подножекъ, на которыхъ ткачъ игралъ какъ на шпинетѣ, только—ногами. Была еще цѣлая система ручныхъ приспособленій: палки и перекладины, напоминавшія лапы полиповъ, къ которымъ были прикрѣплены ремни и веревки. За эти веревки дергали ученики, и казалось, что они звонятъ въ колокола или выкачиваютъ воду изъ колодца.

Только тогда, когда они вошли въ третью залу, механикъ вспомнилъ, зачѣмъ онъ собственно здѣсь. При входѣ онъ увидѣлъ два большихъ станка, подвижныя части которыхъ вращались медленно и сосредоточенно. Третій станокъ стоялъ неподвижно, обнаженный какъ нищій, между тѣмъ какъ его сотоварищи красовались въ блестящихъ шелковыхъ одѣяніяхъ, обматывавшихся вокругъ ихъ тѣлъ; казалось, что ему холодно и что онъ стыдится своей наготы.

— Ага! Вотъ онъ, бѣдняга! — сказалъ Швейбенрайдеръ: — плохо съ тобой обходятся, но погоди, ты еще будешь въ чести.

Онъ быстро снялъ фракъ, влѣзъ на стулъ и принялся осматривать шнуры. Зальцкюфель, у котораго отъ долгаго смотрѣнія уже чесались пальцы, притащилъ станокъ для шпулекъ, чтобы намотать необходимое количество нитей на раму для основы. Онъ воткнулъ двадцать шпулекъ, потрогалъ каждую пальцемъ, чтобы убѣдиться, легко ли она движется, соединилъ нити въ рукѣ и уже готовился завязать ихъ, какъ полагается, узломъ. Механикъ, взобравшійся на лѣстницу, замѣтилъ со своей высоты дѣдушкины приготовленія.

— Стой, стой! Что вы дѣлаете? — воскликнули они съ Кебахомъ въ одинъ голосъ.

— А почему нѣтъ? Почему нѣтъ?—сердито проворчалъ дѣ-

душка:—почему я долженъ ничего не дѣлать? Все только смотрѣть да смотрѣть, этакъ одурѣешь!

— Успѣете потомъ сдѣлать крестъ, — послышался голосъ механика съ самаго потолка:—это рама совсѣмъ новаго устройства. Прежде чѣмъ вы сдѣлаете узелъ, каждая нитка должна пройти сквозь стеклянныя кольца, которыя вы видите тамъ у кошки.

— Гдѣ, что такое?—воскликнулъ Зальцкюфель, и выраженіе ужаса появилось на его морщинистомъ темномъ лицѣ.

— Тамъ, у кошки, — повторилъ операторъ и продолжалъ работать, осѣдлавъ свой носъ большими очками съ круглыми стеклами.

Кебахъ указалъ дѣдушкѣ на маленькую деревянную коробочку, которую механикъ назвалъ кошкой, и объяснилъ, въ чемъ дѣло. Прежде нити наматывались рукою—теперь эту работу исполняетъ коробочка, ходящая по шнуру вверхъ и внизъ; она соединяется съ рамою для основы, и когда аппаратъ вращается, шнурокъ разматывается и коробочка опускается; когда же онъ начинаетъ двигаться въ другую сторону, шнуръ снова наматывается и коробочка идетъ наверхъ.—Очень просто, не правда ли? Если бы только она дѣйствовала какъ слѣдуетъ,—прибавилъ онъ ехидно, поглядывая въ сторону механика.

Зальцкюфель снялъ свою темную шапочку и провелъ рукою по рѣдкимъ волосамъ. Онъ находилъ все это слишкомъ сложнымъ.

— При чемъ же тутъ кошка?—спросилъ онъ наконецъ.

— Коробочка со стеклянными кольцами называется проводникомъ нитей или кошкой. Можетъ-быть потому, что она неслышно взбирается по столбу и такъ же неслышно спускается.

Зальцкюфель покачалъ головою; онъ не желалъ имѣть дѣла съ кошкою, хотя бы ее и звали проводникомъ.

— Вотъ, возьмите, пожалуйста, любезный зять,—сказалъ онъ, передавая ему соединенныя нити.

— Вы, кажется, хотѣли помогать намъ?—засмѣялся Кебахъ.

— Благодарю покорно, благодарю покорно, — забормоталъ дѣдушка.—Не нравятся мнѣ всѣ эти новшества. До сихъ поръ мы обходились въ нашемъ дѣлѣ безъ кошекъ.

Онъ перешелъ на другую сторону, но тутъ снова испугался, увидѣвъ колѣнчатую рукоятку съ ея кружками и передаточнымъ механизмомъ, приводившимъ въ движеніе станокъ. Механикъ, качавшійся и потѣвшій на своей лѣстницѣ, взглянулъ внизъ.

— Это рукоять, съ помощью которой рама вращается на своей оси.

Зальцкюфель даже опустился на скамейку.

— Вотъ такъ изобрѣтеніе! Скоро ткачу не надо будетъ ни рукъ, ни ногъ, все дѣлается машинкою. Отличная выдумка для лѣнтяевъ! А впрочемъ естественно, что молодежь хочетъ все дѣлать по новому. Только бы всѣ были довольны, вотъ самое главное.

— Ну-съ, я вылѣчилъ его!—воскликнулъ Швейбенрайдеръ.— Совсѣмъ какъ у людей: одинъ винтикъ не въ порядкѣ, и весь механизмъ отказывается дѣйствовать.

Онъ поработалъ, буквально, въ потѣ лица. Все осмотрѣлъ, начиная съ оси и кончая ремнями, и, наконецъ, нашелъ то мѣсто, гдѣ недоставало винтика. Тѣмъ временемъ Кебахъ соединилъ нити, изъ которыхъ нужно было вить основу, пропустилъ ихъ сквозь стеклянныя кольца проводника, сдѣлалъ узелъ и приготовилъ шпульки.

— Можно начинать, —крикнулъ механикъ, снимая очки и отирая потъ съ широкаго лица.—Зальцкюфель, не хотите ли повертѣть рукоятку?

Они стояли въ волненіи вокругъ станка. Изъ дверей выглядывали горѣвшіе любопытствомъ глаза учениковъ и рабочихъ.

Какъ только дѣдушка началъ вертѣть рукоятку, послышались легкій скрипъ и визгъ въ передаточныхъ шнурахъ и кружкахъ, и вдругъ, какъ бы само собою, громадное брюхо рамы принялось медленно вертѣться на своей оси, шпульки застучали и начали разматывать красныя шелковыя нити, а кошка, ухвативъ двадцать нитей, какъ настоящая человѣческая рука принялась старательно наматывать ихъ, опускаясь все ниже и ниже, такъ что полосы вокругъ тѣла вращающейся колоды ложились прямыми, ровными рядами. Когда она достигла подножки, Кебахъ быстро подскочилъ, завязалъ двадцать нитей крестомъ и прикрѣпилъ ихъ къ гвоздю, а Зальцкюфель завертѣлъ ручку въ противоположномъ направленіи; тогда кошка снова полѣзла наверхъ и казалась похожею на живую кошку, взбирающуюся на дерево.

— Дѣдушка, дѣдушка!—воскликнулъ Кебахъ въ восторгѣ.— Поглядите вы на нее!

Зальцкюфель былъ такъ доволенъ результатомъ верченія ручкой, что уже не сердился на эту кошку. Онъ въ шутку указалъ на нее Дивризлю.—Погляди-ка! Гдѣ кошка, а?

Онъ такъ увлекся, что его съ трудомъ можно было оторвать отъ станка. Дѣйствительно, аппаратъ съ каждымъ разомъ работалъ все лучше и лучше. Кебаху пришлось напомнить, что скоро зазвонятъ къ вечерней службѣ: уже наступилъ вечеръ субботы.

Механикъ надѣлъ свой фракъ и сталъ собираться домой, но Кебахъ удержалъ его: нужно же было выпить въ честь „Краснаго фонаря“.

IV.

„Какъ-то приметъ меня Лебольдъ?“—думалъ Мельхеръ, покуда онъ, звеня шпорами и гремя саблей, шелъ къ „Жесткому ежу“. Онъ нѣсколько робѣлъ. Изъ мальчика Лебольдъ сталъ молодымъ человѣкомъ. Онъ былъ сыномъ фабриканта, можетъ-быть даже участникомъ въ дѣлѣ, и ихъ положенія оказывались теперь различными. Можетъ-быть онъ не захочетъ знаться съ прежнимъ товарищемъ, превратившимся въ простого солдата?

Впрочемъ врядъ-ли онъ могъ такъ измѣниться. Въ Лебольдѣ всегда было что-то особенное. Больше Мельхеръ боялся стараго Шролля, хозяина „Жесткаго ежа“.

Люди отзывались о немъ такъ странно, словно это была буря или какой-то Наполеонъ. Въ сущности ничего дурного о немъ не знали. Онъ былъ безукоризненно честенъ, но людей не любилъ, держался отъ нихъ въ сторонѣ и не водилъ компаніи даже со своими товарищами фабрикантами. Нѣтъ, не таковъ былъ хозяинъ Мельхера—Кебахъ изъ „Голубой кукушки“. Но не въ характерѣ Мельхера было долго колебаться.

„Не откуситъ же онъ мнѣ сразу голову; ужъ навѣрно онъ не хуже моего полковника, а я съумѣлъ угодить и ему“.

На Кейзеръ-Штрассе было еще много незастроенныхъ лужаекъ. Къ простому одноэтажному дому „Ежа“ прилегалъ большой садъ; изъ открытыхъ оконъ доносилось хлопанье и жужжанье шпулекъ и станковъ. Мельхеръ пошелъ тише, чтобы не такъ стучать шпорами: ему казалось, что этотъ воинственный шумъ не гармонируетъ со скромной музыкой труда. Въ магазинѣ онъ нашелъ молодого человѣка съ красивымъ лицомъ, въ которомъ узналъ Францля, младшаго брата Лебольда.

— Мнѣ кажется, что вы Мельхеръ изъ „Голубой кукушки“?—спросилъ молодой человѣкъ, также узнавшій его.

— Добрый день, г-нъ Францль,—сказалъ Мельхеръ,—какъ поживаете? Я зашелъ повидать Лебольда.

Францль подалъ ему руку и освѣдомился, какъ ему нравится солдатское житье?

— Говорятъ, что скоро будетъ война?—сказалъ онъ.—Я бы самъ охотно ушелъ въ солдаты. Этотъ Наполеонъ лягается какъ

лошадь пивовара, которую окормили овсяной бардой. Меня не возьмутъ, такъ какъ я еще слишкомъ молодъ. Лебольдъ же пойдетъ непремѣнно, хотя батюшка не позволяетъ и очень на него гнѣвается.

Мельхеръ былъ пораженъ.

— Какъ? Лебольдъ хочетъ поступить въ солдаты?

— Въ ополченіе, — сказалъ Францль, — въ полкъ, который формируется на пожертвованія шоттенфельдскихъ фабрикантовъ. Ступайте къ нему, Мельхеръ, онъ будетъ радъ васъ видѣть. Онъ еще за работой.

Мельхеръ вошелъ въ мастерскую и за первымъ станкомъ увидѣлъ Лебольда, который сейчасъ же пересталъ ткать и протянулъ ему обѣ руки.

— Здравствуй, Мельхеръ! Вотъ это хорошо, что ты не забылъ стараго друга! Какъ же ты поживаешь? Видъ у тебя хорошій, здоровый и воинственный. — Онъ по привычкѣ провелъ рукою по своимъ темнымъ, волнистымъ, густымъ волосамъ. Вообще онъ казался прежнимъ Лебольдомъ. Мельхеръ охотно бы бросился ему на шею, онъ всегда любилъ его, но привлекательное, сердечное и серьезное обращеніе Лебольда имѣло въ себѣ нѣчто мечтательное, какъ бы отрѣшенное отъ міра, и это удерживало Мельхера на нѣкоторомъ разстояніи.

Мельхеру пришлось немного подождать, такъ какъ, въ качествѣ сына хозяина, Лебольдъ не имѣлъ права первымъ бросать работу и уходить когда ему вздумается. Когда прозвонилъ колоколъ, онъ пересталъ работать, прикрылъ платкомъ основу, чтобы предохранить ее отъ пыли, и пригласилъ товарища пройти съ нимъ въ садъ.

Обширныя зеленыя лужайки, широкія аллеи, громадныя деревья придавали саду видъ парка. Въ прежнія времена онъ и былъ частью парка, окружавшаго бенедиктинское шоттенфельдское аббатство. Въ кустахъ еще сохранились кое-гдѣ статуи ангеловъ и святыхъ. Медленно проходили молодые люди вдвоемъ подъ высокими деревьями, съ которыхъ по временамъ, кружась въ воздухѣ, падалъ желтый листъ.

— Вѣрно ужъ такъ назначено судьбою, — сказалъ Лебольдъ, — что мы съ тобою, старые боевые товарищи изъ „Голубой кукушки“, снова будемъ вмѣстѣ играть въ войну. Я былъ бы радъ, еслибы намъ пришлось драться рядомъ, но теперь дѣло будетъ посерьезнѣе бомбардировки камешками.

— Значитъ, ты дѣйствительно вступаешь въ ополченіе? — спросилъ Мельхеръ.

— И ты еще можешь спрашивать! Не ждать ли намъ до тѣхъ поръ, покуда французы снова вступятъ въ Вѣну? Неужели можно смотрѣть хладнокровно на то, какъ корсиканскій фокусникъ продѣлываетъ allez-passez и пересаживаетъ для разнообразія испанскаго короля—въ Неаполь, а неаполитанскаго—ну, хотя бы въ Австрію. Пришли такія времена, когда австрійскій подданный не можетъ оставить своего императора въ бѣдѣ.

Мельхеру невольно вспомнились патріотическія рѣчи ротмистра и полковника, повторяемыя потомъ эскадрону вахмистромъ, съ аккомпаниментомъ проклятій и ругательствъ по адресу врага.

— Это совершенно вѣрно и съ твоей стороны очень благородно, что ты такъ думаешь. Но военная служба — вещь не легкая.

— Выдержу — сказалъ Лебольдъ. — Я все уже обдумалъ и радъ, что у меня есть достойная цѣль. Такъ или этакъ — я долженъ отсюда уйти! — Онъ сдѣлалъ движеніе, словно высокія вершины деревьевъ давили его. Съ колокольни святого Лаврентія доносились послѣдніе удары колокола и широкими волнами плыли надъ стѣнами дома.

— Не могу больше слышать этого колокола,—сказалъ Лебольдъ.—Не могу видѣть этой башни, домъ кажется мнѣ слишкомъ тѣснымъ, во дворѣ и саду я задыхаюсь. Ничто меня не радуетъ; самая работа опостыла мнѣ.

— Что же такое съ тобою, Лебольдъ?—добродушно и озабоченно спросилъ Мельхеръ. — Не ладишь ты что-ли съ старикомъ? Я на твоемъ мѣстѣ былъ бы совершенно доволенъ.

Они присѣли на старинную каменную скамью у подножія крылатаго ангела, указывавшаго на небо ребенку, стоявшему передъ нимъ. Лебольдъ опустилъ голову и задумался. Мельхеръ вдругъ показался самому себѣ такимъ мужественнымъ и опытнымъ, что ему захотѣлось разыграть роль браваго солдата.

— Угадываю, въ чемъ дѣло,—сказалъ онъ: — какая-нибудь любовная исторія?

— Не могу объяснить тебѣ хорошенько, такъ какъ я самъ себя невполнѣ понимаю. Это не любовная исторія, у меня для того нѣтъ времени. Батюшка заботится о томъ, чтобы вечеромъ, вслѣдствіе усталости, у меня было одно желаніе — добраться поскорѣе до постели. До сихъ поръ я во всемъ слушался его. Нѣтъ, это нѣчто совсѣмъ другое! Я въ какомъ-то переходномъ состояніи: я еще не знаю, чего мнѣ хотѣть, что я долженъ думать о мірѣ. Мнѣ кажется, я долженъ прежде всего найти самого себя—а здѣсь этого никогда не будетъ. Мнѣ не-

обходимо уйти. Пусть свѣжій вѣтеръ освѣжитъ мнѣ голову, и если надъ нею прожужжитъ картечь, тѣмъ лучше.

— Пожалуй ты и правъ, — сказалъ Мельхеръ, полуубѣжденный.

Онъ рисовалъ концомъ сабли фигуры на пескѣ и послѣ краткаго молчанія проговорилъ:

— Кстати, Веттль изъ „Голубой кукушки" просила тебѣ кланяться.

Лицо Лебольда просвѣтлѣло.

— Въ самомъ дѣлѣ она поручила тебѣ передать мнѣ поклонъ?

Только теперь Мельхеру стало ясно, что она въ сущности ничего ему не поручала. Онъ не хотѣлъ солгать и не хотѣлъ взять своихъ словъ назадъ; поэтому онъ поступилъ какъ кирасиръ его высочества, который, не глядя ни вправо, ни влѣво, даетъ лошади шпоры и беретъ препятствіе.

— И Фанни тоже просила тебѣ кланяться и звала завтра послѣ обѣда къ себѣ. Мы всѣ тамъ будемъ: Веттль, и я, и другіе старые друзья. Ты придешь?

Мельхеръ думалъ, что онъ удачно взялъ препятствіе, но онъ оказался лежащимъ въ канавѣ.

— И Веттль дѣйствительно поручила тебѣ передать мнѣ поклонъ?—переспросилъ Лебольдъ.

— Видишь ли, мы говорили всѣ втроемъ, и когда я уходилъ, меня просили тебѣ кланяться, а Фанни очень настаивала на своемъ приглашеніи. Ну, а теперь, такъ какъ мы повидались и завтра снова увидимся, то я прощусь съ тобой и пойду домой.

Они поболтали еще кой о чемъ и затѣмъ онъ дѣйствительно собрался уходить. Лебольдъ проводилъ его черезъ садъ до воротъ, потомъ вернулся въ садъ и прошелъ его во всю длину до небольшого холма, съ котораго открывался видъ на линію укрѣпленій. На холмѣ стояла старинная бесѣдка съ покривившимися урнами, надъ которыми раскинуло вѣтви могучее каштановое дерево съ желтѣющими листьями. Тутъ же стояла скамья.

Лебольдъ любилъ это мѣсто, такъ какъ оно было самое открытое въ саду и съ него открывался прекрасный видъ на волнообразные поля и луга, ближайшія деревушки и покрытые лѣсомъ холмы. Онъ улетѣлъ мечтою въ безконечную глубину вечерняго неба, которое еще золотилось, хотя съ правой стороны, надъ кладбищемъ съ темными деревьями, уже трепетала первая еле видимая звѣздочка. Лебольдъ унесся въ міръ мечтаній, но вдругъ голосъ, тихо произнесшій его имя, вернулъ его

на землю. Нѣжная, любящая рука коснулась его плеча; онъ обернулся и увидѣлъ свою мать.

Онъ схватилъ эту руку и покрылъ ее горячими поцѣлуями.

— Такъ ты дѣйствительно хочешь насъ покинуть, Лебольдъ? — сказала она грустно.—Я не узнаю тебя: ты всегда былъ покорнымъ сыномъ и слово отца было для тебя закономъ; почему же ты упорствуешь теперь?

Лебольду стало грустно, что она такъ судитъ о его намѣреніяхъ.

— Повѣрь мнѣ, матушка! — воскликнулъ онъ:—это не изъ упорства! Я просто не могу иначе.

Она грустно покачала головой и сѣла рядомъ съ нимъ. Онъ любилъ и уважалъ свою мать больше всего на свѣтѣ; ея убитый видъ сжималъ его сердце. Она была блѣдная, стройная женщина съ черными, слегка подернутыми сѣдиною волосами и спокойными вдумчивыми глазами. Взявъ руку Лебольда, она заговорила убѣдительно.

— Мы еще не переговорили съ тобою объ этомъ важномъ дѣлѣ, имѣющемъ рѣшающее значеніе для всей твоей жизни. Ты не посовѣтовался съ отцомъ и съ матерью. Отецъ твой гнѣвается и не желаетъ выслушать твои доводы, но мать не можетъ сердиться, если даже дитя ея причиняетъ ей страданія, и поэтому я хочу теперь поговорить съ тобой. Ты долженъ сказать, что въ тебѣ происходитъ; быть-можетъ тогда ты самъ скорѣе поймешь себя. Не на ложномъ ли ты пути? Ты, такой мягкосердечный, такой покорный родителямъ, добродушный съ братьями и сестрами, рабочими и слугами, ты хочешь идти на войну, чтобы убивать людей?

— Это приводитъ меня въ ужасъ,—сказалъ Лебольдъ.—Но жизнь сурова, и она призываетъ меня. Въ наше время человѣкъ не принадлежитъ исключительно своей работѣ и своему дому. И еще, матушка, есть одна причина, которая гонитъ меня отсюда и дѣлаетъ меня несчастнымъ.

Онъ остановился. Нѣчто въ родѣ стыда до сихъ поръ мѣшало ему обнаружить сокровенныя его побужденія; онъ принадлежалъ къ натурамъ, предпочитающимъ скрывать свои раны.

— Какъ тебѣ сказать это, матушка! — воскликнулъ онъ, борясь съ собою.—Развѣ сказать тебѣ это здѣсь, въ виду кладбища, на которомъ покоится дѣдушка, благословившій меня передъ смертью. Съ трудомъ поднялъ онъ руку, чтобы осѣнить меня крестнымъ знаменіемъ, и прошепталъ одно слово: „страхъ Божій!“ Я всегда помнилъ его завѣтъ, и все же, матушка, все же...

Онъ заплакалъ и спряталъ голову у нея на груди.

— Я потерялъ Господа моего, матушка! У меня нѣтъ болѣе Бога!

— Ты не сдѣлалъ ничего дурного, Лебольдъ?—спросила его испуганная мать.

Онъ приподнялся и осушилъ слезы.

— Во всякомъ случаѣ не намѣренно,—сказалъ онъ,—и тѣмъ не менѣе я кажусь себѣ погибшимъ человѣкомъ, отверженнымъ и недостойнымъ жить вмѣстѣ съ вами.

— Ты слишкомъ строго судишь себя,—сказала мать, подумавъ: — это у тебя отъ отца, который строгъ къ другимъ, но еще болѣе къ самому себѣ. Будучи мальчикомъ, ты казался веселымъ и откровеннымъ, но затѣмъ наступило время, когда ты ушелъ въ себя и, быть можетъ, болѣе думалъ о вопросахъ вѣры, чѣмъ слѣдовало для юноши твоихъ лѣтъ.

— Дай мнѣ исповѣдаться передъ тобой, матушка!—сказалъ Лебольдъ:—мнѣ будетъ легче, и ты поймешь меня. Не знаю, былъ ли я инымъ, чѣмъ мои товарищи; у насъ были тѣ же законоучители и тѣ же духовныя книги—но они все принимали на вѣру и ни надъ чѣмъ не задумывались. Сначала такъ было и со мною. Но вдругъ—самъ не знаю, какъ это случилось?—я почувствовалъ себя одинокимъ въ мірѣ, а тамъ, надо мною, гдѣ-то въ облакахъ, среди звѣздъ былъ Господь Богъ, и сердце мое раскрылось Ему, и я рѣшилъ быть добрымъ и чистымъ, чтобы заслужить милость Его. Я ходилъ погруженный въ свои мечты, товарищи называли меня лунатикомъ...

— Но какъ же такъ случилось, что ты потерялъ свою вѣру?

— Время было передъ Пасхою, и законоучитель принялся подготовлять насъ къ исповѣди. Все, что онъ говорилъ, было мнѣ такъ ново и чуждо. Это былъ не тотъ Богъ, котораго я носилъ въ моемъ сердцѣ. Мой Богъ былъ великій, свободный и радостный Духъ, но еслибы вы знали, что нашъ законоучитель выдавалъ намъ за Бога! Мы должны были молиться святѣйшему сердцу Іисусову, читать каноны Іоанну Непомуку, пѣть акаѳисты Дѣвѣ Маріи, красѣ и свѣту горы Кармель, и святому Іосифу, хранителю и покровителю ордена кармелитовъ, и святой Терезѣ, именуемой полемъ добродѣтели, свѣтомъ вѣры и замкомъ любви и я не знаю еще чѣмъ. У насъ были молитвы, посвященныя прободенному ребру Христа, и плату, которымъ отирали потъ съ Его чела, и дереву Креста. Одинъ проповѣдникъ-монахъ объяснилъ, что Господь лишь потому дозволяетъ жить

грѣшникамъ, что въ будущей жизни имъ уготованы еще большія мученія.

— Бѣдное дитя мое! — сказала мать: — ты мучился изъ-за того, что проходитъ для другихъ совершенно безслѣдно. Но утѣшься, Господь не оставитъ того, кто изъ-за Него боролся.

— Нашъ законоучитель—продолжалъ Лебольдъ—далъ намъ передъ исповѣдью книжечку, озаглавленную „Зерцало“. Я словно до сихъ поръ вижу передъ собою это монашеское измышленіе, предназначенное для того, чтобы освѣтить всю бездну грѣховности. Тамъ были сотни вопросовъ, изъ которыхъ я узналъ, какое разнообразное изощренное искусство — грѣхъ. Большая часть упоминаемыхъ тамъ грѣховъ были для меня совершенно непонятны; именно потому я боялся, не виновенъ ли я въ которомъ-нибудь изъ нихъ? Я былъ совершенно запутанъ, сбитъ съ толку этими вопросами. Согрѣшилъ ли ты противъ десяти заповѣдей? Часто ли нарушалъ ихъ? Какимъ образомъ? А противъ пяти заповѣдей церкви? Повиненъ ли ты въ семи смертныхъ грѣхахъ? Оказывалось, что всякій грѣхъ можно было совершить сотнею различныхъ способовъ. Мыслью, словомъ, дѣлами... Всюду грѣхъ, ничего кромѣ грѣха, словно цѣлый міръ не представлялъ собою ничего, кромѣ грѣха и осужденія. Цѣлый свитокъ прегрѣшеній развернулся передо мною, и я, боясь пропустить хотя одно, лучше согласенъ былъ приписать себѣ нѣсколько лишнихъ. И какимъ же страшнымъ грѣшникомъ я казался себѣ! Когда ты цѣловала меня на ночь, мнѣ казалось, что мое прикосновеніе должно было тебя загрязнить.

— Совѣсть твоя была больна,—сказала мать.—Это бываетъ въ переходное время отъ отрочества къ юношеству; но неужели же твой духовникъ не утѣшилъ тебя?

— Бритая голова за рѣшеткою исповѣдальни порядкомъ удивилась моей грѣховности; всѣ мои дѣтскія самообвиненія онъ принялъ за чистую монету и даже сталъ предлагать мнѣ вопросы о вещахъ, о которыхъ неиспорченный юноша не имѣетъ понятія. Онъ наложилъ на меня эпитимью, которую я выполнилъ; но не скажу, чтобы она облегчила мою совѣсть отъ истинныхъ и выдуманныхъ грѣховъ. Неужели религія дана намъ для муки, а не для свободы сердца и истинной радости?

— Для многихъ людей—сказала мать — исповѣдь служитъ облегченіемъ и утѣшеніемъ; для меня—тоже.

— Я не хочу осуждать законы церкви, но не думаю, чтобы ея путь былъ единственнымъ и истинно правильнымъ. Меня онъ не привелъ къ цѣли. Это какой-то полицейскій надзоръ. Ни

слова утѣшенія, однѣ угрозы быть вырваннымъ какъ плевелы и вверженнымъ туда, гдѣ плачъ и скрежетъ зубовъ...

— Къ сожалѣнію многіе служители церкви злоупотребляютъ молитвами и достигаютъ порою обратныхъ результатовъ. Покойный дѣдушка говаривалъ часто, что искренняя молитва и старое вино возможны только въ маломъ количествѣ.

— Я дошелъ до того, — продолжалъ Лебольдъ, — что слова: „да святится Имя Твое, да пріидетъ Царствіе Твое" потеряли для меня всякое значеніе. Я пересталъ молиться, матушка!

Онъ замолчалъ. Спустился вечеръ; кое-гдѣ зажглись звѣзды; лишь вдалекѣ надъ темнымъ лѣсомъ еще лежалъ слабый отблескъ заходящаго дня. Лебольдъ всталъ и подошелъ къ матери, которая задумчиво сидѣла на скамьѣ, подперевъ голову рукой.

— Это была душевная борьба незрѣлаго юноши, и все же нѣчто отъ нея осталось въ моемъ сердцѣ, нѣчто такое, что̀ грозитъ ужасающей пустотою всей моей жизни. Я не смогъ найти Бога, матушка, а тотъ, котораго выдавали они мнѣ за него, не былъ моимъ. Это было какъ разъ въ то время, когда убѣжалъ Шакерль. Мнѣ было жаль г-на Толльріана; я сталъ заходить къ нему, и его философія внушила мнѣ еще бо̀льшія сомнѣнія. Матушка! — воскликнулъ онъ порывисто и, кинувшись къ ея ногамъ, спряталъ лицо у нея на колѣняхъ: — я не такой человѣкъ, который можетъ жить безъ Бога! Пустота и равнодушіе, овладѣвшія мною, невыносимы для меня. Здѣсь, въ знакомой обстановкѣ, за моимъ станкомъ, въ этомъ домѣ, въ этомъ саду, я не найду Его, я не могу Его найти, я знаю это. Но можетъ-быть въ грохотѣ орудій, когда я буду сражаться за отечество и стоять лицомъ къ лицу со смертью, тамъ, быть можетъ, я найду Его и себя въ Немъ.

— Я понимаю тебя, Лебольдъ, — сказала мать, — я родила тебя въ мукахъ, дитя мое, ты мой, такъ какъ ближе матери у человѣка нѣтъ никого, и я... я отпускаю тебя.

Онъ молча поцѣловалъ ея руки и, не вставая съ колѣнъ, прислонилъ голову къ ея груди и закрылъ глаза. Онъ чувствовалъ біеніе материнскаго сердца; съ дней дѣтства онъ не ощущалъ такого сладостнаго успокоенія. Она положила руки ему на голову, и ея слезы кропили его волосы.

— Ступай, дитя мое! — сказала она: — сражайся съ врагомъ, если внутренній голосъ призываетъ тебя. Господь направляетъ твои шаги. Онъ раскроетъ тебѣ глаза, чтобы ты могъ узнать Его.

V.

Въ пріемныхъ комнатахъ „Англійскаго лорда“ у Пимперовъ было очень оживленно. Собралась не только молодежь, но и друзья и родственники, которыхъ лэди,—какъ въ шутку называли хозяйку дома, — пригласила въ столовую, гдѣ былъ уже накрытъ столъ для кофе. Это была толстенькая, маленькая, очень живая женщина, щеголявшая, несмотря на свои почтенные годы, въ модномъ греческомъ костюмѣ. Мужчины скоро покончили съ угощеньемъ. Дядя Пимперъ пригласилъ ихъ сыграть партію, и за кофейнымъ столомъ остались однѣ дамы. Ближе всѣхъ къ хозяйкѣ сидѣла тетушка въ громадной шляпкѣ изъ зеленой тафты, которую она никогда не снимала, даже за обѣдомъ, и другая тетушка, именовавшаяся турчанкой—въ силу своего пристрастія къ матеріямъ съ турецкимъ узоромъ. Кромѣ нихъ здѣсь были фрау Хиршаль, супруга „Архангела Михаила“ съ Монастырской улицы, фрау Шролль, супруга „Жесткаго ежа“, и фрау Войтехъ. Онѣ распивали кофе изъ удивительнаго сервиза темнозеленаго цвѣта съ легкою позолотой. Кофейникъ имѣлъ видъ фазана, съ тонкой, изящной, изогнутой шеей.

Мельхеръ, послужившій предлогомъ для этой „ассамблеи“, подошелъ поблагодарить хозяйку. Онъ ловко щелкнулъ каблуками и отдалъ военный поклонъ фрау Пимперъ. Она благосклонно кивнула ему, съ видомъ свѣтской дамы, и отпустила его съ нѣсколькими любезными словами.

— Прекрасный вышелъ изъ него военный,—тихо сказала она дамамъ.

— Да, военная служба даетъ молодымъ людямъ извѣстную шлифовку.

— Для сына домоправительницы это такъ,—сказала фрау Войтехъ,—но въ нашемъ кругу молодыхъ людей воспитываетъ семья. Моему Пеппи, напримѣръ, совсѣмъ не нужна военная выправка.

Мельхеръ, рѣшивъ, что онъ исполнилъ свои свѣтскія обязанности, отправился разыскивать Веттль. Благодаря многолюдству, онъ едва успѣлъ обмѣняться съ нею поклономъ. Звеня шпорами, онъ обернулся и, къ ужасу своему, наступилъ на ногу „Жесткому ежу“, не успѣвшему отступить. Кирасиръ испугался до смерти, что ему приходится знакомиться съ человѣкомъ, и безъ того внушавшимъ ему страхъ, при такихъ неблагопріят-

ныхъ обстоятельствахъ. Но, не смотря на свою кличку, отецъ Лебольда оказался менѣе грознымъ, чѣмъ онъ этого ожидалъ.

— Полегче, юный воинъ!—сказалъ онъ, добродушно разсмѣявшись.

Мельхеръ пробормоталъ извиненіе. Кебахъ, стоявшій тутъ же, почувствовалъ себя, въ качествѣ бывшаго хозяина Мельхера, нѣсколько сконфуженнымъ его неловкостью.

— Онъ еще немного похожъ на молодого щенка: несовсѣмъ твердо стоитъ на ногахъ.

„Жесткій ежъ“ благодушно потрепалъ Мельхера по плечу.

— Неизбѣжный переходъ отъ бюргеровскаго званія къ военному. Такъ оно и должно быть.

Отецъ Лебольда былъ высокій, плотный, необыкновенно прямо державшійся человѣкъ; со своимъ загорѣлымъ, гладко выбритымъ лицомъ, густыми сѣдыми волосами и тяжеловатыми движеніями, съ старомоднымъ длиннымъ сюртукомъ, онъ нѣсколько напоминалъ упрямаго стараго крестьянина.

Фанни собрала молодежь въ такъ называемой львиной комнатѣ, на обояхъ которой было изображено множество маленькихъ геркулесовъ, убивающихъ маленькихъ львовъ. Шелковая обивка мебели была того же рисунка, а ручки и ножки у креселъ были сдѣланы въ видѣ львиныхъ лапъ.

Фанни была весела и разговорчива. Ея способность болтать обо всемъ, что̀ приходитъ въ голову, оживляла общество, благодаря чему исчезла та натянутость, которая неизбѣжна среди друзей дѣтства, рѣдко встрѣчающихся другъ съ другомъ. Усадивъ рядомъ съ собою на диванѣ Веттль, она принялась болтать о театрѣ и прогулкахъ, о погодѣ и фейерверкахъ, о костюмахъ и танцахъ. Она увѣряла, что до сихъ поръ не видѣла такой великолѣпной залы для танцевъ, какъ новый залъ „Аполлона“. Оказалось, что всѣ присутствующіе: Пеппи Войтехъ, сестра его Мари, юный Венделинъ Хиршаль, прозванный за свои толстыя щеки херувимомъ, Мали Рекеншусъ, дочь „Веселой тирольки“, даже Лебольдъ съ Францлемъ, всѣ побывали тамъ; исключеніе составляла одна Веттль.

— Слѣдующій разъ я непремѣнно возьму тебя съ собою,— воскликнула Фанни.—Что это такое въ самомъ дѣлѣ? Цѣлый день заниматься хозяйствомъ, да еще наматывать нитки для ткацкаго станка, словно у васъ въ домѣ мало учениковъ!

— Я съ удовольствіемъ это дѣлаю,—сказала Веттль;— самое пріятное для меня—помогать при работѣ.

— Я знаю, но нужно же вѣдь пользоваться какими-нибудь

удовольствіями. Я понимаю, что молодые люди порою не танцуютъ, если самыя хорошенькія дѣвушки прячутъ свои свѣтильники подъ спудомъ. Нечего изъ-за этого краснѣть! Правда, эта прическа à la Ninon восхитительно къ тебѣ идетъ.

Она обняла ее и поцѣловала. Прелестный контрастъ представляли въ эту минуту нѣжная блондинка въ батистовомъ платьѣ съ высокой таліей и красивая брюнетка въ лиловомъ бархатномъ платьѣ и такого же цвѣта фригійской шапочкѣ на роскошныхъ черныхъ волосахъ.

— Развѣ это называется прическа à la Ninon?—спросила вся зардѣвшаяся Веттль.

— Она даже этого не знаетъ!—разсмѣялась Фанни.

— А на танцовальный вечеръ въ залѣ „Аполлона“ я все же едва ли попаду,—сказала Веттль:—батюшка находитъ, что я еще успѣю натанцоваться.

— Ну, конечно, батюшка и батюшка! Умная женщина съумѣетъ каждаго мужчину, въ томъ числѣ и отца, обвести вокругъ пальца. Такъ это и знай.

— Ого, madame! — сказалъ ея мужъ, молодой Пимперъ:— вы бы не выдавали тайнъ вашей дипломатіи.

Молодой Пеппи Войтехъ, питавшій слабость къ миѳологіи, замѣтилъ:—Вы, по крайней мѣрѣ, предупреждены, Пимперъ; вы знаете, что стоите на краю бездны, какъ Эдипъ, и упадете въ нее, если не разгадаете загадки этого очаровательнаго сфинкса.

Находя, что онъ выразился очень тонко, онъ самодовольно, но осторожно провелъ рукою по своимъ рыжеватымъ, причесаннымъ à la Titus, уже нѣсколько порѣдѣвшимъ волосамъ.

— Я не скрываю моихъ тайнъ, — засмѣялась Фанни; — я откровенна какъ тотъ мазурикъ, который сказалъ на исповѣди: „я краду“, и вытащилъ у духовника кошелекъ.

Описавъ Веттль всѣ достопримѣчательности новаго зала, она прибавила, что входъ на балъ стоитъ всего пять гульденовъ.

— Пять гульденовъ!—ужаснулась Веттль:—хорошо, что батюшка этого не слышитъ!

— Ты говоришь, словно это—цѣлое состояніе. Что значитъ пять гульденовъ для такого зажиточнаго человѣка, какъ твой отецъ?

— Ты не знаешь, какъ батюшка бережливъ! Онъ всегда старается экономить и откладывать. При возрастающей дороговизнѣ мнѣ трудно бываетъ сводить концы съ концами по хозяйству.

— Знаешь, что я тебѣ скажу по большому секрету, хотя объ этомъ чирикаютъ всѣ воробьи на крышахъ?

Она нагнулась къ уху Веттль и прошептала шаловливо:

— Твой батюшка немного скряга.

Яркій румянецъ залилъ лицо Веттль.

— Я не могу тебѣ позволить такъ говорить о батюшкѣ!— воскликнула она въ негодованіи:—это неправда, это постыдная ложь, хотя бы объ этомъ чирикали воробьи на крышѣ.

— Ты не должна понимать этого такъ буквально,—заговорила смутившаяся Фанни, — но ты не станешь отрицать, что твой отецъ человѣкъ состоятельный, и могъ бы доставить тебѣ больше удовольствій.

— Я не стану отрицать, что у него есть состояніе, но онъ не любитъ бросать деньги за окошко; это не скупость, а бережливость. Если въ домѣ тратится больше чѣмъ нужно, это ведетъ къ безпорядку и недовольству. Постоянно думая о томъ, что̀ бы пріобрѣсти лишняго, люди теряютъ любовь къ труду, и въ концѣ концовъ ихъ уже ничто не радуетъ.

Лебольдъ съ удовольствіемъ слушалъ, какъ мужественно молодая дѣвушка отстаивала своего отца и свое мнѣніе передъ болѣе опытною женщиной.

— Вы правы, Веттль,—сказалъ онъ, спѣша поддержать ее;—въ томъ, что̀ вы говорите, много справедливаго.

Мельхеръ тоже сталъ на сторону Веттль. Онъ обернулся къ Лебольду.

— Я вспомнилъ одно выраженіе твоего отца,—помнишь, ты мнѣ вчера разсказывалъ? „Кто ѣздилъ въ телѣгѣ, тому легко научиться ѣздить въ коляскѣ, а не наоборотъ“.

— Послушайте, фрейлейнъ Ветти,—сказалъ молодой Войтехъ:—если Помона предлагаетъ мнѣ свой рогъ изобилія, наполненный плодами, почему же я долженъ дать ей еще корзину?

— Затѣмъ, чтобы она пересыпала туда плоды,—сказала Веттль:—въ корзинѣ ихъ гораздо легче носить, чѣмъ въ рогѣ изобилія.

— Убійственно остроумно! — расхохотался Пеппи Войтехъ.

— Ты ужъ и такъ объѣлся этими плодами,—ѣдко замѣтила его сестра, Мари Войтехъ.

— Еслибы батюшка былъ скупъ,—продолжала Веттль, въ которой все еще кипѣло,—онъ не одаривалъ бы такъ щедро бѣдныхъ на Рождество. Кто изъ шоттенфельдскихъ фабрикантовъ пожертвовалъ на ополченіе такую крупную сумму, какъ онъ? Богатый человѣкъ, который ни въ чемъ себя не ограничиваетъ, ничуть не счастливѣе бѣдняка; ему хочется все бо̀льшаго и бо̀льшаго, и онъ кончаетъ тѣмъ, что упирается лбомъ въ

стѣну. Такъ говоритъ батюшка, и я нахожу, что онъ совершенно правъ.

Съ этими словами Веттль рѣшительно откинулась на спинку дивана.

— Слышишь, Фанни!—воскликнулъ молодой Пимперъ:—это очень здравыя понятія, и я посовѣтовалъ бы тебѣ не пропускать такихъ словъ мимо ушка.

— Не будь, пожалуйста, фарисеемъ, Томасъ!—сказала Фанни:—развѣ тебѣ такъ необходимо имѣть лошадь? Но тебѣ доставляетъ удовольствіе ее держать, и потому ты ее держишь. И я не вижу причины, почему бы ты сталъ отказывать себѣ въ этомъ.

— Конечно, было бы проще совсѣмъ не имѣть желанія заводить ее,—отвѣтилъ Томасъ:—а впрочемъ она служитъ мнѣ и какъ верховая, и такимъ образомъ я обхожусь одной лошадью.

— Да, такъ какъ родители держатъ кромѣ того экипажъ, которымъ мы пользуемся,—сказала Фанни.

— Позвольте,—вмѣшался маленькій херувимъ:—почему люди со средствами должны отказывать себѣ въ удовольствіи? Взгляды фрейлейнъ Ветти—сущій вздоръ.

— Будь добръ, Венделинъ, выражайся поизящнѣе!—наставительно сказалъ Пеппи Войтехъ.

Веттль была нѣсколько смущена оборотомъ, приданнымъ разговору ея словами.

— Не думай, Фанни, что я осуждаю тебя или твоего мужа за то, что вы доставляете себѣ удовольствія; я только хотѣла объяснить, какъ смотритъ на это батюшка, такъ какъ ты обвинила его въ скупости. Разумѣется, богатый человѣкъ можетъ позволить себѣ больше, чѣмъ просто состоятельный. Вся задача въ томъ, чтобы ежегодно тратить нѣсколько меньше, чѣмъ получаешь. Въ хорошемъ хозяйствѣ должно быть такъ же, какъ въ нашемъ дѣлѣ со шпульками: нужно наматывать какъ можно больше нитей, чтобы въ рукѣ всегда былъ запасъ. Наоборотъ, въ дурномъ хозяйствѣ только и дѣлаютъ, что перематываютъ нити съ двухъ толстыхъ шпулекъ на нѣсколько маленькихъ. Я думаю,—прибавила она, улыбаясь,—что никто не станетъ противъ этого возражать?

Улыбка, съ которою Веттль заключила свою фразу, дѣлала невозможными дальнѣйшія возраженія.

— Одно государство можетъ тратить болѣе, чѣмъ оно получаетъ,—сказалъ, смѣясь, Томасъ,—такъ какъ оно во всякую минуту можетъ устроить новый выпускъ бумажныхъ денегъ. А самое необходимое для его жизни оно получаетъ даромъ: сол-

датъ. Оно прямо беретъ ихъ. Вѣдь васъ не спрашивали—не такъ ли? — хотите вы идти или нѣтъ, — обратился онъ къ Мельхеру.

Мельхеръ сразу подружился съ молодымъ Пимперомъ, съ которымъ онъ передъ тѣмъ долго разговаривалъ. Онъ понравился ему своею простотой и спокойствіемъ. Онъ былъ невысокаго роста и некрасивъ собою, но лицо у него было умное и симпатичное.

Фанни вдругъ сдѣлалась серьезна и задумчива; въ сущности она не сомнѣвалась въ справедливости того хозяйственнаго принципа, который былъ только что высказанъ. Быть-можетъ совѣсть у нея была на этотъ счетъ не совсѣмъ чиста, а потому она мысленно рѣшила, что слова Веттль не должны пропасть для нея даромъ. Она рѣшительно перемѣнила разговоръ.

— А что, никто изъ васъ ничего не слышалъ о нашемъ Шакерлѣ?

Наконецъ, они коснулись темы, не допускавшей никакихъ споровъ и разногласій: воспоминаній дѣтства. У каждаго осталось въ памяти какое-нибудь приключеніе изъ дѣтскихъ лѣтъ, и онъ спѣшилъ разсказать его, въ то время какъ другіе слушали съ радостной улыбкой и припоминали подробности: да, именно такъ оно и было. Но относительно Шакерля никто ничего не зналъ; всѣ слухи о немъ затихли съ тѣхъ поръ, какъ онъ безслѣдно исчезъ изъ дома своего отца.

— Очень гадко съ его стороны, что онъ не даетъ о себѣ вѣстей старому Толльріану,—сказала Веттль.

— Можетъ быть, его уже и на свѣтѣ нѣтъ,—замѣтила Мали Рекеншусъ.

— Ну, Шакерль не пропадетъ!—воскликнула Фанни:—онъ безъ сомнѣнія живъ. Шакерль пробьется, я поручусь за это. Быть-можетъ онъ вынырнетъ въ видѣ богатаго англичанина или американскаго золотоискателя. Отъ него можно всего ожидать.

— Вѣроятно ему показалась слишкомъ однообразной жизнь у отца,—замѣтилъ толстенькій херувимъ.—Я это понимаю. Постоянно видѣть одну Циглергассе и больше ничего—это въ концѣ концовъ можетъ надоѣсть.

— *Вы* можете это понять, господинъ Венделинъ?!—воскликнулъ юный Францль изъ „Жесткаго ежа“. О херувимѣ разсказывали, что его собирались отправить въ Ліонъ для изученія мѣстнаго ткацкаго дѣла, но что онъ вернулся уже изъ Хиттельдорфа, такъ какъ оттуда не было видно колокольни святого Лаврентія.

— Вкусы бываютъ разные, — отвѣтилъ онъ: — мнѣ, напримѣръ, не нравится жизнь полная приключеній, но Шакерль былъ другимъ человѣкомъ: онъ всегда стремился видѣть свѣтъ. Наконецъ, ему могла опротивѣть философія его отца. Я прекрасно его понимаю.

— У каждаго есть свой идеалъ,—замѣтилъ Пеппи Войтехъ.

Его колкая сестрица сейчасъ же предала его.

— Идеалъ Пеппи—великолѣпные жилеты! У него есть жилеты съ изображеніемъ всевозможныхъ звѣрей, растеній, минераловъ: настоящій атласъ естественной исторіи. Есть у него жилеты и въ восточномъ вкусѣ, но перечислить и описать ихъ невозможно; посмотрите хотя на тотъ, который на немъ сегодня. Можетъ ли быть что-нибудь красивѣе?

— Я всегда говорилъ, что сестры—истинное наказаніе божеское!—воскликнулъ юный Францль.

— Ну, тебѣ нечего жаловаться на своихъ, — обрѣзалъ его Лебольдъ;—онѣ скорѣе могутъ пожаловаться на тебя.

Желая отвести отъ себя общее вниманіе, Пеппи Войтехъ обратился къ Лебольду:

— А вѣдь ты оказываешься тоже искателемъ приключеній! Никогда бы я о тебѣ этого не подумалъ. Ты собираешься уйти отъ насъ, какъ Шакерль?

— Что такое? Въ первый разъ слышу!—удивилась Фанни.

— Богъ Марсъ увлекаетъ его, — объяснилъ Пеппи Войтехъ;—онъ покидаетъ своихъ пенатовъ, Меркурія и Венеру, и опоясывается мечемъ.

— Вы окончательно рѣшили вступить въ ополченіе?—спросилъ Томасъ.

— Да, если дѣло дойдетъ до войны.

Всѣ наперерывъ стали выражать удивленіе.

— Странный вкусъ!—замѣтилъ херувимчикъ.

Мельхеръ положилъ Лебольду руку на плечо.

— Мы съ тобой покажемъ себя Наполеону.

Пеппи освѣдомился о томъ, какой у ополченцевъ мундиръ, и узнавъ, что онъ очень простой, сѣрый съ красными отворотами, очень разочаровался.

— Могли бы они придумать мундиръ покрасивѣе.

— Скажи мнѣ, Лебольдъ, — начала Фанни: — неужели ты будешь дѣйствительно стрѣлять въ другихъ, или дашь себя застрѣлить?

— Если дѣло дойдетъ до сраженія, конечно буду стрѣлять—разсмѣялся Лебольдъ:—какъ же иначе быть?

— А если они тебя убьютъ или искалѣчатъ?

— Ничего не подѣлаешь. Неужели мы должны все спускать Наполеону? Я дѣлаю это не для удовольствія, но въ настоящую минуту судьба нашего отечества поставлена на карту, и я считаю это своимъ долгомъ.

— Вы правы, Лебольдъ! — воскликнула Веттль: — будь я мужчиной, я тоже пошла бы на войну!

Лицо Лебольда просіяло.

— Въ самомъ дѣлѣ вы находите, Веттль, что я правъ?

— Вы поступаете такъ, какъ долженъ поступать въ наше время каждый молодой человѣкъ,—сказала Веттль, очень блѣдная, дрожащимъ голосомъ.

— Позвольте, фрейлейнъ Ветти,—вмѣшался херувимчикъ:— для чего же намъ послѣ этого солдаты? Мельхеръ одинъ управится съ врагомъ, а намъ незачѣмъ рисковать своей шкурой.

— Тутъ не можетъ быть никакого сравненія, — сказала Веттль: — солдаты идутъ по приказанію, а тотъ, кто идетъ изъ любви къ отечеству, тотъ выкажетъ больше мужества передъ лицомъ врага.

— Не думай, Веттль, что у меня не хватитъ мужества, — сказалъ Мельхеръ.

— Въ твоемъ мужествѣ я не сомнѣваюсь, но ты поступаешь сознательно, зная, что стоишь за хорошее дѣло; между тѣмъ есть и такіе, которые охотнѣе сидѣли бы за печкой. Люди одушевленные сознательнымъ мужествомъ вносятъ въ войско совсѣмъ иной духъ. Вы тысячу разъ правы, Лебольдъ. Идите на войну и покажите французамъ, что среди австрійцевъ есть храбрые люди.

— Ты маленькая Іоанна д'Аркъ!—разсмѣялась Фанни.

Всѣ были возбуждены и не могли говорить ни о чемъ другомъ, кромѣ предстоящей войны и рѣшенія Лебольда вступить въ ополченіе. Херувимчикъ стоялъ на своемъ. Пеппи Войтехъ лукавилъ и даже давалъ понять, что онъ самъ готовъ послѣдовать примѣру Лебольда. Фанни качала головкой; ей нравилось увлеченіе войной, но грязь, пыль и лишенія пугали ее. Веттль продолжала отстаивать рѣшеніе Лебольда, и Мельхеръ поддерживалъ ее.

Молодой Пимперъ больше слушалъ и молчалъ. Тайно онъ завидовалъ Лебольду и радъ былъ бы уйти отъ жизни, которая его удручала. Онъ не особенно былъ привязанъ къ своему дѣлу, но финансовыя операціи его отца нравились ему еще менѣе и причиняли много заботъ. При этомъ жизнь на широкую

ногу, какъ-то незамѣтно установившаяся у нихъ, зачастую не давала ему спать по ночамъ. Онъ страстно любилъ Фанни, но до сихъ поръ не былъ увѣренъ, любила ли она его настоящею любовью. Онъ не могъ сдѣлать ей ни въ чемъ ни малѣйшаго упрека, но между ними словно образовалась невидимая стѣна. Бывали даже минуты, когда онъ боялся, что она вышла за него замужъ только изъ-за его богатства. Онъ страдалъ и охотно пошелъ бы на войну, но трудно было вырваться. Онъ не могъ бросить своего дѣла; жена и родители стали бы отговаривать его; пришлось бы отказаться отъ многихъ привычекъ и удобствъ, дѣлавшихъ жизнь пріятною. У него не хватало силъ для такой жертвы...

Вотъ почему онъ только завидовалъ Лебольду.

Съ нѣмецкаго О. Ч.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПАРЛАМЕНТСКІЯ КОАЛИЦІИ

ВЪ

АНГЛІИ И ФРАНЦІИ

Имѣютъ ли какую-нибудь цѣнность такъ называемые уроки исторіи? Комбинаціи обстоятельствъ до безконечности разнообразны: крайне рѣдко можно встрѣтить хотя бы приблизительное повтореніе однажды существовавшихъ условій — крайне рѣдко, поэтому, опытъ прошлаго оказывается непосредственно примѣнимымъ къ настоящему. Нельзя сказать, однако, чтобы практическое значеніе выводовъ, дѣлаемыхъ изъ историческихъ параллелей, было совершенно ничтожно: необходимо только, чтобы рядомъ съ чертами сходства принимались въ разсчетъ черты различія и чтобы общее заключеніе основывалось на возможно большемъ числѣ аналогичныхъ фактовъ. Съ этой точки зрѣнія мы хотимъ бросить взглядъ на судьбу нѣсколькихъ парламентскихъ коалицій въ Англіи и Франціи.

Въ Англіи цѣлыхъ двадцать лѣтъ, съ 1721-го по 1741-й годъ, во главѣ правительства стоялъ сэръ Робертъ Вальполь. Сначала окруженный другими выдающимися представителями виговъ, онъ мало-по-малу удалилъ ихъ изъ министерства и сосредоточилъ въ своихъ рукахъ всю полноту власти. Поддерживаемый королемъ, онъ располагалъ, съ помощью широко практикуемаго подкупа, прочнымъ большинствомъ въ обѣихъ палатахъ. Въ составъ меньшинства входили, съ одной стороны, недовольные виги (Пельтней, Картеретъ, Честерфильдъ, Гренвилль, Питтъ), съ другой—торіи разныхъ оттѣнковъ, руководимые Виндгамомъ и вдохновляемые

Болингброкомъ. Силы тѣхъ и другихъ были почти равны. Когда война съ Испаніей, неохотно предпринятая и неудачно веденная Вальполемъ, вызвала общее неудовольствіе въ странѣ, число противниковъ всемогущаго министра стало быстро возрастать. Въ началѣ 1742-го года онъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе въ палатѣ общинъ и вышелъ въ отставку. Можно было думать, что вмѣстѣ съ нимъ падетъ и его система—прекратится подкупъ, повысятся авторитетъ и независимость палаты общинъ, уменьшится вмѣшательство короля въ иностранную политику. Эти ожиданія не оправдались. Союзъ, опрокинувшій Вальполя, распался на части: торіи остались безсильными, а наиболѣе вліятельные виги воспользовались своей побѣдой исключительно въ своихъ личныхъ видахъ. Пельтней, согласясь принять званіе пэра, сразу потерялъ всякую популярность; Картеретъ (лордъ Гранвилль) продолжалъ политику Вальполя и служилъ скорѣе интересамъ Ганновера, дорогимъ для Георга II, чѣмъ интересамъ Англіи. Еще больше, чѣмъ при Вальполѣ, подкупъ процвѣталъ при Пельгамѣ и Ньюкэстлѣ.

Не менѣе печаленъ былъ, сорокъ лѣтъ спустя, исходъ другой коалиціи, болѣе блестящей и одно время казавшейся близкою къ цѣли. Торійское министерство лорда Норта, державшееся у власти болѣе десяти лѣтъ (1770—1782), было орудіемъ въ рукахъ короля. Вызвавъ возстаніе сѣверо-американскихъ колоній, оно неумѣло старалось подавить его и было вовлечено въ войну съ Франціей и Испаніей. Потерявъ всѣ шансы успѣха, оно уступило мѣсто министерству Рокингема, составленному изъ чистыхъ виговъ и ненавистному для короля. Смерть Рокингема позволила Георгу III поставить во главѣ кабинета лорда Шельберна, вождя средней партіи, готовой идти на уступки королю и такъ называемымъ королевскимъ друзьямъ. Въ оппозиціи очутились, съ одной стороны, прямолинейные виги, подъ предводительствомъ знаменитаго Фокса, съ другой—торіи, съ своимъ лордомъ Нортомъ. Обѣ крайнія партіи, чуждыя другъ другу по принципамъ, только что боровшіяся между собою не на животъ, а на смерть, вступили въ противоестественный союзъ и низвергли общими силами министерство Шельберна. Въ новый кабинетъ, подъ номинальнымъ главенствомъ герцога Портланда, вступили и Фоксъ, и Нортъ. За ними шли ихъ сторонники, образуя большинство въ палатѣ общинъ. Палата лордовъ, подъ непосредственнымъ давленіемъ короля, отклонила одинъ изъ важнѣйшихъ биллей, проводимыхъ министерствомъ. Это послужило королю предлогомъ къ увольненію коалиціоннаго кабинета. Первымъ министромъ

сталъ Питтъ (младшій), достигшій, едва двадцати-пяти лѣтъ отъ роду, почти такой же славы, какою пользовался его отецъ. Оппозиція въ палатѣ общинъ, сначала энергичная и даже бурная, постепенно слабѣла, таяла—и когда Питтъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, распустилъ палату общинъ, новые выборы доставили ему блистательную побѣду. Партія виговъ долго не могла оправиться отъ этого пораженія. Ей принадлежала господствующая роль въ коалиціи; противъ нея, поэтому, съ особенною силой возстало нравственное чувство, возмущенное сближеніемъ недавнихъ враговъ. Королевская милость, которою въ полной мѣрѣ пользовался Питтъ, должна была привлечь къ нему всѣ консервативные элементы, которые, дѣйствительно, и стали самой прочной опорой его кабинета, шестнадцать лѣтъ сряду управлявшаго Англіей.

Въ XIX вѣкѣ коалиціонное министерство существовало въ Англіи одинъ разъ, съ конца 1852-го по начало 1855-го года; во главѣ его стоялъ лордъ Эбердинъ. Оно продержалось сравнительно долго благодаря тому, что составъ его—пилиты (т. е. умѣренные торіи), виги и умѣренные радикалы—былъ не слишкомъ разношерстенъ, и притомъ образованію его предшествовали неудачи какъ чисто вигскаго, такъ и чисто торійскаго кабинетовъ. Къ тому же десятилѣтію относятся коалиціи чисто отрицательнаго характера, ставившія себѣ задачей единственно низверженіе министерства. Въ 1857 г. пилиты и радикалы, соединившись съ торіями, составили большинство, выразившее недовѣріе вигскому министерству лорда Пальмерстона (по поводу войны съ Китаемъ, предпринятой безъ достаточныхъ основаній); палата общинъ была распущена, но избиратели оказались на сторонѣ министерства. Годъ спустя къ такой же коалиціи примкнула группа виговъ, недовольныхъ уступчивостью лорда Пальмерстона по отношенію къ Наполеону III—и кабинетъ Пальмерстона долженъ былъ удалиться.—Позднѣйшій союзъ торіевъ и такъ называемыхъ уніонистовъ, опрокинувшій, въ 1886 г., третье министерство Гладстона, не можетъ быть подведенъ подъ понятіе о коалиціи, такъ какъ уніонисты все больше и больше оказывались въ постоянномъ согласіи съ торіями, поддерживали второе министерство Солсбери (1886—1892) и заняли вліятельное положеніе въ третьемъ его кабинетѣ (1895).

Въ исторіи Франціи весьма интересна, съ занимающей насъ точки зрѣнія, коалиція 1838—1839 гг. Съ весны 1837-го года во главѣ управленія стояло вяло-консервативное министерство

Моле. Въ сторонѣ отъ власти оставались не только члены лѣваго центра, предводителемъ которыхъ былъ Тьеръ, но и доктринеры, съ своимъ главою Гизо. Держалось министерство преимущественно расположеніемъ короля. Людовикъ-Филиппъ хотѣлъ не только царствовать, но и властвовать—а это было нелегко, когда министрами были высокоталантливые и энергичные люди. Нетерпѣніе овладѣло всѣми оттѣнками оппозиціи: составился союзъ, къ которому примкнули, кромѣ обоихъ центровъ, крайняя правая (легитимисты) и умѣренная лѣвая (такъ называемая династическая оппозиція), руководителемъ которой былъ Одилонъ-Барро. Въ это именно время была пущена въ ходъ извѣстная формула: le roi règne, mais ne gouverne pas. Полемъ сраженія былъ выбранъ отвѣтъ на тронную рѣчь (дек. 1838). Проектъ адреса, представленный коалиціей, былъ отвергнутъ, но такимъ незначительнымъ большинствомъ, что министерство рѣшило распустить палату депутатовъ. Новые выборы дали результатъ благопріятный для коалиціи. Но здѣсь-то и начались для нея непреодолимыя затрудненія. Вожди союзниковъ никакъ не могли согласиться на счетъ дѣлежа плодовъ побѣды. Особенно сильныя возраженія вызвало притязаніе Гизо на постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Коалиціонное министерство, съ Одилономъ-Барро какъ предсѣдателемъ палаты, оказалось невозможнымъ. Тьеръ безуспѣшно старался составить министерство средней партіи. Назначенъ былъ временный, чисто дѣловой кабинетъ, лишенный политической окраски; но когда попытка возстанія въ Парижѣ (май 1839) доказала необходимость болѣе сильнаго правительства, королю удалось образовать парламентское министерство, подъ предсѣдательствомъ маршала Сульта. Въ его составъ не вошелъ ни одинъ изъ вождей коалиціи; портфели были распредѣлены между второстепенными членами обоихъ центровъ. Вліяніе короля не ослабѣло, а скорѣе усилилось. Новое министерство пало, годъ спустя, именно потому, что слишкомъ усердно заботилось объ интересахъ королевскаго дома.

Перейдемъ теперь къ тому эпизоду въ исторіи Франціи, который положилъ начало существующему теперь французскому государственному строю. Большинство національнаго собранія, выбраннаго въ 1871-мъ году подъ гнетомъ неслыханныхъ пораженій, состояло изъ убѣжденныхъ монархистовъ, но не составляло одного объединеннаго цѣлаго. Легитимисты, несмотря на формальное примиреніе обѣихъ линій бурбонскаго дома, враждовали съ орлеанистами; и тѣ и другіе ненавидѣли бонапартистовъ. Что возстановленіе монархіи, при такихъ условіяхъ, было крайне

трудно или прямо немыслимо — это съ самаго начала понялъ Тьеръ. Всѣ усилія его, какъ главы управленія, были направлены къ тому, чтобы прочно основать единственный тогда возможный — республиканскій строй. Этого не могли ему простить монархисты, все еще не терявшіе надежды на побѣду: онъ былъ низвергнутъ (май 1873) и замѣненъ маршаломъ Макъ-Магономъ, задачей котораго, по мысли избравшаго его большинства, должна была служить подготовка путей къ возвращенію „законнаго" короля. Все менѣе и менѣе вѣроятнымъ, вслѣдствіе несокрушимаго упорства графа Шамбора, становилось, однако, достиженіе этого результата. Все больше и больше, въ то же время, таяло монархистское большинство; дополнительные выборы, за рѣдкими исключеніями, оканчивались торжествомъ республиканцевъ. Министерство герцога де-Броль, и въ первомъ, и во второмъ своемъ составѣ, потерпѣло рядъ неудачъ; его замѣнилъ слабый кабинетъ генерала Сиссэ, совершенно неспособный руководить собраніемъ. И все-таки, разсчитывая на авторитетъ маршала, опираясь на администрацію и на войско, монархисты продолжали считать себя господами положенія. Они старались продлить существованіе собранія, возставая противъ всякой попытки создать что-нибудь окончательное. Сломить это противодѣйствіе можно было только проведеніемъ черезъ собраніе такихъ конституціонныхъ законовъ, на почвѣ которыхъ могло бы совершаться мирное развитіе страны. Лѣвая сторона собранія, обнимавшая собою всѣхъ тѣхъ, кого, по терминологіи 1848-го года, можно было бы назвать „республиканцами вчерашняго дня" (républicains de la veille, въ противоположность républicains du lendemain), была для этого слишкомъ малочисленна. Всего ближе къ ней стоялъ лѣвый центръ, который, относясь къ республикѣ безъ всякаго энтузіазма, видѣлъ въ ней, подобно Тьеру, единственный выходъ изъ тягостной неопредѣленности. Соглашеніе между лѣвымъ центромъ и лѣвой не могло состояться, пока лѣвая — или, по крайней мѣрѣ, самая многочисленная ея группа, руководимая Гамбеттой (Union républicaine), — не хотѣла признавать за собраніемъ учредительную власть, т.-е. право установить конституцію. Это понялъ Гамбетта—и уже лѣтомъ 1874-го года убѣдилъ своихъ единомышленниковъ отказаться отъ прежней точки зрѣнія. Съ этихъ поръ лѣвая, за исключеніемъ крайнихъ, начинаетъ дѣйствовать заодно съ лѣвымъ центромъ. До побѣды все-таки было еще очень далеко; большинства не составляла лѣвая и вмѣстѣ съ лѣвымъ центромъ. Предложенія Казиміра Перье и Валлона, намѣчающія основные пункты будущей конституціи, отклоняются

собраніемъ (29 іюля 1874). Крайняя лѣвая, воздержавшаяся отъ голосованія, ликуетъ, восхваляя собственную мудрость. Гамбеттой овладѣваетъ уныніе, но только на время. Уже въ началѣ августа онъ произноситъ рѣчь, въ которой еще разъ высказываетъ свою вѣру въ неотвратимость побѣды демократическаго принципа. Въ январѣ 1875-го года, послѣ возобновленія засѣданій собранія, на первый планъ выдвигается мысль о верхней палатѣ. Отвергаемая правовѣрнымъ республиканскимъ ученіемъ, она сначала не встрѣчаетъ сочувствія даже со стороны Гамбетты, но дальнѣйшій ходъ дѣла убѣждаетъ его въ необходимости уступокъ. Формулѣ Вантавона (одного изъ правыхъ), намѣренно неясной, умалчивающей о республикѣ, лѣвый центръ, въ лицѣ Лабулэ, противопоставляетъ другую: „правительство *республики* состоитъ изъ двухъ палатъ и президента". Рѣчь Лабулэ, взывающаго къ патріотизму, увлекаетъ собраніе: можно думать, что дѣло выиграно. Въ эту минуту, къ крайнему неудовольствію большинства лѣвыхъ, проситъ слова Л. Бланъ; онъ объявляетъ, отъ имени небольшой группы крайнихъ лѣвыхъ, что нельзя пускать на голоса существованіе республики, стоящее внѣ всякаго сомнѣнія и спора. Правая пользуется расхолаживающимъ впечатлѣніемъ этой рѣчи и проводитъ резолюцію объ отсрочкѣ голосованія. На другой день настроеніе оказывается существенно измѣнившимся: формула Лабулэ отклоняется большинствомъ 359 голосовъ противъ 336, хотя въ послѣднюю минуту крайніе лѣвые, уступая настояніямъ болѣе разсудительныхъ товарищей, согласились принять участіе въ голосованіи. Тотчасъ же вносится Валлономъ новая формула, повторяющая, въ другихъ выраженіяхъ, основную мысль Лабулэ, т.-е. подчеркивающая установленіе республиканскаго образа правленія. Отъ праваго центра отдѣляется небольшая группа (Леонса де-Лаверня), держащая въ своихъ рукахъ—по позднѣйшему выраженію Л. Блана — судьбу Франціи. Она вступаетъ въ переговоры съ лѣвымъ центромъ и съ лѣвой, соглашаясь подать голосъ за республику, если въ ея устройство будутъ внесены нѣкоторыя черты, свойственныя монархіи (напр. право президента досрочно распускать палату). Формула Валлона (30 января) принимается большинствомъ *одного голоса* (353 противъ 352); за нее вотируютъ, вмѣстѣ съ группой Лаверня, всѣ группы лѣвой (не исключая крайней) и весь лѣвый центръ, противъ нея—всѣ остальныя, кромѣ кружка Лаверня, группы правыхъ. Рѣшающее значеніе имѣли, такимъ образомъ, голоса, отколовшіеся отъ праваго центра. Нѣсколько дней спустя (2 февраля) предложеніе того же Валлона, ставящее роспускъ

палаты въ зависимость не отъ одного только президента республики (какъ предлагали правые), но и отъ сената, принимается большинствомъ 425 голосовъ противъ 243. Таковъ былъ результатъ перваго успѣха! Былъ, однако, моментъ, когда только что выигранное дѣло опять висѣло на волоскѣ. Незначительнымъ, случайнымъ большинствомъ собраніе, по предложенію Паскаля Дюпра, постановляетъ образовать сенатъ исключительно путемъ выборовъ [1]). Съ этимъ не могутъ примириться защитники полумѣръ—и собраніе, большинствомъ 368 противъ 345, рѣшаетъ не приступать къ третьему чтенію законопроекта. Возникаетъ мысль о парламентскомъ государственномъ переворотѣ, направленномъ къ усиленію личной власти маршала Макъ-Магона. Съ цѣлью предотвращенія этой опасности выдвигается новый планъ: предоставить избраніе 75 несмѣняемыхъ сенаторовъ не президенту республики, какъ предполагалось сначала, а національному собранію. На этой мысли, формулированной опять-таки Валлономъ, сходятся оба центра; ее одобряетъ, очень неохотно, маршалъ-президентъ. Все зависитъ теперь отъ лѣвыхъ, такъ какъ правые не хотятъ и слышать о проектированномъ соглашеніи. Послѣ долгихъ колебаній вся лѣвая, кромѣ крайнихъ, рѣшается принести ожидаемую отъ нея жертву. 422 голосами противъ 261 составъ сената утвержденъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ предложенъ Валлономъ (22 февраля). Три дня спустя почти такимъ же большинствомъ [2]) принятъ весь законъ, составляющій и до сихъ поръ конституціонную основу третьей республики.

Позднѣйшая исторія Франціи представляетъ немало примѣровъ временнаго союза между партіями, заключавшагося то съ цѣлью защиты противъ общаго врага (напр. противъ клерикально-реакціоннаго кабинета де-Броль, распустившаго въ 1877-мъ году палату депутатовъ), то съ цѣлью низверженія того или другого министерства. Особенно часто встрѣчаются союзы второго рода, совершенно эфемерные и свидѣтельствующіе только о „неустойчивомъ равновѣсіи", долго царившемъ въ политическомъ мірѣ Франціи. Создавшійся въ послѣднее время *блокъ* существенно отличенъ отъ коалиціи и потому не входитъ въ рамки настоящей статьи. Коалиція образуется для достиженія одной опредѣленной, ближайшей цѣли; назначеніе блока—обез-

---

[1]) Большинство собранія желало, чтобы рядомъ съ выборными сенаторами засѣдали сенаторы по праву и сенаторы по назначенію президентомъ республики.

[2]) Крайняя лѣвая, въ числѣ восьми членовъ, воздержалась отъ голосованія.

печить за представителями согласившихся между собою партій возможность продолжительнаго управленія страною.

Изъ приведенныхъ нами фактовъ нетрудно вывести нѣсколько общихъ заключеній. Чѣмъ глубже внутреннее различіе между элементами, входящими въ составъ коалиціи, тѣмъ больше ея успѣхъ зависитъ отъ простоты и опредѣленности задачи, которую она себѣ ставитъ, и отъ степени преобладанія въ этой задачѣ общаго надъ частнымъ и личнымъ. Въ англійской коалиціи 1742-го года настоящимъ связующимъ началомъ было не стремленіе къ ограниченію вліянія короля, на котораго готовы были опереться многіе изъ числа союзниковъ; не было у нея и рѣшимости уничтожить подкупъ, безъ котораго въ то время не умѣла обходиться ни одна партія, правящая страною. Соединяла торіевъ съ недовольными вигами, въ сущности, только общая ненависть къ Вальполю, какъ къ носителю власти, слишкомъ долго устранявшему отъ участія въ ея выгодахъ и почестяхъ всѣхъ желающихъ къ нимъ пріобщиться. Понятно, что съ паденіемъ Вальполя „друзья на часъ" должны были повернуться другъ къ другу спиною—и все должно было остаться по старому. Еще менѣе прочна была спайка между торіями и вигами, вошедшими въ составъ коалиціи 1783-го года. Девизомъ коалиціи было уменьшеніе антиконституціоннаго вліянія короля и королевскихъ друзей, но искренне преданными этому девизу были только чистые виги, лучшіе представители которыхъ—Фоксъ и Бёркъ—давно и упорно стремились именно къ поднятію власти и независимости палаты общинъ. Не могли сочувствовать имъ въ этомъ торіи, много лѣтъ сряду покорно исполнявшіе волю короля и готовые вновь возложить на себя только что снятое съ нихъ иго. Норта и его свиту бросила въ объятія Фокса мимолетная досада изъ-за потери власти. Невысокъ былъ и мотивъ, заставившій Питта отказаться отъ общенія съ близкимъ ему въ то время по духу Фоксомъ и предать забвенію свои преобразовательные планы; но Питтъ преодолѣлъ коалицію именно тѣмъ, что ни съ кѣмъ не заключилъ явно ненормальныхъ компромиссовъ и спокойно ждалъ возвращенія торіевъ въ лоно родственной имъ придворной атмосферы.

Французская коалиція 1838—39-го г. образовалась на почвѣ или, по крайней мѣрѣ, подъ флагомъ принципа; но для проведенія его въ жизнь необходима была продолжительная, упорная работа. Рѣчь шла не о томъ, чтобы сразу ввести въ хартію

новое опредѣленіе королевской власти, а о томъ, чтобы создать, безмолвно и постепенно, такія рамки, изъ которыхъ фактически не могли бы выходить проявленія королевской воли. Исполнить эту задачу могло только министерство, изо дня въ день единодушно проводящее тщательно составленный планъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, располагающее прочнымъ большинствомъ въ парламентѣ. Такого министерства коалиція образовать не могла; слишкомъ велики были разногласія между группами, изъ которыхъ она сложилась, слишкомъ давней и закоренѣлой была вражда между ея вождями, слишкомъ большую роль играли личные ихъ виды и чувства. Когда Гизо, нападая на придворную услужливость Моле, примѣнилъ къ нему слова Тацита: omnia serviliter pro dominatione, Моле отпарировалъ ударъ, напомнивъ, что у Тацита идетъ рѣчь не о придворныхъ, а о честолюбцахъ. Честолюбцами, дѣйствительно, были и Гизо, и Тьеръ, и Одилонъ-Барро—и если эта страсть объединила ихъ въ походѣ противъ Моле, то она же должна была разъединить ихъ послѣ побѣды.

Совершенно инымъ характеромъ отличается французская коалиція 1875-го года. Цѣль ея была какъ нельзя болѣе ясна и проста: нужно было заложить фундаментъ, на которомъ могло бы быть возведено зданіе французской республики. Союзъ различныхъ элементовъ требовался для этого очень кратковременный и вполнѣ опредѣленный; достигнувъ успѣха, союзники могли, безъ всякаго вреда для дѣла, разойтись въ разныя стороны. Не было и рѣчи о раздѣлѣ между ними власти: въ составъ министерства, при тогдашнихъ условіяхъ, могли войти только такіе участники соглашенія, которые не шли влѣво дальше лѣваго центра. Лѣвая очень хорошо понимала, что въ государственномъ строѣ, созидаемомъ отчасти ея руками, ей еще нескоро можетъ достаться властная роль; но изъ-за настоящаго она не забывала о будущемъ, изъ-за себя не забывала о странѣ. Крайнихъ лѣвыхъ въ національномъ собраніи было очень мало; свою „непримиримую“ политику они—можетъ-быть именно вслѣдствіе своей малочисленности—проводили не очень послѣдовательно и энергично. Сначала прямолинейно-принципіальные, возводящіе республику на степень догмата, они не хотѣли, чтобы священное для нихъ имя было произнесено нечистыми устами; но потомъ они склонились на убѣжденія болѣе умѣренныхъ лѣвыхъ и способствовали благополучному окончанію кризиса. Если бы они подали голосъ противъ резолюціи Валлона или хотя бы воздержались отъ ея голосованія, рѣшительный моментъ былъ бы упущенъ, и странѣ предстояло бы либо продленіе безыменнаго режима, всюду

вносившаго неувѣренность и безпокойство, либо обращеніе къ грубой силѣ—сверху или снизу. Чрезвычайно велика, поэтому, заслуга Гамбетты, быстро оцѣнившаго значеніе лѣваго центра и уговорившаго республиканскій союзъ прекратить безплодное отрицаніе учредительной власти національнаго собранія. Нельзя не отдать справедливость и тѣмъ членамъ праваго центра, присоединеніе которыхъ къ коалиціи доставило ей побѣду. Они понимали, что идутъ въ разрѣзъ съ ближайшими интересами своей группы; но они видѣли всю опасность положенія, сознавали необходимость выхода изъ него — и съумѣли возвыситься надъ узкопартійной точкой зрѣнія.

Вотируя за формулу Перье, потомъ за формулу Валлона, лѣвые отступили отъ одного изъ устоевъ своей доктрины, отрицавшей двухпалатную систему. Еще большей жертвой съ ихъ стороны было согласіе на введеніе въ верхнюю палату несмѣняемыхъ членовъ, избираемыхъ національнымъ собраніемъ (а впослѣдствіи — самимъ сенатомъ). Стоило только лѣвымъ подать на этотъ разъ руку правымъ—и комбинація, съ такимъ трудомъ устроенная обоими центрами, пала бы сама собою. Положеніе дѣлъ было бы, въ этомъ случаѣ, точно такимъ, какимъ грозило отклоненіе формулы Валлона: все пришлось бы начинать вновь, съ значительно уменьшившимися шансами успѣха. Благоразуміе лѣвыхъ подсказало имъ образъ дѣйствій, вполнѣ оправданный послѣдующими событіями. Въ средѣ сенаторовъ, выбранныхъ національнымъ собраніемъ, оказалось, благодаря распрямъ между разными группами правыхъ, сравнительно мало противниковъ республики. Въ теченіе перваго трехлѣтія (1876—79) большинство въ сенатѣ, очень слабое, принадлежало консерваторамъ, вслѣдствіе чего и сталъ возможнымъ роспускъ, въ 1877-мъ году, палаты депутатовъ; но уже выборы 1879-го года наклонили вѣсы на сторону республиканцевъ, и сенатъ съ тѣхъ поръ ни разу не былъ опасенъ для республики. Въ 1884-мъ году рѣшено было прекратить выборъ несмѣняемыхъ (пожизненныхъ) сенаторовъ: осуществилось, съ небольшимъ запозданіемъ, именно то, чего требовала въ 1875-мъ году резолюція Паскаля Дюпра. Уступка, на которую тогда пошли лѣвые, сдѣлала возможнымъ основаніе республиканскаго строя—единственнаго, возможнаго въ тогдашней Франціи,—и не помѣшала дальнѣйшему его развитію.

Итакъ, отсутствіе личныхъ видовъ; существованіе общей цѣли, достаточно важной, чтобы заставить забыть о партійной розни— и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько достижимой, чтобы не требовать слишкомъ продолжительныхъ усилій; готовность къ необходимымъ

и неизбѣжнымъ уступкамъ; умѣнье пользоваться благопріятной минутой—вотъ главныя условія, при которыхъ возможенъ успѣхъ парламентской коалиціи. Пока остаются неосуществленными блага, одинаково цѣнныя для многихъ общественныхъ группъ, до тѣхъ поръ есть потребность въ соединеніи усилій, есть почва для временныхъ соглашеній.

К. Арсеньевъ.

ПАМЯТИ
И. С. ТУРГЕНЕВА

I.

У Н. Вагнера—Кота Мурлыки—есть сказка: „Колесо счастья". Въ одномъ мѣстѣ герой ея говоритъ: „Въ этотъ день я былъ на вершинѣ колеса счастья".

Эти слова я готова была повторить о себѣ въ одинъ изъ дней осени 1879 года. Мнѣ подали письмо изъ Петербурга со штемпелемъ „Вѣстника Европы", надписанное уже знакомымъ мнѣ почеркомъ.

Письмо было отъ М. М. Стасюлевича. Оно состояло всего изъ нѣсколькихъ строкъ. Съ рѣдкой внимательностью почтенный редакторъ извѣщалъ меня, что получилъ изъ Парижа отъ И. С. Тургенева отзывъ о моемъ только-что появившемся въ послѣдней книжкѣ журнала небольшомъ очеркѣ [1]). Думая сдѣлать мнѣ пріятное, Михаилъ Матвѣевичъ пересылалъ мнѣ самое подлинное письмо.

Я хорошо помню тогдашнее свое чувство: въ первую минуту мнѣ показалось, что это сонъ, что я брежу. Но листокъ почтовой бумаги былъ у меня въ рукахъ.

Помню чувство восторга, до боли сжавшее сердце. Не могло же это быть мистификаціей! Въ концѣ письма стояла подпись: Ив. Тургеневъ. Конецъ, какъ не имѣвшій отношенія ко мнѣ, былъ перечеркнутъ, а начало и середину занимали раз-

---

[1]) Этотъ очеркъ, озаглавленный: „Полоса", напечатанъ въ № 10 „Вѣстника Европы" за 1879 г.

сужденія о моемъ очеркѣ и необыкновенно благосклонный отзывъ о немъ.

Я читала и перечитывала письмо. Одна фраза въ немъ особенно приводила меня въ восхищеніе: „Кто *этотъ* Л. Н.?“ Никакія похвалы не доставили бы мнѣ такой радости, какъ этотъ вопросъ. Значитъ, вещь была написана такъ, что нельзя было узнать, что ее писала женщина.

Я мечтала о возможности увидѣть Тургенева. Его ждали въ Петербургѣ. Онъ писалъ о своемъ пріѣздѣ поэту Полонскому.

Кромѣ Я. П. Полонскаго, у насъ оказался еще и другой общій знакомый—Александръ Васильевичъ Топоровъ. Оба они обѣщали привести къ намъ Тургенева, какъ только онъ пріѣдетъ въ Петербургъ.

Чтобы понять въ полной мѣрѣ значеніе этого обѣщанія, нужно знать, чѣмъ былъ для насъ—людей того времени—Тургеневъ. Я знала нѣкоторыя изъ его произведеній наизусть, или по крайней мѣрѣ настолько, чтобы замѣтить малѣйшую неточность въ передачѣ или пропускъ при чтеніи. И это не только въ такихъ напоминающихъ стихотворенія въ прозѣ вещахъ, какъ эпилогъ изъ „Дворянскаго гнѣзда“, а и въ другихъ, менѣе знаменитыхъ, какъ напр. „Дымъ“.

Помню, мнѣ случилось слушать чтеніе извѣстной сцены послѣ объясненія между Ириной и Литвиновымъ. Читавшій дошелъ до словъ: ...„и роскошныя плечи, плечи молодой царицы, дышали свѣжестью и жаромъ...“ Чтецъ остановился на концѣ строчки, не замѣтивъ продолженія, а я не выдержала и закричала, возмущенная: „и жаромъ нѣги“. Нельзя такъ читать! Я не только помнила—я чувствовала, что такъ закончить фразу было нельзя. Это была бы не Тургеневская фраза.

Въ предисловіи къ своимъ „Poèmes en prose“ Бодлеръ писалъ: „Кого изъ насъ не посѣщало честолюбивое мечтаніе добиться чуда — прозы поэтической и музыкальной, безъ ритма и безъ риѳмъ, достаточно гибкой и довольно прихотливой для того, чтобы примѣниться къ лирическимъ волненіямъ души, къ мечтательнымъ порывамъ, къ движеніямъ совѣсти“...

Это мечтаніе, это чудо осуществилъ Тургеневъ.

Много лѣтъ прошло съ того времени, много было другихъ вліяній, но пониманіе красоты языка, красоты фразы, любовь къ этой красотѣ, къ музыкѣ рѣчи далъ людямъ нашего поколѣнія онъ.

Толстой своей поразительной силой изобразительности нерѣдко затмѣвалъ его. Послѣ описанія смерти Николая Левина,

измучивающаго читателей такъ, какъ будто бы они присутствовали при настоящей агоніи, кажется блѣднымъ и дѣланнымъ описаніе смерти Инсарова въ „Наканунѣ". „Прощай, моя бѣдная! Прощай, моя родина!" Едва ли такъ въ минуту смерти будетъ говорить умирающій человѣкъ. Но все же не Толстому, а Тургеневу дано было написать Лизу изъ „Дворянскаго гнѣзда", вмѣстѣ съ Пушкинскими Татьяной и „Капитанской дочкой" лучшее, что есть въ русской литературѣ. И не Толстой, а Тургеневъ изобразилъ Базарова и его смерть, единственную въ своемъ родѣ.

Крестьяне, простые люди, умѣютъ умирать и относятся къ смерти спокойно и просто. Въ литературѣ есть нѣсколько описаній такихъ смертей. Но Базаровъ—не простой человѣкъ; онъ гораздо сложнѣе, нежели хочетъ показать самъ, когда, разговаривая съ любимой женщиной, отрицаетъ значеніе искусства и всей изящной стороны жизни. И онъ встрѣчаетъ такъ внезапно обрушивающуюся на него смерть какъ сильный духомъ человѣкъ и выдерживаетъ мужественно послѣднее испытаніе.

„Отцы и дѣти" появились, когда я еще не была въ состояніи слѣдить за литературными спорами; но мнѣ впослѣдствіи казались непостижимыми нападки на Тургенева и всѣ возникшія изъ-за Базарова недоразумѣнія.

По истинѣ можно сказать, что „книги имѣютъ свою судьбу"! Чего желали недовольные отъ писателя? Развѣ не ясно, что такой, какъ онъ есть, Базаровъ головой выше всѣхъ окружающихъ! И развѣ не поразительно, что именно онъ — Тургеневъ, котораго всѣ, начиная съ него самого, постоянно упрекали въ слабости и безхарактерности, могъ создать Базарова, этотъ образецъ настоящаго мужского характера, какихъ въ литературѣ, какъ и въ жизни, у насъ меньше всего!

II.

Я писала въ другомъ мѣстѣ, въ годовщину смерти Тургенева („Русск. Вѣд." № 239, 1884 г.), о своемъ знакомствѣ съ нимъ и не хочу повторяться теперь. Къ тому же у меня мало сохранились въ памяти подробности именно этого перваго свиданія. Слишкомъ сильно было тогда возбужденное имъ волненіе.

Онъ пріѣхалъ и сидѣлъ въ нашей гостиной. Мы говорили о Флоберѣ, о литературѣ, и условились свидѣться на другой день

въ домѣ Я. П. Полонскаго. За мною долженъ былъ пріѣхать, чтобы отвезти меня туда, Топоровъ.

Этотъ наперсникъ Тургенева за послѣдніе годы его жизни въ Петербургѣ заслуживаетъ, чтобы о немъ сказать нѣсколько подробнѣе. Въ свое время онъ былъ лицомъ довольно извѣстнымъ въ литературныхъ кружкахъ Петербурга, не смотря на свое скромное положеніе. По профессіи Александръ Васильевичъ Топоровъ былъ придворный зубной врачъ, никогда, кажется, не занимавшійся зубоврачеваніемъ. Это не мѣшало ему имѣть казенную квартиру въ дворцовомъ вѣдомствѣ, а служилъ онъ, кажется, въ какомъ-то коммерческомъ обществѣ. Впрочемъ настоящей своей профессіей онъ сдѣлалъ служеніе знаменитостямъ, главнымъ образомъ литературнымъ. Это былъ настоящій Диккенсовскій типъ, трогательный по-своему и оригинальный. Служилъ онъ своимъ кумирамъ усердно, безкорыстно и не подобострастно. Вначалѣ предметомъ его поклоненія былъ В. А. Слѣпцовъ, для котораго онъ исполнялъ порученія, бралъ на себя устройство его литературныхъ вечеровъ и практическихъ дѣлъ, доставалъ для него деньги, когда въ нихъ случалась надобность.

Въ одной изъ петербургскихъ газетъ того времени былъ помѣщенъ стихотворный фельетонъ подъ названіемъ: „Невскій проспектъ". Помню изъ него двѣ строки:

...„проѣзжалъ Николай Алексѣичъ (Некрасовъ) въ коляскѣ.
„Тамъ Слѣпцовъ и его адъютантъ Топоровъ проходили нерѣдко"...

Умеръ Слѣпцовъ—и Топоровъ прикомандировался адъютантомъ къ Тургеневу, сталъ для него хлопотать, бѣгать, исполнять порученія. Познакомились они черезъ поэта Полонскаго, въ домѣ котораго Топоровъ былъ принятъ какъ свой. Съ нимъ не считались визитами, никто долгое время не зналъ, гдѣ и какъ онъ живетъ, и рѣдко кому, развѣ по какой-нибудь экстренной надобности, случалось попадать въ его квартиру. Квартира эта, по описаніямъ, была оригинальная: двѣ крошечныя комнаты помѣщались въ концѣ длиннаго, темнаго каменнаго корридора. Въ первой комнатѣ, съ окнами, напоминавшими бойницы, стѣны были всѣ увѣшаны засохшими вѣнками, цвѣточными и лавровыми, съ лентами и надписями, поднесенными въ разное время знаменитостямъ, при которыхъ онъ состоялъ.

Изъ своихъ комнатокъ Александръ Васильевичъ выходилъ на люди всегда чисто и хорошо одѣтый, всегда благодушный и довольный и готовый оказать услуги. У него была очень представительная наружность: высокій ростъ, широкія плечи—и только

голова была немного мала, да черты лица были мелкія и незначительныя.

Я любила на него смотрѣть, когда, во фракѣ и бѣломъ галстухѣ, съ моднымъ по тому времени низкимъ вырѣзомъ жилета, онъ проходилъ по ярко освѣщенной залѣ передъ началомъ какого-нибудь концерта или литературнаго вечера. Видъ у него былъ строгій и торжественный, а походка такая, что, казалось, можно было поставить по стакану воды на каждое плечо—и онъ не расплескалъ бы ни одной капли. И не смотря на это, онъ вездѣ поспѣвалъ, все налаживалъ и устроивалъ, оказывая немалыя услуги своимъ знаменитымъ и непрактичнымъ друзьямъ.

Въ назначенный вечеръ, аккуратно въ условленный часъ, Топоровъ пріѣхалъ за мной на Надеждинскую и повезъ на Фонтанку, гдѣ въ старомъ, непривѣтливомъ домѣ, наверху, во дворѣ, жили тогда Полонскіе, у которыхъ я и увидала его въ первый разъ.

Самъ поэтъ въ то время, какъ впрочемъ и до конца жизни, занималъ, какъ извѣстно, мѣсто цензора по иностранной литературѣ. Невольно вспоминается мнѣ при этомъ разсказъ о М. Е. Салтыковѣ, когда ему пришлось въ первый разъ попасть на квартиру къ цензору и застать его въ семейномъ кругу, за столомъ, подвязаннаго салфеткой передъ тарелкой супа. Салтыковъ долго повторялъ послѣ этого съ глубочайшимъ изумленіемъ:— „Цензоръ супъ ѣстъ! Нѣтъ, подумайте, каково—цензоръ супъ ѣстъ!“ По его словамъ онъ представлялъ себѣ до того цензора существомъ особой породы, которое можетъ... ну, живьемъ что ли глотать маленькихъ дѣтей. И вдругъ, какъ и всѣ... супъ ѣсть!

Жилище и семья Якова Петровича, не смотря на близость къ цензурѣ, сразу располагали къ себѣ и поколебали во мнѣ ходячее московское мнѣніе о негостепріимномъ и холодномъ Петербургѣ. Это была въ то время самая радушная, милая семья, въ которой чувствовалъ себя хорошо каждый, кто въ нее попадалъ, и гдѣ любило собираться по пятницамъ большое и разнообразное общество.

Эти пятницы еще ждутъ своего описателя; онѣ стоятъ того. Изъ литераторовъ я встрѣчала на нихъ Григоровича, Лѣскова, поэта Козлова, впослѣдствіи Мережковскаго и З. Гиппіусъ. Бывали и художники—Чижовъ, Рѣпинъ, и музыканты. Пріѣзжалъ и игралъ самъ Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ.

III.

Обѣщанный визитъ Тургенева, о которомъ гостепріимные хозяева оповѣстили своихъ знакомыхъ, собралъ, разумѣется, особенно много народа. Большая, немного низкая комната въ пятомъ этажѣ не была еще полна, когда мы вошли.

Едва я успѣла поздороваться съ хозяйкой, какъ Топоровъ увелъ меня въ кабинетъ, гдѣ курили и сидѣли мужчины, находя, что мнѣ, въ новомъ званіи литератора, нечего дѣлать въ гостиной съ дамами. Онъ всячески подчеркивалъ это мое отношеніе къ литературѣ. Въ то время это конечно нравилось мнѣ.

И все же, не смотря на литературу, мнѣ было неловко и страшно входить въ этотъ накуренный кабинетъ съ большимъ письменнымъ столомъ посрединѣ, тѣсно заставленный старинной, красивой мебелью. Мнѣ представили ближайшихъ ко мнѣ мужчинъ, и я сѣла на низкій диванъ недалеко отъ дверей, рядомъ со своимъ спутникомъ. Съ величайшимъ интересомъ я разглядывала собравшихся людей, изъ которыхъ многихъ видѣла въ первый разъ. Топоровъ зналъ всѣхъ и называлъ мнѣ ихъ имена.

Въ противоположномъ углу кабинета, у стола, шелъ оживленный разговоръ. Высокій сѣдой человѣкъ громко хохоталъ, часто откидывая назадъ голову и, какъ это нерѣдко бывало, шутилъ надъ добродушіемъ Якова Петровича. До меня донеслись слова:

— Полонскій непремѣнно откопаетъ себѣ новый талантъ и носится съ нимъ. Вотъ теперь какой-то у него Л. Н. Говорятъ, это женщина. Ну, если женщина, то навѣрное попадья. Ничего хорошаго! Какая-то нелѣпая полоса...

Мнѣ сдѣлалось страшно неловко: я краснѣла и не знала, что дѣлать—оставаться или уйти. Но сѣдого человѣка уже дергали за рукавъ, кивали въ мою сторону, и, спустя минуту, онъ самъ, какъ ни въ чемъ не бывало, направлялся ко мнѣ черезъ весь кабинетъ. Съ самымъ непринужденнымъ видомъ онъ поклонился, назвалъ себя и сѣлъ рядомъ со мной на диванъ.

Это былъ Григоровичъ, въ то время, не смотря на сѣдину, полный жизни, остроумія и веселости. Вѣроятно онъ не зналъ, что я слышала его послѣднія слова, а можетъ быть рѣшилъ сдѣлать видъ, что не знаетъ этого; но мнѣ было неловко и больно, когда онъ тутъ же сразу наговорилъ мнѣ множество любезныхъ

вещей по поводу моего злополучнаго очерка, не замѣчая или не желая замѣтить моего смущенія.

Оно, впрочемъ, продолжалось недолго. Я скоро простила двуличность своему собесѣднику. Онъ былъ до того заразительно веселъ и остроуменъ, что нельзя было не простить его и не смѣяться вмѣстѣ съ нимъ. Самыя неожиданныя сравненія такъ и сыпались у него, то и дѣло шутливо задѣвая кого-нибудь изъ присутствующихъ. Онъ увѣрялъ, что Полонскій по разсѣянности способенъ пойти собирать виноградъ съ Александровской колонны, что Топоровъ понимаетъ въ музыкѣ столько же, сколько слонъ въ лайковыхъ перчаткахъ...

Среди веселаго разговора я не замѣтила, какъ исчезъ Топоровъ, какъ ушелъ хозяинъ дома, и прошло уже довольно времени, когда ко мнѣ подошли И. и А. — молодые въ то время люди, часто бывавшіе въ домѣ Полонскихъ.

— Помилуйте, что же вы здѣсь сидите! Разумѣется, давно пріѣхалъ. Хотите видѣть мастита беллетриста, взирающа и глаголюща. На сей разъ самого себя превзошелъ.

Случилось почему-то такъ, что И. и А. съ перваго же появленія его недружелюбно отнеслись къ Ивану Сергѣевичу и все время не переставали придирчиво критиковать каждое его слово и движеніе.

Я вышла въ залу и не могла не подумать, какъ трудно вѣроятно вездѣ, а въ особенности у насъ въ Россіи чувствовать себя знаменитымъ человѣкомъ.

Не только не было ни малѣйшей важности, никакой позы въ томъ, какъ держалъ себя Тургеневъ—но мнѣ, на мой восторженный взглядъ, онъ показался именно какъ-то черезъ-чуръ, по стариковски простъ.

Онъ стоялъ, слегка сгорбившись, прислонясь спиной къ роялю, разговаривалъ съ незнакомыми мнѣ людьми и среди разговора—о ужасъ!—вынулъ изъ кармана большой пестрый фуляровый платокъ, точь въ точь такой, какіе вынимали актеры Малаго театра, когда играли въ пьесахъ Островскаго.

Это было уже слишкомъ! Я смотрѣла на него, и мнѣ такъ сильно хотѣлось, чтобы онъ былъ не такой, не старый, а молодой, стройный и красивый, онъ—авторъ „Призраковъ", и „Аси", и „Первой любви"...

Радость, когда онъ узналъ меня и привѣтливо подошелъ ко мнѣ, заглушила всѣ другія чувства. Онъ былъ хорошъ и такой, какой онъ былъ. Я была счастлива тѣмъ, что могла быть подлѣ него.

— Да, а вотъ вы бы посмотрѣли, какъ бы онъ отнесся къ вамъ, еслибы тутъ былъ баварскій король! — говорилъ мнѣ И. за длиннымъ чайнымъ столомъ, уставленнымъ тортами и блюдами съ бутербродами, по петербургскому обыкновенію.

Мы сидѣли далеко отъ Тургенева, и я сожалѣла, что не могу видѣть, какъ онъ пьетъ чай, какіе любитъ бутерброды, какъ смотритъ на свою прекрасную сосѣдку—жену Полонскаго.

— Вы знаете, вѣдь онъ у себя въ виллѣ въ Баденѣ принималъ королей.

— Я думаю, что не стала бы соперничать съ королями и примирилась бы съ тѣмъ, чтобы онъ былъ любезнѣе съ королевой, нежели со мной.

— У него бываютъ герцогини и короли, но у него нѣтъ достоинства, — строго замѣтилъ съ другой моей стороны А.—Говорятъ, что Віардо, когда бываетъ имъ недовольна, заставляетъ его надѣвать дурацкій колпакъ съ погремушками и ставитъ его въ уголъ, а когда онъ говоритъ по-русски, кричитъ на него: „Tourguenieff, assez de votre langue barbare!“

— Если это такъ, то это ужасно. Но какъ интересна должна быть женщина, ради которой можно все это переносить!

Какъ это бываетъ нерѣдко, jour fixe съ знаменитостью не былъ особенно удаченъ.

Столъ былъ слишкомъ длиненъ, и не могъ завязаться общій разговоръ. Тургеневъ былъ молчаливъ, не умѣлъ или не хотѣлъ привлечь къ себѣ общаго вниманія. Больше всѣхъ и громче всѣхъ говорилъ Григоровичъ, но его остроты и сравненія восхищали, кажется, главнымъ образомъ меня, какъ пріѣзжую. Остальные должно-быть привыкли къ нимъ и мало цѣнили ихъ.

IV.

Послѣ пятницы у Полонскихъ мы не видались нѣсколько времени. Я уже начинала опасаться, что Тургеневъ забылъ меня и безъ пріѣзда баварскаго короля, когда въ одно ненастное петербургское утро къ намъ пріѣхалъ Топоровъ и передалъ мнѣ просьбу Тургенева навѣстить его. Онъ былъ боленъ, и ему было запрещено выходить.

Во время его болѣзни я стала его видѣть такъ часто, какъ только могла, и какъ, разумѣется, мнѣ никогда не пришлось бы видѣться съ нимъ, еслибы онъ былъ здоровъ.

Болѣзнь была подагра, которою онъ и раньше страдалъ.

На этотъ разъ приступъ ея былъ особенно трудный и мучительный. Онъ лежалъ въ постели, къ нему ѣздили доктора.

Мы поднялись по чугунной лѣстницѣ въ третій этажъ дома на Малой Морской. Это были меблированныя комнаты.

Изъ раскрытыхъ дверей маленькой передней я увидѣла старинный диванъ и на немъ лежащаго большого человѣка съ знакомой сѣдой прекрасной головой, которая рѣзко выдѣлилась на темной обивкѣ дивана, когда онъ на встрѣчу намъ приподнялся.

Послѣ первыхъ же привѣтствій Топоровъ уѣхалъ за какими-то покупками. Это онъ заранѣе такъ рѣшилъ, находя, что вдвоемъ намъ легче будетъ разговориться.

Но разговоръ не налаживался. Я чувствовала себя стѣсненной и была ненаходчива. Тургеневъ былъ мраченъ. Онъ видимо страдалъ. Топоровъ не возвращался.

Не зная, что̀ придумать, я предложила почитать вслухъ газету и нечаянно уронила ее на коверъ между диваномъ и столомъ.

Тургеневъ потянулся за нею.

Я не успѣла предупредить его движеніе. Онъ сдѣлалъ себѣ больно и застоналъ.

И вдругъ все для меня перемѣнилось.

Поднимая газету, я въ первый разъ близко заглянула въ его лицо. Не авторъ „Дворянскаго гнѣзда", „Отцовъ и дѣтей", и пр. и пр., не знаменитый Тургеневъ въ эту минуту былъ передо мною, а просто старый, больной человѣкъ, которому было нехорошо и одиноко въ чужомъ городѣ, въ чужой мрачной комнатѣ, который усталъ лежать—и не газетами нужно было его занимать.

Намъ удалось придумать для него новую позу на диванѣ, съ подушкой за спиной; для ноги придвинутъ былъ мягкій стулъ, и въ новомъ положеніи боль понемногу стала утихать. Нужно было еще подложить что-нибудь подъ локоть, но огромная, тяжелая подушка оказалась въ такой заношенной, грязной наволочкѣ, что нельзя было не поразиться ея видомъ.

Попросивъ разрѣшенія, я позвонила. Вмѣсто лакея, вошелъ самъ хозяинъ—петербургскій нѣмецъ, толстый, въ коричневомъ пиджакѣ. Замѣчаніе относительно наволочекъ видимо смутило его. Онъ очень извинялся и прислалъ тотчасъ же горничную съ чистымъ бѣльемъ. Вдвоемъ съ нею мы быстро все перемѣнили и устроили, добыли скамеечку для здоровой ноги.

Вмѣстѣ съ дѣвушкой возвратившійся Топоровъ передвинулъ

по другому мебель въ комнатѣ. Я не могу теперь вспомнить, по какой причинѣ, но не было лампъ, и мы зажгли свѣчи въ канделябрахъ на каминѣ и на столѣ.

Топоровъ воодушевился и по нѣскольку разъ переставливалъ одну и ту же вещь въ комнатѣ, а Иванъ Сергѣевичъ въ темной, мягкой курткѣ, съ пледомъ на ногахъ, съ огромной подушкой въ чистой наволочкѣ подъ рукой, радуясь затихшей боли, благосклонно смотрѣлъ на нашу возню и давалъ также и свои указанія.

— Пыльныя занавѣски,—повторилъ онъ, улыбаясь.—Пыль, мнѣ кажется, такъ же свойственна занавѣскамъ, какъ роса травѣ. И какъ это вы могли замѣтить! А я вотъ недѣлю жилъ и не замѣчалъ. И мои въ Парижѣ навѣрное не замѣтили бы.

Топоровъ неодобрительно проворчалъ что-то про себя, а я прямо спросила:

— Кто не замѣтилъ бы, Иванъ Сергѣевичъ?

— Мои дамы,—отвѣчалъ онъ.—Вы знаете, я вѣдь въ Парижѣ живу не одинъ. Вокругъ меня цѣлая семья, съ которой я прожилъ уже болѣе тридцати лѣтъ, семья Віардо.

— Да, я слышала, — отвѣчала я, съ любопытствомъ приглядываясь къ нему и прислушиваясь къ тону, которымъ онъ говорилъ.

Раньше, во время его визита къ намъ и у Полонскихъ мы говорили о вопросахъ общихъ и отвлеченныхъ, говорили о литературѣ. Теперь онъ въ первый разъ заговорилъ о себѣ. Мнѣ непремѣнно хотѣлось продолжать разговоръ.

Подали самоваръ.

Топоровъ сталъ развертывать свертки и бумажные мѣшочки. Въ маленькой банкѣ было варенье изъ поляники, съ оригинальнымъ, немного затхлымъ запахомъ. По выраженію Тургенева, имъ могли бы угощать другъ друга египетскія муміи. Его особенно любилъ Иванъ Сергѣевичъ, и Топоровъ откуда-то его добывалъ.

За чаемъ я узнала, что семейство госпожи Віардо состояло изъ мужа, сына и трехъ дочерей. Старшую изъ дочерей, Луизу, я встрѣчала раньше за границей, но къ ней именно Иванъ Сергѣевичъ относился холодно и почти о ней не упоминалъ. За то о самой госпожѣ Віардо и двухъ ея другихъ дочеряхъ онъ говорилъ не иначе, какъ съ восторженной нѣжностью и преданностью.

Мнѣ захотѣлось видѣть ихъ фотографіи. Иванъ Сергѣевичъ тотчасъ же попросилъ Топорова принести портфель и досталъ

оттуда положенныя въ конвертъ три фотографическія карточки. Портретъ г-жи Віардо былъ и раньше знакомъ мнѣ. Это — некрасивое въ обычномъ смыслѣ, но очень интересное лицо южнаго типа, съ прекрасными черными глазами. На сценѣ, въ костюмѣ она должна была быть очень эффектной. Въ складѣ губъ, въ выраженіи глазъ, въ посадкѣ головы чувствовалась энергичная, сильная, властная натура. Такою именно изображалъ ее въ своихъ разсказахъ намъ и самъ Тургеневъ.

Меня поражало, какъ онъ охотно и легко говорилъ о своихъ отношеніяхъ къ Віардо. Первое время я очень стѣснялась и избѣгала этого разговора, но Тургеневъ самъ возвращался къ нему.

Обѣ дочери г-жи Віардо были красивѣе ея самой, и я очень восхищалась ихъ наружностью. — Ну вотъ, посмотрите внимательнѣе, — сказалъ Иванъ Сергѣевичъ, дотрогиваясь рукой до карточекъ, которыя я не переставала держать передъ собой. — Эти двѣ молодыя женщины... я люблю ихъ обѣихъ, но одну люблю очень, а другую люблю еще больше и больше всего на свѣтѣ. Угадаете ли вы — которую? Я молча поднесла къ нему карточку той, которая казалась мнѣ привлекательнѣе. Тургеневъ засмѣялся и кивнулъ головой. — Угадали! Это Маріанна, а ту, старшую, зовутъ Claudie. Тургеневъ продолжалъ говорить о нихъ, о ихъ необыкновенной музыкальности, прекрасныхъ голосахъ. Онъ съ удовольствіемъ пилъ чай съ свѣжимъ калачомъ и становился словоохотливѣе, разсказывая о „своихъ дамахъ", какъ онъ всегда ихъ называлъ. Топоровъ игралъ роль хозяина за столомъ, рѣзалъ хлѣбъ, подвигалъ масло, угощалъ вареньемъ, но съ первыхъ же словъ о семействѣ Віардо на лицѣ его установилось недовольное, какъ бы даже обиженное выраженіе, и — странное дѣло — то же остро-ревнивое чувство начинала чувствовать также и я.

Теперь я понимаю, что это было несправедливо: каждый человѣкъ имѣетъ право взять свое счастье тамъ, гдѣ находитъ его. Но тогда въ головѣ шевелились спутанныя мысли, вродѣ того, что: „вотъ нашъ Тургеневъ, нашъ любимый писатель и какія-то иностранки, ради которыхъ онъ не живетъ въ Россіи", и т. д.

И какъ это бываетъ иногда, можетъ-быть именно нашъ видъ, впечатлѣніе отъ его словъ, которое мы не съумѣли скрыть, подзадоривали Тургенева и заставляли его усиливать то, что онъ хотѣлъ сказать.

Въ то время „Новь" вышла еще недавно (написана въ 1876 г.), о ней еще продолжали говорить. Героиня ея была

названа въ честь Маріанны Віардо. Г-жа Віардо, по словамъ Тургенева, интересовалась его произведеніями, хотя несравненно менѣе, нежели романсами Чайковскаго. Ея мужъ — „mon ami, мой другъ Віардо", какъ онъ его называлъ—перевелъ нѣкоторыя изъ его вещей на французскій языкъ; молодое же поколѣніе совершенно не интересовалось его литературной дѣятельностью. И тѣмъ не менѣе, смотря на насъ оживившимися, ласковыми глазами, Тургеневъ какъ бы даже съ нѣкоторымъ упорствомъ продолжалъ говорить о своей привязанности ко всей семьѣ, интересы которой, по его словамъ, были ему дороже и ближе всякихъ другихъ интересовъ собственныхъ, общественныхъ и литературныхъ. Онъ увѣрялъ, что простое письмо съ извѣстіемъ о состояніи желудка маленькаго ребенка Claudie для него несравненно любопытнѣе самой сенсаціонной газетной или журнальной статьи.

— Не можетъ быть. Вы клевещете на себя, Иванъ Сергѣевичъ,—сказала я.

— Ничуть. Вы вѣдь совсѣмъ не знаете меня. Да вотъ вамъ примѣръ: предположимъ, что какимъ-нибудь образомъ мнѣ было бы предоставлено на выборъ: быть... ну, скажемъ—первымъ писателемъ не только въ Россіи, а въ цѣломъ мірѣ, но за то никогда больше не увидѣть ихъ (онъ поднялъ и обратилъ къ намъ карточки, зажатыя въ ладони). Или же наоборотъ: быть не мужемъ—нѣтъ, зачѣмъ!—а сторожемъ, дворникомъ у нихъ, еслибы онѣ уѣхали куда-нибудь... на островъ Вайгачъ или Колгуевъ,— я ни одной минуты не колебался бы въ выборѣ.

— Ну, вотъ еще! Выдумали!—съ неудовольствіемъ замѣтилъ Топоровъ.

— Нѣтъ, это не выдумка. А вамъ развѣ такъ не случалось полюбить?—обратился онъ ко мнѣ.—Никогда? Разскажите мнѣ вашъ первый романъ.

— „Первую любовь"—сказала я.

Но мнѣ не хотѣлось разсказывать. Мнѣ хотѣлось слушать. Я смотрѣла на него, слушала, и мнѣ становилось все больше и больше жаль этого бѣднаго, огромнаго, знаменитаго человѣка, у котораго была слава, было такъ много всего, и не было того, что было нужно ему повидимому болѣе всего другого.

— Слава—да... знаменитость—да... любимая дѣятельность...— задумчиво говорилъ Тургеневъ, поворачивая въ рукахъ старенькую черную табакерку съ облѣзшимъ лакомъ. — У меня, разумѣется, совершенно отдѣльное помѣщеніе въ Парижѣ... Бываютъ дни, когда я готовъ былъ бы отдать всю свою знаменитость за

то, чтобы вернуться въ свои пустыя комнаты и навѣрное застать тамъ кого-нибудь, кто сейчасъ бы замѣтилъ и спохватился, что меня нѣтъ, что я опаздываю, не возвращаюсь во-время. Но я могу пропасть на день, на два, и этого не замѣтитъ никто. Подумаютъ, что я отозванъ куда-нибудь. Жизнь бойко течетъ въ Парижѣ...

— Кто же виноватъ! — горячо отозвался Топоровъ:—женились бы, жена бы ждала.

V.

Я все надѣялась, что кто-нибудь непремѣнно пріѣдетъ изъ Парижа, и никакъ не могла представить себѣ, чтобы такой знаменитый человѣкъ, какъ Тургеневъ, могъ оказаться въ такомъ грустномъ и безпомощномъ положеніи, въ какомъ онъ былъ. Но, очевидно, такова участь одинокихъ людей. А онъ былъ одинокъ. За все время его болѣзни никто изъ семейства Віардо не собрался пріѣхать къ нему. Днемъ его навѣщали петербургскіе знакомые и друзья, приходили поклонники и поклонницы. Нерѣдко его большая и мрачная пріемная комната была полна народу. Пріѣзжали элегантныя дамы въ нарядныхъ туалетахъ, приходили курсистки и студенты.

Многолюдство утомляло больнаго; къ обѣденному часу всѣ обыкновенно расходились и по вечерамъ онъ оставался одинъ— и тутъ-то оказывалъ ему неоцѣнимыя услуги вѣрный Топоровъ. Онъ ухаживалъ за нимъ, какъ нянька, переводилъ его съ кровати на диванъ, бѣгалъ за лекарствомъ, сопровождалъ въ ванну.

Иногда заходилъ по вечерамъ кто-нибудь изъ друзей, всего чаще Полонскій, изрѣдка Григоровичъ; но еще чаще не было никого.

Для меня это были незабываемые вечера. Въ отношеніи ко мнѣ Тургенева было много доброты, которая трогала и радовала меня. И онъ радовался, когда я приходила. Это было такъ естественно: ему было такъ скучно. Часто я замѣчала его внимательный, разсматривающій взглядъ, и не любила этого взгляда. А онъ любилъ разсказывать что-нибудь и слѣдить за впечатлѣніемъ.

Въ моихъ воспоминаніяхъ въ годовщину его кончины я привела три его разсказа, записанные съ его словъ („Русскія Вѣдомости“ № 239, 1884 г.).

Разсказывалъ Тургеневъ удивительно, красиво и плавно, точно книгу читалъ. Я позволю себѣ привести эти разсказы, неизвѣстные, по всему вѣроятію, современнымъ читателямъ.

Музей.

Я былъ боленъ и лечился морскими купаньями въ Вентнорѣ—маленькомъ городкѣ на островѣ Уайтѣ.

Мѣстечко это не пользуется особой извѣстностью; публика мало посѣщаетъ его, да и нѣтъ въ немъ ничего такого, что могло бы привлекать ее туда.

Пологая и широкая полоса желто-бураго песку, образующаго морской берегъ, ничѣмъ не застроенный и лишенный растительности, стелется далеко за предѣлами города. Бутылочнаго цвѣта зеленыя волны,—холодныя, сѣверныя волны—добѣгаютъ съ приливомъ до черты однообразныхъ построекъ. Послѣ отлива на влажномъ, твердомъ пескѣ, покрытомъ прядями водорослей, видны выпрямленныя фигуры прогуливающихся англичанъ.

Впослѣдствіи я узналъ, что въ Вентнорѣ было также излюбленное мѣсто для общественныхъ гуляній. Это былъ такъ называемый „музей".

Изъ любопытства и отъ скуки я отправился взглянуть на него.

Мнѣ указали ветхое строеніе, небольшой сарай, въ которомъ—очевидно уже впослѣдствіи—несимметрично пробиты были узкія отверстія рѣдкихъ оконъ.

Человѣкъ съ ключомъ въ рукахъ, благообразный англичанинъ въ войлочной шляпѣ и сюртукѣ съ перламутровыми пуговицами, поджидая посѣтителей, сидѣлъ на скамейкѣ у входа въ „музей". Онъ съ достоинствомъ поклонился мнѣ, отперъ дверь и пригласилъ войти.

Я не сразу оглядѣлся, послѣ яркаго дневного свѣта, въ полутемнотѣ. Сарай походилъ внутри на наши риги, только съ настланнымъ дощатымъ, некрашеннымъ поломъ.

По стѣнамъ, на полу и на двухъ скамьяхъ развѣшаны и разставлены были диковинныя рѣдкости.

Большею частью это были все предметы, выброшенные на берегъ послѣ кораблекрушеній. Тутъ были обломки старинной утвари, разнообразной мебели, разбитой посуды. Окаменѣлости, морскія звѣзды и раковины симметрично разложены были на полу вдоль стѣнъ.

Большой, громоздкій предметъ въ дальнемъ углу невольно обратилъ на себя мое вниманіе. Я приблизился.

Передо мной была кормовая часть стариннаго, по нѣкоторымъ признакамъ итальянскаго судна. Изящно изогнутая, съ выдающеюся верхнею частью старинная галера живописно вырисовывалась въ мягкомъ, какъ бы вечернемъ освѣщеніи на фонѣ ближней бѣлой стѣны.

Разсмотрѣвъ пристальнѣе, я убѣдился, что по крайней мѣрѣ этотъ нумеръ музейныхъ рѣдкостей (онѣ всѣ были по нумерамъ) былъ несомнѣнно древняго происхожденія.

Постройка была такъ ветха, что, казалось, могла разсыпаться отъ малѣйшаго прикосновенія. Мыши и черви источили ее во всѣхъ направленіяхъ. Изкрасна-желтый, ржавый налетъ вѣковой плѣсени покрылъ истлѣвшее дерево. Въ одномъ мѣстѣ налетъ этотъ былъ не такъ густъ, и мнѣ почудились подъ нимъ едва виднѣвшіяся, полуистертыя черты.

Я пригнулся ближе и прочелъ надпись,—очевидно названіе корабля: „La Giovane Speranza"—„Молодая надежда".

Мнѣ понравился разсказъ, и Тургеневу было видимо пріятно мое восхищеніе. Онъ много смѣялся, между прочимъ, надъ моей боязнью привидѣній и увѣрялъ, что у привидѣній картонные носы и что стоитъ крикнуть на нихъ: У-у!—и они исчезнутъ.

Въ то время онъ рѣшительно отвергалъ все мистическое, а между тѣмъ такъ скоро пришлось встрѣтиться съ мистицизмомъ въ его же собственныхъ произведеніяхъ: въ „Кларѣ Миличъ" и въ „Пѣснѣ торжествующей любви".

Но уже и въ то время онъ охотно и много говорилъ... о свѣтопреставленіи. Я разсказывала ему, какъ моя няня ждала свѣтопреставленія каждую ночь, и я вмѣстѣ съ нею привыкла бояться и также ждать. А онъ разсказывалъ, какъ онъ воображаетъ себѣ свѣтопреставленіе. Я вспомнила эти разговоры, когда читала два стихотворенія въ прозѣ на эту тему.

Помню другой его разсказъ, изъ-за котораго у насъ вышелъ споръ. Для ясности приведу его, какъ онъ былъ у меня записанъ и напечатанъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ".

Прощаніе.

Это было давно, въ тѣ нынѣ прошедшія уже времена, когда въ русскихъ дворянскихъ нравахъ было ѣздить другъ къ другу

въ гости и гостить подолгу, по недѣлѣ, по двѣ, съ лошадьми, дѣтьми и домочадцами.

Однажды мнѣ случилось провести нѣсколько дней именно въ такомъ старинномъ, гостепріимномъ домѣ. Въ немъ собралось и проводило время все мѣстное общество. Было много молодежи, молодыхъ и красивыхъ женщинъ и дѣвушекъ. Всѣ отдавались безпечному веселью съ увлеченіемъ молодости. Удовольствія были просты и незатѣйливы: гулянье въ рощахъ, катанье на лодкѣ и домашнія игры по вечерамъ.

Среди женскихъ молодыхъ лицъ я невольнымъ образомъ обратилъ вниманіе на одно лицо: то была дѣвушка, также изъ пріѣзжихъ гостей, подруга юной хозяйки дома. Она не была ни привлекательнѣе, ни красивѣй другихъ, и я, можетъ быть, вовсе и не примѣтилъ бы ее, если бы не ея взглядъ—задумчивый и печальный взглядъ, который она не разъ останавливала на мнѣ внимательно и упорно.

Я чувствовалъ себя постоянно подъ вліяніемъ этого взгляда и не зналъ, что̀ сдѣлать, чтобы освободиться отъ него.

Я пробовалъ заговаривать съ нею. Она отвѣчала каждый разъ съ громкимъ, видимо ненатуральнымъ, дѣланнымъ смѣхомъ, и то, что̀ она говорила, не было ни значительно, ни интересно.

Наконецъ наступило время отъѣзда. Я уѣзжалъ вдвоемъ съ товарищемъ, сыномъ хозяевъ дома. Оба мы вышли уже на балконъ, и общество собралось туда, провожая насъ. Все было готово. Обмѣнявшись послѣдними рукопожатіями, мы спускались уже по лѣстницѣ, какъ вдругъ чей-то голосъ сверху окликнулъ меня.

Я обернулся. Опершись сложенными руками на перила балкона, въ разстояніи не болѣе аршина надъ моей головой, стояла она—черноглазая, смѣшливая дѣвушка.

Въ первую минуту я едва узналъ ее — такъ перемѣнилось ея лицо. Оно было покрыто смертельною блѣдностью; расширившіеся глаза блистали чуднымъ блескомъ, но все по прежнему улыбались нѣжныя, вздрагивающія губы, и тихо, не выдавая въ голосѣ волненія и не измѣняя тона, она произнесла:

— Возьмите меня... съ собой! Возьми меня.

— Но я... Я уѣзжаю... Куда же?..—пролепеталъ я.

Я былъ ошеломленъ.

— Возьми меня... отсюда. Навсегда!

Сложенныя руки ея внезапно распались, и она протянула ихъ передъ собой.

— Любезный другъ! Вы заставляете ожидать себя!—окликнулъ меня весело голосъ пріятеля внизу.

Я сбѣжалъ съ лѣстницы и черезъ минуту сидѣлъ уже въ экипажѣ. Лошади обогнули дворъ и поѣхали аллеей, какъ разъ мимо дома. Я поднялъ голову.

На балконѣ, съ безсильно повисшими руками, все такъ же стояла молодая женщина. Ея глаза еще разъ на мгновеніе остановили на мнѣ свой загадочный взоръ; укоризна почудилась мнѣ въ немъ, въ твердо сложенныхъ, поблѣднѣвшихъ губахъ...

Я успѣлъ разглядѣть, какъ кто-то тамъ же на балконѣ подошелъ къ ней и заговорилъ съ нею; она отвѣчала съ своимъ всегдашнимъ, неестественно громкимъ смѣхомъ.

Кругомъ также все засмѣялось и зашумѣло вдругъ. Смѣялись и мы, плавно катясь въ покойномъ экипажѣ по мягкой, пыльной дорогѣ; но тайное и непонятное мнѣ самому волненіе все время не покидало меня. Я не спрашивалъ себя: хорошо ли, худо ли сдѣлалъ я? Но образъ дѣвушки съ протянутыми руками, спустя много лѣтъ, все еще жилъ въ моемъ воображеніи.

Тургеневъ удивительно это разсказалъ, и я, конечно, не умѣла передать всей прелести разсказа.

Мнѣ было жаль дѣвушку съ протянутыми руками. Я такъ понимала ея чувство, это чувство женской безпомощности и покинутости, и желаніе удержать улетающее счастье. Пусть она обманывала себя, но ей казалось, что вотъ оно явилось къ ней хотя бы на мгновеніе, и вдругъ нѣтъ его. Уѣзжаетъ свободный любимый человѣкъ, гаснетъ мелькнувшій солнечный лучъ, а для нея настанутъ будни, долгіе будни, тѣ характерные, сѣрые будни прежняго безпросвѣтнаго женскаго существованія.

— Это было нельзя! Вы не должны были такъ ее оставлять!

Мнѣ показалось, будто Тургеневъ недоволенъ тѣмъ, что̀ я говорю.

— Да, но что̀ же я могъ сдѣлать, по-вашему?

— Сдѣлать ее счастливой. Все дѣло въ томъ, чтобы съумѣть дать счастье, хоть на одинъ день, но чтобы воспоминанія о немъ хватило бы потомъ на всю остальную жизнь. Вы больше не встрѣчали ее?

— Никогда.

— И не жалѣли о ней? Можетъ-быть она думала: хоть день, да мой.

— Нѣтъ. Я ее не любилъ. Для этого нужно быть Донъ-Жуаномъ. А какой же я Донъ-Жуанъ!

Играли ли женщины вообще большую роль въ жизни Тур-

генева? Одна женщина—да, но другія? Не могла же знаменитая иностранка, какъ ни исключительно богата была ея натура, одна заставить его пережить всѣ тѣ оттѣнки чувства, изображеніе которыхъ мы находимъ въ его романахъ. И съ кого-нибудь писалъ же онъ своихъ удивительныхъ русскихъ дѣвушекъ, своихъ героинь!

Помню, какъ Тургеневъ превосходно и съ увлеченіемъ разсказывалъ объ игрѣ Віардо въ „Пророкѣ" и въ „Жидовкѣ". Къ ней же, конечно, относится и его вдохновенное, знаменитое стихотвореніе въ прозѣ: „Стой!". Но не только нѣтъ нигдѣ ея портрета: ни одного близко похожаго характера, изображенія властной, сильной и въ то же время даровитой, артистической женской натуры мы не встрѣчаемъ въ его произведеніяхъ. Онъ какъ бы не дерзалъ касаться въ литературѣ лица слишкомъ близкаго для него въ жизни.

А между тѣмъ надежды на возможность перемѣны въ его судьбѣ, горячія, хоть и неосновательныя, возлагались не однимъ легкомысленнымъ Топоровымъ. Были случаи, когда, по словамъ его близкихъ друзей, что-то какъ будто бы и налаживалось.

Тургеневъ начиналъ заговаривать о томъ, чтобы подольше остаться въ Россіи, пожить у себя въ Спасскомъ. Молодыя и интересныя женщины гостили въ его деревенскомъ домѣ. Затѣвались общія литературныя предпріятія, начинались усовершенствованія по усадьбѣ и по школѣ...

Но достаточно было малѣйшаго подозрѣнія тамъ, въ Парижѣ, довольно было одного письма оттуда, изъ Les Frènes въ Буживалѣ, или изъ rue de Douai въ Парижѣ—и всѣ завязывавшіяся связи мгновенно разрывались, и Тургеневъ бросалъ все и летѣлъ туда, гдѣ была Віардо.

Въ его произведеніяхъ есть нѣсколько мѣстъ, съ описаніемъ того, какъ нѣчто подобное случается или можетъ случиться. Стоитъ вспомнить „Вешнія воды", „Переписку".

„Съ той самой минуты, какъ я увидѣлъ ее, съ той роковой минуты я принадлежалъ ей весь, вотъ какъ собака принадлежитъ своему хозяину... Любовь даже вовсе не чувство; она — болѣзнь, извѣстное состояніе души и тѣла; она не развивается постепенно; въ ней нельзя сомнѣваться, съ нею нельзя хитрить. Обыкновенно она овладѣваетъ человѣкомъ безъ спроса, внезапно, противъ его воли, ни дать ни взять холера или лихорадка... Подцѣпитъ его голубчика, какъ коршунъ цыпленка, и понесетъ его, куда угодно, какъ онъ тамъ ни бейся и ни упирайся. Въ любви нѣтъ равенства, нѣтъ такъ называемаго свободнаго соединенія душъ и прочихъ идеальностей, придуманныхъ на досугѣ нѣмецкими профессорами. Нѣтъ, въ любви одно лицо — рабъ, а другое—властелинъ, и не даромъ толкуютъ поэты о цѣпяхъ, налагаемыхъ лю-

бовью. Да, любовь—цѣпь и самая тяжелая. По крайней мѣрѣ я дошелъ до этого убѣжденія, и дошелъ до него путемъ опыта, купилъ это убѣжденіе цѣною жизни, потому что умираю рабомъ...“

Свое „рабство“ онъ самъ несъ покорно, но не безропотно. Безсильныя и часто горькія жалобы вырывались у него по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Въ этомъ сходятся почти всѣ воспоминанія о немъ.

Помню, какъ-то вечеромъ пришелъ навѣстить его Яковъ Петровичъ Полонскій, самъ на этотъ разъ также совсѣмъ больной. У него болѣли зубы, и голова была завязана голубой вязаной шолковой косынкой съ длинной бахромой. Эта бахрома, перепутавшись съ волосами и бородой, придавала необыкновенно забавный видъ его больному лицу, такъ что, не смотря на все сочувствіе, трудно было удержаться отъ улыбки.

Но Тургеневъ не улыбался.

Онъ смотрѣлъ съ серьезнымъ и грустнымъ видомъ и сказалъ:

— Вы смѣетесь, а знаете ли, что̀ я думаю? Я думаю, что вотъ эта косынка—женская косынка... И она дана и завязана была любящей рукой. Счастливъ тотъ, подлѣ кого есть такая рука. Не всякому отпущено это счастье судьбой.

— Человѣкъ своими руками творитъ свое счастье,—глубокомысленно замѣтилъ Топоровъ.

— Не всегда и не всякими руками можно это сдѣлать,—улыбаясь, сказалъ Тургеневъ.

Я знала, что онъ обращалъ особенное вниманіе на форму и красоту рукъ. Оказалось, что имѣетъ значеніе также и длина большого пальца на рукѣ. По его наблюденіямъ длинный палецъ былъ вѣрнымъ признакомъ силы характера. И говоря это, онъ добродушно показалъ свою большую, немного пухлую руку съ дѣйствительно необыкновенно короткимъ большимъ пальцемъ.

VI.

Главное содержаніе разговоровъ съ Тургеневымъ и самая большая для меня прелесть ихъ были, разумѣется, его разсужденія о литературѣ. Я наслаждалась бесѣдой съ человѣкомъ, для котораго, какъ и для меня, герои романовъ, выдуманные люди, были часто реальнѣе, интереснѣе и ближе настоящихъ людей.

Помню длинный разговоръ о томъ, въ какой мѣрѣ и какимъ путемъ художникъ можетъ пользоваться дѣйствительностью,

какъ матеріаломъ для своего литературнаго творчества. Тургеневъ разрѣшилъ этотъ вопросъ нагляднымъ примѣромъ, написавъ „Клару Миличъ“.

Я долго не знала, съ какой цѣлью онъ подробно и настойчиво распрашивалъ меня о моемъ знакомствѣ съ А., съ пѣвицей К. Тѣ же вопросы предлагалъ онъ также Ж. А. Полонской. А затѣмъ мы обѣ прочли прекрасную повѣсть—и узнавали и не узнавали свои разсказы въ художественномъ ихъ претвореніи.

Отъ литературы разговоръ нерѣдко переходилъ къ живописи и музыкѣ. Тургеневъ не раздѣлялъ моего пристрастія къ Ботичелли и Гвидо Рени, хотя соглашался, что и у того, и у другого есть хорошія вещи. Въ свою очередь онъ называлъ мнѣ свои любимыя картины; между ними я помню Юдиѳь Аллори. Восхищался онъ также французскими художниками—Милле, Коро и въ особенности Теодоромъ Руссо, одинъ изъ пейзажей котораго, по его словамъ, онъ даже пріобрѣлъ и помѣстилъ въ своей парижской квартирѣ.

Распрашивая меня какъ-то о моихъ впечатлѣніяхъ отъ петербургскаго Эрмитажа, онъ сказалъ съ той милой болтливостью, которая бывала у него иногда во время нашихъ вечернихъ разговоровъ:

— Я иногда представляю себѣ, что если бы мнѣ, положимъ, удалось оказать какую-нибудь необычайную услугу государю; онъ тогда призвалъ бы меня къ себѣ и сказалъ: „проси у меня, чего хочешь, хоть полъ-царства“. А я бы ему отвѣчалъ: ничего мнѣ не нужно; позвольте мнѣ взять только одну картину изъ Эрмитажа.

Я, разумѣется, заинтересовалась тѣмъ, какая это могла быть картина.

— Мадонна Мурильо? Della sedia?

Но Тургеневъ качалъ головой.

— Нѣтъ, не угадаете. Не мадонна, а есть тамъ одна Рембрандтовская картинка. Вы ее и не замѣтили вѣроятно. Она не бросается въ глаза. Стѣна, темный фонъ, раскрытая дверь, а въ дверяхъ дѣвочка стоитъ, въ рукахъ у нея метла. Стоитъ и смотритъ передъ собой. Больше ничего. Но какая сила жизни въ этомъ лицѣ! Да, вотъ это мастерство: съумѣть закрѣпить ее на полотнѣ. Это лучше всякихъ мадоннъ.

Теперь, когда я это пишу, мнѣ вспоминается извѣстное письмо Тургенева къ Віардо, какъ разъ подтверждающее эту же мысль (Ivan Tourguéneff, „Lettres à Madame Viardot“. Paris, 1907,

p. 49): „Ah, je ne puis pas souffrir le ciel,—mais la vie, la réalité, ses caprices, ses habitudes, sa beauté fugitive,—j'adore tout cela. Je suis attaché à sa glèbe, moi. Je préfererais contempler les mouvements précipités de la patte humide d'un canard, qui se gratte le derrière de la tête au bord d'une mare, ou les gouttes d'eau longues et étincelantes, tombant lentement du museau d'une vache immobile, qui vient de boire dans un étang, où elle est entrée jusqu'au genou, à tout ce que les chérubins (ces illustres faces volantes) peuvent apercevoir dans les cieux" [1]).

Гораздо болѣе чѣмъ живопись, мнѣ кажется, Тургеневъ любилъ и цѣнилъ музыку. Помню его восхищеніе Шуманомъ. Изъ русскихъ композиторовъ того времени онъ особенно высоко ставилъ Чайковскаго.

Вспоминается мнѣ одинъ нашъ разговоръ по поводу русскихъ пѣсенъ. Тургеневъ разсказывалъ, какъ ему случилось обѣдать съ англичанами въ большомъ обществѣ въ Лондонѣ. Среди присутствовавшихъ находился Теккерей.

Разговоръ зашелъ о музыкѣ, о народныхъ пѣсняхъ. Теккерей сказалъ, что не имѣетъ понятія о русскихъ пѣсняхъ, и выразилъ желаніе послушать ихъ.

Я не могу вспомнить теперь, кому пришлось исполнить это желаніе знаменитаго писателя—самому ли Ивану Сергѣевичу, или тутъ былъ еще кто-нибудь изъ русскихъ, который спѣлъ пѣсню; но эффектъ пѣнія получился совершенно неожиданный для меня.

Пѣсня была выбрана прекрасная, старинная, извѣстная „Лучинушка".

Теккерей не дослушалъ ее до конца, повалился на диванъ и началъ хохотать такъ, что весь его большой животъ колыхался отъ хохота.

— Что же могло ему показаться такимъ смѣшнымъ? Ну, а вы что же сдѣлали?—спросила я.

— Что же я могъ сдѣлать!—возразилъ Тургеневъ.—Очевидно ему были настолько чужды эти звуки...

---

[1]) „Я не могу выносить неба, но жизнь, дѣйствительность, ея причудливость, ея случайности, привычное въ ней, ея измѣнчивая красота—все это я обожаю. Да, я привязанъ къ землѣ. Я бы предпочелъ созерцать торопливыя движенія влажной лапы утки, которою она на берегу лужи чешетъ себѣ затылокъ, или длинныя и сверкающія водяныя капли, медленно падающія съ морды коровы, неподвижно стоящей по колѣно въ пруду, изъ котораго она только что пила,—всему тому, что херувимы (эти знаменитыя головы съ крыльями) могутъ узрѣть въ небесахъ..."

— Я боюсь, что не удержалась бы и воткнула бы ему вилку въ его колыхавшійся животъ,—сказала я, сильно взволнованная разсказомъ, и, замѣтивъ неблагопріятное впечатлѣніе моихъ словъ на Тургенева, разсказала въ свое оправданіе, какъ мнѣ пришлось слушать исполненіе японскихъ пѣсенъ.

Это было въ семьѣ Льва Ильича Мечникова, эмигранта, брата знаменитаго профессора. Онъ сотрудничалъ въ „Отечественныхъ Запискахъ" и „Дѣлѣ", подъ псевдонимами Леона Бранди и Эмиля Денегри, и написалъ извѣстную книгу: „La civilisation et les grands fleuves historiques".

Въ то время Мечниковы жили въ Женевѣ, и я — вмѣстѣ съ ними. Левъ Ильичъ изучалъ японскій языкъ, приготовляясь къ путешествію въ Японію. Учителя и ученики японцы бывали у него и завтракали съ нами каждый день. Между ними былъ О-Яма—повидимому, по всѣмъ разсчетамъ и соображеніямъ, тотъ самый, который прославился въ послѣднюю войну.

Тогда это былъ скромный молодой японецъ, изысканно вѣжливый, не очень свободно объяснявшійся по-французски и отчасти поэтому, отчасти по своимъ манерамъ и наружности возбуждавшій иногда неудержимую веселость въ младшихъ членахъ семьи, между которыми была въ то время и я.

И вотъ мы обратились какъ-то разъ къ m-r О-Яма съ просьбой познакомить насъ съ японскими пѣснями и спѣть намъ какую-нибудь. Онъ долго отказывался; мы приставали и настаивали. Онъ согласился наконецъ и запѣлъ.

Но, Боже, что̀ это было! Тонкимъ голосомъ онъ затянулъ однообразный мотивъ изъ двухъ нотъ съ какими-то особенными придыханіями.

Я чувствовала, какъ все задрожало отъ смѣха у меня внутри, знала, что то же самое навѣрное испытывали вокругъ меня и другіе, но по счастью во̀-время подняла глаза и взглянула на японца.

Передъ нами было такое серьезное, такое глубоко страдающее лицо; такой страхъ былъ на этомъ лицѣ передъ возможностью непониманія и несочувствія къ тому, что̀ было, очевидно, безконечно дорого для него, что у всѣхъ мгновенно пропалъ всякій смѣхъ, и пѣсня была уже спокойно дослушана до конца.

VII.

Обстоятельства сложились такъ, что мнѣ пришлось уѣхать изъ Петербурга раньше Тургенева и не дождаться его полнаго выздоровленія. Онъ могъ уже ходить по комнатѣ, но еще не начиналъ выѣзжать, главнымъ образомъ благодаря высокой лѣстницѣ.

Прощаясь съ нимъ, по его просьбѣ я оставила ему свой адресъ. Я мало надѣялась на то, что онъ будетъ мнѣ писать. Но я ошиблась. Первое письмо я получила еще въ Твери, гдѣ остановилась передъ возвращеніемъ въ Москву.

С.-Петербургъ. На углу Малой Морской и Невскаго д. 11, кварт. 10. Четвергъ 21 Февр. 80.

„Любезнѣйшая Л. Ф. Я всѣ эти дни собирался къ вамъ писать, но рѣшительно не могъ улучить минуту свободнаго времени: съ тѣхъ поръ какъ я сталъ выѣзжать, я точно въ круговоротъ попалъ. А мнѣ очень хотѣлось бы узнать, благополучно ли Вы добрались до Твери и какъ Ваше здоровье и принялись ли Вы за работу. Черкните словечко. Мнѣ не нужно увѣрять Васъ, что мое знакомство съ Вами оставило во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія—и что отнынѣ на свѣтѣ стало однимъ человѣкомъ больше, который внимательными и дружелюбными глазами будетъ слѣдить за Вашей жизнью и Вашей дѣятельностью.

„Я поручилъ пріятелю Топорову отправить къ Вамъ завтра одинъ полный экземпляръ моихъ сочиненій. Онъ Вамъ кланяется, а я прошу принять увѣреніе въ искреннемъ моемъ уваженіи и пріязни. Преданный Вамъ Ив. Тургеневъ“.

Въ скоромъ времени я получила дорогой подарокъ, къ сожалѣнію—въ неудачномъ Салаевскомъ изданіи, плохо прокорректированномъ, съ большимъ количествомъ ошибокъ и опечатокъ.

На первой страницѣ рукою Тургенева было написано:

„Л. Ф. Л—ой отъ И. С. Тургенева.

„Начинающему писателю отъ кончившаго съ самыми искренними напутственными пожеланіями“.

Но до конца въ то время было по счастію еще далеко. Еще долженъ былъ появиться цѣлый рядъ новыхъ произведеній: „Старые

портреты", „Отчаянный", „Клара Миличъ", „Стихотворенія въ прозѣ" и „Пѣснь торжествующей любви".

Слѣдующее письмо въ отвѣтъ на мое пришло все еще изъ Петербурга.

С.-Петербургъ. На углу Малой Морской и Невскаго, д. 11, кв. 20. Пятница 11 апрѣля 80.

„Любезнѣйшая Л. Ф., начинаю съ извиненія, что не тотчасъ отвѣтилъ Вамъ — дѣлъ было много, да и прихворнулъ. Ваше письмо застало меня еще здѣсь—такъ какъ отъѣздъ въ Москву пришлось отложить;—я отправлюсь туда во вторникъ. Мнѣ очень было пріятно узнать, что Вамъ хорошо живется и что вы работаете. — Что же касается совѣтовъ, которые Вы отъ меня ждете, то мнѣ кажется, что всѣ затрудненія, съ которыми Вы считаете нужнымъ бороться, чисто внѣшнія и не представляютъ важности. Есть англійская поговорка: какъ хочешь назови розу, лишь бы она хорошо пахла. Раздѣленіе на главы и даже тире въ самыхъ главахъ, названіе части частью или прологомъ — на всемъ этомъ, говоря откровенно, останавливаться не стоитъ. Важнѣе то, чтобы отдѣльныя части романа, особенно біографическаго—имѣли бы между собой соотвѣтственную соразмѣрность; но Вы, помнится, хотѣли обратить особенное вниманіе на это обстоятельство. Форма же можетъ перейти изъ описательной въ болѣе драматическую (или разговорную) безъ ущерба для общаго впечатлѣнія—особенно если эта перемѣна обусловливается самимъ содержаніемъ. Вамъ предстоитъ при совершеніи Вашего труда бороться со столькими дѣйствительными затрудненіями, что Вамъ нечего еще прибавлять себѣ фиктивныя.

„Ваши „Письма" явятся въ Майской книжкѣ. С. продолжаетъ находить ихъ прекрасными.

„Вы напрасно извиняетесь въ томъ, что нѣсколько строго отнеслись къ моимъ „Призракамъ", тѣмъ болѣе, что Вы вѣроятно правы. Покойный В. П. Боткинъ (хорошій судья) величалъ ихъ пухлыми; шероховаты они во всякомъ случаѣ.

„Топоровъ Вамъ кланяется. А... я какъ-то видѣлъ у Полонскаго; очень онъ мнѣ показался пыленъ.

„Желаю Вамъ всего хорошаго, начиная разумѣется со здоровья, и дружески жму Вамъ руку. Преданный Вамъ Ив. Тургеневъ".

Помню, въ то время и впослѣдствіи меня поражали неутомимое вниманіе и серьезность, съ которыми относился Тургеневъ къ разговорамъ о литературной работѣ, къ рукописямъ и

къ литературнымъ планамъ самыхъ наивныхъ и неопытныхъ начинающихъ писателей. Онъ не любилъ слова „писательница“ и говорилъ, одинаково относя къ женщинѣ или къ мужчинѣ, что есть „писатель“ и у каждаго есть муза.

Необычайно высоко ставилъ онъ поэтическій даръ, способность къ стихотворной формѣ. По этому поводу мы какъ-то слышали отъ него небольшой разсказъ — стихотвореніе въ прозѣ. Я записала его, и оно уже было напечатано мною въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“. Оно такъ напоминаетъ Тургенева, что я позволяю себѣ привести его еще разъ.

Поцѣлуй.

Я шелъ въ лѣтній полдень по извилистой тропинкѣ въ лѣсу.

Лѣсъ былъ чистый и молодой, русскій лѣсъ со смѣшанными породами деревьевъ. Бѣлоствольная раскидистая береза мѣшалась съ низкорослой, какъ шкурка змѣи сѣро-зеленой осиной. Коегдѣ на полянахъ и по опушкамъ росли молодые дубки; выдавались темными пятнами печальныя въ лѣтнюю пору, съ низкоопущенными вѣтвями ели.

День былъ ясный и жаркій; но сквозь густую чащу вѣтвей не видать было солнца, и только внизу, на пушистой травѣ, двигались, играли и переливались свѣтлые и темные кружки.

Я слѣдилъ за ихъ прихотливой игрой, какъ вдругъ сплошная человѣческая тѣнь надвинулась откуда-то, легла и заняла пространство передо мной.

Я вздрогнулъ и обернулся. Я былъ не одинъ въ лѣсу.

Въ двухъ шагахъ отъ меня, стройно и легко, не касаясь травы, двигалась женская фигура.

Я остановился. Женщина приблизилась и также встала передо мной. Однимъ быстрымъ взглядомъ я успѣлъ уловить черты божественнаго лица, очертанія дивнаго тѣла, сквозившаго въ легкихъ тканяхъ волнистой одежды. Она была прекрасна и молода; но я не зналъ, кто была она.

Вдругъ она сдѣлала движеніе и, слегка склоняясь надо мной, поцѣловала меня въ лобъ.

Я затрепеталъ. Неизъяснимое волненіе поднялось, прерывая дыханіе, потрясая меня разомъ всего. Я протянулъ руки. Я желалъ продлить ощущеніе, блаженнымъ трепетомъ разлившееся во всемъ моемъ существѣ. Я поднялъ голову... Но никого уже не было подлѣ меня.

Она шла все такъ же стройно и легко, по прежнему не касаясь земли. Сзади у нея почудились мнѣ два крыла — небольшія и прозрачныя. Это они-то и помогали ей нестись такъ легко.

Я рванулся впередъ, вслѣдъ за ней, громкимъ голосомъ призывая ее. Я желалъ, чтобы она поцѣловала меня въ уста, „поцѣлуемъ устъ своихъ“...

Но напрасно я звалъ и бѣжалъ вслѣдъ за ней. Она отдалялась все дальше и дальше.

И въ то время, какъ я тщетно преслѣдовалъ ее, я увидѣлъ въ лѣсу, въ недалекомъ разстояніи отъ себя, другого человѣка. То былъ юноша, почти отрокъ. Онъ шелъ беззаботной поступью, поднявъ слегка вверхъ кудрявую, красивую голову. Безпечно и весело смотрѣли передъ собою вдохновенные глаза и улыбались румяныя, полныя, слегка опушенныя губы.

Я видѣлъ, какъ женщина остановилась подлѣ него, какъ быстрымъ движеніемъ всколыхнулись и откинулись назадъ разсыпавшіяся его кудри, и она поцѣловала его прямо въ алыя, раскрывшіяся губы...

И я понялъ внезапно, кто была женщина. Я понялъ также и то, кто былъ отрокъ.

Да, это была она — муза, вдохновительница поэта. Ея поцѣлуй я чувствовалъ на своемъ челѣ, холодный и неполный поцѣлуй...

Такимъ поцѣлуемъ, неполнымъ даромъ вдохновенія, даритъ она насъ, поэтовъ-прозаиковъ, и бережетъ свои поцѣлуи и ласки ему, безпечному, вдохновенному пѣвцу-стихотворцу.

Была ли причиной этому близость открытія памятника Пушкину, или необыкновенная любовь къ нему Тургенева, но мы всего чаще говорили съ нимъ о Пушкинѣ. Мы оба многое знали изъ него наизусть, и Иванъ Сергѣевичъ заставлялъ меня произносить цѣлыя главы изъ „Евгенія Онѣгина“.

Помню, какъ на строфѣ:

...съ какимъ тяжелымъ умиленьемъ
Я наслаждаюсь дуновеньемъ
Въ лицо мнѣ вѣющей весны,—

онъ меня остановилъ и сказалъ:

— Замѣтили ли вы это выраженіе: „съ какимъ тяжелымъ умиленьемъ“?—А! Понимаете ли вы, какъ это сказано? Я далъ бы

себѣ отрѣзать по мизинцу на каждой рукѣ за то, чтобы съумѣть такъ сказать. Вотъ что нужно изучать, учить наизусть, стихи и прозу. Вотъ вамъ образецъ!

Рядомъ съ исключительнымъ преклоненіемъ у Тургенева были и исключительныя антипатіи. Одною изъ нихъ былъ Гончаровъ. Онъ не любилъ его, какъ человѣка и какъ писателя; самая наружность Гончарова не нравилась ему. Тургеневъ упоминаетъ о немъ въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ, самомъ замѣчательномъ изъ всѣхъ, которыя я получила отъ него. Я рѣшаюсь привести это письмо вслѣдствіе его литературнаго интереса, не смотря на все преувеличенно лестное въ немъ по отношенію ко мнѣ.

С. Спасское-Лутовиново (Орловской губ., въ г. Мценскъ).
Середа 14-го мая 1880 года.

„Любезнѣйшая Л. Ф.

„Я здѣсь въ деревнѣ прочелъ ваши „письма изъ Феодосіи". Они написаны отличнымъ языкомъ, С. отъ нихъ въ восторгѣ, публикѣ они несомнѣнно понравятся, но я вамъ рѣшаюсь сказать: „никогда такъ больше не пишите". Да вы ужъ перестали такъ писать, судя по серединѣ „Полосы" и первымъ главамъ вашего романа. У васъ живой, оригинальный талантъ, а это все въ манерѣ Гончарова — тотъ же профессорскій образцовый стиль, таже скромная и сдержанная, но сознательная виртуозность, тоже постоянное присутствіе какого-то грустно улыбающагося мудреца уже сѣдого, но увѣнчаннаго розами, тонкаго знатока и рессурсовъ языка, и человѣческихъ сердецъ, который въ сущности занятъ только однимъ элегантнымъ разрисовываніемъ умныхъ общихъ мѣстъ; тѣ же излюбленныя, сто разъ повторенныя словечки и въ концѣ концовъ тотъ же леденящій холодъ. Я чуть не взвылъ, когда въ 20-ый разъ прочелъ это „laisser agir les éléments". Вы Марія, не превращайтесь въ Марфу, которая печется о многомъ. Пишите горячо, просто, страстно и серьезно... все остальное приложится вамъ. Пишите, а не описывайте, какъ бы поэтично у васъ ни выходило. Всякое описаніе напоминаетъ объ авторѣ... а этого нужно избѣгать пуще всего.

„Извините рѣзкость моихъ выраженій. Вы въ ней должны усмотрѣть ту искреннюю симпатію, которую внушаютъ мнѣ и ваша личность и вашъ талантъ. Вы не Гёте, а я не Меркъ, но мнѣ хочется повторить вамъ то, что онъ сказалъ автору Фауста по поводу его Стеллы: „Solchen Quark darfst du mir künftig nicht mehr schreiben. Das können die Anderen auch".

„Пріѣдете ли вы въ Москву на Пушкинскіе праздники? Очень былъ бы радъ свидѣться съ вами. Я въ Москвѣ остановлюсь у Маслова на Пречистенскомъ бульварѣ, въ Удѣльной Конторѣ.

„Крѣпко жму вамъ руку и остаюсь преданный вамъ Ив. Тургеневъ".

Это письмо своей рѣзкостью привело меня въ умиленіе. Оно многое объяснило мнѣ разъ навсегда, на всю жизнь.

VIII.

Я радостно встрѣтилась съ Иваномъ Сергѣевичемъ въ Москвѣ во время Пушкинскихъ праздниковъ. Мы видѣлись нѣсколько разъ, но то были короткія свиданія. Время сплошь уходило все на собранія, чтенія и торжественныя засѣданія „Общества Любителей Россійской Словесности", посвященныя Пушкину.

Тургеневъ съ обычной для него добротой исполнилъ мою просьбу, досталъ и прислалъ мнѣ два билета, съ письмомъ.

Позднѣе я получила билеты и на открытіе памятника и видѣла, какъ Иванъ Сергѣевичъ исполнилъ свое завѣтное желаніе и самъ, своими руками, положилъ свой вѣнокъ къ подножію памятника. Видъ сѣдого, почтеннаго человѣка, съ открытой головой пробиравшагося впередъ съ вѣнкомъ въ рукахъ, возбудилъ всеобщее вниманіе и сочувствіе, но изъ близъ стоявшихъ въ ту минуту никто не узналъ его.

Молодой малый въ русскомъ платьѣ принялъ Тургенева за служителя Пушкина, а чествуемаго поэта считалъ „важнымъ генераломъ", не зналъ, по какому случаю ему ставятъ памятникъ, и остался совершенно равнодушенъ къ полученному объясненію.

Рѣчь Тургенева въ засѣданіи „Общества Любителей Россійской Словесности" была превосходно произнесена, ей много апплодировали, но понравилась она по содержанію своему далеко не всѣмъ и по впечатлѣнію ее нельзя и сравнивать съ рѣчью Достоевскаго. Приведу небольшое шуточное стихотвореніе, написанное по этому поводу даровитой, нынѣ уже покойной писательницей, Ольгой Андреевной Голохвастовой.

Въ рѣчи длинной, тонкой, мѣткой
Намъ Тургеневъ сообщилъ,
Что хорошею отмѣткой
Мериме, сей критикъ рѣдкій,
Геній Пушкина почтилъ.

Но чтобъ намъ не возгордиться,
О себѣ не возмечтать,
Поспѣшилъ оговориться,
Что не слѣдъ намъ торопиться
Пушкина великимъ звать.
Не великъ ужъ, не народенъ
Нашъ развѣнчанный поэтъ,
Мериме хоть онъ угоденъ
И для русскихъ превосходенъ,
Что-жъ, объ этомъ рѣчи нѣтъ,
Но Европѣ просвѣщенной
Гдѣ же Пушкина читать!
Будетъ съ насъ, и тѣмъ польщены,
Что Віардо-мъ переведенный
Самъ Тургеневъ ей подъ стать.

Après la découverte de l'Amérique, mais avant la découverte des Russes par les Français.

Разумѣется, въ этой шуткѣ все преувеличено, но она все же выражаетъ впечатлѣніе, которое рѣчь Тургенева произвела на многихъ, главнымъ образомъ на извѣстную часть московскаго общества.

— Москва всегда была враждебна мнѣ,—говорилъ мнѣ Тургеневъ. Слѣды этой враждебности сильно чувствуются въ дневникѣ Вѣры Сергѣевны Аксаковой, напечатанномъ въ „Минувшихъ Годахъ" за 1908 годъ. Но тамъ же помѣщены интересныя воспоминанія М. М. Ковалевскаго, въ которыхъ онъ даетъ яркую характеристику Тургеневской рѣчи и объясненіе причинъ ея неуспѣха.

„Слово, сказанное Тургеневымъ на публичномъ засѣданіи въ память Пушкина, по содержанію своему было разсчитано не столько на большую, сколько на избранную публику. Не было въ немъ рѣчи о русскомъ человѣкѣ, какъ всечеловѣкѣ, ни о необходимости человѣку образованному смириться передъ народомъ, перенять его вкусы и убѣжденія. Тургеневъ ограничился тѣмъ, что охарактеризовалъ Пушкина какъ художника. Сказанное имъ было слишкомъ тонко и умно, чтобы быть оцѣненнымъ всѣми. Его слова были направлены болѣе къ разуму, нежели къ чувству толпы. Рѣчь была встрѣчена холодно..."

Это было тѣмъ болѣе досадно, что всѣмъ извѣстно исключительное, восторженное преклоненіе Тургенева передъ Пушкинымъ.

Помню разсказъ Тургенева о разговорѣ между Мериме и Викторомъ Гюго. Мериме, разговаривая какъ-то, сказалъ: „Quand je parle du plus grand poète de notre siècle"... Гюго думалъ, что рѣчь идетъ о немъ, и перебилъ его:

— Voyons, assez, n'en parlons pas...

— Je parle de Pouschkine,—возразилъ Мериме.

Всѣмъ памятно то движеніе руки, поцѣлуй, посланный Тургеневымъ Достоевскому въ минуту, когда онъ въ своей рѣчи говорилъ о Лизѣ изъ „Дворянскаго гнѣзда". Всѣ знали о ихъ непріязненныхъ отношеніяхъ, и это была одна изъ лучшихъ минутъ этого удивительнаго праздника.

Послѣ него Тургеневъ уѣхалъ въ Спасское, куда очень приглашалъ пріѣхать лѣтомъ также и меня, и куда мнѣ, къ сожалѣнію, не пришлось попасть.

Я пришла проститься съ нимъ въ квартиру Ив. Ил. Маслова на Пречистенскомъ бульварѣ и встрѣтила тамъ Григоровича и Павла Васильевича Анненкова. Не помню теперь, о чемъ мы тогда разговаривали: вѣроятно—о Пушкинскомъ праздникѣ. Бесѣда была интересная и оживленная, и никто изъ насъ не замѣтилъ, что Тургеневъ не располагалъ своимъ временемъ. Вспоминаю его забавную находчивость.

Замѣчая, что разговору нашему не предвидится конца, онъ вынулъ часы и, не закрывая ихъ, сказалъ:

— Вы удивляетесь, что я такъ смотрю на часы (мы не выражали ни малѣйшаго удивленія). Это потому, что я сейчасъ долженъ ѣхать...

Намекъ былъ достаточно ясный. Всѣ засмѣялись и стали прощаться.

Я не знала въ то время, что прощалась съ нимъ навсегда. Это было наше послѣднее свиданіе. Какъ сейчасъ вижу его передъ собой въ темнокоричневой вязаной заграничной курткѣ. Мнѣ не нравился этотъ костюмъ, какъ слишкомъ небрежный по нашимъ понятіямъ, да онъ и не шелъ къ его большому росту, но видъ у него былъ здоровый, привѣтливый, бодрый. Никому не могла бы прійти въ голову мысль о близкомъ концѣ... Онъ приглашалъ въ Спасское, въ Парижъ. Мы всѣ звали его въ Россію, въ Москву...

IX.

Всего чаще я вспоминала и вспоминаю его литературное завѣщаніе:

„Пишите горячо, просто, страстно и серьезно".

До сихъ поръ я не знаю, что̀ можно было бы прибавить къ этимъ словамъ. Теперь, на мой, быть можетъ уже отсталый и

старомодный вкусъ, нѣкоторыя произведенія новѣйшей нашей литературы представляются мнѣ противорѣчащими этимъ требованіямъ и кажутся написанными не искренно и не просто, не серьезно, а вычурно и напыщенно, но не страстно.

Тургеневъ уѣхалъ изъ Россіи бодрый и повидимому здоровый, а черезъ нѣсколько времени изъ Парижа начали приходить первыя тревожныя извѣстія о его болѣзни.

Выходившія отъ времени до времени новыя его произведенія позволяли думать, что дѣло еще не такъ плохо и есть надежда на выздоровленіе, но это было невѣрно, и 22 августа 1883 г. его не стало...

Послѣднее время много писали о торжественности и великолѣпіи его похоронъ. Мнѣ пришлось присутствовать на нихъ въ депутаціи отъ „Общества Любителей Россійской Словесности", съ которой я и поѣхала въ Петербургъ.

Я была сильно огорчена и чувствовала вполнѣ, какая это потеря для Россіи, для литературы и лично для меня. Мнѣ хотѣлось, чтобы все было въ соотвѣтствіи съ этимъ моимъ настроеніемъ—а этого не было и не могло, конечно, быть въ многотысячной толпѣ.

Люди шли и разговаривали, обмѣнивались привѣтствіями и впечатлѣніями, здоровались и улыбались другъ другу при неожиданныхъ встрѣчахъ. Помню характерный ротъ извѣстнаго профессора, на ходу во время процессіи пережевывавшаго бутербродъ.

Мнѣ не хотѣлось ѣсть. Мнѣ хотѣлось, чтобы все замерло, все слилось въ одной общей глубокой печали. Я понимала роль плакальщицъ на Востокѣ.

X.

Черезъ много лѣтъ, путешествуя по Волгѣ съ дѣтьми, я остановилась въ Саратовѣ и повела ихъ въ Радищевскій музей.

Онъ былъ созданъ заботами Алексѣя Петровича Боголюбова и въ то время содержался въ большомъ порядкѣ.

Среди различныхъ интересныхъ предметовъ, рѣдкостей и картинъ намъ указали пожертвованные г-жей Віардо Тургеневскій письменный столъ, его перо, которымъ онъ писалъ, и посмертную маску съ него. Вещи были доставлены изъ Парижа А. П. Боголюбовымъ.

Мнѣ пришлось собрать всѣ силы, чтобы овладѣть собой, по-

казать сперва и разсказать все дѣтямъ, а затѣмъ попросить ихъ идти осматривать дальше и оставить меня одну.

Я съ трудомъ сдерживала въ себѣ желаніе стать на колѣни передъ этимъ столомъ. Было странно видѣть, что онъ стоитъ такъ, какъ мебель, какъ самый простой, обыкновенный предметъ, не огороженный даже рѣшеткой, не огражденный ничѣмъ. Выцвѣтшее, когда-то зеленое, пожелтѣлое сукно покрывало доску съ небольшими выдвижными ящиками. Точно вывезенный изъ какого-нибудь русскаго имѣнія, простой, скромный, старомодный столъ. Какимъ образомъ попалъ онъ туда, въ Парижъ?

И тутъ же, рядомъ со столомъ, на небольшой тумбѣ, также неприкрытая ничѣмъ, лежала маска...

Сквозь слезы, заливавшія глаза, я смотрѣла на нее и не могла отвести глазъ.

Да, вотъ какой онъ былъ, когда понялъ, все понялъ, о чемъ мы говорили и не договаривали, разсуждая о свѣтопреставленіи и о безсмертіи души, о томъ вліяніи, которое эта идея должна была оказать на искусство. Все это теперь стало ясно ему. „Тысяча лѣтъ—одна минута“... Разгадана загадка. Но въ чемъ же она, въ чемъ?—мучительно спрашивала я себя, всматриваясь въ мертвое, невыразимымъ страданіемъ запечатлѣнное лицо.

Должно-быть маску сняли рано, тотчасъ же послѣ кончины. Въ ней не было обычнаго спокойствія смерти.

Если у этого человѣка были враги (мы знаемъ, что они были), нужно было бы показать имъ это лицо. Они бы многое поняли—прежде всего то, какъ даже самые славные и великіе изъ насъ безсильны и безконечно малы передъ лицомъ того непостижимаго, вѣчнаго, неизбѣжнаго одинаково для всѣхъ, что теперь открылось передъ нимъ.

Но что бы ни было тамъ, а здѣсь, пока существуетъ это здѣшнее, останется навсегда—вѣчная память его дорогому имени, неувядаемая слава его безсмертнымъ твореніямъ.

22-го августа исполнилось 26 лѣтъ со дня его кончины. За это время были собраны деньги на памятникъ Гоголю и поставленъ памятникъ, въ подпискѣ на который принималъ участіе еще и самъ Тургеневъ.

Мнѣ живо помнится минута, когда А. А. Потѣхинъ, въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности во время Пушкинскихъ праздниковъ, предложилъ эту подписку. Она была

встрѣчена восторженно, подписной листъ былъ покрытъ подписями и тутъ же собрано было 400 рублей.

Того же ожидала я на Гоголевскомъ праздникѣ, все время представляя себѣ, что на этотъ разъ очередь за Тургеневымъ.

Но время шло, прошли первый и второй день праздника, и никто не говорилъ о памятникѣ. Мнѣ пришлось взять это на себя, въ неблагодарную минуту, въ концѣ послѣдняго засѣданія, когда многіе разошлись и сильно было утомленіе.

Я старалась указать на живую связь и преемственность между Гоголемъ и Тургеневымъ. Въ предшествовавшихъ рѣчахъ говорилось о Гоголѣ главнымъ образомъ какъ о сатирикѣ, бичевавшемъ наши пороки и недостатки и выводившемъ предъ всенародныя очи лишь неказистыя, тѣневыя стороны нашей жизни. Положительные типы, какъ извѣстно, не удались Гоголю. Рядомъ съ полными жизни отрицательными блѣдны и безжизненны его добродѣтельные герои—Муразовы, Костанжогло, всѣ, за однимъ только исключеніемъ. Исключеніе это—Уленька, дочь генерала Бетрищева.

Гоголь далъ торжественное обѣщаніе „въ сей же самой повѣсти изобразить чудную русскую дѣвицу, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, всю изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія...“ Судьба судила иначе. Ему не дано было довершить начатое и исполнить обѣщанное. Въ Уленькѣ мы видимъ только намекъ, прекрасный и яркій, но не разцвѣтшій въ цѣльное и стройное созданіе.

Такіе намеки не пропадаютъ даромъ. Геніальное начало нашло для себя достойнаго продолжателя. Все, что въ видѣ легкаго абриса, только въ первоначальныхъ контурахъ, далъ Гоголь, все это нашло воплощеніе у Тургенева въ цѣломъ рядѣ законченныхъ художественныхъ образовъ: Ася, Лиза, Елена въ „Наканунѣ“, героиня „Странной исторіи“, простыя крестьянскія дѣвушки—Акулина съ ея полевыми цвѣточками въ „Свиданіи“, Лукерья въ „Живыхъ мощахъ“...

Недавно высказано было мнѣніе, будто образы эти устарѣли и потускнѣли отъ времени. Современникамъ трудно судить; во всякомъ случаѣ на смѣну имъ не явилось другихъ, равныхъ имъ по силѣ и художественной законченности. Чеховскія героини, смѣнивъ, не замѣнили ихъ и не подошли къ Гоголевской характеристикѣ „дивной красотой женской души, всей изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія“. Но жизнь—какъ рѣка въ своемъ теченіи: она дѣлаетъ уклоненія, образуетъ заводи и

затѣмъ опять вырывается на просторъ, отражая цвѣтъ неба и картины береговъ; а литература—это вѣдь отраженіе жизни. Было бы неумѣстно разбирать здѣсь причины тѣхъ или иныхъ направленій современной русской литературы и устанавливать ея преемственность по отношенію къ предшественникамъ; это завело бы слишкомъ далеко. Но вліяніе Гоголя на Тургенева не подлежитъ сомнѣнію.

„Гоголь умеръ. Какую русскую душу не потрясутъ эти два слова!“ Такъ начинается статья Тургенева по поводу смерти Гоголя. За эту статью ему пришлось поплатиться ссылкою. Судьба вообще не балуетъ русскихъ писателей; не баловала она и Тургенева. Послѣ первыхъ успѣховъ ему пришлось пережить незаслуженное, часто выражавшееся въ самой грубой формѣ охлажденіе и отчужденіе читателей, и только передъ самымъ концомъ, во время послѣднихъ пребываній его въ Россіи, молодежь стала выказывать ему свое глубокое сочувствіе. Особенно ярко выразилось это сочувствіе въ дни, предшествовавшіе Пушкинскому празднику, въ которомъ принималъ такое горячее участіе Тургеневъ и во время котораго зародилась первая мысль о памятникѣ Гоголю.

Теперь это совершилось. Памятникъ поставленъ. Долгъ нашъ по отношенію къ великому писателю исполненъ, но тѣмъ самымъ на очередь ставится другой, по отношенію къ тому, кто имѣетъ не менѣе правъ на нашу благодарность—пѣвцу русской женщины, автору „Записокъ охотника“, „Рудина“, „Дворянскаго гнѣзда“.

Въ первые дни у памятника Гоголя приходилось слышать выраженія недоумѣнія со стороны простыхъ людей: „Почему памятникъ? За какія заслуги? Сочинитель книгъ! Довольно ихъ въ магазинахъ“...

У будущаго памятника Тургенева не трудно будетъ отвѣчать на такіе вопросы. На барельефахъ можно будетъ изобразить разорванныя цѣпи — цѣпи крѣпостного права. Онѣ напомнятъ, что человѣкъ, которому посвященъ памятникъ, содѣйствовалъ освобожденію народа.

Мнѣ кажется, я вижу его передъ собой—этотъ памятникъ, фигуру русскаго великана съ его прекрасной головой и доброй улыбкой, такимъ, какимъ онъ читалъ на Пушкинскомъ праздникѣ: „Послѣдняя туча разсѣянной бури...“ Увы, она была не послѣдняя. Тучъ еще много на нашемъ небосклонѣ, но литературные праздники помогаютъ ихъ разсѣянію, вызываютъ все, что есть добраго и хорошаго въ людяхъ. Чествованіе памяти

Гоголя соединило самые разнородные элементы вокругъ всѣмъ дорогого имени.

Пусть же такіе дни повторяются. Пусть Москва сдѣлается настоящимъ пантеономъ русской литературы. Я обращаюсь къ русскому обществу съ призывомъ открыть подписку на памятникъ Ивану Сергѣевичу Тургеневу.

Л. Нелидова.

АГРАРНЫЕ ГРѢХИ
СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІИ

I.

Германская соціалъ-демократія переживаетъ въ настоящее время переходный, критическій періодъ, результаты котораго должны опредѣлить ея будущую судьбу. Оставаясь вѣрною общимъ принципамъ марксизма, она замѣтно теряетъ свой революціонно-доктринерскій характеръ и становится, по выраженію Эдуарда Бернштейна, „партіею соціально-демократическихъ реформъ"; но этотъ внутренній процессъ далеко еще не закончился. Прямолинейные приверженцы и истолкователи марксистской доктрины продолжаютъ упорно бороться противъ новыхъ требованій и направленій. Они часто одерживали верхъ подъ прикрытіемъ авторитетнаго имени Маркса.

Наиболѣе серьезный конфликтъ между теоріею и практикою, между догмою и ея примѣненіемъ, возникъ для соціалъ-демократіи на почвѣ аграрнаго вопроса. Соціалъ-демократическая программа, принятая на партійномъ съѣздѣ въ Эрфуртѣ, въ 1891-мъ году, не выдѣляла поземельныхъ отношеній изъ общей схемы промышленнаго развитія; она предсказывала такую же участь крестьянству, какъ и другимъ классамъ мелкихъ производителей. „Экономическое развитіе буржуазнаго общества — говорится въ этой программѣ—съ необходимостью закона природы приводитъ къ гибели мелкаго производства, основой котораго является частная собственность работника на средства производства". Работникъ отдѣляется отъ орудій и средствъ производства, которыя сосре-

доточиваются въ рукахъ сравнительно небольшого числа капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ мелкое производство вытѣсняется крупнымъ, при чемъ всѣ выгоды этого преобразованія достаются лишь капиталистамъ и крупнымъ землевладѣльцамъ. „Для пролетаріата и гибнущихъ среднихъ слоевъ общества—мелкой буржуазіи и крестьянства—преобразованіе это влечетъ за собою все возрастающую необезпеченность существованія, нищету, притѣсненія, порабощеніе и эксплуатацію". Мелкимъ производителямъ, и въ томъ числѣ крестьянамъ, предлагается терпѣливо ожидать будущихъ бѣдствій и катастрофъ, послѣ которыхъ сдѣлается возможнымъ созданіе новаго соціалистическаго строя на началахъ обобществленія средствъ и орудій производства. „Только обращеніе капиталистической частной собственности на средства производства—землю, копи, рудники, сырье, инструменты, машины, средства передвиженія—въ общественную собственность и превращеніе товарнаго производства въ соціалистическое, выполняемое по извѣстному плану, могутъ привести къ тому, чтобы крупное производство и возрастающая производительность общественнаго труда стали для классовъ, теперь эксплуатируемыхъ, изъ источника страданія и угнетенія—источникомъ высшаго благосостоянія и всесторонняго, гармоническаго развитія".

Эта теорія, по которой земледѣліе и землевладѣніе всецѣло подчиняются законамъ промышленно-капиталистической эволюціи, несомнѣнно соотвѣтствуетъ взглядамъ и идеямъ Маркса, но не даетъ никакого реальнаго отвѣта на насущные вопросы сельскохозяйственной жизни. Самъ Марксъ, какъ извѣстно, не успѣлъ разработать аграрный вопросъ съ достаточною полнотою и не могъ окончательно формулировать свои положенія и выводы по этому предмету; но изъ отдѣльныхъ его замѣчаній, а также изъ извѣстныхъ отзывовъ его о русскихъ поземельныхъ отношеніяхъ, можно было видѣть, что онъ смотритъ на дѣло гораздо свободнѣе и шире своихъ послѣдователей.

Эрфуртская программа признавала безплодною всякую защиту крестьянскихъ интересовъ въ борьбѣ противъ крупнаго землевладѣнія и ростовщическаго капитала, такъ какъ самостоятельное землевладѣльческое крестьянство заранѣе обречено на гибель, и неминуемое торжество должно принадлежать крупнымъ землевладѣльцамъ и капиталистамъ. Сельское населеніе, занятое въ различныхъ отрасляхъ земледѣльческой промышленности, очутилось внѣ круга заботъ и дѣйствій соціалъ-демократіи; оно было какъ будто отрѣзано отъ остальной массы рабочаго класса, пре-

имущественно городского, занятаго въ крупныхъ капиталистическихъ предпріятіяхъ. Соціалъ-демократія оттолкнула отъ себя нѣмецкое крестьянство и спеціализировалась какъ партія городского промышленнаго пролетаріата; она этимъ съузила свою историческую миссію и ослабила свои резервы, облегчивъ переходъ значительной части земледѣльческаго класса въ лагерь аграріевъ и клерикаловъ.

Многіе представители соціалъ-демократической партіи понимали необходимость привлечь на сторону пролетаріата трудящееся сельское населеніе и дѣлали нѣкоторыя практическія попытки въ этомъ смыслѣ. Въ сельско-хозяйственныхъ промыслахъ Германіи участвуютъ болѣе восемнадцати милліоновъ человѣкъ, тогда какъ городскихъ рабочихъ и служащихъ числится около двѣнадцати милліоновъ; поэтому для соціалъ-демократіи было чрезвычайно важно пріобрѣсть симпатіи по крайней мѣрѣ той части крестьянства, которая собственнымъ трудомъ обработываетъ свою землю, безъ помощи наемныхъ рабочихъ. На партійномъ съѣздѣ въ Франкфуртѣ, въ 1894-мъ году, Георгъ фонъ-Фольмаръ и Бруно Шенланкъ внесли резолюцію о выработкѣ аграрной соціалъ-демократической программы и объ избраніи для этого особой коммиссіи, съ порученіемъ представить докладъ къ слѣдующему съѣзду. Эта резолюція была принята весьма внушительнымъ большинствомъ голосовъ, не смотря на принципіальныя возраженія правовѣрныхъ марксистовъ. Дѣло шло о дополненіи эрфуртской программы новыми пунктами, касающимися аграрнаго вопроса. Коммиссія выработала подробныя положенія и требованія, лишенныя идейнаго единства и имѣвшія большею частью чисто-практическій характеръ; общій интересъ представляли только два или три пункта — о сохраненіи и расширеніи общественной земельной собственности (государственной, общинной, альмендъ и др.) и, въ частности, о передачѣ всѣхъ владѣній мертвой руки (владѣній корпорацій, учрежденій и церквей), а также лѣсовъ и водъ, въ общественную собственность подъ контролемъ народнаго представительства, о предоставленіи общинамъ преимущественнаго права покупки имѣній, подлежащихъ продажѣ съ публичнаго торга. Составители аграрной программы отступали во многомъ отъ установившагося взгляда на задачи и роль пролетаріата; они вносили въ партію элементъ компромисса и оппортунизма, допуская сохраненіе частной земельной собственности для крестьянъ и возлагая на соціалъ-демократію защиту такихъ правъ и интересовъ, которые находятся въ противорѣчіи съ теоретическими предположеніями

марксизма. Программа подверглась рѣзкой критикѣ въ партійной печати и была осуждена соціалъ-демократическимъ общественнымъ мнѣніемъ еще до того момента, когда началось ея обсужденіе на съѣздѣ 1895-го года въ Бреславлѣ. Группа делегатовъ, съ Каутскимъ во главѣ, предложила съѣзду отвергнуть выработанный коммиссіею проектъ на томъ основаніи, что онъ „обѣщаетъ крестьянству улучшеніе его положенія и, слѣдовательно, упроченіе его частной собственности, и тѣмъ способствуетъ оживленію фанатизма частной собственности"; программа „признаетъ солидарность земледѣльческихъ интересовъ съ интересами пролетаріата въ современномъ обществѣ, между тѣмъ какъ при господствѣ частной собственности на средства производства интересы сельскаго хозяйства, точно такъ же какъ интересы промышленности, являются интересами владѣльцевъ средствъ производства и эксплуататоровъ пролетаріата". Далѣе, проектъ „предоставляетъ въ распоряженіе современнаго государства эксплуататоровъ новыя орудія власти и тѣмъ затрудняетъ классовую борьбу пролетаріата; наконецъ, проектъ ставитъ капиталистическому государству такого рода задачи, которыя могутъ быть выполнены съ успѣхомъ только послѣ перехода политической власти въ руки пролетаріата". Высказываясь такимъ образомъ категорически противъ аграрной программы, резолюція Каутскаго однако признаетъ, что „сельское хозяйство управляется своими особыми законами, отличными отъ законовъ промышленности", и что эти законы земледѣльческаго развитія „должны быть изучаемы и принимаемы во вниманіе, если соціалъ-демократія имѣетъ въ виду развить плодотворную дѣятельность въ деревнѣ". Бебель отстаивалъ существенныя основы аграрной программы, хотя и не отрицалъ ея недостатковъ. Другіе, какъ Шенланкъ, доказывали, что „соціалъ-демократія перестала уже быть партіей только промышленнаго пролетаріата и является партіею всѣхъ экономически-угнетенныхъ, всѣхъ нуждающихся, къ какимъ бы общественнымъ слоямъ они ни принадлежали". Многіе утверждали, наоборотъ, что соціалъ-демократія должна тщательно отмежеваться отъ крестьянства, какъ и отъ мелкой буржуазіи, и что защита интересовъ рабочихъ несовмѣстима съ охраною интересовъ крестьянъ. Каутскій упорно стоялъ за соблюденіе логической послѣдовательности и идейнаго единства въ принципахъ и тактикѣ соціалъ-демократіи: если нельзя поощрять мелкое производство въ промышленности, то не слѣдуетъ дѣлать это и въ земледѣліи. Послѣ горячихъ преній резолюція Каутскаго была принята съѣздомъ, и попытка создать программу, способ-

ную сблизить и объединить крестьянство съ промышленнымъ пролетаріатомъ подъ общимъ знаменемъ соціалъ-демократіи, потерпѣла рѣшительную неудачу [1]).

Аргументы, при помощи которыхъ достигнутъ былъ этотъ отрицательный результатъ аграрныхъ усилій, не могутъ считаться особенно убѣдительными даже съ узко-доктринерской точки зрѣнія. Если „сельское хозяйство управляется своими особыми законами, отличными отъ законовъ промышленности", и если эти особые законы подлежатъ еще изученію со стороны соціалъ-демократіи, то откуда же берется утвержденіе, что крестьянское хозяйство должно непремѣнно раздѣлить судьбу мелкаго промышленнаго производства? Не слѣдуетъ ли по меньшей мѣрѣ воздержаться отъ предсказаній относительно крестьянскаго земледѣлія и землевладѣнія, пока не изучены и не установлены особые законы сельско-хозяйственнаго развитія? Мелкіе домохозяева-крестьяне, будучи въ сущности рабочими, владѣютъ еще орудіемъ производства—землею, и потому сохраняютъ подобіе хозяйственной самостоятельности; но справедливо ли на этомъ основаніи зачислять ихъ въ категорію „эксплуататоровъ" и враговъ рабочаго класса? Частная собственность мелкаго крестьянина, воздѣлывающаго землю своимъ личнымъ трудомъ, есть нѣчто совершенно другое, чѣмъ частная собственность крупнаго землевладѣльца или предпринимателя-капиталиста, владѣющаго средствами производства для эксплуатаціи чужого наемнаго труда. Одно и то же понятіе частной собственности служитъ здѣсь для обозначенія разнородныхъ явленій, имѣющихъ между собою очень мало общаго: въ одномъ случаѣ мы видимъ принадлежность средствъ и орудій производства самому работнику, въ другомъ — нанимателю рабочихъ. Столь же неосновательно указаніе на то, что расширеніе правъ и полномочій современнаго государства въ области землевладѣнія ухудшило бы условія классовой борьбы для пролетаріата, ибо во всякомъ случаѣ предоставленіе тѣхъ же правъ и полномочій крупнымъ землевладѣльцамъ и капиталистамъ не могло бы быть выгоднѣе для рабочаго класса. Наконецъ, если слѣдовать совѣту Каутскаго и его единомышленниковъ — откладывать разрѣшеніе крупныхъ экономическихъ задачъ до перехода власти въ руки пролетаріата, то пришлось бы отказаться отъ всякихъ законодательныхъ улучшеній и отъ всякихъ соціальныхъ программъ въ современномъ государствѣ; а между тѣмъ

---

[1]) Исторія этой попытки подробно разсказана въ книгѣ В. Конштедта: „Аграрный вопросъ и германская соціалъ-демократія" (русск. пер., Спб., 1907).

соціалъ-демократія допускаетъ участіе въ законодательной работѣ современнаго государства, которое, при всеобщемъ избирательномъ правѣ и при высокомъ уровнѣ общественно-политической культуры, дѣйствуетъ далеко не всегда въ пользу эксплуататоровъ. Если же промышленный пролетаріатъ можетъ успѣшно охранять свои интересы при условіяхъ современной культурной государственности, то по справедливости нельзя отрицать цѣлесообразность такой же охраны хозяйственныхъ интересовъ крестьянства.

Въ своей позднѣйшей книгѣ объ аграрномъ вопросѣ Каутскій отчасти смягчилъ свои взгляды и сдѣлалъ нѣкоторыя уступки защитникамъ крестьянскаго хозяйства и землевладѣнія, такъ какъ ознакомленіе съ обширнымъ фактическимъ матеріаломъ опровергло гипотезы, принимавшіяся, по недоразумѣнію, за безспорныя истины. „Сначала теорія, а потомъ дѣйствительность—вотъ принципъ догматика. Принципъ этотъ—говоритъ Конштедтъ—безсознательно и непреднамѣренно лежитъ въ основѣ всего аграрно-политическаго мышленія Каутскаго". Теорія утверждаетъ, что мелкое производство въ земледѣліи повсюду вытѣсняется крупнымъ и что гибель крестьянства неизбѣжна; факты же съ большею или меньшею ясностью говорятъ противоположное. Каутскій признаетъ эти факты, и если онъ истолковываетъ ихъ по своему, то вовсе не потому, что желаетъ во что бы то ни стало подчинить дѣйствительность своимъ предвзятымъ идеямъ. Онъ обнаруживаетъ не пренебреженіе къ дѣйствительности, а особое пониманіе этой дѣйствительности. Для него общій ходъ экономическаго развитія установленъ теоретически съ полною опредѣленностью; онъ строго отличаетъ остатки старины отъ зародышей будущаго, и тѣ факты, которые ему говорятъ одно, доказываютъ другимъ нѣчто совсѣмъ другое. Онъ относится отрицательно къ сохранившимся формамъ общиннаго землевладѣнія, усматривая въ нихъ только обломки феодальнаго строя; онъ стоитъ за отмѣну правъ участія крестьянъ въ пользованіи лѣсными угодьями и пастбищами, если эти права противорѣчатъ требованіямъ раціональнаго хозяйства. „Соціалъ-демократія—замѣчаетъ онъ—не должна видѣть движеніе впередъ въ возвратѣ къ прошлому; она не должна принимать оживленіе средневѣкового общиннаго землевладѣнія, расширеніе альмендъ, общинныхъ луговъ и лѣсовъ и проч.—за переходныя стадіи къ соціализму". Но крестьяне не должны бояться за свою собственность при водвореніи соціалистическаго строя; соціалъ-демократія, по увѣренію Каутскаго, не тронетъ мелкихъ крестьянскихъ вла-

дѣній и никогда не прибѣгнетъ къ насильственной экспропріаціи ихъ ради выгодъ крупнаго общественнаго производства. Отдѣльные мелкіе промыслы могутъ сохраниться въ земледѣліи и при новомъ порядкѣ вещей, если они будутъ представлять какія-либо мѣстныя преимущества предъ крупнымъ производствомъ. Крестьянамъ будетъ предоставлено добровольно вводить общественное производство, слѣдуя соблазнительнымъ примѣрамъ другихъ общинныхъ хозяйствъ. Владѣльцы мелкихъ крестьянскихъ участковъ сами убѣдятся, будто бы, въ превосходствѣ крупнаго хозяйства и откажутся отъ правъ частной собственности для общей и своей же пользы. Каутскій, впрочемъ, не вѣритъ, чтобы эта перспектива отреченія могла побудить крестьянъ сдѣлаться соціалъ-демократами; онъ надѣется, въ лучшемъ случаѣ, только на нейтралитетъ ихъ въ борьбѣ классовъ, т.-е. на безразличное, пассивное отношеніе крестьянства къ усиліямъ и стремленіямъ пролетаріата. Само собою разумѣется, что это предположеніе неизбѣжно оказалось бы ошибочнымъ, ибо крестьяне-собственники не могутъ относиться иначе какъ враждебно къ партіи, отрицающей ихъ исконныя поземельныя права.

Соціалъ-демократія, въ лицѣ Каутскаго и его единомышленниковъ, отрицаетъ поземельныя и хозяйственныя права не только зажиточной части крестьянства, но и всей вообще крестьянской массы, — не только права отдѣльныхъ крестьянъ, но и права цѣлыхъ сельскихъ общинъ. Это послѣднее обстоятельство создаетъ искусственный непримиримый антагонизмъ между сельскимъ населеніемъ и промышленнымъ пролетаріатомъ,—антагонизмъ, который ничѣмъ не можетъ быть оправданъ ни практически, ни теоретически.

Если отвергать крестьянское подворное землевладѣніе потому, что оно—мелкое, а общинное землевладѣніе—потому, что оно—средневѣковое, то что же признается за крестьянствомъ? Вѣдь добровольно оно не согласится погибнуть,—и прежде чѣмъ примириться съ судьбою, указанною ему соціалъ-демократами, оно можетъ нанести ихъ партіи сильные и непоправимые удары.

Противъ мелкаго производства въ земледѣліи существуютъ по крайней мѣрѣ теоретическіе доводы, хотя и не подтверждаемые практикою; но относительно общиннаго землевладѣнія указывается лишь на его историческій источникъ, который, однако, нисколько не мѣшаетъ придать этому институту болѣе современныя формы, соотвѣтствующія требованіямъ сельскохозяйственной культуры. Земельная община все-таки представляетъ собою фактическое примѣненіе къ землѣ того коллективнаго принципа, за

который стоитъ соціализмъ; почему же соціалъ-демократія открещивается отъ этой готовой традиціонной формы обобществленія средствъ и орудій производства въ области земледѣлія? Общинное землевладѣніе, гдѣ оно сохранилось вполнѣ или отчасти, имѣетъ уже то преимущество предъ будущимъ земельнымъ коллективизмомъ, что оно существуетъ и находится въ полномъ согласіи съ традиціями и воззрѣніями крестьянства. Преобразовать и усовершенствовать существующее несравненно легче, чѣмъ создавать вновь. Нѣтъ разумнаго основанія утверждать, что прошлое общиннаго землевладѣнія налагаетъ неизгладимую печать на его настоящее и что община не можетъ быть приспособлена къ новымъ функціямъ и задачамъ коллективнаго хозяйства. Предвѣщая, съ одной стороны, упраздненіе частной земельной собственности, а съ другой—исчезновеніе остатковъ сельской общины, соціалъ-демократія создаетъ какую-то пустоту въ сферѣ земледѣльческаго быта—пустоту, которую она думаетъ заполнить какими-то неопредѣленными продуктами будущаго экономическаго развитія. Но въ человѣческой жизни, какъ и въ природѣ, не бываетъ пустоты, и, безъ сомнѣнія, переходъ отъ современныхъ поземельно-хозяйственныхъ условій къ соціалистическимъ никогда не совершится помимо многомилліоннаго сельскаго населенія, безъ его воли и участія. Зачѣмъ же превращать эти милліоны крестьянъ въ сознательныхъ противниковъ и враговъ соціалъ-демократіи?

Практическія послѣдствія этой ошибочной доктринерской политики въ аграрномъ вопросѣ даютъ себя сильно чувствовать въ современномъ политическомъ положеніи Пруссіи и Германіи. Крестьянство, напуганное похоронными рѣчами и грозными пророчествами соціалъ-демократовъ, сдѣлалось твердою и могущественною опорою тѣхъ классовъ общества, отъ которыхъ оно наиболѣе терпѣло; оно подчинилось руководящему вліянію крупныхъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ и вступило въ прочный союзъ съ консервативными партіями аграріевъ и центра. Этимъ объясняется тотъ странный фактъ, что элементы реакціи господствуютъ не только въ Пруссіи, при ея устарѣлой избирательной системѣ, но и въ странѣ всеобщаго избирательнаго права—Германіи. Сельское населеніе, проникнутое стариннымъ недовѣріемъ къ городскимъ либеральнымъ партіямъ, относится теперь непріязненно и къ промышленному рабочему классу, какъ и къ его партійнымъ представителямъ—соціалъ-демократамъ; крестьянство вынуждено искать поддержки и принимать ее тамъ, гдѣ не жалѣютъ реальныхъ обѣщаній защиты и покровительства.

Дѣятели реакціи торжествуютъ благодаря внутреннему разладу, съ одной стороны, между соціалъ-демократіею и крестьянствомъ, а съ другой—между тою же соціалъ-демократіею и передовыми прогрессивно-буржуазными партіями. Облегчитъ ли соціалъ-демократія выполненіе своей предполагаемой исторической миссіи, устроивъ для себя блестящее одиночество среди различныхъ элементовъ современнаго общества—это вопросъ, не допускающій двухъ рѣшеній.

II.

Наша соціалъ-демократическая партія была съ самаго начала поставлена въ гораздо лучшее положеніе относительно земельнаго вопроса, чѣмъ германская. Нѣмецкіе крестьяне — большею частью личные землевладѣльцы, для которыхъ „фанатизмъ собственности" дѣйствительно можетъ имѣть практическое значеніе, а существующіе остатки общинныхъ порядковъ не даютъ достаточнаго матеріала для скораго и полнаго возрожденія принципа коллективнаго землевладѣнія. У насъ же земельная община сохраняетъ свою силу и преобладаніе среди большинства сельскаго населенія; право частной собственности на землю не утвердилось еще въ умахъ крестьянства, и соціалъ-демократическому творчеству въ этой области открытъ довольно широкій просторъ.

Руководители нашей соціалъ-демократіи не сразу оцѣнили всю практическую важность тѣхъ особенностей, которыя отличаютъ русскія народно-хозяйственныя условія отъ западно-европейскихъ; они слишкомъ страстно увлеклись теоріею, чтобы удѣлить вниманіе фактамъ и требованіямъ дѣйствительности. Марксизмъ превратился для нихъ въ непререкаемую догму, которою разъ навсегда разрѣшались всѣ основные вопросы экономической и соціальной жизни. Склонность къ отвлеченному доктринерству издавна поддерживалась у насъ отсутствіемъ или слабостью живыхъ политическихъ интересовъ; а такъ какъ руководящія теоріи обыкновенно приходили къ намъ изъ-за границы, то мы по неволѣ отставали отъ своихъ учителей и запаздывали въ своихъ увлеченіяхъ. Эдуардъ Бернштейнъ, въ своемъ „ревизіонистскомъ" трактатѣ, отмѣчаетъ съ недоумѣніемъ, что сильнѣйшія нападки на него за еретическія мысли о диктатурѣ пролетаріата „исходили отъ лицъ, принадлежащихъ къ самому деспотическому изъ европейскихъ государствъ", тогда какъ въ

болѣе демократическихъ странахъ его идеи встрѣчали сочувствіе. Это значитъ, что между нашими марксистами было много прямолинейныхъ и непреклонныхъ „ортодоксовъ", когда за границей споры о догмѣ перестали уже волновать умы.

Русская соціалъ-демократическая партія, по примѣру германской, возникла и установилась въ качествѣ партіи промышленнаго и преимущественно городского пролетаріата. Но на первыхъ же порахъ выяснилось, что русскій рабочій вопросъ неразрывно связанъ съ крестьянскимъ и земельнымъ, и что русская соціалъ-демократія не можетъ оставить въ сторонѣ нужды земледѣльческаго населенія. Потребовалось выработать какую-нибудь аграрную програму, и эта задача была исполнена крайне странно, въ видѣ искусственно придуманной комбинаціи, не имѣющей никакой логической связи съ реальными интересами и желаніями крестьянства. Было ясно, что составители или, вѣрнѣе, изобрѣтатели программы отнеслись къ своей работѣ какъ къ постороннему, случайному дѣлу, и не считали нужнымъ взвѣшивать внутренній смыслъ своихъ положеній. Въ пяти пунктахъ программы, принятой на съѣздѣ 1903-го года, изложены были либеральныя и даже очень щедрыя требованія, но едва ли осуществимыя и притомъ вовсе и нежелательныя. Послѣ неопредѣленныхъ требованій объ отмѣнѣ всякихъ повинностей, лежащихъ на крестьянствѣ, и всякихъ „законовъ, стѣсняющихъ крестьянина въ распоряженіи его землею", выставляется принципъ „возвращенія крестьянамъ денежныхъ суммъ, взятыхъ съ нихъ въ формѣ выкупныхъ и оброчныхъ платежей"; вмѣстѣ съ тѣмъ признается необходимость „конфискаціи съ этою цѣлью монастырскихъ и церковныхъ имуществъ, а также имѣній удѣльныхъ, кабинетскихъ" и др., „обложенія особымъ налогомъ земель землевладѣльцевъ-дворянъ, воспользовавшихся выкупною ссудою; обращенія суммъ, добытыхъ этимъ путемъ, въ особый народный фондъ для культурныхъ и благотворительныхъ нуждъ сельскихъ обществъ". Почему понадобилось бы добывать колоссальныя суммы для возврата выкупныхъ и оброчныхъ платежей крестьянамъ— неизвѣстно. Собственно земельная реформа сводилась бы къ „возвращенію сельскимъ обществамъ тѣхъ земель, которыя отрѣзаны у крестьянъ при уничтоженіи крѣпостного права и служатъ въ рукахъ помѣщиковъ для ихъ (крестьянъ) закабаливанія"; эта операція должна была бы совершиться „посредствомъ экспропріаціи, или—въ томъ случаѣ, если земли ихъ переходили изъ рукъ въ руки — выкупа государствомъ за счетъ крупнаго дворянскаго землевладѣнія"; сверхъ того, судебной власти было бы

предоставлено „право понижать непомѣрно высокія арендныя платы и объявлять недѣйствительными сдѣлки, имѣющія кабальный характеръ“.

Внутренняя несостоятельность программы 1903-го года была признана всѣми тотчасъ послѣ ея опубликованія; это былъ продуктъ неудачнаго сочинительства, который никого не могъ удовлетворить—ни теоретиковъ, ни практиковъ. При созданіи новой аграрной программы выдвигаются на первый планъ то теоретическіе тезисы марксизма, то практическія соображенія, связанныя съ исключительными событіями даннаго момента. Эти постоянныя колебанія между мнимыми требованіямя доктрины и реальными призывами революціи характеризуютъ всѣ разсужденія и споры по аграрному вопросу на стокгольмскомъ съѣздѣ 1906-го года. Нашъ крестьянскій земельный вопросъ превратился въ отвлеченную проблему, при разрѣшеніи которой всего менѣе считалось нужнымъ принимать во вниманіе потребности и желанія самихъ крестьянъ. Партійное единство уже не существовало въ нашей соціалъ-демократіи; аграрныя пренія еще сильнѣе обострили расколъ между „большевиками“ и „меньшевиками“. Большевики стояли за національзацію земли, т.-е. за отобраніе всѣхъ частновладѣльческихъ и крестьянскихъ земель, съ передачею ихъ въ распоряженіе демократическаго государства; меньшевики, составлявшіе въ Стокгольмѣ большинство, защищали муниципализацію, т.-е. передачу всѣхъ земель мѣстнымъ органамъ самоуправленія. Обѣ формулы вытекали изъ общихъ принциповъ, понимаемыхъ каждымъ по-своему, при чемъ высшимъ критеріемъ признавалось соблюденіе вѣрности марксизму.

„Задача наша—говорилъ на съѣздѣ Г. В. Плехановъ—заключается въ томъ, чтобы исправить ту ошибку, которая вкралась въ 1903-мъ году въ нашу аграрную программу. Ошибка несомнѣнно была; это мы должны признать, и можемъ позволить себѣ эту роскошь, ибо мы—единственная партія, имѣющая стройное воззрѣніе. Многіе стояли за отрѣзки, потому что боялись крестьянской аграрной революціи; она остановила бы въ Россіи развитіе капитализма. Наша программа уже въ то время шла не такъ далеко, какъ сами крестьяне въ своихъ требованіяхъ. Теперь намъ надо понять, что мы не должны бояться радикализма крестьянскихъ требованій въ аграрномъ вопросѣ. Осуществленіе этихъ требованій не остановитъ развитія капитализма“. Однако „стройное воззрѣніе“, на которое указывалъ г. Плехановъ, не исключало многихъ противорѣчій и неясностей въ самой постановкѣ аграрнаго вопроса. Принципіальная ошибка,

допущенная въ 1903-мъ году, заключалась не въ неправильной оцѣнкѣ крестьянскаго настроенія и не въ невѣрности вывода о капитализмѣ, а въ томъ, что нашъ земельный вопросъ ставится въ зависимость отъ случайныхъ обстоятельствъ и соображеній, отъ боязни тѣхъ или другихъ послѣдствій совершающагося движенія и т. п. Великое значеніе этого центральнаго вопроса русской народно-хозяйственной жизни затемнялось сбивчивою терминологіей, относящеюся къ различнымъ формамъ капитализма, а вовсе не къ землевладѣнію и земледѣлію. Мнимо-научный марксистскій жаргонъ окутывалъ непроницаемымъ туманомъ сущность аграрныхъ разногласій и отнималъ у нихъ всякіе признаки реальности. Жизненные интересы крестьянства оставались гдѣ-то въ сторонѣ и совершенно не упоминались спорящими; объ общинномъ землевладѣніи и объ его вѣроятной или желательной судьбѣ никто даже не вспомнилъ, но зато высказывалось много такого, что свидѣтельствовало о полномъ игнорированіи крестьянской общины и ея будущности. На каждомъ шагу замѣчалось и подчеркивалось настойчивое стремленіе идти по стопамъ нѣмецкихъ учителей, не уклоняясь въ сторону отечественныхъ нуждъ и вопросовъ. Одинъ изъ докладчиковъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ задачи русской соціалъ-демократіи по аграрному вопросу: „Признавая, что новый земельный строй послужитъ лишь основой дальнѣйшаго буржуазно-капиталистическаго развитія страны, партія ставитъ своей задачей, при всякомъ положеніи демократическихъ аграрныхъ преобразованій, неуклонно стремиться къ самостоятельной классовой организаціи сельскаго пролетаріата, разъяснять ему непримиримую противоположность его интересовъ интересамъ крестьянской буржуазіи, предостерегать его отъ обольщенія системой мелкаго хозяйства, которая никогда, при существованіи товарнаго производства, не въ состояніи уничтожить нищету массъ, и, наконецъ, указывать на необходимость полнаго соціалистическаго переворота, какъ единственнаго средства уничтожить всякую нищету и всякую эксплуатацію“. Можно себѣ представить нашихъ крестьянъ-общинниковъ, которымъ будутъ преподноситься эти разъясненія о невыгодахъ системы мелкаго хозяйства и товарнаго производства! Приведенный текстъ вошелъ и въ принятую затѣмъ программу партіи. Тотъ же докладчикъ, въ подтвержденіе цѣлесообразности передачи земель въ собственность крестьянамъ, говорилъ, что хотя это „мѣра мелко-буржуазная, но мелкое хозяйство нуждается въ мелкой собственности, и само крестьянское движеніе мелко-буржуазно, такъ какъ и

крестьянское хозяйство мелко-буржуазно". Отъ этого повторенія однихъ и тѣхъ же словъ мысль не дѣлалась яснѣе, и слушатели, какъ вѣроятно и самъ ораторъ, едва ли могли бы объяснить, почему мірское аграрное движеніе крестьянства „мелко-буржуазно" и что слѣдуетъ собственно разумѣть подъ этимъ терминомъ. Впрочемъ, соціалъ-демократы не скрывали, что, вырабатывая аграрную программу, они имѣютъ въ виду не интересы и требованія крестьянъ, а стремленія и выгоды своей партіи. Ошибочно было бы думать—заявлялъ предсѣдательствовавшій на съѣздѣ г. Данъ—„что мы пишемъ программу для крестьянъ и потому всякое требованіе крестьянъ должны поддерживать во что бы то ни стало; на самомъ дѣлѣ мы пишемъ программу для пролетаріата по вопросу о землѣ" [1]). Точь въ точь то же самое говорили, десятью годами раньше, нѣмецкіе соціалъ-демократы на съѣздѣ въ Бреславлѣ,—но тамъ самостоятельный и могущественный рабочій классъ могъ дѣйствительно опредѣлить свое отношеніе къ крестьянству въ смыслѣ выясненія партійной тактики, тогда какъ нашъ промышленный пролетаріатъ самъ по себѣ безсиленъ безъ содѣйствія крестьянской массы и долженъ опираться на сельское населеніе для обезпеченія своихъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Аграрная программа, конечно, нужна у насъ не для городскихъ рабочихъ, а для крестьянъ; между трудовымъ крестьянствомъ и промышленными рабочими нѣтъ у насъ и не должно быть антагонизма.

Доктринерскій характеръ преній объ аграрной программѣ 1906 года дѣлалъ ихъ по существу безплодными. Обсуждая земельныя нужды Россіи, наши соціалъ-демократы обвиняли другъ друга въ желаніи „одинаково рѣшить вопросъ для всей страны распоряженіемъ изъ Петербурга, не учитывая всего разнообразія сельско-хозяйственныхъ условій". Другіе ссылались на то, что Каутскій „отвергаетъ національзацію земли въ современной Россіи". Одинъ изъ сторонниковъ національзаціи съ возмущеніемъ отрицалъ возможность противорѣчія этого проекта ученію Маркса: „значитъ, половинѣ партіи брошено обвиненіе въ томъ, что она идетъ противъ принциповъ марксизма; это — тяжкое, страшное обвиненіе" [2]). „Мы всѣ здѣсь—марксисты,—восклицалъ другой ораторъ,—всѣ здѣсь одинаково чтимъ догматы марксизма, и эту вѣру нельзя называть старою, ибо она никогда не старѣетъ".

---

[1]) „Протоколы объединительнаго съѣзда Р. С. Р. П. въ Стокгольмѣ". Москва, 1907, стр. 61.

[2]) Тамъ же, стр. 121. — См. также книгу М. Б. Ратнера: „Аграрный вопросъ и соціалъ-демократія", Москва, 1908.

Третьи возражали, что „это не есть марксизмъ, это вульгарный матеріализмъ, вульгарное пониманіе марксизма". Въ результатѣ была принята программа, въ которой формулированы общеизвѣстные принципы конфискаціи земель всѣхъ категорій, кромѣ мелкаго землевладѣнія, съ передачей ихъ частью „во владѣніе демократическаго государства", частью „въ распоряженіе крупныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія". Крестьянству не отведено рѣшающей роли въ земельномъ вопросѣ; о формахъ крестьянскаго землевладѣнія и, въ частности, объ общинѣ не сказано ни слова. Другими словами, соціалъ-демократія обѣщаетъ народу то, чего она исполнить не можетъ, и совершенно не высказывается о тѣхъ важныхъ практическихъ вопросахъ, относительно которыхъ ея голосъ имѣлъ бы большое значеніе.

Эти грѣхи односторонняго марксизма, какъ идейной основы соціалъ-демократической партіи, подготовили нужную общественную атмосферу для легкаго осуществленія проектовъ, направленныхъ противъ нашей крестьянской общины. По почину и рѣшенію бюрократіи, среди сравнительнаго равнодушія публики, настойчиво проводится радикальная реформа всего нашего вѣкового земельнаго строя, которая казалась бы немыслимою десять или пятнадцать лѣтъ назадъ. Крутая ломка нашего общиннаго землевладѣнія составляетъ какъ будто отвѣтъ на многолѣтнюю проповѣдь марксистскихъ теоретиковъ и соціалъ-демократовъ. Суровый приговоръ доктрины надъ общиною приводится въ исполненіе указомъ 9 ноября 1906-го года.

Старые идеалисты протестуютъ противъ произвольной насильственной расправы съ самобытнымъ крестьянскимъ міромъ въ области земельныхъ порядковъ и отношеній; но значительная часть нашей передовой интеллигенціи, быть можетъ, сочувственно или, по крайней мѣрѣ, безразлично относится къ судьбѣ института, давно осужденнаго Марксомъ и его послѣдователями. Дальнѣйшее успѣшное существованіе общины могло бы привести къ „остановкѣ развитія капитализма", а свободное развитіе капиталистической промышленности въ ущербъ народнымъ массамъ требуется, будто бы, законами культурно-хозяйственнаго прогресса. Жизненные интересы многомилліоннаго крестьянства, его потребности, понятія и привычки приносятся въ жертву, съ одной стороны, притязаніямъ крупнаго дворянскаго землевладѣнія, а съ другой—гипотезамъ и выводамъ популярно-научной соціалистической догмы.

Великое наслѣдіе прошлаго—коллективное право поземель-

наго владѣнія и пользованія—легкомысленно разрушается. Разсчетъ на будущее возстановленіе того же начала, въ болѣе широкой и усовершенствованной формѣ, можетъ оказаться ложнымъ, и то, что̀ разрушено, можетъ остаться похороненнымъ навсегда.

Л. Слонимскій.

НОВЫЙ ГОРОДЪ

Paul Adam, „Autour de la Porcherie".

I.

Въ ожиданіи прохлады и прибытія гостя, котораго всѣмъ такъ хотѣлось видѣть, разговоры замолкли у м—мъ Альвина, уставшей отъ шумнаго пріема. Стройный желтоватый мраморъ Венеры Андіомены гордо высился среди небрежно сидѣвшихъ гостей. На креслахъ, въ ротондѣ и въ галлереѣ расположились отяжелѣвшіе мужчины и дамы въ смятыхъ фланелевыхъ жакеткахъ и кисейныхъ платьяхъ. Даже флиртующія парочки скучали. Ихъ неугомонная болтовня затихла. Шербеты таяли въ стаканахъ. Одинъ за другимъ политики переставали ораторствовать. Чтобы имѣть право молчать, они дѣлали видъ, что очень внимательно слушаютъ маркиза д'Оро, который утиралъ лобъ послѣ каждой фразы и поглаживалъ свою длинную бѣлую бороду.

Сквозь щели спущенныхъ жалюзи вливались струи сладкаго, горячаго запаха цвѣтовъ. Самая нервная изъ молодыхъ дѣвушекъ, Магги Фуллеръ, стала жадно вдыхать ароматъ. Энергичная американка первая стряхнула съ себя оцѣпенѣніе, вызванное жарой. Она протянула свой пустой стаканъ доктору Розасу. Онъ сдѣлалъ усиліе и поставилъ стаканъ на колонку, по близости. Въ эту минуту раздался скрипъ: мулаты поднимали холстъ, скрывавшій отъ взоровъ террасу и паркъ. Показались чешуйчатые стволы пальмъ. Одна за другой поднимались жалюзи и открывались балконныя двери. Пронесся шопотъ облегченья. Вокругъ влажныхъ шей стали порхать вѣера. Наступила отрада послѣполуденныхъ часовъ; пробѣжалъ легкій вѣтерокъ съ моря. Розовые и голубые

шелковые шарфы вздувались на молодыхъ дѣвушкахъ, прибѣжавшихъ изъ глубины галлереи съ Инесой Альвина. Но красивые глаза креолокъ, опушенные длинными рѣсницами, были печальны: свѣтъ блѣднѣлъ на плитахъ террасы, на кустахъ въ саду и даже въ зенитѣ, надъ прекрасной зеленой лирой дерева, стоявшаго по срединѣ луга.

Докторъ Розасъ сталъ увѣрять, что ливень будетъ недолгій и не помѣшаетъ игрѣ въ гольфъ. Дѣвушки насмѣшливо отказывались ему вѣрить. Тогда докторъ взялъ соломинку изъ стакана съ замороженнымъ питьемъ и сталъ показывать, какъ измѣряется вѣтеръ по испареніямъ.

— Сила вѣтра такъ велика теперь,—сказалъ онъ,—что она прогонитъ грозу вовнутрь острова.

Высокая Анита Лопецъ, чэмпіонъ игры въ гольфъ, съ облегченіемъ вздохнула. Значитъ, она снова будетъ побѣдительницей. Голый, точно отполированный черепъ доктора, его съ виду дѣтское лицо, его смѣшные анекдоты про глупую негритянку, которую онъ лечилъ въ больницѣ, забавляли нервныхъ дѣвушекъ. Онѣ обступили доктора, обдавая его запахомъ фіалокъ и вервены. Анита Лопецъ подошла къ нему совсѣмъ близко, вытягивая свои губы съ темнымъ пушкомъ. Концепціонъ Ціенфуентесъ заигрывала съ нимъ, смѣясь всей своей тонкой фигуркой, томно изгибавшейся въ предвидѣніи будущихъ страстей. Стройная въ своемъ изящномъ костюмѣ изъ лиловаго крепа, съ воланами изъ желтыхъ кружевъ, она подбрасывала въ рукѣ свой кошелекъ и эмалевые брелоки, какъ танцовщица, которая щелкаетъ кастаньетами, собираясь танцовать фанданго. Розасъ глядѣлъ на нее, лукаво улыбаясь, но не снисходя до комплиментовъ. Задѣтая его улыбкой, она стала увѣрять, что докторъ вышучиваетъ ихъ всѣхъ, какъ свою негритянку, потому что онъ лечитъ ихъ отъ лихорадки и часто видалъ ихъ больными, слабыми, некрасивыми. Всѣ дѣвушки, похожія, въ своихъ шляпахъ съ широкими полями, на Тріанонскихъ пастушекъ, подхватили обвиненіе Концепціонъ. Имъ всѣмъ понравилась выдумка подруги.

Онѣ стали приставать съ вопросами къ доктору, который видѣлъ ихъ всѣхъ раздѣтыми. Которую изъ нихъ онъ по воспоминаніямъ предпочитаетъ остальнымъ? Онѣ стали косвенно выспрашивать его. Черные съ синимъ отливомъ волосы Концепціонъ благоухали сильнѣе. Ея черныя рѣсницы вздрагивали. Она стала позвякивать брелоками. Магги Фуллеръ клялась, что докторъ не выдастъ тайну сердца. Тогда Филомена Діацъ, спокой-

ная и высокомѣрная въ сознаніи своего богатства и своей пышной красоты, громко сказала: американка боится, что докторъ отдастъ предпочтеніе не ей, а другой изъ нихъ.—Блѣдное, покрытое веснушками лицо Магги вспыхнуло. Она такъ порывисто встрепенулась въ своемъ бѣломъ длинномъ жакетѣ, что камелія въ ея петличкѣ обронила лепестокъ. Веселыя подруги стали дразнить чопорную кальвинистку. Концепціонъ завертѣлась какъ волчокъ на своихъ высокихъ каблукахъ, подбрасывая со звономъ брелоки въ высоко поднятой рукѣ. Ея бѣлые какъ мѣлъ зубы сверкали, оттѣненные ярко накрашенными губами.

Докторъ боялся выдать свои чувства. Ему нравилась Филомена Діацъ своимъ пышнымъ станомъ въ кружевахъ, нравились и гибкая Анита Лопецъ, и болѣзненно-нервная Магги Фуллеръ, и страстная Концепціонъ Ціенфуентесъ, и нравилась также мальчишеская фигура Инесы Альвина въ туго накрахмаленной шемизеткѣ и узкой юпкѣ. Но онъ былъ добродѣтеленъ ради своего положенія, такъ какъ вовсе не желалъ рисковать имъ для любовныхъ приключеній; поэтому онъ сдѣлалъ видъ, что заинтересованъ маркизомъ д'Оро, который краснорѣчивымъ жестомъ увлекъ всѣхъ на террасу. Пророчествуя блестящую будущность Кубанской республикѣ, онъ указывалъ на несравненный видъ, разстилавшійся передъ террасой, на изумрудныя пальмовыя рощи, на Гаванну вдали, на флотъ въ гавани, на безпредѣльную опаловую даль моря.

Легкій вѣтерокъ разносилъ далеко вокругъ запахъ духовъ, пропитывавшихъ одежды молодыхъ дѣвушекъ, влюбленныхъ даже въ своего доктора. Имъ нравился его нѣжный, какъ у женщины, цвѣтъ лица, его подвижной ротъ и черная, заостренная какъ кисть борода. Онѣ продолжали дразнить свою соперницу американку. Принужденная улыбаться, пожимая плечами, Магги вынула наконецъ изъ кармана коротенькій вѣеръ изъ слоновой кости и шелка, и стала имъ обмахиваться, чтобы скрыть свое лицо отъ надоѣдливыхъ подругъ. Потомъ она направилась къ м-мъ Альвина, которая издали показывала гостямъ своихъ изумительныхъ техасскихъ пантеръ. Ихъ клѣтка виднѣлась метрахъ въ десяти отъ террасы, среди колючихъ кактусовъ. М-мъ Альвина, приподнимая свое темно-лиловое съ синими полосками гренадиновое платье, шла вдоль перилъ, у которыхъ стояли облокотившись дамы, сильнѣе благоухавшія при надвигающейся грозѣ, въ сопровожденіи улыбавшихся кавалеровъ.

Инеса, уводя своихъ подругъ изъ галлереи, сочла своимъ долгомъ вступиться за американку.

— У Магги, навѣрное, молочнаго цвѣта тѣло, какъ у всѣхъ рыжихъ,—сказала она.—Вотъ почему она такъ нравится.

— Да что ты, Инеса! У нея невозможный цвѣтъ волосъ.

— Можетъ быть, Филомена... Но за то какія дивныя ноги!

— Чикагская выправка! Маршируетъ какъ прусскій солдатъ...

— Но, кажется, это не мѣшаетъ ей имѣть успѣхъ.

— Докторъ зарится на ея приданое. Его хватило бы для врача, если будетъ желѣзнодорожное движеніе между Лосъ Дадосъ и берегомъ,—объяснила, съ важнымъ видомъ знатока, Филомена Діацъ, свѣдущая въ финансовыхъ вопросахъ. — М-ссъ Фуллеръ помѣстила треть своего состоянія въ акціяхъ Тальдеро-Парахасъ.

— Мой дядя сталъ вѣрить въ успѣхъ предпріятія, съ тѣхъ поръ какъ строители панамскаго канала стали покупать взрывчатыя вещества и стальныя издѣлія на Парахасъ.

— Вашъ дядя Ланоза, Концепціонъ? А что его мулатка?

— Ахъ, милая! Она опять родила двойню; каждый годъ то же самое.

— Да неужели? Когда?

— Во вторникъ,—со вздохомъ отвѣтила Концепціонъ, поднимая къ небу черные какъ уголь глаза съ длинными шелковистыми рѣсницами.

— Фи, какая гадость!

— А еслибы вы видѣли, какъ дядя распускаетъ хвостъ передъ нею!

— У него и животъ какъ у павлина.

— Вотъ потѣха-то, Господи Іисусе!

— Сколько у нихъ всего?

— Девять щенятъ.

— Они съѣдятъ все ваше приданое.

— Это очень грустно, Филомена, очень грустно.

Концепціонъ опустилась въ плетеное кресло и закрыла лицо руками, унизанными кольцами.

— Бѣдненькая!—сказала Инеса, гладя ея волосы.

— Эти негритята тащатъ у меня сахаръ изо рта, сахаръ трехъ плантацій и двухъ заводовъ. У меня только и останутся глаза, чтобы лить слезы.

— Къ счастью, глаза эти—звѣзды.

Концепціонъ вскочила съ кресла и стала изо всѣхъ силъ трясти руку Филомены, которая покраснѣла отъ боли.

— Благодарю васъ, дорогая!

— Ай, мнѣ больно!.. Взгляните лучше на эту Фуллеръ. Вотъ видите, она подобралась къ Розасу.

— Virgen del Cobre! Она трется около него. Она жметъ его волосатую руку...

— Что съ вами, Концепціонъ?

— Я вся дрожу, Инеса.

— Какая вы чувственная! Фи!..

— Молчите... Молчите, говорю я вамъ.

Концепціонъ закрыла себѣ лицо руками и брелоками. Узкая смуглая спина дрожала подъ кружевомъ. Инеса, взбѣшенная, толкнула ее. Филомена Діацъ громко хохотала, вся покачиваясь, не взирая на тяжесть своей монументальной прически и вѣнка розъ на шляпѣ.

— Какъ она плохо воспитана, эта Концепціонъ! — ворчала Инеса.

— Вы видѣли, какъ она кокетничаетъ съ Эрикуромъ?

— Приходилось отворачиваться отъ нихъ.

— Казалось, что имъ мѣшаешь, увѣряю васъ.

— Какъ, этотъ толстый господинъ...

— Она плачетъ съ утра до вечера съ тѣхъ поръ какъ онъ въ Европѣ.

— Онъ очарователенъ, очарователенъ... — вздохнула беззастѣнчивая Концепціонъ. — И онъ все говоритъ...

— Что все?

— Такъ я и сказала!

— Концепціонъ, какъ вамъ не стыдно!

— Я совсѣмъ не о томъ говорю, что вы думаете.

Рычаніе пантеры и возгласы гостей прервали болтовню дѣвушекъ.

Съ террасы бросали цвѣты пантерѣ Семирамисѣ, которая лежала на спинѣ. Ея чудовищно-огромныя лапы хватали воздухъ, полный мошекъ, похожихъ на летающіе изумруды, сапфиры, рубины. Это ничуть не отвлекало молчаливую Клеопатру отъ неустанной ходьбы. Она кружилась, касаясь прутьевъ клѣтки и покачивая головой съ хищно-коварнымъ видомъ. Таиса была раздражена. Изъ ея широко раскрытой пасти вылеталъ, вмѣстѣ съ криками, паръ, направленный прямо въ лицо мулату-генералу Родригесу. Она не выносила его воинственнаго вида, его сѣдой бородки, его высокой, худощавой фигуры въ длинномъ сюртукѣ песочнаго цвѣта, его ногъ въ бѣлыхъ гамашахъ, его тирольской шляпы, его лица, ставшаго надменнымъ со времени войны за независимость. Анита Лопецъ громко засмѣялась. Она

тоже не выносила этого воина за то, что онъ каждую недѣлю дѣлалъ ей предложеніе. Генералъ поблѣднѣлъ. Ноздри его вздрогнули надъ нафабренными усами. Онъ что-то шепнулъ на ухо высокой дѣвушкѣ — можетъ-быть угрозу, потому что она сразу замолкла и опустила глаза.

— Онъ ее убьетъ,—сказала Концепціонъ Магги Фуллеръ.

Въ паркѣ становилось темно.

Далеко вдали синѣлъ городъ вокругъ своихъ испанскихъ колоколенъ. Море сдѣлалось изъ опаловаго зеленымъ, потомъ покрылось пѣной. Десять коршуновъ съ громкими криками дрались изъ-за мѣстъ на соснѣ съ густыми вѣтвями. Всѣ стали слѣдить за этой борьбой, за широкими взмахами крыльевъ и ударами клюововъ. Шляпы дамъ всѣ сблизились, со своими цвѣтами и лентами, которыя однѣ только еще и сохраняли нѣкоторый блескъ, подъ потемнѣвшимъ небомъ, надъ красными чашечками пурпурныхъ цвѣтовъ, надъ потускнѣвшими клумбами, надъ свинцовыми водами бассейна и надъ табуномъ дикихъ лошадей, изваянныхъ калифорнійскимъ скульпторомъ изъ мѣстнаго камня.

По дорогѣ изъ Гаванны все еще не показывался нетерпѣливо ожидаемый всѣми автомобиль; м-мъ Альвина спустила между своихъ черныхъ бровей серебристую прядь, скрывая подъ нею самую глубокую морщину. Что, если Джимъ Кламорганъ не пріѣдетъ? Въ какомъ она будетъ смѣшномъ положеніи. Онъ обѣщалъ пріѣхать только для гольфа, и дождь будетъ для него законнымъ предлогомъ не явиться. А между тѣмъ все это общество подвергало себя палящимъ лучамъ солнца, наиболѣе жгучаго въ четыре часа, только для того чтобы увидать сына „Электрикъ-Стандартъ". Концепціонъ предлагала держать пари, что онъ пришлетъ извинительное письмо. Инеса убѣдила ее въ противномъ, сообщивъ ей на ухо, что Магги Фуллеръ, кузина Кламоргана, письменно условилась встрѣтиться съ нимъ здѣсь. Онъ преодолѣетъ всѣ препятствія, лишь бы не нарушить данное слово. Филомена Діацъ и Карменъ Такешель запротестовали противъ словъ Инесы. Онѣ увѣряли, что милліардъ „Электрикъ-Стандартъ" не попадетъ въ карманъ рыжей Магги. Вѣтреная Концепціонъ стала бранить лицемѣрную Магги, которая соблазняетъ кузена письмами и въ самое утро условленнаго свиданія мчится на своемъ кобѣ такимъ галопомъ, что возвращается запыхавшись, съ страшнымъ сердцебіеніемъ, и матери ея приходится вызывать доктора по телефону. Розасъ, конечно, прилетѣлъ лечить ея больное сердце. Больное сердце! Карменъ Такешель возмутилась. Неужели Кламорганъ дастъ себя одурачить? Филомена Діацъ

этого не допускала. Вотъ онѣ обѣ—стала доказывать имъ Концепціонъ—гораздо болѣе подходящія и выгодныя для него партіи. Инеса подсчитывала про себя несмѣтное богатство Діацовъ и Такешелей. Діацы собирали въ свою пользу въ Мексикѣ портовые сборы, какъ плату за устройство ими моловъ и обзаведеніе портовъ въ морскихъ городахъ. А Такешели были въ родствѣ со всѣми старыми семьями кубанскихъ плантаторовъ, получали отъ нихъ въ наслѣдство ихъ помѣстья, удачно продавали жатвы, а во время войны захватили въ свои руки всѣ заложенныя сахарныя плантаціи. Карменъ Такешель поэтому и не выходила замужъ; она боялась, что на ней хотятъ жениться изъ-за ея приданаго. Съ Джимомъ, по крайней мѣрѣ, этого нечего было опасаться.

Джимъ Кламорганъ однако все еще не являлся. Инеса объясняла, что если онъ пріѣхалъ въ два часа, то ему нужно было еще много времени чтобы переодѣться и всунуть въ петличку одну изъ его знаменитыхъ орхидей „имперіаласъ", которыя постоянно слѣдуютъ за нимъ въ теплицѣ, устроенной въ видѣ сундука.

Барышни продолжали еще говорить объ этой фантазіи милліардера, когда у дома остановился безшумный автомобиль и изъ него вышелъ долго жданный гость. Онъ двумя прыжками поднялся по лѣстницѣ на террасу и подошелъ поцѣловать дрожащую руку м-мъ Альвина. Власть, воплощенная въ этомъ юношѣ, обратила на него всѣ взгляды. Пока происходили представленія, всѣ внимательно разсматривали его бритое лицо, гладко зачесанные лоснящіеся волосы, раздѣленные прямымъ проборомъ, мускулистую грудь подъ рубашкой изъ тонкой ткани, шелковый жилетъ и сѣрую легкую жакетку. Прислуга перешептывалась между собой, находя мало сходства между этимъ мощнымъ атлетомъ, твердо стоявшимъ въ круглыхъ какъ подковы сапогахъ, и худощавымъ старикомъ Кламорганомъ, какимъ его изображали на портретахъ, предшествовавшихъ въ газетахъ свѣдѣніямъ о числѣ его милліоновъ и его біографіи. Свою карьеру онъ началъ съ того, что былъ полисменомъ въ Нью-Іоркѣ, въ Третьей Авеню, гдѣ помогалъ дамамъ переходить черезъ дорогу между омнибусами, получая за это на чай.—М-мъ Альвина съ торжествомъ заявила, что игра въ гольфъ состоится послѣ грозы.

На глазахъ враждебно настроенныхъ противъ американки молодыхъ дѣвушекъ Магги Фуллеръ и Джимъ пожали другъ другу руки, не произнося ни слова. Карменъ Такешель стала обмахиваться вѣеромъ. Филомена Діацъ сѣла въ кресло, съ той самоувѣренностью, которую ей давали ея богатство, ея нѣжный

цвѣтъ лица, ея цвѣтущее здоровье, ея образованіе и великолѣпная прическа. Все это должно было имѣть цѣну въ глазахъ Джима Кламоргана, давая ему возможность объединить „Мексиканскіе порты“ съ „Электрикъ-Стандартъ“. Сидя рядомъ, полныя, красивыя, высокомѣрныя дѣвушки съ милліоннымъ приданымъ соперничали одна съ другою.

Тревожное состояніе, охватившее все общество при появленіи милліардера, понемногу разсѣялось. Смутныя надежды превращались въ возможности. Губы лихорадочно зашевелились:

— Если онъ пріѣхалъ, значитъ онъ получилъ свѣдѣнія о Лосъ Дадосъ.

— А онъ поѣдетъ осмотрѣть работы? — спросилъ генералъ Родригесъ, снимая пенснэ, которое надѣлъ, чтобы составить себѣ мнѣніе о героѣ.

— Поѣдетъ,—отвѣтилъ ему Такешель.— „Франко-Кубанская Компанія“ должна вѣдь еще купить у „Электрикъ-Стандарта“ моторы, мѣдные провода, турбины, которыя будетъ приводить въ движеніе вода вершинъ, когда ее извлекутъ изъ Трехъ-Озеръ. Кламорганы не упускаютъ покупателей ни въ какомъ случаѣ.

— М-мъ Альвина надѣется на большіе доходы въ будущемъ,— заявилъ маркизъ д'Оро.

— Едва ли она ихъ будетъ имѣть, — усомнился генералъ, тревожно глядя то на камелію въ петлицѣ, уже терявшую лепестки, то на Аниту Лопецъ; она говорила съ Джимомъ Кламорганомъ, напоминая ему о партіи въ теннисъ, которую они играли зимой въ Флоридѣ.

М-мъ Альвина погрузилась въ мечты, отвѣчая жестами своимъ гостямъ. Она колебалась между палаццо Формоза въ Сициліи и палаццо Каноссеи въ Римѣ. Въ которомъ изъ нихъ было бы ей лучше принимать кардиналовъ и посланниковъ, когда ея сыновья будутъ царить въ мірѣ, когда Инеса сдѣлается герцогиней Фіезеле или лэди Эссексъ? М-мъ Альвина чувствовала себя хорошо и свободно. Платье не жало ее въ плечахъ. Она взяла одинъ изъ сандвичей съ краснымъ перцемъ, которые разносилъ мэтръ д'отель. При этомъ она стала разсказывать француженкамъ, графинѣ Баснэвъ и м-мъ Лагардеръ, какъ она страдала, будучи маленькой пансіонеркой у бордоскихъ монахинь: тамъ не подавали краснаго перца. Какъ мучительно она тогда тосковала о родной сторонѣ, о матери, которая управляла ихъ плантаціями въ Гаирѣ, объ отцѣ, который обсуждалъ съ англійскимъ министромъ въ Лондонѣ таможенные тарифы. Она зачахла отъ тоски. Заболѣвъ корью, она чуть не умерла, потому что не

могла привыкнуть къ чужбинѣ. Да, любовь къ родинѣ—чисто физическое чувство. Оно въ костяхъ, въ крови, а вовсе не въ одномъ только сознаніи.—Вы съ этимъ согласны, генералъ?—спросила она Родригеса.

Генералъ улыбнулся; онъ не разслышалъ вопроса, такъ какъ все его вниманіе было поглощено разговоромъ Джима и Аниты, серьезно обсуждавшихъ подробности игры въ гольфъ. Кромѣ того политики подняли громкій разговоръ. Они возмущались Нью-Іоркомъ, не стѣсняясь присутствіемъ самаго вліятельнаго нью-іоркскаго гражданина, къ которому они перестали питать чрезмѣрное почтеніе, увидавъ его въ своемъ обществѣ.

Кламорганъ счелъ нужнымъ отойти отъ высокой молодой дѣвушки, чтобы отвѣтить маркизу д'Оро. Весь разговоръ былъ явнымъ вызовомъ ему, и онъ принялъ вызовъ.

— Вашингтонъ не захочетъ возбудить противъ себя демократовъ, — сказалъ онъ, — покровительствуя обмѣну товарами между вами и строителями панамскаго канала. Это слишкомъ опасно, особенно теперь, когда Рузвельтъ даже не рѣшается ѣхать въ Сенъ-Луи, боясь оскорбленій со стороны южанъ; они вѣдь считаютъ, что Сѣверу всегда отдается предпочтеніе передъ ними. Вашингтонъ не позволитъ вамъ захватить панамскій рынокъ въ ущербъ металлургическому производству и химическимъ заводамъ нашего средняго Запада, нашего „Электрикъ-Стандарта", или во вредъ Луизіанѣ.

Это объясненіе вызвало смѣлые вопросы со стороны кубанцевъ.

— Значитъ, вы закрываете намъ рынокъ?—простоналъ депутатъ-плантаторъ Такешель.

— Васъ вовсе не хотятъ разорять.

Послѣ этого отвѣта всѣ стали говорить съ Джимомъ Кламорганомъ какъ съ равнымъ.

— Возобновитъ ли „Электрикъ-Стандартъ" навигаціонный контрактъ съ нашимъ правленіемъ? Въ этомъ весь вопросъ!—воскликнулъ маркизъ д'Оро.

Такешель развелъ руками, надуваясь въ своемъ сѣромъ пиджакѣ.

Кламорганъ выпрямился и спокойно отвѣтилъ:

— Отецъ мой созвалъ вчера нашихъ судовладѣльцевъ. Возобновленіе работъ въ Панамѣ измѣняетъ положеніе дѣлъ.

Вздохъ облегченія вырвался у мужчинъ въ бѣлыхъ жилетахъ, у дамъ въ бѣлыхъ блузахъ, изъ всѣхъ губъ, обросшихъ усами, бритыхъ или накрашенныхъ. Этого слова всѣ ждали цѣлыхъ че-

тыре мѣсяца. Если „Электрикъ-Стандартъ“ начнетъ переговоры съ „Франко-Кубанской Компаніей“ о совмѣстномъ пользованіи пароходами, все остальное придетъ само собой. Франко-кубанскія акціи можно будетъ обмѣнивать на акціи „Электрикъ-Стандартъ“. Дамы уже видѣли въ мечтахъ жемчуга своихъ будущихъ ожерелій и автомобили для своихъ будущихъ экскурсій. Юноши предвкушали красоту своихъ будущихъ подругъ-актрисъ; дѣльцы заранѣе радовались пораженію своихъ враговъ. Довольство озарило всѣ лица, вызывая улыбки, зажигая блескъ въ глазахъ. Отъ радости всѣ легче ступали. Усилившійся вѣтеръ качалъ пальмы въ саду и разносилъ по воздуху волны аромата. Всякое стѣсненіе исчезло. Карменъ и Филомена наперерывъ обращались къ Джиму, восторгаясь его мастерствомъ въ атлетическихъ играхъ.

— А вы знаете, мистеръ Кламорганъ, что уже спартанцы играли въ гольфъ?

Инеса скользя приблизилась къ Джиму, поднимая къ нему лицо въ рамкѣ черныхъ волосъ. Она удивила Джима своимъ подготовленнымъ заранѣе знаніемъ греческихъ атлетическихъ игръ, своими цитатами изъ греческихъ авторовъ. Она получала одинаковое образованіе съ братьями и знала древніе языки.

Магги Фуллеръ рѣшила, что теперь она можетъ, наконецъ, подойти къ кузену, не выдавая своихъ чувствъ, что̀ унизило бы ее въ собственныхъ глазахъ. Все же она поблѣднѣла подъ своими веснушками, когда онъ заговорилъ съ ней по-англійски, а не по-французски, какъ со всѣми. Онъ спросилъ ее, будетъ ли она тоже играть въ гольфъ.

— With you (Съ вами)?

— With me (Со мной).

— Well (Хорошо).

Увидавъ, что она еще больше поблѣднѣла, онъ громко расхохотался хохотомъ добродушнаго янки; смѣхъ его, казалось, слышенъ былъ въ облакахъ. Въ эту минуту пошелъ ливень, громко хлеща по периламъ. Въ концѣ террасы разлились двѣ лужи. На листья кокосовой пальмы обрушились десять, двадцать струй расплескивавшейся влаги. Мулаты быстро уносили подносы, бѣгали по террасѣ. На вѣтвяхъ сосны дрались коршуны. Гости быстро убѣжали въ комнаты.

Филомена Діацъ промокла, не успѣвъ добѣжать. Она однако ни на минуту не утратила обычнаго хладнокровія, въ то время какъ вокругъ нея хлопотали Концепціонъ и генералъ, у котораго оказалось, къ счастью, безконечное количество платковъ.

Изъ учтивости и чтобы быть вполнѣ свѣтскимъ человѣкомъ, онъ даже преувеличивалъ рыцарскую галантность по отношеніи къ подругѣ Аниты Лопецъ. Онъ отказался подойти къ своимъ друзьямъ, которые окружили плантатора Такешеля, выслушивая его сарказмы. Лохматый гномъ съ большимъ животомъ вышучивалъ красавца Эрнандеса д'Альта-Вега, у котораго по всему лицу, отъ виска до подбородка, шелъ огромный шрамъ отъ осколка испанской бомбы. Этотъ воинъ плохо защищалъ свой патріотическій пылъ противъ цифръ краснорѣчиваго противника, который предлагалъ Кубѣ выборъ между двумя или тремя видами рабства. Худшимъ рабствомъ была бы свобода подъ управленіемъ деспотическаго невѣжества крестьянъ. Эрнандесъ, депутатъ, выбранный сельскимъ населеніемъ, выхваливалъ горныхъ жителей Лосъ Дадосъ, которые сражались, подвергались мукамъ въ тюрьмѣ и лагеряхъ, чтобы освободить свою страну. Самая богатая фермерша въ Лосъ Палаціосъ потеряла все. На ея глазахъ испанцы сожгли ея загоны свиней, увели ея стада. Ея мужа и отца взяли въ плѣнъ, и они умерли отъ желтой лихорадки. Теперь овдовѣвшая Пакита Нуньесъ проситъ милостыню, вмѣстѣ съ дѣтьми, на развалинахъ своихъ фермъ, въ своемъ помѣстьѣ, которое никто не хочетъ купить у нея. Другіе не менѣе несчастны, чѣмъ она. Разоренные, безъ работы, уцѣлѣвшіе отъ войны люди превращались почти въ дикарей, ища пищи въ лѣсахъ, на берегахъ озеръ. Къ счастью онъ надѣется, что сможетъ вскорѣ, вмѣстѣ съ Мануэлемъ Эрикуромъ и инженерами, въ широкой степени воспользоваться водами горныхъ озеръ для промышленности, которая внесетъ жизнь въ горную страну и дастъ средства для жизни голоднымъ освободителямъ. Взволнованный голосъ героя дрожалъ. Его жена съ тихимъ восхищеніемъ слушала его, усѣвшись въ углу, чтобы лучше его видѣть и слышать. Промелькнувшая блѣдная молнія испугала нервную женщину, и она невольно вздрогнула. Но еще болѣе ее смутилъ маркизъ д'Оро, сѣвшій рядомъ съ нею. Онъ началъ съ того, что сталъ хвалить ея поэтическій талантъ, такъ какъ извѣстно было, что она пишетъ стихи. Затѣмъ онъ сталъ превозносить своихъ друзей и самого себя. Вскорѣ онъ сталъ доказывать, что м-мъ Альвина обязана всѣмъ своимъ богатствомъ ему. Онъ взялъ въ свидѣтели генерала, который подтвердилъ, что эта легкомысленная женщина совершенно не заботилась о Лосъ Дадосъ, даже послѣ отмѣны испанскаго налога — и все потому, что доходы съ своихъ тамошнихъ владѣній ей пришлось бы дѣлить съ наслѣдниками Эрикура. У жен-

щинъ бываютъ странные предразсудки. М-мъ Эрнандесъ де-ла Вега выразила удивленіе, что бываютъ такія цѣльныя въ своей гордости натуры — и сильно покраснѣла, испугавшись, что ея слова передадутъ хозяйкѣ дома. Да и не сочтетъ ли маркизъ д'Оро дерзостью съ ея стороны высказывать такія сужденія о людяхъ съ высокимъ положеніемъ въ обществѣ? Она стала нервно натягивать кружевныя перчатки на свои длинныя смуглыя руки, чтобы скрыть свое смущеніе, въ то время какъ генералъ Родригесъ сталъ разсказывать ей о братьяхъ Эрикурахъ, которыхъ хорошо знала его прабабушка. Эти корсары славились во времена Наполеона на Антильскихъ островахъ. За ними гнались англійскіе фрегаты, они укрывались со своими судами въ испанскихъ портахъ. Тамъ они продавали свою добычу и снимались съ якоря съ новымъ грузомъ, укрываясь отъ слѣдившихъ за ними коммодоровъ. Двоюродный дѣдушка м-мъ Альвина вошелъ съ ними въ компанію для вывоза своего венецуэльскаго сахара и рома.

М-мъ Эрнандесъ улыбалась изъ любезности, то въ сторону бороды маркиза, то въ сторону усовъ генерала. Ихъ разсказы ее не такъ занимали, какъ то, что ея мужъ, къ великой ея радости, умѣло защищалъ Эрикура и благородно отвѣчалъ, высокій и стройный, на хитроумные доводы депутата-плантатора, такого смѣшного со своимъ подпрыгивающимъ животомъ, своимъ плоскимъ лицомъ, своими лохматыми и курчавыми волосами. Она старалась все-таки вникнуть въ разъясненія генерала, думая, что они, быть можетъ, будутъ полезны для ея мужа. Но какъ она ни щурила глаза, какъ ни повторяла послѣднія слова не вполнѣ разслышанныхъ ею фразъ, чтобы не выдать собесѣдникамъ свое невниманіе, все же до ея слуха доходили лишь отрывки разсказа. Она такъ и не узнала, какимъ образомъ Жакъ Лириссъ, родственникъ Эрикура, убѣдилъ ихъ друга, банкира Фохта, распространять среди кліентовъ своего банка акціи „Франко-Кубанской Компаніи". Поэтесса даже выдала свою разсѣянность тѣмъ, что вдругъ стала разглаживать тюль на своемъ платьѣ, чтобы не возбудить неудовольствія своего Доминго, когда она поднимется среди всѣхъ этихъ дѣвицъ и дамъ въ туалетахъ отъ лучшихъ нью-іоркскихъ и парижскихъ портныхъ. Прежде всего необходимо, чтобы Доминго считалъ ее болѣе граціозной, чѣмъ ея соперницы. Это такъ занимало ея мысли, что она совсѣмъ забыла про маркиза д'Оро, который долженъ былъ коснуться ея пальцемъ, чтобы привлечь ея вниманіе.

— Послушайте,—сказалъ онъ.—Теперь м-мъ Альвина мнѣ благодарна, также какъ м-мъ Лагардеръ. Вы ее знаете? Да, вотъ та француженка въ платьѣ изъ бѣлаго стекляруса. Я заставляю ихъ увеличивать свое богатство на благо родины. Наше несчастье въ томъ, что мы бѣдны. Я васъ всѣхъ обогащу... Я непремѣнно настою на томъ, чтобы д'Альта-Вега подписался на наши акціи. Помогите намъ и вы. Ваша мать очень состоятельна. Вашъ талантъ покоряетъ столькихъ людей...

Маркизъ, увѣренный въ грядущемъ богатствѣ страны, распредѣлялъ всѣмъ роли, говорилъ каждому, что онъ долженъ дѣлать. Присутствіе Джима Кламоргана вселяло энергію во всѣхъ гостей м-мъ Альвина; они были готовы ко всему. Родригесъ, проходя мимо Аниты, сказалъ ей почти громко:

— Вы будете моей женой... будете!..—И онъ стиснулъ зубы.

Ливень все усиливался. Тысячи водопадовъ съ оглушительнымъ шумомъ изливались изъ облаковъ. Они нависали надъ верхушками деревьевъ, сваливали на землю пальмы, мчались ручьями вдоль листьевъ. Вѣтеръ помчалъ въ даль цѣлую водяную пелену. Онъ открылъ убѣжище пантеръ, пріютившихся на скалѣ посреди ихъ клѣтки. Онѣ жалобно мяукали при каждомъ сверканіи молніи, ранящей природу своими алыми красками.

Всѣ стояли, съ освѣженными вѣками и сухими щеками, передъ величественнымъ зрѣлищемъ. Трескъ грома заставлялъ говорить громче. Крики усиливали общую веселость. Палевые, голубые и розовые шарфы развѣвались, обнажая плечи и гибкія спины тріанонскихъ пастушекъ, которыя скользили на встрѣчу другъ другу.

Смѣхъ Джима Кламоргана сотрясалъ воздухъ, какъ ржаніе жеребца. Подруги Инесы окружили его, сначала робѣя, а потомъ шаловливо дразня его. На радость, быть можетъ, девяти музъ и Аполлона, изображенныхъ на фрескахъ галлереи, всѣ эти Аниты, Мерседесы, Дельфины и Сары раздѣлились на двѣ группы, которыя шли лицомъ къ лицу, стараясь выступать какъ можно граціознѣе. Взявшись подъ-руку, онѣ весело болтали. Огромныя порфировыя вазы, стоявшія на колоннахъ, отражали ихъ кокетливыя движенія. Американецъ разсказывалъ о своей недавней продѣлкѣ въ Нью-Іоркѣ: первый этажъ ресторана Шерри былъ превращенъ въ арену цирка, покрытую землей и пескомъ, для сорока спортсменовъ, которые обѣдали сидя верхомъ; имъ прислуживали двадцать конюховъ. Кламорганъ предложилъ барышнямъ угостить ихъ въ Гаваннѣ такимъ же образомъ; это дастъ имъ случай показать, каковъ у нихъ аппетитъ, а также—хорошія ли онѣ наѣздницы.

Онъ со смѣхомъ говорилъ, что видитъ заранѣе, какъ у Карменъ все платье будетъ облито виномъ при малѣйшемъ движеніи лошади, какъ Филомена не сможетъ даже лизнуть мороженаго съ ложечки, потому что лошадь ея, возбужденная игрой оркестра, подпрыгнетъ какъ разъ въ самую неудобную минуту. Сдвигая и разглаживая брови, онъ сталъ изображать жесты испуганныхъ амазонокъ и прыжки нервныхъ животныхъ. Молодымъ дѣвушкамъ было такъ весело отъ его шутокъ и смѣшныхъ жестовъ, что, уставъ смѣяться, онѣ сѣли отдыхать на диваны изъ золоченаго плетенья. Онѣ покатывались со смѣха, не слишкомъ пряча открывавшіяся отъ рѣзкихъ движеній ноги въ шелковыхъ чулкахъ. Ихъ шумное веселье мѣшало политическимъ спорамъ мужчинъ. Даже Такешель пересталъ опровергать опасенія Розаса. Докторъ доказывалъ, что снова можетъ появиться желтая лихорадка. Въ сущности это его вовсе не пугало. Чтобы занять ослабѣвающее вниманіе депутата и маркиза, онъ громко, почти крича, объяснялъ имъ, какія мѣры нужны для того, чтобы обезвредить болота, которыя неминуемо образуются, а потомъ какъ истребить мухъ, разносящихъ заразу, когда Эрикуръ измѣнитъ направленіе воды для своихъ турбинъ. Ему даже хотѣлось, чтобы, благодаря эпидеміи, у него набрался матеріалъ для серьезныхъ лабораторныхъ работъ въ Гаваннѣ. Поднявъ къ небу свои длинныя руки, наивный Эрнандесъ возмущался безнравственностью желаній Розаса. Жена его стала рѣзко порицать цинизмъ доктора, обращаясь къ м-мъ Альвина, которая улыбалась, не слушая ея. Грохотъ грома и шумъ дождя оглушали въ огромной круглой залѣ, гулко отдаваясь во всѣ стороны, какъ въ церкви. Докторъ сталъ защищаться. Нѣкоторые пункты его теорій оставались невыясненными изъ-за отсутствія матеріала для наблюденій. Онъ раскаявался, что слишкомъ рано объяснилъ американскому главному штабу, какъ уничтожить черную рвоту на островѣ. Біологъ лишался чрезъ это матеріала для наблюденій и изслѣдованій, результаты которыхъ спасли бы гораздо больше людей впослѣдствіи, когда, изъ-за Эрикура, снова появится на Кубѣ желтая лихорадка.

Эрнандесъ де-ла Вега не могъ согласиться съ нимъ. Боясь оказаться неучтивымъ, онъ сначала не рѣшался возражать и взглядомъ попросилъ совѣта у жены. Она поддержала его въ необходимости отстаивать свои взгляды, кивнувъ ему одобрительно головой. Богатая и знатная жена Эрнандеса знала свѣтскія правила, неизвѣстныя защитнику Лосъ Дадосъ, который былъ прежде простымъ учителемъ исторіи въ Карденасѣ.

Поддерживая Такешеля, Эрнандесъ возвысилъ голосъ. Ему нравилась собственная рѣчь. Онъ сталъ обвинять доктора въ людоѣдствѣ, сказалъ, что узнаетъ въ смугломъ лицѣ Розаса, въ его черной бородѣ, въ его подвижности и нѣкоторой тучности отличительныя черты первыхъ людоѣдовъ, встрѣченныхъ Колумбомъ. И онъ отстаивалъ свои убѣжденія какъ историкъ, этнографъ и филологъ, выкрикивая каждое слово среди шумнаго веселья Инесы и Магги Фуллеръ, крики и смѣхъ которыхъ доносились изъ глубины галлереи.

Такешель поспѣшилъ заявить, что на то онъ здѣсь, чтобы не допустить распространеніе заразы. Эрикуръ—не хозяинъ въ Лосъ Дадосъ. Маркизъ подтвердилъ его слова. Онъ самъ создалъ Пуэрто Бланко, посовѣтовавъ м-мъ Альвина разводить ранніе овощи и плоды для вывоза. Такешель въ свою очередь создалъ Кальдеро, положивъ начало, въ союзѣ съ синдикатомъ плантаторовъ, разводкѣ сахарнаго тростника на первомъ выступѣ горы. Что касается хлопчатобумажныхъ плантацій, то развѣ Эрикуръ могъ бы мечтать о нихъ, еслибы докторъ Розасъ не открылъ недавно микробъ эпизоотіи, уничтожающей насѣкомыхъ, которыя грызутъ листья? А затѣмъ развѣ Эрикуръ могъ бы построить свои турбины въ Парахасъ, безъ машинъ и безъ рабочихъ „Электрикъ-Стандартъ"? Что Эрикуръ могъ бы сдѣлать безъ всѣхъ ихъ? Ничего.

Анита Лопецъ, чтобы досадить генералу, вздумала показать Кламоргану свое мастерство въ танцахъ. Не смотря на ненависть ея испанской семьи къ евреямъ, она взяла за плечи Сару Леви, курчавую и разряженную; затѣмъ, побѣдивъ свою злобу противъ Мерседесъ Хименесъ, стоявшей рядомъ съ Дельфиной Рюисъ, она обняла гордую кастильянку. Онѣ стали медленно извиваться, съ граціей, свойственной креолкамъ, продѣлывая установленныя движенія національнаго „данцона". Инеса Альвина играла ритмичную мелодію танца на роялѣ за статуей Аполлона съ лирой въ рукахъ. Дѣвушки въ тактъ музыкѣ изображали вздрагиваніе змѣи, которую будитъ музыка, заставляя ее выпрямиться, чтобы вполнѣ насладиться мелодіей. Туфли со стукомъ ударялись объ полъ, потомъ съ легкостью отталкивались, чтобы потомъ снова крѣпче ступить. Танецъ казался призывомъ къ тайному, почти безмолвному, изысканному наслажденію. Такъ объяснялъ его генералъ, возбужденно слѣдя за движеніями красавицъ-креолокъ. Анита, стройная въ своемъ полотняномъ платьѣ песочнаго цвѣта, Мерседесъ, пышная въ сѣромъ крепѣ, вышитомъ синимъ шелкомъ, Дельфина, съ рѣзко выступающими линіями

подъ сѣроватымъ гипюромъ, Сара, гибкая подъ шелковымъ газомъ, медленно и торжественно вращались на одномъ мѣстѣ, откидывая головы одна противъ другой съ видомъ страдальческой томности. Танцы привлекли толпу гостей въ галлерею. Всѣ шумно апплодировали. Розасъ сталъ объяснять Магги Фуллеръ особенность стариннаго караибскаго ритма. Концепціонъ и Филомена засмѣялись. Дочь м-мъ Лагардеръ поспѣшила шепнуть на ухо своему милому дядѣ Александру про романъ между докторомъ и дѣвушкой съ больнымъ сердцемъ. Эта сплетня сейчасъ же распространилась среди семей французскихъ плантаторовъ. Ее сообщили, подъ прикрытіемъ вѣера, Жумильяку, секретарю Эрикура, бойкому молодому человѣку, который приводилъ въ восторгъ дамъ своими ироническими замѣчаніями и рискованными шутками. Кубанскія дамы прозвали его „Парижемъ", до того онъ имъ казался воплощеніемъ души бульварныхъ театровъ и салоновъ парка Монсо. Съ тѣмъ же стихійнымъ юморомъ Джима Кламорганa прозвали „золотымъ дѣльцомъ". Эта шутка привела въ восторгъ графиню Баснэвъ. Она такъ смѣялась, что съ ея прически посыпалась пудра на шелковое платье. Вынувъ изъ кармана бонбоньерку, расписанную лиліями французскаго королевскаго герба, наслѣдіе отъ ея прабабушки, она пожалѣла вслухъ о томъ, что покинула Францію въ 1873 году, не желая жить подъ управленіемъ лавочниковъ. Оказалось, что вездѣ царятъ купцы. — „Золотой дѣлецъ!" — А вѣдь онъ все стоитъ, посмотрите!—сказала она.—Всѣ они не любятъ садиться, до того ихъ отцы сохранили лакейскую привычку стоять. А эти дуры лебезятъ передъ нимъ! Посмотрите. Онѣ готовы броситься ему на шею. Онѣ млѣютъ, глядя на него. Посмотрите на Концепціонъ Ціефуентесъ! Мы бы въ ихъ годы умерли со стыда, а не танцовали бы съ сыномъ городового. Да, да, много низостей дѣлается ради денегъ, Монтиньякъ!

Увѣренная въ своемъ превосходствѣ, графиня стала разсматривать всѣхъ въ лорнетку. Въ это время въ комнату ворвался снопъ солнечнаго свѣта, сверкая, ослѣпляя всѣхъ. Филомена Діацъ первая обрадовалась.

— Можно играть въ гольфъ!.. Мистеръ Кламорганъ! Нѣтъ дождя...

Синеватая дымка поднималась надъ травами. Вмѣстѣ съ Концепціонъ, которая разсказывала подругамъ, что у Эрикура большая четырехугольная борода, какъ у Перикла, толпа молодыхъ дѣвушекъ выбѣжала на террасу. Плиты быстро высыхали въ мѣстахъ, по которымъ перестали струиться ручейки дождя.

Техасскія пантеры граціозно облизывали свои мокрыя лапы. Коршуны снова стали летать, хлопая крыльями, сверкающими на солнцѣ. Засверкали лошади скульптурной группы, отполированной дождемъ.

Въ эту минуту зазвенѣли бубенцы двѣнадцати муловъ, запряженныхъ въ два экипажа. На козлахъ сидѣли и раскланивались съ гостями близнецы м-мъ Альвина, двое юношей на одно лицо съ сестрой ихъ Инесой. Мулы остановились. Молодежь стала взбираться на подножки экипажей, а м-мъ Альвина въ это время стала приготовлять для политиковъ и для стариковъ карточные столы для виста, бриджа и покера.

Чернокожіе кучера хлеснули муловъ длинными бичами, и они понесли легкимъ галопомъ веселую ватагу молодежи.

Лица близнецовъ сіяли торжествомъ. Наконецъ ихъ безпроволочный телеграфъ дѣйствуетъ какъ слѣдуетъ! Они со вчерашняго дня получили нѣсколько депешъ изъ Гаванны и изъ Лосъ Дадосъ. Въ одной изъ этихъ телеграммъ Эрикуръ сообщилъ, что принимаетъ приглашеніе ихъ матери сегодня на обѣдъ. Пабло вынулъ изъ кармана телеграмму; Фернандъ размахивалъ ею по воздуху. Упоенные торжествомъ, очаровательные съ своими изсиня-черными волосами, юноши стали дразнить доктора Розаса. Онъ говорилъ, что они никакъ не смогутъ сами все устроить—а между тѣмъ никто имъ не помогалъ, кромѣ сестры, которая провѣряла разсчеты, и слуги, который установилъ аппаратъ, присланный изъ Европы, и укрѣпилъ столбъ на башнѣ надъ павильономъ для опытовъ. Дружески хлопнувъ по плечу обоихъ братьевъ, Кламорганъ поздравилъ ихъ съ удачей.

На упряжи муловъ бубенцы звенѣли такъ громко, что приходилось молчать. Съ шумомъ и гамомъ экипажи рысью мчались вверхъ по крутому подъему. Они проѣхали мимо пальмъ, украшенныхъ еще сверкающими каплями дождя. Мулы взрывали землю, которая комками летѣла вверхъ, попадая на юпки дѣвушекъ. Концепціонъ и Сара громко кричали. Такъ они доѣхали до хижины изъ сухихъ пальмовыхъ вѣтвей и полированнаго дерева. У входа стояло нѣсколько негровъ. Они помогли всѣмъ выйти изъ экипажей; затѣмъ, взявъ футляры съ палками, предложили свои услуги въ качествѣ носильщиковъ. Концепціонъ и Филомена коварно настаивали на томъ, чтобы Магги играла непремѣнно съ докторомъ. М-мъ Фуллеръ, говорили онѣ, прямо запретила ей играть не подъ наблюденіемъ врача. Онѣ рѣшили, что Магги и Розасъ будутъ играть вдвоемъ противъ Кламоргана и Аниты Лопецъ. Розасъ одолжилъ свой бинокль, чтобы ознако-

мить Джима съ протяженіемъ поля игры и съ устроенными на немъ препятствіями. Близнецы Альвина вмѣстѣ съ старшей сестрой составили партію изъ троихъ. Инеса первая столкнула съ мѣста свой мячъ, чтобы указать дорогу. Группы шумно составились. Филомена, спокойная, стояла опершись на зонтикъ и ждала, чтобы началъ игру Кламорганъ. Онъ снялъ жакетку и жилетъ. Выбравъ палку съ наконечникомъ въ видѣ желѣзной лопатки, онъ схватилъ ее обѣими руками, съ удовольствіемъ замѣтивъ восхищенные взоры Магги, Филомены и Карменъ, прицѣлился къ мячу, лежавшему на травѣ, и откинулся назадъ. Руки атлета быстро взвились, маншетки его рубашки закружились, ослѣпляя взгляды, опустились, и мячъ, быстро прорѣзавъ воздухъ, упалъ близъ дерна, окаймлявшаго первую ямку. Раздались громкія рукоплесканія восхищенныхъ тріанонскихъ пастушекъ. Джимъ остановился, вытянувшись по направленію цѣли съ напряженными мускулами, надувшимися подъ полотномъ рубашки. Анита Лопецъ подбѣжала и вогнала мячикъ въ ямку. Когда она отошла, примчался мячикъ Инесы. Ея братья не позволили ей коснуться флага, составлявшаго одно изъ препятствій. Рой зрительницъ подбѣжалъ для рѣшенія ихъ спора, подъ предводительствомъ кастильянки Мерседесъ Хименесъ, худощавой дѣвушки съ крупнымъ полнымъ лицомъ. Поднялся шумъ. Подобравъ развѣвающіяся складки своего сѣраго платья, Мерседесъ выкрикивала властныя приказанія. Розасъ изумилъ американца, перебросивъ мячъ однимъ ударомъ черезъ препятствіе, состоявшее изъ насыпи надъ большой лужей. Его наградили апплодисментами. Соревнованіе увлекло черезъ холмы и долы отважныхъ дѣвушекъ и ихъ партнеровъ. Они мчались отъ пригорка къ пригорку, съ раздувающимися шарфами и боевыми возгласами. Своими мощными ударами близнецы напрягали упругость маленькихъ бѣлыхъ мячиковъ, которые взлетали къ небу прежде чѣмъ упасть въ траву. Мальчикамъ хотѣлось сравняться съ Кламорганомъ. Его вызывающая ловкость и сила опьяняла ихъ...

Такъ они всѣ подошли къ мѣсту, гдѣ поле игры спускалось въ глубь долины, прорѣзанной по срединѣ ручейкомъ. На другомъ берегу толпа рабочихъ собирала ананасы. Нѣсколько человѣкъ поклонились Инесѣ. Пабло дружески окликнулъ ихъ. Кубанцы, съ тяжелыми черными волосами и безбородыми лицами, одинъ за другимъ поднимали головы, чтобы лучше разсмотрѣть сказочныхъ принцессъ. Работа пріостановилась. Руки, уставшія проталкивать ножи въ стебли, вытянулись вдоль граціозныхъ тѣлъ, едва прикрытыхъ ситцевыми рубахами и узкими панта-

лонами. Одинъ изъ рабочихъ крикнулъ въ отвѣтъ на привѣтствіе Пабло, что управляющій обѣщалъ имъ двойную плату, если они закончатъ уборку поля до вечера. Черезъ день назначенъ былъ розыгрышъ тайной лоттереи, и надежда на выигрышъ воодушевляла даже самыхъ лѣнивыхъ.

Кланяясь поочереди дочери хозяйки, рабочіе приподнимали свои соломенныя шляпы. Инеса быстро шла за своимъ мячемъ, брошеннымъ далеко впередъ, и рабочіе, подбадривая другъ друга, рѣшили идти въ ногу съ ней, срѣзая ананасы. Ихъ тонкія ноги торопливо двигались, торсы исчезали въ зелени растеній, худыя, смуглыя спины торчали кверху.

Игра продолжалась. Жумильякъ и Карменъ дразнили Магги, которой не удался ударъ, предписанный Кламорганомъ. Чэмпіонъ подскочилъ къ ней. Онъ нахмурилъ брови надъ впалыми глазами и мастерскимъ ударомъ погналъ мячъ дальше. Магги Фуллеръ вторично промахнулась на его глазахъ. Точно почувствовавъ презрѣніе къ поблѣднѣвшей кузинѣ за плохую игру, онъ отвернулся. Розасъ никакъ не могъ утѣшить свою пріятельницу, какъ онъ ни разъяснялъ ихъ неудачу независящими отъ нихъ обстоятельствами.

Горизонтъ поднимался къ солнцу, которое еще золотило верхушки царственныхъ пальмъ и цвѣтъ платьевъ, которыя, по волѣ вѣтра, плотно обхватывали тѣла пастушекъ. Только отъ времени до времени любезныя фразы Инесы и взбѣшенные возгласы Мерседесъ сопровождали ходъ игры. По глинистой почвѣ и по темной травѣ неслись пестрые рои дѣвушекъ, слѣдившихъ за ходомъ игры. Клотильда и Фернандо нагоняли другъ друга и смѣялись, полувлюбленные. Игра осложнялась возбужденіемъ общей влюбленности. Юноши все болѣе воспламенялись, дѣвушки все болѣе кокетничали. Отъ каждаго юноши онѣ требовали, чтобы онъ былъ такъ же силенъ, какъ американецъ, который какъ бы завладѣвалъ землей, измѣряя ее своими упругими ногами. Каждая дѣвушка казалась юношамъ подобною сочнымъ плодамъ, ароматъ которыхъ носился въ воздухѣ. Концепціонъ вздрагивала, глядя, какъ Клотильда Діацъ и Фернандо Альвина упорно и мучительно гнались другъ за другомъ съ раскраснѣвшимися щеками. Филомена утратила свое обычное спокойствіе. Она бѣгала, запыхавшись, чтобы не терять изъ виду Кламоргана. Кровь играла въ жилахъ у всѣхъ. Руки быстро хватали развѣвавшіеся шарфы. Во всѣхъ просыпались инстинкты первобытныхъ существъ, которыя гнались за нимфами, готовыми претерпѣть любовь или смерть, согласно капризнымъ желаніямъ фавновъ. Истинный

страхъ тѣснилъ грудь Карменъ Такешель, когда Жумильякъ позвалъ ее погулять съ нимъ наединѣ. Она удивлялась себѣ, что допустила подобную близость съ нимъ, и ясно сознавала, что ея тревожное состояніе вызвано было пріѣздомъ атлета, принесшаго съ собой надежду, грозой и соленымъ дыханіемъ вѣтра.

При золотыхъ лучахъ заката жнецы поднялись бѣлымъ войскомъ всѣ сразу, чтобы сдѣлать нѣсколько шаговъ впередъ. Они показывали другъ другу атлета и сверканіе его палки, указывавшей поворотъ къ выходу изъ долины. Они тоже направлялись къ этому мѣсту. Тамъ крестьянки складывали жатву, собирая ананасы и набивая ихъ охапками на сѣдла худощавыхъ лошадей. Желаніе покончить дѣло послѣднимъ усиліемъ охватило самыхъ слабыхъ. Порѣдѣвшій рядъ жнецовъ снова оживился. Жнецы надѣялись дойти до цѣли раньше американца, потому что они рѣзали стебли, подвигаясь по прямой линіи, между тѣмъ какъ чэмпіонъ долженъ былъ переходить отъ ямки къ ямкѣ, взбираться вверхъ и спускаться внизъ, „брать" препятствія, ждать уставшую Аниту Лопецъ.

Сначала рабочіе сравнялись съ Магги и ея негромъ, который несъ за нею палки, но вмѣсто того, чтобы подавать ихъ ей, слѣдилъ за Кламорганомъ, показавшимся на вершинѣ слѣдующей насыпи.

Чэмпіонъ подбирался уже къ одиннадцатой ямкѣ. Магги Фуллеръ перемѣнила палку. Она взобралась на восьмую насыпь. Раскачивая слишкомъ худыя руки, она дважды коснулась мячика, не рѣшаясь ударить его разомъ. Она боялась опять промахнуться. Кламорганъ придавалъ такое огромное значеніе спорту! Физическую силу и ловкость онъ считалъ признакомъ сильнаго характера, не знающаго лѣни. Молодая дѣвушка была въ отчаяніи отъ своей плохой тренировки. Джимъ навѣрное считаетъ ее трусихой. Эта мысль была для нея нестерпима. Она возненавидѣла Розаса за то, что онъ заставлялъ ее беречься. Стоитъ ли жить, теряя всѣ шансы въ жизни! Единственнымъ счастьемъ для нея было бы увлечь Джима Кламоргана и, выйдя замужъ за него, пріобрѣсти власть надъ людьми, подчиняя ихъ себѣ черезъ посредство банковаго кредита. Джиму нужна энергичная женщина, которая съумѣла бы казаться радостной, чтобы познать истинную радость, которая проявляла бы силу, чтобы обрѣсти власть надъ собой и надъ другими. Ее онъ считалъ еще недостаточно сильной, хотя и любилъ ее. Магги Фуллеръ боялась, поэтому, снова проявить свою слабость. Она не съумѣла осилить свою лѣнь, побѣдить усталость, забыть мечты, чтобы усилить устойчивость

своихъ мускуловъ и развить ловкость движеній. Анита Лопецъ и Инеса Альвина, креолки, играли, къ стыду Магги, лучше, чѣмъ она. Онѣ въ этомъ убѣдились, видя промахи Магги. Инеса отлично вела свою игру. Значительно опередивъ братьевъ, она вкатила мячикъ въ девятую ямку при одобрительныхъ возгласахъ гостей. Кламорганъ издали махалъ платкомъ въ честь старшей сестры Фернандо и Пабло, столь похожей на нихъ въ своей узкой юпкѣ.

Въ нѣсколько минутъ лѣвый флангъ рабочихъ нагналъ Розаса, хотя онъ выбивался изъ силъ, чтобы не дать увеличиться разстоянію между двумя партіями играющихъ.

Маленькій, коренастый, онъ быстро шелъ, карабкался вверхъ, скатывался внизъ. Его подоткнутые панталоны обнажали толстыя ноги въ синихъ носкахъ. Онъ не замѣтилъ ни желтаго платка, ни поклона старухи Мануэлы, которой онъ выпрямилъ незадолго до того искривленный бокъ. Работницу огорчило его невниманіе. Она не могла понять, какъ такой ученый человѣкъ, благодаря которому она ходитъ какъ всѣ, прохромавъ цѣлыхъ десять лѣтъ, забавляется игрой въ мячъ вмѣстѣ съ крикливыми дѣвчонками.

Регасъ, остановившійся чтобы вправить свой ножъ, сталъ спрашивать совѣта у жены своей, Юліи, какъ распорядиться выигрышемъ, который навѣрное достанется ему завтра. Купить ли бочку рому, или сѣрую кобылу, или три десятины земли для кокосовой рощи, или же золотую брошку для Юліи, или вазу изъ золоченой мѣди для украшенія парадной комнаты, гдѣ ихъ пять дочерей стоятъ по вечерамъ у балконовъ, ожидая жениховъ? Юлія ничего не отвѣчала. Мужъ обругалъ ее и снова принялся срѣзывать ананасы, тяжело дыша. Товарищъ его, Кальдасъ, тоже не могъ ему отвѣтить на его вопросъ, когда они сваливали въ кучу срѣзанные плоды съ колючими листьями. Въ случаѣ выигрыша онъ рѣшилъ купить двадцать быковъ для упряжки, чтобы заняться доставкой сахарнаго тростника на станцію Тальдеро. „Это очень выгодное дѣло“,—увѣрялъ онъ, стягивая зеленый кушакъ на впаломъ животѣ. Хромой Трельзимино не соглашался съ нимъ. Онъ сказалъ, что предпочтетъ купить за свой выигрышъ процентныя бумаги, напримѣръ акціи „Электрикъ - Стандартъ“, о которыхъ такъ много говоритъ м-мъ Альвина. Тогда онъ сможетъ спокойно жить на свои доходы въ кварталѣ Церро. Товарищи возмутились. „Стыдно—говорили они ему—отдавать кубанскія деньги проклятымъ янки!“ Рабочіе всѣ остановились, подтягивая землисто-сѣрые панталоны

и вытирая ножи, чтобы оправдать перерывъ въ работѣ. Кабатчикъ Кадеросъ сталъ читать цѣлую проповѣдь: освободившись отъ испанскаго налога,—говорилъ онъ—нужно использовать естественныя богатства родной почвы. Достаточно рубить деревья въ горахъ и доставлять ихъ на желѣзную дорогу, чтобы получить груду пэзосъ. Альфонсо заявилъ товарищамъ, что онъ найметъ за выигранныя деньги негровъ-дровосѣковъ и будетъ продавать палисандровое дерево коммиссіонерамъ европейскихъ торговцевъ деревомъ. Нинья предпочитала разводить овощи и продавать ихъ на корню нью-іоркскимъ коммиссіонерамъ. И говоря это, она хлопнула по спинѣ своего желтаго ослика, прежде чѣмъ навьючить на него ананасы Альфонсо. Мануэла напомнила рабочимъ, что по средамъ и пятницамъ приходитъ пароходъ изъ Пуэрто Бланко за зеленымъ горошкомъ для клубныхъ обѣдовъ. Мечтая о выигрышѣ, всѣ они воображали себя плантаторами прежняго времени, въ высокихъ сапогахъ и съ бичемъ для надзора за упрямыми неграми. Вскорѣ они опять обливались потомъ, торопясь изо всѣхъ силъ срѣзать неспѣлые еще плоды. Пароходъ изъ Нью-Орлеана долженъ былъ, по ихъ разсчету, увезти менѣе чѣмъ черезъ двое сутокъ сто тысячъ ананасовъ. Ими будутъ лакомиться въ Нью-Іоркѣ клерки и переписчицы на машинахъ, можетъ-быть тѣ самые, которые служатъ у компаньоновъ Кламоргана. Присутствіе Кламоргана очень ихъ подбодряло; они восхищались имъ здѣсь, на землѣ, освобожденной его соотечественниками.

Кламорганъ часто оборачивался къ Инесѣ. Его заинтересовала стройная дѣвушка, плоская и прямая, въ своей рубашечкѣ съ отложнымъ воротникомъ и полотнянымъ галстухомъ. Джимъ оцѣнилъ по достоинству ея нервную силу и упругость мускуловъ; ему нравилась ея настойчивость въ игрѣ. Молодая креолка казалась ему достойной стать американкой. И близнецы, выбравшіе для забавы устройство безпроволочнаго телеграфа, очень ему нравились. Онъ охотно согласился бы признать ихъ братьями. Онъ самъ не зналъ въ дѣтствѣ другихъ игрушекъ, кромѣ маленькихъ спиртовыхъ паровозовъ и игрушечныхъ поѣздовъ. Агенты „Электрикъ-Стандартъ" не преувеличили ничего въ своихъ сообщеніяхъ. М-мъ Альвина, задыхающаяся дама въ затѣйливыхъ туалетахъ—несомнѣнно энергичная особа. И какъ ей удалось раздобыть этого русскаго еврея изъ Одессы, который въ три года обучилъ мальчиковъ всѣмъ предметамъ школьнаго курса! Джимъ цѣнилъ въ ней и то, что она слѣдовала совѣтамъ маркиза д'Оро, который пріобрѣлъ большую популярность въ

Нью-Іоркѣ своимъ обращеніемъ къ гражданамъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ съ цѣлью обезпечить независимость острова Кубы. Такая мать, навѣрное, вполнѣ вѣрно опредѣлила стоимость своихъ владѣній, своихъ рудниковъ, а также энергіи, которую можно извлечь изъ озеръ и водопадовъ въ Лосъ Дадосъ. Какъ Кламорганъ-отецъ ни ненавидѣлъ латинскую расу за ея недовѣрчивость, все же Джимъ рѣшилъ взяться за Эрикура, который навѣрное такой же легкомысленный человѣкъ, какъ Жумильякъ, смѣлый и предпріимчивый только съ молодыми дѣвушками.

Если дѣло окажется дѣйствительно такимъ выгоднымъ, какимъ оно обѣщаетъ быть, то Кламорганъ-отецъ навѣрное утвердитъ власть „Электрикъ-Стандартъ" въ этой странѣ, будущее богатство которой скрыто въ почвѣ, на которой стоялъ Джимъ. Въ мечтахъ своихъ онъ уже видѣлъ себя владѣльцемъ острова, его желѣзныхъ дорогъ, его фабрикъ, его полей, облитыхъ золотымъ свѣтомъ, въ которомъ теперь шли рабочіе, торопясь кончить работу, въ то время какъ Джимъ обхватывалъ ихъ землю полетомъ своего мяча подъ бурные апплодисменты Филомены Діацъ. Поднимая высоко юпку и показывая ноги въ желтыхъ чулкахъ, она не щадила тонкой ткани платья и мчалась за чэмпіономъ, который быстро двигался впередъ.

Споры и смѣхъ не умолкали на всемъ протяженіи поля игры. Жумильякъ требовалъ установленія штрафовъ за неловкіе удары. Онъ все критиковалъ: мѣсто, выбранное для игры, погоду, весь міръ. Онъ сталъ даже ругать негровъ, носившихъ палки, за то что они не хотѣли указать мѣсто, гдѣ застрялъ мячъ Магги. Мерседесъ стала передразнивать „золотого дѣльца", его прыжки, его важный видъ. Этимъ она разсмѣшила Карменъ Такешель, очень мрачную въ своемъ платьѣ изъ старинныхъ кружевъ. Слишкомъ ужъ много пришлось бы стараться, чтобы увлечь атлета. Ея смѣхъ, обнажавшій великолѣпные зубы, обѣщалъ гасконцу ея дружбу—а то, быть можетъ, и милліоны ея отца, плантатора и депутата. Жумильякъ, обрадованный ея вниманіемъ, продолжалъ всѣхъ вышучивать. Онъ сталъ потѣшаться надъ слишкомъ высокимъ ростомъ Клотильды Діацъ, пятнадцатилѣтней школьницы, которая держала въ рукѣ свою шляпу, украшенную розами и сѣрыми лентами, чтобы удобнѣе мчаться отъ одной группы играющихъ къ другой. Фернандо Альвина часто нагонялъ ее и принималъ тогда позу пастушка à la Ватто въ своихъ короткихъ шелковыхъ панталонахъ и рыжевато-желтыхъ чулкахъ. Пабло, очень этимъ недовольный, обвинялъ брата въ недостаточномъ вниманіи къ игрѣ. Хохотъ пастушекъ пристыдилъ братьевъ-

соперниковъ; они оба покраснѣли. Концепціонъ стала смѣяться надъ любовью обоихъ братьевъ къ Клотильдѣ. Мерседесъ осуждала ихъ ревность другъ къ другу. Фернандо, раздраженный, отряхнулъ прядь волосъ, закрывавшую ему лѣвый глазъ, и снова принялся играть. Инеса покраснѣла. Рабочіе быстро отбрасывали вправо чешуйчатые плоды, срѣзанные съ стеблей. Жены и дочери рабочихъ собирали ихъ, засучивъ рукава рубашки, для большаго удобства въ работѣ. Кальдасъ сталъ звать товарищей на пѣтушиный бой въ ближайшее воскресенье. На другомъ берегу ручья Фернандо Альвина услышалъ его зовъ и крикнулъ, что онъ тоже отправится на бой со своимъ чэмпіономъ, пѣтухомъ Колумбомъ. Пабло сказалъ, что и онъ принесетъ своего пѣтуха. Альфонсо предсказалъ ему побѣду, если онъ будетъ кормить птицу маисомъ, смоченнымъ въ ромѣ. Мартинесъ сталъ объяснять, какъ это дѣлается, не переставая срѣзать ананасы, лежавшіе теперь длиннымъ, ровнымъ рядомъ на землѣ. Близнецы просто и дружелюбно разговаривали съ рабочими. Инеса тоже добродушно поддразнивала старуху Мануэлу, которая тянула за узду лошадку, заупрямившуюся подъ тяжелымъ грузомъ, сваленнымъ на ея сѣдло. Молодая дѣвушка клялась, что старуха худѣетъ на ея глазахъ каждый разъ какъ кладетъ новую охапку на сѣдло лошади. Худощавый Дуентесъ продолжалъ шутку Инесы, когда братья и сестра ушли обратно на поле игры. Онъ совѣтовалъ старухѣ брать примѣръ съ Клотильды Діацъ, которая быстро мчалась на своихъ длинныхъ ногахъ за Жумильякомъ. Французъ, расходившись, преслѣдовалъ доктора шутками въ Мольеровскомъ вкусѣ. Розасъ, какъ южанинъ, жаждалъ овацій и выбивался изъ силъ, чтобы добиться ихъ. Воспламененная его примѣромъ, Магги Фуллеръ тоже ободрилась. Ей удалось „взять“ трудное препятствіе. Анита Лопецъ, напротивъ того, такъ утомилась, что дважды подверглась штрафамъ за невниманіе. Жумильякъ радъ былъ оштрафовать ее. Это замедляло торжество „золотого дѣльца“, который злилъ его своимъ присутствіемъ. Жумильякъ предвидѣлъ, что все, что уже сдѣлано въ Лосъ Дадосъ, попадетъ въ его руки.

Американецъ стиснулъ зубы. Онъ подбадривалъ свою уставшую партнершу возгласами: „ничего, ничего!“, давая понять, что онъ одинъ справится за двоихъ и поправитъ всѣ ея промахи. Но Анита раздражала его своими слишкомъ длинными руками и слишкомъ черными глазами.

Она это замѣтила. Безумная мечта стать его избранницей разсѣялась. Ничто не спасетъ ее отъ стараго жестокаго воина!

Кламорганъ старался пересилить свое раздраженіе, хотя и чувствовалъ враждебность Жумильяка и все бѣшенство латинской старости противъ американской молодости. Онъ все-таки желалъ побѣдить Розаса, какъ тотъ ни старался постоять за честь кубанцевъ. Кламорганъ любезно обучалъ игрѣ въ гольфъ все общество и ту, которая считалась здѣсь чэмпіономъ, при чемъ великодушно исправлялъ всѣ ея оплошности. Но эту наружную учтивость онъ сохранялъ съ большимъ трудомъ, вмѣняя ее себѣ въ подвигъ. Онъ даже сомнѣвался, удастся ли ему дойти до послѣдней ямки въ концѣ долины, не сказавъ какой-нибудь дерзости Жумильяку и покоренной французомъ дѣвушкѣ, враждебно настроеннымъ противъ него, а также не выказавъ презрѣнія бѣдной Анитѣ Лопецъ, которая тщетно мѣняла палку послѣ каждаго удара. Конечной цѣлью была яма въ руслѣ ручья на поворотѣ между двумя скатами, образующими долину. Дальше тянулось пространство съ глинистой почвой, на которой высились серебристые стволы пальмовой рощи.

Анита Лопецъ услышала приближавшійся галопъ лошади, и вскорѣ передъ нею очутилась фигура генерала Родригеса на конѣ. Онъ обливался потомъ. Въ черномъ сюртукѣ и бѣлыхъ штиблетахъ онъ поскакалъ на лошади, взятой изъ конюшни м-мъ Альвина, чтобы настичь Аниту.

— Это вы въ честь другого такъ выбиваетесь изъ силъ?..

— Не понимаю, что вамъ отъ меня нужно.

— Я хочу, чтобы вы разъ навсегда знали, что вы не принадлежите себѣ самой. Я всегда подлѣ васъ.

Растерянная и испуганная, Анита продолжала путь, ничего не отвѣчая. Генералъ поѣхалъ рядомъ съ нею.

— Не мѣшайте мнѣ играть,—сказала Анита.

Магги Фуллеръ не дѣлала больше промаховъ. Взволнованная, сдвинувъ брови, Инеса похвалила ее и спустилась внизъ, къ самой водѣ. Она забавлялась видомъ Мануэлы, въ ожиданіи промаховъ Пабло и Фернандо. Мануэла ссорилась съ маленькимъ Галахо. Мальчикъ ударилъ камнемъ заморенную лошадь старухи, и лошадь побѣжала въ поле, стряхивая съ себя сѣдло съ грузомъ. Ананасы посыпались на землю. Толстая старуха, къ общему веселью, бросилась бѣжать за лошадью, теряя впопыхахъ свой платокъ и пеструю накидку. Вернувшись къ маленькому Галахо, Мануэла дала ему оплеуху, потомъ выхватила у него изо рта толстую сигару и спокойно всадила ее промежъ своихъ толстыхъ губъ. Общій смѣхъ одобрилъ ее, къ стыду мальчишки. Лошадь остановилась, разбросавъ свой грузъ. Добрые люди подняли ана-

насы. Нѣсколько человѣкъ стали ругаться за перерывъ въ работѣ. Необходимо было заслужить обѣщанную прибавку, чтобы были деньги для лоттереи. Рабочіе измѣрили взглядомъ усѣянное колючими ананасами пространство, которое отдѣляло ихъ отъ пышныхъ пальмъ въ концѣ поля. Снова бѣлое войско наклонилось къ плодамъ, двинулось впередъ еще быстрѣе, потому что небо начинало зеленѣть. Склонявшееся къ закату солнце обливало багровымъ свѣтомъ изумрудно-серебристый лѣсъ. Въ воздухѣ пронесся первый свѣтлякъ со своими двумя электрическими лампочками. За нимъ пролетѣлъ и засверкалъ второй. Изъ-подъ рукъ жнецовъ стали вылетать десятками эти двойные синеватые огоньки. Изъ пучковъ ананасовъ они поднимались снопами искръ. Они рѣяли надъ жнецами подобно парнымъ брильянтамъ, описывали круги надъ головами дѣвушекъ, игравшихъ въ гольфъ. Много ихъ застряло въ шарфѣ Филомены, а у Концепціонъ голова была окружена сіяніемъ, какъ у мадонны на алтарѣ въ испанской церкви.

Рои свѣтляковъ кружились, поднимались, опускались въ темнѣющемъ воздухѣ. Они покрывали вдали пространство яркими звѣздами. Два изъ нихъ упали вдругъ на руку Пабло, и она зеленѣла и синѣла отъ ихъ фосфористаго блеска. Юноша провелъ пять свѣтляковъ по длиннымъ пальцамъ Клотильды Діацъ. Прикосновеніе къ рукѣ любимой дѣвушки такъ взволновало его, что онъ чуть не лишился чувствъ. Кровь сильными ударами прихлынула къ его сердцу. Клотильда спрятала живые свѣточи въ пряди волосъ и убѣжала, сіяя синеватымъ свѣтомъ и громко напѣвая что-то. Этимъ она дразнила Фернандо, котораго не отпускала отъ себя француженка Лагардеръ, захватившая четырехъ свѣтляковъ въ складки своей сѣрой юпки и ходившая отъ одной группы къ другой, говоря, что она держитъ въ своей приподнятой юпкѣ все богатство „Электрикъ-Стандартъ“.

— Если вы не ненавидите меня, генералъ,—говорила Анита Лопецъ своему настойчивому поклоннику,—постарайтесь, чтобы и моего отца освободили отъ налоговъ, какъ освободили многихъ другихъ.

— Какъ бы не такъ! Стану я стараться о томъ, чтобы вывести вашу семью изъ стѣсненныхъ обстоятельствъ, которыя для меня единственный шансъ добиться вашей руки.

— Вы разоряете насъ, чтобы доказать свою любовь? Это безчеловѣчно!

— Знаю. Но разъ я добиваюсь цѣли, я долженъ пользоваться всѣми средствами безъ разбора.

Эти жестокія и безумныя слова онъ произносилъ тономъ галантнаго поклонника, который шутитъ съ дамой своего сердца. Анита считала его способнымъ на преступленіе, если она не уступитъ или если ее не увезутъ отъ него.

Она дрожала, продолжая идти среди волшебной вечерней природы. Миріады алмазныхъ свѣтляковъ окутывали своимъ волнистымъ полетомъ и жнецовъ за работой, и лошадей, покорно стоявшихъ подъ тяжелой ношей. Устремляясь къ конечной цѣли, неподалеку отъ Аниты, Джимъ восторгался несчетными дарами живыхъ сокровищъ, которыми его забрасывала щедрая природа острова. Брошенный имъ мячъ прорѣзалъ цѣлое облако свѣтящихся жучковъ.

Жнецы и игроки торопились, сбившись вмѣстѣ въ концѣ долины, направляясь къ пальмовой рощѣ, къ ея изумруднымъ верхушкамъ, къ пламенѣющему закату. Концепціонъ и Мерседесъ разгоняли своими шарфами вихри свѣтляковъ.

Клотильда набрала ихъ въ обѣ руки. Ея прозрачные пальцы пропускали, какъ живой фонарь, лучи насѣкомыхъ, отбрасывавшихъ зеленоватый свѣтъ на ея лицо. Магги Фуллеръ быстро сдувала приближавшихся свѣтляковъ, не подпуская ихъ къ себѣ.

Въ воздухѣ носились крики юношей, смѣхъ дѣвушекъ и возгласы жнецовъ, кончавшихъ работу. Фернандо Альвина тоже взялъ ножъ и сталъ смѣло срѣзать плоды своей земли, чтобы удивить Клотильду. Тогда, оставивъ гольфъ, Инеса и Клотильда пошли за нимъ собирать ананасы. Онѣ нагружали ими лошадь изумленной Мануэлы.

Мерседесъ и француженка Лагардеръ сочли неприличной такого рода интимность съ крестьянами. Онѣ отказались портить руки, собирая плоды по указаніямъ Пабло. Инеса и Мануэла тащили вдвоемъ заупрямившуюся лошадь.

Свѣтляки улетѣли въ пальмовую рощу, спасаясь отъ преслѣдованій шумнаго общества. Они покрыли сотнями и тысячами листву пальмъ, испуская яркіе лучи. Со всѣхъ сторонъ живыя звѣзды летали по деревьямъ съ серебристыми стволами, обливая ихъ своимъ блескомъ. Когда вся ватага бросилась поздравлять Кламоргана, побѣдившаго Аниту Лопецъ, его окружилъ подъ сверкающей листвой хороводъ молодыхъ дѣвушекъ. Ихъ озаряли свѣтляки, застрявшіе въ ихъ газовыхъ шарфахъ, въ ихъ кисейныхъ платьяхъ.

Отяжелѣвъ отъ живыхъ огоньковъ, пальмы роняли ихъ на экипажи, мчавшіе черезъ лѣсъ веселое общество, среди каравана лошадей, которыхъ погоняли мулатки, тоже увѣнчанныя

синеватыми и зеленоватыми огоньками. Мартинесъ кричалъ, что это количество свѣтляковъ—хорошая примѣта для лоттереи. Вся деревня навѣрное выиграетъ. Инеса пожелала ему удачи, взявъ у него самый спѣлый ананасъ, который она раздѣлила между Концепціонъ, Мерседесъ и Сарой.

Онѣ разломали пальцами ананасъ и стали ѣсть его, прямо откусывая куски зубами. Сладкій запахъ ананаса оставался въ воздухѣ долго послѣ того какъ промчались галопомъ мулы, увозя домой веселую компанію молодежи.

Паркъ м-мъ Альвина былъ тоже весь покрытъ огоньками. А когда общество усѣлось за столъ и подали поросенка, зажареннаго, по обычаю, въ его собственной черной кожѣ, когда раздались рѣчи Кламоргана и Эрикура, свѣтляки украшали своимъ сверканіемъ открытую залу, гдѣ сидѣли дѣвушки. Онѣ всѣ были влюблены въ Джима, способнаго вызвать къ жизни силы, скрытыя въ плодородной почвѣ, и претворить ихъ въ мо́гущество и власть надъ людьми.

II.

Шумъ Парижа наполнялъ улицу за стѣнами отеля Эрикура. Воспитанница хозяина, Марселина Ландэль, перевязала двѣнадцать листковъ письма, составившаго цѣлую тетрадку, сѣрой муаровой ленточкой и красиво завязала ее бантикомъ. Затѣмъ она взяла новое сашэ, запахъ котораго казался ей очень изысканнымъ. Надушенное имъ письмо распространяло удушливый запахъ сквозь поры синяго конверта, пока Марселина запечатывала его печатью съ изображеніемъ двухъ игральныхъ костей—эмблемой Лосъ Дадосъ. Хрустальную печать съ этимъ изображеніемъ она получила въ подарокъ отъ своего опекуна. Ясность отпечатка доставила удовольствіе Марселинѣ. Довольная своей работой, она откинулась въ креслѣ.—„Хорошо ли я поступаю?—продолжала она спрашивать себя.—Хорошо ли я дѣлаю, что пишу бѣдной Магги о моихъ искреннихъ опасеніяхъ? Она разсердится. А между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что Джимъ Кламорганъ броситъ ее. Онъ ни за что на ней не женится. Она будетъ страдать, или же произойдетъ скандалъ, который уронитъ ее въ глазахъ общества. Конецъ моего письма рѣзко предупреждаетъ вѣтренницу, хотя и въ лирической формѣ. Магги разсердится. Я потеряю единственнаго друга. Но это мой долгъ. Еслибы мое предупрежденіе было менѣе рѣзкимъ, влюбленная

Магги не обратила бы вниманія на мои слова. А теперь я все-таки, можетъ быть, предотвращу бѣду".

Марселина чувствовала, однако, угрызенія совѣсти. Конечно, легко играть роль судьи, будучи такой счастливой, какъ она, сидя у письменнаго стола въ новомъ платьѣ изъ свѣтлаго батиста, съ колосьями, вышитыми на немъ рыжеватымъ шелкомъ, и глядясь въ высокое трехстворчатое зеркало, прислоненное къ желтымъ штофнымъ обоямъ. Здоровая и веселая, она не нуждалась въ иллюзіяхъ любви. Но Магги, скрывающей изъ гордости весь ужасъ и всю грусть своей болѣзни, сообщавшей всегда о себѣ только пріятное, навѣрное нужно хоть какое-нибудь утѣшеніе. Нельзя же ее сравнивать съ Марселиной, съ ея овальнымъ розовымъ личикомъ въ рамкѣ свѣтлыхъ волосъ, съ ея обнаженными перламутровыми плечами, выступающими изъ корсажа, украшеннаго вдоль всего вырѣза оранжерейными васильками. Марселинѣ легко осуждать слабость бѣдной Магги, которая жаждетъ испытать страсть, прежде чѣмъ болѣзнь отниметъ у нея всякую радость жизни. Зачѣмъ же терять единственную подругу, съ которой Марселина можетъ дѣлиться всѣми мыслями? Никого другого у нея нѣтъ. М-мъ Эрикуръ занята своей собственной бурной жизнью, мужъ ея — своими предпріятіями. Но все-таки необходимо предупредить неосторожную Магги. Это — долгъ, отъ котораго нельзя отступить.

Марселина должна была однако сознаться себѣ самой, что ея привязанность къ Магги Фуллеръ значительно ослабѣла. Ее больше интересовали теперь парижанки: Одетта Лириссъ, со своимъ спокойнымъ умѣньемъ опредѣлить въ точности каждаго человѣка въ твердыхъ, точно обдуманныхъ выраженіяхъ; Анна Фохтъ, съ своей привычкой разсматривать каждаго человѣка въ отношеніи ко всему міру, чтобы вѣрно судить о значеніи его поступковъ. Такая психологическая проницательность казалась ей недосягаемой. Разница между Магги Фуллеръ и ими быстро выяснилась во время переписки. Корыстная любовь американки къ „золотому дѣльцу" тоже очень не нравилась Марселинѣ.

Но вдругъ она стала думать о другомъ. „Вы такая остроумная",— сказалъ ей разъ одинъ академикъ, и Марселина любила вспоминать это свое маленькое торжество. Съ тѣхъ поръ она много „работала" надъ выраженіемъ своихъ большихъ синихъ глазъ, чтобы придать имъ выраженіе лукавства. Близорукость заставляла ее часто сдвигать темныя брови, чтобы сосредоточить свѣтовые лучи. Этотъ взглядъ придаетъ лицу дерзкое выраженіе. Получается впечатлѣніе, точно люди остаются не-

замѣченными, потому что они слишкомъ ничтожны. Марселина постоянно старалась казаться высокомѣрной, впрочемъ лишь настолько, чтобы внушать боязнь передъ строгостью своего сужденія, а не казаться мстящей за обиду. Убѣдившись въ своемъ умѣньѣ производить желанное впечатлѣніе игрой свѣтлыхъ глазъ и темныхъ бровей, Марселина отвернулась отъ зеркала и занялась большимъ синимъ конвертомъ съ зеленой печатью. Да, необходимо огорчить Магги, несмотря на всѣ доводы противъ этого. Марселина позвонила два раза, чтобы призвать лакея.

Альбертъ унесъ пакетъ въ людскую. Прежде чѣмъ пойти на почту, онъ взвѣсилъ его, говоря Бартоломею, что „дочка барина" не жалѣетъ чернилъ. Мэтръ д'отель сдѣлалъ выговоръ лакею. Развѣ можно вѣрить всему, что̀ болтаютъ? Бартоломей произнесъ слово „болтаютъ" съ гримасой отвращенія, которая очень шла къ его бурбонскому лицу. Багровый, гладко выбритый, съ большимъ животомъ, съ двойнымъ подбородкомъ, упиравшимся въ туго накрахмаленную рубашку, Бартоломей строго посмотрѣлъ на молодого смѣльчака.

— Лакей не долженъ пріучаться къ сплетнямъ, — сказалъ онъ. — А то можетъ случиться, что забудешься въ присутствіи господъ. За такую оплошность выгоняютъ изъ хорошихъ домовъ— изъ тѣхъ, гдѣ имѣется мэтръ д'отель, принимающій на себя отвѣтственность за все. Понялъ?

— Ба! — отвѣтилъ Альбертъ, считая письма. — Принцесса Аустерлицкая сама разсказала это второй камеристкѣ.

— Правда, сходство большое.

— Видать, что его дочка... Хороша она, чортъ возьми!

— А тѣло какое!—вмѣшалась камеристка.—Посмотрѣли бы вы на нее въ ваннѣ. Умереть мало!..

— Лорансъ!—накинулся на нее Бартоломей.

Камеристка повернулась и, подойдя къ дубовому шкафу, открыла его. На верхней полкѣ стояла банка съ конфетами; она потянулась къ ней. Альбертъ схватилъ ее за передникъ. Молоденькая дѣвушка не стала отбиваться. Конфеты больше занимали ее, чѣмъ защита стыдливости. Но Бартоломей положилъ конецъ игрѣ; онъ велѣлъ Альберту идти на почту съ письмами, а камеристкѣ сказалъ, чтобы она накрыла столъ въ людской. Хозяева уѣзжали обѣдать въ гости; прислуга радовалась, что можно будетъ спокойно пообѣдать, а потомъ, можетъ быть, пойти еще въ кафэ-шантанъ.

М-мъ Эрикуръ вышла въ залу одѣтая, въ пышномъ манто поверхъ платья изъ коричневой шелковой кисеи, затканной лиловыми

цвѣтами на золотыхъ стебляхъ, пересѣкавшихъ узкими полосами ея высокія ноги, облегая бока и обводя глубокій вырѣзъ платья. За нею появились Марселина въ свѣтломъ батистѣ съ вышитыми по немъ золотистыми колосьями, и Эрикуръ, въ лакированныхъ ботинкахъ и въ широкомъ черномъ пальто. Прислуга бросилась имъ на встрѣчу съ почтительной услужливостью. Они спустились внизъ по мраморной лѣстницѣ между лакеями, открывавшими двери, и субретками, которыя несли вѣера, провожая дамъ до автомобиля.

„Безшумная" укатила. Полька Катя, экономка Амели, Лорансъ, Тереза и Мари единогласно рѣшили, что портной барышни никуда не годится, но что сама барыня отлично одѣта. Онѣ всѣ выбились изъ силъ. Полькѣ пришлось много выстрадать отъ нетерпѣливой барыни во время одѣванья, въ особенности въ самомъ концѣ. Совершенно оторопѣвшая, она почесывала свои сѣдые волосы, стоя съ красными ушами и поблѣднѣвшимъ носомъ. Амели плакала: лондонское прачешное заведеніе прислало мягкія рубашки слишкомъ туго накрахмаленными. Рубашка навѣрное сомнется на широкой груди барина, и ей завтра сдѣлаютъ выговоръ,—нѣчто нестерпимое для ея гордости. Молодая сухая дѣвушка была внѣ себя отъ досады. Она стала изливать свой гнѣвъ на Мари, которая толкала ее, спасаясь отъ приставаній Эрнеста, который требовалъ, чтобы она понюхала его духи; онъ досталъ ихъ отъ парикмахера барыни и весь надушился ими. Лорансъ жаловалась, что ей придется поздно лечь спать, такъ какъ она должна ждать барышню до двѣнадцати часовъ, сидя въ креслѣ.

Миска съ супомъ дымилась по срединѣ стола передъ Бартоломеемъ, который сидѣлъ снявъ сюртукъ. Дурное настроеніе духа разсѣялось. Альбертъ и Эрнестъ сняли ливреи съ металлическими пуговицами. Они галантно передавали тарелки своихъ сосѣдокъ тому, кто разливалъ супъ. Эрнестъ положилъ букетъ фіалокъ на мѣсто Лорансъ. Она съ удовольствіемъ замѣтила ревнивое выраженіе въ глазахъ подругъ, поздравлявшихъ ее съ тѣмъ, что ей оказываютъ столько вниманія. Циничные намеки на то, что она должна отблагодарить за букетъ, показались непристойными строгому мэтръ д'отелю. Онъ заявилъ, что за дессертомъ разскажетъ важную новость, если всѣ будутъ прилично вести себя.

— Разскажите сейчасъ!—требовали женщины.

Онъ отказался. Набравъ бульона въ ротъ, онъ всецѣло посвятилъ себя методичной ѣдѣ. Только когда Амели обняла его,

прося сейчасъ же удовлетворить общему любопытству, онъ согласился.

— Дѣти мои,—сказалъ онъ, принявъ важный видъ,—вы будете имѣть честь принимать въ замкѣ короля. Или почти что короля. Его королевское высочество, наслѣдный принцъ Робертъ будетъ присутствовать на терассѣ въ замкѣ Вернантѣ при гонкѣ автомобилей департамента Марны. Это устроила принцесса Аустерлицкая. М-мъ Эрикуръ приметъ въ своемъ замкѣ его королевское высочество. Будьте на высотѣ обстоятельствъ. Гонку нашъ баринъ устраиваетъ ради своихъ стальныхъ заводовъ на Кубѣ и въ Пиренеяхъ. Онъ надѣется получить заказы.

Необычайное чувство удовольствія озарило всѣ лица. Соусъ застылъ вокругъ жаренаго поросенка, пока поваръ соблаговолилъ разрѣзать его на части—до того его интересовали разговоры о великомъ событіи. Служить королевскому высочеству—это въ будущемъ подниметъ цѣнность аттестатовъ. Можно будетъ безъ обмана сказать, что служилъ въ большомъ домѣ. Они съ удовольствіемъ глядѣли на стѣнные шкафы изъ полированнаго дуба, на полъ изъ красныхъ и бѣлыхъ плитъ, на соломенныя кресла, въ которыхъ они сидѣли, разложивъ салфетки на колѣняхъ, передъ столомъ, покрытымъ чистой клеенчатой скатертью, подъ люстрой изъ восьми электрическихъ лампъ. Таблица звонковъ въ деревянномъ ящикѣ съ золочеными стрѣлками, съ бѣлыми отверстіями, была для нихъ эмблемой богатства и высокаго положенія ихъ хозяевъ, пышной жизни княжескихъ семей, герцоговъ, академиковъ, министровъ, богатыхъ евреевъ, знаменитыхъ журналистовъ, красивыхъ дамъ, одѣтыхъ какъ волшебницы на сценѣ. Всѣ слушали мэтръ д'отеля. Онъ узналъ новость отъ курьера. Садовникъ въ Вернантѣ получилъ по телеграфу приказъ помѣстить у себя партію садоводовъ-пейзажистовъ, которые пріѣдутъ работать подъ его руководствомъ. Паркъ въ Вернантѣ приводятъ въ тотъ видъ, который онъ имѣлъ во времена Людовика XIII, когда построенъ былъ замокъ. Галлерею уже отдали въ распоряженіе мастерамъ, которые вставляютъ между двадцатьючетырьмя окнами, однѣ противъ другихъ, копіи старыхъ итальянскихъ картинъ. Паркетные мастера подновляютъ полы. М-мъ Эрикуръ получила на все это разрѣшеніе собственницы, старой маркизы де-Вернантъ. Въ этой галлереѣ устроятъ чай для принца послѣ гонки автомобилей. Фабрики пришлютъ семь лучшихъ своихъ автомобилей, и принцъ пріѣдетъ отблагодарить своимъ присутствіемъ за старанія національной промышленности. Бартоломея спрашивали о томъ, гдѣ поставить столы и буфеты. Какъ разъ въ

нужныя для буфетовъ мѣста хотѣли поставить двѣ статуи, но онъ не допустилъ этого. Онъ съумѣлъ отстоять права сервировки противъ претензій архивныхъ крысъ.

— Когда я служилъ у монсиньора,—сказалъ онъ въ заключеніе,—у меня былъ такой же споръ съ академикомъ Бонна, который хотѣлъ снять бра, висѣвшіе надъ столомъ для сервировки, и повѣсить на ихъ мѣсто картины.—А какъ же мнѣ быть безъ свѣта? —сказалъ я, и Бонна больше не настаивалъ. Монсиньоръ былъ человѣкъ съ большимъ тактомъ, и м-мъ Эрикуръ тоже не слѣпая.

— Нда... не слѣпая!—со смѣхомъ сказала Лорансъ.

Бартоломей сначала нахмурилъ брови, потомъ разсмѣялся.

— Ахъ, плутовка!—сказалъ онъ.

Онъ провелъ рукой по своимъ бѣлымъ кудрямъ. Амели не знала, что писать въ лондонскую прачешную. Баринъ навѣрное замѣтитъ, что рубашка смялась, а онъ какъ разъ обѣдаетъ сегодня у Лирисовъ вмѣстѣ съ министромъ финансовъ. Амели плакалась на свою судьбу. Полька рѣзко замѣтила ей, что напрасно она не слушается ея совѣтовъ. Нельзя посылать бѣлье, не указывая номеръ образца. На то вѣдь представитель дома оставилъ имъ цѣлую книжку образцовъ. Амели и Катя стали по обыкновенію ссориться. Бартоломей стукнулъ ножомъ о стаканъ. Катя стала кричать на него, обвиняя его въ томъ, что онъ лишаетъ ее куска хлѣба. Зачѣмъ онъ взялъ на себя уборку будуаровъ, гдѣ прежде царила она? Бартоломей отвѣтилъ, что барыня жаловалась на безпорядокъ въ ея кабинетѣ. Амели подтвердила его слова. Катя отвѣтила, что если есть въ домѣ грязь, то въ этомъ виновата только Амели, которая съ бариномъ... Амели остановила пощечиной краснорѣчіе сплетницы. Мэтръ д'отель едва могъ сдержать послѣ этого польку. Эрнестъ сталъ вслухъ возмущаться другими скандалами въ домѣ, поведеніемъ Мари, ожидающей ребенка, Лорансъ, которая избавилась отъ материнства, Луизы, которая измѣняетъ повару съ кучеромъ Анри. Кучеръ и поваръ бросились на Луизу.

— Я задушу ее!—кричалъ поваръ.

Къ счастью въ эту минуту съ Лорансъ сдѣлалась истерика. Альбертъ бросился расшнуровывать ее; чтобы помѣшать ему, Мари и Амели поспѣшили на помощь Лорансъ, боясь гнѣва Эрнеста и дуэли соперниковъ. Бартоломей поднялся, грузный и багровый. Всѣ сразу притихли. Только Лорансъ задыхалась съ поблѣднѣвшимъ лицомъ.

— Постыдились бы мучить дѣвчонку!—сказалъ Бартоломей.— Противно!

Онъ снова сѣлъ и налилъ себѣ вина. Полька утирала слезы, объявляя, что сложитъ вещи и уѣдетъ. Мэтръ д'отель пригрозилъ ей своимъ гнѣвомъ, если она опять разыграетъ комедію отъѣзда, чтобы устроить ему непріятную сцену съ барыней. Онъ заявилъ, что теперь дорожитъ своимъ мѣстомъ болѣе чѣмъ когда-либо, въ виду того, что Эрикуръ вошелъ въ трёстъ Кламоргана и положеніе его укрѣпилось.

— Вообще,—сказалъ онъ,—непонятно, какъ люди, имѣющіе счастье и честь,—да, честь, служить съ нимъ въ подобныхъ условіяхъ, могутъ вдругъ терять чувство собственнаго достоинства.

— Онъ правъ,—заключила Амели.—Мнѣ не слѣдовало давать пощечину Катькѣ. Но, право, она иногда невыносима.

Луиза явилась изъ кухни съ земляничнымъ пирогомъ; это былъ сюрпризъ для всѣхъ. Альбертъ устроилъ ей овацію. Лорансъ, хныча, застегивала корсажъ и вытирала туалетный уксусъ, попавшій ей въ глаза. Бартоломей продолжалъ поучать все собраніе. Каждый долженъ дорожить своимъ мѣстомъ. Вмѣсто того чтобы потѣшаться надъ всѣми, Альбертъ лучше бы вымылъ зеркала въ передней, чтобы стереть слѣды пальцевъ барыни, вымазанныхъ въ вазелинѣ, когда она выходитъ изъ своей уборной, и мокрыхъ отъ слюны, когда она ковыряетъ передъ зеркаломъ зубы послѣ ѣды. Ему самому пришлось объ этомъ позаботиться, а не то португальская посланница съ дочерьми поправляли бы шляпы передъ грязнымъ зеркаломъ въ то время, какъ онъ докладывалъ о нихъ. Неужели Альбертъ полагаетъ, что подобная небрежность создастъ ему репутацію хорошаго лакея?

За вкуснымъ пирогомъ всѣ развеселились. Бартоломей доказывалъ, что благодаря трёсту м-мъ Альвина станетъ еще богаче, и будетъ проживать еще гораздо больше этой зимой въ Парижѣ и въ Римѣ. Сообразно съ этимъ увеличатся и проценты, которые всѣ они будутъ получать съ поставщиковъ. Поэтому нечего хорохориться. Каждый сможетъ набить карманъ, если не будетъ дѣлать глупостей. И главное—вести себя какъ слѣдуетъ въ Вернантѣ при пріемѣ его высочества. Эрнестъ выразилъ предположеніе, что наймутъ еще лишнихъ людей. Бартоломей пожалъ плечами. Это было бы въ высшей степени безтактно. Его королевское высочество долженъ быть принятъ какъ частное лицо. Не то получилось бы впечатлѣніе, точно м-мъ Альвина считаетъ себя равной принцу. Главное, какъ можно больше простоты.

— Понимаете... Вы какъ будто не будете знать, что это его высочество. Вы не будете глядѣть въ его сторону, вы будете служить какъ всегда, но служить безукоризненно. Безукоризненно!

— Не пойти ли въ кафэ-шантанъ? — предложила Лорансъ.

— Уже поздно. Не стоитъ.

Всѣ остались говорить о принцѣ, о трёстѣ, о будущихъ доходахъ. Горничныя внимательнѣе прибрали спальни и уборныя, перетерли флаконы, вымыли мраморъ и зеркала.

Эрикуръ, вернувшись домой, радовался чистотѣ зеркалъ и флаконовъ, сверкающихъ при свѣтѣ. Раздѣвшись и освѣжившись, онъ имѣлъ видъ древняго грека въ своей красной суконной тогѣ, замѣнявшей ему халатъ. Ему удалось заинтересовать министра, и онъ сталъ обдумывать теперь наединѣ свои шансы на успѣхъ. Кламорганъ-отецъ въ Нью-Іоркѣ согласился включить „Франко-Кубанскую Компанію" въ трёстъ „Электрикъ-Стандартъ", потому что инженеры Эрикура утвердили окончательные планы работъ, нужныхъ для канализаціи водъ Трехъ-Озеръ, расположенныхъ на верхней терассѣ Лосъ Дадосъ, и для направленія водъ на турбины, которыя нужно добавить къ уже существующимъ въ Парахасъ. Старикъ призналъ, что „Франко-Кубанская Компанія" сможетъ такимъ образомъ пустить въ ходъ достаточно моторовъ, чтобы производить взрывчатыя вещества посредствомъ электролиза, а также превращать посредствомъ электрическихъ печей чугунъ Сантъ-Яго въ тонкую сталь. Конкурренція Парахасъ слишкомъ мѣшала въ Панамѣ электро-металлургическому трёсту, и онъ долженъ былъ или уничтожить „Франко-Кубанскую Компанію", или слиться съ нею. Предварительный контрактъ былъ уже условно подписанъ. Прежде всего Эрикуръ обязывался присоединить къ трёсту французскія общества гидроэлектрическаго производства въ Пиренеяхъ. Затѣмъ, чтобы трёстъ не останавливалъ производства въ Парахасъ, Эрикуръ обязывался добиться въ теченіе года осуществленія надеждъ, порожденныхъ планами его инженеровъ, а также заключить контракты съ предпринимателями панамскаго канала, съ компаніей мексиканскихъ портовъ, съ венецуэльскими желѣзными дорогами. Все это было чрезвычайно трудно. Но Эрикуръ клялся самому себѣ, что добьется своего. Въ Парижѣ министры и акціонеры содѣйствовали его планамъ. Отдѣленія Фохтовскаго банка помѣстили большое количество франко-кубанскихъ акцій у финансистовъ въ Ліонѣ, въ Тулузѣ, въ Бордо. Префектурѣ Аріежскаго департамента было разрѣшено приступить къ экспропріаціи нужныхъ земель. Въ скоромъ времени проложатъ провода на пастбищахъ въ Пиренеяхъ, и тогда можно будетъ сдѣлать новый выпускъ акцій. Четвертый заводъ электрической энергіи въ Пиренеяхъ, придя въ упадокъ, попалъ въ

руки гренобльской группы, купившей его на выгодныхъ условіяхъ. Вмѣсто того, чтобы губить другъ друга конкурренціей, всѣ четыре завода установятъ общій тарифъ и понизятъ его, чтобы захватить большіе заказы. Итальянскія фабрики автомобилей нуждаются въ алюминіи и въ тонкой стали. Роланда внушила наконецъ герцогу Лотарингскому, президенту спортивныхъ обществъ, мысль, что необходимо устраивать въ департаментѣ Марны, на національной дорогѣ между Фонтэнбло и Парижемъ, гонки, разъ въ три года, для дорожныхъ автомобилей, приглашая главнымъ образомъ миланскихъ фабрикантовъ, чтобы усилить экономическую связь между латинскими націями. Принцесса Аустерлицкая привезла однажды въ Римѣ въ виллу Брандовизи наслѣднаго принца. Анна Фохтъ, обаятельная сестра банкира, плѣнила воинственнаго принца своими теоріями о томъ, что война—носительница культуры, а миръ ослабляетъ характеръ народа. Его высочество, сторонникъ устройства военныхъ автомобилей, обѣщалъ пріѣхать апплодировать своимъ соотечественникамъ на терассѣ замка Вернантъ, противъ которой предполагалось устроить трибуны для публики, станцію для починокъ и лазаретъ. Газета и экономическіе журналы Фохта обѣщали заказывать бумагу на слѣдующій годъ въ его пиренейскихъ заводахъ. Министръ во всеуслышаніе поздравилъ Эрикура, Лирисса и Фохта съ тѣмъ, что они создаютъ новую отрасль промышленности и содѣйствуютъ экономическому единенію латинской расы. Его содѣйствіе было обезпечено. Враговъ предпріятія правительство не станетъ слушать. „Электрикъ-Стандартъ“ не откажетъ въ видномъ мѣстѣ въ своемъ правленіи человѣку, который введетъ въ трёстъ французскія компаніи, имѣющія итальянскихъ заказчиковъ. Роланда, уроженка Сиріи, воспитанная бейрутскими монахинями, инстинктивно ненавидящая сѣверянъ и преклоняющаяся передъ геніемъ южанъ, должна была бы радоваться этой побѣдѣ своего ума, патріотизма и дипломатическаго таланта. Къ несчастью, Георгій Фаріаки, ея избранникъ въ этотъ сезонъ, ухаживалъ весь вечеръ за здоровой, холодной англичанкой, одѣтой въ простое кисейное платье, застегнутое у шеи сапфиромъ Оливанъ, стоющимъ милліонъ. Оказывая исключительное вниманіе англичанкѣ, Георгій Фаріаки выказывалъ свое желаніе порвать съ Роландой.

Хотя уже черезъ полгода послѣ ихъ свадьбы Мануэль Эрикуръ и его жена молчаливо условились не обращать вниманія на любовныя приключенія каждаго и никогда изъ-за нихъ не ссориться, все же онъ не могъ видѣть безъ короткаго прилива ревности, конечно быстро побѣждаемаго, и безъ нѣсколь-

кихъ дней искренней печали отчаяніе Роланды, когда она переживала любовныя драмы. Тридцатидевятилѣтній возрастъ красавицы, изумительной въ вечернемъ туалетѣ, постепенно охлаждалъ ея избранниковъ. А Роланда, внося поэзію въ страсть, хотѣла, чтобы любовь была юной какъ Эросъ и безконечной какъ время. Страсть и скорбь Сафо приводили ее въ восторгъ.

Въ эту ночь Мануэль Эрикуръ думалъ о томъ, что душа этой финикіянки столь же мучительно страдаетъ изъ-за своей соперницы, дочери викинговъ, какъ его римскій духъ измученъ могуществомъ англо-саксонцевъ. Напрасны были его встрѣчи въ Люшонѣ съ Такешелемъ, въ Виши—съ маркизомъ д'Оро, въ Пломбьерѣ—съ м-мъ Альвина. Напрасно онъ старался подружиться съ ними во всѣхъ курортахъ, куда они пріѣзжали лѣтомъ лечиться отъ послѣдствій жизни въ тропическомъ климатѣ. Всѣ они готовы были предать его ради Кламоргана, какъ Георгій Фаріаки измѣнилъ Роландѣ ради лэди Сомерсетъ. Безъ Роланды не было бы итальянскихъ заказовъ, которыми могутъ просуществовать четыре завода, и катастрофа неотвратимо наступила бы. Мануэлю Эрикуру было грустно, что онъ застанетъ Роланду въ слезахъ. Онъ вспоминалъ, что она, при помощи Анны, отговорила Фохта отъ созыва общаго собранія до завершенія дѣлъ въ Пиренеяхъ, какъ того ни требовалъ кубанскій комитетъ, желая продать сейчасъ же Лосъ Дадосъ трёсту „Электрикъ-Стандартъ". И эта женщина, которая столько разъ спасала его въ трудныя минуты, женщина, благодаря которой богатѣло населеніе Парахасъ и Лосъ Палаціосъ, теперь громко стонетъ и кричитъ отъ муки! Эрикуръ нѣсколько минутъ не рѣшался, изъ деликатности, войти къ ней. Но дольше ждать онъ боялся. Можетъ-быть нужно предупредить безумный поступокъ. Онъ направился въ комнату Роланды и засталъ ее полураздѣтой; она раздирала въ отчаяніи ногтями грудь, обвиняя себя въ томъ, что перестала нравиться Георгію. Въ своемъ неистовствѣ она не замѣтила появленія мужа. Успокоившись немного отъ потока слезъ, отъ стоновъ и криковъ, она съ ненавистью смотрѣла на свое исхудавшее, костлявое тѣло. Огромная въ рыжемъ блескѣ своихъ распущенныхъ крашеныхъ волосъ, она вертѣлась по комнатѣ, поднявъ руки кверху, подбѣгала къ большому зеркалу, а отъ него отскакивала къ ступенькамъ возвышенія, на которомъ стояла кровать изъ слоновой кости подъ отдернутыми драпировками алькова. Какъ бы для того, чтобы яснѣе убѣдиться въ исчезновеніи своей красоты, Роланда зажгла всѣ люстры. Каждая ягода огромной хрустальной кисти винограда направляла лучи на орлиную

арабскую голову, на высокій смуглый станъ. Яркое освѣщеніе усиливало пытку несчастной женщины. Ея открытый ротъ не могъ замкнуться. Рыданіе схватило ея горло; она упала на полъ, въ полномъ изнеможеніи. Эрикуръ подбѣжалъ къ ней. Взглянувъ на него сначала со злобой, а потомъ съ ироніей, она молча продолжала лежать, разглядывая лицо мужа. Наконецъ она прижалась къ нему, чувствуя, что онъ относится къ ней съ сочувствіемъ. Такъ прошло нѣсколько времени. Мануэль окуталъ жену своей тогой, чтобы она не простудилась, а она, продолжая плакать, старалась объяснить себѣ его участіе.

Онъ никогда ее не любилъ, и послѣ ихъ свадьбы не болѣе двухъ недѣль игралъ роль нѣжнаго мужа. Его извращенному вкусу нравились только римскія оргіи, которыя устраивала его подруга, актриса Кларисса Габи. Почему же онъ теперь такъ нѣжно старается утѣшить ее? Неужели онъ настолько слѣпъ, что не подозрѣваетъ правды? Дѣловые люди, очень зоркіе во всѣхъ отношеніяхъ, бываютъ иногда наивны въ вопросахъ чувства. Или же, быть можетъ, онъ настолько во всемъ разочарованъ, что не питаетъ ни малѣйшей злобы къ грѣшницѣ и къ альбанскому юношѣ, Георгію Фаріаки, сыну орлинаго племени? Мануэль не спрашиваетъ о причинахъ ея горя. Значитъ онъ знаетъ, значитъ онъ понимаетъ, какъ ужасно быть старой и внушать презрѣніе. При этой мысли Роланда возмутилась. Обнаженная, вся въ слезахъ, она навѣрное кажется ему смѣшной. Когда она упала въ судорогахъ, она не подумала о томъ, въ какомъ видѣ лежитъ. Но теперь, очнувшись, она ужаснулась, что Мануэль увидѣлъ ее такою непривлекательной. Она готова была убить его за вторженіе къ ней, но боялась двинуться, чтобы не показать при свѣтѣ все свое тощее тѣло. Мануэль могъ, пока она лежала, видѣть только красивыя еще линіи спины и распущенные роскошные волосы. Она, поэтому, не двигалась съ мѣста, вспоминая, какъ она когда-то лежала точно такъ же на коврѣ въ присутствіи друга, который былъ у нея въ Бейрутѣ, когда она жила у отца, а ея первый мужъ уѣхалъ по дѣламъ. Роландѣ было тогда пятнадцать лѣтъ, и ее звали Миріамъ. Звѣзда Соломонова была вытатуирована у нея на груди; на шеѣ у нея висѣло множество кожаныхъ амулетовъ. Подъ предлогомъ выбора курдистанскихъ ковровъ она проводила вдвоемъ съ гибкимъ армяниномъ часы послѣобѣденной сьесты, когда весь домъ погружался въ сонъ, въ маленькомъ голубомъ дворикѣ, заставленномъ тюками. Она ясно вспоминала зеленую фаянсовую арку дверей, вспоминала запахъ шерсти, меда, горячей пыли.

Коверъ, разостланный теперь, двадцать пять лѣтъ спустя, на парижскомъ полу, былъ тотъ же, который лежалъ въ лавкѣ отца. Запахъ Бейрута, запахъ горячей пыли и овечьей шерсти, еще оставался въ немъ. Вдыхая этотъ запахъ, Роланда вспоминала свои тогдашнія мысли, вспоминала о причинахъ, побуждавшихъ ея отца скупать отовсюду шерсть, что̀ и стало источникомъ ихъ богатства. Потомъ они сосредоточили въ своихъ рукахъ всю торговлю порта, всѣ подряды нагрузки, получили концессію работъ, построили маяки въ Саидѣ, въ Яффѣ, на всемъ Востокѣ. Это создало ея огромное состояніе, прославило ее въ Константинополѣ, въ Римѣ, въ Парижѣ, гдѣ теперь ее нѣжно баюкаетъ ея мужъ, сынъ героевъ, созидателей городовъ. Но поцѣлуи Георгія Фаріаки были ей милѣе всего этого прошлаго. Она вздрогнула. Отъ слезъ у нея былъ соленый вкусъ во рту. Она застонала. На вопросъ Мануэля она отвѣтила, что припадокъ проходитъ. Непріятности послѣдняго мѣсяца разстроили ей нервы. Вотъ еще сегодня архитекторъ виллы Брандовизи потребовалъ у нея сто пятьдесятъ тысячъ лиръ для укрѣпленія надстроекъ, которыя грозили обрушиться. А откуда взять эти деньги? Неужели придется изъ-за этого отказаться отъ пребыванія въ Римѣ, потерять столько полезныхъ, даже необходимыхъ связей? Она взглянула на мужа. Мануэль покачалъ головой.

— У васъ есть еще другое горе.

Она колебалась. Но, увидавъ грустную улыбку въ свѣтлыхъ глазахъ мужа, она поняла, что онъ искренно добръ къ ней.

— Вы жалѣете меня?

Роланда медленно поднялась. Одной рукой она прикрывала обнаженную грудь, другой обвила шею мужа и прильнула губами къ его губамъ. Ея отчаяніе тронуло его. Онъ сталъ тихо уговаривать ее, чтобы она не унижала свой свѣтлый умъ, уступая болѣе чѣмъ слѣдуетъ капризамъ чувствъ. Какъ она можетъ приходить въ такое отчаяніе изъ-за банальной любовной интриги, когда ея умъ торжествуетъ такія побѣды, когда она добилась содѣйствія наслѣднаго принца и итальянскихъ фабрикантовъ, покорила принцессу Аустерлицкую, герцога, Анну Фохтъ? Какое значеніе можетъ имѣть флиртъ Георгія Фаріаки и лэди Сомерсетъ теперь, когда воля Роланды побѣдила всѣхъ противниковъ? Вмѣстѣ они вдохнутъ новую жизнь въ міръ. Мануэль уговаривалъ Роланду предоставить толпѣ жалкія сердечныя тревоги, чтобы вмѣстѣ съ нимъ наслаждаться ихъ общей духовной побѣдой. Если Кламорганъ достойно вознаградитъ ихъ за все то, что они внесутъ въ его трёстъ, то они вмѣстѣ съ Фохтомъ и

Кламорганомъ будутъ болѣе мощными властителями, чѣмъ германскія царствующія династіи.

— О!—отвѣтила Роланда,—почему я не знала тебя, когда ты былъ молодъ и смѣлъ, когда ты охотился въ сѣверныхъ равнинахъ? Какой любовью наполнила бы я твою жизнь! Моя любовь омывала бы твои ноги, какъ пѣна покорнаго моря!

Окутанная золотой пеленой волосъ, она говорила глухо, образнымъ языкомъ восточныхъ поэтовъ. Это было немного смѣшно, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень трогательно. Мануэль Эрикуръ слушалъ обольстительницу, которая хотѣла снова зачаровать его своимъ женскимъ обаяніемъ.

— Почему судьба сначала меня преслѣдовала? Развѣ я могла полюбить этого Хирама, съ грязными пальцами? Онъ слушался отца и перевязывалъ тюки, хотя и былъ богатый человѣкъ. А въ домъ къ намъ приходило столько армянъ, нѣжныхъ, вкрадчивыхъ, съ шелковистыми бородами и нѣжными, какъ у дѣвушекъ, глазами. Когда они затягивали свои длинные кафтаны, глядя на меня, я теряла всякую силу сопротивляться. Они—точно сирійское солнце въ полдень. Противъ него нѣтъ силъ сопротивляться.

Роланда потянулась, взяла со стула свой черный шелковый капотъ и накинула его на себя. Сразу красота ея расцвѣла при яркомъ свѣтѣ люстръ. Черный и синій атласъ роскошной одежды спускался мягкими складками вдоль выпрямившагося гибкаго тѣла, окруженнаго сверканіемъ свѣта. Ея волшебно-прекрасное лицо сіяло, озаренное измученными глубокими глазами.

— А все-таки каждое изъ моихъ увлеченій чему-нибудь научало меня, клянусь тебѣ. Послѣ отчаянія, сопровождавшаго каждую разлуку, я стремилась все къ большему и большему совершенству. Красота моихъ друзей оставляла въ моемъ сердцѣ тревогу неудовлетвореннаго и усилившагося желанія. Я жаждала все большей роскоши—роскоши, равной ихъ сверкающимъ взорамъ. Я жаждала все большей гордости—гордости, подобной ихъ желаніямъ, покорявшимъ меня. Тогда мы вдвоемъ съ отцомъ, сидя на нашихъ курдистанскихъ мѣшкахъ, обдумывали наши дѣла. Хирамъ былъ покорнымъ исполнителемъ моихъ гордыхъ желаній. Онъ возвращался издалека съ свертками грязныхъ контрактовъ, договоровъ, запачканныхъ его грязными пальцами, съ книжечками англійскихъ чековъ, съ пачками банковыхъ билетовъ, съ кушакомъ, набитымъ турецкимъ золотомъ. Я продолжала влюбляться, продолжала ждать все большаго и лучшаго. Я становилась все богаче и богаче. Тѣ, которые любили меня, не знали, что ихъ страсть порождаетъ въ моей душѣ все большее

желаніе обладать всѣмъ, что можетъ дать роскошь одеждъ и обстановки, экипажей, дворцовъ, парковъ и помѣстій, слабыхъ отраженій красоты страстно любящаго сердца. Моя гордость требовала все большаго. Я хотѣла царить. Ради этого я изучила искусства. Въ Константинополѣ я собирала археологовъ передъ моими коллекціями. Статуи моей виллы въ Римѣ привлекали историковъ, эстетовъ, великихъ ученыхъ. У меня былъ свой дворъ. Въ Парижѣ я его сдѣлала болѣе избраннымъ. Послѣ смерти Хирама твое имя, которое носили воины и министры, твое богатство, пріобрѣтенное въ давнишнихъ войнахъ, я предпочла украшенной гербами бѣдности маркиза Чедино. Но если я съумѣла въ твоемъ отсутствіи побѣдить осторожность Лирисса и Фохта, достать заказы заводамъ въ Парахасъ, заставить банкъ дѣйствовать противъ желаній кубанскаго комитета, если наслѣдный принцъ обѣщалъ пріѣхать, то все это случилось лишь потому, что я хотѣла казаться еще болѣе обаятельной Георгію Фаріаки и его товарищамъ въ посольствѣ, которые завидовали ему, зная, какъ я его люблю. Тебѣ я все это могу сказать. Ты все понимаешь... Ты сѣешь золото для того, чтобы взошли плоды науки, чтобы жизнь множилась по творческому мановенію твоей руки... Ты вѣдь пришелъ меня утѣшить, ты понимаешь, какъ я страдаю отъ того, что убиваютъ мои силы... Вѣдь если страсть мужчинъ отвернется отъ меня, мнѣ незачѣмъ будетъ проявлять свою силу. Я сдѣлаюсь глупой и бѣдной, если никто не будетъ любить меня.

— А я?

Они оглянули другъ друга среди ярко освѣщенной комнаты. Мануэлю казалось, что въ эту минуту взволнованная Роланда воплотила въ себѣ всю страстность восточныхъ расъ, всю силу желаній, породившую роскошь и искусство культуры. Она казалась ему Діаной Эфесской, вскормившей зачатое въ Мемфисѣ. Сирійка взглянула на Мануэля, стоявшаго передъ нею въ пурпурной тогѣ. Она опустила голову, и волосы спустились на ея лицо.

— У тебя есть дочь... И ты не та любовь, которая безумствуетъ и исчезаетъ. Ты—сила, которая покоряетъ, создаетъ и подчиняетъ себѣ.

— Не всегда,—поправилъ Мануэль Эрикуръ.

Онъ хотѣлъ уйти. Она удержала его.

Переводъ съ рукописи З. В.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

РУССКАЯ БЮРОКРАТІЯ

и

КАВКАЗСКІЕ ГОРЦЫ

Нѣтъ, кажется, въ Россіи другого населенія, жизнь котораго находила бы себѣ такое ничтожное освѣщеніе въ печати, какъ жизнь $1^1/_2$ милліона кавказскихъ горцевъ, „забытыхъ и Богомъ, и людьми", затерявшихся въ глухихъ горныхъ ущельяхъ.

Кавказская пресса, то сдавленная тяжелыми тисками цензурныхъ ограниченій, то сдерживаемая угрозой суровыхъ административныхъ каръ, ни прежде, ни теперь не рѣшается иначе касаться жизни кавказскихъ горцевъ, какъ только робкими и осторожными полунамеками. О всестороннемъ освѣщеніи нуждъ кавказскихъ горцевъ нечего и говорить. Изрѣдка мелькнетъ какая-либо корреспонденція и потонетъ въ морѣ газетныхъ строкъ. Толстые журналы никогда не удѣляли Кавказу должнаго вниманія. Они если и касались кавказской жизни, то главнымъ образомъ жизни Закавказья. Рѣдко-рѣдко появлялись воспоминанія или путевыя замѣтки человѣка, случайно закинутаго въ ущелья кавказскихъ горъ, да въ почти никѣмъ не читаемыхъ оффиціальныхъ изданіяхъ помѣщались ученыя изысканія оффиціальныхъ изслѣдователей, проникнутыя явной тенденціей расцвѣтить яркими красками благодѣтельные результаты русской политики на Кавказѣ.

Своеобразныя историческія судьбы кавказскихъ горцевъ, сохранявшія въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ въ нетронутомъ видѣ ихъ языкъ, нравы и обычаи, создавали обширное поле для плодотворныхъ научныхъ изслѣдованій. И пытливый умъ ученыхъ, русскихъ и иностранныхъ, время отъ времени останавливался на жизни горцевъ,

извлекая изъ нея богатѣйшія данныя въ области лингвистики, этнографіи, антропологіи, сравнительнаго правовѣдѣнія. Но все это дѣлалось разрозненными усиліями отдѣльныхъ ученыхъ, а не планомѣрной и упорной работой коллективовъ. Получались отдѣльные отрывки знанія, подчасъ яркіе и захватывающіе, но далеко не исчерпывалось все поле научнаго изслѣдованія. И если въ области чисто-научныхъ изысканій все же кое-что и сдѣлано, то въ области изслѣдованія русской политики по отношенію къ туземцамъ Сѣвернаго Кавказа попадаются только газетныя и журнальныя статьи, разрозненныя, не систематизированныя, не объединенныя никакими общими идеями, весьма различной и цѣнности. Эти статьи рѣдко обращали на себя общественное вниманіе. Самое представленіе о горцахъ среди русскаго общества всегда было въ высшей степени смутнымъ и ошибочнымъ.

Вотъ почему мы полагаемъ, что освѣщеніе нѣкоторыхъ сторонъ образа дѣйствій русской бюрократіи по отношенію къ горцамъ Сѣвернаго Кавказа не будетъ лишено интереса.

Много десятковъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ туземныя племена Сѣвернаго Кавказа были покорены силой русскаго оружія и русская культура начала понемногу проникать и въ дебри кавказскихъ ущелій.

Упорная, кровопролитная война съ свободолюбивыми горцами Кавказа была окончена, и новыя задачи встали передъ русскимъ правительствомъ. Съ окончаніемъ кавказской войны надлежало „окончательно умиротворить покоренные народы и утвердить надъ горскими племенами русскую нравственную власть, которая составляетъ вѣрный залогъ спокойнаго обладанія страной“ [1].

И вотъ, если прослѣдить, какъ „окончательно умиротворялись покоренные народы“ и какъ „утверждалась нравственная власть“, то передъ нами развернется тяжелая, глубоко неприглядная картина жизни кавказскихъ горцевъ. Достаточно вспомнить выселеніе тысячъ кавказскихъ горцевъ въ Турцію, отобраніе лучшихъ земель горцевъ подъ казачьи станицы, поддержку такъ называемыхъ высшихъ сословій горцевъ, административныя репрессіи по отношенію къ горцамъ въ видѣ военныхъ экзекуцій съ постоями солдатъ и казаковъ въ туземныхъ селеніяхъ, насильственное обезоруженіе туземцевъ, съ оскорбительными для ихъ достоинства обысками, круговую отвѣтственность сельскихъ обществъ за порочное поведеніе отдѣльныхъ членовъ, огра-

---

[1]) Изъ рескрипта Императора Александра II на имя намѣстника Кавказа, великаго князя Михаила Николаевича, отъ 13 октября 1871 г.

ниченіе горцевъ въ правѣ жительства въ городахъ ихъ родины и въ правѣ пріобрѣтенія недвижимой собственности, расхищеніе капиталовъ, собранныхъ съ туземцевъ, отобраніе земель и лѣсовъ въ пользу казны.

Прибавимъ къ этому, что кавказскіе горцы почти во всемъ поставлены внѣ дѣйствія законовъ имперіи, которые въ примѣненіи къ нимъ слишкомъ слабо, будто бы, охраняютъ прерогативы власти. Администрація попрежнему руководствуется принципомъ divide et impera, поддерживаетъ систему сыска, глубоко деморализующую населеніе, продолжаетъ руссификаторскую дѣятельность, игнорируетъ хозяйственно-экономическія нужды горцевъ.

Въ 1811 г. русское правительство дозволило осетинамъ въѣздъ въ предѣлы Россіи, а въ 1906 г. начальникомъ Терской области изданъ слѣдующій любопытный циркуляръ, уничтожающій свободу передвиженія не только для осетинъ, но и для всѣхъ туземцевъ Сѣвернаго Кавказа. „При возбужденіи уголовнаго преслѣдованія по обвиненію нѣкоторыхъ туземцевъ въ тяжкихъ преступленіяхъ, обвиняемые, въ самомъ началѣ разслѣдованія или во время производства дознанія, скрываются изъ предѣловъ Терской области въ Европейскую Россію, поступая тамъ въ стражники. Отыскать ихъ и привлечь къ законной отвѣтственности является чрезвычайно труднымъ. Въ интересахъ правосудія и освобожденія Россіи отъ элементовъ, никоимъ образомъ не могущихъ служить къ охраненію населенія, предписываю, чтобы впредь туземцы, отправляющіеся въ Россію на службу, получали удостовѣреніе на право выѣзда лишь по провѣркѣ, не имѣется ли причинъ къ ихъ задержанію“.

Легко себѣ представить, къ какимъ вопіющимъ злоупотребленіямъ можетъ вести такая система охраны „интересовъ правосудія“, если принять въ соображеніе составъ администраціи и обычные пріемы управленія горскими племенами. А между тѣмъ лойяльность хотя бы, напримѣръ, осетинскаго племени по отношенію къ русской власти почти никогда не подвергалась сомнѣнію съ тѣхъ поръ, какъ Осетія добровольно признала надъ собою верховенство русскаго царя.

Еще въ концѣ XVIII столѣтія появленіе русскихъ войскъ на Кавказѣ сыграло очень большую роль въ жизни осетинъ. Сдавленные кабардинцами въ самыхъ дикихъ трущобахъ центральнаго Кавказа, осетины съ этого времени начинаютъ понемногу оправляться и черезъ нѣкоторое время покидаютъ горы и выселяются на плоскость. Въ теченіе XIX столѣтія русскіе пользуются осетинами въ качествѣ незамѣнимаго боевого матеріала при покореніи Кавказа. И какъ же вознаграждаются всѣ ихъ заслуги? Въ 90-хъ годахъ жителямъ горной Осетіи воспрещается продавать и закладывать какія бы то ни было

земли, пахатныя, покосныя и усадебныя; они могутъ лишь продавать постройки, т.-е. камень и лѣсъ, изъ коихъ сдѣланы жилища. Сельскимъ обществамъ запрещается отдавать общественныя земли (пастбища и выгоны) въ аренду для развѣдки и разработки минеральныхъ богатствъ безъ предварительнаго разрѣшенія начальства. При полной земельной необезпеченности осетинъ для нихъ являлась весьма значительнымъ подспорьемъ полоса общественныхъ лѣсовъ, расположенная между плоскостью и горною Осетіею, въ количествѣ 90.000 десятинъ. До 1888 г. осетины совершенно свободно владѣли этимъ лѣсомъ безъ всякаго противодѣйствія со стороны администраціи, но съ этого времени лѣса были переданы въ вѣдѣніе мѣстнаго управленія государственными имуществами. Это вѣдомство смѣло, не испрашивая даже Высочайшаго повелѣнія, объявило всю полосу лѣса казенною собственностью. Всѣ земли въ этой полосѣ, лѣсныя полянки, на которыхъ обыкновенно устраивались хутора горцевъ, съ убѣжищами для скота и баранты— все это неукоснительно отбиралось подъ лѣсныя сторожки или просто предоставлялось свободному произрастанію бурьяна. Населеніе окончательно разоряли систематическіе штрафы за порубку того лѣса, которымъ съ испоконъ вѣковъ владѣли его отцы и дѣды. Управленіе государственными имуществами стало даже стѣснять безплатный отпускъ лѣса для домашнихъ нуждъ, отводя дѣлянки на такихъ горныхъ крутизнахъ, куда не ступала человѣческая нога.

Русская деревня пережила тяжелые годы крѣпостного права. И вотъ, все, къ чему пріучилъ русскаго бюрократа безропотный крестьянскій людъ, все это примѣнялось къ кавказскимъ горцамъ, дѣлая процессъ приспособленія ихъ къ новымъ условіямъ жизни страшно мучительнымъ, затрудняя пріобщеніе энергичныхъ и способныхъ кавказскихъ народностей къ русской гражданственности и культурѣ. Кавказская администрація ставила горцевъ въ положеніе паріевъ, смотрѣла на нихъ какъ на низшую покоренную расу, какъ на „гололобыхъ татаръ", „азіатовъ", съ которыми нечего церемониться, съ которыми позволительно какое угодно обращеніе. Такими же глазами смотрѣла на туземцевъ и главная масса русскаго населенія, въ лицѣ казачества. Это озлобляло туземцевъ и приводило ихъ къ постояннымъ кровавымъ столкновеніямъ съ казаками.

Нѣкоторую роль играла здѣсь національно-религіозная обособленность, но ея значеніе несомнѣнно ничтожно, такъ какъ случаи мирнаго сожительства русскихъ съ инородцами довольно часты. Не менѣе враждебное отношеніе существуетъ, притомъ, между казаками и русскими переселенцами, съ которыми казаки, казалось бы, связаны и единствомъ происхожденія, и общностью религіи. Единственнымъ правильнымъ объясненіемъ вражды нужно считать фактъ привилегированнаго поло-

женія казачества и въ сферѣ соціально-экономической, и въ сферѣ административно-полицейской и правовой, въ сравненіи съ туземцами и даже съ русскими переселенцами (такъ называемыми на Кавказѣ иногородними). Здѣсь нужно искать главный источникъ тѣхъ ненормальныхъ отношеній, которыя установились между русскимъ и туземнымъ населеніемъ и въ теченіе многихъ лѣтъ парализовали правильное развитіе краевой жизни.

Уже съ самаго начала поземельнаго устройства горцевъ и казаковъ кавказскія власти обнаружили явное пристрастіе къ казачеству и враждебность къ горцамъ. Въ то время, когда казаки Кубанской области получили по 30 десятинъ на мужскую душу, горцы получали никуда негодныя кубанскія плавни, по 6 десятинъ на душу. Въ Терской области соотношеніе земельной обезпеченности казаковъ и горцевъ было не менѣе неблагопріятно для послѣднихъ. Администрація не задумывалась передъ экспропріаціей земель, принадлежащихъ горцамъ, въ пользу казачьихъ станицъ.

Неравномѣрное распредѣленіе земли, помимо тяжелыхъ арендныхъ отношеній, въ которыя принуждены были вступать горцы, вело еще къ преобладанію казаковъ на рынкѣ. Непосильная конкурренція заставляла горцевъ понижать плату за свои продукты и нести крупные убытки. Эта конкурренція окончательно добивала и такъ уже пошатнувшееся отъ новыхъ экономическихъ условій хозяйство горца. Въ большей части казачьихъ станицъ земельные надѣлы превышаютъ рабочую норму и излишки земли сдаются станичными обществами въ аренду; горскія племена выплачиваютъ казакамъ ежегодно десятки тысячъ рублей арендной платы за землю. При рабочей нормѣ, опредѣляемой въ 11 десятинъ на наличную мужскую душу, избыточной земли приходится на каждую мужскую душу у казаковъ 2,7 дес.; въ то же самое время въ нагорной части Сѣвернаго Кавказа, по вычисленіямъ одного изъ лучшихъ знатоковъ горской жизни, г. Цоголова, „на каждыя пять душъ наличнаго населенія мужского пола за убогимъ столомъ природы имѣется приборъ только для одного человѣка, а остальные четыре должны встать изъ-за стола. Другими словами, въ нагорной полосѣ земли хватаетъ только для одной пятой части населенія, а остальные 80% являются лишними ртами“ [1]). Въ среднемъ казачество сдаетъ въ аренду 22,5% общаго количества земли, и главными арендаторами войсковой земли являются туземцы.

Поставивъ туземцевъ, въ экономическомъ отношеніи, въ полную зависимость отъ казачества, кавказская администрація еще въ боль-

---

[1]) Цоголовъ, „Замѣтка о нагорной полосѣ“, 1907.

шей степени поработила туземцевъ въ административно-полицейскомъ смыслѣ.

Положеніемъ 1888 г. объ управленіи Терской и Кубанской областями установлено узко-кастовое военно-казачье управленіе, безъ участія въ немъ не только представителей горскихъ племенъ, но и не-казачьяго русскаго элемента. Этимъ положеніемъ туземцы ставились внѣ дѣйствія общихъ законовъ и внѣ какихъ бы то ни было заботъ объ ихъ культурно-хозяйственномъ преуспѣяніи.

Какъ хозяйничало казачество среди туземцевъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ краснорѣчивыхъ строкъ въ „Трудахъ" коммиссіи, избранной владикавказскою городской думой для разсмотрѣнія вопросовъ о причинахъ грабежей и разбоевъ въ г. Владикавказѣ. „Со времени покоренія Кавказа казаки смотрятъ на туземцевъ какъ на своихъ враговъ; казаки обобрали у нихъ лучшія земли, загнавъ ихъ въ глубь дикихъ горныхъ ущелій, откуда, поддерживаемые областной администраціей, вновь домогаются удалить ихъ съ обработанныхъ съ величайшимъ трудомъ земель. Подобное отношеніе казаковъ къ туземцамъ не могло не порождать непріязни между ними. Администрація же не только не принимала никакихъ мѣръ къ прекращенію враждебныхъ отношеній, а наоборотъ, постоянно приносило въ жертву интересы одной половины населенія въ жертву другой. Поставленное внѣ дѣйствія общихъ законовъ, систематически преслѣдуемое покровительствуемымъ властями войсковымъ сословіемъ, искусственно дезорганизованное и лишенное всякихъ законныхъ способовъ защиты своихъ интересовъ,—туземное населеніе разоряется, дичаетъ, озлобляется и деморализуется, проявляя изрѣдка свое недовольство въ дикихъ формахъ кроваваго мщенія или открытаго мятежа, какъ это было въ Чечнѣ въ 1898 г., въ Осетіи въ 1902 и 1905 гг., въ Ингушіи въ 1906 г. Конечно, вспыхивавшіе тамъ и сямъ безпорядки были подавляемы съ безпощадной жестокостью; сотни туземцевъ выселялись на вѣрную смерть въ холодную Сибирь, виновные аулы облагались десятками тысячъ рублей штрафа... И въ концѣ концовъ достигалась завѣтная цѣль казачьей знати: съ „искорененіемъ" въ туземцахъ „природныхъ" склонностей къ хищничеству и насилію—искоренялось само туземное населеніе"...

Такъ говорятъ люди, которыхъ врядъ ли можно заподозрить въ особомъ пристрастіи къ горскому населенію.

Но вотъ другой документъ, засвидѣтельствованный представителями цѣлаго народа: телеграмма ингушскаго населенія въ первую Государственную Думу. „Мы, ингуши, съ незапамятныхъ временъ живемъ въ нынѣшней Терской области, въ количествѣ 50.000, занимаясь испоконъ вѣковъ земледѣліемъ. Весь маленькій народъ составлялъ какъ бы одну

трудовую общину, не зная, что такое классовыя дѣленія, привилегированныя и непривилегированныя сословія, управляясь общинными началами. Но послѣ покоренія Кавказа въ шестидесятыхъ годахъ, не взирая на всю горячую любовь къ Россіи, высказанную нами не разъ въ трудные историческіе моменты, мѣстныя власти, внушаясь пагубной идеей руссификаціи края, начали отбирать у насъ земли и заселять ихъ казаками. Въ настоящее время ²/₃ нашихъ земель, насильственно отобранныхъ, перешли въ руки казаковъ и мы, ингуши, доведены до такого состоянія, что для того, чтобы жить, должны арендовать землю у тѣхъ же казаковъ. Въ среднемъ ингушское племя платитъ ежегодно казакамъ слишкомъ 30.000 руб. арендной платы. Это не что иное, какъ налогъ въ пользу казаковъ, налогъ тѣмъ болѣе возмутительный, что мы, ингуши, платимъ его за пользованіе землей, принадлежавшей намъ тысячелѣтіями. Но къ нашему несчастію ни казаки, ни власти не довольствуются этимъ. Они, повидимому, окончательно рѣшили истребить наше племя и выжить его. Казаки пользуются всякимъ случаемъ, чтобы придираться къ намъ, взыскивать штрафы, убивать. За одинъ послѣдній годъ намъ пришлось уплатить въ пользу казаковъ 50.000 рублей, а между тѣмъ мѣстныя власти, состоя исключительно изъ казаковъ, и областной начальникъ, будучи въ то же время атаманомъ терскаго казачьяго войска, не только ничего не предпринимаютъ противъ нихъ, но поощряютъ ихъ въ этомъ направленіи. Особенно энергично подстрекать ихъ стали за послѣдній годъ, когда освободительное движеніе, идя изъ Россіи, захватило свѣтлыми волнами и наши горы. Вслѣдствіе подобныхъ отношеній къ намъ властей мы за истекшій годъ должны были вынести со стороны казаковъ пять вооруженныхъ нападеній, приводившихъ къ кровавымъ столкновеніямъ. Самымъ возмутительнымъ изъ нихъ было послѣднее, имѣвшее мѣсто при ингушскомъ аулѣ Яндыркѣ 20-го мая (1906 г.). Одинъ яндырецъ, имѣя въ рукахъ только зонтикъ, поѣхалъ нанимать рабочихъ. Дорогою въ огородахъ казачьей станицы Троицкой на него напали и убили. Лошадь убитаго прибѣжала окровавленная домой; родственники убитаго пошли убрать тѣло покойника. Между собравшимися на мѣстѣ убійства казаками и родственниками убитаго произошла перестрѣлка, но безъ результатовъ. Казаки нѣсколькихъ станицъ, пользуясь случаемъ, немедленно собрались и совершили нападеніе на аулъ Яндырка, отстоящій отъ Троицкой станицы на шесть верстъ. Завязалась перестрѣлка, продолжавшаяся два дня. Находясь въ отчаянномъ положеніи, ингуши обратились за помощью къ властямъ. Не взирая на донесеніе начальника второго участка Назрановскаго округа, власти подоспѣли лишь на второй день. Изъ Владикавказа выступилъ батальонъ пѣхоты Апшеронскаго полка и

пулеметная рота. Въ то же время прибыли и три сотни казаковъ, подъ начальствомъ атамана Сунженскаго отдѣла. Когда отрядъ прибылъ на мѣсто, часть пѣхоты съ пулеметами взобралась на гору, доминирующую надъ Яндыркой, а другая часть смѣшалась съ казаками и обстрѣливала Яндырку. Командиръ батальона, вмѣсто того, чтобы защищать осажденный и обстрѣливаемый аулъ, приказалъ громить пулеметами. Никакія мольбы и увѣщанія начальника округа, полковника Котляревскаго, не громить беззащитный аулъ не помогли, и аулъ, какъ вражій, былъ подвергнутъ ужасному огню изъ ружей и пулеметовъ. Въ результатѣ оказалось 7 убитыхъ и 13 тяжело раненыхъ. Дѣти, женщины и старики въ ужасѣ разбѣжались въ сосѣдніе лѣса. Такое отношеніе властей окончательно убѣдило насъ, ингушей, что насъ хотятъ истребить въ конецъ. Справедливости и защиты намъ искать негдѣ. Куда бы мы ни обратились, намъ говорятъ: съ казаками мы ничего не можемъ дѣлать" [1]).

Когда мы ближе познакомимся съ внутреннимъ механизмомъ управленія краемъ, мы увидимъ, что вышеприведенные документы нисколько не страдаютъ преувеличеніемъ.

Въ первое время послѣ покоренія Кавказа русская администрація для проведенія тѣхъ или другихъ реформъ прибѣгала къ содѣйствію самихъ туземцевъ, собирая представителей горскихъ племенъ на большія народныя собранія.

Такія всенародныя общественныя собранія функціонировали у чеченцевъ, ингушей, осетинъ, кабардинцевъ, карачаевцевъ и др., принося значительную пользу населенію, какъ зачатки широкой общественной самодѣятельности. Правда, благотворные результаты собраній парализовались отчасти стремленіемъ администраціи использовать ихъ въ своихъ видахъ; но все же они функціонировали довольно правильно, а нѣкоторыя изъ нихъ, казавшіяся особенно благонадежными, были даже въ законодательномъ порядкѣ регламентированы (напр. кабардинскіе народные сборы). Но когда на собраніяхъ стали выплывать злоупотребленія низшей администраціи, когда сложилась горская интеллигенція и пробудилась общественная мысль, когда собранія задались цѣлью сосредоточить въ своихъ рукахъ цѣлыя стороны хозяйственной жизни и, прибѣгая къ „самообложенію, пополнить недостатокъ земскихъ учрежденій, тогда администрація сначала стала неохотно созывать собранія, а затѣмъ и совершенно перестала созывать ихъ. Въ основу управленія былъ положенъ бюрократическій

---

[1]) „Терекъ" № 83, 1907 г.

централизмъ, съ своимъ неизмѣннымъ спутникомъ—бюрократическимъ произволомъ.

Даже сельская самодѣятельность населенія была парализована институтомъ назначаемыхъ по усмотрѣнію начальства старшинъ, которые должны посвящать администрацію во внутреннія стороны аульной жизни, скрытыя до тѣхъ поръ отъ посторонняго взора. Будучи ставленниками ближайшаго начальства и завися только отъ него, старшины нисколько не заботились объ интересахъ жителей, а прилагали всѣ старанія къ тому, чтобы угодить своимъ непосредственнымъ начальникамъ. Иногда сельскія должности являлись для участковыхъ начальниковъ только извѣстной доходной статьей, и правило „рука руку моетъ" имѣло очень большое примѣненіе.

Самые кадры старшинъ составлялись изъ полицейскихъ и постовыхъ урядниковъ, запасныхъ галуноносцевъ, лакеевъ при участковыхъ и окружныхъ начальникахъ, милиціонеровъ, разсыльныхъ при разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, вообще изъ всякаго рода отбросовъ туземнаго и казачьяго населенія. Въ большинствѣ случаевъ старшины вступали въ самыя лучшія отношенія съ „порочными элементами" общества, какъ лицами, приносившими имъ наибольшій доходъ. Тяжело жилось только мирнымъ сельчанамъ, особенно тѣмъ, которыхъ почему-либо не возлюбило сердце старшины. Нѣтъ такой бѣды, которая не стряслась бы надъ головой этихъ злополучныхъ людей. Взяточничество, подложные сельскіе приговоры, присвоеніе общественныхъ денегъ, всякаго рода тяжкія преступленія по должности—вотъ основныя черты дѣятельности аульнаго старшины, покуда не переполнится чаша терпѣнія у сельскихъ жителей и они постараются убрать его „своими средствіями", или же старшина очутится на скамьѣ подсудимыхъ.

И вотъ эти-то люди должны были заботиться о процвѣтаніи сельскихъ обществъ, выполнять разнообразныя функціи, не имѣя ни знаній, ни какихъ бы то ни было нравственныхъ устоевъ. А между тѣмъ обязанности старшины весьма разнообразны, права его весьма обширны. Онъ обладаетъ и дисциплинарной властью: ему предоставлено за маловажные проступки назначать виновныхъ на общественныя работы до двухъ дней и подвергать ихъ денежному взысканію до 1 рубля и аресту до 2 дней.

Составъ сельской администраціи, тормозившій мирное развитіе сельской жизни, побуждалъ туземцевъ къ неоднократнымъ ходатайствамъ о введеніи выборнаго института старшинъ. Всѣ эти ходатайства оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, пока населеніе не обратилось къ болѣе рѣшительнымъ средствамъ. Одновременно съ подъемомъ общественнаго движенія въ Россіи заволновались и

горцы. Во многихъ мѣстахъ назначенные старшины были насильственно удалены, и сельскими сходами на ихъ мѣсто были избраны свои кандидаты. Кавказская администрація, встревоженная грозными событіями въ Россіи, стала призывать горцевъ къ спокойствію и сулить имъ всевозможныя реформы, между прочимъ—выборный институтъ старшинъ. Реформы оказались пустымъ словомъ, но выборные старшины были введены.

Сначала населеніе облегченно вздохнуло, но вскорѣ оказалось, что эта мѣра, безъ общаго преобразованія всего административнаго уклада, не можетъ принести ожидаемой пользы. Старшины фактически оставались попрежнему въ полномъ распоряженіи администраціи и главнымъ образомъ обязаны были выполнять приказанія начальства; въ противномъ случаѣ имъ грозилъ сначала арестъ отъ 2-хъ недѣль до 1 мѣсяца, а дальше—увольненіе отъ службы.

Если низшая сельская администрація представляла собою отбросы общества туземнаго и казачьяго, то участковая вмѣщала въ себѣ отбросы военной и чиновной среды. Кавказскіе участковые начальники — это русскіе становые, но только болѣе невѣжественные. И всѣ эти начальники пользуются властью почти неограниченной, расправляются съ населеніемъ какъ заблагоразсудится. Внезапныя ревизіи обнаруживали почти всегда массу вопіющихъ злоупотребленій; бывали случаи, когда даже начальники областей покидали свои должности въ 24 часа.

Въ отдаленномъ Алтаѣ, гдѣ самовластіе и произволъ сибирскаго чиновничества не знали удержу, сложилась про чиновниковъ пѣсенка, въ которой говорится:

Какъ на Чую завалится,
Никого онъ не боится...

Ее свободно можно было бы передѣлать, подставляя вмѣсто Чуи названія кавказскихъ рѣкъ: Терекъ, Кубань, Сунжу.

Какъ расхищалось народное достояніе, о томъ свидѣтельствуютъ факты безслѣднаго исчезновенія осетинскихъ, карачаевскихъ и др. общественныхъ штрафныхъ суммъ, достигавшихъ десятковъ тысячъ рублей.

Чиновные культуртрегеры совершенно игнорировали благосостояніе горцевъ, не выполняя даже прямыхъ своихъ служебныхъ обязанностей. Вотъ маленькій типичный примѣръ. Общество селенія Кадгаронъ, желая положить конецъ взиманію неимовѣрныхъ процентовъ (30% и больше) мѣстными кулаками ростовщиками, рѣшило устроить у себя ссудо-вспомогательный банкъ, основаніемъ для чего послужилъ существовавшій у общества съ 1902 г. ссудо-вспомогательный капиталъ. Объ этомъ

былъ составленъ 15 апрѣля 1904 г. приговоръ, который, вмѣстѣ съ выработаннымъ проектомъ устава банка, 3-го мая былъ представленъ мѣстнымъ сельскимъ правленіемъ на утвержденіе начальника 1-го участка Владикавказскаго округа. Прошло три года, а объ уставѣ Кадгаронскаго банка не было ни слуху, ни духу. Полагая, что замедленіе происходитъ въ виду бывшихъ безпорядковъ, кадгаронцы вооружились терпѣніемъ. Послѣ составленія приговора былъ избранъ казначей, и проектированный банкъ, къ великой радости всѣхъ обездоленныхъ жителей, началъ функціонировать. Для расширенія его дѣятельности общество постановило отпускать въ его доходъ ежегодно всю сумму, выручаемую отъ сдачи въ аренду пастбищныхъ участковъ общественной земли. Такимъ образомъ къ концу 1906 г. образовалась сумма въ 8 слишкомъ тысячъ руб., что̀ дало возможность производить операціи съ болѣе широкимъ кругомъ кліентовъ. Въ февралѣ 1907 г. казначей банка предоставилъ для засвидѣтельствованія новыя предварительныя книги. Начальникъ Владикавказскаго округа былъ немало удивленъ, узнавъ, что въ Кадгаронѣ безъ его вѣдома и безъ устава существуетъ такой значительный капиталъ. Когда же казначей доказалъ, что приговоръ и проектъ устава были представлены по начальству еще въ маѣ 1904 г., то оказалось, что дальнѣйшаго движенія они не получили и неизвѣстно, что̀ съ ними стало [1]).

Если такова моральная и интеллектуальная физіономія чиновныхъ культуртрегеровъ на Кавказѣ, то немудрено, что единственной системой управленія они считаютъ систему „ежевыхъ рукавицъ", „бараньяго рога". Искорененіе „природныхъ хищническихъ наклонностей" горцевъ — вотъ задача, которая ставится основой всей дѣятельности энергичнаго администратора. Въ его глазахъ все туземное населеніе поголовно состоитъ изъ грабителей и разбойниковъ, съ которыми церемониться нечего.

Вотъ, напримѣръ, постановленіе начальника Терской области, документъ самаго послѣдняго образца. „Большинство обществъ, хуторовъ и сельскихъ хозяевъ, расположенныхъ на казачьихъ и частновладѣльческихъ земляхъ въ Кизлярскомъ и Моздокскомъ отдѣлахъ, по лѣвому берегу Терека, нанимаютъ для службы въ своихъ экономіяхъ, въ качествѣ приказчиковъ, объѣздчиковъ, сторожей, пастуховъ и работниковъ и пр., туземцевъ изъ осетинъ, кабардинцевъ, ингушей, чеченцевъ и кумыковъ, причемъ ради дешевизны въ большинствѣ случаевъ неблагонадежныхъ. Служащіе эти хотя и представляютъ охрану

---

[1]) „Терекъ" № 81, 1907 г.

для данной экономіи, но въ общемъ являются большимъ зломъ для всего указаннаго района, такъ какъ, поступивъ на мѣсто и оріентировавшись, начинаютъ систематически заниматься воровскою дѣятельностью, являясь проводниками, пособниками и укрывателями воровъ-туземцевъ. Въ виду того, что принимавшіяся для искорененія этого зла разнаго рода мѣры до сего времени положительныхъ результатовъ не дали, я на основаніи ст. 19-й правилъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, постановилъ: воспретить овцеводамъ, хуторянамъ и сельскимъ хозяевамъ, какъ русскимъ, такъ и туземцамъ, проживающимъ на казачьихъ и частновладѣльческихъ земляхъ названныхъ двухъ отдѣловъ, имѣть у себя служащихъ изъ перечисленныхъ выше туземцевъ въ качествѣ работниковъ, приказчиковъ, объѣздчиковъ, пастуховъ и сторожей. Для приведенія этой мѣры въ исполненіе даю упомянутымъ хозяевамъ мѣсячный со дня объявленія этого постановленія срокъ, въ теченіе котораго они должны замѣнить всѣхъ служащихъ у нихъ туземцевъ русскими, грузинами и ногайцами. Запрещеніе это по тѣмъ же соображеніямъ нахожу необходимымъ распространить и на кара-ногайцевъ, которымъ сверхъ того не дозволяю допускать на свои земли (2-й участокъ Кизлярскаго отдѣла) перечисленныхъ туземцевъ съ ихъ стадами и табунами, а допущенныхъ уже, если таковые имѣются, съ объявленіемъ сего въ мѣсячный срокъ удалить. За нарушеніе и неисполненіе этого постановленія виновные будутъ подвергаться мною денежному штрафу въ размѣрѣ отъ 50 до 1.000 руб. или тюремному заключенію до одного мѣсяца“ [1]).

Вотъ документъ, который прекрасно выясняетъ взглядъ кавказской администраціи на туземцевъ. Подъ вліяніемъ этого взгляда въ краѣ выработалось своеобразное отношеніе властей къ случаямъ оскорбленія туземца или нападенія на его личность. Когда на казачьей землѣ находятъ трупъ убитаго туземца, то власти, отъ которыхъ зависитъ первоначальное дознаніе, всегда склонны объяснить убійство тѣмъ, что туземецъ былъ застигнутъ на воровствѣ или убитъ при нападеніи на казака. Въ такомъ пристрастномъ освѣщеніи дѣло направляется къ слѣдователю, который не находитъ ничего лучшаго, какъ прекратить его производство.

Совершенно иная картина развертывается передъ нами, когда существуетъ предположеніе, что преступленіе совершено горцами. Вообще по мѣстной теоріи вѣроятностей подозрѣніе въ совершеніи преступленія всегда падаетъ на туземцевъ. Козломъ отпущенія являются прежде всего туземныя общества, близъ которыхъ преступленіе совершено или на землю которыхъ ведутъ слѣды преступника. Аульныя

---

[1]) „Русск. Вѣд.“ 1908 г., № 177.

общества имущественно отвѣчаютъ круговой порукой за своихъ „порочныхъ членовъ". Даже въ томъ случаѣ, если преступникъ обнаруженъ, но у него не хватило средствъ для возмѣщенія убытковъ, недостающую сумму уплачиваетъ общество.

Трудно представить себѣ, сколько злоупотребленій и несправедливостей вызывала такая система отвѣтственности. Достаточно вспомнить тѣ отъ времени до времени всплывавшіе наружу факты намѣреннаго совершенія преступленія, въ разсчетѣ, что они будутъ свалены на туземцевъ, а настоящими виновниками будетъ получено приличное вознагражденіе.

Такая система отвѣтственности существовала долгіе годы, подъ видомъ освященной временемъ политики обузданія „хищничества" туземцевъ. Наконецъ, даже кавказская администрація принуждена была спохватиться. „Усиленіе въ Терской области преступленій"—гласитъ распоряженіе гр. Воронцова-Дашкова — „вынудило издать временныя правила, въ силу которыхъ на туземныя селенія, до которыхъ доводились слѣды злоумышленниковъ, совершившихъ какое-либо преступленіе, налагались штрафы, для удовлетворенія потерпѣвшихъ отъ преступленій. Правила эти, принося поддержку русскому населенію, въ то же самое время въ корнѣ подрывали благосостояніе туземцевъ и кромѣ того пріучали русское населеніе къ безпечности въ защитѣ своего имущества. Эти обстоятельства привели къ тому, что вышеупомянутыя правила были въ 1902 г. отмѣнены. Отъ русскаго населенія поступила масса ходатайствъ о ихъ возобновленіи. Желая придти на помощь русскому населенію и въ то же время входя въ положеніе туземнаго населенія, платежныя силы котораго ухудшились, исправляющій должность главнокомандующаго разрѣшилъ входить къ нему съ ходатайствомъ о вознагражденіи, но лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда потерпѣвшій не могъ защищать своего имущества, какъ-то на полевыхъ работахъ, въ пути слѣдованія и т. п.; что же касается кражъ скота со двора, съ пастьбы и вообще изъ жилыхъ помѣщеній, то за нихъ потерпѣвшему удовлетворенія не назначалось. Порядокъ этотъ сохранялся до 1907 г., когда обратилъ на себя вниманіе намѣстника. Признавая его не достигающимъ цѣли и вообще нежелательнымъ, гр. Воронцовъ-Дашковъ рѣшилъ разъ навсегда покончить съ этимъ вопросомъ, предоставивъ населенію самому изыскать способъ къ искорененію зла, а также учреждать по обоюдному соглашенію смѣшанные суды, на которые и возложить задачу удовлетворенія пострадавшихъ отъ преступленій" [1]).

Невозможность остановить все болѣе и болѣе развивавшуюся пре-

---

[1]) „Терекъ" 1907 г., № 261.

ступность и столкновенія туземцевъ съ казаками, грозившія перейти въ форменную партизанскую войну, заставила администрацію забыть всѣ свои навыки и обратиться къ самодѣятельности казачьяго и туземнаго населенія. Такъ какъ столкновенія чаще всего происходили между казаками и ингушами, то на первое время здѣсь было устроено нѣчто въ родѣ выборной примирительной камеры.

Нужно замѣтить, что правительственный судъ на Кавказѣ представляетъ по истинѣ печальное зрѣлище. Незнаніе судьями и слѣдователями мѣстныхъ языкомъ заставляетъ ихъ пользоваться услугами малограмотныхъ, недобросовѣстныхъ, продажныхъ переводчиковъ. Нерѣдко судъ обращается въ какую-то сплошную комедію, гдѣ никто никого не понимаетъ: процессъ идетъ въ потемкахъ, свидѣтели путаются, а судьи безпомощно стремятся распутать запутавшійся клубокъ слѣдственнаго и судебнаго матеріала. Ни у судей, ни у подсудимыхъ нѣтъ вѣры въ судъ. Послѣдній не только не играетъ въ жизни края какой-либо положительной роли, но является однимъ изъ серьезныхъ источниковъ деморализаціи туземнаго и русскаго населенія.

Отсутствіе уваженія къ суду привело къ тому, что лжесвидѣтельство стало одной изъ язвъ кавказскаго края, пустившей наиболѣе глубокіе корни. Въ концѣ концовъ такое состояніе судебнаго дѣла ложится всей тяжестью на туземцевъ. Единственнымъ выходомъ изъ этого положенія можетъ быть правильно организованный судъ присяжныхъ. Всѣ слои кавказскаго населенія, начиная съ туземцевъ, неоднократно ходатайствовали о введеніи на Кавказѣ суда присяжныхъ, но эти ходатайства проходили безслѣдно, вслѣдствіе недовѣрія бюрократіи къ общественнымъ силамъ.

Безсиліе администраціи и чиновничьяго суда въ борьбѣ съ преступностью вызвали въ Терской области оригинальное учрежденіе, основу котораго положилъ червленскій съѣздъ ингушей и казаковъ. И дѣйствительно, въ районѣ, бывшемъ наиболѣе опаснымъ, немедленно прекратились убійства и ограбленія. Воля враждовавшихъ до тѣхъ поръ частей населенія создала два института: взаимное страхованіе жизни и имущества и судъ присяжныхъ. Пока результаты вновь созданныхъ учрежденій были хороши, но самыя лучшія учрежденія внѣ подходящей атмосферы быстро хирѣютъ—а такой подходящей атмосферы въ краѣ нѣтъ. Гдѣ нѣтъ широкой гласности, гдѣ царитъ освященная временемъ привычка „творить жизнь“ въ тиши канцелярій, тамъ не можетъ быть правильнаго развитія учрежденій, для которыхъ необходима общественная свобода. Нетрудно предсказать печальную участь и попыткѣ, сдѣланной въ Терской области, если коренная реформа сверху до низу не охватитъ всѣ стороны жизни края и не направитъ ее по новому, широкому и свободному руслу.

Кто не знаетъ жизни туземцевъ, своеобразнаго уклада ихъ семейнаго быта, ихъ нравовъ и обычаевъ, народныхъ святынь и традицій, тотъ не пойметъ тѣхъ грубыхъ, никому не нужныхъ жестокостей, которыми терзала горцевъ русская административная практика. Среди этихъ жестокостей, совершенно безполезныхъ, не достигающихъ никакой цѣли, или, вѣрнѣе, достигающихъ обратнаго результата, наиболѣе вопіющей является система экзекуцій.

Вотъ маленькая газетная телеграмма. „Тифлисъ. Во время ночныхъ маневровъ Апшеронскаго полка подъ Владикавказомъ 21 конныхъ, вооруженныхъ винтовками злоумышленниковъ, пользуясь полной темнотой, заѣхали въ тылъ 2-ой роты этого полка и открыли по ней частый огонь боевыми патронами, смертельно ранивъ рядового этой роты. Главнокомандующимъ было предписано ген.-губернатору Терской области принять самыя энергичныя мѣры къ обнаруженію преступниковъ. Нынѣ генер.-губернаторъ доноситъ, что нападеніе совершено близъ осетинскаго селенія Гизель, куда послано двѣ роты и взводъ казаковъ для экзекуціи. Подробное слѣдствіе производится“ [1]).

Вблизи осетинскаго селенія какими-то разбойниками произведено нападеніе. Преступники должны быть наказаны. Гдѣ же ихъ взять? Подвергнуть экзекуціи ближайшее селеніе—и тогда „добродѣтель восторжествуетъ, а порокъ будетъ наказанъ“: такова административная логика кавказскихъ бюрократовъ.

Конечно, указанное нами явленіе—капля въ морѣ страданій всего русскаго народа, и не къ такимъ ужасамъ пріучила насъ русская дѣйствительность; но то, что̀ въ Россіи только теперь стало практикой дня, то въ кавказскихъ областяхъ было всегда „правиломъ“ и частью опредѣленной политической системы.

Что же такое „экзекуція“?

Это—матеріальное разореніе и безъ того нищаго горскаго населенія. Это—оскверненіе „святого“, по мнѣнію горцевъ, семейнаго очага. Это—разложеніе нравовъ, оскорбленіе человѣческаго достоинства, поощреніе раболѣпства и лицемѣрія. Трудно перечислить вредныя послѣдствія, которыя влечетъ за собою система экзекуцій. И эта система всегда была излюбленнымъ дѣтищемъ кавказской администраціи. Она находила примѣненіе и въ мрачныя времена всероссійской реакціи, когда не видно было просвѣта, и тогда, когда бурно вздымались волны освободительнаго движенія.

---

[1]) „Русское Слово“ 1908 г., № 99.

Если въ экономическомъ, административно-полицейскомъ и вообще правовомъ отношеніяхъ кавказская бюрократія стремилась поставить туземцевъ въ положеніе „паріевъ“ въ сравненіи съ русскимъ населеніемъ, особенно казачествомъ, то въ области удовлетворенія культурно-хозяйственныхъ нуждъ туземцевъ она придерживалась политики полнаго игнорированія ихъ.

Никакихъ заботъ о народномъ образованіи, о народномъ здоровьѣ, о проведеніи желѣзныхъ дорогъ, вообще о поднятіи экономическаго благосостоянія и культурнаго уровня населенія—казачья администрація не проявила. Въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ предполагалось, что для кавказскихъ горцевъ Терской области вполнѣ достаточны три школы, и то открытыя на деньги, собираемыя съ самихъ же туземцевъ (въ слободѣ Нальчикъ—для кабардинцевъ, въ г. Грозномъ—для чеченцевъ, въ Назрани—для ингушей). Культурно-просвѣтительная дѣятельность трехъ горскихъ школъ Терской области была весьма ограниченна. Такъ, назрановская школа, открытая въ 1870 г. и преобразованная въ 1899 г. въ двухклассную, за 37 лѣтъ существованія выпустила всего 343 человѣка. Туда стекаются дѣти изъ 22-хъ селеній и обществъ, изъ которыхъ иныя находятся въ 40 и болѣе верстахъ отъ школы, а окрестныя—въ 4—5 верстахъ. Чтобы попасть въ школу, ученики изъ окрестныхъ селеній должны пройти значительное разстояніе, а въ дурную погоду и совсѣмъ не могутъ явиться. Въ 1907 г. прошеній было подано 88, а принято всего 42 мальчика; 46 оказалось за бортомъ. Число желающихъ учиться съ каждымъ годомъ увеличивается, но за неимѣніемъ школъ многіе остаются безъ образованія. Нѣтъ сомнѣнія,—замѣчаетъ корреспондентъ „Терека“—что „еслибы въ каждомъ ингушскомъ селеніи была школа, то всѣ онѣ были бы переполнены“ [1]).

Горскія училища нальчикское и грозненское, которыми администрація думала облагодѣтельствовать горское населеніе—не что иное, какъ блаженной памяти уѣздныя училища. Не давая никакихъ практическихъ свѣдѣній, училища эти не стоятъ ни въ какой связи съ общей системой образованія. Тѣ, кто желалъ бы продолжать ученье, не имѣютъ возможности прямо поступать въ школы высшаго разряда. Во время шестилѣтняго пребыванія въ горской школѣ ученикъ-туземецъ отвыкаетъ отъ труда и отчуждается отъ той среды, изъ которой вышелъ и въ которую ему придется возвратиться. Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что ученики горскихъ школъ въ большинствѣ случаевъ живутъ въ устроенныхъ при послѣднихъ пансіонахъ, гдѣ всѣ условія жизни совершенно не похожи на условія жизни тузем-

---

[1]) „Терекъ“, 1907 г. № 58.

наго населенія и гдѣ ученики превращаются въ барчуковъ. Немудрено, что большинство питомцевъ этихъ школъ въ концѣ концовъ становятся паразитами, ищущими легкихъ средствъ къ существованію.

Только одна Осетія въ смыслѣ распространенія народнаго образованія поставлена въ лучшія условія сравнительно со всѣми другими туземными народностями Сѣвернаго Кавказа. Благотворное значеніе осетинскихъ народныхъ школъ умаляется, однако, съ одной стороны, тѣмъ, что значительное количество ихъ находится въ рукахъ ардонскаго миссіонерскаго общества, главною цѣлью котораго является возстановленіе православія въ Осетіи, съ другой стороны—мертвящей рутиной бюрократизма. Невозможныя условія существованія заставляютъ порядочныхъ учителей бѣжать изъ осетинскихъ селеній, и кадры учительскаго персонала пополняются большею частью разнаго рода неудачниками, которымъ больше некуда дѣться. Не умѣетъ еще туземный ребенокъ отличить правой руки отъ лѣвой, затрудняется еще назвать имена отца, братьевъ, матери и сестеръ, не знаетъ, съ какой стороны онъ пришелъ въ школу, въ какую сторону течетъ рѣка его села, какъ ему начинаютъ сообщать, на русскомъ языкѣ, совершенно недоступныя для него понятія. Въ осетинскихъ министерскихъ и церковно-приходскихъ школахъ родной языкъ не занималъ подобающаго ему мѣста, не считался законнымъ предметомъ. И когда учителя, сознавая, что они насилуютъ естественный ходъ развитія умственныхъ способностей мальчиковъ, ввели въ школы осетинскій букварь А. Канукова, то встрѣтили сильное порицаніе и протестъ со стороны учебнаго начальства, признавшаго этотъ букварь, составленный магометаниномъ, заключающимъ въ себѣ стремленіе къ сепаратизму. Букварь былъ найденъ неблагонадежнымъ въ религіозномъ отношеніи, такъ какъ въ немъ молитвы были помѣщены въ самомъ концѣ. Попытки учителей внести осетинскій языкъ въ росписаніе уроковъ разбивались о розмахъ начальническаго синяго карандаша, прогуливавшагося по росписанію уроковъ съ приказаніемъ: „не смѣть заниматься своимъ языкомъ въ стѣнахъ школы“ [1]).

Еще болѣе печально положеніе церковно-приходскихъ школъ. Владикавказскій епархіальный училищный совѣтъ нашелъ, что въ двухклассныхъ школахъ не ведется обученіе церковно-славянскому языку, и предписалъ ввести его во всѣхъ 14 школахъ, начиная съ третьяго года.

Такъ распространяется грамотность среди туземцевъ. А между тѣмъ, стремленіе ихъ къ образованію, какъ свидѣтельствуютъ всѣ

---

[1]) Уруймаговъ, „Туземные языки въ начальныхъ школахъ кавказскаго края“. „Терекъ“, 1907 г., № 69. Въ настоящее время намѣстникъ разрѣшилъ ввести въ осетинскихъ школахъ преподаваніе осетинскаго языка.

изслѣдователи горской жизни, громадно. Даже наиболѣе чуждые русской культурѣ элементы обнаруживаютъ поразительную готовность къ насажденію народнаго образованія. Такъ напр., горцы Хасавъюртовскаго округа, кумыки, чеченцы Салтау и Ауха, горные чеченцы Ичкеріи еще въ 70-хъ годахъ добровольно обложили себя школьнымъ налогомъ по 30 коп. съ дыма для образованія школьнаго капитала. Тридцать слишкомъ лѣтъ населеніе уплачивало этотъ сборъ, и деньги непроизводительно лежали въ депозитахъ терскаго областного правленія. Только теперь, по распоряженію намѣстника, онъ переданъ въ вѣдѣніе дирекціи народныхъ училищъ Терской области. Сумма эта достигла значительныхъ размѣровъ—140.000 руб., но на нее не открыто ни одной школы.

Такое же отношеніе обнаружила казачья бюрократія къ удовлетворенію другихъ культурно-хозяйственныхъ нуждъ горцевъ. Въ краѣ не существуетъ никакой продовольственной организаціи. У туземцевъ Сѣвернаго Кавказа нѣтъ ни одного запаснаго амбара хлѣба, ни одной копѣйки продовольственнаго капитала; нѣтъ и сносныхъ путей сообщенія. Администрація не заботится о распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній, хотя бы путемъ устройства раціонально поставленныхъ опытныхъ полей, питомниковъ и т. п. Ничего не дѣлается для улучшенія туземныхъ породъ рогатаго скота и лошадей, для устройства мелкаго сельскаго кредита. Довольно значительное количество сельскихъ банковъ въ Осетіи открыто исключительно по иниціативѣ частныхъ лицъ, потратившихъ массу усилій и энергіи, прежде чѣмъ труды ихъ увѣнчались успѣхомъ.

Ежегодно 168.000 рублей взыскивается съ туземнаго населенія, въ видахъ охраны отъ разбойниковъ и воровъ, на содержаніе терской милиціи. Этотъ расходъ ложится на населеніе тяжелымъ бременемъ: разбои и воровство не прекращаются, и туземныя селенія, дабы обезопасить себя, должны нанимать еще на свой счетъ отдѣльныхъ караульщиковъ.

Такова картина жизни горцевъ.

Мы не останавливались на томъ тяжеломъ кризисѣ, который горцы теперь переживаютъ; мы почти не касались ни ихъ земельныхъ нуждъ, ни тяжести налоговъ. Волна товарнаго хозяйства выбиваетъ горцевъ изъ ограниченнаго міра натуральнаго производства. Въ связи съ этимъ происходитъ ломка первобытной патріархально-родовой идеологіи. Какъ многихъ давитъ суровое колесо жизни, какъ многіе опускаются на самое дно житейскаго болота, теряя образъ и подобіе человѣка! Смутно, тревожно улавливаетъ слухъ глухіе стоны погибающихъ и первые радостные крики тѣхъ, кто видитъ вдали манящіе огни новаго бытія.

Ахметъ Ц—овъ.

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРІЕМЫ „УСПОКОЕНІЯ“

Вятскаго губернатора, кн. Горчакова, перевели въ Калугу. Значитъ ли это, что Вятская губернія настолько „успокоена“, что въ экстренныхъ мѣрахъ воздѣйствія, употреблявшихся кн. Горчаковымъ, перестала нуждаться? Или, быть можетъ, для Калуги требуется порція „успокоенія“? Вѣдь переводятъ чиновниковъ, а въ томъ числѣ и губернаторовъ, всегда „для пользы службы“...

Вообще, вопросовъ по поводу этого перевода напрашивается много. Печать огласила огромное количество и незакономѣрныхъ, и просто некорректныхъ дѣйствій бывшаго вятскаго губернатора. Съ мѣстъ поступали жалобы на произволъ губернской власти и безчинства ея агентовъ. Въ Государственную Думу внесенъ запросъ объ избіеніяхъ и прочихъ насиліяхъ, причиненныхъ агентами полиціи при взысканіи недоимокъ съ крестьянскаго населенія котельническаго уѣзда. Министерство внутреннихъ дѣлъ дважды командировало своихъ чиновъ для производства разслѣдованія по жалобамъ. Что̀ обнаружено этими чинами—неизвѣстно. Возможно, что всѣ дѣйствія вятской администраціи найдены вполнѣ закономѣрными, а обывательскія жалобы—незаслуживающими уваженія. Центральная власть не считаетъ нужнымъ разсѣять недоумѣнія общества по этому поводу. Между тѣмъ, въ интересахъ самого правительства слѣдовало бы довести до всеобщаго свѣдѣнія, ка̀къ оно смотритъ на разоблаченія печати и на жалобы по поводу дѣйствій бывшаго вятскаго губернатора. Косвеннымъ отвѣтомъ, положимъ, можетъ служить самый переводъ; но онъ нисколько не реабилитируетъ кн. Горчакова. И до тѣхъ поръ, пока сообщенія печати не опровергнуты, общество въ правѣ думать, что газеты и журналы, опубликовавшіе почти легендарныя черты изъ административной дѣятельности кн. Горчакова, говорили правду. А если это такъ, то чѣмъ объяснить новое назначеніе администратора, прославившагося на всю Россію своими пріемами управленія? Игнорируя сообщенія печати и не давая на нихъ никакого отвѣта, правительство подрываетъ вѣру въ законность и правосудіе. Правда, П. А. Столыпинъ, въ бесѣдѣ съ вятскими депутатами, сказалъ, что кн. Горчаковъ „успокоилъ“ губернію и что *населеніе довольно своимъ губернаторомъ*. Мнѣніе это составилось, должно быть, на основаніи донесеній самого гу-

бернатора о тѣхъ „адресахъ“, хвалебныхъ рѣчахъ и подношеніяхъ хлѣба-соли, какими населеніе вятской губерніи встрѣчало кн. Горчакова при его разъѣздахъ по губерніи. Но вѣдь лишь бы явилась охота у губернатора тѣшить себя похвалами и лестью—тотчасъ же найдутся желающіе отличиться и заслужить милость и благоволеніе начальства инсценированіемъ торжественныхъ встрѣчъ, съ букетами, рѣчами, роскошными пирами, и проч., и проч. При благосклонномъ участіи исправника, станового и десятка стражниковъ можно согнать даже въ рабочую страдную пору толпы „благодарныхъ“ поселянъ, жаждущихъ насладиться лицезрѣніемъ „любимаго“ губернатора; можно заставить ихъ ожидать часами, подъ солнечнымъ зноемъ или дождемъ, того счастливаго момента, когда „обожаемый“ начальникъ со свитой промчится въ коляскѣ мимо и обдастъ ихъ придорожной пылью...

Въ настоящую минуту трудно еще учесть всю ту сумму зла, какую внесла въ народную и общественную жизнь губерніи господствовавшая до сихъ поръ система управленія. Мы не претендуемъ дать полную ея картину, а попытаемся лишь отмѣтить нѣкоторыя черты пресловутаго „успокоенія“.

Прощаясь со своими почитателями на обѣдѣ, данномъ ему вятской монархической партіей, кн. Горчаковъ сравнилъ себя съ горячей лошадью, которая безъ разбора топчетъ и ломаетъ на своемъ пути все, что попадется и наноситъ поврежденія „тому, что при нормальныхъ условіяхъ потребовало бы внимательнаго отношенія“.

Это сравненіе давно напрашивалось и намъ. Мы бы прибавили къ нему еще два слова: „безъ узды“. Отбросивъ въ сторону всякую мысль о существованіи закона, кн. Горчаковъ очутился на полной волѣ своего усмотрѣнія. Сдерживающаго начала онъ не признавалъ, почему и „сломалъ“ и „повредилъ“ въ „своемъ быстромъ бѣгѣ“ все, что на пути попалось... Напрасно только кн. Горчаковъ думаетъ, что „въ этомъ еще нѣтъ большой бѣды“, какъ онъ сказалъ въ той же рѣчи, прибавивъ: „то, что жизненно, возродится вновь“.

Эпоха „успокоенія“ началась въ Вяткѣ съ губернскаго земства, учрежденія по презумпціи „крамольнаго“. Ближайшимъ поводомъ къ нападенію послужилъ отказъ управы нарушить контрактъ съ губернской типографіей, какъ этого потребовалъ тотчасъ по пріѣздѣ губернаторъ. Трудно понять, почему вдругъ явилось такое требованіе. Такъ захотѣлось... Это бываетъ у людей съ „непредвидѣнными движеніями души“, по выраженію безсмертнаго Салтыкова-Щедрина. Земству нарушеніе контракта могло принести матеріальный ущербъ, что̀ и побудило управу къ отказу. Кн. Горчаковъ счелъ этотъ отказъ за дерзостное неуваженіе къ представителю высшей власти. По сви-

дѣтельству лѣтописца, даже царь Иванъ Васильевичъ Грозный разрѣшалъ „встрѣчу“, то-есть противорѣчіе съ его взглядами; кн. Горчаковъ всякое несогласіе съ его мнѣніемъ считалъ за бунтъ противъ власти. Скажемъ кстати, что критика его дѣйствій въ печати приводила авторовъ на скамью подсудимыхъ, съ которой лишь судебная палата рѣшалась сводить обвиняемыхъ безъ наказанія, „за отсутствіемъ состава преступленія“. Вятскій же окружный судъ не рѣшался.

Мѣстный оффиціозъ, „Вятскій Вѣстникъ“, редакція котораго, съ пріѣздомъ въ Вятку кн. Горчакова, заполнилась „привозными литераторами“, посвящалъ цѣлые столбцы восхваленію губернатора, въ самыхъ льстивыхъ, раболѣпныхъ выраженіяхъ. Описывались не только faits et gestes самого князя, но даже туалеты его супруги. Вотъ, напримѣръ, какимъ стилемъ писалось о губернаторѣ: „Его Сіятельство *изволилъ приказать присутствовавшимъ при этомъ представителямъ земскихъ учрежденій* передать земскимъ собраніямъ“... и т. д. („Вятскій Вѣстникъ“, № 36, 1909 г.). Если рѣчь шла о семьѣ губернатора, то писали такъ: „Ихъ Сіятельства изволили выразить полное удовольствіе, или: „Ихъ Сіятельства изволили пріобщаться“... Точно о коронованныхъ особахъ! Но и это оказалось недостаточнымъ. Надо было засвидѣтельствовать еще и теплоту чувствъ, доходящую до обожанія. Губернатора стали величать въ оффиціозѣ „любимымъ начальникомъ“, „русскимъ витяземъ“, „богатыремъ“; ему сулили „вѣнецъ побѣды“ въ борьбѣ съ земствомъ... Вѣрилъ ли кн. Горчаковъ въ искренность этихъ похвалъ, намъ неизвѣстно; во всякомъ случаѣ одного мановенія его руки было достаточно, чтобы прекратить раболѣпство.

Война съ земствомъ велась настолько быстро и успѣшно, что черезъ четыре мѣсяца послѣ ея начала почти всѣ служащіе губернскаго и многихъ уѣздныхъ земствъ очутились за предѣлами губерніи, а предсѣдатель губернской управы и заступающій его мѣсто, гг. Юмашевъ и Ключаревъ, не были утверждены въ должностяхъ. Мало того: одновременно съ неутвержденіемъ они были еще и *устранены* министерствомъ отъ службы. На что понадобилось „устраненіе“ лицъ, которыхъ только что не утвердили—понять трудно. Министерство внутреннихъ дѣлъ не пожелало даже соблюсти законную формальность: оно не затребовало объясненій отъ устраняемыхъ. А между тѣмъ, соблюденіе этой формальности несомнѣнно повлекло бы за собою раскрытіе цѣлаго ряда незакономѣрныхъ требованій и распоряженій кн. Горчакова, истолковавшаго ст. 103 Полож. о земск. учрежд. въ томъ смыслѣ, что всякое, даже и незаконное, „предложеніе“ губернатора земство исполнять обязано.

Всѣ противозаконныя дѣйствія кн. Горчакова по земскимъ дѣламъ трудно и перечислить: слишкомъ много ихъ было за тридцать-три

мѣсяца его управленія. По нѣкоторымъ дѣламъ поданы жалобы въ сенатъ, рѣшенія котораго послѣдуютъ лѣтъ черезъ пять-шесть, когда практическое значеніе ихъ утратится. Впрочемъ, указы сената для кн. Горчакова — звукъ пустой. Онъ игнорировалъ ихъ, какъ это мы увидимъ дальше. Между прочимъ, князь отобралъ у земства „свидѣтельство“ на печатаніе газеты, выданное прежнимъ губернаторомъ, г. Левченко, послѣ чего подчинилъ земскую газету *предварительной цензурѣ* и не исполнилъ указаній главнаго управленія по дѣламъ печати, разъяснившаго, что цензура отмѣнена и для земскихъ изданій.

Разогнавъ, за малыми исключеніями, избранныхъ въ составы управъ лицъ, кн. Горчаковъ началъ замѣщать ихъ „своими“ людьми. Изъ мѣстныхъ получали назначенія лишь „истинно-русскіе“ члены вятскаго монархическаго кружка. Такъ, президентъ „кружка“, торговецъ А. И. Суховъ, человѣкъ малообразованный и устранившійся уже давно отъ общественной дѣятельности, получилъ мѣсто предсѣдателя губернской управы, а членами ея были назначены пріѣхавшій съ кн. Горчаковымъ г. Яковлевъ и чиновникъ губернаторской канцеляріи, г. Лопатинъ, люди совершенно незнакомые съ земскимъ дѣломъ. Жалованье, опредѣленное собраніемъ для своихъ „излюбленныхъ“ людей, найдено было несоотвѣтствующимъ достоинству губернаторскихъ ставленниковъ, почему и было увеличено съ 7.600 руб. до 10.000 руб. въ годъ (въ общей сложности на три персоны), вопреки точному смыслу закона. Всѣ эти мѣры проводились чрезъ губернское по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіе, въ которомъ даже юристы при кн. Горчаковѣ забывали о законѣ. Предсѣдатель и прокуроръ окружнаго суда, присутствуя на засѣданіяхъ въ качествѣ членовъ, освѣщали вопросы съ „юридической“ точки зрѣнія, всегда совпадавшей съ желаніями кн. Горчакова. Тѣмъ или другимъ изъ этихъ юристовъ санкціонировались введеніе цензуры, отнятіе свидѣтельства, отдача подъ судъ губернской управы [1]). При участіи юриста было признано, что новый законъ о печати не распространяется на изданія „лицъ юридическихъ“. Совершенно забыто было, при этомъ, о мѣстномъ оффиціозѣ, воспользовавшемся свободой отъ цензуры, не смотря на то, что издатель его — также „лицо юридическое“: губернское правленіе. Впослѣдствіи, однако, кн. Горчаковъ допустилъ грубыя инсинуаціи по адресу судей въ „Вятскомъ Вѣстникѣ“, редакторъ котораго, г. Кузьминъ (княземъ привезенный въ Вятку), вятскимъ окружнымъ судомъ признанъ виновнымъ въ оклеветаніи частнаго лица.

Изъ одиннадцати уѣздныхъ управъ только въ пяти остались пред-

---

[1]) Министерство, однако, не пожелало довести дѣло до суда, а закончило его въ административномъ порядкѣ—устраненіемъ отъ должностей.

сѣдатели по избранію, при чемъ, конечно, утверждались лишь лица, политическая окраска которыхъ не возбуждала ни малѣйшихъ сомнѣній. Отъ стараго состава управъ уцѣлѣли лишь очень немногіе.

Для надлежащаго подбора гласныхъ было пущено въ ходъ все, вплоть до пріостановки введенія въ вятской губерніи закона 5 октября 1906 года. Законъ этотъ, по мнѣнію кн. Горчакова, могъ поколебать престижъ губернаторской власти, а потому было исходатайствовано непримѣненіе его. Земская депутація тщетно просила П. А. Столыпина о предоставленіи крестьянамъ вятской губерніи возможности воспользоваться принадлежащимъ имъ по закону правомъ. Такимъ образомъ гласные изъ крестьянъ оказались благонадежными, ибо прошли сквозь частое полицейское сито. Изъ числа гласныхъ отъ прочихъ сословій „неугодные" были высылаемы при малѣйшей къ тому возможности. Но и за всѣмъ тѣмъ оставались еще земцы, убрать которыхъ губернаторъ, при всемъ желаніи, не могъ. Дабы обезвредить ихъ, надо было опорочить ихъ въ глазахъ мѣстнаго населенія. Оффиціозная газета обливала ихъ потоками лжи, клеветъ и инсинуацій.

Подъ вліяніемъ одиннадцати предсѣдателей уѣздныхъ съѣздовъ, замѣняющихъ въ вятской губерніи предводителей дворянства, губернское собраніе оказалось вполнѣ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ князя Горчакова. Оно упразднило всѣ культурно-просвѣтительныя учрежденія, взлелѣянныя земствомъ въ теченіе долгихъ лѣтъ, смяло и сломало все наслѣдіе прежнихъ земцевъ. Атмосфера собранія насытилась сыскомъ. Раздались рѣчи, приличествующія развѣ участку. Въ пылу усердія собраніе добралось и до экономическихъ начинаній прежняго земства и несомнѣнно покончило бы и съ ними, еслибы не заступничество представителя казны, отпускающей пособія земству на разныя отрасли сельскаго хозяйства. Г. Бернацкій произнесъ блестящую рѣчь, отрезвившую даже закоснѣлыхъ ретроградовъ. Агрономія осталась, но г. Бернацкій вскорѣ долженъ былъ покинуть Вятку...

Разрушительное усердіе собранія было такъ велико, что испугало даже губернатора. При открытіи слѣдующей сессіи кн. Горчаковъ, похваливъ послушныхъ земцевъ за „хирургическія операціи", произведенныя ими въ цѣляхъ отсѣченія „гангренозныхъ" начинаній прежнихъ земцевъ, пригласилъ операторовъ „бросить ножъ хирурга" и превратиться въ „терапевтовъ".

Губернская управа при кн. Горчаковѣ превратилась почти въ отдѣленіе губернаторской канцеляріи. Членъ управы Яковлевъ докладывалъ губернатору обо всемъ, что дѣлается въ управѣ. Чуть что, гг. Суховъ и Лопатинъ вызывались къ начальству и получали выговоры, окрики, приказанія. „Другъ губернатора" желалъ верховодить

всѣмъ и, встрѣчая отпоръ, заявлялъ, что будетъ жаловаться князю. Образовалось два враждующихъ лагеря, отъ чего земское дѣло, конечно, не выигрывало. Дошло до того, что если постановленіе подпишетъ г. Яковлевъ, то другіе не подписываютъ, и на оборотъ. Губернаторъ сталъ входить во всѣ мелочи и подробности земскаго хозяйства. Напримѣръ, 16 февраля текущаго года управа сдала земскій заказъ на печатаніе бланковъ въ частную типографію, а 19-го того же мѣсяца вынуждена была составить новое постановленіе, начинавшееся словами: „По личному приказу Его Сіятельства...“, о передачѣ заказа въ губернскую типографію. Дѣло въ томъ, что въ губернскую типографію кн. Горчаковъ посадилъ также „своего“, г. Бирнстайна, получавшаго, кромѣ жалованья, проценты съ дохода. Изъ суммъ губернской типографіи черпались пособія чинамъ полиціи и вообще чинамъ министерства внутреннихъ дѣлъ [1]). Правитель канцеляріи, получалъ ежемѣсячныя пособія (или награды?) изъ суммъ губернской типографіи. Понятно, почему кн. Горчаковъ „приказалъ“ земству отдавать всѣ заказы въ губернскую типографію, ссылаясь на циркуляръ министерства отъ 23 августа 1908 г. (№ 32). Между тѣмъ, изъ смысла этого циркуляра ясно лишь одно: нежеланіе министерства „воспособлять“ губернскія типографіи изъ казны.

Неугодившіе князю назначенные „земцы“ получали въ послѣднее время отъ него приказы подать въ отставку; но едва ли эти приказы исполнялись. По крайней мѣрѣ, г. Суховъ категорически отъ оставленія службы отказался, вполнѣ резонно предоставивъ уволить его тому, кто назначалъ...

За такіе порядки въ управѣ губернское собраніе поднесло кн. Горчакову адресъ съ выраженіемъ признательности *за направленіе земства на „нормальный“ путь.* Адресъ былъ принятъ съ благодарностью, не смотря на то, что составленъ былъ при недостаточномъ для законности собранія числѣ гласныхъ. Тутъ ужъ кн. Горчаковъ, всегда требовавшій отъ земства самаго точнаго исполненія не только законовъ, но и циркуляровъ, забылъ о томъ, что самое составленіе хвалебныхъ адресовъ запрещено общественнымъ учрежденіямъ.

Поднесло адресъ и глазовское уѣздное земское собраніе (также при сомнительномъ числѣ гласныхъ) въ благодарность *за назначеніе* (!?) предсѣдателемъ управы мѣстнаго торговца, который, по словамъ глазовцевъ, плохо умѣетъ отдѣлять свои личныя дѣла отъ земскихъ. А передъ тѣмъ дважды не получили утвержденія избранныя собраніемъ лица.

[1]) О „щедромъ“ вознагражденіи чиновъ министерства внутреннихъ дѣлъ изъ типографскихъ суммъ говорили сами исправники на обѣдѣ, данномъ ими кн. Горчакову (см. „Вятск. Вѣстн.“ 21 января 1909 г.).

Адресы, конечно, опубликовывались въ оффиціозѣ съ самыми раболѣпными похвалами губернатору, котораго наконецъ-то населеніе *„поняло и оцѣнило“*. Настоящая цѣна этимъ адресамъ всѣмъ была извѣстна.

Городское управленіе также удостоилось большого вниманія со стороны „успокоителя“. Не довѣряя „ограниченному уму“ горожанъ, кн. Горчаковъ не утвердилъ въ должности вятскаго городского головы избранныхъ думою лицъ и назначилъ малограмотнаго торговца, г. Синцова, дѣятельнаго члена монархическаго кружка. Весною 1909 г. были новые выборы (г. Синцовъ дослуживалъ только до срока, за отказомъ бывшаго головы). Г. Синцовъ выставилъ свою кандидатуру, желая служить по выборамъ, но горожане,—не смотря на то, что оффиціозъ твердилъ все время о необыкновенной преданности вятичей кн. Горчакову,—почему-то не довѣряли княжескимъ ставленникамъ, и г. Синцовъ былъ единодушно забаллотированъ. Избраннымъ оказался г. Шкляевъ, бывшій правитель канцеляріи губернатора, годъ тому назадъ вышедшій въ отставку, за выслугою пенсіи. Разумѣется, губернаторъ не могъ признать правильными такіе выборы, и присутствіе по городскимъ и земскимъ дѣламъ отмѣнило ихъ. На вторыхъ выборахъ избрали вновь Шкляева. Это избраніе было сочтено личнымъ оскорбленіемъ, за которое дерзкихъ надо покарать. Но кого? Думскихъ гласныхъ? Ихъ слишкомъ много. Да и городъ—не деревня, стражниковъ не напустишь на непокорныхъ. Оставалось наказать Шкляева. Обвинить его въ неблагонадежности, какъ это дѣлалось со многими другими — нельзя: не повѣрятъ и въ министерствѣ. Вѣдь Шкляевъ больше года служилъ при кн. Горчаковѣ и пользовался его довѣріемъ. Поэтому до самаго отъѣзда кн. Горчакова вопросъ объ утвержденіи г. Шкляева оставался неразрѣшеннымъ, а обязанности головы продолжалъ исполнять забаллотированный г. Синцовъ.

Какъ „король-солнце“, кн. Горчаковъ руководился девизомъ: „губернія, это — я!“ Онъ стремился къ воздѣйствію на всѣ стороны мѣстной жизни, что и натолкнуло его на рядъ конфликтовъ съ мѣстнымъ, даже чиновнымъ обществомъ. Поводомъ послужили приближенные губернатора изъ „привозныхъ“ и аборигеновъ. Надо сказать, что „привозные“ своимъ поведеніемъ отнюдь не способствовали поднятію въ обществѣ престижа ихъ покровителя. Нѣкоторые изъ нихъ были удалены изъ общественнаго собранія; другіе, въ томъ числѣ и г. Синцовъ, оказывались забаллотированными. Губернаторъ реагировалъ на это по-своему, отказываясь принять обычныя праздничныя поздравленія въ клубѣ и назначивъ пріемъ поздравителей въ городской управѣ. „Тамъ, гдѣ нѣтъ мѣста головѣ, не могу быть и я“,—отвѣчалъ князь на приглашеніе старшинъ. Однажды новогодній пріемъ

былъ назначенъ въ губернскомъ правленіи, куда кн. Горчаковъ затребовалъ и клубный оркестръ. Старшины собранія волей-неволей должны были исполнить требованіе губернатора, но въ то же время не имѣли права лишить въ новый годъ музыки и членовъ собранія. Пошли на компромиссъ: передали полицеймейстеру, что согласны отпустить половину оркестра. Въ какомъ тонѣ полицеймейстеръ доложилъ объ этомъ, неизвѣстно—только въ новый годъ пріемъ состоялся безъ помпы, такъ какъ музыки не было, а 2-го января общественное собраніе было закрыто губернаторомъ за *„безобразія и азартныя игры“*. Старшины имѣли, конечно, право сказать, что по удаленіи нѣкоторыхъ бывшихъ членовъ въ клубѣ все обстоитъ благополучно и пристойно. Но... они не посмѣли. Не надо забывать, что клубъ просуществовалъ спокойно полвѣка и никогда не былъ подозрѣваемъ ни въ чемъ неблаговидномъ; да и членами его состояли по преимуществу чиновники и именитые купцы. Снаряжена была депутація старшинъ къ губернатору, который *откровенно* перечислилъ вины собранія: забаллотированіе близкихъ князю людей, неизбраніе самого губернатора почетнымъ членомъ клуба и наконецъ... только половина оркестра. Вслѣдствіе жалобы собранія въ сенатъ, клубъ былъ открытъ... на нѣсколько дней. Опять—депутація долготерпѣливыхъ вятскихъ нотаблей. Пытаются доказать, что закрытіе собранія незаконно, что сенатъ опять выскажется не въ пользу губернатора. Доказываютъ это и юристы изъ окружнаго суда.—„Знаю, что незаконно... Жалуйтесь опять. Сенатъ велитъ открыть, а я закрою вновь...“—Вотъ языкъ, на какомъ говорилъ съ обществомъ представитель высшей власти въ губерніи.

Хозяйственно-административныя операціи кн. Горчакова носили на себѣ отпечатокъ тенденціи смѣшивать казенные и служебные интересы съ личными. Порою грань, отдѣляющая тѣ и другіе, становилась еле замѣтной, а иногда и совсѣмъ стиралась. Иногда трудно было разобрать, гдѣ кончается дѣйствіе губернатора, лица оффиціальнаго, облеченнаго по нынѣшнимъ временамъ огромной властью, и гдѣ начинаются дѣла просто кн. Горчакова и его друзей. Операціи съ заготовкой стражническаго обмундированія производились хозяйственнымъ способомъ при участіи выбранныхъ княземъ чиновъ полиціи, ѣздившихъ принимать въ Петербургъ и Москву матеріалы и сѣдла и, конечно, получившихъ щедрое вознагражденіе изъ суммъ губернской типографіи. Кто имѣлъ дѣло съ фирмами—неизвѣстно; неизвѣстно, отъ кого пріобрѣтено сукно, но фактъ тотъ, что матеріалъ оказался, по отзывамъ знающихъ людей, никуда негоднымъ; пріобрѣтено же было, вѣроятно, очень большое количество, такъ какъ нѣкоторые исправники украсили полицейскія управленія суконными портье-

рами. Сѣдла для стражниковъ были заказаны московской фирмѣ К. К. Тиль по 35 рублей за штуку (со скидкою, 10%), тогда какъ обычно сѣдла эти изготовлялись на мѣстахъ и обходились въ 10—12 рублей за штуку. Надо думать, что покупка сѣделъ производилась за счетъ содержанія стражниковъ, о чемъ свидѣтельствуетъ циркуляръ губернатора отъ 3 ноября 1908 г. за № 10807. Циркуляромъ этимъ предписывалось исправникамъ: *„обязать стражниковъ имѣть исключительно означенныя сѣдла, съ вычетомъ стоимости изъ содержанія, а кто такихъ не пожелаетъ—предложить оставить службу“*. Сѣдла оказались очень плохими; стражники отказывались ихъ брать, о чемъ и поступали донесенія. Все кончилось резолюціей губернатора—предать дѣло забвенію, какъ непоправимое, ибо деньги фирмѣ уже уплачены.

Затѣя съ постройкой въ Вяткѣ *„каланчи имени его сіятельства“* наводитъ невольно на мысль: хорошо, кабы начальство запретило губернаторамъ дѣлать поборы съ населенія, хотя бы и для прославленія и увѣковѣченія именъ „любимыхъ“ губернаторовъ. Постройка каланчи была произведена на „добровольныя“ пожертвованія жителей не только г. Вятки, но и другихъ мѣстностей губерніи. Деньги собирались, между прочимъ, самимъ губернаторомъ, что уже само по себѣ является достаточнымъ показателемъ „доброй воли“ жертвователей. Одному лицу было сказано: „дайте на каланчу 500 рублей“. „Лицо“ замялось, послѣ чего было прибавлено: „значитъ, вы хотите, чтобы у насъ съ вами были отношенія сухія, оффиціальныя“. Много ли, мало ли собрано денегъ—неизвѣстно, такъ какъ до сего времени не появлялось отчета ни о собранныхъ, ни объ израсходованныхъ суммахъ. А каланча давно уже построена [1]), при близкомъ участіи должностныхъ лицъ, изъ которыхъ брандмейстеръ Талерко испрашивалъ себѣ за то отъ города награду. Награды брандмейстеру не дали, ибо каланча „подарена“ городу губернаторомъ, а наградили самого кн. Горчакова, принявъ на городской счетъ электрическое освѣщеніе квартиры—не губернатора, а *именно кн. Горчакова*. Кстати сложили и старый долгъ по тому же освѣщенію.

Одну изъ любопытнѣйшихъ страницъ исторіи вятскаго „успокоенія“ составляетъ изданіе *„историческаго отрывного календаря“*. Оффиціальнымъ издателемъ календаря числился земскій начальникъ Адеркасъ, а составительницей—г-жа Полторацкая, проживавшая въ домѣ губернатора. Календарь оказался никуда негодной макулатурой, из-

---

[1]) Брандмейстеръ требуетъ теперь 600 р. отъ города на ремонтъ только что выстроенной каланчи. Городъ отказалъ, послѣ чего „Вятск. Вѣстн.“ попрекнулъ его „даровой“ каланчей.

данъ былъ неряшливо, а цѣна была назначена по 1 рублю за экземпляръ. Безъ властнаго покровительства едва ли кто далъ бы и гривенникъ за безсистемныя перепечатки изъ исторіи Иловайскаго, сдобренныя восклицаніями въ псевдо-патріотическомъ стилѣ. При разъѣздахъ по губерніи осенью и зимою 1907 г. губернаторъ возилъ съ собой экземпляры календаря и предлагалъ земствамъ покупать ихъ какъ для школъ, такъ и для библіотекъ. Отказываться не рѣшался никто. Куда губернаторъ не удосужился заѣхать лично, туда были посланы бумаги съ предложеніемъ покупать календарь. Пріобрѣли его всѣ волостныя правленія, чины полиціи. Не имѣли мужества отказаться отъ календаря и вятскіе домовладѣльцы, которымъ календарь любезно посылался съ городовыми по домамъ. Остатки изданія были препровождены въ полицейскія части, откуда всѣ посидѣвшіе въ кутузкѣ буяны, пьяницы и извозчики пріобрѣтали календарь „добровольно“, по одному или по два экземпляра, глядя по винѣ. Но и эта мѣра не помогла исчерпать многотысячное изданіе. Тогда прибѣгли къ даровой раздачѣ календаря изъ лавки городского головы Синцова. Никто не бралъ, однако, и даромъ, такъ какъ календарь былъ отрывной и не годился даже на оклейку стѣнъ. А время шло, годъ кончался. Нашелся-таки добрый человѣкъ, крупный дѣятель мѣстной монархической партіи (въ которой издатель календаря состоялъ членомъ), предложившій сбыть въ Москвѣ остатки изданія. Этого дѣятеля постоянно расхваливали въ оффиціозѣ за успѣшное распространеніе идей „кружка“ въ уѣздахъ. Онъ уѣхалъ, а вскорѣ пришло горестное извѣстіе: *лидеръ монархическаго кружка оказался бѣглымъ*, котораго давно разыскивала полиція, пока онъ процвѣталъ въ Вяткѣ. Такъ кончилась исторія календаря на 1908 г. Изъ оставшихся экземпляровъ были сброшюрованы книжечки, которыя и сбывались въ земства *въ качествѣ учебниковъ* по исторіи для народныхъ школъ—кажется, по тридцати коп. за экземпляръ.

Система фаворитизма и угодничества дѣйствовала деморализующимъ образомъ на агентовъ губернской власти. Службы не было, было прислужничество. Всякій чинъ въ своей области чувствовалъ себя полновластнымъ распорядителемъ судебъ жителей, если онъ зналъ, что губернаторъ имъ доволенъ. Со всѣми личными недоброжелателями была возможность расправляться круто и быстро: нужно было только обвинить, хотя бы совершенно голословно, въ неблагонадежности. При такой системѣ управленія губерніей жизнь сдѣлалась прямо невыносимой.

Стоитъ только вспомнить исправника кн. Вяземскаго, удивлявшаго своими безобразіями поочередно елабужскій, малмыжскій, нолинскій и слободской уѣзды. Въ послѣднемъ совершалась прямо уголовщина, разоблаченная, наконецъ, „Вятской Рѣчью“. Разумѣется, газета пре-

терпѣла штрафы и „высидки“ редакторовъ, но сынъ кн. Вяземскаго, распоряжавшійся въ Слободскомъ вмѣсто отца, угодилъ въ арестантскія роты, а отецъ былъ уволенъ въ отставку. Легко можно себѣ представить, во что обратилась жизнь деревни при такихъ агентахъ власти. По общимъ отзывамъ, деревня стала точно тюрьмой. Даже покататься на масляницѣ или посидѣть на вечеркѣ нельзя было безъ дозора стражниковъ и урядниковъ. О штрафахъ и арестахъ публиковали иногда въ оффиціозѣ, по сообщеніямъ котораго мы и приведемъ на выдержку свѣдѣнія о количествѣ наказанныхъ за время съ 20 января по 28 февраля текущаго года. Три крестьянина яранскаго уѣзда получили по три мѣсяца „высидки“ за пѣніе революціонныхъ пѣсенъ во время масляничнаго катанья. Крестьянинъ слободского уѣзда оштрафованъ на 100 рублей „за пѣніе революціонныхъ пѣсенъ на вечеркѣ у своей сосѣдки“. Крестьянинъ сарапульскаго уѣзда оштрафованъ на 25 рублей за такія же „пѣсни“ въ канцеляріи пристава (?!?). На трехъ крестьянъ глазовскаго, яранскаго и орловскаго уѣздовъ наложено 700 руб. штрафа за „демонстративно-дерзкія выходки“ противъ деревенской власти. Двѣнадцать крестьянъ нолинскаго, яранскаго, уржумскаго и котельническаго уѣздовъ наказаны за „демонстративно-дерзкія выходки“ противъ стражниковъ арестомъ, въ общей сложности, на два года и семь дней. И это за пятьдесятъ дней только, взятыхъ нами случайно, не по выбору. Извѣстно, что власть опьяняетъ иногда и сравнительно образованныхъ людей до полнаго умопомраченія; легко, затѣмъ, себѣ представить, какъ дѣйствуетъ нынѣшняя *полнота власти* на малограмотнаго урядника или стражника, къ тому же увѣреннаго напередъ въ своей безнаказанности. Наѣздъ котельническаго исправника Думаревскаго съ отрядомъ низшихъ полицейскихъ агентовъ на беззащитное населеніе нѣкоторыхъ волостей можетъ служить лучшей иллюстраціей безнаказанности полиціи при кн. Горчаковѣ. Вѣдь г. Думаревскій даже не переведенъ изъ уѣзда, какъ это обычно дѣлалось съ чинами чѣмъ-либо скомпрометированными.

Когда губернаторская газета рисуетъ умилительныя картины встрѣчъ и проводовъ кн. Горчакова въ деревнѣ („колѣнопреклоненные“ подносятъ хлѣбъ-соль, поютъ „Спаси, Господи, люди Твоя“... покорно просятъ прощенья въ „политическихъ заблужденіяхъ“, а хлѣбъ-соль все-таки подносятъ... подношеніе сперва отклоняется... новыя мольбы о прощеніи), то невольно приходитъ на мысль та подготовительная „работа“, которую должны были продѣлать полицейскіе чины, чтобы побудить населеніе выражать „чувства восторга“ при видѣ „любимаго“ губернатора. Самая беззастѣнчивость, съ какой оффиціозъ оповѣщаетъ объ унизительныхъ подробностяхъ этихъ про-

водовъ и встрѣчъ, свидѣтельствуетъ о степени опьяненія властью. Въ искренность и неподдѣльность выражаемыхъ населеніемъ „чувствъ“ едва ли вѣрилъ и самъ кн. Горчаковъ. Неужели онъ могъ повѣрить, напримѣръ, что поднесенный ему адресъ отъ крестьянъ Красавской волости котельническаго уѣзда (уже послѣ избіеній или одновременно съ ними) продиктованъ дѣйствительно *чувствомъ благодарности*, какъ это сказано въ адресѣ? Вотъ когда исправники, во время своего съѣзда въ г. Вяткѣ, 20 января н. г., устроили въ складчину обѣдъ кн. Горчакову, то въ искренность чувства, руководившаго устроителями угощенія, повѣрить можно. Исправники благодарили губернатора, губернаторъ благодарилъ исправниковъ, а потомъ вмѣстѣ стали хвалить и благодарить смотрителя типографіи, поставившаго „типографское дѣло“ на такую высоту, что деньги можно щедро черпать изъ суммъ губернской типографіи на награды и пособія. Казна заплатитъ нѣсколько десятковъ тысячъ долга, накопившихся за губернской типографіей не смотря на монополію, созданную для нея кн. Горчаковымъ.

Кромѣ чиновъ полиціи, несомнѣнно искренно была довольна кн. Горчаковымъ и мѣстная монархическая партія. Она одна изъ политическихъ партій могла собираться, шумѣть, устраивать манифестаціи, шествія по городу со знаменами. Изъ ея рядовъ кн. Горчаковъ назначалъ предсѣдателей управъ, городскихъ головъ, принималъ на службу. Членъ партіи, бывшій становой, отсидѣвшій за растрату денегъ въ арестантскихъ ротахъ, получилъ помилованіе и мѣсто. Мѣстный оффиціозъ сталъ при кн. Горчаковѣ органомъ партіи, принадлежность къ которой сдѣлалась выгодной профессіей.

Объ отношеніяхъ кн. Горчакова къ мѣстной прогрессивной газетѣ много говорилось въ печати; мы скажемъ лишь, что всѣ тридцать три мѣсяца властвованія его въ Вяткѣ были для газеты однимъ сплошнымъ гоненіемъ. Редакторы ея не выходили изъ кутузки; одни за другими слѣдовали штрафы, окрики при личныхъ переговорахъ, конфискаціи, обыски, закрытіе типографіи и т. д. Объяснять причины гоненія не надо. Всякому ясно, что губернаторъ не желалъ терпѣть газету, обличавшую его и его присныхъ. Это вполнѣ естественно и дѣлается многими. Стоитъ вспомнить хотя бы бар. Фредерикса и ген. Рейнбота. Разнятся гоненія лишь въ оттѣнкахъ, зависящихъ отъ темперамента и широты натуры. Нечего и говорить, что „своя“ газета, „Вятскій Вѣстникъ“, пользовалась полной свободой клеветать на всѣхъ „неугодныхъ“, обливать грязью не только земство, но и Государственную Думу, а также и сановныхъ лицъ, дѣятельности которыхъ не сочувствовалъ кн. Горчаковъ. Гостепріимно принимала газета опроверженія якобы оклеветанныхъ прогрессивной печатью лицъ—опроверженія, послѣ ко-

торыхъ въ „Вятск. Рѣчи“ появлялись документы, подтверждавшіе все сказанное. Когда „Вятск. Рѣчь“ уличила полицеймейстера въ „бумажныхъ“ городовыхъ, во взиманіи какихъ-то денегъ со стражниковъ и проч., то въ оффиціозѣ появилось *разъясненіе*, по развязности и беззастѣнчивости прямо поразительное. Бывшій полицеймейстеръ не отрицалъ, что за несуществовавшихъ городовыхъ расписывались „вольнонаемные служащіе полиціи“, на „добавочное жалованье“ которымъ и шли якобы деньги. Такой *порядокъ* велся многіе годы; „*да иначе и быть не можетъ*“, прибавляетъ бывшій полицеймейстеръ. Признаніе очень цѣнное. Совершивъ подлогъ, и не однажды, полицейскій чиновникъ пишетъ въ *приложеніи къ „Губернскимъ Вѣдомостямъ*“, что „иначе и быть не можетъ“... Одинъ этотъ случай можетъ служить показателемъ „законности“, какая царила въ Вяткѣ при кн. Горчаковѣ.

Мы коснулись лишь того, что совершалось болѣе или менѣе открыто; все остальное можетъ выяснить лишь сенаторская ревизія.

Трудно будетъ возстановить нормальную жизнь въ „успокоенной“ губерніи и ликвидировать послѣдствія только что закончившагося періода. Всего труднѣе будетъ ввести въ рамки хотя нѣкоторой законности полицію, дошедшую до крайнихъ предѣловъ въ отрицаніи закона.

Можно ли вѣрить, что населеніе было „довольно“ своимъ губернаторомъ, что вятская губернія была *успокоена* кн. Горчаковымъ? Съ достовѣрностью можно сказать лишь одно: правительство отнюдь не выиграло отъ недавняго режима. Вмѣсто укрѣпленія власти произошло несомнѣнное дискредитированіе ея въ глазахъ населенія. Не смотря на репрессіи, выборы въ Государственную Думу дали однихъ прогрессистовъ. То же самое недавно наблюдалось и на выборахъ въ земскіе гласные отъ крестьянъ.

Вѣра Танаевская.

КАКЪ У НАСЪ ИНОГДА ОТМѢНЯЮТСЯ ЗАКОНЫ

(Письмо въ редакцію „Вѣстника Европы".)

М. Г. г. Редакторъ!

Пишу по поводу явленія, обращающаго всеобщее вниманіе въ современной русской жизни.

Значеніе промышленности выросло у насъ настолько, что правительство нашло необходимымъ выдѣлить ее, вмѣстѣ съ торговлей, въ особое министерство и довѣрить завѣдываніе ею особому лицу. Вопросы финансовъ отдѣлены отъ ихъ часто непосредственной связи съ торговлей и промышленностью. Многіе ждали отъ этой крупной мѣры блестящихъ результатовъ, забывая о томъ, что если фискальныя соображенія, напримѣръ, не совпадаютъ иногда съ торгово-промышленными интересами, то еще чаще можетъ имѣть мѣсто рознь между выгодами капиталистовъ и рабочихъ съ одной стороны, торговцевъ и покупателей съ другой, и никто не можетъ поручиться за должное безпристрастіе органовъ управленія.

Почти съ самаго основанія новаго министерства у насъ замѣчается рѣшительный поворотъ въ ходѣ всего фабричнаго законодательства, начало которому было положено въ восьмидесятыхъ годахъ XIX-го вѣка. Ближайшей его задачей было внесеніе чувства законности и порядка въ отношенія рабочихъ и хозяевъ и вообще предупрежденіе всякихъ злоупотребленій въ промышленно-рабочей жизни, въ интересахъ здоровья, экономической обезпеченности и соблюденія законовъ. Въ этомъ смыслѣ, худо или хорошо, была организована первая промышленная инспекція и предполагалось постепенно расширять примѣненіе новыхъ законовъ на болѣе мелкія заведенія, если не на всю промышленность въ совокупности.

Теперь замѣчается нѣчто иное. Правительство, какъ бы напуганное событіями революціоннаго періода, быстро отступается отъ принятой политики примиренія во взаимныхъ столкновеніяхъ рабочихъ и хозяевъ; точно признавая свое безсиліе, оно отказывается отъ предупрежденія зла, сохраняя за собой лишь роль наблюдателя и пожалуй обвинителя въ тѣхъ немногочисленныхъ случаяхъ, когда зло выплываетъ на поверхность. Прежде, при старой организаціи инспекціи, го-

сударство всячески стремилось распространить инспекторскій надзоръ на мелкія заведенія; нынѣ оно сбрасываетъ съ себя эту тяжесть, угрожая лишь въ нѣкоторыхъ немногихъ случаяхъ наказаніемъ виновныхъ, и притомъ лишь при условіи, если признана будетъ съ ихъ стороны злоумышленность!

Находясь въ эту минуту вдали отъ родины, я не могу привести точный и подробный списокъ всѣхъ новѣйшихъ изъятій изъ фабричнаго закона, сдѣланныхъ административнымъ путемъ. Ограничимся нѣкоторыми газетными выписками.

„Главное по фабричнымъ и заводскимъ дѣламъ присутствіе (сообщаетъ „Рѣчь", № 200) постановило измѣнить *наказъ чинамъ инспекціи*, обязующій ихъ составлять протоколы о всѣхъ случаяхъ обнаруженныхъ ими закононарушеній. Новая редакція наказа предоставляетъ фабричнымъ инспекторамъ право входить въ оцѣнку нарушеній по существу и освобождаетъ ихъ отъ обязанности составлять протоколы, въ случаяхъ отсутствія злой воли со стороны предпринимателей или затруднительности выполненія закона. Въ то же время главное присутствіе постановило исключить изъ-подъ надзора фабричной инспекціи всѣ фабрично-заводскія предпріятія, принадлежащія частнымъ желѣзнымъ дорогамъ, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ работы ведутся подряднымъ способомъ или сданы въ аренду частнымъ лицамъ".

Еще важнѣе другая мѣра. Министерство торговли и промышленности утвердило постановленіе главнаго присутствія по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ объ исключеніи изъ-подъ надзора фабричной инспекціи типографій и литографій, а также нѣкоторыхъ другихъ предпріятій. Не надо забывать, что сюда принадлежитъ одна изъ многолюдныхъ и развитыхъ у насъ отраслей промышленности, съ хорошей, въ общемъ, оплатой рабочихъ и, сравнительно, съ болѣе образованнымъ контингентомъ ихъ, но зато съ весьма вредными условіями труда въ гигіеническомъ отношеніи и неправильнымъ, тяжелымъ распредѣленіемъ времени работы. Другими словами, тамъ, гдѣ именно необходимы государственное вмѣшательство и надзоръ, они уничтожаются во славу и процвѣтаніе гг. типографщиковъ и издателей, которые въ своемъ книжномъ синдикатѣ недавно такъ безцеремонно ограничили права публики!

Такимъ образомъ, сфера примѣненія фабрично-рабочаго законодательства у насъ значительно съуживается и сокращается, и вмѣсто предупрежденія столкновеній хозяевъ съ рабочими и съ публикой все больше и больше получаетъ силу принципъ laissez faire, притѣсненія сильнымъ слабаго и вообще государственнаго невмѣшательства въ эту важную отрасль гражданской жизни.

Но что сей сонъ значитъ? Чѣмъ объясняется означенный поворотъ въ нашей фабрично-рабочей политикѣ? Можетъ-быть установленіемъ у насъ практикой жизни болѣе нормальныхъ отношеній между хозяевами и рабочими? Можетъ-быть повышеніемъ образованія и лучшимъ пониманіемъ своихъ интересовъ у обѣихъ сторонъ? Ничего подобнаго нѣтъ! Послѣ революціоннаго періода установились, къ сожалѣнію, худшія отношенія между сторонами и большее взаимное озлобленіе. Именно теперь карательный принципъ для фабрично-инспекторскаго надзора наименѣе умѣстенъ. Всего важнѣе посредничество между сторонами и, слѣдовательно, распространеніе надзора по возможности на всю промышленность — а именно это нынѣ видимо стараются свести къ нулю. Фабричныхъ инспекторовъ—дѣятельныхъ блюстителей взаимныхъ добрыхъ отношеній и законности—думаютъ превратить въ сторожей, указывающихъ полиціи, гдѣ дѣло обстоитъ неблагополучно, и только!..

Примѣръ другихъ, болѣе культурныхъ странъ—напр. Австріи, гдѣ фабричные инспекторы играютъ съ успѣхомъ роль посредниковъ,—показываетъ, что не должно быть и мысли о сокращеніи примѣненія фабричныхъ законовъ. Одна уголовная кара за нарушеніе закона—плохая и недостаточная мѣра. Посредническая миссія фабричныхъ инспекторовъ, сокращаемая всѣми указанными мѣрами, должна, наоборотъ, расширяться, а не съуживаться или даже уничтожаться. Не слѣдуетъ ни на минуту упускать изъ виду, что интересы капиталистовъ и рабочихъ далеко не всегда совпадаютъ, и, слѣдовательно, лишь путемъ взаимныхъ уступокъ и соглашеній возможно приводить къ удовлетворенію обѣ стороны. Эту-то роль и должна исполнять инспекція, дѣятельность которой, между тѣмъ, сокращается вмѣстѣ съ сокращеніемъ примѣненія закона.

„У сильнаго всегда безсильный виноватъ“ — справедливо сказалъ Крыловъ. Всегда возможны злоупотребленія сильныхъ, когда противъ нихъ не принимается ограничительныхъ мѣръ. У насъ же существуютъ, вдобавокъ, особыя для того благопріятныя условія. Для представителей торговли и промышленности, т.-е. капиталистовъ, имѣются уже мѣста въ нашей верхней палатѣ, въ Государственномъ Совѣтѣ, и тѣмъ не менѣе они хлопочутъ о расширеніи своего представительства въ этомъ учрежденіи. Между тѣмъ для рабочихъ въ Государственномъ Совѣтѣ никакихъ представителей не полагается и самое число ихъ сторонниковъ въ Думѣ весьма ограничено.

Еще одно обстоятельство въ значительной степени повышаетъ нынѣ шансы промышленниковъ. Всѣмъ извѣстны высокія нравственныя качества настоящаго министра торговли и промышленности, В. И. Тимирязева, но не надо забывать, что онъ только-что былъ представителемъ

купечества и промышленниковъ въ Государственномъ Совѣтѣ и состоялъ во главѣ извѣстнаго органа капиталистовъ—постояннаго съѣзда представителей крупной промышленности. Въ настоящее время упорно повторяются газетные слухи о предстоящемъ новомъ избраніи его на эту должность. Можетъ ли, однако, одно и то же лицо стоять во главѣ часто противоположныхъ интересовъ хозяевъ и рабочихъ въ промышленности?.. Несомнѣнно, классовые интересы не до такой степени противоположны, какъ думаютъ соціалисты; но не слѣдуетъ увлекаться и въ противную сторону. Теперешній всеобщій регрессъ въ русской промышленной жизни отнюдь, разумѣется, не въ интересахъ рабочихъ, хотя даетъ больше спокойствія и развязываетъ руки промышленникамъ. Между тѣмъ справедливость и благоразуміе заставляютъ государство одинаково дорожить интересами какъ рабочихъ, такъ и капиталистовъ. Suum cuique!

Я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ обратить вниманіе публики на вышеуказанныя измѣненія въ фабрично-рабочей политикѣ, угрожающія въ будущемъ, можетъ быть, значительной опасностью для насущныхъ интересовъ всего государства. Изъятія изъ фабричнаго закона, нами приведенныя, представляютъ въ сущности своего рода беззаконіе, хотя бы сдѣланное и на законныхъ основаніяхъ.

Иванъ Янжулъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Жизнь провинціи продолжаетъ идти въ унылыхъ и вялыхъ тонахъ. Очевидно, суждено пережить затяжной періодъ общественной апатіи, и конецъ его все еще не намѣчается въ мутно-туманномъ будущемъ. Земскіе выборы, бывшіе нынѣшнимъ лѣтомъ во многихъ губерніяхъ, внушительно и краснорѣчиво подчеркиваютъ печальный характеръ переживаемаго безвременья. Трудно даже подвести итогъ этихъ выборовъ. Разбродъ, малолюдье, случайныя группировки, неожиданные—иногда для самихъ избирателей—результаты баллотировокъ—все это свидѣтельствуетъ, что большого поворота въ лучшую сторону нельзя ожидать для земскаго дѣла въ ближайшемъ будущемъ.

Знаменательно также отношеніе широкихъ слоевъ населенія къ земскимъ выборамъ. Казалось бы, обновленіе состава гласныхъ въ

земствахъ четырнадцати губерній—дѣло не малое. Какъ-ни-какъ, тутъ часто виситъ на волоскѣ судьба и земской медицины, и земской школы, и статистики, и агрономіи, и многихъ другихъ культурныхъ начинаній въ нашей до глубокой и печальной степени мало-культурной странѣ. Вѣдь недавній разгромъ прогрессивныхъ земствъ совершался у всѣхъ на глазахъ. Но нынѣшніе выборы не вызываютъ почти никакихъ разговоровъ въ обществѣ. Глубокое равнодушіе и невниманіе. Въ провинціальныхъ газетахъ съ трудомъ находишь извѣстія о земскихъ выборахъ. Они отрывочны, разрозненны, случайны, часто напечатаны петитомъ, очень кратки и приткнуты гдѣ-нибудь въ задворкахъ текста. И тутъ же рядомъ—полные столбцы о сенсаціонныхъ убійствахъ, насиліяхъ, всероссійскихъ скандалахъ, сотни перепечатокъ изъ столичныхъ газетъ со всякими слухами. Даже о борьбѣ атлетовъ пишется больше, чѣмъ о земскихъ дѣлахъ. А о рецензіяхъ по поводу кафе-шантановъ, оперетокъ и всякихъ увеселительныхъ вечеровъ и говорить нечего: онѣ занимаютъ на столбцахъ газетъ большое и почетное мѣсто. Если поторопиться съ выводомъ, то непремѣнно вынесешь провинціальнымъ газетамъ полное осужденіе. Но есть и смягчающія обстоятельства. Трудно требовать отъ всѣхъ газетъ безкорыстнаго и самоотверженнаго служенія идеѣ. Трудно журналистамъ проповѣдывать, когда глаза и уши слушателей упорно направляются въ другую сторону. Для болѣе или менѣе прочнаго существованія газеты принуждены сознательно или безсознательно угадывать желанія, вкусы, стремленія широкихъ слоевъ населенія. А широкіе слои населенія интересуются опереткой, литературными новинками, сенсаціонными убійствами, французской борьбой, всѣмъ, чѣмъ угодно — но менѣе всего земскими дѣлами. Земская область такъ усердно обставлена разными законными и беззаконными рогатками, что тысячи русскихъ гражданъ—и притомъ нерѣдко лучшихъ—не могутъ туда проникнуть при самомъ искреннемъ, горячемъ желаніи. Другія тысячи обывателей вообще пугаются рогатокъ. Къ сожалѣнію, народная жизнь часто похожа на водяные потоки: поставятъ запруды, рогатки, запрещенія на прямомъ пути—и она безсознательно бросается въ стороны, по мутному, тинистому бездорожью... Наше время, или, вѣрнѣе, безвременье, изумительно богато всевозможными запретами во всѣхъ родахъ правильной общественной дѣятельности. И это случилось какъ разъ тогда, когда въ обширныхъ массахъ населенія былъ пробужденъ острый вкусъ къ общественной самодѣятельности. Народные потоки двинулись — и тутъ же явились неосмысленныя плотины на самыхъ естественныхъ путяхъ...

Администрація и суды безплодно борются теперь съ необычайнымъ

количествомъ насилій, убійствъ, всякаго рода преступленій, правонарушеній, обходовъ закона и произвола. Еслибы возможна была точная психологическая статистика всей этой искривленной народной жизни, то, несомнѣнно, пришлось бы отнести громадный процентъ этихъ печальныхъ фактовъ на счетъ повсемѣстнаго удушья общественной жизни. И карающей рукѣ стало бы ясно, что подавляетъ она всходы собственнаго сѣва... Еще ближе и скорѣе можно отнести значительную часть повальнаго увлеченія публики легкими и возбуждающими развлеченіями все къ тому же повсемѣстному, вынужденному общественному удушью.

Въ послѣдніе три-четыре года уѣздныя и губернскія земства переживаютъ тяжелую болѣзнь: изъ нихъ была искусственно выпущена благородная кровь прогрессивной части дворянства. Почти во всѣхъ земствахъ жизнь остановилась на неподвижной точкѣ, во многихъ—захирѣла. Близкіе земству люди ожидали отъ нынѣшнихъ выборовъ, не вольютъ ли они въ земскія учрежденія новую здоровую кровь. На возвращеніе къ земскому дѣлу всѣхъ прогрессивныхъ дворянскихъ силъ въ сущности было мало надежды. Главныя надежды—хотя тоже не особенно большія—возлагались на крестьянъ. Слишкомъ большихъ ожиданій не могло быть здѣсь потому, что законъ 5-го октября 1906-го года даетъ крестьянамъ весьма крохотныя и урѣзанныя права. Но все-таки нѣсколько капель здоровой крестьянской крови могли принести видимую пользу захирѣвшему земскому организму.

Для широкой крестьянской массы общій смыслъ земской дѣятельности и различные ея техническіе детали до сихъ поръ темны и малопонятны. Поэтому и лѣвые, и правые наблюдатели земства сходились на одномъ заключеніи, что нынѣшніе выборы являются для крестьянъ первымъ практическимъ урокомъ—и въ то же время частичнымъ испытаніемъ ихъ подготовленности къ расширенной общественной дѣятельности. При естественномъ порядкѣ вещей, если крестьянъ рѣшено приблизить къ первымъ урокамъ земской науки, необходимо было бы не только допускать къ нимъ, но заботливо привлекать опытныхъ и безкорыстныхъ земскихъ работниковъ, которые помогли бы крестьянамъ разобраться въ первыхъ трудныхъ и темныхъ шагахъ, помогли бы имъ организовать предвыборныя собранія, разъяснили необходимость порядка и дисциплины, дали освѣщеніе главныхъ сторонъ земской работы и вообще добросовѣстно сдѣлали бы все то, что дѣлаютъ опытные воспитатели для способныхъ, но пока еще неопытныхъ учениковъ.

При нашемъ неестественномъ порядкѣ вещей выборы были обставлены совершенно наоборотъ.

— Экзаменъ сдавай и земскую работу дѣлай, но учиться и гото-

виться не смѣй,—внушительно пригрозила администрація крестьянской массѣ.

Прогрессивнымъ земскимъ дѣятелямъ былъ совершенно закрытъ доступъ къ крестьянамъ. Особыми циркулярами сверху строго было предписано мелкой уѣздной администраціи, чтобы она тщательно охраняла деревню отъ „посторонняго" вліянія. И рогатки были разставлены съ обычнымъ усердіемъ.

Итакъ, деревня держала свой первый земскій экзаменъ экспромптомъ, безъ подготовки, подъ строгимъ, мало-поощрительнымъ взглядомъ администраціи. Результаты неизбѣжно должны были быть пестры и въ значительной степени случайны.

Изъ отрывочныхъ газетныхъ извѣстій явствуетъ, что крестьяне съ большой охотой и дружными массами ринулись въ пріоткрытый имъ приготовительный классъ земской дѣятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, здравый практическій смыслъ сейчасъ же подсказалъ имъ, что въ сущности многомилліонной крестьянской громадѣ открыта пока очень узкая щель для проникновенія въ область земской работы.

„Десятаго іюля—пишетъ мелитопольскій корреспондентъ „Крымскаго Вѣстника"—состоялся съѣздъ кандидатовъ въ земскіе гласные отъ крестьянъ для выбора гласныхъ. По числу волостей мелитопольскаго уѣзда должно было прибыть двадцать пять кандидатовъ. Изъ нихъ не явился только одинъ. Такое дружное прибытіе кандидатовъ, не смотря на рабочую пору, показываетъ, что крестьяне слѣдятъ за земскимъ дѣломъ, стремятся возможно полнѣе выразить въ земствѣ свои нужды и обстоятельнѣе поддержать ходатайства волостей объ удовлетвореніи этихъ нуждъ. На съѣздѣ крестьяне стали выражать недовольство избирательнымъ закономъ, который не даетъ возможности выставить на двѣ волости даже одного гласнаго въ земство. Мелитопольскому уѣзду, съ двадцатью пятью волостями, предоставляется избрать только семь гласныхъ. Крестьяне передъ выборами возвышали голосъ, заявляя, что нужно ходатайствовать объ увеличеніи числа гласныхъ".

Въ такомъ же духѣ сообщеніе изъ бахмутскаго уѣзда. „Выборы гласныхъ отъ крестьянской куріи—пишетъ корреспондентъ „Южнаго Края"—состоялись, при чемъ на собраніи уполномоченныхъ отъ двадцати волостей бахмутскаго уѣзда былъ поднятъ вопросъ о неравномѣрномъ представительствѣ въ уѣздномъ земскомъ собраніи дворянскаго и крестьянскаго элементовъ. Дворяне имѣютъ въ составѣ земства двадцать гласныхъ, крестьяне отъ двадцати волостей выбираютъ только десять гласныхъ. Въ отвѣтъ на просьбу предсѣдателя собранія уполномоченныхъ отъ волостей возбудить ходатайство объ уравненіи числа гласныхъ отъ дворянства и крестьянъ, предводитель дворян-

ства К. И. Карповъ заявилъ, что подобные вопросы не входятъ въ компетенцію собранія уполномоченныхъ, и просилъ собраніе приступить безъ дальнѣйшихъ замедленій къ выборамъ гласныхъ".

Наивно, но съ правильнымъ инстинктомъ мужицкое плечо съ первой же минуты попробовало раздвинуть узкія стѣны крестьянскаго представительства въ земскомъ самоуправленіи. Мелкій, но характерный и многообѣщающій фактъ. Широкій, естественный законъ жизни немедленно вступаетъ въ борьбу съ мертвенной узостью бюрократической законности. И въ концѣ концовъ, конечно, наивнымъ окажется не тотъ, кто съ инстинктивной прямотой и неуклюжестью стремится къ творческой широтѣ жизни, а тотъ, кто съ упрямымъ самомнѣніемъ вяжетъ живую жизнь по рукамъ и ногамъ.

Бросается въ глаза еще одна особенность крестьянскихъ земскихъ выборовъ: не умѣя организоваться и сговориться о кандидатахъ, крестьяне на съѣздѣ всѣ поголовно стремятся попасть въ гласные. „Уполномоченные явились всѣ — пишутъ изъ Болхова „Орловскому Вѣстнику",—за исключеніемъ Однолуцкой волости. Всего прибыло девятнадцать уполномоченныхъ. Было замѣтно, что крестьяне весьма заинтересованы выборами. Каждому изъ нихъ желалось попасть въ гласные. Прежде, наоборотъ, всячески избѣгали быть избранными въ эту почетную, но безплатную должность, а потому въ гласные исключительно попадали волостные старшины, какъ люди все равно получающіе жалованье. Большинство явившихся уполномоченныхъ—сравнительно люди молодые и болѣе развитые, чѣмъ заурядные крестьяне. Рѣшено было баллотировать всѣхъ по списку, даже не прибывшаго на съѣздъ уполномоченнаго Однолуцкой волости. Цѣлый рядъ уполномоченныхъ оказался забаллотированнымъ. Вмѣсто десяти гласныхъ избрано всего шесть. Причина тому — желаніе каждаго попасть въ гласные, а также и то, что уполномоченные предварительно не переговорили между собою, кого именно нужно избрать изъ своей среды".

Еще характернѣе картина выборовъ въ дмитровскомъ уѣздѣ.

„На собраніе — говоритъ корреспондентъ „Орловск. Вѣстн." — прибыло четырнадцать выборныхъ, по одному отъ каждой волости. Предводитель дворянства предложилъ собравшимся выбрать изъ своей среды предсѣдателя. Это нововведеніе вызвало много спора. Послѣ долгихъ преній записками былъ избранъ довольно молодой выборный, хотѣевскій волостной старшина, г. Ульянеевъ. Въ виду того, что предстояло избрать восемь гласныхъ, а выборныхъ всѣхъ четырнадцать, то порѣшили баллотировать всѣхъ по списку. Результаты баллотировки были весьма печальны: изъ всѣхъ баллотировавшихся избранъ только одинъ—предсѣдатель собранія Ульянеевъ. Даже всѣ прежніе гласные забаллотированы. Недовѣріе къ прежнимъ гласнымъ

отъ крестьянъ сказалось уже въ томъ, что изъ прежнихъ восьми гласныхъ въ выборщики попали только четверо. Новыя лица хотѣли, чтобы каждый изъ нихъ попалъ въ гласные, почему и клали черняковъ баллотирующимся. Будутъ назначены вторичные выборы".

Во время выборовъ въ Государственную Думу крестьяне въ нѣкоторыхъ губерніяхъ съ такимъ же жаромъ стремились попасть въ парламентъ и такъ же старались всѣ поголовно баллотироваться, кладя конкуррентамъ налѣво. Правыя газеты давали тогда простое объясненіе этому явленію: „Желаютъ получать десять рублей въ сутки". Безплатная земская работа лишена этого соблазна. Даже пессимистическіе наблюдатели крестьянской жизни должны, поэтому, признать, что большой и повсемѣстный интересъ крестьянъ къ земской дѣятельности вытекаетъ изъ хорошихъ общественныхъ побужденій, которыя даютъ бодрый намекъ на характеръ неизбѣжнаго въ будущемъ крестьянскаго земства. Впрочемъ, въ области земской работы немало наблюдалось (и теперь наблюдается) своекорыстныхъ побужденій со стороны вполнѣ зажиточнаго консервативнаго дворянства. Не будетъ удивительно, если и заголодавшая деревня выдѣлитъ нѣкоторый процентъ не совсѣмъ безкорыстныхъ общественныхъ дѣятелей. Нѣтъ надобности до сантиментальности идеализировать деревню. Право ея на свободную общественную самодѣятельность зиждется не на идиллической добродѣтели крестьянъ, а на естественномъ правѣ людей творчески и совокупно создавать себѣ лучшія условія жизни. И чѣмъ мрачнѣе жизнь нынѣшней деревни, тѣмъ, въ сущности, больше причинъ вывести ее поскорѣе на широкую и свѣтлую дорогу общественной самодѣятельности, чтобы спали съ нея пятна проказы, привитой безвременьемъ и невѣжествомъ.

Къ сожалѣнью, скудныя газетныя свѣдѣнія совсѣмъ не даютъ характеристики крестьянскихъ выборовъ въ другихъ мѣстахъ внутренней Россіи. Краткія строки въ хроникѣ или въ телеграммахъ сообщаютъ лишь о результатахъ выборовъ. Эти микроскопическія извѣщенія, по большей части, проникнуты оптимизмомъ. Вотъ, напримѣръ, рядъ такихъ извѣстій. „Въ симферопольскомъ уѣздѣ изъ девяти гласныхъ крестьянъ большинство прогрессисты. Въ екатеринбургскомъ уѣздѣ, пермской губерніи, избрано пять гласныхъ крестьянъ, изъ которыхъ два прогрессиста, одинъ монархистъ и двое безпартійныхъ. Въ мелитопольскомъ уѣздѣ вновь избранный составъ земскихъ гласныхъ отъ крестьянъ—весь прогрессивнаго направленія. Въ вятской губерніи, въ яранскомъ уѣздѣ, на дополнительныхъ выборахъ отъ крестьянъ прошли прогрессисты. Въ уфимской губерніи на земскихъ выборахъ отъ крестьянской куріи въ бирскомъ, белебеевскомъ, стер-

литамакскомъ и златоустовскомъ уѣздахъ правые потерпѣли сильное пораженіе; всѣ избранные—яркіе прогрессисты".

Нѣсколько болѣе подробное сообщеніе даетъ „Уральская Жизнь" относительно выборовъ въ уфимскомъ уѣздѣ. „7-го и 8-го іюля состоялись выборы земскихъ гласныхъ отъ крестьянъ и отъ дворянъ-землевладѣльцевъ, при чемъ первые дали преобладающее большинство, а вторые — приблизительно половину прогрессистовъ, такъ что если даже на предстоящихъ въ скоромъ времени выборахъ отъ крупныхъ землевладѣльцевъ не-дворянъ будутъ избраны только реакціонеры, то и въ такомъ случаѣ перевѣсъ будетъ на сторонѣ прогрессистовъ. Это особенно отрадно, ибо уфимское уѣздное земство, единственное изъ всѣхъ земствъ губерніи, на протяженіи слишкомъ двадцати лѣтъ было неизмѣннымъ оплотомъ реакціи. Такимъ образомъ, мало-по-малу Уфа оживаетъ, и тѣни ночи понемногу оставляютъ общественную арену..."

Гораздо менѣе утѣшительными оказались крестьянскіе выборы по московской губерніи. Здѣсь, кажется, большинство гласныхъ-крестьянъ оказались правыми или сомнительно-безпартійными. Но въ общемъ по всѣмъ губерніямъ крестьянскіе выборы можно по ихъ результатамъ считать, съ прогрессивной точки зрѣнія, довольно удачными. Менѣе, вѣроятно, довольна крестьянами высшая и низшая администрація. Но ужъ такова судьба нашего крестьянства: при всѣхъ выступленіяхъ на общественную и государственную дорогу не оправдывать надеждъ попечительнаго начальства...

Очень пестрые результаты получились въ разныхъ губерніяхъ на выборахъ земскихъ гласныхъ по второму избирательному собранію. Кое-гдѣ сыграли на этихъ выборахъ значительную роль крестьяне, получившіе нѣсколько расширенный доступъ на вторыя избирательныя собранія. Въ однихъ мѣстахъ они качнули чашку выборныхъ вѣсовъ налѣво, въ другихъ — направо. Такъ, напримѣръ, корреспондентъ „Одесскихъ Новостей" кратко, но съ видимымъ негодованіемъ пишетъ изъ Ѳеодосіи: „На выборахъ земскихъ гласныхъ отъ второго избирательнаго собранія явилась масса избирателей-крестьянъ, которые забаллотировали всѣхъ интеллигентовъ, въ томъ числѣ бывшихъ много лѣтъ гласными И. С. Хаджи и Д. И. Шушакъ. Избрано пять совершенно безцвѣтныхъ крестьянъ. Результаты выборовъ произвели гнетущее впечатлѣніе".

Очень жаль, что корреспондентъ не вникъ поглубже въ это интересное явленіе и не попробовалъ разобраться, почему крестьянская масса, еле подойдя къ земскому дѣлу, поспѣшила первымъ долгомъ отбросить отъ него интеллигенцію. Случайность это, или имѣется болѣе глубокая причина? Въ нѣкоторыхъ, хотя, впрочемъ, немно-

гихъ мѣстахъ провинціи, мнѣ недавно пришлось услышать отъ прогрессивныхъ, интеллигентныхъ работниковъ опасенія, что на первыхъ порахъ крестьянская масса, двинувшись въ земскія учрежденія, можетъ оттолкнуть интеллигентную помощь. Въ объясненіе и оправданіе крестьянъ приводились при этомъ разныя, болѣе или менѣе основательныя, историческія и экономическія объясненія. Любопытно, не былъ ли ѳеодосійскій случай на земскихъ выборахъ практическимъ примѣненіемъ историческаго и классоваго недовѣрія крестьянства къ „барину"? Въ этомъ смыслѣ онъ заслуживалъ бы нѣкотораго обслѣдованія.

Почему-то именно среди избирателей по второму избирательному собранію наблюдался во многихъ мѣстахъ особенный партійный разбродъ. „Выборы уѣздныхъ гласныхъ по второму избирательному собранію — пишутъ, напримѣръ, изъ Вышняго-Волочка — не дали положительныхъ результатовъ. Всѣ кандидаты оказались забаллотированными". Такого же характера извѣщеніе изъ Камышина: „На выборы по второму съѣзду явилось 26 человѣкъ. Вмѣсто шести гласныхъ избранъ только одинъ".

Здѣсь же, среди мелкихъ землевладѣльцевъ и мелкихъ дворянъ, замѣчается, кажется, и большее равнодушіе къ земскому дѣлу. „Изъ 113 лицъ, имѣющихъ право голоса, явилось 25-го іюля на второе избирательное собраніе — сообщаютъ изъ Мелитополя — только 28 человѣкъ, при чемъ почти всѣ нѣмцы". Изъ Брянска пишутъ: „Назначенные на 25 іюля выборы уполномоченныхъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ не состоялись. Изъ 53-хъ мелкихъ землевладѣльцевъ на съѣздъ явилось 4 человѣка". Въ Кузнецкѣ на выборы уполномоченныхъ отъ мелкихъ дворянъ въ первое избирательное собраніе изъ 20-ти мелкопомѣстныхъ явилось шестеро. По своему экономическому положенію мелкіе дворяне и мелкіе землевладѣльцы находятся между двумя группами съ опредѣленными, сильно и страстно выраженными классовыми интересами: крупнымъ дворянствомъ и крестьянствомъ. Собственные классовые интересы у мелкихъ дворянъ и мелкихъ землевладѣльцевъ неопредѣленны и незначительны. Можетъ-быть въ этомъ кроется главная причина ихъ партійной нестройности и значительнаго равнодушія къ земскому дѣлу.

Гораздо опредѣленнѣе настроеніе крупнаго дворянства. Здѣсь продолжается упорный и настойчивый наклонъ вправо. По первой куріи правые во многихъ мѣстахъ одержали значительныя побѣды. Быть побѣдителями, впрочемъ, оказалось довольно легко. Сообщенія о выборахъ по первому избирательному собранію изъ многихъ мѣстъ носятъ почти юмористическій характеръ.

„На первый избирательный съѣздъ—сообщаютъ изъ Камышина—

явились четверо. Они и выбрали себя въ гласные. По существующему расписанію, составленному очень давно, отъ дворянъ полагается восемь гласныхъ. Но въ настоящее время число крупныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ въ уѣздѣ не достигаетъ восьми. И нужно полагать, что будущее земское собраніе будетъ имѣть въ своемъ составѣ лишь четверыхъ дворянъ".

„По первому избирательному собранію — пишутъ изъ Мелитополя — на выборы явились изъ 15-ти владѣльцевъ, значащихся по списку, только шесть. Правда, одинъ изъ неявившихся дворянъ изъявилъ свое согласіе баллотироваться въ гласные. Такимъ образомъ баллотировкѣ подверглись семь лицъ-дворянъ. Они были избраны единогласно. Всѣ избранные гласные принадлежатъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ къ правымъ партіямъ". „Явилось — кратко сообщаютъ о первомъ избирательномъ съѣздѣ изъ Ѳеодосіи—четырнадцать избирателей, съ шестнадцатью голосами, для избранія гласныхъ. Закрытой баллотировкой въ земскіе гласные на предстоящее трехлѣтіе избраны, согласно расписанію, 18 лицъ". Подобными извѣстіями особенно богаты провинціальныя газеты. Почти каждый уѣздъ любой губерніи имѣетъ чрезвычайно малое количество крупныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ. Очень часто на выборахъ по первой куріи число явившихся избирателей меньше необходимаго по расписанію числа гласныхъ, и дворяне безъ баллотировки зачисляютъ всѣхъ явившихся въ гласные. Избирательный законъ одряхлѣлъ и отсталъ отъ жизни до такой степени, что уже вызываетъ на мѣстахъ не раздраженіе и негодованіе, а горькій смѣхъ. Тенденція казеннаго покровительства крупному дворянству обнажилась здѣсь отъ всѣхъ одеждъ и стоитъ передъ населеніемъ въ грубой, оскорбительной наготѣ...

Подвести общій итогъ нынѣшнимъ земскимъ выборамъ очень трудно. Случайныя, разрозненныя и неполныя газетныя извѣстія даютъ для этого слишкомъ мало матеріала. Но нѣкоторыя сообщенія все-же намекаютъ, что въ пестрой картинѣ нынѣшнихъ выборовъ наблюдается нѣкоторый наклонъ влѣво.

Выше приводилось извѣстіе изъ Уфы, въ которомъ съ удовольствіемъ говорилось о прочномъ прогрессивномъ большинствѣ во всѣхъ уѣздныхъ земствахъ уфимской губерніи. Такая же картина, очевидно, замѣчается и въ вятской губерніи. Оптимистическія сообщенія объ общихъ результатахъ земскихъ выборовъ довольно часто встрѣчаются изъ отдѣльныхъ уѣздовъ разныхъ губерній. „Во всякомъ случаѣ,— пишутъ, напримѣръ, изъ Петровска, саратовской губерніи, — несомнѣнно составъ земства измѣнится довольно замѣтнымъ образомъ, тѣмъ болѣе, что къ прогрессивнымъ гласнымъ-дворянамъ примкнутъ прогрессисты-крестьяне". Изъ Кузнецка, той же губерніи, сообщаютъ:

„Составъ собранія замѣтно измѣняется въ сторону прогрессистовъ". Такого же характера извѣстія изъ уѣздовъ евпаторійскаго, звенигородскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Слегка, еле замѣтно земская жизнь какъ будто колыхнулась снова налѣво. Но въ общемъ—разбродъ, вялое недѣланіе, общественная мгла... Ближайшая работа на земской нивѣ не обѣщаетъ ни яркости, ни напряженной энергіи. Въ воздухѣ виситъ смутное ожиданіе широкой земской реформы, которая оздоровитъ земское дѣло и привлечетъ къ нему большой притокъ свѣжихъ общественныхъ силъ. И это ожиданіе, можетъ быть, составляетъ главную причину общаго усталаго и равнодушнаго пренебреженія къ нынѣшнему земству. Хочется поскорѣе сбросить съ плечъ старое, обветшалое платье, когда портной уже раскладываетъ и примѣряетъ новое. Бѣда лишь въ томъ, что слишкомъ долго наши государственные портные не могутъ сладить съ покроемъ новой земской одежды...

И. Жилкинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1909.

Англійскій министръ и русская реакціонная печать. — Покушеніе негодными средствами. — Пережитки прошлаго: неутвержденіе избранныхъ должностныхъ лицъ, высылка Н. Н. Гусева, отказъ въ легализаціи сектантской общины. — Закрытіе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.—Русскій клерикализмъ.

По истинѣ безгранично упорство, съ которымъ у насъ, въ извѣстныхъ сферахъ, подвергаются сомнѣнію или отрицанію самыя ясныя положенія, самые безспорные факты; по истинѣ удивительны—выражаясь мягко — пріемы, пускаемые въ ходъ для защиты безнадежныхъ тезисовъ. Чрезвычайно типично, въ этомъ отношеніи, „благородное негодованіе", съ которымъ были встрѣчены въ реакціонной печати слова англійскаго министра объ установленіи въ Россіи конституціоннаго строя. „Можетъ ли быть"—восклицаютъ, напримѣръ, „Московскія Вѣдомости"—„что-нибудь болѣе невѣроятное, чѣмъ то положеніе, въ которое поставлены мы, подданные россійской державы, узнающіе о коренномъ измѣненіи нашей формы правленія изъ устъ чужестраннаго министра"? Въ такомъ положеніи могутъ находиться только глухіе—тѣ „худшіе изъ всѣхъ глухихъ", которые, по извѣстной французской

поговоркѣ, не хотятъ слышать. Кто не принадлежитъ къ ихъ числу, тотъ узналъ о коренномъ измѣненіи нашей формы правленія не изъ рѣчи Грея, а изъ манифеста 17-го октября, изъ указа 23-го апрѣля 1906-го года, изъ новой редакціи основныхъ законовъ. „Точный смыслъ" этихъ законовъ, на который позволяетъ себѣ ссылаться московская газета, неопровержимо свидѣтельствуетъ о томъ, что власть монарха перестала быть *неограниченной*. Въ этомъ и заключается громадная перемѣна, благодаря которой Россія стала конституціоннымъ государствомъ. *Слово* не произнесено, но *дѣло* сдѣлано. Какъ оно сдѣлано—вопросъ другой. До осуществленія принципа еще далеко, но это не мѣшаетъ ему быть провозглашеннымъ и вошедшимъ въ общественное сознаніе. И напрасно московская газета старается доказать, что порядкомъ конституціоннымъ можетъ быть названъ только такой, при которомъ монархъ царствуетъ, но не управляетъ. Не станетъ же она утверждать, что Германія—не конституціонное государство; а между тѣмъ германскій императоръ несомнѣнно принимаетъ самое реальное участіе въ управленіи страною. Отличительная черта конституціонно-монархическаго строя — ограниченность власти монарха, раздѣленіе ея, въ области законодательства, представительнымъ собраніемъ. Гдѣ эта черта имѣется на лицо, тамъ есть конституціонный, хотя, можетъ быть, и не парламентарный образъ правленія.

Виновнымъ, съ точки зрѣнія „Московскихъ Вѣдомостей", оказывается не только сэръ Эдуардъ Грей, но и П. А. Столыпинъ. Въ его словахъ о „представительномъ строѣ", сказанныхъ въ одномъ изъ первыхъ засѣданій третьей Государственной Думы, газета усматриваетъ источникъ прискорбныхъ недоразумѣній. Отъ правительства требуютъ объясненій—а оно „упорно молчитъ", не отрицая и не подтверждая ни одного изъ двухъ противоположныхъ толкованій. Стоитъ только власти нарушить это молчаніе—и не останется мѣста для существующей теперь „вражды и смуты". Это совершенно невѣрно. Предположимъ, что правительство открыто и прямо признаетъ правильность толкованія, развиваемаго ораторами правыхъ съ думской трибуны и поддерживаемаго реакціонной печатью. Этимъ однимъ не былъ бы отмѣненъ манифестъ 17-го октября, не былъ бы измѣненъ текстъ ст. 4-ой основныхъ законовъ; неприкосновеннымъ осталось бы все то, что въ настоящее время даетъ право говорить о существованіи у насъ, de jure, конституціоннаго строя. Не ослабленіе, а усиленіе „смуты" явилось бы послѣдствіемъ интерпретаціи, идущей въ разрѣзъ съ смысломъ закона. Логика вещей привела бы, поэтому, или къ формальной отмѣнѣ всѣхъ государственныхъ актовъ, положившихъ начало обновленію Россіи — или къ возстановленію ихъ въ полной силѣ и къ дальнѣйшему ихъ развитію. Послѣдовательны, поэтому, не тѣ публи-

цисты, которые, участвуя въ приличныхъ, по внѣшнему виду, органахъ печати, пытаются найти приличный, по внѣшности, способъ покончить съ новыми порядками—а тѣ, которые, на страницахъ откровенно-черносотенныхъ изданій, безцеремонно проповѣдуютъ полное возвращеніе къ старому режиму. Само собою разумѣется, что не на этомъ пути возможно прекращеніе „вражды и смуты".

Говоря, въ связи съ рѣчью англійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, о пребываніи въ Англіи членовъ Государственной Думы, реакціонная печать подчеркиваетъ принадлежность многихъ изъ нихъ къ *нелегализированнымъ* партіямъ. На самомъ дѣлѣ при существованіи представительнаго строя такихъ партій нѣтъ и быть не можетъ. Какъ бы плохо ни было организовано народное представительство, какъ бы мало оно ни служило вѣрнымъ отраженіемъ страны, въ его составѣ не могутъ не сложиться опредѣленныя группы, соотвѣтствующія главнымъ теченіямъ общественной мысли. И пока свобода трибуны не обращена въ пустое слово, ничто не можетъ помѣшать дѣятельности всѣхъ этихъ группъ въ стѣнахъ законодательнаго собранія. Партіи, какъ таковыя, не нуждаются въ утвержденіи: *легализація партіи*—это настоящая contradictio in adjecto. У насъ партіи оффиціально подводятся подъ понятіе объ обществѣ и подъ дѣйствіе закона, требующаго легализаціи обществъ. Это совершенно неправильно; но единственный возможный отсюда выводъ заключается въ томъ, что нелегализированная партія не можетъ пользоваться правами юридическаго лица, не можетъ совершать гражданскихъ сдѣлокъ. Установившаяся, благодаря торжеству произвола, практика прибавляетъ къ этому запрещеніе устраивать собранія, разсылать избирательные листки, открывать гласно функціонирующіе комитеты или отдѣлы; но даже она мирится съ существованіемъ *фракцій*, выступающихъ на сцену почти въ каждомъ засѣданіи Государственной Думы. Между тѣмъ, *фракція* предполагаетъ *партію:* первая немыслима безъ послѣдней, потому что выходитъ изъ ея среды и проводитъ господствующіе въ ней взгляды. Въ Лондонѣ, какъ и въ Петербургѣ, представители *фракціи* народной свободы оставались представителями *партіи* народной свободы и были въ правѣ говорить отъ ея имени.

Бѣдные собственными силами, сторонники регресса ищутъ союзниковъ въ рядахъ его противниковъ — не настоящихъ, а прежнихъ. „Московскія Вѣдомости" наполняютъ нѣсколько столбцовъ выписками изъ статей К. Д. Кавелина, побѣдоносно усматривая въ нихъ подтвержденіе своего взгляда. Умалчивается здѣсь, прежде всего, о времени, къ которому относятся эти статьи. Первая изъ нихъ написана

въ 1862-мъ году, когда только что совершилось великое дѣло 19-го февраля и готовился цѣлый рядъ другихъ „великихъ реформъ". — Неудивительно, что тогда могли быть сказаны слѣдующія слова: „въ обширномъ смыслѣ подъ конституціей разумѣется всякое правильное государственное и общественное устройство, покоящееся на разумныхъ непреложныхъ основаніяхъ и законахъ,—устройство, при которомъ нѣтъ мѣста для произвола, личность, имущество и права всѣхъ и каждаго обезпечены и неприкосновенны. Такой порядокъ дѣлъ возможенъ при всякомъ образѣ правленія — въ неограниченной монархіи, какъ и въ республикѣ" [1]). Вѣру въ возможность такого порядка *въ Россіи*, при неограниченной власти монарха, уже тогда раздѣляли далеко не всѣ; но она несомнѣнно наполняла сердца многихъ искреннихъ, глубоко преданныхъ народу людей, къ числу которыхъ принадлежалъ Кавелинъ. Способствовало этому, съ одной стороны, сравнительно слабое еще освѣщеніе незадолго передъ тѣмъ закончившагося періода западно-европейской жизни [2]), съ другой стороны — и всего болѣе— отсутствіе собственнаго опыта. Съ тѣхъ поръ прошло почти полвѣка— и розовая надежда оказалась несбыточною мечтою. Мѣста для произвола нашлось слишкомъ достаточно; „непреложными" законы оставались только на бумагѣ; реально „обезпеченныхъ", „неприкосновенныхъ" правъ не было вовсе. Въ 1862 г. соображенія Кавелина могли быть предметомъ спора; теперь ошибочность ихъ безповоротно доказана самою жизнью...

Вторая статья, эксплуатируемая „Московскими Вѣдомостями", написана во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ, т.-е. отдѣлена отъ насъ тридцатью годами, полными поучительныхъ уроковъ и существенно измѣнившими положеніе Россіи, да и не одной только Россіи. Кавелинъ думалъ, что европейскія конституціонныя формы могутъ существовать только тамъ, гдѣ есть сильная родовая, поземельная или денежная аристократія—а онѣ осуществляются на нашихъ глазахъ при самыхъ различныхъ условіяхъ и скоро обнимутъ собою всѣ сколько-нибудь культурныя страны земного шара. Кавелинъ не видѣлъ у насъ почвы для конституціонной жизни, не видѣлъ данныхъ, изъ которыхъ могли бы образоваться политическія гарантіи; но вѣдь въ то время, когда онъ писалъ, въ Россіи еще не сложился рабочій

---

[1]) Собраніе сочиненій К. Д. Кавелина, т. 2-ой (Спб., 1898 г.), стр. 136.

[2]) „Блистательнымъ примѣромъ благоустроенной неограниченной монархіи" — читаемъ мы въ той же статьѣ Кавелина — „можетъ служить Пруссія въ послѣднія тридцать-сорокъ лѣтъ до 1848-го года". Позднѣйшія изслѣдованія этой эпохи — въ томъ числѣ даже столь пристрастное къ Гогенцоллернамъ, какъ „Deutsche Geschichte" Трейтшке,—показали съ полною ясностью, насколько далека отъ истиннаго благоустройства была прусская монархія въ до-конституціонное время.

классъ, „образованный слой“ былъ несравненно тоньше, чѣмъ теперь, въ массу крестьянства, еще почти не расчлененную, едва начинало проникать политическое сознаніе. Всего происшедшаго въ теченіе послѣдняго тридцатилѣтія не предвидѣлъ и не могъ предвидѣть даже такой проницательный мыслитель, какъ Кавелинъ. Но вотъ что для него было ясно: необходимость „коренного преобразованія всего нашего государственнаго и общественнаго строя“, необходимость „правильнаго раздѣленія аттрибутовъ власти, правильнаго отправленія суда, администраціи и законодательной функціи“, *крайняя* необходимость „гарантіи личной и имущественной неприкосновенности, свободы вѣрованій и мнѣній“ [1]). Сознаніе этой необходимости заставило его выбрать эпиграфомъ для своей статьи—той самой статьи, изъ которой черпаетъ московская газета—слѣдующія знаменательныя слова Бисмарка: „силу революціонныхъ движеній составляютъ не крайнія идеи ихъ вожаковъ, а небольшая доля умѣренныхъ и законныхъ требованій, *не осуществленныхъ въ свое время*“. Въ этомъ выборѣ сказалась значительная доля политической мудрости. Изъ всѣхъ преобразованій, намѣченныхъ Кавелинымъ, „въ свое время“ не было исполнено ни одного; наоборотъ, много было сдѣлано такого, что шло прямо въ противоположную сторону. Вмѣсто „правильнаго раздѣленія аттрибутовъ власти“ воспослѣдовало смѣшеніе властей въ рукахъ земскихъ начальниковъ, вмѣсто „правильнаго отправленія суда, администраціи и законодательной функціи“—ограниченіе несмѣняемости судей, узаконеніе административнаго произвола (положеніемъ объ охранахъ), внѣ-законное расширеніе круга дѣйствій комитета министровъ. Свобода вѣрованій и мнѣній была отдана во власть К. П. Побѣдоносцева и гр. Д. А. Толстого. Еслибы К. Д. Кавелинъ зналъ, каковъ будетъ ходъ событій въ восьмидесятыхъ и девятидесятыхъ годахъ, у современныхъ враговъ политической свободы оказалось бы однимъ аргументомъ меньше. Впрочемъ, можно ли назвать аргументомъ ссылку на слова, написанныя въ другое время и при другихъ условіяхъ — и, притомъ, ссылку намѣренно одностороннюю и неполную? Въ статьѣ „Московскихъ Вѣдомостей“ тщательно обходятся молчаніемъ *гарантіи*, о необходимости которыхъ говорилъ Кавелинъ.

К. Д. Кавелинъ скончался въ 1885-мъ году; ему суждено было, такимъ образомъ, увидѣть только начало новаго періода, въ который вступила Россія послѣ катастрофы 1-го марта. И все-таки онъ успѣлъ существенно измѣнить тотъ взглядъ, котораго онъ неуклонно держался до тѣхъ поръ и который выразился въ его статьяхъ 1862 и 1877 гг. Объ этомъ свидѣтельствуютъ письма его къ графу Д. А. Милютину,

---

[1]) Тамъ же, стр. 959 и 938.

недавно напечатанныя въ нашемъ журналѣ [1]). „Русское общество— пишетъ Кавелинъ въ мартѣ 1882-го года—„сверху до низу видимо перерождается, пріучается самостоятельно мыслить и ни на кого, кромѣ самого себя, не разсчитывать. Почти всѣ убѣждены, что самодержавіе кончило свои дни. Я принадлежу къ немногимъ единицамъ, которыя думаютъ, что не самодержавіе, а органы и способы его дѣйствія окончательно отжили свой вѣкъ и должны быть радикально реформированы, замѣнены совершенно иными; *соотвѣтственно болѣе зрѣлому гражданскому возрасту Россіи.* Но вопросъ въ томъ, способны ли это понять теперешніе представители самодержавія"? Говоря, дальше, о предполагаемомъ введеніи государственнаго выборнаго представительства, Кавелинъ не вѣритъ въ успѣхъ этой мѣры, если она пройдетъ черезъ руки тогдашняго правительства, но считаетъ ее, очевидно, осуществимой, при условіи проведенія ея „человѣкомъ очень умнымъ, талантливымъ, смѣлымъ и въ то же время чистымъ и честнымъ, въ родѣ Н. А. Милютина". Полгода спустя, характеризуя гр. Д. Толстого и Делянова, къ которымъ только что перешла тогда руководящая роль, онъ говоритъ: „Это полное ничтожество и безсиліе служитъ для меня самымъ вѣрнымъ признакомъ, что всѣ прежніе устои русской жизни отгнили и что изъ нихъ и на нихъ ничего прочнаго и солиднаго больше строить нельзя... Пониженіе уровня образованія въ руководящихъ кружкахъ и высшихъ слояхъ есть несомнѣнный признакъ, что жизнь отсюда отхлынула и ищетъ другихъ путей". „Когда все мыслящее, просвѣщенное, талантливое", читаемъ мы въ письмѣ отъ 13-го апрѣля 1884-го года, „сторонится отъ правительства и либо враждебно ему, либо совершенно безучастно и равнодушно — это признакъ безошибочный, что нарождается новый порядокъ дѣлъ и при первыхъ же благопріятныхъ обстоятельствахъ пробьетъ кору, которая неестественно держитъ его подъ спудомъ". Такъ смотрѣлъ на вещи Кавелинъ, приближаясь къ концу жизни—а между тѣмъ въ это время только еще начинала обрисовываться система, выразившаяся въ законодательствѣ 1889—92 гг., въ мѣропріятіяхъ Сипягина и Плеве... Нѣтъ, сколько бы ни надергать цитатъ изъ сочиненій Кавелина, никогда не удастся сопричислить его къ сонму людей, которыхъ онъ глубоко презиралъ и ненавидѣлъ; никогда не удастся найти у него статью, „написанную точно публицистомъ современнаго собранія русскаго народа".

---

[1]) См. январь, стр. 9, 10, 18, 19, 28.

Существуя въ Россіи легально, конституціонный строй до сихъ поръ не устранилъ порядковъ, выработанныхъ предшествующей эпохой. Остается въ силѣ или даже пріобрѣтаетъ особую остроту не только то, что считается нужнымъ для борьбы съ „крамолой“ и для „успокоенія“ страны, но и многое изъ того, что потеряло всякій смыслъ и стало явнымъ анахронизмомъ. Пока земское и городское самоуправленіе считалось чѣмъ-то въ родѣ терпимаго зла, пока подозрительнымъ и опаснымъ казалось всякое проявленіе общественной самодѣятельности и инициативы, до тѣхъ поръ не было ничего нелогичнаго ни въ предоставленіи администраціи права отказывать въ утвержденіи избранникамъ городскихъ думъ и земскихъ собраній, ни въ широкомъ пользованіи этимъ правомъ. Вреднымъ оно всегда было, но гармоніи со всѣмъ окружающимъ не нарушало. Другое дѣло—теперь. Рядомъ съ народнымъ представительствомъ, участвующимъ въ отправленіи законодательной власти, нѣтъ мѣста для недовѣрія къ скромнымъ заправиламъ губернскаго, уѣзднаго или городского хозяйства. Прежде достаточно было быть самостоятельнымъ, чтобы прослыть неблагонадежнымъ; теперь это мѣрило представляется уже слишкомъ первобытнымъ. Какимъ образомъ и въ чемъ предсѣдатель земской управы или городской голова можетъ помѣшать правильному ходу обновленнаго государственнаго механизма—это загадка, которой не разрѣшитъ никакой Эдипъ. Все сводится, очевидно, къ устойчивости старыхъ бюрократическихъ навыковъ, меньше всего совмѣстимыхъ съ заботой объ интересахъ населенія. Стоитъ только припомнить такіе факты, какъ неутвержденіе городского головы въ Курскѣ или въ Вяткѣ, чтобы убѣдиться въ томъ, что здѣсь играетъ роль даже не политика, а просто капризъ, подходящій подъ формулу: „нраву моему не препятствуй“. По мѣткому выраженію „Русскихъ Вѣдомостей“, „за послѣднее время установилось повѣтріе неутвержденія“. Къ чему оно приводитъ—это показываетъ съ особенною ясностью недавній инцидентъ въ одоевскомъ уѣздѣ (тульской губерніи). Въ до-реформенное время одоевское земство, умѣренное и спокойное, вовсе не знало конфликтовъ съ администраціей: они начались только въ прошедшемъ году, когда не былъ утвержденъ одинъ членъ управы и назначенъ другой. Лѣтомъ текущаго года вышли въ отставку предсѣдатель и одинъ изъ членовъ управы, и она оказалась не въ законномъ составѣ. Между тѣмъ, въ уѣздѣ обнаружился недородъ ржи и яровыхъ хлѣбовъ. Необходима была усиленная и ускоренная дѣятельность земства. 26-го іюня чрезвычайное земское собраніе больше чѣмъ двумя третями голосовъ избрало въ предсѣдатели управы князя Кропоткина, раньше, въ 1904-мъ году, уже занимавшаго эту должность, а въ 1908-мъ году исполнявшаго, съ разрѣшенія губернатора, пору-

ченіе губернской землеустроительной коммиссіи. Почти мѣсяцъ спустя (21-го іюля) пришло увѣдомленіе губернатора о неутвержденіи кн. Кропоткина. Новые выборы были назначены на 3-е августа, когда время для покупки и раздачи сѣмянъ было уже упущено—и населеніе осталось безъ помощи, въ которой нуждалось и на которую имѣло право. Къ этому случаю неприложима даже извѣстная поговорка: „паны дерутся, а у хлопцовъ чубы трещатъ"—неприложима потому, что у кн. Кропоткина никакихъ столкновеній съ администраціей не было, и неутвержденіе его было такою же неожиданностью для него самого, какъ и для уѣзда... Замѣтимъ, что для прекращенія практики, приводящей къ такимъ чудовищнымъ результатамъ, не нужно даже измѣненія закона; вполнѣ достаточно рѣшенія не примѣнять права, даннаго при совершенно другихъ условіяхъ и потерявшаго всякую raison d'être (если только оно когда-нибудь ее имѣло). Ясно, что иниціатива такого рѣшенія должна идти отъ центральной власти. Ожидать самоограниченія отъ губернаторовъ было бы напрасно: произволъ—для того, кто пользуется имъ,—имѣетъ большую прелесть и легко становится привычкой.

Еще худшимъ пережиткомъ прежняго режима является административная ссылка. Злоупотребленій она всегда влекла за собою множество, всегда примѣнялась, сплошь и рядомъ, въ случаяхъ, никакою опасностью „общественному спокойствію и порядку" не угрожавшихъ; но въ тогдашнемъ строѣ она не звучала такимъ рѣзкимъ диссонансомъ, какъ теперь, не принимала такихъ громадныхъ размѣровъ и не шла такъ прямо и явно въ разрѣзъ съ элементарною справедливостью. У Л. Н. Толстого и тогда, безъ сомнѣнія, были близкіе люди, помогавшіе ему въ распространеніи неизданныхъ открыто его сочиненій—но объ удаленіи ихъ изъ Ясной Поляны не было слышно. Если В. Г. Чертковъ и П. Г. Бирюковъ были вынуждены цѣлыми годами жить за границей, то поводомъ къ тому не выставлялось непосредственное участіе ихъ въ дѣятельности Л. Н. Толстого. Теперь именно за это подвергся административной ссылкѣ Н. Н. Гусевъ, секретарь и другъ геніальнаго писателя. Заявленіе Л. Н. Толстого, написанное подъ вліяніемъ удручающаго факта, нельзя читать безъ глубокой скорби и еще болѣе глубокаго возмущенія. Нетрудно представить себѣ положеніе великаго старца, у котораго отнимаютъ главнаго помощника, отнимаютъ именно за то, что онъ—его помощникъ. И вѣдь одинъ ударъ слѣдуетъ за другимъ: еще недавно былъ высланъ изъ тульской губерніи В. Г. Чертковъ, „вина" котораго сводилась къ дружбѣ съ Л. Н. Толстымъ. Есть, однако, и разница между обоими случаями: В. Г. Черткова только удалили изъ тульской губерніи—Н. Н. Гусева сослали, на два года, въ одну изъ самыхъ глухихъ мѣстностей перм-

скаго края. Это уже не простая мѣра предосторожности: это — настоящее и весьма тяжелое наказаніе, наложенное безъ суда, даже безъ выслушанія объясненій. И къ чему понадобились необыкновенная быстрота и жестокость въ исполненіи административнаго приговора? Неужели Н. Н. Гусеву, два года жившему въ Ясной Полянѣ, нельзя было пробыть тамъ, безъ опасности для государства, еще нѣсколько дней? Неужели нужно было дать ему на сборы и прощанье всего-навсего полчаса? Неужели недостаточно было объявить ему распоряженіе о выѣздѣ, не отправляя его подъ стражей, ночью, въ тифозную (по словамъ Л. Н. Толстого) тюрьму? Ему ставится въ вину распространеніе революціонныхъ изданій, т.-е. преступленіе, влекущее за собою уголовную отвѣтственность; почему же онъ не преданъ суду, который, по крайней мѣрѣ, далъ бы ему возможность защищаться? Развѣ Государственной Думой—третьей Думой!—не установленъ принципъ, что административной ссылкѣ могутъ подлежать только неопредѣленно подозрѣваемые, а не опредѣленно обвиняемые? Возмутителенъ, конечно, и этотъ принципъ, какъ бы узаконяющій своего рода loi des suspects — но даже онъ оказывается неудобнымъ потому что все-таки намѣчаетъ кое-какія границы для административнаго произвола. И какъ согласить высылку Н. Н. Гусева съ теоріею, оправдывающею исключительныя мѣры—исключительными обстоятельствами? Въ какихъ исключительныхъ обстоятельствахъ находится теперь Ясная Поляна, или крапивенскій уѣздъ, или тульская губернія?...

Исключительнымъ, за то, по праву можетъ быть названо положеніе, создаваемое, во многихъ мѣстахъ, пренебреженіемъ администраціи къ прямымъ требованіямъ закона. Яркимъ примѣромъ этому можетъ служить слѣдующее оффиціальное распоряженіе, недавно оглашенное въ печати [1]). Нѣсколькими жителями города Конотопа (черниговской губерніи) и окрестныхъ селеній возбуждено было ходатайство объ учрежденіи въ Конотопѣ религіозной общины „по вѣрѣ крещеныхъ христіанъ евангелическаго исповѣданія“. Губернское правленіе, „принимая во вниманіе заключеніе епархіальнаго начальства, согласно коему исповѣданіе и распространеніе крещеныхъ по вѣрѣ христіанъ несогласно съ ученіемъ христіанской церкви и оказываетъ пагубное вліяніе на православное населеніе, почему секта эта по опредѣленію епархіальнаго начальства признана вредною для сыновъ православной церкви“, и руководствуясь закономъ 17-го октября 1906-го года, оставило это ходатайство безъ удовлетворенія. Несомнѣнно и явно нарушенъ здѣсь тотъ самый законъ, на который сдѣлана ссылка. Статьею 1-ою отд. II-го правилъ 17-го октября 1906-го года „отдѣлившимся

) См. „Рѣчь“, № 125.

отъ православія сектантамъ предоставлено образованіе, въ порядкѣ, правилами указанномъ, религіозныхъ общинъ. Дѣйствіе этихъ правилъ не распространяется на послѣдователей изувѣрныхъ ученій, самая принадлежность къ коимъ наказуема въ уголовномъ порядкѣ". Совершенно ясно, такимъ образомъ, что изъ дѣйствія закона исключены не всѣ секты, которыя *епархіальнымъ начальствомъ* признаны или будутъ признаны *вредными для сыновъ православной церкви*, а только тѣ, ученіе которыхъ, какъ *изувѣрное*, преслѣдуется *уголовнымъ закономъ*. Подобныхъ сектъ весьма немного — а съ точки зрѣнія православнаго духовенства *вредны*, безъ сомнѣнія, *всѣ* секты, безъ всякихъ изъятій. Усвоить себѣ взглядъ черниговскаго губернскаго правленія, значило бы просто отмѣнить или свести на нѣтъ всю вторую часть правилъ 17-го октября, и вмѣстѣ съ ними—половину указа 17-го апрѣля. Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ простой ошибкой въ толкованіи закона, а съ прямымъ его нарушеніемъ, объясненіе которому можно найти только въ духѣ времени. Такимъ же нарушеніемъ слѣдуетъ признать повторяющееся до сихъ поръ въ административныхъ актахъ употребленіе слова: *расколъ*, изъятаго изъ оффиціальнаго языка указомъ 17-го апрѣля 1905-го года [1]).

Господство произвола не могло не притупить вниманіе общества къ безчисленнымъ и разнообразнымъ нарушеніямъ публичныхъ и частныхъ правъ. Конечно, они чувствуются и сознаются, но не оставляютъ замѣтнаго слѣда и забываются, повидимому, довольно скоро. Нельзя сказать того же самаго о закрытіи кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. О силѣ произведеннаго имъ впечатлѣнія можно судить по его продолжительности и по усердію оффиціозныхъ и полуоффиціозныхъ апологетовъ чрезвычайной мѣры. Объясненіе этому слѣдуетъ искать съ одной стороны въ характерѣ закрытаго учрежденія, съ другой—въ самомъ способѣ закрытія. Касса взаимопомощи—учрежденіе, по существу своему, страховое, создающее для своихъ участниковъ весьма важныя и цѣнныя гражданскія права. Производя, при наступленіи извѣстныхъ условій, опредѣленные платежи, каждый членъ кассы пріобрѣтаетъ увѣренность, что его семья, въ критическую минуту, не останется безъ необходимой матеріальной поддержки. Чтобы эта увѣренность осуществилась, необходимо, чтобы касса непрерывно продолжала свою дѣятельность. Средства для исполненія ея обязательствъ она черпаетъ не изъ процентовъ съ принадлежащаго ей капитала, а изъ новыхъ взносовъ, предполагающихъ существованіе кассы на прежнихъ началахъ. Ни въ одномъ благоустроенномъ государствѣ

---

[1]) См., напримѣръ, основанное на указѣ владимірскаго губернскаго правленія предписаніе покровскаго уѣзднаго исправника, напечатанное въ № 222 „Рѣчи".

такое учрежденіе не могло бы быть закрыто внезапно, безъ слѣдствія, безъ суда, даже безъ истребованія объясненій. Представимъ себѣ, что кто-нибудь изъ членовъ кассы скончался бы въ промежутокъ времени между распоряженіемъ о закрытіи кассы и полученіемъ отвѣта на письмо, посланное предсѣдателемъ правленія кассы предсѣдателю совѣта министровъ; вѣдь семья покойнаго могла бы быть поставлена въ безвыходное положеніе, не получая той суммы, на которую она разсчитывала, которою были бы покрыты расходы на погребеніе и обезпечено существованіе въ первые, самые трудные мѣсяцы или недѣли. Разрѣшивъ отсрочку ликвидаціоннаго собранія и временное продолженіе обязательныхъ уплатъ, министерство признало, тѣмъ самымъ, всю поспѣшность и необдуманность своего первоначальнаго распоряженія. Ничего подобнаго бы не произошло, еслибы правленію кассы была дана возможность представить свои объясненія не послѣ, а до закрытія кассы. Такой образъ дѣйствій былъ бы не только единственнымъ правильнымъ, но и единственнымъ законнымъ. Если истребованіе объясненія отъ представителей общества обязательно, по закону, для губернскаго или городского по дѣламъ объ обществахъ присутствія, то столь же обязательно оно и для министра внутреннихъ дѣлъ, когда къ нему — въ виду существованія въ обществѣ отдѣленій — переходятъ полномочія, обычно принадлежащія присутствію.

Теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что обвиненія, которыя министерство внутреннихъ дѣлъ не нашло нужнымъ своевременно предъявить правленію кассы, оказались основанными на цѣломъ рядѣ недоразумѣній. Кассу взаимопомощи, при производствѣ негласнаго разслѣдованія, смѣшали съ литературнымъ фондомъ, Балмашева — съ его родителями; допущены были и другія ошибки. И съ этими ошибками никакъ не хочетъ разстаться реакціонная пресса, обвиняющая кассу и оправдывающая ея закрытіе. Когда всѣмъ стало извѣстно, что касса никакихъ пособій ни Балмашеву, ни даже его родителямъ не выдавала, „Россія“ преспокойно продолжаетъ повторять, прикрываясь словомъ: *говорятъ*, что Балмашевъ, бросившій бомбу въ министра Сипягина, заполучилъ стипендію изъ кассы. То же самое, съ нѣсколько большею осторожностью, дѣлаютъ „Московскія Вѣдомости“. Въ передовой статьѣ (№ 185) онѣ „отстраняются отъ разбирательства подозрѣній правительства противъ кассы“—а въ фельетонѣ того же номера опять допускаютъ варіаціи на тему о выдачѣ пособія Балмашеву, разсчитывая, повидимому, на то, что... il en restera toujours quelque chose.

Установленнымъ, въ настоящее время, можетъ считаться тотъ фактъ, что особою коммиссіею, образованною при кассѣ, выдано нѣсколько пособій лицамъ, привлекавшимся къ судебной или админи-

стративной отвѣтственности по мотивамъ политическаго свойства. Что самое образованіе коммиссіи не было со стороны общаго собранія членовъ кассы нарушеніемъ устава или превышеніемъ власти — это неопровержимо доказано въ письмѣ секретаря правленія кассы, получившемъ широкую гласность: уставъ кассы дополненъ еще въ 1903 г., съ согласія министра народнаго просвѣщенія, разрѣшеніемъ образовать, для цѣлей взаимопомощи, спеціальные капиталы. Остается, затѣмъ, только вопросъ о томъ, какъ смотрѣть на выдачу пособій лицамъ, преданнымъ суду за политическіе проступки или признаваемымъ политически-неблагонадежными. Для отвѣта на этотъ вопросъ мы воспользуемся данными, оглашенными, съ совершенно другою цѣлью, реакціонною прессой. Къ гоненію на кассу присоединилась, какъ и слѣдовало ожидать, агитація противъ литературнаго фонда. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" напечатано и въ „Россіи" поспѣшно перепечатано письмо нѣкоего г. Н. Емельянова, повѣствующее о томъ, какъ М. О. Марксу, сосланному въ Сибирь по дѣлу Каракозова, литературный фондъ, не смотря на крайнюю незначительность его трудовъ, назначилъ пенсію, послѣ его смерти сохраненную за его дочерью. Что же, однако, это доказываетъ? Только то, что даже въ до-конституціонное время политическая судимость не разсматривалась правительствомъ какъ препятствіе къ полученію пособій изъ благотворительныхъ учрежденій. Вѣдь отчеты о дѣятельности литературнаго фонда, *со всѣми именами*, представлялись и представляются ежегодно министерству народнаго просвѣщенія—и оно, зная о выдачахъ Марксу, не только не возбуждало вопроса о какихъ-либо репрессіяхъ по отношенію къ фонду, но въ теченіе долгаго ряда лѣтъ вносило въ свою смѣту 1.000 рублей на усиленіе средствъ фонда. И мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что случай съ Марксомъ далеко не былъ единственнымъ въ своемъ родѣ. Прежде, очевидно, понимали, что прикосновенность къ политическому дѣлу не ставитъ внѣ закона, не влечетъ за собою interdictio aquae et ignis, не лишаетъ права на состраданіе, на помощь въ бѣдствіи. Неужели теперь утрачено сознаніе этой простой истины?..

Общественное мнѣніе стараются успокоить обѣщаніемъ, что касса взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ будетъ вновь открыта, съ измѣненіемъ ея устава въ смыслѣ усиленія административнаго контроля и съ исключеніемъ изъ числа ея членовъ всѣхъ сколько-нибудь прикосновенныхъ къ инкриминируемымъ выдачамъ. Что значитъ послѣднее условіе — объ этомъ можно судить по той рѣшительности, съ которою высказалось противъ него „Новое Время", стоящее внѣ всякихъ подозрѣній въ систематической оппозиціи правительству. И дѣйствительно, трудно ожидать, чтобы въ средѣ членовъ кассы на-

шлись охотники строить новое зданіе на развалинахъ стараго. Нельзя забывать, что каждый членъ кассы имѣетъ *пріобрѣтенное право* и что возможность осуществленія этого права обусловливается дальнѣйшей принадлежностью къ кассѣ, дальнѣйшимъ производствомъ обязательныхъ взносовъ. Нельзя забывать также, что учрежденіе, которому не чуждо чувство собственнаго достоинства и нравственнаго долга, не можетъ выбросить за бортъ именно тѣхъ, кто всего больше поработалъ на его пользу. Сколько труда, безвозмезднаго, мало замѣтнаго, не приносящаго ни почестей, ни выгодъ, требуетъ участіе въ управленіи такими учрежденіями, какъ касса взаимопомощи или литературный фондъ—это знаетъ всякій, кто стоялъ или подходилъ къ нимъ сколько-нибудь близко. Недовольные есть во всякомъ дѣлѣ; отъ ихъ жалобъ, навѣтовъ, подозрѣній немало приходится терпѣть самымъ безукоризненнымъ общественнымъ дѣятелямъ. Положеніе послѣднихъ стало бы слишкомъ тяжелымъ, прямо невыносимымъ, еслибы къ прежнему источнику непріятностей и тревогъ прибавился новый, въ видѣ привлеченія къ отвѣтственности за мнимыя преступленія.

Литературный фондъ нерѣдко обвиняли въ пристрастіи, вызываемомъ партійностью—и каждый разъ эти обвиненія опровергались рядомъ безспорныхъ фактовъ. Однородныя обвиненія начинаютъ выдвигаться и противъ кассы взаимопомощи. Чтобы убѣдиться въ ихъ несостоятельности, достаточно прочесть письмо г. Вл. Гиляровскаго, напечатанное въ № 185 „Русскихъ Вѣдомостей". Мы узнаемъ изъ него, что не дальше, какъ въ этомъ году, подлежалъ исключенію, за невзносомъ сорока-пяти срочныхъ взносовъ, сотрудникъ „Московскихъ Вѣдомостей" Н. А. Б—въ. Московское отдѣленіе кассы, зная о его болѣзненномъ и бѣдственномъ положеніи, не только воздержалось отъ принятія этой мѣры, но собрало, по подпискѣ между членами кассы, сумму, достаточную для покрытія недоимки—и когда Н. А. Б—въ, два мѣсяца спустя, умеръ, его семья получила изъ кассы всю причитавшуюся на ея долю сумму.

Двадцать восемь лѣтъ тому назадъ мы имѣли случай коснуться на этомъ мѣстѣ вопроса о возможности клерикализма на русской почвѣ [1]). Ее отрицалъ тогда, въ „Руси", И. С. Аксаковъ, утверждая, что клерикализмъ существуетъ только „въ западно-католическомъ мірѣ", и опредѣляя его какъ „вторженіе властолюбиваго латинскаго духовенства въ сферу государственной и общественной жизни". Мы

[1]) См. внутреннее обозрѣніе въ №№ 6 и 9 „Вѣстника Европы" за 1881-ый годъ.

находили, что это опредѣленіе требуетъ дополненія и поправки, и называли клерикализмъ „вторженіемъ церковнаго, конфессіональнаго элемента въ государственную, общественную или умственную жизнь, съ цѣлью подчинить ее дѣйствію неподвижныхъ, не подлежащихъ критикѣ началъ, заимствуемыхъ изъ спеціальной сферы и только въ ней имѣющихъ право на существованіе". „Понимаемый такимъ образомъ"—говорили мы дальше,—„т.-е. понимаемый согласно съ указаніями исторіи, клерикализмъ не только возможенъ, но почти неизбѣженъ вездѣ, гдѣ существуетъ сильно организованная церковь, господствовавшая въ прошедшемъ или господствующая въ настоящемъ. Духовная цензура, не ограничивающаяся произведеніями спеціально-церковнаго содержанія; духовный судъ по дѣламъ не спеціально-церковнымъ; преслѣдованіе церковью, совмѣстно съ свѣтскою властью, отпаденій или уклоненій отъ церковнаго ученія; преобладающее положеніе духовенства въ народной школѣ—все это или продукты клерикализма, или его основы. Въ этомъ смыслѣ говорить о русскомъ клерикализмѣ не только можно, но и необходимо, чтобы понять настоящее положеніе вопроса и предвидѣть вѣроятныя усложненія его въ будущемъ".

Теперь, думается намъ, возможенъ споръ только о словѣ, а не о существѣ дѣла. Можно находить, что терминъ, образовавшійся на Западѣ, не долженъ быть примѣняемъ къ русской жизни—но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что у насъ имѣется на лицо реальное его содержаніе. Типъ русскаго клерикала сложился уже давно: въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія воплощеніемъ его служили Магницкій и архимандритъ Фотій, въ пятидесятыхъ—кн. Ширинскій-Шихматовъ (министръ народнаго просвѣщенія), на нашихъ глазахъ—К. П. Побѣдоносцевъ. Воинствующимъ этотъ типъ былъ всегда, но власть, въ большинствѣ случаевъ, давалась ему безъ борьбы. Менѣе замѣтно, поэтому, чѣмъ на Западѣ, было у насъ стремленіе клерикализма къ господству въ государственной жизни. Ярко и рѣзко оно выступило на сцену, какъ только произошло обновленіе русскаго государственнаго строя. Его ближайшая цѣль — сохранить или возвратить всѣ позиціи, обезпечивающія за духовенствомъ преобладающее вліяніе на ходъ событій. Главныхъ своихъ вождей движеніе нашло въ средѣ высшаго духовенства. Союзниками его являются правыя партіи, орудіями, насколько оно дѣйствуетъ открыто—разнаго рода съѣзды. Въ прошедшемъ году обратилъ на себя общее вниманіе кіевскій миссіонерскій съѣздъ, въ нынѣшнемъ году—виленскій съѣздъ православныхъ братствъ, постановившій ходатайствовать объ изъятіи вѣроисповѣдныхъ вопросовъ, касающихся православія, изъ вѣдѣнія Государственной Думы. Касается православія, съ клерикальной точки

зрѣнія, все входящее въ область свободы совѣсти, все облегчающее выходъ изъ православной церкви, все обезпечивающее самостоятельность инославныхъ исповѣданій, все ограждающее права старообрядцевъ и сектантовъ. Имѣется въ виду, слѣдовательно, не только остановить дальнѣйшее развитіе началъ, положенныхъ въ основу указа 17-го апрѣля, но и взять назадъ все созданное этимъ указомъ... Не менѣе характерны другія постановленія виленскаго съѣзда. Вотъ одно изъ нихъ, съ перваго взгляда кажущееся невиннымъ, но на самомъ дѣлѣ чреватое опасными послѣдствіями: „въ тѣхъ приходахъ, гдѣ существуютъ братства, приходскихъ совѣтовъ не учреждать". Это значитъ, во-первыхъ, смѣшивать учрежденія двухъ различныхъ типовъ: частныя, добровольныя, какими являются или по крайней мѣрѣ должны являться братства—и оффиціальныя, призванныя къ завѣдыванію цѣлымъ рядомъ общественныхъ дѣлъ—какими должны быть приходскіе совѣты. Это значитъ, во-вторыхъ, замѣнять цѣлое—частью, можетъ-быть даже не особенно большою, совокупность прихожанъ—корпораціею, состоящею изъ членовъ братства. И московская газета, восхищающаяся дѣятельностью съѣзда, рѣшается утверждать, что „этимъ путемъ совмѣщаются и свобода, и самостоятельность, и полнота церковная"! Если и можетъ быть рѣчь о свободѣ и самостоятельности учрежденій, тѣсно связанныхъ съ духовенствомъ, то это будетъ, во всякомъ случаѣ, свобода и самостоятельность однихъ, купленная цѣною угнетенія другихъ... Братствамъ придается, очевидно, боевой характеръ. „Населеніе западныхъ губерній" — читаемъ мы въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" — „начало приходить къ выводу, что ему приходится надѣяться только на самого себя. Такого пессимистическаго вывода нельзя допустить укореняться въ государствѣ, не утратившемъ *русской* (курсивъ въ подлинникѣ) верховной власти... Правительственная политика слишкомъ часто держитъ нейтралитетъ... Система нейтралитета недопустима въ національномъ государствѣ... Воскресшая самодѣятельность западной Руси показала, что русскій народъ можетъ и самъ постоять за себя". Косвенныя угрозы чередуются здѣсь съ обычнымъ для клерикаловъ призывомъ къ „свѣтской рукѣ". Народная самодѣятельность служитъ пугаломъ, съ помощью котораго можетъ быть приведена въ движеніе правительственная власть. А въ какомъ направленіи должно совершиться это движеніе—видно, между прочимъ, изъ указанія на сосредоточеніе торговли западнаго края—въ еврейскихъ, землевладѣнія—въ польскихъ рукахъ. Нарушеніе „нейтралитета" должно, значитъ выразиться въ возобновленіи или обостреніи стѣснительныхъ мѣръ по отношенію къ иновѣрцамъ и инородцамъ...

Недавно состоялось распоряженіе учебнаго начальства, основанное на опредѣленіи св. синода и клонящееся къ недопущенію среди уча-

щихся свѣтскихъ развлеченій наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Прочитавъ о немъ въ газетахъ, мы перенеслись мыслью въ давно минувшее время. 21-го сентября 1881-го года было постановлено, по докладу оберъ-прокурора св. синода (К. П. Побѣдоносцева), возстановить въ прежней силѣ дѣйствіе ст. 155 уст. о предупр. и прес. преступленій, т.-е. воспретить спектакли и публичныя зрѣлища наканунѣ воскресныхъ дней, двунадесятыхъ праздниковъ и дня усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, 23, 24 и 25 декабря, въ теченіе всего великаго поста и пасхальной недѣли. Усматривая въ этой мѣрѣ—и, какъ оказалось впослѣдствіи, не безъ основанія—признакъ наступленія реакціи, мы выразили (въ январьскомъ внутреннемъ обозрѣніи 1882-го года) сожалѣніе о томъ, что отъ столь незначительнаго средства ожидались, по видимому, значительные результаты. Въ стремленіи къ поднятію народной нравственности, къ усиленію религіознаго чувства путемъ регламентаціи мы видѣли „такую вѣру въ наружныя лекарства, которая трудно совмѣстима съ правильнымъ внутреннимъ леченьемъ"; мы находили, что „въ области церковной, какъ и во всѣхъ другихъ, Россія страдаетъ скорѣе отъ избытка, чѣмъ отъ недостатка предписаній и запрещеній". То же самое приходится повторить и теперь. Прискорбна не только устойчивость системы, абсолютная негодность которой давно доказана опытомъ: прискорбно и тревожно симптоматическое значеніе факта, который самъ по себѣ не заслуживалъ бы особаго вниманія. Неужели намъ вновь суждено видѣть торжество теченія, первые признаки котораго мы намѣчали четверть вѣка тому назадъ?... Что между руководящими представителями духовенства сильно развито стремленіе дѣйствовать, въ области вѣры, „предписаніями и запрещеніями"—это показалъ еще недавно законоучительскій съѣздъ, высказавшись за *обязательное* посѣщеніе учащимися богослуженія [1]); но отсюда еще не слѣдуетъ, что въ томъ же смыслѣ должна и можетъ дѣйствовать правительственная власть. Пока взоры церковной іерархіи устремлены не впередъ, а назадъ, до тѣхъ поръ нежелателенъ и созывъ церковнаго собора, на который еще недавно возлагала свои надежды наиболѣе просвѣщенная часть вѣрующихъ и духовенства. Составленный по образцу, рекомендуемому епископомъ Никономъ, онъ могъ бы только повторить, съ бо́льшимъ притязаніемъ на авторитетность, постановленія новѣйшихъ церковныхъ съѣздовъ.

Если въ постановленіяхъ законоучительскаго съѣзда трудно найти что-нибудь кромѣ повторенія старыхъ, безжизненныхъ положеній, то не лучше и поправки, предлагаемыя свѣтскими ревнителями духовнаго

---

[1]) Въ постановленіи съѣзда сдѣлана оговорка: „безъ внѣшнихъ средствъ понужденія"—но *обязательность*, въ подобныхъ случаяхъ, едва ли мыслима безъ *понудительности*.

просвѣщенія. Рекордъ, въ этомъ отношеніи, побила статья „Новаго Времени“ (№ 11990), рекомендующая изученіе *наизусть* всего Евангелія, и еще отрывковъ изъ Библіи—изученіе, которое можетъ быть окончено „въ первые два года школы“. Не говоримъ уже о чрезвычайномъ, не всѣмъ доступномъ усиліи памяти, необходимомъ для достиженія этой цѣли; насъ возмущаетъ мысль о принужденіи, безъ котораго, очевидно, не обошлось бы поставленное такимъ образомъ дѣло. На сколько желательно добровольное чтеніе Евангелія—чтеніе его не только въ стѣнахъ школы, но и за ея стѣнами,—на столько нежелательно задалбливанье, по приказу, его текста. Во многихъ случаяхъ это неизбѣжно отвратило бы отъ позднѣйшаго обращенія къ нему, помѣшало бы читать и перечитывать его именно тогда, когда, сознательно усвоенное, оно могло бы оказать наибольшее вліяніе на жизнь. Напрасно было бы думать, что заученныя въ дѣтствѣ слова навсегда запечатлѣются въ памяти. Прочный слѣдъ оставляетъ въ ней только то, что воспринято съ пониманіемъ и охотой... Условія, въ которыхъ мы живемъ, не допускаютъ, притомъ, возвращенія къ тому времени, когда изъ устъ въ уста передавались, еще не записанныя, цѣлыя поэмы Гомера. Измѣнились, съ изобрѣтеніемъ письма и въ особенности печати, самыя функціи памяти; неизмѣримо увеличилась область ея примѣненія, обновились, согласно съ этимъ, методы и пріемы преподаванія. Попытки идти противъ теченія были бы только смѣшны, еслибы не то упорство, съ которымъ многое отжившее поддерживается въ оффиціальной школѣ—и въ услужливо-оригинальничающей печати.

КУЛЬТУРНО-НАЦІОНАЛЬНОЕ ДѢЛО

(Домъ-Музей имени Л. Н. Толстого въ Петербургѣ.)

Предъ русскимъ обществомъ стоитъ въ настоящее время очень большая культурно-просвѣтительная задача, разрѣшить которую вполнѣ зависитъ отъ него самого, отъ его способности къ созидательной работѣ, отъ его энергіи.

Мы говоримъ о дѣлѣ, основанія которому уже заложены, но довести которое до его достойнаго завершенія возможно, конечно, лишь при дружной и энергической работѣ всего русскаго общества.

Мы говоримъ о начинаніи, которое граждане всякой культурной

европейской страны сочли бы, безъ сомнѣнія, своимъ кровнымъ, своимъ *національнымъ* дѣломъ.

Мы говоримъ о созданіи живого памятника русскому генію, тому, къ счастью, еще живущему среди насъ великому человѣку, къ которому такъ часто обращаются взоры всего цивилизованнаго міра.

Мы говоримъ о Домѣ-Музеѣ имени Л. Н. Толстого въ Петербургѣ.

Весною текущаго года утверждено образовавшееся для этой цѣли особое Общество, заявившее уже себя устройствомъ Толстовской выставки. Но главныя работы Общества должны начаться въ настоящее время, и въ работахъ этихъ ему, конечно, необходима самая широкая поддержка.

Позволимъ себѣ напомнить вкратцѣ исторію этого начинанія.

Идея Толстовскаго музея возникла еще весною прошлаго года, въ связи съ предстоявшимъ тогда такимъ событіемъ, какъ восьмидесятилѣтіе Л. Н. Толстого. Въ цѣляхъ чествованія этого событія быстро возникъ особый „комитетъ почина". Работы комитета пошли весьма успѣшно: завязаны были связи съ провинціей, образовался для той же цѣли спеціальный комитетъ въ Москвѣ. М. А. Стаховичъ отправился за границу и вошелъ въ сношенія съ выдающимися дѣятелями литературы въ Парижѣ, Берлинѣ и Лондонѣ, гдѣ, благодаря этому, также организовались особые комитеты по чествованію Толстого. Періодическая печать Петербурга живо откликнулась на это начинаніе. Было устроено собраніе представителей двадцати семи органовъ печати, избравшее въ комитетъ почина нѣсколькихъ делегатовъ.

Но въ самомъ разгарѣ этихъ работъ отъ Л. Н. Толстого было получено на имя М. А. Стаховича письмо, въ которомъ онъ просилъ безусловно прекратить всякія приготовленія къ его чествованію.

Письмо это было доложено на собраніи комитета, который не счелъ себя въ правѣ идти противъ категорически выраженнаго желанія Л. Н. Толстого и единогласно постановилъ прекратить всякія приготовленія къ чествованію юбиляра. Но комитетъ тутъ же подчеркнулъ разницу между *чествованіемъ* юбилея и его *ознаменованіемъ* тѣмъ или инымъ общественнымъ актомъ. Въ этихъ цѣляхъ комитетъ постановилъ выработать и представить на утвержденіе проектъ *Общества имени Л. Н. Толстого*. Это и было исполнено членами комитета К. К. Арсеньевымъ, М. М. Ковалевскимъ и М. А. Стаховичемъ.

Послѣ самоупраздненія комитета почина снова состоялось собраніе представителей періодической печати, которое стало на ту же точку зрѣнія, т.-е. провело различіе между понятіями „чествованія" и „ознаменованія" предстоявшаго юбилея, и постановило вопросъ о формѣ такого ознаменованія передать на разсмотрѣніе всероссійскаго съѣзда писателей, о созывѣ котораго и было возбуждено ходатайство.

Съѣздъ состоялся въ Петербургѣ 20—24 іюня прошлаго года.

Пишущій эти строки представилъ съѣзду докладъ подъ названіемъ: „Литературный Домъ-Музей имени Л. Н. Толстого въ Петербургѣ". Докладчикъ настаивалъ на томъ, что созданіе именно такого учрежденія явилось бы лучшей формой ознаменованія юбилея великаго писателя. Послѣ продолжительныхъ преній съѣздъ согласился съ докладчикомъ и выразилъ пожеланіе, чтобы въ будущемъ Домѣ-Музеѣ Толстого были созданы „и другія культурно-просвѣтительныя учрежденія, какъ для изученія произведеній великаго писателя, такъ и для ознакомленія съ ними широкихъ слоевъ населенія". Для осуществленія этихъ предположеній съѣздъ постановилъ „открыть повсемѣстный сборъ съ тѣмъ, чтобы собранныя суммы были централизованы въ рукахъ Общества имени Л. Н. Толстого, а до его утвержденія—въ рукахъ имѣющаго быть избраннымъ на съѣздѣ комитета".

Комитетъ этотъ былъ избранъ для осуществленія трехъ цѣлей: 1) созыва слѣдующаго съѣзда; 2) изданія толстовскаго сборника и 3) разработки проекта всероссійской профессіональной организаціи писателей.

Въ комитетъ было избрано съѣздомъ девять лицъ и постановлено просить Литературный Фондъ, Кассу взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ и Петербургское Литературное Общество избрать въ комитетъ съ своей стороны по одному представителю. Комитету предоставлено было право усилить еще свой составъ путемъ кооптаціи, но не болѣе чѣмъ тремя писателями. Такимъ образомъ составъ комитета опредѣлился въ 15 человѣкъ.

Въ него вошли: К. В. Аркадакскій, В. Я. Богучарскій, В. В. Водовозовъ, Г. К. Градовскій, М. М. Ковалевскій, В. Г. Короленко, П. Н. Милюковъ, М. А. Стаховичъ и М. М. Федоровъ. Отъ Литературнаго Фонда въ комитетъ былъ избранъ С. А. Венгеровъ, отъ Кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ—Л. З. Слонимскій и отъ Петербургскаго Литературнаго Общества—Ѳ. Д. Батюшковъ. Путемъ кооптаціи избраны Л. Н. Андреевъ, Д. С. Мережковскій и Г. В. Плехановъ.

Этотъ комитетъ сталъ, въ силу постановленія съѣзда, и *Временнымъ Комитетомъ по устройству Дома-Музея имени Л. Н. Толстого въ Петербургѣ.*

Начались его работы. Комитетъ напечаталъ въ газетахъ рядъ воззваній о сборахъ пожертвованій на музей Толстого деньгами и предметами, имѣющими значеніе для будущаго музея, просилъ о высылкѣ по адресу журнала „Минувшіе Годы" всѣхъ газетъ и журналовъ съ юбилейными статьями о Толстомъ, отпечаталъ на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ воззванія о высылкѣ такихъ же

изданій иностранныхъ, разослалъ эти воззванія во многія европейскія газеты, гдѣ они и были напечатаны, вступилъ въ переписку по дѣлу объ устройствѣ музея со многими лицами и т. д.

Въ отвѣтъ на воззванія въ комитетъ поступило весьма значительное количество книгъ, газетъ, журналовъ, брошюръ и листковъ со статьями о Толстомъ на языкахъ русскомъ, малорусскомъ, польскомъ, финскомъ, шведскомъ, эстонскомъ, латышскомъ, еврейскомъ, татарскомъ, грузинскомъ, армянскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, итальянскомъ, голландскомъ, венгерскомъ, чешскомъ и другихъ. Изданія присылались не только изъ Европы, но изъ Америки, изъ Китая и съ острова Цейлона. Кромѣ произведеній печати, присылались также для будущаго музея портреты Толстого, его рукописи, письма, автографы, скульптурныя изображенія, альбомы, стереоскопы, картины и т. д. Денежныхъ пожертвованій поступило въ комитетъ всего около 3.000 рублей, но достойно вниманія, что за самыми незначительными исключеніями (одно пожертвованіе въ 300 р. и два коллективныхъ пожертвованія на сумму свыше 100 р. каждое) сумма эта составилась изъ самыхъ мелкихъ приношеній, начиная *отъ трехъ копѣекъ*. То были, дѣйствительно, пожертвованія народной, демократической Россіи. Тутъ были рабочіе переплетнаго отдѣленія типографіи „Якорь" (1 р. 75 к.), рабочіе Путиловскаго завода (4 р. 71 к.), служащіе Пашійскаго завода (1 р. 20 к.), конторщики Охтенскаго завода (2 р. 55 к.), служащіе на Китайско-Восточной жел. дорогѣ (12 р. 55 к.), рабочіе типографіи Ныркина (2 р. 60 к.), мастеровые и рабочіе литейнаго завода Коншина въ Серпуховѣ (1 р. 35 к.), служащіе общественной лавки Невскаго судостроительнаго механическаго завода (6 р. 25 к.), служащіе Ижорскаго завода (3 р.), рабочіе фабрики бр. Леонтьевыхъ (9 р. 55 к.), фармацевты изъ Двинска (2 р. 30 к.), группа служащихъ парохода „Москва" (1 р. 65 к.), статистики тяги Сибирской жел. дор. (6 р. 25 к.), служащіе товарищества Кузнецова въ Ригѣ (8 р. 1 к.), крестьяне деревни Зараменія Вятской губ. (2 р. 70 к.), 171 рабочій Смоленскихъ вечернихъ воскресныхъ курсовъ (9 р. 4 к.), рабочіе Нарвскихъ вечернихъ курсовъ (4 р. 20 к.), бывшій церковный староста Капитоновъ (3 р.), вѣрующій православный (20 к.), черниговскій крестьянинъ (12 к.), омскіе телеграфные чиновники (17 р.), политическіе ссыльные Чердынскаго уѣзда (3 р.), бѣднякъ (5 к.), учителя, учительницы, врачи, фельдшера, студенты, курсистки, и т. д., и т. д.

Все это не могло не свидѣтельствовать не о популярности только Толстого, а именно о горячей симпатіи къ нему со стороны наиболѣе демократическихъ слоевъ населенія Россіи, о готовности ихъ откли-

кнуться своими посильными лептами на дѣло созданія учрежденія, достойнаго имени великаго русскаго человѣка.

Между тѣмъ дѣло съ утвержденіемъ Толстовскаго Общества встрѣтило большія затрудненія. Администрація потребовала согласія на возникновеніе Общества со стороны Л. Н. Толстого, и хотя учредителями и была представлена телеграмма графини С. А. Толстой, въ которой было сказано, что противъ существованія подобнаго Общества Левъ Николаевичъ ничего не имѣетъ, но это было признано недостаточнымъ и въ легализаціи Обществу было отказано. Тогда тѣми же тремя лицами—К. К. Арсеньевымъ, М. М. Ковалевскимъ и М. А. Стаховичемъ—снова было сдѣлано представленіе объ утвержденіи не Толстовскаго Общества, а *Общества для устройства Дома-Музея Толстого въ Петербургѣ*. Это Общество и было утверждено весною текущаго года.

Еще осенью прошлаго года избранный іюньскимъ съѣздомъ писателей комитетъ, соотвѣтственно вышеупомянутымъ четыремъ задачамъ, которыя возложилъ на него съѣздъ, разбился на четыре коммиссіи, предоставивъ каждой изъ нихъ право кооптаціи.

Изъ числа членовъ комитета въ составъ коммиссіи по устройству музея Толстого вошли Л. Н. Андреевъ, Ѳ. Д. Батюшковъ, В. Я. Богучарскій, В. Г. Короленко и М. А. Стаховичъ. Путемъ кооптаціи были затѣмъ приняты въ составъ коммиссіи К. И. Арабажинъ, П. И. Бирюковъ, В. Д. Бончъ-Бруевичъ, И. Я. Гинцбургъ, А. И. Купринъ, В. Я. Муриновъ, И. Е. Рѣпинъ, В. И. Срезневскій, А. А. Столыпинъ, гр. И. И. Толстой, А. М. Хирьяковъ и А. А. Шахматовъ.

Коммиссія поставила себѣ задачей усиленіе какъ пропаганды идеи музея Толстого въ обществѣ, такъ и привлеченіе въ фондъ музея новыхъ средствъ. Въ этихъ видахъ коммиссія вошла въ сношенія съ проживающими въ провинціи и за границей нѣкоторыми лицами и просила ихъ организовать въ мѣстахъ ихъ жительства группы для содѣйствія предпринятому коммиссіей дѣлу. Новыя связи съ этою же цѣлью коммиссія поручила завязывать К. И. Арабажину, который читалъ лекціи о Толстомъ во многихъ городахъ Россіи. Дѣло это, однако, окончательно не было оформлено по причинѣ затрудненій, встрѣчавшихся въ нѣкоторыхъ городахъ, вслѣдствіе отсутствія на организацію такихъ группъ разрѣшенія со стороны мѣстныхъ властей. Коммиссія рѣшила, поэтому, поставить дѣло организаціи подобныхъ группъ на болѣе твердую почву уже послѣ того, какъ Общество для устройства музея Толстого будетъ утверждено.

Въ цѣляхъ усиленія фонда для созданія музея коммиссія думала устроить въ дворянскомъ собраніи большой вечеръ, съ привлеченіемъ къ участію въ немъ выдающихся артистическихъ, художественныхъ

и литературныхъ силъ. Мысль эта была встрѣчена въ литературно-артистическихъ кругахъ съ большимъ сочувствіемъ. Ф. И. Шаляпинъ выразилъ полную готовность пѣть на этомъ вечерѣ. Другіе артисты тоже обѣщали свое содѣйствіе. Вечеръ, тѣмъ не менѣе, не состоялся, по причинѣ воспрещенія артистамъ императорскихъ театровъ, подъ угрозою большихъ штрафовъ, выступать на частныхъ вечерахъ во время театральнаго сезона.

Тогда возникла идея устроить „Толстовскую" выставку, что и было осуществлено въ мартѣ — апрѣлѣ текущаго года. Городской голова Н. А. Рѣзцовъ любезно предложилъ коммиссіи воспользоваться для выставки помѣщеніемъ городской думы, но встрѣтились нѣкоторыя затрудненія техническаго характера, и коммиссія вошла въ переговоры объ устройствѣ выставки съ дирекціей театральнаго клуба въ его помѣщеніи, на Литейномъ проспектѣ, въ домѣ князя Юсупова. Просьба коммиссіи была встрѣчена дирекціей съ полнымъ сочувствіемъ и выставка была устроена въ театральномъ клубѣ.

Кромѣ значительнаго количества частныхъ экспонентовъ, на выставкѣ экспонировали имѣющіеся у нихъ „толстовскіе" предметы Академія Наукъ и Императорская Публичная Библіотека.

Выставку посѣтило свыше 5.000 человѣкъ, въ томъ числѣ имѣлъ мѣсто, по удешевленнымъ цѣнамъ и съ поясненіемъ экспонатовъ спеціально приглашенными для того лицами, цѣлый рядъ групповыхъ посѣщеній рабочими и учащимися въ городскихъ школахъ. Расходы по устройству выставки были покрыты вполнѣ и сверхъ того въ фондъ для устройства музея поступило съ выставки около 700 рублей. Поступило также значительное количество разныхъ предметовъ для будущаго музея, принесенныхъ въ даръ преимущественно экспонентами.

По окончаніи выставки коммиссія была закрыта, такъ какъ всѣ ея обязанности и дѣла, равно какъ и ея имущество, поступили въ вѣдѣніе окончательно образовавшагося Общества для устройства Дома-Музея имени Л. Н. Толстого въ Петербургѣ.

Предсѣдателемъ Общества избранъ М. М. Ковалевскій, вице-предсѣдателями—В. Г. Короленко и М. А. Стаховичъ, секретаремъ—В. Я. Богучарскій, казначеемъ—С. А. Венгеровъ, членами совѣта — В. Д. Бончъ-Бруевичъ, А. И. Браудо, И. Я. Гинцбургъ, Л. П. Купріянова, В. Я. Муриновъ, В. И. Срезневскій и А. М. Хирьяковъ. Кандидатами: К. И. Арабажинъ, Ѳ. Д. Батюшковъ, Е. Д. Кускова, В. Д. Набоковъ и кн. А. И. Сумбатовъ-Южинъ. Пожизненные члены (внесшіе въ Общество не менѣе 100 рублей): О. С. Гейнсъ, Н. В. Мѣшковъ, С. А. Стаховичъ, И. И. Янжулъ и Максимъ Горькій.

Дѣйствительные члены: Л. Н. Андреевъ, К. В. Аркадакскій, К. К. Арсеньевъ, Н. П. Ашешовъ, В. А. Бичъ, П. И. Бирюковъ, Л. Б. Бер-

тенсонъ, В. В. Водовозовъ, А. Н. Веселовскій, А. В. Васильевъ, Г. К. Градовскій, П. С. Гукасовъ, кн. Л. С. Голицынъ, И. Н. Ефремовъ, М. А. Коломянкина, Н. А. Котляревскій, В. П. Литвиновъ-Фалинскій, М. М. Могилянскій, В. А. Маклаковъ, Вл. И. Немировичъ-Данченко, Э. А. Нобель, С. Н. Прокоповичъ, Л. Ф. Пантелѣевъ, В. А. де-Плансонъ, М. А. Потоцкая, гр. Г. Р. Потоцкій, Т. А. Полынова (Щепкина-Куперникъ), Н. Б. Полыновъ, М. А. Рыдзевская, И. Е. Рѣпинъ, П. Е. Рейнботъ, Н. А. Рѣзцовъ, Е. П. Семеновъ, Л. З. Слонимскій, А. А. Стаховичъ, К. С. Станиславскій, гр. А. П. Толстой, кн. П. Н. Трубецкой, М. М. Федоровъ, Л. М. Чистякова, А. А. Шахматовъ, Н. Д. Шубинъ-Поздѣевъ и Е. Н. Янжулъ.

Членскій взносъ опредѣленъ въ первый годъ—10 р., въ послѣдующіе—5 р.

Пожертвованія принимаются у всѣхъ членовъ Общества, а также въ Петербургѣ—въ редакціяхъ журналовъ „Русское Богатство" (Баскова ул., 9), „Современный Міръ" (Надеждинская, 41) и „Вѣстникъ Европы" (Моховая, 32) и газетъ „Рѣчь" и „Современное Слово" (обѣ—ул. Жуковскаго, 21); въ Москвѣ—въ редакціяхъ газеты „Русскія Вѣдомости" (Чернышевскій пер., соб. д.) и журнала „Русская Мысль" (Ваганьковскій пер., д. Куманина). Всякаго рода корреспонденцію просятъ направлять по адресу: *Петербургъ, Императорское Вольное Экономическое Общество (уголъ Забалканскаго проспекта и 4-й роты). Для музея Толстого.*

Вотъ все, что̀ пока сдѣлано для созданія въ Россіи имѣющаго такое огромное культурно-просвѣтительное значеніе учрежденія, какъ Домъ-Музей имени Л. Н. Толстого.

Сдѣлано, конечно, еще очень и очень немного: создано для этой цѣли Общество, располагающее въ настоящее время капиталомъ всего въ четыре тысячи рублей и нѣсколькими стами предметовъ для музея. Это—капля въ морѣ сравнительно съ тѣмъ, что̀ еще предстоитъ сдѣлать. Необходимо, конечно, построить свой *Домъ*, а до того времени, когда для созданія такого Дома найдутся средства, необходимо имѣть хотя бы временное помѣщеніе, гдѣ бы находились уже собранные Обществомъ предметы для будущаго музея и „Толстовская" библіотека. Этимъ дѣло было бы поставлено на вполнѣ прочную почву и данъ былъ бы импульсъ для дальнѣйшей пропаганды идеи Дома-Музея Толстого, съ аудиторіями для народныхъ чтеній, залами для собраній и т. д. Найдутся ли въ Петербургѣ лица или учрежденія, которыя предоставили бы помѣщеніе для устройства въ немъ хотя бы временнаго музея? Найдутся ли и вообще средства для осуществленія идеи Толстовскаго музея? Конечно, будь Толстой американецъ, англичанинъ или французъ—не могло бы даже и возникать подобнаго во-

проса. Тамъ, въ Америкѣ и Европѣ, считаютъ своимъ *національнымъ* долгомъ, дѣломъ чести создавать учрежденія, которыя свидѣтельствовали бы передъ всѣмъ міромъ о чувствѣ гордости народа, изъ нѣдръ котораго вышелъ тотъ или иной великій человѣкъ.

А у насъ? Будемъ надѣяться, что и у насъ, не взирая на всѣ тяжелыя условія, среди которыхъ течетъ наша жизнь, идея созданія всенароднаго учрежденія въ ознаменованіе восьмидесятилѣтія Толстого найдетъ горячую общественную поддержку. Тысячи разбросанныхъ по всей Россіи, принадлежащихъ къ наименѣе обезпеченнымъ слоямъ населенія, тружениковъ уже откликнулись своими посильными на это дѣло приношеніями. И это было въ то время, когда дѣло еще не было поставлено на вполнѣ твердую почву, когда уставъ Общества еще не былъ утвержденъ, когда приходилось дѣйствовать еще, такъ сказать, полулегально. Въ настоящее же время, когда утвержденный уставъ Общества даетъ полную возможность укрѣпить и развить начатое дѣло, когда, на основаніи этого устава, Общество имѣетъ право открывать повсемѣстно свои филіальныя отдѣленія и тѣмъ привлекать къ общей работѣ живыя силы въ провинціи, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что потокъ пожертвованій отъ демократической Россіи еще болѣе увеличится.

Но для быстраго успѣха дѣла этого, конечно, все-таки еще недостаточно. Было бы въ высшей степени желательно, чтобы дѣлу созданія Дома-Музея Толстого оказали свою помощь и состоятельныя частныя лица, и общественныя учрежденія, и клубы, и, быть можетъ, наша Государственная Дума, дабы дѣло это стало дѣйствительно дѣломъ *всенароднымъ*.

„Въ Англіи,—говорили мы въ прошломъ году на съѣздѣ писателей,—есть свой Шекспиръ, въ Германіи—Гёте, у насъ—Левъ Толстой. Англія и Германія создаютъ во имя своихъ духовныхъ — какъ когда-то говорилось и въ нашей литературѣ—„славъ“ самыя разнообразныя учрежденія; мы должны идти по этому же пути. Въ „увѣковѣченіи“ Левъ Толстой, конечно, не нуждается, — онъ вѣковѣченъ и безъ какихъ бы то ни было усилій съ нашей стороны,—но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы на русскомъ обществѣ не лежало *обязанности* увѣковѣчить за поколѣніями настоящими и грядущими тѣ духовныя богатства, которыя далъ міру геній Толстого. Увѣковѣчить же ихъ—значитъ прежде всего централизовать и систематизировать ихъ, создать учрежденіе, въ которомъ было бы собрано все написанное не только Толстымъ, но также и о немъ. А вѣдь это цѣлая обширная библіотека. Само собою разумѣется, что въ этомъ Домѣ-Музеѣ должны быть сосредоточены также портреты Толстого, его скульптурныя изображенія, рукописи его произведеній, письма, словомъ—все служа-

щее къ познанію жизни и дѣятельности великаго человѣка. Пройдутъ года, и этотъ музей можетъ развиться въ „*Музей Толстого и его эпохи*“, т.-е. сдѣлаться однимъ изъ центральнѣйшихъ учрежденій для познанія идейной исторіи Россіи за много десятковъ лѣтъ“.

Позволяя себѣ повторить и нынѣ эти же слова, мы закончимъ настоящую замѣтку пожеланіемъ, чтобы всѣ поклонники мощнаго генія Толстого пришли поскорѣе на помощь дѣлу созданія живого памятника гиганту русской литературы, ея славѣ и ея гордости, а слѣдовательно и славѣ и гордости всей нашей родины.

Это будетъ большимъ культурнымъ и въ то же время истинно *національнымъ* дѣломъ русской земли.

В. Богучарскій.

ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА

I.

Два процесса — дѣло индусскаго студента Мадаръ Лалъ Дингра, убившаго сэра Уильяма Керзона Уилли, и дѣло по поводу помѣщенія журналомъ „The Indian Sociologist“ „поносительныхъ, мятежныхъ пасквилей“ (такъ значится въ обвинительномъ актѣ)—вызвали здѣсь много толковъ, какъ въ печати, такъ и въ обществѣ. И когда я прислушиваюсь къ нимъ, мнѣ невольно приходятъ въ голову слѣдующія соображенія. Человѣку вообще очень трудно наблюдать совершенно обычное явленіе, происходящее постоянно на его глазахъ. Еще труднѣе найти причинную связь между двумя простыми явленіями. Самое же трудное—замѣтить, что одинъ и тотъ же результатъ получится всегда, покуда дѣйствуютъ опредѣленныя причины. Другими словами, человѣку страшно трудно убѣдиться, что дважды два всегда будетъ четыре, все равно, будутъ ли то большія цифры или маленькія, напишутъ ли ихъ черными чернилами или красными. Вмѣсто того, чтобы наблюдать явленіе и замѣтить причинную связь между двумя простыми фактами, гораздо легче придумать самую фантастическую гипотезу. Предо мною старинный англійскій переводъ написанной въ XVI в. знаменитой естественной исторіи Бартоломеуса (De Proprietatibus Rerum, translated into English by J. Trevisa), изъ которой двѣнадцать поколѣній черпали свое знакомство съ природой.

Бартоломеусъ приводитъ также наблюденія, сдѣланныя Альбертомъ Великимъ и другими средневѣковыми естествоиспытателями. И лучшимъ доказательствомъ для выставленнаго выше тезиса можетъ служить даже поверхностное знакомство съ книгой Бартоломеуса. Коза, напр., извѣстна человѣку съ незапамятныхъ временъ. Кажется, поэтому, онъ долженъ знать ее. Между тѣмъ Бартоломеусъ утверждаетъ, что коза вдыхаетъ воздухъ не ноздрями, какъ всѣ животныя, а ушами. „Теплая кровь козла смягчаетъ твердый адамантъ-камень, который не могутъ брать ни желѣзо, ни огонь... Коза околѣваетъ, когда лизнетъ хоть каплю меда... Нѣкоторыя козы имѣютъ между рогами отверстіе канала, идущаго прямо въ печень. И если заткнуть воскомъ это отверстіе, коза околѣетъ. Нѣтъ другого животнаго, которое слышало бы такъ хорошо, какъ коза, ибо органы слуха у нея также въ глоткѣ“ (Bartholomew, book XVIII, § 24). Лошадь тоже знакома человѣку очень давно. Между тѣмъ Бартоломеусъ убѣжденъ, что кузнечики порождаются изъ лошадиной мочи... Да, легче выдумать самую фантастическую гипотезу, чѣмъ продѣлать простой опытъ. Альбертъ Великій, цитируемый Бартоломеусомъ, утверждаетъ, напримѣръ, что губка впитываетъ только воду, но не вино. Если вино смѣшано съ водою, то стоитъ только погрузить губку въ смѣсь, чтобы отдѣлить одну жидкость отъ другой. И такъ далѣе.

То же явленіе, т.-е. удивительную неспособность человѣка наблюдать совершенно обычное, мы до сихъ поръ встрѣчаемъ въ сферѣ политической жизни общества. Подобно тому, какъ Бартоломеусъ объясняетъ зарожденіе пискарей разложеніемъ мозга быковъ, утонувшихъ въ рѣкѣ, многіе объясняютъ политическое явленіе, — напримѣръ, накопляющееся недовольство, — „интригой“ или „агитаціей“. У Гейне есть басня про Langohr I, который сулитъ „высокороднымъ осламъ“:

„Ich werd' euch meine Gunst erhalten,
Solang ihr derselben würdig seid.
Zahlt eure Steuern zur rechten Zeit,
Und wandelt stets der Tugend Bahn,
Wie weiland eure Väter gethan,
Die alten Esel“.

Langohr I, на всякій случай, напоминаетъ „высокороднымъ осламъ“ про дубы и про буки, растущіе у него въ лѣсахъ—

„Woraus man die schönsten Galgen zimmert“.

Высокородные ослы, какъ имъ и подобаетъ, выслушавъ рѣчь Долгоухаго I, восторженно кричатъ: „Es lebe der König! Hurra! Hurra!“ Въ дѣйствительной жизни „hochmögende Esel“ только восторженно кричатъ, но „Steuern“ платятъ другіе. И когда эти „другіе“ начи-

наютъ ворчать, происходитъ напоминаніе „про буки и дубы, растущіе въ лѣсахъ“... Въ англійской литературѣ уже лѣтъ семьдесятъ тому назадъ появился краснорѣчивый трактатъ о томъ, что путемъ угнетенія одной части гражданъ нельзя вселить въ нихъ патріотическія чувства. Нельзя ожидать отъ людей, у которыхъ отнимаютъ элементарныя права, чтобы они любили свою родину. Приведу здѣсь одну нестарѣющую выдержку. „Нѣтъ другого чувства, — говоритъ Маколей—которое вѣрнѣе развивалось бы въ сердцахъ людей, живущихъ подъ сколько-нибудь порядочнымъ правительствомъ, какъ чувство патріотизма. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ міръ, еще не было такой націи, или значительной части какой-нибудь націи, которая, не будучи жестоко угнетена, совершенно лишена была бы этого чувства. Принимать, слѣдовательно, за основаніе для обвиненія какого-нибудь класса людей недостатокъ въ нихъ патріотизма есть самая избитая уловка софистовъ. Это—логика волка относительно ягненка. Это все равно, что обвинять устье ручья въ отравленіи его источника... Еслибы, напримѣръ,—продолжаетъ Маколей—всѣ рыжеволосые люди въ Европѣ подвергались въ теченіе многихъ вѣковъ оскорбленіямъ и угнетеніямъ, были бы изгоняемы изъ одного мѣста, въ другомъ—подвергаемы заключенію; еслибы у нихъ отнимали деньги, вырывали зубы, обвиняли по самымъ слабымъ уликамъ въ самыхъ неправдоподобныхъ преступленіяхъ, привязывали къ конскимъ хвостамъ, вѣшали, пытали, сожигали живыми; еслибы и послѣ смягченія нравовъ люди эти продолжали подвергаться унизительнымъ стѣсненіямъ; еслибы повсюду они были устраняемы отъ общественныхъ должностей и почестей,—каковъ былъ бы патріотизмъ людей съ рыжими волосами?“

Англичане сдѣлали нѣсколько удивительныхъ опытовъ превращенія недовольныхъ, замышлявшихъ мятежъ, въ лойяльныхъ гражданъ. И каждый разъ опыты давали блестящіе результаты. Сперва опытъ былъ продѣланъ въ самой Англіи, потомъ въ Канадѣ, потомъ, въ самое послѣднее время—въ южной Африкѣ. Послѣ войны, закончившейся присоединеніемъ двухъ голландскихъ республикъ, въ Англіи было немало лицъ, проповѣдывавшихъ необходимость политики „державной народности“ въ южной Африкѣ. Эту политику и сталъ насаждать тамъ первый намѣстникъ, лордъ Мильнеръ. Для успѣха политики требовалось возстановить одну народность противъ другой. Требовалось отнестись пренебрежительно къ языку, обычаямъ, традиціямъ побѣжденныхъ. Все это было продѣлано. И когда среди бургеровъ началось броженіе, сторонники политики „державной народности“ объяснили появленіе раздраженія такимъ же образомъ, какъ Бартоломеусъ—нарожденіе пискарей. Намѣстникъ требовалъ себѣ широкихъ полномочій, чтобы терроромъ и чрезвычайной охраной насадить въ бурге-

рахъ преданность Британской имперіи. Но вотъ смѣнилось министерство въ Англіи. Новый премьеръ первымъ дѣломъ далъ самую широкую автономію сперва Трансваалю, а потомъ Колоніи Оранжевой рѣки. Трансвааль выбралъ премьеромъ командовавшаго войсками бургеровъ во время войны, нанесшаго англичанамъ рядъ жестокихъ пораженій. И въ первой же рѣчи своей ген. Бота сказалъ: „Англія, даровавъ автономію Трансваалю, удивила міръ своимъ великодушіемъ и превратила бургеровъ въ лойяльныхъ гражданъ. Покуда Англія будетъ уважать языкъ, обычаи и конституцію Трансвааля, колонія будетъ лойяльна по отношенію къ королю". „Отказъ отъ политики „державной народности" повелъ къ сплоченію разноязычнаго населенія южной Африки. И вотъ теперь, по мѣстной иниціативѣ, произошло въ южной Африкѣ сліяніе колоній съ англійскимъ и голландскимъ населеніемъ — въ одну федерацію.

Англичане, на опытѣ убѣдившіеся, что преслѣдованіями нельзя превратить людей въ лойялистовъ, не видятъ, однако, что явленіе даетъ одинаковые результаты при *всякой* обстановкѣ — другими словами, что два, помноженное на два, даетъ всегда четыре, все равно, напишемъ ли мы дважды красными или же черными чернилами. Нагляднымъ примѣромъ служитъ положеніе дѣлъ въ Индіи, результатомъ котораго явились процессы студента Дингра и журнала „Indian Sociologist". Террористическіе акты въ Индіи начались уже болѣе года тому назадъ. Въ іюлѣ этого года молодой индусъ Мадаръ Лалъ Дингра застрѣлилъ въ Лондонѣ чиновника индійской службы Керзона Уилли. Несчастный былъ не лучше и не хуже другихъ индійскихъ чиновниковъ. Англійская консервативная печать главную причину трагедіи усмотрѣла въ „заговорѣ анархистовъ" и въ агитаціи туземной печати. И вотъ, послѣдствіемъ явилось привлеченіе къ суду редактора журнала „The Indian Sociologist", издаваемаго въ Лондонѣ. И такъ какъ редакторъ—индусъ Шіамаджи Кришнаварма—живетъ въ Парижѣ, то къ суду привлекли печатника. Подобнаго процесса въ Англіи уже не было много-много лѣтъ. Въ обвинительномъ актѣ говорится, что журналъ имѣетъ несомнѣнно своею цѣлью освобожденіе Индіи отъ иноземцевъ при помощи всѣхъ средствъ, до физической силы включительно. Въ виду этого — читаемъ мы дальше въ обвинительномъ актѣ — политическія убійства не только оправдались, но и рекомендовались. Въ іюлѣ 1909 г. въ журналѣ напечатано, между прочимъ: „Рискуя потерять симпатію всѣхъ нашихъ старыхъ друзей въ Англіи, а также нѣкоторыхъ единомышленниковъ въ Индіи, мы повторяемъ, что политическія убійства нельзя приравнивать къ обычнымъ убійствамъ. Убійство является естественнымъ и справедливымъ результатомъ насилія... Политическіе убійцы часто являются благодѣтелями

своего народа. Насъ не занимаетъ здѣсь вопросъ, какъ поступаетъ Англія съ политическими убійцами, въ которыхъ видитъ обыкновенныхъ уголовныхъ преступниковъ. Мы обсуждаетъ только положеніе дѣлъ въ Индіи... Національная независимость требуетъ употребленія силы. Международные законы и этика всѣхъ культурныхъ странъ признаютъ за угнетенными націями и за отдѣльными индивидуумами право содѣйствовать освобожденію страны отъ иноземнаго гнета при помощи силы. *Право* употребить силу можетъ превратиться иногда въ *обязанность* прибѣгнуть къ ней".

Привлеченіе къ суду печатника „Indian Sociologist" [1]) вызвало любопытный обмѣнъ мыслей между редакторомъ этого журнала и „Times". „Вы говорите, что я открыто призываю къ преступленіямъ,—писалъ Кришнаварма въ „Times" изъ Парижа.—Почему же англичане только что отпраздновали трехвѣковой юбилей Мильтона, оправдывавшаго казнь Карла I и служившаго секретаремъ у „архи-измѣнника" Кромвелля, памятникъ котораго стоитъ передъ парламентомъ? Вы вспоминали недавно о Мильтонѣ не только какъ о поэтѣ, но также какъ объ апостолѣ свободы. Даже „Contemporary Review" отмѣтило, что духомъ свободы проникнута каждая страница писаній Мильтона. Въ Англіи теперь превозносятъ Георга Вашингтона—а между тѣмъ онъ въ 1769 г. былъ измѣнникомъ, когда призывалъ колоніи къ возстанію противъ метрополіи. Индійскіе націоналисты имѣютъ большее право, чѣмъ Вашингтонъ, призывать къ сверженію иноземнаго ига". „Times", помѣстивъ письмо,—отвѣтилъ на него передовой статьей: „Индійскій анархизмъ". „Письмо свидѣтельствуетъ о томъ гибельномъ вліяніи, которое имѣютъ европейскія идеи на восточный умъ, совершенно не приспособленный ни дисциплиной, ни традиціями къ воспріятію нашихъ знаній. Только этимъ можно объяснить дикую защиту политическихъ убійствъ... Намъ не для чего тратить время на опроверженіе ребяческихъ попытокъ редактора „Indian Sociologist" извратить историческіе факты, когда онъ старается оправдать одинъ видъ убійства. ...Человѣкъ, ссылающійся для оправданія политическихъ убійствъ на Мильтона и Кромвелля, доказываетъ лишь собственное умственное убожество и нравственную испорченность".

Передъ нами двѣ разныя психологіи — завоевателей и завоеванныхъ, два разныхъ пониманія законности. „Times" совершенно забываетъ, что уваженіе къ закону и къ человѣческой жизни создается въ населеніи тогда, когда правительство показываетъ примѣръ. Въ смутныя времена въ Англіи, когда правительство не останавливалось передъ самымъ грубымъ насиліемъ, мы можемъ найти горячую защиту поли-

[1]) Онъ былъ присужденъ къ трехмѣсячному тюремному заключенію.

тическихъ убійствъ. Насиліе создавало насиліе. И съ защитой убійства выступали—что̀ любопытнѣе всего—не республиканцы, а монархисты. Я достаю изъ книжнаго шкафа сборникъ „Famous Pamphlets", изданный подъ редакціей проф. Генри Морлея и находящійся въ каждой школьной библіотекѣ въ Англіи. Въ сборникѣ мы находимъ, кромѣ „Ареопагитики" и „Какъ покончить съ диссентерамм" (Дефо), еще знаменитый памфлетъ „Killing no Murder", появившійся въ 1657 г. и написанный полковникомъ Сексби, который, при содѣйствіи будущаго короля Карла II, устраивалъ заговоръ противъ лорда-протектора. Авторъ памфлета доказываетъ сперва, что Кромвелль—насильникъ. Тиранномъ является тотъ, кто мѣняетъ форму правленія безъ согласія народа,—говоритъ полковникъ Сексби,—кто силой разгоняетъ народныхъ представителей и отмѣняетъ законы, выработанные ими; кто замѣняетъ выборныхъ коммонеровъ своими собственными клевретами, чтобы они могли ввести насиліе будто бы законнымъ путемъ; кто отнимаетъ человѣческую жизнь при помощи убійцъ, назначенныхъ имъ же и которыхъ называетъ верховнымъ судомъ; кто конфискуетъ чужую собственность, вводитъ налоги по своему усмотрѣнію и поддерживаетъ порядокъ, установленный имъ, только силой оружія". Доказавъ, что лордъ-протекторъ—тираннъ, полковникъ Сексби развиваетъ тезисъ, что для устраненія тиранна всѣ средства дозволены. „Противъ тиранна все дозволено, какъ противъ врага отечества, котораго каждый частный человѣкъ можетъ убить. „Hostis hostem occidere volui"—сказалъ Сцевола Порсеннѣ, когда былъ схваченъ при попыткѣ убить вождя этрусковъ: я—врагъ и убилъ бы врага, котораго каждый имѣетъ право уничтожить. Греки, которые, по словамъ Ксенофонта, не дозволяли убійцамъ входить въ храмъ,—въ тѣхъ же самыхъ храмахъ воздвигали статуи тиранномахамъ, такъ какъ полагали, что они достойны занимать мѣсто среди боговъ... Въ Аѳинахъ, по закону Солона, къ смерти приговаривались не только тиранны, угнетавшіе страну, но и тѣ, которые брали какую-нибудь должность при такихъ правителяхъ. Платонъ говоритъ намъ и про то, какъ отдѣлывались отъ тиранна. Если его не могли изгнать, то составлялось тайное общество для устраненія его". Полковникъ Сексби ссылается на библію для доказательства, что устраненіе тиранновъ угодно Богу. „Въ самомъ дѣлѣ, Аодъ, сынъ Геры, Веніаминянинъ, убилъ Еллона, царя моавитскаго, и избавилъ свой народъ отъ неволи. Совершено это было при помощи молитвы, слезъ и меча въ лѣвой рукѣ Аода. Молитва и дѣло должны идти рядомъ; ибо, вѣрьте мнѣ — тираннъ не діаволъ, отъ котораго можно избавиться одной молитвою и постомъ. Библія учитъ насъ, какъ путемъ меча, вогнаннаго на локоть въ животъ, избавиться отъ насильника" („Killing no Murder", p. 115). Полковникъ Сексби

дальше ссылается на Самсона. „Если справедливо дѣйствіе Самсона противъ многихъ угнетателей, то оно законно также въ примѣненіи и къ одному (т.-е. къ Кромвеллю). Развѣ мы страдаемъ теперь меньше, чѣмъ единоплеменники Самсона? Развѣ нашихъ друзей и родныхъ не убиваютъ ежедневно на нашихъ глазахъ? Развѣ намъ остались какіе-нибудь другіе пути, чтобы добиться справедливости? Если кто знаетъ про эти пути, пусть назоветъ ихъ. Я тогда замолчу“ (ib., p. 116).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что оправданіе убійства выдумано не индійскими анархистами... Теоріи эти—ядовитое растеніе, вырастающее только на отравленныхъ болотахъ. Напрасно мы станемъ срѣзывать вѣтви ядовитаго растенія. Корни его, питаемые отравленнымъ болотомъ, дадутъ новые побѣги. Необходимо осушить и оздоровить болото; тогда растеніе исчезаетъ само собою. Исчезаетъ даже память о немъ. Средній англичанинъ теперь не вѣритъ даже, что было время, когда и въ Англіи расло ядовитое растеніе; онъ не вѣритъ, что съ проповѣдью политическихъ убійствъ выступали крайніе монархисты.

Посмотримъ теперь, какова почва, создавшая такихъ убійцъ, какъ Мадаръ Лалъ Дингра. „Какъ индусъ, я сознаю, что несправедливость по отношенію къ моей родинѣ является несправедливостью по отношенію къ Богу,—писалъ Дингра послѣ ареста. — Кто возлюбитъ родину, возлюбитъ также божество Рамъ; кто служитъ нашей отчизнѣ, служитъ также божеству Кришнѣ. Я бѣденъ состояніемъ и скуденъ разумомъ, поэтому ничего не могу отдать нашей матери-Индіи, кромѣ моей крови. И я приношу эту кровь на алтарь матери. Индія нуждается теперь въ одномъ урокѣ: какъ умирать. Преподавать этотъ урокъ мы должны собственнымъ примѣромъ. И вотъ, я умру во славу матери... Молю Бога объ одномъ. Пусть я буду рожденъ вторично на свѣтъ тою же матерью. И тогда я снова отдамъ жизнь за Индію. Bânde Mâtaram! [1])—„Я считаю весь англійскій народъ отвѣтственнымъ какъ за то, что въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ погибло восемьдесятъ милліоновъ индусовъ, такъ и за то, что ежегодно изъ Индіи вывозятъ сто милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, — сказалъ Дингра на судѣ.—Точно такъ же, какъ нѣмцы не имѣютъ права захватить Великобританію, англійскій народъ не имѣетъ никакого права занимать Индію. Вотъ почему я считаю себя въ правѣ истреблять захватчиковъ, оскверняющихъ нашу священную землю“.

---

[1]) Первыя слова гимна индусовъ. Значеніе ихъ—„Привѣтъ тебѣ, родина-мать“.

II.

По объясненію „Times“ и многихъ другихъ газетъ, недовольство Индіи выдумано, съ одной стороны, „анархистами“, а съ другой—мѣстными „бабу“ (названіе индійской интеллигенціи), восточный умъ которыхъ потерялъ равновѣсіе отъ столкновенія съ европейской культурой. „Въ дѣйствительности Индія благоденствуетъ подъ властью англичанъ“ — утверждаетъ „Times“. Никто, и въ томъ числѣ сами „бабу“, не станутъ отрицать всего того хорошаго, что сдѣлали англичане въ Индіи. Они ввели порядокъ въ странѣ, проложили великолѣпныя дороги, открыли школы, дали населенію независимый, нелицепріятный и неподкупный судъ. Населеніе пользуется свободой передвиженія. Для въѣзда и выѣзда изъ Индіи и для проживательства тамъ не нуженъ паспортъ. Населенію даны свобода слова, сходокъ и союзовъ. Мѣстная печать широко пользуется этимъ правомъ для заявленія о своихъ страданіяхъ. На правѣ сходокъ и союзовъ возникло swadeshi movement, т.-е. организованный бойкотъ всѣхъ англійскихъ товаровъ. Англійское правительство даетъ населенію самую широкую свободу совѣсти. Въ народныхъ школахъ индусы учатся на мѣстныхъ языкахъ. Когда индусская интеллигенція обличаетъ англійскіе порядки въ Индіи, то не думаетъ утверждать, что при другихъ завоевателяхъ странѣ было бы лучше. Напротивъ, всѣ въ Индіи убѣждены, что другіе завоеватели сдѣлали бы положеніе населенія еще худшимъ. Индусы имѣютъ представленіе о томъ, что происходитъ въ сосѣднихъ странахъ, лежащихъ за Гималаями. „Бабу“ сравниваютъ положеніе Индіи не съ этими странами, а съ самоуправляющимися британскими колоніями. Сдѣлавъ эту оговорку, мы должны констатировать, что глубокое недовольство въ Индіи создано не „анархистами“. Начнемъ съ райотовъ, т.-е. земледѣльцевъ. Когда-то въ Индіи, какъ извѣстно, земля была общинная. Англійскіе завоеватели, исходя изъ того же положенія, что современные законодатели у насъ, а именно, что общинное пользованіе землей — остатокъ варварства, имѣющее послѣдствіемъ голодъ, сдѣлали все возможное для введенія болѣе прогрессивной системы землевладѣнія. И въ результатѣ—полная разруха. Что касается голода, то, по утвержденію всѣхъ изслѣдователей Индіи, ужасное явленіе не только не уменьшилось, а скорѣе увеличилось. Англичане сдѣлали въ Индіи то же самое, что дѣлаютъ всѣ безъ исключенія европейскія державы въ своихъ колоніяхъ: они перевели на деньги часть урожая, которую въ видѣ налога платили райоты своимъ туземнымъ властелинамъ, и фиксировали этотъ налогъ. Прежде

магараджа въ урожайный годъ получалъ больше, въ неурожайный—меньше. Теперь райотъ, какъ и русскій крестьянинъ, обязанъ платить деньгами, все равно, былъ ли урожай или недородъ. Размѣры налоговъ, уплачиваемыхъ теперь райотами, равняются 50% и даже 65% доходности земли. „Въ Британской имперіи нѣтъ болѣе патетической фигуры, чѣмъ индійскій крестьянинъ,—говоритъ Гербертъ Колейтонъ въ „Indian Life". — Его властелины съ незапамятныхъ временъ были несправедливы къ нему. Изъ него выжимали все, покуда у него остался невыжатымъ только мозгъ въ костяхъ". „Англичане изумляются, встрѣчая въ индусской прессѣ до крайности страстныя нападки на нихъ,—говоритъ членъ парламента О'Доннель въ своей недавно вышедшей книгѣ: „The Causes of Present Discontents in India".—Въ своихъ газетахъ индусы изображаютъ англичанъ не иначе, какъ воплощеніемъ несправедливости. Англичане допускаютъ, что правительство въ Индіи совершило ошибки, но послѣднія не могутъ объяснить крайней страстности обличенія. Объясненіе—только одно. Ненависть, которою дышитъ газетная статья, обусловливается тѣмъ, что авторъ ея, а равно редакторъ изданія, вѣроятно — сыновья крестьянина. Во всякомъ случаѣ, они близко наблюдали жизнь райотовъ и знаютъ ихъ страданія. Англо-индійская газета „Pioneer" (консервативная) вычисляетъ, что въ Индіи болѣе ста милліоновъ ѣдятъ только разъ въ день".

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ земельный налогъ въ Индіи приносилъ 15,5 милл. фунт. стерл. въ годъ. По смѣтѣ на 1909 — 10 г. онъ принесетъ 20,1 милл. фунт. стерл. Другими словами, за четверть вѣка земельный налогъ увеличился больше, чѣмъ на 26%. Голодъ въ Индіи—такое же хроническое явленіе, какъ въ Россіи. Какъ и у насъ, мѣстная администрація, не желая „огорчать" высшее начальство, по возможности смягчаетъ явленіе и допускаетъ только „недородъ". Высшіе администраторы въ Индіи—все люди гуманные, просвѣщенные; но бюрократическая машина дѣлаетъ ихъ слѣпыми"—говоритъ О'Доннель.—Тридцать лѣтъ тому назадъ у нихъ хватило, однако, благоразумія назначить слѣдственную коммиссію для изученія причинъ голода и сопровождавшихъ его безпорядковъ. Тогда поднятъ былъ вопросъ о чрезмѣрныхъ налогахъ. Теперь администрація для объясненія голода знаетъ только одну причину: засуху. Что же касается недовольства, то оно объясняется только „вліяніемъ агитаторовъ". Консервативная англійская газета „Englishman", выходящая въ Калькуттѣ, констатируетъ, что правительство, получая съ райотовъ налогъ и увеличивая послѣдній, не приняло никакихъ мѣръ къ улучшенію положенія крестьянъ въ южной Индіи. Когда райоты въ неурожайные годы не въ состояніи уплатить налоговъ, правительство продаетъ съ торговъ ихъ

послѣднее имущество (какъ дѣлается это у насъ по отношенію не къ чужому, а къ своему собственному народу). Индійская администрація продаетъ (какъ это будетъ дѣлаться у насъ теперь) право райотовъ-недоимщиковъ на пользованіе землей. Въ одно десятилѣтіе было продано право 840.713 райотовъ. Въ провинціи Мадрасъ за десять лѣтъ продано съ торговъ за недоимки имущество и право на землю 1/8 части всего крестьянскаго населенія. „Бюрократы, совершившіе это поразительное преступленіе,—говоритъ О'Доннель,—въ сущности, честные, не злые англичане. Они много работаютъ и мало думаютъ. Это—колеса и стержни неуклюжей, устарѣвшей бюрократической машины. Изъ года въ годъ, для пользы службы, ихъ переводятъ въ другіе округа. И здѣсь чиновники, не имѣя представленія о странѣ, не зная языка населенія, принимаются приводить въ исполненіе приказы, полученные свыше".

Среди бѣлыхъ народностей бѣднѣе всѣхъ русскіе. Въ Англіи доля одного человѣка въ доходности страны составляетъ 42 ф. ст. въ годъ, въ Соединенныхъ Штатахъ—39 ф. ст., во Франціи—27 ф. ст., въ Германіи—22 ф. ст., въ Россіи—только 16 ф. ст. Въ Индіи доходъ райота равняется, по вычисленію лорда Керзона, 2 ф. ст. въ годъ, а по мнѣнію Дигби—1 ф. 6 шиллинговъ. Плохимъ питаніемъ и бѣдностью райотовъ обусловливается то, что эпидеміи свили въ Индіи такое же прочное гнѣздо, какое онѣ теперь устраиваютъ себѣ у насъ. Кромѣ чумы и холеры, поразительно много жертвъ уноситъ голодъ. За сорокъ лѣтъ (1860—1900 г.г.) отъ голода въ Индіи погибло 30 милліоновъ людей (см. только что вышедшую книгу Кейръ-Гарди—„India, Impressions and Suggestions", p. 87). Со времени Александра Македонскаго Индія бывала завоевана много разъ. Покореніе производилось сравнительно очень легко: безчисленное крестьянское населеніе относилось совершенно безразлично къ тому, въ чьи руки попадала власть, которой все равно приходилось платить четверть урожая. Въ Индіи возникали и гибли государства, являлись и исчезали иноземные завоеватели, цвѣли и умирали династіи—а многомилліонное деревенское населеніе жило своею собственною жизнью, не интересуясь внѣшнимъ міромъ. Каждая деревня представляла собою самоуправляющуюся единицу. Мѣнявшіяся власти не вмѣшивались во внутреннія дѣла деревни, покуда она аккуратно платила опредѣленную часть урожая. Теперь крестьянская масса въ Индіи такъ же инертна, но въ ней начинается броженіе. „Господство Британіи въ Индіи падетъ, если райоты станутъ нашими врагами",—сказалъ много лѣтъ тому назадъ лордъ Лоренсъ въ коммиссіи, назначенной парламентомъ для изслѣдованія причинъ голода въ громадной восточной имперіи. Теперь райоты начинаютъ сознавать, что съ ними поступаютъ неспра-

ведливо. И вотъ, значительная часть англійскаго общества, которое такъ хорошо умѣетъ находить причинную связь между двумя общественными явленіями, когда они происходятъ въ Англіи или на континентѣ Европы, — принимаетъ объясненіе, даваемое чиновниками индійской службы. По этому объясненію выходитъ, что броженіе среди райотовъ начинается не потому что они бѣдны, голодны и платятъ большіе налоги, а потому, что ихъ „мутитъ" туземная печать.

Переходимъ теперь къ городскому населенію. Введеніе вмѣсто серебра золотой валюты, свободный ввозъ дешевыхъ англійскихъ фабрикатовъ и всяческое содѣйствіе распространенію ихъ, а также много другихъ причинъ повели къ обѣднѣнію безчисленныхъ туземныхъ ремесленниковъ, ткачей, лавочниковъ и проч. И вотъ, въ Индіи и особенно въ Сѣверной Бенгаліи началось движеніе, носившее сперва чисто экономическій характеръ. Туземцы объявили бойкотъ всѣмъ англійскимъ товарамъ. Движеніе это называется въ Индіи „swadeshi". Администрація немедленно объявила движеніе политическимъ. Англійская консервативная печать нашла тотчасъ же и причину: „swadeshi" создано политическими агитаторами, стремящимися къ низверженію британской власти. Та же печать стала требовать чрезвычайныхъ мѣръ для разгрома движенія и для защиты одной части населенія отъ другой. Съ незапамятныхъ временъ завоеватели Индіи, чтобы легче въ ней удержаться, прибѣгали къ возстановленію другъ противъ друга различныхъ племенъ и различныхъ вѣръ. Такимъ же образомъ англичане возстановили магометанское населеніе Индіи противъ браминистовъ и буддистовъ. Чтобы лучше опереться на магометанъ, при вице-королѣ лордѣ Керзонѣ выдѣлена была своего рода Холмщина, но только въ грандіозныхъ размѣрахъ: Бенгалію раздѣлили на двѣ провинціи, что, какъ увидимъ дальше, особенно обострило положеніе дѣлъ. Консервативная печать призывала правительство на борьбу съ swadeshi во имя защиты магометанскаго населенія, будто бы страдающаго отъ бойкота. Въ дѣйствительности—какъ свидѣтельствуетъ въ своей книгѣ Кейръ-Гарди, только что возвратившійся изъ Индіи,—въ бойкотѣ англійскихъ товаровъ одинаково принимаютъ участіе какъ браминисты и буддисты, такъ и магометане. Консервативная печать, согласно съ индійской администраціей, утверждаетъ, что причиной броженія въ Индіи является туземная интеллигенція, получившая образованіе въ университетахъ Индіи или Англіи. Нелойяльность (т.-е. неблагонадежность) *бабу* объясняется, по мнѣнію индійской администраціи, тѣмъ, что интеллигенція „слишкомъ учена". „Европейское образованіе не годится для восточнаго ума",—читаемъ мы постоянно въ консервативной печати, осыпающей насмѣшками „бабу". И когда оскорбленные загово-

рили съ негодованіемъ,—печать рѣшила, что „cet animal est méchant“, потому что „il se défend quand on l'attaque“. При вице-королѣ лордѣ Керзонѣ, посланномъ консервативнымъ министерствомъ, начался въ Индіи систематическій походъ противъ „бабу“, съ цѣлью сдѣлать ихъ „лойяльными“ путемъ гоненій. Первый шагъ былъ сдѣланъ въ этомъ направленіи въ Калькуттѣ. Тридцать лѣтъ уже, какъ этотъ городъ имѣетъ свое самоуправленіе, въ скромныхъ размѣрахъ: пятьдесятъ совѣтниковъ избираются населеніемъ, двадцать пять и предсѣдатель—назначаются губернаторомъ. Лордъ Керзонъ предоставилъ населенію выбирать только двадцать пять совѣтниковъ. Такимъ образомъ, совѣтники по назначенію администраціи получили громадный перевѣсъ. Двадцать восемь совѣтниковъ индусовъ немедленно вышли въ отставку. Все это были врачи, адвокаты, словомъ—цвѣтъ индійской интеллигенціи. Затѣмъ лордъ Керзонъ издалъ приказъ, хотя не такой откровенный, какъ циркуляръ И. Д. Делянова о кухаркиныхъ дѣтяхъ, но напоминающій его по духу. Вице-король приказалъ повысить плату въ туземныхъ университетахъ и ни въ какомъ случаѣ не уменьшать ее, „дабы не искушать“ молодыхъ людей, не имѣющихъ средствъ, но желающихъ получить высшее образованіе. „Вся Индія, какъ браминисты, буддисты и паріи, такъ и магометане, встала противъ этого административнаго безумія“,—пишетъ О'Доннель. Такъ какъ свобода слова не отнята у индусовъ и не дана одной только части населенія—какъ, напр., союзу русскихъ людей у насъ, — то всюду въ Индіи стали устраиваться митинги съ цѣлью протеста. Затрудненіемъ доступа въ университеты не ограничился походъ лорда Керзона противъ туземной интеллигенціи. Всѣ высшія и наиболѣе хорошо оплачиваемыя мѣста въ индійской администраціи заняты представителями „державной народности“, т.-е. англичанами; но прежде много второстепенныхъ должностей предоставлялось туземцамъ, сдавшимъ конкурсный экзаменъ. Должности помощниковъ магистратовъ, городскихъ судей и др. были заполнены талантливыми туземцами, получившими университетскіе дипломы въ Индіи или въ Англіи. Лордъ Керзонъ отмѣнилъ систему конкурсовъ и ввелъ вмѣсто нея назначеніе. „Такимъ образомъ отнынѣ должность магистрата или судьи дается только сыну сикофанта“—говоритъ О'Доннель. Вице-король „совершенно потерялъ всякое равновѣсіе“,—продолжаетъ тотъ же историкъ. Въ февралѣ 1905 г. лордъ Керзонъ въ рѣчи, произнесенной въ Калькуттѣ, обвинилъ всю туземную интеллигенцію въ коварствѣ и пригрозилъ ей чрезвычайными мѣрами. Для усмиренія „бабу“ лордъ Керзонъ внесъ въ совѣтъ [1]) спе-

[1]) При вице-королѣ состоитъ совѣтъ изъ шести членовъ по назначенію. Для разсмотрѣнія новыхъ законовъ къ совѣту прибавляются еще 16 членовъ по назначенію вице-короля. Восемь изъ нихъ должны быть не чиновники, часть—непре-

ціальный законопроектъ о печати, противъ котораго рѣзко высказалась даже вся мѣстная англійская пресса, безъ различія направленій. „Вице-король внесъ въ совѣтъ—писалъ консервативный журналъ „Pioneer"—законъ, достойный не части британской имперіи, а Россіи": онъ состоялъ въ томъ, что проступки по дѣламъ печати караются не судомъ, а полиціей. Онъ, конечно, прошелъ въ совѣтѣ. „Законъ этотъ является крайне типичнымъ для олигархіи,—читаемъ мы въ консервативномъ калькуттскомъ журналѣ „The Pioneer".—Она позаботилась вооружиться бичемъ противъ своихъ критиковъ, чтобы зажать имъ ротъ. Законъ, въ сущности, запрещаетъ говорить неодобрительно о дѣятельности администраціи... Повидимому, бюрократы, выработавшіе законъ, учились государственной мудрости у русскихъ генералъ-губернаторовъ". Для того, чтобы окончательно смирить „бабу", вице-король выработалъ проектъ раздѣленія Бенгаліи на двѣ провинціи. Имѣлось, очевидно, въ виду выдѣлить магометанское населеніе, чтобы, опираясь на него, скрутить индусовъ. Вся пресса въ Индіи, какъ туземная, такъ и англійская, доказывала, что съ государственной точки зрѣнія выдѣленіе этой „Холмщины"—чистое безуміе. Тѣмъ не менѣе, раздѣлъ Бенгаліи былъ утвержденъ парламентомъ и сталъ непосредственной причиной того, что броженіе въ Индіи приняло сразу бурный характеръ.

Мнѣ остается сказать еще нѣсколько словъ о политикѣ „державной народности". Англичане до послѣдняго времени исходили при управленіи Индіею изъ положенія, что должны быть господствующая и подчиненная національности. Принципъ этотъ завоеватели проводили очень послѣдовательно. Вотъ нѣкоторые примѣры, приводимые Кейръ-Гарди въ его книгѣ: „India Impressions and Suggestions". Когда авторъ былъ въ восточной Бенгаліи, онъ, по приглашенію магистрата въ Serajganj, отправился осматривать мѣстную тюрьму. Туриста сопровождали его знакомые индусы въ туземныхъ костюмахъ. Всѣ эти индусы были извѣстныя лица и всѣ они получили университетское образованіе. Нѣкоторые изъ нихъ получили дипломы въ Оксфордѣ или Кембриджѣ. У воротъ тюрьмы Кейръ-Гарди и знакомыхъ его встрѣтилъ магистратъ. Онъ любезно поздоровался съ членомъ парламента, затѣмъ взглянулъ черезъ плечо на индусовъ и свирѣпо крикнулъ имъ: „Пошли вонъ отсюда! Не смѣйте стоять здѣсь! Ждите на дорогѣ!" Одинъ изъ индусовъ вѣжливо сказалъ магистрату, что онъ—членъ провинціальнаго совѣта, но это привело чиновника въ еще большую ярость. Индусы, красные отъ

мѣнно туземцы. Индія дѣлится на девять провинцій, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой отдѣльный областной совѣтъ.

стыда и негодованія, повиновались и отправились на дорогу. „Я горѣлъ отъ стыда и гнѣва,—продолжаетъ Кейръ-Гарди.—Когда магистратъ убѣдился, что индусы ушли, онъ любезно пригласилъ меня войти. Въ нѣсколько секундъ я выразилъ магистрату мое мнѣніе о немъ и объ его поведеніи. Я заявилъ ему, что онъ позоритъ Британскую имперію; потомъ я бросилъ его и присоединился къ индусамъ... Этотъ случай наглядно иллюстрируетъ обычное отношеніе англо-индійскихъ чиновниковъ къ образованнымъ индусамъ"... Когда я вошелъ въ Мадрасѣ въ вагонъ перваго класса, то въ моемъ отдѣленіи засталъ двухъ индусовъ, по видимому получившихъ европейское образованіе. Одинъ изъ нихъ, завидя меня, поднялся и спросилъ: „Должны ли мы перейти въ другое купэ, сэръ?" Я съ изумленіемъ взглянулъ на индуса и сказалъ: „Вѣдь вы заплатили за билетъ?"— „О, да,—отвѣтилъ пассажиръ,—но англичане вообще не любятъ путешествовать вмѣстѣ съ туземцами". „Слѣдуетъ замѣтить, — продолжаетъ англійскій путешественникъ—что передъ нами народъ, цивилизація котораго была уже очень стара, когда Западная Европа только-что начала выходить изъ каменнаго періода. Туземцы, путешествующіе въ Индіи въ первомъ или во второмъ классѣ—обыкновенно люди съ университетскимъ образованіемъ. Всѣ они свободно говорятъ по-англійски. Нѣкоторые изъ нихъ очень богаты и родовиты. А между тѣмъ на правительственной желѣзной дорогѣ въ ихъ собственной странѣ державная народность обращается съ этими индусами такъ же грубо и презрительно, какъ они сами обращаются съ паріями. Я видѣлъ вагоны съ надписью: „Только для европейцевъ". На станціяхъ, на дверяхъ уборныхъ написано: „Для господъ европейцевъ". Въ другомъ концѣ платформы—вонючее отхожее мѣсто для всѣхъ туземцевъ. Всякій жалкій бродяга съ бѣлой кожей—„господинъ европеецъ", тогда какъ туземецъ съ университетскимъ дипломомъ, туземецъ, въ жилахъ котораго, быть можетъ, течетъ кровь прежнихъ владѣтелей страны, является низшимъ существомъ... Я знаю молодого индуса, окончившаго кембриджскій университетъ. Въ Англіи, гдѣ люди не имѣютъ предубѣжденія противъ цвѣта кожи, онъ былъ принятъ въ „обществѣ" и имѣлъ много вліятельныхъ друзей. И вотъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, молодой индусъ возвращается на родину. Какъ только онъ вошелъ въ вагонъ перваго класса, два англичанина, сидѣвшіе тамъ, приказали индусу убраться". Словомъ, мы наблюдаемъ въ Индіи такое же отношеніе къ туземцамъ, какъ у насъ, „въ чертѣ"—къ евреямъ. Въ Одессѣ, при градоначальникѣ П. А. Зеленомъ, евреи не имѣли права входить въ тотъ вагонъ трамвая, гдѣ сидѣлъ администраторъ. Зеленый арестовалъ „жида", нарушившаго это распоряженіе. Къ изумленію полиціи, „жидъ" оказался дѣй-

ствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и ректоромъ к—аго университета.

Мы видѣли теперь, каковы причины, создавшія столь глубокое озлобленіе, что редакторъ Кришнаварма доказываетъ законность насилія противъ насилія, а студентъ Дингра видитъ въ *каждомъ* англичанинѣ врага, заслуживающаго смерть. „Я считаю себя въ правѣ истреблять захватчиковъ, оскверняющихъ нашу священную землю,— сказалъ Дингра на судѣ.—Если англичанинъ, не будучи въ силахъ переносить нѣмецкихъ завоевателей, гордо и надменно гуляющихъ по Лондону, убилъ бы кого-нибудь изъ нихъ, соотечественники считали бы убійцу патріотомъ. Я тоже не выношу вида захватчиковъ родины". Несчастный сэръ Уильямъ Керзонъ Уилли былъ *только* англійскимъ чиновникомъ на индійской службѣ. Самъ онъ ничѣмъ особеннымъ не проявилъ себя, ничѣмъ не вызвалъ ненависть, какъ политическій дѣятель. Англичане, какъ и другіе народы, сдѣлали ошибку, заключающуюся въ увѣренности, что насиліемъ можно превратить въ лойялистовъ народъ, имѣющій основательныя причины быть недовольнымъ. Объ этой ошибкѣ, какъ мы видѣли, краснорѣчиво говорилъ еще Маколей. Разница между англичанами и другими народами заключается въ томъ, что первые сдѣлали ошибку въ далекой колоніи, по отношенію къ азіатскому народу; вторые, какъ напр. нѣмцы, дѣлаютъ это у себя, по отношенію къ народамъ европейскимъ. Такимъ образомъ, колоть англичанамъ глаза Индіей могутъ только лицемѣры, сознательно закрывающіе глаза на то, что происходитъ у нихъ дома. Какъ и въ другихъ странахъ, въ Индіи полиція, не находящаяся подъ общественнымъ контролемъ, значительно усложнила положеніе дѣлъ созданіемъ заговоровъ. Такъ напр., въ Etawah полиція раскрыла заговоръ, имѣвшій, будто бы, цѣлью истребленіе всѣхъ европейцевъ. Были предъявлены „документальныя" данныя. При разслѣдованіи оказалось, что всѣ документы поддѣльны. Броженіе въ Индіи, какъ мы видѣли, объясняется консервативною печатью агитаціей „бабу", но врядъ ли она сама вѣритъ этому. Доказательствомъ является то, что консервативная печать, рекомендуя „желѣзную" руку для подавленія терроризма въ Индіи, настоятельно совѣтуетъ также спѣшить съ осуществленіемъ намѣченныхъ уже реформъ, имѣющихъ цѣлью призваніе населенія къ контролю (покуда—умѣренному) надъ дѣлами громадной имперіи.

Діонко.

ПИСЬМО ИЗЪ ПАРИЖА

Послѣдній министерскій кризисъ во Франціи съ перваго взгляда не представляетъ особаго интереса: онъ не былъ результатомъ страстной борьбы партій, а произошелъ совершенно внезапно. Только весьма немногіе предвидѣли его возможность. Разрѣшеніе кризиса, къ тому же, наступило очень быстро и, какъ будто, не повело за собой существеннаго измѣненія въ правительственной политикѣ. Власть не перешла къ другой партіи, какъ это было въ 1902-мъ году. Это скорѣе простое измѣненіе оріентировки правительственной партіи, которая по существу остается все той же.

И все же исторія этого министерскаго кризиса интересна по многимъ причинамъ. Прежде всего весьма характеренъ кризисъ самъ по себѣ. Съ особенной ясностью подчеркиваетъ онъ отличительную черту парламентскаго режима: неустойчивость министерствъ. Надо при этомъ замѣтить, что существованіе министерства Клемансо не было краткимъ. Наоборотъ—это одно изъ самыхъ долгихъ нашихъ министерствъ: оно существовало почти три года. И все же оно пало по самому ничтожному поводу. Сила сопротивленія министерства, не смотря на его длительность, оказалась необыкновенно слабой. Интересна перемѣна министерства также и по своимъ послѣдствіямъ. Въ результатѣ ея оказался политическій успѣхъ соціализма: предсѣдателемъ совѣта министровъ сталъ соціалистъ Бріанъ, и въ новомъ кабинетѣ теперь три соціалиста, тогда какъ въ министерствѣ Клемансо ихъ было только двое.

Условія, въ которыхъ разыгрался кризисъ и пало министерство, бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на истинныя причины этого паденія. Утромъ и даже днемъ 7 (20) іюля никто еще не ожидалъ его. Сами депутаты очень удивились бы, еслибы имъ сказали, что вечеромъ министерство Клемансо будетъ низвергнуто. Всѣ были увѣрены, что кабинетъ останется у власти по крайней мѣрѣ до общихъ выборовъ 1910-го года. Министерство успѣшно выдержало многочисленныя и ожесточенныя нападенія, главнымъ образомъ со стороны соціалистовъ. Это заставляло вѣрить въ его неуязвимость. Съ другой стороны, ближайшій мотивъ, который принудилъ министерство выйти въ отставку, былъ второстепеннымъ и незначительнымъ. Ни одинъ изъ

тѣхъ большихъ политическихъ вопросовъ, которые возбуждаютъ страсти парламентаріевъ, не обсуждался въ палатѣ: говорили только о флотѣ. Самая незначительность этого мотива указываетъ, что не онъ былъ истинной причиной паденія кабинета. Онъ только далъ возможность выступить на сцену другимъ причинамъ. Внезапность, съ какой произошло это событіе, показываетъ также, что подготовители его въ дѣйствительности его не предвидѣли, не обсудили, не хотѣли. Они служили до извѣстной степени только орудіемъ для иныхъ силъ, которыя властвовали надъ ними. Они только санкціонировали результатъ, къ которому вели событія.

Истинныя и глубокія причины паденія министерства Клемансо въ дѣйствительности трехъ родовъ: причины политическія, вытекающія изъ общей природы нашего парламентарнаго режима; причины соціальныя—результатъ той спеціальной политики, которую проводило прошлое министерство; причины индивидуальныя, находящіяся въ тѣсной связи съ личнымъ темпераментомъ президента совѣта.

Политическія причины носили тотъ особый характеръ, который французскій парламентарный режимъ все болѣе и болѣе заимствуетъ отъ англійскаго: возрастающее распаденіе и ослабленіе отдѣльныхъ партій. Министерство Клемансо было низвергнуто коалиціей партій. Реакціонеры, консерваторы и соціалисты—всѣ работали надъ этимъ низверженіемъ. Такое объединеніе было бы совершенно невозможно при такомъ парламентарномъ режимѣ, гдѣ партіи были бы крѣпко спаяны и находились въ оппозиціи другъ другу. Клемансо съумѣлъ вызвать недовольство во всѣхъ партіяхъ, главнымъ образомъ въ крайней правой и крайней лѣвой.

Всего важнѣе причины соціальныя. Противъ министерства объединились не только политическія партіи: самые различные соціальные классы были раздражены министерствомъ, и при первомъ случаѣ это недовольство должно было проявиться. Въ этомъ—наиболѣе интересная особенность послѣдняго кризиса: паденіе кабинета оказалось дѣломъ одновременно буржуазіи, средняго класса чиновниковъ и рабочаго класса.

Министерство вызвало нерасположеніе среди буржуазіи не столько общей своей политикой, сколько политикой религіозной и финансовой. Открытый анти-клерикализмъ Клемансо возстановилъ противъ него значительную часть буржуазіи, все еще преданную своимъ вѣрованіямъ. Еще больше оттолкнула финансовую и капиталистическую буржуазію разорительная и безпорядочная финансовая политика министерства. Дорого стоющія реформы были предложены министерствомъ и приняты палатой безъ всякой серьезной заботы о денежныхъ средствахъ для ихъ осуществленія. Въ засѣданіи сената

15 декабря 1908 года Пуанкаре могъ, не вызвавъ протестовъ, произнести о новомъ бюджетѣ слѣдующія суровыя слова: „Я не колеблясь скажу, что столь хрупкій бюджетъ недостоинъ такой великой страны, какъ Франція. Онъ не можетъ ни облегчить намъ исполненіе нашихъ обязанностей по отношенію къ демократіи, ни помочь намъ сохранить наше мѣсто среди державъ“.

Нетрудно указать причины этой дурной финансовой политики. Она вытекаетъ прежде всего изъ самой природы доктринъ, которыхъ держится партія Клемансо: это доктрины идеологическія, дочери философіи восемнадцатаго вѣка, презирающія точное наблюденіе надъ фактами и предпочитающія простыя, абсолютныя рѣшенія. „Реформы, въ глазахъ радикально-соціалистической партіи—говоритъ Фернанъ Форъ—никогда не бываютъ достаточно глубоки и всегда слишкомъ медленны. Тѣмъ хуже, если сложность соціальной среды дѣлаетъ ихъ проекты невозможными и опасными“. Кромѣ того, радикально-соціалистическая партія долго оставалась вдали отъ власти. Это лишило ее практическихъ качествъ, необходимыхъ для хорошаго управленія государственными финансами. „Оппозиціонная партія не можетъ получить нужнаго ей бюджетнаго воспитанія,—говоритъ Форъ—потому что она не несетъ на себѣ бремени управленія финансами, неотдѣлимаго отъ бремени правительственной власти. Часто случается даже, что оппозиціонная партія, увлеченная политической борьбой, вынуждена защищать мѣропріятія, печальныя съ финансовой точки зрѣнія, и пріобрѣтаетъ такія привычки, отъ которыхъ потомъ ей трудно освободиться“. Партія Клемансо, впервые ставшая у власти только въ 1902 году, не могла въ такой короткій срокъ пройти необходимое ей финансовое обученіе.

Но если министерство не встрѣчало поддержки въ буржуазіи, то со среднимъ классомъ или, по крайней мѣрѣ, съ весьма значительной частью его, оно вступило въ открытую и ожесточенную борьбу: мы говоримъ о государственныхъ чиновникахъ. Причины этой борьбы таятся очень глубоко, и если она не привела прямо къ паденію министерства, то ослабила его на столько, что оно сдѣлалось жертвой перваго благопріятнаго случая.

Борьба была вызвана тѣмъ, что министерство придерживалось старой концепціи государства, въ томъ видѣ, какъ она была выработана теоретиками абсолютной власти, затѣмъ практически примѣнена Людовикомъ XIV-мъ и усовершенствована Наполеономъ I-мъ. Послѣ торжества демократіи только одинъ соціальный классъ остался всецѣло въ подчиненіи принципу власти: классъ чиновниковъ. Политическіе дѣятели демократіи, завладѣвъ государствомъ, ничего не измѣнили въ главныхъ основахъ его административной системы. Ставъ у

власти, республиканцы стремились къ сохраненію всѣхъ прерогативъ ея и къ утвержденію почти абсолютнаго политическаго господства надъ чиновниками. Они вѣрили въ суверенитетъ народа, представителемъ котораго является государство. Дать чиновникамъ права противъ государства—это значило бы дать имъ права противъ народа. Кромѣ того республиканскія партіи, долго бывшія партіями оппозиціи, органами борьбы, сложились въ боевую организацію, которую естественно сохранили и тогда, когда сами стали государствомъ. Однако, по мѣрѣ распространенія демократическаго духа, чиновники все болѣе и болѣе начинали чувствовать тяжесть тяготѣющей надъ ними власти, и постепенно она сдѣлалась для нихъ невыносимой. Они стремились получить гарантію противъ произвола администраторовъ, чтобы закрыть путь фаворитизму и несправедливости. Съ этой цѣлью они объединялись въ общества и хотѣли, какъ рабочіе въ частныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, образовать „профессіональные синдикаты", по типу закона 21-го марта 1884-го года. Такимъ образомъ они только примкнули къ общему движенію. По выраженію Дюги [1]), „синдикализмъ чиновниковъ не имѣетъ ничего спеціальнаго: это только одинъ изъ элементовъ общаго синдикалистскаго движенія, которое охватываетъ всѣ части общества". Законъ объ ассоціаціяхъ 1901-го года даетъ чиновникамъ ограниченное право на организацію обществъ. Они требуютъ теперь болѣе широкихъ правъ, предоставленныхъ профессіональнымъ ассоціаціямъ закономъ 1884-го года. Министерство Клемансо, пропитанное старымъ принципомъ власти, формально отказало въ этомъ чиновникамъ и внесло законопроектъ, дающій имъ нѣкоторыя гарантіи, но отказывающій въ правѣ образовывать синдикаты. Въ отвѣтъ на этотъ законопроектъ извѣстное число чиновниковъ обратилось къ правительству съ протестующимъ письмомъ. Они были немедленно удалены со службы. Началась открытая борьба. Къ общему конфликту между министерствомъ и всѣми чиновниками присоединился еще конфликтъ частный, между служащими въ управленіи почтъ и ихъ высшимъ начальствомъ—стоявшимъ во главѣ почтово-телеграфнаго вѣдомства Симіаномъ. Чтобы добиться отставки его, почтово-телеграфные служащіе прекратили занятія и объявили забастовку. Они съумѣли вызвать дезорганизацію въ почтово-телеграфной службѣ. Клемансо далъ имъ понять, не формулируя, однако, точнаго обѣщанія, что если они возобновятъ свои занятія, то Симіанъ будетъ удаленъ. Чиновники возвратились на свои посты, но Клемансо, опираясь на палату, оставилъ Симіана на его

---

[1]) Duguit, „Le droit social, le droit individuel et la transformation de l'Etat", Парижъ, 1908, стр. 136.

мѣстѣ. Состоялась вторая стачка, въ результатѣ которой болѣе четырехъ сотъ чиновниковъ были уволены. Чиновники потерпѣли, однако, неполное пораженіе. Они поколебали общественное мнѣніе и съумѣли внести разладъ въ большинство, на которое опиралось министерство. Паденіе кабинета черезъ пять мѣсяцевъ послѣ этихъ событій имѣетъ несомнѣнную связь съ ними. Чиновники слишкомъ полезны во время выборовъ, чтобы депутаты могли открыто противодѣйствовать имъ.

Но главную, почти непрерывную борьбу Клемансо велъ съ рабочимъ классомъ. Защитникъ индивидуалистическаго принципа и, къ тому же, обязанный, какъ глава правительства, стоять на стражѣ закона, онъ много разъ вмѣшивался въ стачки, чтобы съ помощью вооруженной силы заставить уважать свободу труда. Часто это вмѣшательство приводило къ печальнымъ жестокостямъ и съ той, и съ другой стороны. Въ Нарбоннѣ въ апрѣлѣ и маѣ 1907-го года шесть человѣкъ было убито. То же повторилось въ Винье въ 1908-мъ году. Въ результатѣ явилось сильнѣйшее недовольство рабочихъ и даже ненависть къ премьеръ-министру, котораго считали — справедливо или нѣтъ—виновникомъ печальныхъ событій.

Недовольство, такимъ образомъ, становилось всеобщимъ: отъ буржуазіи оно перешло къ классу чиновниковъ, затѣмъ къ рабочему классу. Враждебное настроеніе охватило значительную часть населенія, находило выраженіе въ печати. Депутаты должны были обратить на это явленіе особое вниманіе, такъ какъ выборы 1910-го года были близки. Депутатамъ приходилось считаться съ общественнымъ мнѣніемъ, предъ судомъ котораго они скоро должны предстать. Этимъ и объясняется та поспѣшность, съ какой они воспользовались первымъ случаемъ, чтобы свергнуть министерство, непопулярность котораго все возрастала.

На ряду съ этими общими причинами значительно способствовалъ усиленію непопулярности министерства и личный характеръ президента совѣта. Постоянное противорѣчіе между либеральными теоріями Клемансо и его манерой держаться и дѣйствовать — всегда довольно грубой и наполеоновской—производило крайне непріятное впечатлѣніе. Его боевой темпераментъ, его безпощадная логика, съ которой онъ преслѣдовалъ своихъ противниковъ, его язвительные сарказмы, которыми были пропитаны его возраженія, создали ему многочисленныхъ, непримиримыхъ враговъ въ различныхъ партіяхъ.

Теперь посмотримъ на послѣдствія происшедшей перемѣны министерства. Личный составъ министерства измѣнился не особенно значительно. Половина членовъ теперешняго кабинета входила и въ кабинетъ Клемансо. Новыхъ лицъ въ кабинетѣ Бріана восемь: министръ общественныхъ работъ Мильеранъ, финансовъ — Кошери, колоній — Трульо, торговли — Жанъ Дюпюи, товарищъ министра финансовъ —

Рене Рену, товарищъ военнаго министра—Альберъ Сарронъ, военный министръ—генералъ Брёнъ, морской министръ—адмиралъ Буэ де Лапейреръ. Остальные восемь министровъ: Бріанъ, Барту, Пишонъ, Шеронъ, Думергъ, Бометцъ, Рюо, Вивіани — бывшіе члены кабинета Клемансо. Такимъ образомъ въ самомъ составѣ новаго кабинета мы, повидимому, имѣемъ залогъ того, что политика, которую онъ будетъ проводить, явится продолженіемъ политики предыдущаго кабинета.

Это предположеніе подтверждается декларацiей или программой, съ которой выступилъ глава новаго кабинета въ обѣихъ палатахъ 27 іюля (н. с.). Новый предсѣдатель совѣта, повидимому, желаетъ пользоваться методами болѣе мирными, чѣмъ его предшественникъ. „Кабинетъ, который надѣется снискать ваше довѣріе,—сказалъ Бріанъ въ палатѣ,— воодушевленъ горячимъ желаніемъ подготовить, посредствомъ единенія всѣхъ республиканцевъ, политику мира, реформъ и прогресса". Итакъ, Бріанъ провозглашаетъ политику единенія и согласія, а не политику борьбы.

Но если методъ новаго премьеръ-министра заключаетъ въ себѣ нѣчто новое, то содержаніе его политики почти не отличается отъ политики прежняго министерства. Это ясно показала декларація новаго кабинета. То обстоятельство, что во главѣ совѣта министровъ сталъ соціалистъ, въ сущности ничего не измѣнило въ политикѣ правительства. Бріанъ обращается къ рабочему классу съ призывомъ отказаться отъ борьбы съ помощью насилій и стремиться къ мирной, легальной эволюціи. Во внѣшней политикѣ правительство также намѣрено придерживаться старыхъ традицій. Бріанъ заявилъ, что внѣшняя политика новаго кабинета будетъ вполнѣ мирной; министерство желаетъ остаться „непоколебимо вѣрнымъ тому союзу и тѣмъ дружескимъ соглашеніямъ, которыя были заключены республиканскимъ правительствомъ". Общій духъ политики новаго кабинета отражается и на всѣхъ частныхъ вопросахъ, которыхъ коснулась министерская декларація. Въ морскомъ вѣдомствѣ, — вопросъ о флотѣ вызвалъ паденіе кабинета Клемансо, — новое министерство готово произвести всѣ необходимыя реформы. Новый морской министръ заявилъ, что онъ готовитъ законопроектъ, точно опредѣляющій разъ навсегда распредѣленіе морскихъ силъ Франціи.

Финансовый вопросъ, важность котораго мы показали, привлекаетъ особое вниманіе нынѣшняго кабинета. Новый министръ финансовъ высказалъ желаніе оставить идеологическіе и раціоналистическіе методы и практическую финансовую политику, основанную на здравомъ смыслѣ. „Я не стремлюсь создать что-либо великое, я хочу сдѣлать только прочное"—сказалъ министръ одному журналисту. Министръ не думаетъ, чтобы финансовое положеніе Франціи было въ настоящее

время такъ тревожно, какъ его изображаютъ нѣкоторые пессимисты. Онъ убѣжденъ, что затрудненія только временныя, и потому та часть министерской программы, которая касается реформы налоговъ и, главнымъ образомъ, введенія подоходнаго налога, не внушаетъ ему никакихъ опасеній. „Мы вѣримъ,—говорится въ декларацiи—что правительство получитъ согласіе сената на законопроектъ о подоходномъ налогѣ. Мы не остановимся ни передъ чѣмъ, чтобы защитить передъ верхней палатой ясно выраженную волю палаты депутатовъ".

Вопросъ о чиновникахъ долженъ, конечно, особенно заботить новое министерство. Кабинетъ заявилъ о своемъ твердомъ намѣреніи дать состоящимъ на государственной службѣ такой уставъ, который защищалъ бы ихъ отъ произвола и фаворитизма. Декларація по этому поводу говоритъ: „Правительство внесетъ въ палату въ ближайшемъ будущемъ законопроектъ, регулирующій положеніе чиновниковъ, и будетъ настаивать въ сенатѣ, чтобы немедленно послѣ разсмотрѣнія закона о рабочихъ пенсіяхъ былъ принятъ и этотъ неотложный законопроектъ. Такимъ образомъ мы обезпечимъ служащимъ, въ преданность и лойяльность которыхъ мы вполнѣ вѣримъ, законныя гарантіи и свободу". Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, правительство стремится укрѣпить принципъ власти и ни въ какомъ случаѣ не можетъ допустить стачки чиновниковъ. „Не можетъ быть и рѣчи о возможности перерыва въ государственной службѣ, а тѣмъ болѣе объ образованіи особой, привилегированной націи. Нація остается только одна, и только одинъ парламентъ имѣетъ право выражать ея волю".

Старая индивидуалистическая доктрина, отрицающая существованіе соціальныхъ классовъ и разсматривающая націю какъ единое цѣлое, сквозитъ въ этихъ послѣднихъ словахъ; но отрицаніе права чиновниковъ на забастовку является неизмѣннымъ долгомъ для всякаго правительства.

Въ отношеніяхъ между государствомъ и чиновниками, повидимому, наступила нѣкоторая перемѣна къ лучшему. Значительно способствовало этому назначеніе министромъ почтъ Мильерана, уже занимавшаго этотъ постъ и съумѣвшаго завоевать симпатіи своихъ служащихъ. Его первымъ актомъ было принятіе на службу большей части чиновниковъ, уволенныхъ Клемансо. Онъ разсчитываетъ скоро принять на службу и остальныхъ. Волненіе, начавшееся среди чиновниковъ, совершенно улеглось, и новое правительство съ этой стороны можетъ быть вполнѣ спокойнымъ. Остается только рабочій вопросъ. Онъ займетъ въ политикѣ министерства очень важное мѣсто. Это объясняется отчасти тѣмъ, что во главѣ министерства стоитъ соціалистъ.

Однако министерство не ставитъ себѣ никакихъ утопическихъ

цѣлей. Оно стремится къ практическимъ, осуществимымъ реформамъ. Соціализмъ предсѣдателя совѣта министровъ не имѣетъ въ себѣ ничего революціоннаго. Главная реформа, которую министерство желаетъ провести возможно скорѣе, это—законопроектъ о рабочихъ пенсіяхъ.

Таковы, въ общемъ, проекты новаго правительства. Его личный составъ, а также и его первые шаги позволяютъ намъ ожидать отъ него практической, осторожной политики, но въ то же время и радикальныхъ, послѣдовательныхъ реформъ.

Рене Монье.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1909 г.

Либеральныя партіи въ Германіи.—Соціалъ-демократія и ея отношенія къ буржуазной оппозиціи.—Практическіе совѣты Бернштейна.—Партійный судъ въ Штутгартѣ.—Нѣмецкое чиновничество и реакція.—Критскій вопросъ.—Испанскія дѣла.—Шведская забастовка.

Въ политической жизни Германіи настало затишье послѣ канцлерскаго кризиса. Партіи собираются съ силами для будущей парламентской борьбы; консерваторы и клерикалы ведутъ себя какъ побѣдители и заранѣе высказываютъ увѣренность, что правительство будетъ вполнѣ солидарно съ ними. Либеральныя группы предаются унынію; онѣ не возлагаютъ особенныхъ надеждъ на новаго канцлера и не предвидятъ скораго поворота въ дѣлахъ внутренней политики. Каковы бы ни были личныя намѣренія и идеи фонъ-Бетманъ-Гольвега, онъ поневолѣ долженъ считаться съ создавшимся положеніемъ, которое не позволяетъ ему идти по стопамъ Бюлова и искать связей съ лѣвыми. Мысль о консервативно-либеральномъ „блокѣ“ противъ католическаго центра окончательно оставлена, какъ несостоятельная по существу и неосуществимая на практикѣ. Новый канцлеръ вступилъ въ должность именно для того, чтобы способствовать принятію финансовыхъ законопроектовъ безъ участія либераловъ и облегчить дальнѣйшую совмѣстную работу правительства съ реакціоннымъ большинствомъ. Бетманъ-Гольвегъ не имѣетъ повода ни возставать противъ центра, ни вступать въ какія-либо соглашенія съ либеральною оппозиціею; онъ можетъ пра-

вить тихо и мирно при содѣйствіи господствующихъ охранительныхъ партій, не заботясь о либералахъ и демократахъ, къ которымъ самъ Вильгельмъ чувствуетъ особенную антипатію. Окажется ли новый канцлеръ болѣе послѣдовательнымъ и скромнымъ царедворцемъ, чѣмъ его предмѣстникъ? Или онъ также претендуетъ на роль самостоятельнаго государственнаго человѣка, хотя и консервативнаго? Въ этомъ отношеніи возможны пока только различныя догадки; несомнѣнно лишь одно—что положеніе либеральныхъ партій ухудшилось послѣ торжества „черныхъ" надъ Бюловомъ. Оппозиціонныя газеты утѣшаютъ себя рѣзкою полемикою противъ „питейнаго блока" и его главныхъ вдохновителей; консерваторы и аграріи въ свою очередь нападаютъ на либераловъ, обвиняя ихъ въ стремленіи подорвать авторитетъ высшихъ имперскихъ властей. Прогрессисты взываютъ къ единенію либераловъ; они доказываютъ, что внутренняя рознь отдѣльныхъ либеральныхъ группъ обрекаетъ ихъ на безсиліе, что онѣ должны сплотиться воедино для успѣшнаго противодѣйствія сторонникамъ реакціи и что внѣ этого нѣтъ спасенія для либерализма.

Необходимость объединенія прогрессивныхъ элементовъ составляетъ теперь любимую тему въ нѣмецкой либеральной печати. Но какъ и на какихъ основаніяхъ можетъ осуществиться это единеніе? Парламентскія группы свободомыслящихъ и прогрессистовъ должны, конечно, сблизиться между собою и выработать общую программу дѣйствій; но, соединившись вмѣстѣ, онѣ все-таки не составятъ крупной силы, способной оказать отпоръ могущественнымъ противникамъ. Націоналъ-либералы, оставаясь по нѣкоторымъ вопросамъ либералами, являются вообще націоналистами-патріотами и имѣютъ болѣе общаго съ умѣренными консерваторами, чѣмъ съ прогрессистами; однако и они признаютъ необходимость единенія съ другими либеральными группами, хотя и ограничиваются неопредѣленными пожеланіями въ этомъ духѣ. Одинъ изъ выдающихся вождей націоналъ-либеральной партіи, депутатъ Бассерманъ, произнесъ недавно интересную рѣчь, въ которой высказалъ весьма пессимистическіе взгляды на современное внутреннее положеніе Германіи. Въ народѣ, по его словамъ, замѣчается повсюду неудовольствіе и раздраженіе по поводу новыхъ обременительныхъ косвенныхъ налоговъ, которымъ не противопоставленъ налогъ съ имущества или съ наслѣдства, какъ имѣлось въ виду въ правительственномъ проектѣ; вся тяжесть податей возложена на трудящіеся и средніе классы, безъ привлеченія къ соотвѣтственнымъ жертвамъ богатыхъ собственниковъ и капиталистовъ—а этимъ явно нарушенъ „принципъ соціальной справедливости". Народное неудовольствіе краснорѣчиво выразилось при частичныхъ парламентскихъ выборахъ въ избирательномъ округѣ Нейштадтъ-Ландау, гдѣ „тысячи избирателей изъ партіи центра

перешли въ лагерь соціалъ-демократовъ" и гдѣ либералы также потеряли много голосовъ, доставшихся соціалъ-демократамъ; въ этомъ виноваты прежде всего предводители центра и аграріевъ, которые изъ ненависти къ либерализму открыто совѣтовали подавать голоса за враговъ буржуазіи и всего существующаго строя. Благодаря злосчастной финансовой реформѣ, соціалъ-демократія имѣетъ теперь гораздо лучшіе шансы, чѣмъ прежде, а либерализмъ очутился въ состояніи полнаго разстройства и упадка. Либерализмъ—продолжалъ Бассерманъ—разбитъ по всей линіи; если онъ не поднимется, не усвоитъ новыхъ пріемовъ организаціи и агитаціи, то онъ испытаетъ тяжелыя потери. Организоваться и агитировать—такова должна быть главная задача всѣхъ либеральныхъ группъ. Если изъ пораженія, понесеннаго либерализмомъ, будетъ извлеченъ этотъ спасительный урокъ, то можно надѣяться на лучшее будущее, на новый подъемъ либеральныхъ идей и чувствъ въ народныхъ массахъ. Бассерманъ говорилъ о либерализмѣ и либеральныхъ группахъ вообще, не останавливаясь отдѣльно на націоналъ-либералахъ; но изъ его собственныхъ разсужденій легко заключить, что идея общаго либеральнаго единенія не выходитъ еще изъ области мечтаній. Дѣло именно въ томъ, что либеральныя идеи Бассермана далеко не совпадаютъ съ идеями передовыхъ либеральныхъ партій и что Бассерману и его единомышленникамъ свойственны еще другія идеи, враждебныя либерализму. Партія Бассермана поддерживаетъ въ имперіи тѣ учрежденія и порядки, которыми подкапываются основы „соціальной справедливости"; націоналъ-либералы поощряютъ и одобряютъ систему безконечныхъ вооруженій, крайне тягостныхъ для Германіи и для всей Европы; они поощряютъ и одобряютъ внѣшнюю политику, основанную исключительно на соображеніяхъ военнаго могущества и соперничества; они допускаютъ пріемы легальнаго насилія относительно чужихъ народностей, подвластныхъ имперіи, какъ напримѣръ относительно поляковъ. Либеральныя идеи не могутъ процвѣтать тамъ, гдѣ онѣ подавляются интересами всепоглощающаго милитаризма и односторонняго націонализма. Напрасно Бассерманъ и его единомышленники жалуются на несправедливость и корыстолюбіе аграріевъ и клерикаловъ. Землевладѣльческое юнкерство и солидарный съ нимъ клерикализмъ вовсе не могли бы занимать господствующаго положенія въ государствѣ, еслибы принципы справедливости и безкорыстія лежали въ основѣ существующаго общественнаго строя. Охраняя этотъ сословно-бюрократическій строй въ его современномъ видѣ, націоналъ-либералы должны мириться и съ владычествомъ аграріевъ и клерикаловъ, и со всѣми неизбѣжными его послѣдствіями. Бассерманъ и его партія остаются при убѣжденіи, что важнѣйшая задача либерализма — борьба противъ

соціалъ-демократіи и что всѣ либеральныя партіи могутъ и должны сойтись на этой почвѣ. Главная опасность современнаго положенія усматривается націоналъ-либералами въ усиленіи шансовъ успѣха для соціалъ-демократической партіи—а между тѣмъ усиленіе послѣдней представляетъ наибольшую опасность для консерваторовъ-аграріевъ и клерикаловъ, противъ которыхъ возстаетъ и Бассерманъ. Передовые либералы и прогрессисты, за немногими исключеніями, также признаютъ своимъ долгомъ бороться противъ соціалъ-демократіи. Наконецъ, соціалъ-демократы относятся вообще отрицательно или крайне сдержанно къ проектамъ соглашеній и совмѣстныхъ дѣйствій съ либералами. Такимъ образомъ въ результатѣ выходитъ, что партіи „чернаго блока" могутъ спокойно пользоваться плодами своей побѣды, пока ихъ либеральные противники будутъ сводить свои счеты съ соціалъ-демократіей.

Отношеніе соціалъ-демократической партіи къ прогрессивно-либеральнымъ группамъ горячо обсуждалось, между прочимъ, въ многолюдномъ собраніи делегатовъ всѣхъ соціалъ-демократическихъ избирательныхъ союзовъ Берлина, 22 (9) августа. Первый ораторъ, перечисливъ грѣхи націоналъ-либераловъ и свободомыслящихъ, доказывалъ невозможность союза съ ними; единственная партія, съ которою можно бы еще столковаться—это новая демократическая группа, но она находится еще въ пеленкахъ. Соціалъ-демократія должна опираться на свои собственныя силы, которыя возростаютъ непрерывно съ каждымъ годомъ; теперь за нею стоитъ армія промышленныхъ рабочихъ, въ количествѣ семнадцати милліоновъ человѣкъ, и значительную часть этой массы нужно еще привлечь въ ряды партіи. „Хорошо было бы,—говорилъ далѣе тотъ же ораторъ—еслибы извѣстные партійные писатели больше дѣлали для разъясненія и распространенія соціалъ-демократическихъ идей и не давали оружія противникамъ своею излишнею откровенностью. Пора серьезно предостеречь такихъ партійныхъ писателей, чтобы они прекратили эту игру; въ противномъ случаѣ придется формально обсудить ихъ поведеніе и произнести надъ ними надлежащій приговоръ". Аудиторія шумно выражала свое сочувствіе этому осужденію откровенныхъ партійныхъ писателей, изъ которыхъ одинъ — Эдуардъ Бернштейнъ—присутствовалъ и долженъ былъ говорить въ этомъ же собраніи. Настроеніе аудиторіи опредѣлилось уже съ достаточною ясностью въ тотъ моментъ, когда передъ собраніемъ выступилъ Бернштейнъ. Встрѣченный, какъ сказано въ газетныхъ отчетахъ, „съ большимъ безпокойствомъ", онъ сразу коснулся самыхъ щекотливыхъ вопросовъ партійной тактики. „Въ данный моментъ — заявилъ онъ—не можетъ быть и рѣчи о блокѣ лѣвыхъ. Для этого слишкомъ враждебно противо-

стоятъ намъ тѣ партіи, которыя принято называть лѣвыми. Ни одинъ соціалъ-демократъ не можетъ имѣть склонность вступать въ блокъ съ этими партіями. Націоналъ-либералы должны быть совершенно оставлены въ сторонѣ. Они не пойдутъ вмѣстѣ съ соціалъ-демократами даже тамъ, гдѣ они страстно желали бы нанести ударъ центру и гдѣ соглашеніе не противорѣчило бы другимъ ихъ стремленіямъ. Немногимъ лучше обстоитъ дѣло съ свободомыслящими. Мы очень далеки отъ того, чтобы предлагать блокъ съ свободомыслящими или даже считать его возможнымъ. Но мы стоимъ передъ реформою прусской избирательной системы. Мы должны при этомъ пускать въ ходъ всѣ доступныя намъ средства. Относительно формъ избирательнаго права у насъ возможны еще разногласія съ либералами; но въ вопросѣ о перемѣнѣ распредѣленія избирательныхъ округовъ интересы ихъ совпадаютъ съ нашими. Въ настоящее время, благодаря существующему распредѣленію избирательныхъ округовъ, сельскіе округа господствуютъ надъ городскими, деревня управляетъ городомъ. На этомъ держится могущество консерваторовъ и центра. Здѣсь мы, такъ же, какъ и либералы, должны желать болѣе сильнаго представительства промышленности, и хотя блокъ съ свободомыслящими невозможенъ, тѣмъ не менѣе можно отчасти полагаться на ихъ содѣйствіе". Очевидно, Бернштейнъ имѣлъ въ виду настроеніе слушателей и прибѣгалъ къ разнымъ искусственнымъ оговоркамъ, чтобы доказать пользу временныхъ фактическихъ союзовъ при полномъ отрицаніи идеи блока; тѣмъ не менѣе всякій намекъ его на частичную солидарность интересовъ съ свободомыслящими встрѣчался протестами публики. Рѣчь Бернштейна въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ прерывалась разными возгласами и замѣчаніями, и оратору пришлось излагать свои доводы среди всеобщаго возбужденія. „Не слѣдуетъ—продолжалъ онъ — безсмысленно или безцѣльно преувеличивать противоположность между соціалъ-демократіею и свободомыслящими. Соціалъ-демократамъ чаще приходится подавать голоса вмѣстѣ съ свободомыслящими, чѣмъ съ другими партіями. Еслибы это зависѣло отъ нашей доброй воли, мы бы этого не дѣлали. Предъ нами—великіе реальные интересы рабочаго класса, которыхъ мы не въ правѣ оставить безъ вниманія. Борьба происходитъ между консерваторами и нами, между свободомыслящими и консерваторами. Для предлагаемой тактики существуютъ вѣскія основанія. Мы не обольщаемся относительно свободомыслящихъ, но мы не можемъ сдѣлать эту партію иною, чѣмъ она есть. Намъ нужно единство въ борьбѣ, но нужна также свобода дѣйствій въ нашихъ собственныхъ рядахъ. Нѣтъ надобности по каждому поводу кричать, что отечество въ опасности. Мы опираемся на классовое сознаніе рабочихъ; это та желѣз-

ная почва, на которой мы стоимъ. Когда же противникъ приводитъ цитату, то желѣзная почва превращается въ китайскій фарфоръ. Вѣдь никто не возражаетъ, когда цитируютъ Бебеля или Каутскаго, а протестуютъ только при цитатахъ изъ разсужденій Шиппеля и моихъ. Партія имѣетъ крупныя задачи, и потому она должна оставлять намъ значительную долю умственной свободы. Заботьтесь о томъ, чтобы каждый въ отдѣльности съ доброй волей и охотой участвовалъ въ работѣ партіи".

Указанія и совѣты Бернштейна не убѣждаютъ, а скорѣе только раздражаютъ соціалъ-демократовъ средняго типа. Многимъ кажется обиднымъ самое предположеніе о какой бы то ни было солидарности съ буржуазными партіями, а что касается свободы мнѣній, то она представляется опасною и ненужною для большинства. Кто начинаетъ слишкомъ свободно разсуждать о предметахъ вѣры, тотъ возбуждаетъ противъ себя подозрѣніе въ безвѣріи, и такое подозрѣніе давно уже высказывается противъ Бернштейна и его единомышленниковъ. Если Бернштейнъ допускаетъ право критики относительно основныхъ началъ соціалъ-демократіи, то, значитъ, онъ не вѣритъ въ эти начала и, слѣдовательно, не можетъ считаться настоящимъ соціалъ-демократомъ. Своею критикою онъ вноситъ въ умы разладъ и колебанія, и вмѣсто того, чтобы укрѣплять единство партіи, онъ подвергаетъ ее опасности разложенія. Эти обычныя партійныя возраженія особенно чувствительны, когда поднимается вопросъ объ отношеніяхъ къ чужимъ и, тѣмъ болѣе, враждебнымъ партіямъ. Либералы обыкновенно открещиваются отъ соціалъ-демократіи даже въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣютъ съ нею общіе интересы; поэтому трудно ожидать, чтобы соціалъ-демократы съ своей стороны относились болѣе снисходительно къ либераламъ. Оттого внутренній антагонизмъ среди различныхъ оппозиціонныхъ группъ не можетъ исчезнуть въ Германіи. Сильнѣйшая народная партія—соціально-демократическая—должна воевать на два фронта: противъ консерваторовъ, съ одной стороны, и противъ либераловъ—съ другой. Буржуазные прогрессисты и либералы тратятъ свои силы на борьбу съ соціалистическимъ движеніемъ, упуская изъ виду болѣе реальныхъ и могущественныхъ враговъ. Борьба между соціалъ-демократами и либералами какъ нельзя лучше обезпечиваетъ интересы аграріевъ и клерикаловъ, отвлекая въ то же время вниманіе активной оппозиціи отъ существенныхъ особенностей политическаго строя, благопріятныхъ для элементовъ реакціи. Въ этомъ заключается фатальное значеніе современной группировки лѣвыхъ партій въ Германіи.

Партійная замкнутость соціалъ-демократіи даетъ иногда поводъ къ недоумѣніямъ и инцидентамъ, болѣе или менѣе любопытнымъ съ

принципіальной точки зрѣнія. Недавно въ Штутгартѣ происходилъ партійный судъ надъ семью соціалъ-демократическими депутатами вюртембергскаго парламента, участвовавшими въ посѣщеніи замка въ Фридрихсгафенѣ по приглашенію короля. Собраніе мѣстнаго соціалъ-демократическаго союза признало поступокъ депутатовъ несогласнымъ съ основными воззрѣніями партіи. Обвиняемые ссылались въ свое оправданіе на то, что подобные визиты никогда не запрещались и что въ нихъ нѣтъ ничего предосудительнаго въ какомъ бы то ни было отношеніи; королю были хорошо извѣстны республиканскія убѣжденія депутатовъ, и послѣдніе своимъ участіемъ въ поѣздкѣ доказали, что они свободны отъ предразсудковъ, унаслѣдованныхъ еще отъ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Эти доводы были рѣшительно отвергнуты значительнымъ большинствомъ собранія, и на будущее время постановлено не допускать такого рода вольностей. Въ данномъ случаѣ депутатамъ ставился въ вину самый фактъ личныхъ сношеній съ королемъ, независимо отъ характера этихъ сношеній. Быть можетъ, депутаты говорили и дѣйствовали неуклонно какъ соціалъ-демократы; быть можетъ, они не только не отступали отъ основныхъ воззрѣній своей партіи, но, напротивъ, пожелали поддержать и пропагандировать свои идеи въ высшихъ сферахъ; наконецъ, быть можетъ, они просто воспользовались случаемъ для поучительныхъ наблюденій въ такой области, которая мало доступна большинству обыкновенныхъ смертныхъ. Партійный судъ не входилъ въ разсмотрѣніе этихъ обстоятельствъ, и его приговоръ въ сущности сводится къ тому, что для мѣстной соціалъ-демократіи признается обязательнымъ игнорировать существующій въ Вюртембергѣ политическій строй. Конечно, этотъ строй не измѣнится отъ того, что его будутъ игнорировать соціалъ-демократы; но самое рѣшеніе игнорировать извѣстныя явленія равносильно отказу отъ возможнаго на нихъ воздѣйствія. Въ этомъ смыслѣ вюртембергскій инцидентъ является характернымъ для всей вообще соціалъ-демократіи. Соціалъ-демократическая партія, исповѣдуя въ теоріи опредѣленные политическіе принципы, совершенно не интересуется ими на практикѣ. Старинныя политическія учрежденія и связанные съ ними традиціонные порядки игнорируются соціалъ-демократіею, остаются внѣ обычнаго круга ея наблюденій и интересовъ и не подвергаются ея критикѣ. Между тѣмъ многія особенности германскаго политическаго быта даютъ цѣнный матеріалъ для критическихъ наблюденій и выводовъ.

Приведемъ только одинъ примѣръ. Въ половинѣ августа (нов. ст.) праздновалась годовщина знаменитой побѣды Арминія надъ римлянами въ Тевтобургскомъ лѣсу. На это празднество не былъ приглашенъ или не пожелалъ быть приглашеннымъ императоръ Вильгельмъ II, въ виду

давнишнихъ натянутыхъ отношеній его съ владѣтельнымъ княземъ Липпе-Детмольдъ, во владѣніяхъ котораго находится памятникъ Арминія. Князь Липпе-Детмольдъ, не смотря на сравнительно ничтожное значеніе своего „государства", состоитъ въ числѣ союзныхъ германскихъ государей и пользуется въ этомъ качествѣ автономіею, неприкосновенною для императорской власти. Ни германскій императоръ, ни его совѣтники, ни нѣмецкое общественное мнѣніе не находятъ въ этомъ ничего ненормальнаго, ничего обиднаго для величія и могущества имперіи. Никому не приходитъ въ голову предлагать воспользоваться могуществомъ имперіи, чтобы положить конецъ самостоятельному существованію тѣхъ маленькихъ герцогствъ и княжествъ феодальнаго типа, которыя сохранились еще въ составѣ нынѣшней Германіи. Никто не поднимаетъ вопроса о томъ, что эти небольшія автономныя владѣнія вредятъ единству и авторитету имперіи, хотя они несомнѣнно составляютъ аномалію съ точки зрѣнія нѣмецкаго національнаго единства. Если Вильгельмъ II ничего не предпринимаетъ для преобразованія имперіи на новыхъ началахъ и если отдѣльные германскіе патріоты не подзадориваютъ его въ этомъ направленіи, то это объясняется лишь неискоренимымъ всеобщимъ уваженіемъ нѣмцевъ къ установившемуся историческому праву.

Принципъ: „сила выше права", не существуетъ и не примѣняется во внутренней жизни Германіи; напротивъ, культъ права, какъ господствующаго и первенствующаго начала, крѣпко держится у нѣмцевъ, и это обстоятельство позволяетъ германской націи жить полною и свободною политическою жизнью при довольно неудовлетворительныхъ конституціонныхъ законахъ и порядкахъ. Германское чиновничество, какъ высшее, такъ и низшее, всегда отличалось добросовѣстностью въ толкованіи законовъ и въ примѣненіи своихъ полномочій; ограничительныя и запретительныя мѣры, принятіе которыхъ предоставлено администраціи, пускаются въ ходъ чрезвычайно рѣдко и фактически почти выходятъ изъ употребленія. Нѣмецкіе законы о печати и о публичныхъ собраніяхъ даютъ правительственнымъ и судебнымъ органамъ довольно широкія права преслѣдованія и пресѣченія; въ законахъ о печати имѣются статьи, напоминающія нашу 129-ую статью уложенія, но тамъ не дѣлалось попытокъ превращенія этихъ законовъ въ орудіе политической борьбы. Правительственныя власти въ Пруссіи и Германіи сохраняютъ традиціи честности не только въ элементарномъ, но и въ широкомъ общественномъ смыслѣ; онѣ не злоупотребляютъ своими формальными правами и никогда не забываютъ той простой истины, что правительство существуетъ для общества и народа, а не наоборотъ. Оттого нѣмцы такъ легко переносятъ періоды такъ называемой реакціи: общественныя и политическія

права гражданъ—не говоря уже о личныхъ правахъ—остаются неприкосновенными при всякихъ перемѣнахъ внутренней политики.

Въ международной политикѣ Европы поднимаются отъ времени до времени одни и тѣ же вопросы, которые отъ частаго безплоднаго обсужденія становятся мучительными и пріобрѣтаютъ репутацію безнадежности. Таковъ именно критскій вопросъ. Сколько разъ онъ былъ уже близокъ къ окончательному благополучному рѣшенію и затѣмъ опять откладывался въ сторону, въ ожиданіи лучшихъ временъ! Съ 1897-го года Кандія пользуется автономнымъ управленіемъ подъ гарантіею и покровительствомъ четырехъ державъ—Англіи, Франціи, Россіи и Италіи; связь съ Турціею остается только номинальною. Казалось бы, что при этихъ условіяхъ населеніе Кандіи могло бы спокойно развиваться и устраивать свои дѣла безъ лишнихъ тревогъ и волненій. Но кандіоты жаждутъ возсоединиться съ Греціею и стремятся во что бы то ни стало осуществить эту старинную мечту, что въ дѣйствительности не доставитъ никакихъ реальныхъ выгодъ ни той, ни другой сторонѣ. Годъ тому назадъ, когда Боснія съ Герцеговиною была присоединена къ Австро-Венгріи, а Болгарія объявила себя независимою, народное представительство Крита нашло своевременнымъ провозгласить отпаденіе страны отъ Турціи и возсоединеніе съ Греціею. Кабинеты покровительствующихъ державъ отнеслись къ этому акту безъ непріязни и обнаружили даже готовность способствовать достиженію желаннаго результата при помощи дипломатическихъ переговоровъ съ Портою. Въ концѣ прошлаго іюля (27/14-го) державы должны были удалить съ острова свои военные отряды, въ виду истеченія назначеннаго срока международной оккупаціи. Тотчасъ послѣ удаленія этихъ иностранныхъ войскъ мѣстные патріоты подняли надъ крѣпостью города Канеи греческій національный флагъ, какъ символъ присоединенія острова къ Греческому королевству. Но къ этому времени положеніе дѣлъ на ближнемъ Востокѣ совершенно измѣнилось. Турція, обновленная удачнымъ революціоннымъ движеніемъ, избавилась отъ Абдулъ-Гамида и получила новаго султана; она вынуждена была уже примириться съ потерею Босніи и Герцеговины и съ окончательнымъ отпаденіемъ Болгаріи, но возмутилась вызывающими дѣйствіями грековъ и обратила весь свой патріотическій гнѣвъ противъ Греціи. Порта грозила войною, если Греція не откажется формально отъ своихъ притязаній на Кандію и не прекратитъ своего косвеннаго участія въ македонскихъ волненіяхъ. Требованія и ноты Порты имѣли рѣзкій, категорическій характеръ и указывали на рѣшимость турецкаго правительства привести свои угрозы въ исполненіе. Греція волно-

валась съ одной стороны мыслью о Кандіи, съ другой—опасностью неизбѣжнаго военнаго разгрома. Въ дѣло вмѣшалась дипломатія, и обострившійся кризисъ разрѣшился безъ кровопролитія. Высадившіеся морскіе отряды покровительствующихъ державъ сняли греческій флагъ съ крѣпости Канеи 18 (5-го) августа, и островъ остался въ прежнемъ положеніи автономной области, свободной фактически и отъ турецкаго владычества, и отъ сомнительныхъ благодѣяній греческаго управленія. Греки на этотъ разъ запоздали съ своимъ присоединеніемъ Крита и должны были опять отступить, безъ всякой надежды на скорый поворотъ судьбы. Быть можетъ, со временемъ жители Кандіи привыкнутъ къ своему мирному полу-независимому существованію и перестанутъ стремиться перейти во что бы то ни стало подъ власть метрополіи, которая сама очень плохо справляется съ своими собственными дѣлами.

Испанія, нищенски бѣдная у себя дома и богатая только католическимъ монашествомъ и монастырями, впуталась въ ненужную и безплодную войну съ воинственными кабилами въ Марокко, и успѣла уже потерпѣть нѣсколько серьезныхъ пораженій въ окрестностяхъ занятаго испанцами приморскаго города Мелилья. Въ видѣ протеста противъ отправленія дальнѣйшихъ испанскихъ отрядовъ на войну въ Марокко, вспыхнуло возстаніе въ разныхъ мѣстахъ Каталоніи и особенно въ Барселонѣ (27—31-го) іюля, гдѣ множество монастырей подверглось жестокому и варварскому разгрому. Растерявшіяся испанскія власти вскорѣ собрались съ силами и, по обыкновенію, проявили безпощадную энергію уже послѣ того какъ безпорядки прекратились. Правительство сурово расправляется съ предполагаемыми революціонерами въ Барселонѣ и продолжаетъ напрягать всѣ силы и средства государства для борьбы съ марокскими туземцами, пока—безъ успѣха. Побѣда надъ внѣшнимъ непріятелемъ не дается испанцамъ съ такою легкостью, какъ расправа съ собственными согражданами.

Представители промышленности и дѣятели рабочаго движенія въ западной Европѣ съ большимъ интересомъ слѣдятъ за ходомъ грандіозной всеобщей забастовки, разыгравшейся въ Швеціи съ начала августа (нов. ст.). Эта забастовка глубоко поучительна въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, она возникла и организовалась на чисто экономической почвѣ, безъ всякихъ политическихъ примѣсей, и во-вторыхъ, она происходитъ при условіяхъ полной равноправности и корректности борьбы, безъ вмѣшательства правительства и его органовъ, и потому представляетъ собою наглядный опытъ рѣшенія одного изъ

крупныхъ соціальныхъ вопросовъ современности. Промышленные хозяева рѣшили показать рабочему классу, что сила находится на ихъ сторонѣ и что они имѣютъ полную возможность предписывать пролетаріату свои условія; они стали прибѣгать къ массовымъ роспускамъ рабочихъ — „локаутамъ", въ отвѣтъ на протесты противъ пониженія рабочей платы подъ предлогомъ хозяйственнаго кризиса. По мѣрѣ того, какъ распространялись локауты, усиливалась и расширялась забастовка, охватывая все болѣе значительный кругъ промышленныхъ предпріятій. Съ одной стороны, капиталисты выбрасывали на улицу десятки тысячъ рабочихъ, съ другой—рабочіе покидали свои мастерскія, фабрики и заводы, прекращая самую жизнь въ разныхъ отрасляхъ промышленности. До полумилліона рабочихъ охвачено этимъ движеніемъ, разорительнымъ для обѣихъ борющихся сторонъ и для всего народа. Капиталисты теряютъ милліоны, но могутъ держаться очень долго, опираясь на свои накопленныя средства и на существующую организацію кредита; имъ во всякомъ случаѣ не грозитъ голодъ, какъ рабочимъ, и оттого шансы борьбы далеко не равны для воюющихъ. Рабочія организаціи другихъ странъ оказываютъ щедрую поддержку шведскимъ рабочимъ; отъ нѣмецкихъ рабочихъ поступило болѣе трехсотъ тысячъ марокъ, сверхъ суммъ, внесенныхъ въ стачечный фондъ изъ партійной соціалъ-демократической кассы; огромныя суммы получаются изъ Америки,—но все это только отчасти смягчаетъ тягостныя испытанія и бѣдствія, выпавшія на долю сотенъ тысячъ семействъ шведскихъ рабочихъ. При самомъ началѣ забастовки промышленные хозяева получили въ свое распоряженіе отъ синдиката крупнѣйшихъ банковъ двѣнадцать милліоновъ франковъ, а рабочіе не могутъ пользоваться кредитомъ даже при пріобрѣтеніи необходимыхъ средствъ пропитанія для своихъ семействъ. Эта печальная сторона экономической борьбы между рабочими и хозяевами, къ сожалѣнію, слишкомъ часто забывается теоретиками, разсуждающими о всеобщей забастовкѣ при современныхъ хозяйственныхъ условіяхъ.

ИЗЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ

Въ газетахъ промелькнули слухи о томъ, что предстоящей осенью въ Петербургѣ состоятся двѣ интересныя выставки—польскихъ художниковъ и чешскихъ, — и что въ то же время въ Прагѣ самымъ

крупнымъ славянскимъ художественнымъ обществомъ, „Манесъ“, организуется первая большая коллективная выставка произведеній русскихъ живописцевъ. Оба извѣстія имѣютъ большое художественное и культурное значеніе. Общество „Манесъ“ и раньше входило въ переговоры съ нѣкоторыми нашими художественными дѣятелями, но результатовъ эти переговоры не дали никакихъ. Одно время совсѣмъ налаженъ былъ переводъ изъ Вѣны въ Прагу выставки, съ большимъ успѣхомъ устроенной въ Вѣнѣ г. Филипповымъ; но и это дѣло въ послѣдній моментъ распалось. Неудачи первыхъ попытокъ не охладили желанія пражскихъ художниковъ и художественныхъ дѣятелей видѣть у себя картину современнаго русскаго живописнаго искусства, и вопросъ объ устройствѣ въ Прагѣ русской художественной выставки снова выдвигается на очередь.

Мы не знаемъ частностей этого начинанія, но предполагаемъ, что пражцы лучше всего поступили бы, еслибы съ предложеніемъ организовать выставку обратились къ „союзу русскихъ художниковъ“—организаціи въ настоящій моментъ наиболѣе типичной, имѣющей въ своемъ составѣ лучшія художественныя силы страны и могущей развернуть передъ славянами дѣйствительно характерную картину нашего живописнаго искусства, стоящаго на такой высокой ступени развитія.

Можно думать, что и „союзъ“ не отклонитъ отъ себя такое дѣло. Надо же въ концѣ концовъ порвать съ обычаемъ, въ силу котораго русскіе художники всегда идутъ въ дѣлѣ организаціи выставокъ у кого-нибудь на помочахъ—сегодня Дягилева, завтра С. Маковскаго, и такъ далѣе. Уже изъ стана самихъ художниковъ—членовъ „союза“—раздался голосъ, протестующій противъ такого образа дѣйствій. Александръ Бенуа какъ-то писалъ: „во имя самолюбія художниковъ, во имя принципа свободы творчества, во имя живой непосредственной жизни, хочется протестовать противъ выставокъ избранно-эстетическаго характера, въ которыхъ выборъ и подборъ дѣлается вкусомъ одного лица, какого-то arbiter elegantiarum. Я первый всегда любуюсь стихійнымъ вкусовымъ темпераментомъ Дягилева; я научился на опытѣ цѣнить изощренное чувство изящнаго въ г. Маковскомъ. Но все же я считаю вреднымъ для самаго существованія и развитія искусства ихъ „просвѣщенный деспотизмъ“.—Съ этими словами нельзя не согласиться. Неужели наши художники и теперь останутся инертными и убоятся заботъ, неизбѣжно связанныхъ съ организаціей выставки? Если такое отношеніе вредно отзывается на выставкахъ, устраиваемыхъ въ своей странѣ, то тѣмъ болѣе оно вредно для выставокъ, организуемыхъ за границей. Пора самимъ художникамъ поволноваться о томъ, чтобы представить въ родственной намъ славянской землѣ то искусство, которому они служатъ, съ возможно большей

широтой и полнотой. А за примѣромъ и ходить недалеко. Тѣ же пражцы, то же общество „Манесъ", предполагая устроить выставку произведеній своихъ художниковъ въ Петербургѣ, приступаетъ къ этому сложному и трудному дѣлу исключительно своими собственными силами, не призывая на помощь никакихъ спеціалистовъ по устройству выставокъ.

Привѣтствуя энергію пражскихъ художниковъ и ихъ идею—показать намъ свое искусство, нельзя не сдѣлать нѣсколько „расхолаживающихъ" замѣчаній. Дѣло вотъ въ чемъ. Я уже сказалъ, что во время предстоящаго сезона въ Петербургѣ предполагаются выставки польскихъ художниковъ и чешскихъ. И вотъ, я сомнѣваюсь въ успѣхѣ этихъ выставокъ каждой въ отдѣльности, особенно чешской. Въ Богеміи живописное искусство далеко не достигло такой высокой ступени развитія и не настолько характерно, чтобы стоило тратить время, энергію и силы для того, чтобы везти произведенія его въ Петербургъ изъ далекой Праги. Чешскіе художники все время находились подъ самымъ гнетущимъ, самымъ разлагающимъ вліяніемъ нѣмецкихъ мастеровъ. Нѣмецкими учителями старательно и успѣшно вытравлялось изъ мастерства чешской художественной молодежи все, что было въ немъ характернаго, типично чешскаго, національнаго. Мюнхенъ для чешскихъ художниковъ въ продолженіе многихъ и многихъ годовъ былъ какой-то художественной Меккой, куда съѣздить на поклоненіе считалъ своимъ непремѣннымъ долгомъ каждый изъ нихъ. Не побывавъ въ Мюнхенѣ и не поработавъ у мѣстныхъ профессоровъ, никто изъ чешскихъ художниковъ не считался достойнымъ быть принятымъ въ семью живописцевъ; клеймо „made in Germany" требовалось неукоснительно.

И такъ продолжалось довольно долго, пока сильный талантомъ и духомъ, удивительный мастеръ кисти Іосифъ Манесъ не опрокинулъ этого непреодолимаго влеченія своихъ товарищей къ Мюнхену. Всей силой своего крупнаго дарованія онъ сбросилъ съ себя тотъ налетъ, который оставлялъ Мюнхенъ. Онъ сталъ широко черпать сюжеты для своихъ работъ изъ жизни славянъ Богеміи и Моравіи, показалъ, что природа родины такъ же хороша и поэтична, какъ и иноземная, и даже въ свои пейзажи съумѣлъ внести извѣстный національный отпечатокъ. Горячій и нервный, Манесъ, гдѣ только могъ, проповѣдывалъ „отлученіе" отъ мюнхенцевъ, ратовалъ за свободную славянскую художественную школу. И проповѣдь его пала на подготовленную почву; чешскіе художники давно тяготились нѣмецкимъ вліяніемъ и радостно пошли на кличъ Манеса. Національный духъ, властно царившій въ произведеніяхъ Іосифа Манеса и въ его рѣчахъ, увлекъ за собой немало талантливыхъ чешскихъ живописцевъ, преимущественно тѣхъ,

кто работалъ въ его мастерской. Хине, Женичекъ, Алечъ, Швегеръ, Енгельмюллеръ, Шиканедеръ, Свабинскій, Славичекъ, Упрка, Прейслеръ, Гофбауеръ, Стретти, Симонъ, Бэмъ, Новакъ, Чермакъ, Шитусси, Брозикъ, Дедина, Марольдъ, Купка—всѣ пошли по тому пути, который проложилъ Манесъ, и создали много въ высшей степени интереснаго. Теперешняя художественная чешская молодежь впала даже въ иную крайность (хотя худого въ этой крайности ничего нѣтъ): она словно боится Мюнхена и не остается тамъ дольше того времени, которое требуется для осмотра его художественныхъ галлерей или выставокъ. Для своего художественнаго развитія почти всѣ ѣдутъ въ Парижъ или Брюссель. И во Франціи полюбили искреннихъ, даровитыхъ художниковъ-славянъ. Они—желанные гости во многихъ „салонахъ".

Но искусство чешскихъ художниковъ, при всѣхъ своихъ несомнѣнныхъ, очень значительныхъ положительныхъ данныхъ, все-таки недостаточно характерно и имѣетъ много общихъ чертъ съ живописнымъ искусствомъ другихъ зарубежныхъ славянъ. И намъ казалось бы гораздо болѣе цѣлесообразнымъ и безопаснымъ даже съ матеріальной точки зрѣнія, чтобы чешскіе художники не пріѣзжали къ намъ одни, особнякомъ отъ другихъ славянскихъ живописцевъ. Болгарское и сербское искусство развивается быстрымъ темпомъ; познакомиться съ нимъ представляло бы большой интересъ. Моравскіе художники за послѣднее время дали столько вполнѣ опредѣленныхъ художественныхъ репутацій, столько типичныхъ мастеровъ, что ихъ отдѣлъ на такой выставкѣ, особенно еслибы въ немъ приняли участіе пейзажистъ Кальвода, напоминающій своимъ мастерствомъ работы Левитана, или ловкій, элегантный портретистъ Свабинскій, имѣлъ бы замѣтный успѣхъ. Наконецъ, къ такой общеславянской художественной выставкѣ несомнѣнно примкнули бы и польскіе художники, съ искусствомъ которыхъ мы почти совершенно незнакомы. Многіе ли изъ насъ, даже близко интересующихся искусствомъ, знаютъ, что польскіе художники стоятъ на очень высокомъ уровнѣ техники, что они глубоко привлекательны своей страстной любовью къ родной старинѣ, что духъ чистаго и высокаго патріотизма блещетъ на ихъ полотнахъ? Многіе ли знаютъ, что польскіе художники—удивительные рисовальщики, ловкіе и остроумные иллюстраторы?

По нашему мнѣнію чешское общество „Манесъ", разъ оно задумало устроить выставку произведеній своихъ художниковъ въ Петербургѣ, сдѣлало бы несравненно болѣе значительное и важное дѣло, еслибы, пользуясь своимъ авторитетомъ и популярностью среди всѣхъ славянскихъ художниковъ, устроило именно всеславянскую художественную выставку. На такое дѣло откликнулись бы сейчасъ русскія организаціи, пропагандирующія славянское дѣло въ Россіи, и передъ

русской публикой, передъ русскими художниками можно было бы развернуть широкую картину современнаго славянскаго живописнаго искусства, въ которомъ такъ ясно и опредѣленно выражаются идеи тѣснѣйшаго сближенія славянскихъ народностей и ихъ національнаго самосознанія.

Если всеславянская художественная выставка осуществится, если польскій ея отдѣлъ будетъ представленъ съ достаточной полнотой и въ немъ будутъ фигурировать молодые художники, вышедшіе за послѣдніе годы изъ стѣнъ варшавской художественной школы, то это будетъ новый конфузъ, и притомъ весьма солиднаго свойства, для нашей почтенной академіи художествъ.

Дѣло въ томъ, что, какъ изстари уже установилось, нашей академіи художествъ, вѣрнѣе—тѣмъ старцамъ, что засѣдаютъ въ „правленіи" ея и вершатъ наши художественныя судьбы, — все, въ чемъ только видно молодое, непосредственное и оригинальное, кажется чѣмъ-то крамольнымъ, опаснымъ, заслуживающимъ не поддержки, а „искорененія". Въ силу этой своеобразной точки зрѣнія, на отчетныхъ выставкахъ провинціальныхъ рисовальныхъ школъ, подвѣдомственныхъ академіи, рисовальной школѣ въ Варшавѣ никогда не только не давалось просимыхъ, весьма незначительныхъ субсидій, но даже при распредѣленіи мѣстъ на выставкѣ старательно отводили ей уголки подальше и незамѣтнѣе. Нужды нѣтъ, что варшавская художественная школа уже давно привлекаетъ самое серьезное вниманіе нашей критики и на отчетныхъ выставкахъ въ первую голову идутъ смотрѣть работы этой „отверженной" школы, а не трафаретныя экзерсиціи иныхъ школъ, любезныхъ академіи художествъ. Академическое начальство на все это упорно закрываетъ глаза, и если къ нему обращаются съ прямымъ вопросомъ, за что оно такъ нетерпимо относится къ варшавянамъ, отвѣтъ получается въ такомъ духѣ: варшавская школа даетъ слишкомъ много свободы молодежи, распускаетъ ее; не видно въ представляемыхъ работахъ достаточной штудировки. Въ этой школѣ „мало школы", съострилъ какъ-то при мнѣ одинъ изъ членовъ академическаго „правленія". И, остря, проходили мимо экспонатовъ варшавской художественной школы и отдавали награды и субсидіи другимъ, послушнымъ и менѣе „свободнымъ" школамъ. Между тѣмъ иностранцы, чуткіе ко всему художественному, талантливому и характерному, уже давно внимательно присматриваются къ тому, что выходитъ изъ стѣнъ отверженной академіей школы. Года два тому назадъ мнѣ лично приходилось много слышать за границей въ высшей степени лестнаго по адресу варшавской художественной школы. Интересовались — кто стоитъ во главѣ ея, каковъ составъ препода-

вателей; распрашивали о методахъ преподаванія. Особенно удивило меня, что въ Мюнхенѣ—въ этомъ міровомъ художественномъ центрѣ—такъ же много было распросовъ о варшавянахъ. Этотъ фактъ очень значителенъ. Мюнхенскіе художественные круги — судьи очень придирчивые, осторожные, цѣнящіе каждое свое слово чуть ли не на вѣсъ золота. Ни отзывамъ компетентныхъ лицъ художественнаго міра Запада, ни тому, что въ парижскомъ осеннемъ салонѣ нѣсколько учениковъ варшавской школы, не закончившихъ даже своего художественнаго образованія, экспонировали съ завиднымъ для начинающихъ художниковъ успѣхомъ, ни тому, что одинъ изъ значительнѣйшихъ конкурсовъ на стипендіи въ „Cercle International des Beaux-Arts" былъ для этой школы сплошнымъ тріумфомъ (изъ семи стипендій — шесть достались ея ученикамъ), ни тому, наконецъ, что лучшимъ ученикомъ у профессора Умара въ Мюнхенѣ считается г. Канторъ, ученикъ той же варшавской школы—наша академія художествъ ни вѣры, ни значенія не придаетъ. Не было еще случая, чтобы она созналась въ ошибкахъ и приложила бы хоть какія-нибудь усилія къ тому, чтобы исправить ихъ. И пока затхлая атмосфера нашей академіи не провѣтрится самымъ основательнымъ образомъ, пока въ число членовъ ея собранія не войдутъ, на смѣну отживающимъ свой вѣкъ ветеранамъ искусства, энергичные и свѣжіе дѣятели, до тѣхъ поръ все молодое, талантливое и непосредственное обречено на такое же пренебреженіе, какое мы видимъ по отношенію къ варшавской художественной школѣ. Тѣмъ значительнѣе и почтеннѣе энергія, съ которою руководители варшавской художественной школы проводятъ свою задачу.

Съ интересомъ будемъ ждать будущей отчетной выставки въ академіи художествъ и не сомнѣваемся, что въ гнетущей шаблонности, отличающей почти всѣ подвѣдомственныя академіи рисовальныя школы, варшавская школа, какъ всегда, представитъ собой отрадное исключеніе.

Недовѣріе къ академіи, вполнѣ основательно существующее въ средѣ нашихъ художниковъ, послужило причиной того, что русскій художественный отдѣлъ на десятой международной художественной выставкѣ въ Мюнхенѣ, не устраивавшійся въ продолженіе многихъ лѣтъ, вышелъ на рѣдкость сумбурнымъ и нетипичнымъ. Академія, взявшая на себя организацію этого отдѣла, рѣшила совершенно основательно, что надо пригласить къ участію въ этомъ отдѣлѣ всѣхъ русскихъ художниковъ, безъ различія направленія; но она не приняла въ разсчетъ, что многіе изъ нашихъ художниковъ не пойдутъ на выставку, устраиваемую подъ ея флагомъ. Такъ оно и вышло на дѣлѣ. Стоитъ только привести перечень именъ художниковъ, пославшихъ

въ Мюнхенъ свои работы, чтобы съ очевидностью стала ясной та сумбурность, о которой мы только-что говорили. И эта сумбурность нашего художественнаго отдѣла особенно ощутительна именно теперь, когда къ русскому искусству вниманіе на Западѣ все растетъ и растетъ, когда за нимъ пытливо слѣдятъ широкіе круги любителей искусства, не говоря уже о критикахъ, посвящающихъ нашимъ художникамъ цѣлыя изслѣдованія — напримѣръ творчеству К. А. Сомова, мастерствомъ котораго такъ увлекаются во Франціи и Германіи. Вотъ перечень участниковъ русскаго художественнаго отдѣла: И. Рѣпинъ, Ап. Васнецовъ, Нестеровъ, Сѣровъ, Кустодіевъ, Н. Кузнецовъ, Мурашко, Архиповъ, Касаткинъ, Жуковскій, Головковъ, Крыжицкій, Зарубинъ, Бялыницкій-Бируля, Пурвитъ, Столица, Рыловъ, Виноградовъ, Первухинъ, Шлуглейтъ, Колесниковъ, Бродскій, Горѣловъ, Куликовъ, Юонъ, Рябушкинъ, Фокинъ, Зайцевъ, Фоминъ, Малютинъ, Рерихъ, Добужинскій, Александръ Бенуа, Кардовскій, Пастернакъ, Фешинъ, Химона, Холявинъ, Врублевскій, Овсянниковъ, Кисилева, Остроумова-Лебедева, Ю. Рѣпинъ, Творожниковъ, Г. Мясоѣдовъ, К. Лебедевъ, Конст. и Вл. Маковскіе, Волковъ, Пимоненко, Демьяновъ, Плотниковъ, Петровъ, Серегинъ, Скалонъ, Боборовскій, Борисовъ, Свищевскій, Манганари, Шмидтъ, Липгартъ, Зейденбергъ, Вагнеръ, Владимировъ, Антокольскій, Андреевъ и Гинзбургъ. Въ сторонѣ отъ русскихъ художниковъ, во французскомъ отдѣлѣ, выставилъ П. Трубецкой.

Это — настолько пестрое собраніе, что о характерности нашего художественнаго отдѣла не можетъ быть и рѣчи. Въ сущности, на академическій кличъ отозвались только члены товарищества передвижниковъ и „союза русскихъ художниковъ", да два-три художника другихъ нашихъ корпорацій. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе отъ современнаго русскаго живописнаго искусства получатъ иностранцы, когда рядомъ съ произведеніями Сѣрова они увидятъ „художественность" Г. Г. Мясоѣдова или бокъ-о-бокъ съ Рерихомъ— К. Лебедева, и такъ далѣе.

На этотъ разъ вина лежитъ все-таки не столько на академическомъ начальствѣ, сколько на самихъ нашихъ художникахъ. Одно изъ двухъ: или совсѣмъ не откликаться на академическій призывъ, а ужъ если откликаться, то надо было позаботиться о томъ, чтобы нашъ художественный отдѣлъ не представлялъ собой такую неразбериху, какую представляетъ теперь. Это — лишнее доказательство инертности нашихъ художниковъ и того, какъ мало они заботятся о томъ дѣлѣ, которому служатъ. Академія художествъ только исполнила то, что̀ ей было поручено — разослала приглашенія, произвела какую-то экспертизу, запаковала все добро въ ящики и отправила по назначенію. Со

своей точки зрѣнія она все сдѣлала, какъ нужно. А что изъ этого получился нѣкоторый конфузъ, то ей до того заботы немного.

Русскій отдѣлъ на международной художественной выставкѣ въ Мюнхенѣ — новое, краснорѣчивое доказательство того, какъ наши художники избалованы всякими устроителями выставокъ, берущими на себя всѣ хлопоты, всю отвѣтственность за организацію. Они такъ боятся всѣхъ волненій, связанныхъ съ выставками, что рады искренно, когда кто-нибудь возьмется за это дѣло. Нужды нѣтъ, что послѣ нѣкоторыхъ выставокъ, даже удачныхъ въ художественномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, художники начинаютъ плакаться на самихъ себя и казниться, зачѣмъ, молъ, выставку не устраивали сами, зачѣмъ такъ мало заботились о ней. Но плакать—плачутся, а въ конечномъ результатѣ все-таки идутъ гурьбой къ стороннимъ людямъ.

Нѣтъ у насъ въ средѣ самихъ художниковъ энергичнаго и дѣятельнаго человѣка, который бы расшевелилъ своихъ товарищей и разъ навсегда положилъ бы конецъ такимъ отдѣламъ русскаго искусства на выставкахъ, какой мы видимъ на международной выставкѣ въ Мюнхенѣ. Неужели еще долго нашими художниками будетъ владѣть всякій, у кого въ рукахъ будутъ выставочные павильоны или залы и горсточка денегъ для устройства выставокъ?

Ив. Лазаревскій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 сентября 1909.

I.

— Эразмъ Пильцъ. „Русская политика въ Польшѣ“. (Переводъ съ польскаго: „Polityka Rosyjska w Polsce“).

Основатель выходившаго въ Петербургѣ польскаго еженедѣльнаго журнала „Kraj“ Эразмъ Пильцъ, бывшій его издателемъ и редакторомъ въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ, выступилъ недавно съ „открытымъ письмомъ къ руководителямъ русской политики“. Это — объемистая

брошюра, представляющая историческій взглядъ на отношенія русскаго правительства къ польскому вопросу.

„Kraj“ издавался при дѣятельномъ участіи покойнаго Спасовича, котораго авторъ брошюры называетъ своимъ другомъ и учителемъ. Политической идеей Спасовича, усвоенной и его ученикомъ, было именно то сближеніе или соглашеніе между русскимъ и польскимъ народами, о которомъ такъ настойчиво говорилось на недавнихъ славянскихъ съѣздахъ.

Не лишенъ былъ значенія, какъ признакъ перемѣны въ настроеніи польскаго общества, самый успѣхъ, пріобрѣтенный „Краемъ“ въ то глухое время, съ 1882 по 1895 годъ, когда въ Польшѣ господствовала система безусловной репрессіи, не оправдывавшаяся никакими волненіями, и когда поляки не видѣли передъ собой даже никакой надежды на смягченіе этой системы, на какія-либо улучшенія въ положеніи страны. Въ ней дѣйствовалъ военный режимъ, вдохновляемый мѣстной бюрократіей, которая выслуживалась придумываніемъ все новыхъ и новыхъ мѣръ, направленныхъ прямо къ обрусенію царства польскаго. Понятно, что при такихъ условіяхъ о фактическихъ шагахъ къ сближенію не могло быть рѣчи. Но и самое проведеніе этой идеи въ польскомъ органѣ представлялось бы невозможнымъ, еслибы въ польскомъ обществѣ, подъ вліяніемъ разгрома Франціи, основанія германской имперіи и успѣшно совершившагося примиренія австрійскихъ поляковъ съ государствомъ, къ которому они были присоединены, не назрѣла уже мысль о безнадежности всякихъ дальнѣйшихъ попытокъ возстанія и о необходимости для всѣхъ трехъ частей прежней Польши лойяльно признать и использовать свою связь съ государствами, въ составъ которыхъ онѣ вошли. Послѣ тридцати-лѣтняго административнаго гнета, исключавшаго всякую общественную иниціативу, при отсутствіи земскихъ и даже дворянскихъ и городскихъ выборныхъ учрежденій, при цензурѣ еще болѣе суровой и произвольной, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ имперіи, польскому обществу блеснула наконецъ, въ 1895—96 гг., надежда сколько-нибудь сносныхъ условій быта, съ назначеніемъ генералъ-губернаторомъ графа П. А. Шувалова, затѣмъ князя Имеретинскаго. Они оба были доступны, заявляли добрыя намѣренія, и съ груди польскаго общества снятъ былъ тяжкій кошмаръ, называвшійся Апухтинымъ. Какъ въ библейскомъ сказаніи, не было еще тверди, не появилось опредѣленныхъ свѣтилъ, однако уже бысть свѣтъ, выдѣлявшійся изъ хаоса. Таково, по крайней мѣрѣ, было впечатлѣніе, оказавшееся впослѣдствіи иллюзіею. И польское общество воспользовалось первымъ же умѣстнымъ поводомъ, чтобы реагировать на эту надежду не только охотно, но съ небывалымъ и неожиданнымъ увлеченіемъ. Торжественная встрѣча Монарха въ Варшавѣ въ 1897 г.,

носившая характеръ настоящаго національнаго празднества, и милліонъ рублей, собранный жителями города для обращенія на цѣль, какая будетъ указана верховной властью, имѣли совершенно то же значеніе, какъ заявленіе галиційскихъ депутатовъ императору Францу-Іосифу на первомъ областномъ сеймѣ въ 1866 г.: „не отрекаясь отъ нашей національной идеи, мы стоимъ и намѣрены стоять при васъ, всемилостивѣйшій государь". И тамъ, и тутъ поляки отрекались отъ революціонныхъ попытокъ и признавали свою солидарность съ государствомъ, въ составъ котораго входили.

„Отъ правительства вполнѣ зависѣло" — говоритъ г. Пильцъ — „сдѣлать шагъ къ осуществленію этой политической идеи, чтобы поставить отношеніе между Россіей и Польшой въ нормальныя условія. Отчего оно этого не сдѣлало?" Изъ приводимаго авторомъ ряда фактовъ явствуетъ, что тогдашняя верховная бюрократія, съ Побѣдоносцевымъ во главѣ, совершенно не желала воспользоваться благопріятной перемѣной въ настроеніи поляковъ, въ виду чего и кн. Имеретинскій не рѣшился ходатайствовать о какихъ-либо существенныхъ измѣненіяхъ въ положеніи края. И хотя депутація въ Лазенковскомъ дворцѣ выслушала слова о довѣріи къ искренности выраженныхъ ею чувствъ, но всѣ дальнѣйшія мѣры правительства по дѣламъ царства польскаго представляли рядъ новыхъ ограниченій и стѣсненій, свидѣтельствовавшихъ именно о недовѣріи. И это замѣчалось еще за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ соціалистическимъ движеніемъ въ Польшѣ, которое возникло вслѣдъ за такимъ же движеніемъ въ Россіи.

Главный интересъ брошюры г. Пильца заключается въ изложеніи и критическомъ освѣщеніи фактовъ, происшедшихъ въ царствѣ польскомъ въ теченіе ближайшаго пятнадцатилѣтія. Никакихъ собственныхъ предположеній относительно выхода изъ того тупика, въ какомъ остается польскій вопросъ въ русскомъ государствѣ, онъ не высказываетъ. Не время, по его мнѣнію, „предлагать какую-либо программу, выяснять единичныя условія для мирнаго сожительства, когда еще кругомъ кипитъ упорная и неумолимая борьба съ нашей народностью и культурой и правительство продолжаетъ вѣрить въ единоспасительность репрессивной системы... Напрасно было бы теоретически вырабатывать какой-либо *modus vivendi*, пока въ Россіи не возьметъ верхъ убѣжденіе, что настроеніе польскаго общества не оправдываетъ гнета, а только является отчасти его послѣдствіемъ".

Нежеланіе правительства предпринять какія-либо реформы въ царствѣ во время мирнаго періода 1897 — 1905 гг. естественно должно было скомпрометтировать въ глазахъ большинства польскаго общества ту партію соглашенія („угоды"), которой г. Пильцъ былъ однимъ изъ наиболѣе видныхъ и, безспорно, самымъ дѣятельнымъ

представителемъ. Въ концѣ 1897-го года образовалась партія народно-демократическая, которая впослѣдствіи стала преобладать въ польскомъ обществѣ: на выборахъ въ Государственную Думу проходили только ея члены. Умѣренная партія, къ которой принадлежитъ авторъ брошюры, приняла въ 1905 г. названіе „партіи реальной политики".

Послѣ той грозы забастовокъ, анархическихъ покушеній и военнаго террора, которая пронеслась надъ царствомъ польскимъ, унесла тысячи человѣческихъ жертвъ и разорила промышленность, „народные демократы"—съ самаго начала, впрочемъ, отвергавшіе революціонныя средства,—стали съ меньшей враждой относиться къ партіи реальной политики. Въ послѣднее время образовалась въ Варшавѣ безпартійная „общественная делегація", въ которой приняли участіе, вмѣстѣ съ такъ-называемыми „реалистами", и нѣкоторые народные демократы, въ томъ числѣ г. Дмовскій.

Брошюра г. Пильца является дополненіемъ къ цѣлому ряду изданныхъ имъ работъ, направленныхъ все къ той же цѣли, которая на послѣднемъ славянскомъ съѣздѣ въ Петербургѣ опредѣлена слѣдующимъ постановленіемъ по русско-польскому вопросу: признаніе за каждой національностью правъ на языкъ, школу и учрежденія, обезпечивающія ея развитіе. — Л. П.

II.

— Е. В. Тарле. „Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи". Историческіе очерки. Часть первая. (Съ приложеніемъ неизданныхъ документовъ). С.-Петербургъ, 1909 г.

Эпоха великой французской революціи давно уже привлекаетъ вниманіе русскихъ изслѣдователей и представлена въ нашей ученой литературѣ цѣлымъ рядомъ крупныхъ трудовъ; достаточно упомянуть о работахъ М. М. Ковалевскаго, И. В. Лучицкаго, Н. И. Карѣева, В. И. Герье, А. М. Ону, И. И. Иванова. Особенно велики заслуги русскихъ ученыхъ въ дѣлѣ изученія соціально-экономической исторіи революціи. Труды Ковалевскаго и Лучицкаго по исторіи крестьянскаго класса, вмѣстѣ съ работами Sagnac'a, создали цѣлое направленіе, которое Жоресъ назвалъ „l'école française et russe". Новая работа г. Тарле посвящена той же эпохѣ, и притомъ такимъ сторонамъ ея, которыя до сихъ поръ разработаны и освѣщены сравнительно мало, не смотря на всю ихъ важность. Бо́льшая часть матеріаловъ по рабочему вопросу въ революціонное время еще не опубликована; изслѣдователю приходится имѣть дѣло съ сырьемъ. Уже вышедшая

въ прошломъ году книжка г. Тарле о рабочихъ національныхъ мануфактуръ въ эпоху революціи, являющаяся какъ бы фрагментомъ общей работы, вызвала большой интересъ сообщенными въ ней документальными данными; вскорѣ послѣ появленія она была переведена на нѣмецкій языкъ и помѣщена въ Шмоллеровскихъ „Staats-und Socialwissenschaftliche Forschungen".

Разбираемая нами книга начинается небольшой главой: „Вопросъ объ устраненіи рабочихъ отъ выборовъ въ публицистикѣ наканунѣ открытія Генеральныхъ Штатовъ". Г. Тарле указываетъ здѣсь, какъ мало еще сознавалась тогда необходимость представительства и особой защиты правъ „четвертаго сословія", которое почти не отдѣлялось отъ tiers état, и какъ мало сами рабочіе выступали въ защиту правильно понятыхъ своихъ интересовъ. Приведенные авторомъ факты любопытны, но нельзя не пожалѣть, что онъ началъ такъ сразу, „ex abrupto", не давъ вступительной главы или общаго введенія, посвященнаго характеристикѣ положенія рабочаго класса въ послѣдніе годы стараго порядка. Здѣсь умѣстно было бы сказать о хозяйственномъ кризисѣ, на который авторъ часто ссылается, и отмѣтить ту постановку вопроса о рабочихъ и ихъ интересахъ, которая намѣчается въ предреволюціонной литературѣ (у Ленге, въ анонимныхъ брошюрахъ и т. д.). Такое введеніе освѣтило бы фонъ изучаемаго явленія.—Весьма любопытна вторая глава, трактующая о бурныхъ рабочихъ безпорядкахъ 27—28 апрѣля 1789 года, закончившихся разгромомъ домовъ двухъ богатыхъ фабрикантовъ — Ревельона и Анріо. Большинство историковъ революціи считаетъ этотъ эпизодъ темнымъ и загадочнымъ; такимъ являлся онъ въ значительной степени и для современниковъ. Уже тогда чуялось приближеніе революціонной бури; враждебные лагери были на-сторожѣ, каждый изъ нихъ видѣлъ въ дѣйствіяхъ другого измѣну и крамолу. При такихъ условіяхъ рабочіе безпорядки, внезапно вспыхнувшіе и быстро закончившіеся, объяснялись роялистами какъ происки приверженцевъ третьяго сословія, а послѣдними—наоборотъ. Вслѣдъ за этимъ и изслѣдователи говорятъ о революціонной или о контръ-революціонной пропагандѣ. Г. Тарле, подвергнувъ тщательному разсмотрѣнію дошедшій до насъ матеріалъ и давъ яркую картину самаго движенія, приходитъ къ выводу, что движеніе было стихійное и безсознательное. Измученный и изголодавшійся рабочій, въ горячечной обстановкѣ, не умѣя разобраться въ окружающемъ, ринулся на разгромъ, словно стремясь этимъ боевымъ натискомъ заглушить боль и найти выходъ накопившемуся раздраженію.—Какъ въ этой главѣ, такъ и въ рядѣ послѣдующихъ г. Тарле отмѣчаетъ отсутствіе у рабочихъ вполнѣ яснаго сознанія своихъ классовыхъ интересовъ и недостаточность ихъ силъ въ

поддержкѣ предъявляемыхъ требованій. Едва ли авторъ въ этомъ всегда правъ. Такъ, говоря объ уступчивости рабочихъ и о желаніи ихъ всегда казаться послушными правящей буржуазіи, онъ придаетъ слишкомъ большое значеніе обращеніямъ и заявленіямъ отдѣльныхъ рабочихъ группъ, которыя не могутъ считаться выраженіемъ мнѣнія и чаяній всего рабочаго класса. Самъ г. Тарле приводитъ совсѣмъ по другому звучащее, дышащее гнѣвомъ и отчаяніемъ обращеніе рабочихъ къ Марату. Конечно оно не можетъ быть названо типичнымъ; по существу мысль о томъ, что классовое сознаніе тогда еще не выработалось, вѣрна, но авторъ нѣсколько сгустилъ краски.

Главы третья и четвертая говорятъ о безработицѣ 1789 г., о мѣрахъ муниципалитета, объ устройствѣ благотворительныхъ мастерскихъ и объ организаціи общественныхъ работъ. Все это представляетъ большой интересъ; здѣсь видна какъ бы въ зародышѣ грандіозная махинація съ національными мастерскими 1848-го года. Въ главѣ пятой, трактующей о стачечномъ движеніи 1791-го года, г. Тарле рисуетъ взаимоотношенія хозяевъ и рабочихъ въ первые годы революціи, слѣдитъ за появленіемъ рабочихъ организацій, отмѣчаетъ ихъ отличительныя черты и особенности по сравненію съ предыдущими, изображаетъ постепенную подготовку и введеніе знаменитаго закона Шапелье. Этотъ „каторжный законъ", запрещавшій стачки, продержался до второй половины XIX-го вѣка и былъ отмѣненъ лишь въ эпоху второй имперіи.—Въ послѣдней главѣ, трактующей о политическихъ партіяхъ и рабочихъ въ періодъ Учредительнаго Собранія, особаго вниманія заслуживаетъ очеркъ контръ-революціонной пропаганды въ рабочей средѣ. Демагогическія выходки роялистовъ, ихъ провокаторскія попытки въ рабочей средѣ засвидѣтельствованы рядомъ весьма типичныхъ документовъ.

Первая часть труда г. Тарле ограничивается эпохой Учредительнаго Собранія и райономъ города Парижа; въ дальнѣйшемъ обѣщано и хронологическое, и географическое его расширеніе.—И. Бороздинъ.

III.

— Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1907 г. Изданіе м-ва торговли и промышленности. Спб. 1909 г.

Оффиціальные отчеты и обзоры за бурные годы 1905, 1906 и 1907 представляютъ несомнѣнно выдающійся интересъ. Какъ бы они ни составлялись, все же они именно даютъ массовыя статистическія свѣдѣнія о тѣхъ или другихъ сторонахъ жизни страны въ этотъ исто-

рическій періодъ. Въ вышеназванномъ „Сводѣ", какъ и въ „сводахъ" за 1905 и 1906 гг., отразилось положеніе русской промышленности и настроеніе рабочихъ массъ. Можно пожелать гораздо большей полноты, бо́льшаго числа иллюстрацій, взятыхъ изъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ по отдѣльнымъ районамъ, чѣмъ даетъ „Сводъ", вообще довольно блѣдный и краткій. Тѣмъ не менѣе и въ немъ можно найти немало характернаго и любопытнаго.

Общее состояніе нашей промышленности въ 1907-мъ году хотя и представляло, какъ говорится въ „Сводѣ", довольно пеструю картину, но шло скорѣе въ сторону упадка. „Сводъ" отмѣчаетъ продолженіе кризиса въ желѣзообрабатывающемъ, механическомъ и судостроительномъ производствахъ. Нѣкоторое оживленіе наблюдалось только въ производствѣ сельско-хозяйственныхъ орудій въ Пермской и Уфимской губерніяхъ, вслѣдствіе увеличенія требованій на эти издѣлія въ Сибири, въ связи съ усиленіемъ переселенческаго движенія. Въ Харьковскомъ округѣ обработка металловъ переживала еще болѣе тяжелый кризисъ, чѣмъ въ 1906-мъ году. Нѣкоторые заводы совсѣмъ прекратили работу, другіе сильно сократили число рабочихъ (Брянскій заводъ) или едва работали (Луганскій заводъ и др.). Фабричный инспекторъ этого округа отмѣчаетъ, что по спискамъ въ нѣкоторыхъ крупныхъ заводахъ (Брянскій, Харьковскій паровозостроительный и др.) рабочихъ значилось гораздо больше, чѣмъ состояло въ дѣйствительности на работѣ, такъ какъ стала примѣняться „система неопредѣленныхъ отпусковъ": рабочему, назначенному къ увольненію, чтобы сохранить за нимъ право на преимущественный пріемъ на работу, когда онъ явится, давался отпускъ на неопредѣленное время. Въ то же время рабочіе, сохранившіе за собой работу, растягивали ее на возможно болѣе продолжительное время, заботясь лишь о томъ, чтобы сохранить цеховую окладную плату. Вслѣдствіе этого заработки рабочихъ понизились до крайней степени. Токари Брянскаго завода, зарабатывавшіе въ 1906 г. по 40 р. въ недѣлю, въ 1907 г. вырабатывали всего по 7—10 руб. Въ Баку пріостановка заводовъ, начавшаяся съ 1904 г., продолжалась и въ 1907 г. Въ текстильной промышленности наблюдалось оживленіе, начавшееся еще въ 1906 г. Въ Пермской, Уфимской и Симбирской губ. стало сильно развиваться лѣсопильное и древообдѣлочное производство.—На ряду съ общей депрессіей промышленности въ 1907 г. не наблюдалось той концентраціи производства, которая особенно замѣчалась въ 1906 г. Въ „Сводѣ" за 1906 г. указывалось на сокращеніе мелкихъ заведеній, при одновременномъ увеличеніи числа рабочихъ въ крупныхъ. Въ 1907 г. цифры на этотъ счетъ не даютъ почти никакихъ измѣненій.

Въ отчетѣ за 1906 г. указывалось, что съ 1901 г. весьма замѣтно

падало на фабрикахъ число малолѣтнихъ рабочихъ. Къ концу 1905 г. съ 34.046 (2% всего числа рабочихъ) оно понизилось до 24.095 (1,4%). Въ концѣ 1906 г. обнаружилось повышеніе, и не только абсолютное, при общемъ увеличеніи числа рабочихъ, но и относительное (вмѣсто 1,4%—1,5% всего числа рабочихъ). Число рабочихъ-подростковъ въ 1906 г. тоже возросло. Весьма замѣтно сравнительно съ 1905 г. возросло въ 1906 г. число женщинъ-работницъ; число рабочихъ-мужчинъ, наоборотъ, сильно понизилось. Явленіе это отчетъ 1906 г. объясняетъ рабочимъ движеніемъ: „фабриканты всюду, гдѣ только возможно, замѣняютъ мужчинъ женщинами, считая женскій элементъ болѣе спокойнымъ и устойчивымъ"; къ тому же женскій трудъ и дешевле. Нѣсколько иную картину даетъ послѣдній отчетъ. Въ 1907 г. совсѣмъ не произошло увеличенія числа малолѣтнихъ, число подростковъ уменьшилось, число взрослыхъ увеличилось одинаково какъ для женщинъ, такъ и для мужчинъ. Отчетъ замѣчаетъ по этому поводу: „исключительное положеніе промышленности въ 1905 и 1906 гг., заставлявшее фабрикантовъ замѣнять мужской персоналъ женскимъ, а взрослыхъ—подростками, какъ будто уже смѣнилось нормальнымъ". Нѣсколькими строками ниже приводятся, однако, совсѣмъ иные факты. Отчеты отдѣльныхъ инспекторовъ свидѣтельствуютъ, что замѣна мужского труда женскимъ во многихъ мѣстахъ продолжалась и въ 1907 г. Инспекторъ Владимірской губ. отмѣчаетъ, что неизмѣнно ежегодно повторяющееся увеличеніе числа женщинъ наблюдалось съ *особой силой* и въ отчетномъ году. Въ Московской губ. наблюдалось то же самое. Вообще это явленіе замѣчается по преимуществу въ бумаготкацкой промышленности.

Къ явленіямъ переживаемаго бурнаго періода „Сводъ" относитъ и замѣну въ губерніяхъ Западнаго края рабочихъ-евреевъ—рабочими-христіанами. Фабричный инспекторъ Витебской губ. объясняетъ это явленіе не погоней за дешевизной труда, но „исключительно стремленіемъ многихъ хозяевъ-евреевъ найти среди рабочихъ-христіанъ болѣе спокойный элементъ". По его словамъ, „если принять въ соображеніе, что изъ числа дѣйствующихъ въ Витебской губ. 17 профессіональныхъ товариществъ—15 еврейскихъ, то пришлось бы заключить, что стремленіе хозяевъ-евреевъ является въ своемъ родѣ протестомъ противъ дѣятельности профессіональныхъ обществъ".

Значеніе профессіональныхъ союзовъ отмѣчено въ „Сводѣ" за 1907 г. довольно характерными чертами. Число жалобъ рабочихъ ежегодно возрастаетъ. Особенно велико оно было въ 1905 г., когда оно достигло 22.723 жалобъ отъ 190.125 рабочихъ. Въ 1906 г. число жалобъ упало до 19.704 (та же почти цифра была и въ 1904 г.). Въ 1907 г. цифра жалобъ превзошла цифру 1905 г.: ихъ было 25.324.

Эти измѣненія объясняются въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что въ 1906 г. роль посредниковъ между хозяевами и рабочими взяли на себя профессіональныя организаціи. Въ 1907 г. многія изъ нихъ частью были уничтожены администраціей, частью сами погибли подъ вліяніемъ партійныхъ раздоровъ, и рабочіе вновь обратились къ посредничеству инспекціи. Явленіе это особенно рѣзко выразилось въ Лодзинскомъ районѣ. Хаотическое рабочее движеніе 1905-го года въ 1906 г. стало принимать мирныя, организованныя формы, но не надолго. Въ отчетахъ отдѣльныхъ инспекторовъ замѣтно выраженіе сожалѣнія по поводу упадка профессіональныхъ рабочихъ организацій, вслѣдствіе чего рабочее движеніе вновь приняло хаотическій характеръ: появились эксцессы, даже убійства фабрикантовъ. Едва ли всѣ эти эксцессы правильно объяснять только вліяніемъ политическихъ партій, какъ то дѣлаютъ инспекторскіе отчеты. Тутъ дѣйствовали, конечно, и экономическія причины, и вліяніе репрессій.

Интересны данныя о поводахъ къ жалобамъ. Оказывается, что и въ 1907-мъ году, какъ въ 1906-мъ, наибольшее количество жалобъ было на низкіе заработки (12,4%), но все же нѣсколько меньше, чѣмъ въ 1906 г. (18,4%); на отказъ отъ работы число жалобъ въ 1907-мъ году было 6,7%—больше, чѣмъ въ 1906-мъ (6,4); далѣе идутъ жалобы на невыдачу и задержаніе заработка (6,7%). Отчетъ справедливо обращаетъ вниманіе на этотъ послѣдній поводъ къ жалобамъ и указываетъ на неудобство для рабочихъ судебнаго порядка, „при нынѣшнихъ его условіяхъ заставляющаго рабочихъ въ этомъ случаѣ избѣгать суда“. Много недоразумѣній происходитъ изъ-за несовершенствъ закона 2-го іюня 1903 г. о вознагражденіи потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Въ отчетахъ за 1907-ой годъ гораздо чаще, чѣмъ въ 1906 и 1905 гг., инспекторами признавались и отмѣчались случаи *неосновательныхъ* жалобъ. Понятіе основательности, конечно, весьма относительное, измѣняющееся подъ вліяніемъ общей политической атмосферы. Въ отчетѣ за 1906-ой годъ (по Владимірской г.) между прочимъ говорилось, что тревожное состояніе рабочихъ вызывало массу искусственныхъ жалобъ, имѣвшихъ, однако, крайне сложный характеръ; „чувствуется назрѣвшая потребность въ выборномъ, а потому и болѣе авторитетномъ посредничествѣ“, чѣмъ посредничество фабричнаго инспектора. Эта потребность, конечно, не уменьшается и при болѣе спокойномъ состояніи рабочихъ—но о ней въ отчетахъ 1907-го года уже ничего не говорится.

Въ заключеніе отмѣтимъ любопытный фактъ, тоже обусловливаемый, какъ можно думать, вліяніемъ нашего бурнаго времени. Въ послѣдніе годы, особенно въ 1904 и 1905 гг. постепенно и весьма замѣтно падало число обнаруженныхъ фабричными инспекторами на-

рушеній закона и различныхъ неправильностей со стороны завѣдующихъ промышленными заведеніями. Въ 1907-мъ году это число вновь стало повышаться. Неужели для сдерживанія разнаго рода закононарушеній необходимо вліяніе такого бурнаго рабочаго движенія, какое было въ эти послѣдніе годы?—Вас. Голубевъ.

IV.

— А. Савицкій и В. Шеръ. Очеркъ положенія рабочихъ печатнаго дѣла въ Москвѣ.
— С. Н. Прокоповичъ. Бюджеты петербургскихъ рабочихъ.

Россія еще недавно считалась мужицкой страной, и въ этой чертѣ видѣли существенное соціальное ея отличіе отъ передовыхъ западно-европейскихъ государствъ, иллюстрируемое хотя бы тѣмъ, что крестьянскій вопросъ въ Россіи игралъ такую же, если не большую роль, какъ рабочій вопросъ на Западѣ. Важность крестьянскаго вопроса въ Россіи обусловливается тѣмъ, что весьма многочисленный классъ ея мелкихъ земледѣльческихъ производителей, доставляющихъ значительную долю національнаго богатства страны, находится въ совершенно неустойчивомъ состояніи. Такого значенія не можетъ имѣть ея рабочій классъ, гораздо болѣе ограниченный по численности и играющій въ производствѣ роль живого орудія въ рукахъ предпринимателя. Данныя отношенія отразились въ литературѣ: крестьянскій бытъ, крестьянское хозяйство сдѣлались любимымъ предметомъ научныхъ изслѣдованій, совершенно затмившихъ небольшое число работъ, посвященныхъ рабочему классу. Серьезное изслѣдованіе положенія рабочихъ въ Россіи двинется впередъ съ упроченіемъ профессіональныхъ организацій пролетаріата; свѣдѣнія о немъ необходимы для практическихъ цѣлей самихъ союзовъ, а союзы являются удобными органами изслѣдованій, предпринимаемыхъ со стороны. Книги, названныя въ заголовкѣ настоящей замѣтки, составляютъ, если не ошибаемся, первые результаты дѣятельности профессіональныхъ союзовъ въ этой области. Одна изъ нихъ заключаетъ разработку данныхъ анкеты, предпринятой обществомъ рабочихъ графическихъ искусствъ въ Москвѣ; другая оперируетъ надъ матеріалами, собранными техническимъ обществомъ, при содѣйствіи профессіональныхъ союзовъ и другихъ рабочихъ организацій Петербурга. Въ обоихъ случаяхъ свѣдѣнія собирались путемъ личныхъ опросныхъ листковъ. Московская анкета дала около четырехъ тысячъ пригодныхъ для разработки листковъ, относящихся исключительно къ рабочимъ печатнаго дѣла, петербургская анкета—всего 632 листка, обнимающихъ рабочихъ разныхъ спеціальностей. Изслѣ-

дованіе бюджетовъ—задача петербургской анкеты—дѣло очень трудное; сознаніе этой трудности побудило московское общество печатниковъ отложить такое изслѣдованіе до болѣе поздняго времени.

Московская анкета поставила себѣ задачей „собрать краткія свѣдѣнія о каждомъ отдѣльномъ рабочемъ, его профессіи, возрастѣ, семейномъ положеніи; получить данныя для опредѣленія, что такое типографскій рабочій — городской ли онъ пролетарій или рабочій крестьянинъ, не порвавшій еще связи съ землей; собрать свѣдѣнія по исторіи его рабочей жизни... о заработной платѣ, формахъ оплаты труда, устойчивости заработка, о причинахъ перерывовъ въ рабочей жизни и ихъ продолжительности и, хотя бы вкратцѣ, освѣтить тѣ жилищныя условія, въ которыхъ проводитъ внѣрабочую жизнь типографскій рабочій". Отвѣты на эти вопросы, кромѣ вопроса о безработицѣ, изложены въ живыхъ очеркахъ и табличныхъ къ нимъ приложеніяхъ, принадлежащихъ перу гг. Савицкаго и Шера. Очень цѣнны въ этомъ изслѣдованіи данныя о заработной платѣ, половина которыхъ извлечена изъ субъективныхъ показаній, а другая — изъ расчетныхъ книжекъ за цѣлый годъ. Не смотря на естественную тенденцію къ преуменьшенію своихъ доходовъ, заработная плата по субъективнымъ показаніямъ опредѣлилась въ суммѣ болѣе высокой, нежели по расчетнымъ книжкамъ. Авторы объясняютъ это тѣмъ, что субъективныя показанія имѣютъ въ виду обычную, номинальную плату за опредѣленный періодъ, не принимая въ счетъ прогуловъ.

Московская анкета касается такихъ вопросовъ, о которыхъ уже имѣются въ литературѣ нѣкоторыя данныя, относящіяся къ тѣмъ или другимъ группамъ рабочихъ. Иное слѣдуетъ сказать о петербургской анкетѣ. Она коснулась предмета (бюджетъ рабочаго), по которому, если не ошибаемся, въ литературѣ вовсе нѣтъ сколько-нибудь систематически собранныхъ данныхъ. Опросный листокъ былъ составленъ и полученныя данныя разработаны С. Н. Прокоповичемъ. Его трудъ состоитъ также изъ текста и табличныхъ къ нему приложеній. Первый заключаетъ очень детальную разработку собраннаго матеріала, выясняющую рабочій бюджетъ въ зависимости отъ высоты заработка и семейнаго состава рабочаго, отъ типа нанимаемаго имъ помѣщенія и отъ связи рабочаго съ деревней (различіе матеріальнаго положенія рабочихъ, связанныхъ и не связанныхъ съ деревней, интересовало и московскихъ печатниковъ). Сложная и детальная разработка данныхъ о бюджетѣ петербургскихъ рабочихъ дала г. Прокоповичу возможность исправить и дополнить нѣкоторые эмпирическіе законы, формулированные западными статистиками.

V.

— Л. Ѳ. Тиграновъ. Изъ общественно-экономическихъ отношеній въ Персіи.

Россія больше другихъ европейскихъ государствъ заинтересована въ персидскихъ дѣлахъ, какъ по близкому сосѣдству ея съ этой страной, такъ и потому, что внѣшнюю торговлю Персія ведетъ главнымъ образомъ съ Россіей. Эта заинтересованность, однако, совершенно не отразилась на научной нашей литературѣ: о Персіи, ея соціальномъ строѣ и культурномъ состояніи мы знаемъ вѣроятно меньше, чѣмъ объ азіатскихъ колоніяхъ Англіи. Революціонное движеніе въ Персіи оживило въ русскомъ обществѣ интересъ къ этой странѣ, интересъ не утилитарный, а болѣе возвышеннаго характера. Революціей Персія сдвинута съ мертвой точки на путь общечеловѣческаго развитія; естественно возбуждается вопросъ, какъ она справится съ громадными задачами преобразованія архаическаго строя въ формы, отвѣчающія условіямъ быта культурныхъ государствъ XX-го вѣка? Если современные наблюдатели Турціи—страны все-таки европейской и, въ лицѣ по крайней мѣрѣ высшихъ ея классовъ, находящейся подъ вліяніемъ западной культуры—сомнѣваются въ томъ, чтобы малочисленная и мало подготовленная ея интеллигенція успѣшно разрѣшила вопросы, унаслѣдованные новымъ строемъ отъ стараго режима, то чего можно ожидать въ этомъ отношеніи отъ Персіи, вовсе лишенной интеллигенціи въ западно-европейскомъ смыслѣ слова и стоящей передъ болѣе сложными задачами? Наши представленія о соціальныхъ задачахъ въ Персіи крайне смутны, равно какъ и наши свѣдѣнія о внутреннихъ порядкахъ въ этой странѣ. Нельзя, поэтому, не привѣтствовать попытку Л. Ѳ. Тигранова ознакомить большую публику съ общественными отношеніями въ Персіи, попытку тѣмъ болѣе интересную, что при составленіи своей книги авторъ пользовался не только скудными литературными источниками, но и лично собранными матеріалами.

Авторъ протестуетъ противъ „довольно распространеннаго у насъ мнѣнія, что Персія, какъ страна азіатская, отсталая и неспособная къ возрожденію, не нуждается въ частыхъ изслѣдованіяхъ“. Онъ утверждаетъ, что Персія переживаетъ глубокій соціальный переворотъ, заключающійся въ образованіи крупной поземельной собственности съ крѣпостною зависимостью крестьянъ. Авторъ считаетъ это необходимымъ послѣдствіемъ развитія въ странѣ, съ середины истекшаго столѣтія, внѣшней торговли. „Необходимость превращенія сельско-хозяйственныхъ продуктовъ въ товары въ неподготовленной и неразвитой

для этого странѣ вызвала вмѣшательство мюлькадара (крупнаго землевладѣльца) въ экономическую жизнь крестьянина, а это потребовало организаціи власти землевладѣльца на болѣе твердыхъ и опредѣленныхъ основаніяхъ. Фундаментъ такой организаціи власти, отвѣчающей интересамъ капитала и средневѣковому быту страны, уже заложенъ въ видѣ присвоенія земли мюлькадарами, крѣпостной зависимости отъ нихъ крестьянъ и административной автономіи мюлькадаровъ" (стр. 89). Изъ другихъ мѣстъ книги г. Тигранова, однако, явствуетъ, что „главнѣйшей причиной чрезвычайнаго роста крупнаго землевладѣнія является административная система" (стр. 15). „Въ Персіи право принадлежитъ только сильному" — и сильные воспользовались этимъ для того, чтобы, порабощая земледѣльца, обратить въ свою пользу выгоды развивающагося денежнаго хозяйства. Такъ, однако, или иначе, но экспропріируемое сельское населеніе Персіи, находящееся въ полной власти помѣщика или чиновника, при полнѣйшемъ безсиліи правительства, естественно ищетъ выхода изъ своего положенія и мечтаетъ о сильной центральной власти. Та же идея вырисовывается и въ сознаніи части привилегированнаго класса. „Тотъ же капиталъ, двинувшій дѣло организаціи власти непосредственно у земли, нуждается, а потому и будетъ двигать устройство этой власти и наверху. Но, сходясь въ принципѣ стремленія, эти два класса рѣзко расходятся въ дѣлѣ возможнаго осуществленія его" (стр. 90). До послѣдняго революціоннаго движенія крестьяне, по утвержденію автора, возлагали надежду на присоединеніе Персіи къ Россіи. Революція, нужно полагать, показала имъ, что существуетъ и иной способъ сверженія давящаго ихъ ига. Неудивительно, если въ ближайшіе же дни мы услышимъ о новыхъ соціальныхъ междоусобіяхъ въ Персіи.

VI.

— Б. П. Кадомцевъ. Профессіональный и соціальный составъ населенія Европейской Россіи по даннымъ переписи 1897 г.

Недавно у насъ былъ помѣщенъ отзывъ объ изслѣдованіи г. Швиттау: „Профессіи и занятія населенія". Названная выше работа студента политехническаго института, Кадомцева, изданная подъ редакціей проф. Дена, заключаетъ въ себѣ подробную разработку данныхъ о предметѣ, въ книгѣ г. Швиттау трактуемомъ въ общихъ чертахъ, и является какъ бы дополненіемъ этого изслѣдованія. Трудъ г. Кадомцева даетъ болѣе или менѣе детальную разработку данныхъ всероссійской переписи 1897 г. о профессіяхъ населенія—данныхъ, за-

служивающихъ, не смотря на крупные недостатки, полнаго вниманія уже потому, что онѣ—первыя этого рода, относящіяся ко всей Россіи. Авторъ группируетъ суммарныя свѣдѣнія о профессіяхъ, приноравливаясь къ рубрикамъ германской переписи 1895 г.; останавливается спеціально и подробно на данныхъ русской переписи о наемныхъ рабочихъ и прислугѣ; трактуетъ, между прочимъ, вопросъ о территоріальномъ распредѣленіи рабочихъ и пользуется данными переписи для обрисовки итоговъ передвиженія населенія Россіи вообще, и рабочихъ въ частности, изъ одной губерніи въ другую. Изложеніе автора сопровождается критическими замѣчаніями по поводу перерабатываемаго имъ матеріала. Гдѣ это возможно, профессіональный составъ населенія нашей страны сопоставляется съ профессіональнымъ составомъ населенія Германіи. Не можемъ не указать на ошибку автора, утверждающаго, что въ Германіи, „гдѣ земледѣліе гораздо рѣзче, чѣмъ въ Россіи, отмежевалось отъ обрабатывающей промышленности", побочныя занятія имѣли въ 1895 г., будто бы, 30,55% земледѣльческаго населенія, т.-е. въ четыре раза больше, чѣмъ въ Россіи (стр. 79). Мы не имѣемъ подъ руками подлинныхъ изданій германской переписи, но если довѣрять русскимъ изъ нея извлеченіямъ, то утвержденіе автора подлежитъ значительному ограниченію: изъ 8-ми слишкомъ милліоновъ самодѣятельнаго сельско-хозяйственнаго населенія Германіи побочные промыслы имѣютъ лишь 969 тыс., или 12%.—В. В.

VII.

— А. А. Зубрилинъ. „Улучшеніе крестьянскаго хозяйства", вып. I. Современныя условія крестьянскаго хозяйства и травосѣяніе. М. 240 стр. Ц. 90 коп.

Укрѣпившееся въ нѣкоторой части современнаго общества мнѣніе о возможности повышенія сельско-хозяйственной культуры и соотвѣтственнаго улучшенія крестьянскаго быта вызвало къ жизни обильную литературу, трактующую о различныхъ техническихъ пріемахъ агрикультуры и животноводства. Къ сожалѣнію, спекулятивный характеръ современной землеустроительной политики отражается и на всей этой литературѣ. Относящіяся къ ней книги и брошюры отличаются большею частью незнаніемъ или игнорированіемъ реальной обстановки крестьянскаго хозяйства. Исключенія рѣдки; одно изъ нихъ—книга агронома А. А. Зубрилина, посвященная вопросу объ улучшеніи современнаго крестьянскаго хозяйства.

Недостатки крестьянскаго хозяйства у всѣхъ на виду. Пора поставить его въ соотвѣтствіе съ указаніями агрономической науки. Но

какъ лучше провести науку въ жизнь, съ какой стороны лучше подойти къ обветшалому строю крестьянскаго хозяйства? Въ этомъ отношеніи у насъ пока еще ничего почти не сдѣлано. Г. Зубрилинъ вполнѣ правъ, когда, ссылаясь на опытъ земской агрономіи, говоритъ, что „тутъ, какъ на грѣхъ не было опыта по такому строительству. Представлялось необходимымъ выбросить соху — не находилось подходящаго для крестьянъ плуга. Нужно мѣнять трехполье — ни въ одномъ учебникѣ сельско-хозяйственной экономіи не дано никакихъ указаній на подходящіе для крестьянскаго общиннаго хозяйства травопольные сѣвообороты; понадобились вѣялки-сортировки—подходящихъ машинъ также трудно было найти. Пришло время улучшить рогатый скотъ—обратились къ компетентнымъ учрежденіямъ за указаніями о выборѣ надлежащей породы производителей, а между ними самими поднялся споръ: одни отсылали къ иностранцамъ, другія, напротивъ, совѣтовали оставаться при мѣстныхъ улучшенныхъ породахъ“.

При такомъ положеніи агрономіи, что она могла дать обнищавшему, малоземельному и неграмотному крестьянину? Агрономія въ большинствѣ земствъ, гдѣ она вводилась, оказалась предметомъ моднаго увлеченія, или на нее смотрѣли какъ на острое, сразу дѣйствующее средство. Неудивительно, что такая агрономія „вздувалась на поверхности земской жизни въ видѣ мыльнаго пузыря, который такъ же быстро исчезалъ, какъ и появлялся“. И вотъ, когда у однихъ не оказалось необходимаго опыта и знанія, а другіе заразились экспериментами соціально-политическаго прожектерства — заговорили о косности крестьянина, о вредѣ общины и т. п. Вмѣсто дѣйствительныхъ крестьянскихъ нуждъ выдвигается на сцену фикція хуторского хозяйства, какъ единственное условіе прогресса сельско-хозяйственной культуры. Потребности воображаемаго или будущаго хуторянина старается обслуживать и современная сельско-хозяйственная литература, занимающаяся распространеніемъ агрономическихъ познаній.

Между тѣмъ, какъ показываетъ трудъ г. Зубрилина, можно написать дѣльную, полезную книгу, имѣя въ виду не вымышленнаго землевладѣльца и воображаемаго хуторянина, а настоящаго крестьянина, живущаго въ современной деревнѣ при современныхъ формахъ землевладѣнія. Прежде всего авторъ отмѣчаетъ, что повышеніе сельско-хозяйственной культуры, какъ бы оно необходимо ни было, не исключаетъ другихъ мѣръ, направленныхъ къ измѣненію экономическаго быта и въ частности—расширенія крестьянскаго землевладѣнія. Мало того: самое усовершенствованіе техники возможно лишь при нѣкоторомъ минимумѣ земельнаго обезпеченія; въ противномъ случаѣ оно

одинаково немыслимо какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ землевладѣніи. Крестьянство съ своей стороны, по мнѣнію автора, проявляетъ и готовность, и способность осуществлять доступныя для него сельско-хозяйственныя нововведенія. Это убѣдительно доказывается, напр., развитіемъ среди крестьянъ травосѣянія съ правильнымъ многопольнымъ сѣвооборотомъ. По мнѣнію противниковъ общины, измѣненіе сѣвооборота при общинномъ землевладѣніи немыслимо. Между тѣмъ нашъ авторъ указываетъ, какъ дружно, начиная съ 1892 г., волоколамскіе крестьяне (Московск. губ.) переходили къ травосѣянію. Въ 1900-мъ году въ этомъ уѣздѣ изъ 386 селеній было съ правильнымъ травосѣяніемъ 151, съ угловымъ—94 селенія. Всего съ травосѣяніемъ имѣлось 64% селеній. Авторъ изучилъ травосѣяніе не только въ Московской губ., но и въ Полѣсьѣ, въ черноземныхъ губерніяхъ и въ Пріуральскомъ краѣ. Вездѣ опытъ показываетъ возможность для крестьянскихъ общинъ переходить къ правильному многопольному сѣвообороту, если только размѣры землевладѣнія хотя сколько-нибудь позволяютъ это и если находятся люди, которые могутъ помочь крестьянамъ намѣтить болѣе подходящій для данной мѣстности сѣвооборотъ и разбить по новому крестьянскія поля. Выборъ сѣвооборота, разбивка полей—это то, что обыкновенно болѣе всего пугаетъ и затрудняетъ крестьянъ и агрономовъ. Тѣмъ не менѣе во многихъ мѣстахъ уже научились преодолѣвать такого рода трудности. Ознакомленіе съ результатами этого опыта—описаніе крестьянскихъ сѣвооборотовъ примѣнительно къ различнымъ почвеннымъ условіямъ, способы и пріемы разбивки полей, вмѣстѣ съ другими цѣнными свѣдѣніями о крестьянскомъ хозяйствѣ,—составляетъ содержаніе и главную цѣнность книги г. Зубрилина. При современной хутороманіи она имѣетъ не только теоретическій, но и большой практическій интересъ для лицъ, близкихъ деревнѣ и ея реальнымъ нуждамъ.—Сем. Масловъ.

Въ теченіе августа мѣсяца поступили въ редакцію слѣдующія новыя книги и брошюры:

Быкова, А.—Разсказы изъ исторіи Ирландіи. Москва, 1909 г. Цѣна 80 к.
Гамсунъ, Кнутъ.—Томъ I. Изд. „Шиповникъ". Спб., 1909 г. Цѣна 1 р.
——— Томъ II. Изд. „Шиповникъ". Спб., 1909 г. Цѣна 1 р.
——— Томъ III. Изд. „Шиповникъ". Спб., 1909 г. Цѣна 1 р. 25 к.
Голинская, Софія.—Товарищество для улучшенія сельскаго хозяйства въ разныхъ земляхъ. Переводъ съ польскаго. Москва, 1909 г. Цѣна 12 к.
Дуглас-Виггинъ, Кэтъ.—Счастье бѣднаго мальчика. Разсказъ. Переводъ съ англійскаго. Москва, 1909 г. Цѣна 20 к.

Кадомцевъ, Б. И. — Профессіональный и соціальный составъ населенія Европейской Россіи по даннымъ переписи 1897 года. № 1. Спб., 1909 г. Цѣна 80 к.

Лэзанъ, К. А.—Новые пути ознакомленія дѣтей съ математикой. Перев. съ франц. Москва, 1909 г. Цѣна 55 к.

Мартовъ, Л., *Масловъ*, П., и *Потресовъ*, Л.—Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX-го вѣка. Томъ II. Часть первая. Спб., 1909 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

Нечаевъ, Александръ.—Очеркъ психологіи для воспитателей и учителей. Изд. 3. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р. 80 к.

Ренанъ, Эрнестъ.—Исторія израильскаго народа. Перев. съ франц. Томъ первый. Выпускъ II. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Рукавишниковъ, Иванъ. — Стихотворенія. Книга шестая. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Соколовъ, Н. Н. — Кооперативныя учрежденія. Крестьянская библіотека. № 27. Цѣна 10 к. Спб., 1909 г.

Сологубъ, Б., и *Симановскій*, В.—Указатель лучшихъ, по отзывамъ печати, учебниковъ. Спб., 1909 г. Цѣна 2 р.

Червинскій, А.—Учебникъ географіи. Европа. Рязань, 1909 г. Цѣна 55 к.

Шестовъ, Л.—Достоевскій и Нитше. Философія трагедіи. Изд. второе. Спб., 1909 г. Цѣна 1 р. 25 к.

— Бѣлгородъ и его уѣздъ. Адресъ-календарь на 1909 г. Бѣлгородъ, 1909 г.

— Исторія Россіи въ XIX вѣкѣ. Выпускъ № 25. Изд. т—ва А. и И. Гранатъ. Москва. Цѣна отд. вып. 1 р. 35 к.

— Изданія „Посредника". 20 дешевыхъ книжекъ: 1) А. Юшко—„Божья Земля"; 2) А. Аполловъ — „Необыкновенный Случай"; 3) В. Короленко — „Пріемышъ"; 4) В. Гаршинъ — „Сигналъ"; 5) И. Горбуновъ-Посадовъ — „Христіанка"; 6) Л. Н. Толстой — „Любовь"; 7) Л. Н. Толстой — „Ассирійскій царь Ассархадонъ"; 8) А. Аполловъ—„Борьба свѣта съ тьмою"; 9) О. Шмидтъ—„Галя"; 10) Ю. Безродная — „Великодушный Голіафъ"; 11) Л. Н. Толстой — „Богу или мамонѣ"; 12) Н. Телешовъ—„Домой"; 13) В. Савихинъ—„Кривая доля"; 14) Л. Н. Толстой — „Много ли человѣку земли нужно?"; 15) В. Гюго — „Бѣдные люди"; 16) Е. С. Некрасова — „Іоаннъ воинъ"; 17) врачъ Д. Никольскій — „О табакѣ и вредѣ его куренія"; 18) „Золотое колечко"—пѣсенникъ; 19) Л. Н. Толстой— „Гдѣ любовь, тамъ и Богъ"; 20) „Красная дѣвица"—пѣсенникъ.

— Отчетъ Харьковскаго Комитета по вывозу минеральнаго топлива, руды, флюсовъ, соли и чугуна изъ горнозаводскаго района Юга Россіи за 1908 г. Харьковъ, 1909 г.

— Сравнительныя таблицы школьныхъ районовъ за 1902 и 1907 гг. Матеріалы по статистикѣ Московской губерніи. Выпускъ II. Москва, 1909 г.

— Статистика общедоступности начальнаго обученія въ Московской губерніи. Матеріалы по статистикѣ Московской губерніи. Выпускъ I. Москва, 1909 г.

— Статистическій ежегодникъ Московской губерніи за 1908 г. Часть I и II. Москва, 1909 г.

— Физико-математическое приложеніе къ циркуляру по управленію Кавказскимъ учебнымъ округомъ. № 1. Тифлисъ, 1909 г. Цѣна 40 к.

— Щукинскій сборникъ. Выпускъ восьмой. Москва, 1909 г.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ

1 сентября 1909 г.

Избраніе М. М. Стасюлевича почетнымъ гражданиномъ г. Петербурга.—Деревенскія впечатлѣнія и наблюденія.—Былое благополучіе Одессы и его утрата.—Запретъ обывательскимъ обществамъ въ Петербургѣ вступать въ союзъ между собой.—„Россія" объ условіяхъ снятія исключительныхъ положеній и карательное распоряженіе главнаго начальника г. Кронштадта. — Любопытный приказъ и оставленные безъ отвѣта вопросы.—Самодуръ-милліонеръ и земскій начальникъ въ роли косца.—Разоблаченія.

Въ засѣданіи петербургской городской думы 12 августа *единогласно* избранъ почетнымъ гражданиномъ г. Петербурга старѣйшій гласный думы, М. М. Стасюлевичъ, непрерывно, въ теченіе 28 лѣтъ, состоящій гласнымъ, и тоже непрерывно, въ теченіе 25 лѣтъ, работающій въ городской коммиссіи по народному образованію.

Мы, русскіе, вообще скупы на признаніе заслугъ за общественными дѣятелями. Городскія самоуправленія, имѣющія на то формальное право, пользуются имъ иногда и избираютъ тѣхъ или другихъ лицъ почетными гражданами. Но обыкновенно такими избранниками являются или Высочайшія особы, или министры, сочувственно отнесшіеся къ какой-либо городской нуждѣ, или губернаторы, или военные генералы, какъ напр. покойные Скобелевъ и Радецкій, — словомъ, лица, для города болѣе или менѣе постороннія, и такія, въ отношеніи которыхъ избраніемъ завѣряется не дѣятельность избраннаго, а или отдѣльное событіе городской или государственной жизни, или случайно оказанная городу услуга. Изъ горожанъ этой чести удостоиваются большею частью крупные жертвователи, особенно если жертвователь былъ вмѣстѣ съ тѣмъ городскимъ головой. М. М. Стасюлевичъ—ни жертвователь, ни голова, и его избраніе пріобрѣтаетъ тѣмъ бо̀льшее значеніе, чѣмъ рѣже получаютъ званіе почетныхъ гражданъ города лица, во имя идеи отдававшія и отдающія свои силы и знанія общественному служенію. Конечно, не за продолжительность непрерывнаго пребыванія гласнымъ петербургская городская дума удостоила его званія почетнаго гражданина, а именно за идейное служеніе городу въ малозамѣтной роли одного изъ многихъ участниковъ распорядительнаго органа городского самоуправленія, — въ той роли, которая, въ сущности, гораздо выше, чѣмъ о ней принято думать.

Въ избраніи М. М. Стасюлевича все характерно. Гласнымъ думы, внесшимъ предложеніе, не понадобилось представлять перечня его заслугъ. Достаточно было самой общей мотивировки, чтобы избраніе состоялось. Ибо дѣятельность М. М. Стасюлевича была общественною въ истинномъ смыслѣ слова: всѣ 28 лѣтъ она протекала на виду не только у думы, но у всего населенія города. И состоялось избраніе единогласное. А между тѣмъ, М. М. Стасюлевичъ никогда не былъ гласнымъ, безразлично относившимся къ правымъ и лѣвымъ думскимъ теченіямъ. Напротивъ, онъ всегда принималъ живое участіе въ городской жизни во всей ея совокупности и занималъ въ думѣ совершенно опредѣленное групповое положеніе. Ему воздали должное не одни политическіе друзья, но вмѣстѣ съ ними и его политическіе противники, которымъ принадлежитъ въ петербургской думѣ подавляющее большинство. 12 августа въ думѣ не было ни большинства, ни меньшинства. Какъ одинъ человѣкъ, дума объединилась вокругъ имени М. М. Стасюлевича.

Согласно закону, М. М. Стасюлевичъ отнынѣ будетъ пожизненнымъ городскимъ гласнымъ. По этому поводу невольно вспоминается одинъ изъ выборныхъ съ нимъ эпизодовъ. Всегда М. М. Стасюлевичъ выбирался по васильевской части. Но въ 1903 г., когда для Петербурга было возстановлено дѣленіе избирателей на разряды, съ объединеніемъ избирателей перваго разряда въ одну общую курію, лѣвая группа перворазрядниковъ внесла въ свой списокъ и его имя. Правая группа, одержавшая побѣду, за него не баллотировала. Такимъ образомъ, М. М. оказался за флагомъ — первымъ кандидатомъ. Въ число же избранныхъ попалъ тоже публицистъ, но принципіально отвергающій самоуправленіе и никогда не принимавшій участія ни въ какихъ общественныхъ дѣлахъ. Зачѣмъ его избрали — было смѣшной загадкой, которую онъ вскорѣ и разрѣшилъ отказомъ отъ званія гласнаго. На оффиціальный запросъ городского головы, М. М. отвѣтилъ, что быть кандидатомъ въ гласные не желаетъ. „Не хочу сидѣть подъ N“—съ обычнымъ юморомъ говорилъ онъ тогда въ кругу близкихъ людей: „пойду баллотироваться въ отечество—на островъ“. И „отечество“, въ лицѣ василеостровскихъ второразрядныхъ избирателей, дало ему столько голосовъ, что по относительному ихъ числу онъ занялъ первое мѣсто среди всѣхъ гласныхъ.

Ни для читателей „Вѣстника Европы“, ни для самого Михаила Матвѣевича нѣтъ надобности подчеркивать, какъ горячо мы его привѣтствуемъ.

Часть минувшаго лѣта мы провели въ хорошо намъ знакомомъ уѣздѣ Тверской губерніи. Въ уѣздѣ, да и во всей губерніи, уже третій

годъ сряду неурожай. Конечно, не такой сплошной, какъ бываетъ на югѣ, но, во всякомъ случаѣ, по мѣстнымъ условіямъ, весьма тяжелый. Рожь пропала еще зимой и вышла изъ-подъ снѣга въ самомъ безотрадномъ видѣ. Множество полосъ было перепахано, и еслибы весной масса населенія имѣла на что купить яровыя сѣмена, то перепаханныхъ полосъ было бы еще гораздо больше. Казенныя сѣмена были выданы двумъ волостямъ изъ тридцати. Посѣвъ яровыхъ, вслѣдствіе поздней весны, крайне запоздалъ — къ половинѣ августа овесъ стоялъ еще на корню, „какъ луговина зеленый", по выраженію мужиковъ. Удастся ли его спасти отъ близкихъ заморозковъ—гадательно. Ленъ-сланецъ, которому нужно выстояться въ снопахъ недѣли двѣ, а потомъ лежать пять-шесть недѣль, еще не весь вытребленъ—а обыкновенно его теребятъ въ концѣ іюля или въ началѣ августа. Травы были плохи, уборка—еще хуже.

Тверская губернія не только не вывозитъ зерна, но и въ урожайные годы производитъ его меньше, чѣмъ потребляетъ. Это простое соображеніе обыкновенно настолько дѣйствуетъ успокоительно, что вообще неурожаямъ въ сѣверныхъ губерніяхъ не придается особеннаго значенія. Намъ такое мнѣніе представляется слишкомъ ужъ простымъ. Съ точки зрѣнія интересовъ казны справедливо: неурожай въ Тверской, Ярославской, Костромской, Псковской и т. п. губерніяхъ не можетъ существенно отразиться ни на балансѣ заграничнаго вывоза и ввоза, ни на итогахъ потребленія водки — при условіи обильнаго урожая въ черноземной полосѣ. Но насколько болѣе чѣмъ ошибочно покрывать все интересами казны, настолько это соображеніе оказывается скорѣе привычнымъ, нежели убѣдительнымъ. Уѣздъ, къ которому относятся наши наблюденія, пережилъ двѣ чрезвычайно тяжелыя зимы, и ему предстоитъ пережить третью, еще болѣе тяжелую. У кого обыкновенно хватало своего хлѣба до поста, хватило его въ прошломъ году до Николы, а ныньче хватитъ до осенняго заговѣнья. Запасы сѣна продавали лѣтомъ. Скотъ еще въ іюлѣ упалъ въ цѣнѣ. Это уже не признаки: это—факты. Не считаться съ ними нельзя. Правительственная же политика ихъ игнорируетъ.

Въ крестьянской деревнѣ насаждаютъ „чувство собственности" и „законность" вмѣстѣ съ „самодѣятельностью". Въ цѣляхъ насажденія чувства собственности, казна широко и охотно идетъ на помощь выселяющимся на отрубные участки. Въ цѣляхъ насажденія законности, съ крестьянъ-общинниковъ безпощадно выколачиваются государственные и земскіе сборы. Въ цѣляхъ насажденія самодѣятельности ссуды на обсѣмененіе выдаются до послѣдней степени скупо, на краткіе сроки, и возвратъ ихъ производится съ той же энергіей, какъ взысканіе поземельныхъ сборовъ. Въ уѣздѣ, о которомъ мы говоримъ, разселенія на

хутора не замѣтно, а потому и „широкой“ казенной помощи тоже не видно. Результаты же неукоснительнаго насажденія законности и самодѣятельности видны на каждомъ шагу. Достаточно бѣгло присмотрѣться къ любому селу и къ любой деревнѣ, чтобы сказать: да, здѣсь взысканы всѣ срочные платежи и всѣ недоимки прежнихъ лѣтъ. Подобной кричащей бѣдности, какъ въ нынѣшнемъ году, мы никогда ранѣе не наблюдали. Кромѣ трехъ послѣдовательныхъ неурожаевъ, уѣздъ пострадалъ отъ сокращенія притока денегъ со стороны, вслѣдствіе уменьшенія заработка на отхожихъ промыслахъ, и отъ паденія цѣны на ленъ, который составляетъ главный мѣстный предметъ вывоза. Но доконали населеніе взысканія платежей, ибо они производились за счетъ основного капитала крестьянскаго хозяйства. Деньги, не внесенныя въ 1905 и 1906 гг., конечно не были положены въ сберегательныя кассы. Оставшіеся рубли тогда же были истрачены. А когда ихъ потребовали, полученій со стороны не было, муку ѣли покупную, и цѣна на ленъ стояла, вмѣсто пяти рублей за пудъ, ниже двухъ. Очевидно, пришлось обращать въ деньги лошадей, коровъ, а то и „лишнія“ постройки. Въ уѣздѣ появился новый типъ „безкоровныхъ“ хозяйствъ. Такъ и было объявлено изъ волостныхъ правленій при выдачѣ ссудъ на озимый посѣвъ: „ссуды вышли для безкоровныхъ“.

Изъ деревенскихъ наблюденій другого порядка особенно характерны наслѣдственные споры. Споры о наслѣдствѣ всегда давали наибольшій матеріалъ для волостныхъ судовъ. Но пока существовалъ общинный строй, они, все-таки, не могли касаться главнаго и наиболѣе цѣннаго объекта крестьянскихъ интересовъ—полевой надѣльной земли. Теперь законъ 9 ноября уже проникъ въ деревню, и право обращенія надѣльной земли въ деньги всякій разъ всплываетъ наружу, какъ только умираетъ домохозяинъ и не оставляетъ послѣ себя сыновей. Вмѣстѣ съ закономъ 9 ноября пришли въ деревню общія постановленія гражданскихъ законовъ о наслѣдованіи и возникъ рѣзкій конфликтъ между ними и обычнымъ правомъ. Въ деревнѣ появились, подъ охраной X-го тома свода законовъ, такіе наслѣдники, которыхъ мѣстный обычай если не вовсе устранялъ, то, во всякомъ случаѣ, никогда не ставилъ въ первую очередь: раздѣленные братья и выданныя замужъ дочери, племянницы и внучки. Въ явно несправедливомъ положеніи оказались вдовы и жившіе съ умершимъ въ одномъ „домѣ“ боковые родственники. „Домъ“, какъ экономическая единица, несомнѣнно стоитъ въ деревенской жизни надъ кровнымъ родствомъ. Раздѣленные родные братья такъ же экономически чужды одинъ другому, какъ крестьяне, не состоящіе въ родствѣ. Со смертью домохозяина „домъ“ не вымираетъ; онъ только теряетъ главную рабочую силу. Другія силы остаются, и остается съ ними „домъ“. Справед-

ливо ли отнимать отъ нихъ часть „дома“ на пользу другой такой же самостоятельной экономической единицы? Приведемъ два примѣра. Послѣ смерти бездѣтнаго домохозяина осталась вдова и осталось наслѣдство въ видѣ двухъ душевыхъ надѣловъ, усадьбы съ постройками и трехъ десятинъ купленной земли. Вдова и въ мысляхъ не имѣла, что придетъ посторонній „дому“ человѣкъ и возьметъ у нея то, что она столько же, какъ и покойный мужъ, оплачивала и наживала. Деверь — братъ мужа, раздѣлившійся двадцать лѣтъ назадъ,—заявилъ, однако, свои права. Волостной судъ ему отказалъ. Но уѣздный съѣздъ рѣшилъ дѣло въ его пользу и опредѣлилъ выдѣлить вдовѣ указную часть. Другой примѣръ: изъ трехъ братьевъ два жили вмѣстѣ, а третій въ раздѣлѣ. Одинъ изъ жившихъ вмѣстѣ, старшій, былъ бездѣтный. Вскорѣ послѣ раздѣла съ третьимъ братомъ, второй умеръ. Вдова съ дѣтьми осталась при бездѣтномъ братѣ мужа. Прошло много лѣтъ; ея дѣти выросли. Умеръ бездѣтный домохозяинъ, незадолго передъ тѣмъ овдовѣвшій. Опять волостной судъ рѣшилъ наслѣдственный вопросъ въ пользу сохраненія „дома“, т.-е. племянниковъ, а уѣздный съѣздъ призналъ равноправнымъ съ ними наслѣдникомъ отдѣленнаго брата. Въ обоихъ примѣрахъ восторжествовалъ и въ отношеніи надѣльной земли новый для деревни и готовый всю ее больно переломать X-й томъ свода законовъ.

Нѣсколько времени, въ продолженіе минувшаго лѣта, довелось намъ провести въ разстояніи двухъ тысячъ верстъ отъ тверской деревни—въ Одессѣ. Одесса за послѣднее время стала городомъ, о которомъ пишутъ больше, чѣмъ о какомъ-либо другомъ. Тамъ былъ и, вопреки всѣмъ извѣстіямъ, повидимому, остается градоначальникъ Толмачевъ, который надолго будетъ памятенъ безпримѣрными распоряженіями и обязательными постановленіями. Тамъ въ городской думѣ и въ университетѣ торжествуютъ „истинно-русскіе“ люди. Тамъ недовольные графомъ Витте думскіе гласные-союзники рѣшили по новому назвать улицу, носящую его имя. Тамъ формально возстановлено предварительное оповѣщеніе печати, чего она не должна касаться. Тамъ возбуждено ходатайство, чтобы при выборахъ въ Государственную Думу евреи баллотировали отдѣльно отъ христіанъ и магометанъ. Тамъ запрещено читать газету „Рѣчь“. Тамъ охранно-карательныя нормы включили въ свой кругъ застежки на накидкахъ. Словомъ, тамъ съ особенной яркостью подтверждается мысль о „неограниченныхъ возможностяхъ“. Но не съ этой стороны насъ поразила Одесса. Одесса насъ поразила тѣмъ, о чемъ почти не пишутъ.

За Одессой твердо сложилась репутація города богатаго, по-евро-

пейски благоустроеннаго, быстро растущаго и развивающагося, съ бьющею ключемъ торгово-промышленною жизнью. Перечисляя по порядку города Россіи, гимназисты сейчасъ послѣ столицъ называютъ Одессу, даже прежде Варшавы и Риги. Въ учебникахъ географіи и въ словаряхъ объ Одессѣ неизмѣнно говорится въ повышенномъ тонѣ. Оказывается, однако, что и богатство, и благополучіе, и благоустройство Одессы—все это прошлое, былое, отъ чего остались только воспоминанія. Городъ остановился въ своемъ развитіи и если не умираетъ, то явно и тяжело болѣетъ.

Внѣшнія впечатлѣнія—самыя безотрадныя. Гранитныя мостовыя, когда-то предметъ зависти даже для Петербурга—въ невозможномъ состояніи. Очевидно, онѣ много лѣтъ не видали ремонта. Ѣхать по выбитымъ камнямъ—совершенная пытка. Извозчики хуже, чѣмъ въ захудалыхъ уѣздныхъ городахъ. Трамваевъ нѣтъ. Вмѣсто нихъ—конки, грязныя, неуклюжія, движущіяся со скоростью черепахи и постоянно сходящія съ рельсовъ. Уличное освѣщеніе до послѣдней степени скудное, а когда по календарю полагается луна, то и рѣдкихъ газовыхъ фонарей не зажигаютъ. Въ паркѣ, гдѣ по вечерамъ тысячи гуляющихъ, фонарей, кромѣ загородки ресторана, нѣтъ вовсе. Примитивно устроенныя, городскія купальни на Ланжеронѣ запущены. Строительной дѣятельности ни на главныхъ улицахъ, ни на отдаленныхъ не видно. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что замѣтили только одно, капитально перестраиваемое зданіе, правда, самое важное сейчасъ въ Одессѣ—зданіе военнаго суда. И фасады домовъ свидѣтельствуютъ, что городъ не обстраивается уже нѣсколько лѣтъ. На упадокъ торговли жалуются всѣ.

Бесѣды съ очень многими одесситами различнаго общественнаго положенія и различныхъ профессій намъ показали, что причины упадка черноморской столицы чрезвычайно разнообразны и только частью непосредственно связаны съ событіями послѣднихъ лѣтъ. Первый ударъ былъ нанесенъ сравнительно давно—желѣзнодорожными тарифами, которые отвлекли хлѣбные грузы къ портамъ Балтійскаго моря и съузили районъ, обслуживаемый портами Чернаго моря вообще. Затѣмъ у Одессы появились сосѣди-конкурренты: Николаевъ и Херсонъ. Расчистка бугскаго и днѣпровскаго лимановъ и устройство въ Николаевѣ и Херсонѣ портовыхъ сооруженій отняли отъ Одессы и изъ этого съуженнаго района весь Бугъ и низовья Днѣпра. Иностранные пароходы съ глубокой осадкой, минуя Одессу, теперь прямо идутъ за хлѣбомъ въ устья Буга и Днѣпра. Далѣе, сильно ударили Одессу война и особенно ея результатъ—потеря Квантуна. Всѣ сношенія съ Портъ-Артуромъ и Дальнимъ происходили, если не по сибирской желѣзной дорогѣ, то непремѣнно черезъ Одессу. Черезъ Одессу отпра-

влялись новобранцы, предметы снабженія войскъ, мануфактурные товары,—коротко говоря, по меньшей мѣрѣ половина того, что посылала на Дальній Востокъ Россія.

На эти бѣды упало сожженіе порта лѣтомъ 1905-го года и черезъ три мѣсяца—погромъ. Любопытно отмѣтить: одесситы утверждаютъ, что какъ число жертвъ погрома съ обѣихъ сторонъ—евреевъ и христіанъ,—такъ и число погибшихъ при усмиреніи бунта, вызваннаго событіями на „Потемкинѣ", не были и не могутъ быть точно установлены. Въ обоихъ случаяхъ убитыхъ свозили и хоронили не считая; во второмъ, кромѣ того, масса лицъ погибла въ морѣ, куда они бросались съ мола, спасаясь отъ залповъ войскъ и отъ огня пожара. Но сколько бы ни было тогда убитыхъ и потонувшихъ, Одесса потеряла жителей во много разъ больше. Общее число евреевъ, выѣхавшихъ изъ города послѣ погрома, опредѣляютъ въ десятки тысячъ. И хотя съ тѣхъ поръ прошло почти четыре года, численность населенія не возстановилась. Напротивъ, она все далѣе продолжаетъ падать. Экономическія слѣдствія сожженія порта и погрома также были во много разъ больше стоимости уничтоженнаго и разграбленнаго имущества. Городъ потерялъ торговый кредитъ, и поскольку бурно торжествуютъ въ Одессѣ союзники, постольку постоянныя опасенія новаго погрома препятствуютъ возстановленію кредита въ торговлѣ. Что касается отсутствія внѣшняго уличнаго благоустройства, то ни администраціи, ни городской думѣ съ управою—не до заботъ о мостовыхъ, о конкахъ и о фонаряхъ. Всѣ интересы и всѣ силы направлены на „политику" и на обращеніе Одессы въ „истинно-русскій" городъ.

Одесса всегда была городомъ безъ исторіи, безъ далекаго прошлаго—городомъ parvenu. Но это былъ parvenu богатый, красивый, parvenu съ будущимъ. Осталась только красота мѣстоположенія, красота природы. Все принесенное и созданное людьми—если еще не совсѣмъ въ состояніи разрушенія, то въ грозящемъ разрушеніемъ упадкѣ. Такое, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе производитъ Одесса на пріѣзжаго.

Какъ только образовались въ Петербургѣ общества обывателей и избирателей, пріуроченныя къ частямъ города, среди членовъ этихъ обществъ естественно возникла мысль объ объединеніи. Дѣйствительно, какой ни взять вопросъ городского хозяйства, ясно, что его нельзя трактовать исключительно съ точки зрѣнія нуждъ и интересовъ данной части города. Бойни обслуживаютъ весь городъ. Сосредоточеніе вновь устраиваемыхъ больницъ на окраинахъ отнюдь не можетъ уменьшать интереса къ больничному дѣлу населенія центральныхъ частей. Направленіе трамвайныхъ линій и будущихъ канализаціонныхъ соору-

женій, само собою разумѣется, невозможно оцѣнивать лишь постольку, поскольку то или другое направленіе прорѣзываетъ территорію данной части. Одинъ изъ первыхъ вопросовъ, котораго коснулись обывательскія общества, былъ вопросъ о трамвайныхъ тарифахъ. И какъ только они сдѣлали попытку облечь свои пожеланія въ форму ходатайства передъ городской думой, то неизбѣжно каждое общество почувствовало необходимость предварительно сговориться или хотя бы снестись съ сосѣднимъ. Чѣмъ сноситься по отдѣльнымъ вопросамъ особо и тѣмъ подчинять свою дѣятельность случайностямъ, проще и удобнѣе, конечно, имѣть общій органъ, который сосредоточивалъ бы свѣдѣнія о дѣятельности вступившихъ въ союзъ обществъ и, направляя ее, сглаживалъ бы столкновенія интересовъ.

Еще въ первые мѣсяцы текущаго года на частныхъ совѣщаніяхъ представителей нѣкоторыхъ обывательскихъ обществъ былъ выработанъ проектъ устава союза. Затѣмъ этотъ проектъ былъ проведенъ черезъ общія собранія и представленъ для легализаціи въ городское по дѣламъ объ обществахъ присутствіе. Присутствіе объявило представившимъ проектъ предсѣдателямъ обществъ казанской, московской и петербургской частей, что оставляетъ проектъ безъ разсмотрѣнія, такъ какъ въ уставахъ обывательскихъ обществъ не оговорено право вступать въ союзы. Если не прямо, то косвенно, этимъ давалось понять, что желающія вступить въ союзъ общества должны предварительно озаботиться дополненіемъ ихъ уставовъ. Тѣ же три общества съ готовностью пошли на встрѣчу сдѣланному указанію. Въ маѣ проекты дополненія уставовъ были уже на разсмотрѣніи присутствія. Присутствіе въ дополненіи уставовъ отказало, но мотивовъ тогда не объявило. На изготовленіе мотивированнаго извѣщенія понадобилось два мѣсяца.

„На-дняхъ—писала „Рѣчь“ 4 августа (№ 211)—секретаремъ общества обывателей казанской части, Л. А. Велиховымъ, полученъ отъ городского по дѣламъ объ обществахъ присутствія мотивированный отказъ“. „Присутствіе — передаетъ газета—мотивируетъ свой отказъ тѣмъ, что по закону 4 марта 1906 г. разрѣшается образованіе союзовъ только между обществами, преслѣдующими однородныя задачи и цѣли; между тѣмъ, въ уставѣ общества обывателей и избирателей казанской части указывается на то, что задачей общества является благоустройство именно казанской части, — слѣдовательно, общества обывателей и избирателей другихъ частей не могутъ считаться преслѣдующими *однородныя* съ казанскимъ обществомъ задачи“.

Можно ли разбирать подобный мотивъ? Можно ли оспаривать его? Въ практикѣ городскихъ присутствій много бывало своеобразныхъ, чтобы не сказать болѣе, мотивовъ отказа въ легализаціи различныхъ

обществъ, но такого толкованія понятія однородности намъ слышать или читать не доводилось. Устыдиться и умолкнуть заставляетъ и второй мотивъ. Союзъ обывательскихъ обществъ явится, по мнѣнію присутствія, „учрежденіемъ, какъ бы параллельнымъ городской думѣ. Вмѣшательство же такого учрежденія въ городскія дѣла можетъ угрожать общественному порядку и спокойствію". Невысокаго мнѣнія присутствіе о петербургской городской думѣ, если опасается, что союзъ обывательскихъ обществъ, не обладающихъ ни властью, ни деньгами, кромѣ рублевыхъ членскихъ взносовъ, явится параллельнымъ, т.-е. конкуррирующимъ съ думою—съ управомоченной, въ силу закона, распорядительницей двадцатимилліоннаго бюджета—учрежденіемъ.

Мотивы присутствія—новая яркая иллюстрація къ словамъ манифеста 17 октября о незыблемыхъ основахъ гражданской свободы и къ установленному временными правилами 4 марта явочному порядку образованія обществъ и союзовъ. Прежде, до „конституціи" и до „гражданской свободы", на все требовалось разрѣшеніе, т.-е. власть могла отказать въ утвержденіи устава общества и въ его измѣненіи безъ всякихъ мотивовъ. Теперь необходимы мотивы. Въ сущности, въ этомъ вся разница. Но если мотивы равны нулю?.. Право же прежде было не хуже: проще и откровеннѣе...

Свойство приведенныхъ мотивовъ краснорѣчиво говоритъ, что не юридическія соображенія послужили основаніемъ для запрета связать обывательскія общества въ союзъ, а то самое, что вызвало закрытіе кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ и вообще является отправной точкой „конституціонной" политики: желаніе. И короткая исторія обывательскихъ обществъ не менѣе краснорѣчиво раскрываетъ содержаніе руководившаго въ настоящемъ случаѣ присутствіемъ желанія. Несостоятельность нынѣшняго состава петербургской городской думы, такъ блестяще доказанная въ прошломъ году холерой, вызвала желаніе создать возможность воздѣйствія на гласныхъ-домовладѣльцевъ со стороны массъ городского населенія. Въ результатѣ, годъ назадъ, къ утвержденію уставовъ обывательскихъ обществъ не встрѣтилось никакихъ препятствій. Но общества сразу пріобрѣли широкую популярность. Отсюда возродилось другое желаніе, діаметрально противоположное, а предстоящіе выборы его разогрѣли до степени забвенія и холеры, и всѣхъ дефектовъ въ веденіи городского хозяйства. Гг. Глазуновы и Унковскіе все-таки свои люди, склонные во всемъ слушаться начальства. Они все-таки будутъ безропотно отдавать городскія деньги на переустройство водопроводной сѣти и на устройство канализаціи правительственной коммиссіей. Какъ же можно ставить ихъ на выборахъ въ опасное положеніе? А объединенныя въ союзъ двѣнадцать обывательскихъ обществъ, конечно, явились бы

такой силой, съ которой нынѣшнему большинству Думы, во всякомъ случаѣ, пришлось бы очень и очень считаться въ выборные дни. Впрочемъ, и каждое общество въ отдѣльности по отношенію къ выборамъ представляетъ силу немалую. Поэтому мы сохраняемъ надежду на дѣйствительное обновленіе думы въ ноябрѣ, если только общества до того времени не подвергнутся дальнѣйшему „разъясненію".

Насколько, совершенно независимо отъ партійныхъ соображеній, необходимо такое обновленіе, лучшая тому иллюстрація—засѣданіе петербургской городской думы, несостоявшееся 21 августа. Беремъ изъ газетъ заставляющія краснѣть замѣтки. „Засѣданіе городской думы 21 августа,—пишетъ „Рѣчь",—какъ и слѣдовало ожидать, не состоялось, хотя приняты были героическія мѣры, чтобы собрать 81 чел. На дачи гласнымъ посылались телеграммы, звонили на городскія квартиры по телефону, печатали въ газетахъ объявленія, разсылали по нѣсколько повѣстокъ съ предупрежденіемъ, что дальнѣйшее откладываніе рѣшенія вопроса о фильтрахъ можетъ повести къ вмѣшательству правительства и т. д. Все это оказалось тщетнымъ. Къ 2 час. дня набралось около 60 чел. Рѣшили ждать до 3 час., хотя это нарушаетъ „правила о порядкѣ производства дѣлъ въ городской думѣ". Въ $2^1/_2$ час. дня собралось около 70 чел., но до этого времени нѣкоторые гласные успѣли улетучиться. До $2^3/_4$ час. дня въ контрольномъ листѣ расписалось 80 чел. Не хватало для законнаго состава одного гласнаго. Пока искали одного гласнаго изъ недостававшихъ 82-хъ, собравшіеся постепенно стали расходиться". Когда—добавляетъ къ этому разсказу „Новая Русь" — искали недостающаго гласнаго и послали телеграмму г-ну В. съ просьбою спасти кворумъ, то получился отвѣтъ: „Извините, я на государственной службѣ; не могу".

Ничто не можетъ заставить цѣлую половину нынѣшняго состава петербургской думы исполнять принятыя на себя обязанности. Упреки печати, неотложность дѣла, угроза закона изъятіемъ дѣла изъ рукъ выборныхъ представителей города, какъ въ данномъ случаѣ,—они ко всему глухи. Для однихъ надъ обязанностями гласнаго стоитъ государственная служба, для другихъ — личныя удобства, для третьихъ — дѣла, какія угодно, только не городскія. Зачѣмъ же они шли на баллотировку? А черезъ два-три мѣсяца выбывающіе хроническіе „нѣтчики" опять будутъ принимать всѣ мѣры, чтобы дощечки съ ихъ именами продолжали украшать пустующія кресла...

Замѣчательную въ своемъ родѣ статью напечатала „Россія" 20-го августа. Поводомъ для нея послужили слѣдующія слова одной „глубокомысленной", по выраженію „частнаго" органа г. А. Живо-

товскаго, газеты. „Припомнимъ—писала эта газета—недавнее введеніе осаднаго положенія въ Прагѣ или въ Барселонѣ. Въ первомъ городѣ, подъ вліяніемъ массовыхъ столкновеній чеховъ съ нѣмцами, власть ввела исключительное положеніе и сняла его черезъ три дня. Въ Барселонѣ, не смотря на то, что вся Каталонія была охвачена возстаніемъ, и на то, что революціонеры упорно вели борьбу съ правительственными войсками, правительство держало страну только въ теченіе одной недѣли на военномъ положеніи. Подъ неумолкшій еще грохотъ революціонныхъ выстрѣловъ правительство возвратилось къ нормальному порядку". Полагаемъ, что никто не догадается, какой „уничтожающій" доводъ противопоставила „Россія" азбучной истинѣ: единственное оправданіе исключительныхъ положеній—фактически неустранимая необходимость. Она привела справку: „въ Прагѣ 200.000 жителей, во всей Чехіи — 6,5 милліоновъ населенія, и Чехія по пространству равняется одной четырехсотъ-сорокъ-четвертой части Россіи; въ Барселонѣ же 504.000 жителей, во всей Испаніи—19 милліоновъ, и она равняется одной сорокъ-третьей части Россіи". „А потому—дѣлается выводъ изъ ариѳметической выкладки — и сравненіе явленій русской жизни съ явленіями чешской и испанской возможно только тогда, когда будетъ принятъ одинаковый масштабъ для тѣхъ и другихъ явленій".

Конечно, не своеобразность полемической аргументаціи оффиціоза заслуживаетъ вниманія. И не въ ней суть статьи. Суть въ томъ, что оффиціозъ раскрываетъ, отъ какихъ условій, по мысли вдохновителей г. Животовскаго, зависитъ снятіе въ Россіи исключительныхъ положеній. „Для лѣвыхъ газетъ,—пишетъ оффиціозъ,—вмѣсто того, чтобы кивать на Барселону и Прагу, было бы гораздо проще обратиться къ нашимъ „освободителямъ" за границей и внутри имперіи съ просьбой прекратить свою варварскую работу и распустить свои банды разъ навсегда, такъ какъ работа этихъ бандъ ни въ чемъ, кромѣ разбоевъ и ограбленій, выразиться не можетъ, а разбои и грабежи, какими бы ихъ красками ни расписывать, останутся только разбоями и грабежами и никакой идеи найти въ нихъ нельзя". И далѣе: „Нѣтъ сомнѣнія, что уничтоженіе революціонныхъ организацій сдѣлаетъ ненужными исключительныя положенія, но *не законная власть должна подавать примѣръ разоруженія, а тѣ организаціи, которыя ведутъ съ ней борьбу*. Для того, чтобы обычные законы оказались достаточными для подавленія преступленій, нужно, чтобы населеніе имъ повиновалось и ихъ уважало. Постоянное нарушеніе общаго закона есть уже требованіе закона чрезвычайнаго. И какъ бы тяжело ни ложились чрезвычайныя мѣры на мирное населеніе, ихъ тяжесть должна

быть поставлена въ вину не правительству, а тѣмъ сообществамъ, которыя борются съ нимъ всѣми доступными имъ средствами".

Итакъ, во-первыхъ: виноваты „лѣвыя газеты". Въ ихъ распоряженіи есть вѣщее слово, а онѣ его не произносятъ, не смотря ни на штрафы, ни на конфискаціи, ни на уголовныя кары. Во-вторыхъ: пусть преступники перестанутъ совершать преступленія—тогда мирное населеніе не будетъ страдать ни отъ преступниковъ, ни отъ дѣйствій власти. Эта послѣдняя мысль такъ прямо, со всей откровенностью, и выражена: законная власть ждетъ, чтобы революціонныя организаціи подали ей „примѣръ разоруженія". А до тѣхъ поръ, пока онѣ примѣра не подадутъ, въ порядкѣ исключительныхъ положеній будутъ подвергаться штрафамъ извозчики, будутъ воспрещаться попытки членовъ Думы дать отчетъ избирателямъ, „охрана" будетъ регламентировать анестэзирующія средства при операціяхъ, и люди, ничего общаго не имѣющіе, ни прямо, ни косвенно, ни съ разбоями и грабежами, ни съ революціонными организаціями, будутъ подвергаться со стороны „начальства" отеческому внушенію, подкрѣпляемому тюремнымъ заключеніемъ и высылкой.

Новый примѣръ административной „охранной" расправы имѣлъ мѣсто въ Кронштадтѣ. Подобно тому, какъ въ 1909 г. Барселона, Кронштадтъ въ 1905 г. и потомъ въ 1906-мъ былъ дважды охватываемъ возстаніемъ. Но въ Барселонѣ военное положеніе дѣйствовало одну недѣлю, а въ Кронштадтѣ продолжаетъ безпрерывно дѣйствовать по-днесь,—вѣроятно потому, что число жителей въ Кронштадтѣ разъ въ восемь меньше, чѣмъ въ Барселонѣ, а территорія Россіи въ сорокъ три раза больше, чѣмъ территорія Испаніи. И въ виду дѣйствія въ Кронштадтѣ военнаго положенія мѣстный почетный гражданинъ Войнаровскій заключенъ въ тюрьму на одинъ мѣсяцъ и высланъ изъ предѣловъ Кронштадта на все время военнаго положенія; городского голову, г. Гуляева—говорится въ приказѣ главнаго начальника Кронштадта—„надлежало отрѣшить отъ должности и предать суду, но, принимая во вниманіе представленное имъ объясненіе и чистосердечное сознаніе своей вины и, наконецъ, то обстоятельство, что въ данномъ вопросѣ онъ былъ введенъ въ заблужденіе заинтересованными лицами",—ему объявленъ „на этотъ разъ" только строгій выговоръ; членамъ городской управы объявленъ выговоръ. „Преступленіе" г. Торсена (норвежскаго генеральнаго консула въ Кронштадтѣ), изъ-за котораго началось все дѣло, состояло въ томъ, что онъ обратился къ кронштадтскому городскому головѣ съ запиской, въ которой просилъ о содѣйствіи къ отмѣнѣ существующаго порядка найма рабочихъ въ гавани при разгрузкѣ и нагрузкѣ коммерческихъ судовъ. „Преступленіе" г. Войнаровскаго—въ томъ, что онъ участвовалъ въ составленіи этой

записки. „Преступленіе“ г. Гуляева—въ томъ, что онъ принялъ записку и допустилъ ея обсужденіе въ совѣщаніи. „Преступленіе“ членовъ управы—въ томъ, что они принимали въ совѣщаніи участіе [1]).

Мы не читали „преступной“ записки г. Торсена и не знаемъ ея содержанія. Но съ интересующей насъ точки зрѣнія отходитъ на второй планъ вопросъ о томъ, онъ ли по существу правъ въ своемъ домогательствѣ, или правы германскій вице-консулъ г. Юргенсъ, „заявившій протестъ противъ осужденія распоряженія главнаго начальника“, и вице-консулъ Великобританіи г. Фишвихъ, уклонившійся отъ участія въ обсужденіи записки,—которымъ въ томъ же приказѣ объявлена благодарность „за корректный образъ дѣйствій во всей этой исторіи“. Для насъ достаточно, что записка касалась „порядка найма рабочихъ въ гавани“, т.-е. вопроса, рѣшительно ничѣмъ не связаннаго съ „варварской работой“ заграничныхъ и внутри-имперскихъ „бандъ“, и что единственнымъ основаніемъ наложенныхъ каръ послужило военное положеніе въ Кронштадтѣ. Въ приказѣ (какъ онъ переданъ „Русскими Вѣдомостями“), правда, сказано, что г. Войнаровскій подвергнутъ тюремному заключенію за составленіе записки „въ рѣзкомъ тонѣ“. Отсюда, пожалуй, можно заключить, что преступность ихъ дѣйствій состояла въ формѣ и способахъ домогательства отмѣны существующаго порядка найма рабочихъ. Однако, непосредственно послѣ ссылки на рѣзкій тонъ прибавлено: „съ явно огульными обобщеніями и недоказанными обвиненіями“. И эта прибавка, вмѣстѣ съ отсутствіемъ какой бы то ни было юридической квалификаціи „дѣянія“, заставляетъ думать, что рѣзкій тонъ записки, во всякомъ случаѣ, не былъ тѣмъ „тономъ“, который воспрещенъ закономъ подъ страхомъ наказанія.

Сверхзаконные, „охранные“, пріемы управленія съ каждымъ днемъ проникаютъ глубже и глубже. Органы исполнительной власти, сверху до низу, снова возвращаются, повидимому, къ убѣжденію, что для полицейскаго всемогущества нѣтъ границъ и предѣловъ, ни въ смыслѣ формальномъ, ни въ смыслѣ возможности властнаго воздѣйствія на тѣ стороны обывательской жизни, которыя вообще считаются неподдающимися начальственной регламентаціи.

Наказной атаманъ оренбургскаго казачьяго войска задался насажденіемъ во ввѣренномъ ему населеніи бережливости и издалъ по этому поводу любопытный приказъ: „Казаки! Вамъ надо бы только радоваться, что Богъ помогъ обзавестись такими чудными изобрѣте-

---

[1]) Весь описываемый эпизодъ и цитаты заимствованы изъ № 166 „Русскихъ Вѣдомостей“, гдѣ, въ свою очередь, сдѣлана ссылка на „Петербургскій Листокъ“.

ніями человѣческаго ума, облегчающими во много разъ тяжелый трудъ земледѣльца, и хранить машины какъ драгоцѣнность, а вы ихъ въ снѣгъ, да подъ дождь. Ужъ если какія-нибудь грошевыя сани и телѣги вы прячете подъ навѣсъ, чтобы онѣ не гнили отъ сырости и не разсыхались на солнцѣ, такъ тѣмъ болѣе необходимо хранить бережно такія тонкія и цѣнныя вещи, каковы машины. Постыдитесь! Вѣдь это—срамъ".

Если бы приказъ ограничивался приведеннымъ лирическимъ призывомъ, то благопожеланіе наказного атамана было бы благопожеланіемъ—и только. Но за призывомъ идетъ мѣропріятіе—предложеніе выработать „правила", и въ будущемъ обѣщано „внушеніе". „Чтобы положить предѣлъ указанному безпорядку—такъ заканчивается приказъ—и оградить интересы сельско-хозяйственнаго капитала и интересы самихъ казаковъ отъ ихъ варварскаго обращенія съ машинами, предписываю атаманамъ отдѣловъ немедленно обязать агрономовъ выработать подходящія къ мѣстнымъ условіямъ правила храненія этого народнаго богатства, возможно шире распространить ихъ среди населенія и затѣмъ обязать всѣхъ чиновъ администраціи внушать казакамъ необходимость соблюденія этихъ правилъ". Способы „внушенія" пока не предусмотрѣны: до выработки правилъ предусматривать ихъ, очевидно, преждевременно. Но что подкрѣплять „внушеніе" будутъ кары—въ этомъ едва ли можно сомнѣваться. Такимъ образомъ, оренбургскимъ казакамъ предстоитъ пережить новый экспериментъ: въ огражденіе собственныхъ своихъ интересовъ платить штрафы или отсиживать подъ арестомъ.

Въ Кіевѣ разыгрался первый, а въ синодской канцеляріи—второй актъ какой-то таинственной исторіи съ разводомъ г. Бутовича. Таинственность создала изумительная быстрота, съ которой, вопреки обычной многолѣтней волокитѣ, дѣло о разводѣ прошло всѣ инстанціи и завершилось бракомъ разведенной жены г. Бутовича. Въ газетахъ одно время ежедневно печатались по этому поводу сенсаціонныя подробности, назывались имена, передавались слухи—то, что будто бы подкладкой служитъ вымогательство денегъ г. Бутовичемъ, то наоборотъ, — и въ связь съ дѣломъ ставились разговоры объ увольненіи недавно назначеннаго министра. Потомъ всѣ какъ-то вдругъ замолкли. И въ результатѣ повисла въ воздухѣ телеграмма, присланная въ газеты („Новая Русь", № 208) за подписью „Владиміръ Бутовичъ": „Мнѣ этого развода не нужно. Равно денегъ за него. Имѣю свыше семисотъ тысячъ въ имѣніяхъ въ Малороссіи, капиталахъ и другихъ движимостяхъ. Долговъ, даже ипотечныхъ, никакихъ. Грозили административной ссылкой, отобраніемъ сына, засажденіемъ до безконечности на испытаніе въ домъ умалишенныхъ. Ночью въ Кіевѣ на

улицѣ агенты силой тащили къ кокоткамъ. Спасся въ гостинницу „Эрмитажъ". Истерзанный, предлагалъ, взявъ вину, платить ежегодную ренту—только бы прекратили травлю и оставили ребенка. Вина въ разводѣ грозитъ мнѣ, какъ полтавцу, перспективой потери всего состоянія (статья 118, т. X). Просьбы защиты въ Петербургѣ усиливали репрессіи. Подробности письменно. Помогите!"

Трудно вторгаться въ частную семейную жизнь и разбираться со стороны въ условіяхъ и обстоятельствахъ, за которыми послѣдовалъ разводъ. И мы далеки отъ мысли высказывать сужденіе по существу дѣла. Но неужели правда, что въ разводъ г. Бутовича было „охранное" вторженіе какихъ-то Азефовъ-провокаторовъ? Неужели правда, что ему грозили ссылкой и что его просьбы защиты „усиливали репрессіи"? Разъ называлось имя лица, въ бракъ съ которымъ вступила послѣ развода г-жа Бутовичъ, нельзя оставлять безъ отвѣта эти вопросы...

Въ Бессарабіи, близь с. Камратъ, земскій начальникъ, г. Колибаба, собственноручно выкосилъ $8^1/_2$ десятинъ овса. Этотъ „подвигъ" самъ по себѣ, конечно, не представляетъ никакого геройства, особенно если принять во вниманіе, что г. Колибаба,—какъ сообщалось въ газетахъ, — сынъ сельскаго священника и потому, вѣроятно, не въ первый разъ въ жизни взялъ въ руки косу. И поскольку описанія, долго не сходившія со столбцовъ газетъ, касались „тяжести" работы, „лихихъ ударовъ косы", утомленія г. Колибабы, потери имъ нѣсколькихъ фунтовъ вѣса и т. п., отъ нихъ вѣяло ненужными и портящими впечатлѣніе преувеличеніями. Но г. Колибаба несомнѣнно заслужилъ искреннюю общественную признательность. Онъ ее заслужилъ не за исполненную работу, а за то, что во имя блага населенія села Камратъ не остановился передъ явнымъ издѣвательствомъ самодура-милліонера. Онъ наказалъ самодура, обезпечилъ селу женскую гимназію, и за это ему горячее спасибо.

Заимствуемъ изъ „Русскаго Слова" краткій разсказъ вмѣстѣ съ разговоромъ между г. Колибаба и г. Цанко-Кильчикъ, предшествовавшимъ заключенію ими курьезнаго, но формально, кажется, безупречнаго, договора.

„Есть въ Бендерскомъ уѣздѣ, Бессарабской губерніи, село Камратъ,—село большое, съ населеніемъ, приблизительно, въ десять тысячъ душъ. Среди общества Камрата давно уже возникла мысль объ открытіи женской гимназіи, но, вслѣдствіе отсутствія средствъ, осуществить эту благую мысль не удавалось.

„Нашелся среди богатыхъ землевладѣльцевъ уѣзда помѣщикъ

Г. И. Цанко-Кильчикъ, большой оригиналъ, обладающій громадными средствами, который выразилъ желаніе придти на помощь обществу.

—„Стройте сельско-хозяйственный институтъ, тогда дамъ деньги на это дѣло, а на гимназію не желаю давать.

„Въ такомъ институтѣ нѣтъ сейчасъ ровно никакой надобности. Нужна гимназія.

„Помѣщикъ-чудакъ не поддавался.

„Ярымъ сторонникомъ гимназіи и иниціаторомъ является земскій начальникъ Колибаба.

— „Вы настаиваете на гимназіи? — спросилъ какъ-то земскаго начальника Цанко-Кильчикъ.

— „Безусловно...

— „Отлично, я пожертвую вамъ на гимназію, но сдѣлаете ли вы то, что я захочу?

— „Извольте.

— „Вы должны собственноручно скосить восемь съ половиною десятинъ овса.

— „Я готовъ, я съ удовольствіемъ буду работать".

И г. Колибаба обязательство исполнилъ. Моментъ окончанія имъ работы былъ цѣлымъ торжествомъ. „Къ послѣднему моменту косовицы—описываетъ корреспондентъ той же газеты (№ 177)—на поле прибыла особая депутація, пригласившая „косца" въ церковь на благодарственный молебенъ за благополучное окончаніе работы... Церковь была переполнена. Масса крестьянъ толпилась вокругъ храма съ обнаженными головами. Собрался весь причтъ съ хоромъ пѣвчихъ. Явилась и полиція. Виновникъ торжества прибылъ въ деревенской повозкѣ, фантастически украшенной косами, граблями, вилами, снопами изъ свѣжескошеннаго овса и національными флагами. За повозкой слѣдовали экипажи, подводы, богатые выѣзды съ одѣтыми по-праздничному дамами, крестьянами, дѣтьми. При въѣздѣ кортежа въ село загремѣло могучее тысячеголосое „ура". Двадцать полицейскихъ шашекъ заблестѣли на солнцѣ, отдавая честь необыкновенному косарю, и этотъ салютъ нѣсколько смутилъ Колибабу. Оправившись, онъ вошелъ въ храмъ, гдѣ былъ встрѣченъ пѣніемъ торжественнаго концерта. Настоятель сказалъ слово"... Есть еще у насъ люди, самоотверженно преданные дѣлу просвѣщенія. Но не вымерли еще и самодуры...

Полоса разоблаченій продолжается. Повидимому, клубокъ русскаго политическаго сыска вовсе не такъ сложенъ и не такъ запутанъ, какъ могло казаться. Трудно было только найти конецъ нитки. Разъ г. Бурцевъ его нашелъ, одинъ за другимъ потянулись Азефъ, Гартингъ,

какой-то Михаилъ Воскресенскій и, наконецъ, послѣднею пока вытащена на свѣтъ Зинаида Жученко, откровенно заявляющая, что среди каждыхъ десяти соціалистовъ-революціонеровъ непремѣнно имѣется три агента полиціи.

Изъ всѣхъ этихъ „разоблаченныхъ" первое мѣсто по праву принадлежитъ Гартингу. Онъ былъ не рядовымъ сыщикомъ, а оффиціальнымъ представителемъ русской полиціи въ Парижѣ. Уклонившійся отъ кары, назначенной ему по приговору французскаго суда, онъ во Франціи же руководилъ сыскомъ и—само собою разумѣется, не безъ участія русскихъ властей — получилъ орденъ почетнаго легіона. Это уже не домашнее дѣло, а скандалъ международный. Въ Брюсселѣ, передъ женитьбой, онъ представилъ оффиціальное удостовѣреніе, что его родители были такіе-то, Гартинги, тогда какъ въ дѣйствительности онъ ни съ какими Гартингами никогда ничего общаго не имѣлъ. И послѣ разоблаченія Гартингъ не сошелъ съ служебной арены. По крайней мѣрѣ онъ какъ-то отозвался письмомъ въ редакцію „Рѣчи" и грозилъ сотруднику газеты судебной отвѣтственностью за клевету. Если угроза будетъ приведена въ исполненіе, то публика отъ него самого узнаетъ, кто онъ.

Агентъ совсѣмъ другого типа—Зинаида Жученко. Всего любопытнѣе ея словоохотливость. Азефъ молчалъ и молчитъ. Воскресенскій былъ въ Парижѣ и исчезъ. Гартингъ, кромѣ одного письма, ничѣмъ не заявляетъ о своемъ существованіи. А З. Жученко чего-чего только не болтаетъ и про себя, и про свое недавнее начальство, и про своихъ товарищей-сыщиковъ. Въ то же время она съ гордостью объявляетъ, что отвергла условіе, предложенное ей Бурцевымъ, „сознаться и перейти на сторону революціонеровъ". Вообще говоря, болтовня этой особы, происходящей, по ея словамъ, „изъ старой русской дворянской семьи" и ставшей сыщикомъ „по убѣжденію", „во имя идеи", — какая-то смѣсь наивности и хвастовства. За что только ей платили деньги! А платили ей видимо немало. „Меня упрекаютъ, — говорила она сотруднику берлинскихъ газетъ, — что я стала агентомъ политической полиціи изъ матеріальныхъ соображеній, изъ корысти. Я протестую противъ этого самымъ рѣшительнымъ образомъ. Само собою разумѣется, что я получала очень высокое содержаніе, но никакихъ капиталовъ изъ этого жалованья я не скопила. Я лишь матеріально обезпечила себя и своего сына, и это обезпеченіе давало мнѣ внутреннюю силу для борьбы съ революціей".

Но если вчитаться въ болтовню Жученко, то будетъ понятно, за что она получала „очень высокое содержаніе". Она его получала именно за провокацію. Розыскъ, сыскъ — дѣло, во всякомъ случаѣ, трудное, и на него она явно была неспособна. Провокація же, въ

смыслѣ подготовки преступныхъ актовъ, когда вмѣсто помѣхи настоящіе органы сыска оказываютъ содѣйствіе,—куда легче и проще. Она, конечно, протестуетъ: „Я провокаціей никогда не занималась". Но вотъ ея собственныя слова: „Фабрикація бомбъ шла у насъ во всю; опыты производились въ моей квартирѣ"... „По порученію революціоннаго комитета, я перевозила бомбы изъ одного мѣста въ другое. Въ этихъ случаяхъ со мной въ качествѣ провожатыхъ ѣздили полицейскіе агенты, о чемъ революціонеры, конечно, не знали"... „Я пришила Фрумкиной въ ея пальто карманъ, въ который она запрятала револьверъ"...

Упала послѣдняя тайна и съ обстоятельствъ смерти Георгія Гапона. Онъ убитъ руками тѣхъ самыхъ рабочихъ, которые его боготворили. Убитъ, какъ агентъ-провокаторъ, торговавшій собою за деньги. То, что опубликовалъ Рутенбергъ, устраняетъ всякую возможность сомнѣній.

Издатель М. М. Ковалевскій. Редакторъ К. К. Арсеньевъ.

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

ИЗВѢЩЕНІЯ

О пріисканіи занятій и мѣстъ бывшимъ депутатамъ 1-ой и 2-ой Думы.

Принимая во вниманіе, что многіе изъ бывшихъ депутатовъ 1-ой и 2-ой Государственной Думы оказались лишенными ихъ обычнаго заработка и въ пріисканіи таковаго на мѣстѣ своего жительства они часто встрѣчаютъ затрудненія, *группа* лицъ изъ бывшихъ членовъ 1-ой Думы рѣшила организовать дѣло по пріисканію занятій и мѣстъ оставшимся безъ подходящаго заработка своимъ товарищамъ. Въ этихъ видахъ она предполагаетъ сосредоточить у себя свѣдѣнія о предложеніи ими труда и о спросѣ на тотъ трудъ, который они предлагаютъ.

Разсчитывая въ этомъ трудномъ дѣлѣ на поддержку широкихъ слоевъ русскаго общества, *группа* проситъ оказать ей содѣйствіе въ пріисканіи подходящихъ мѣстъ и занятій (по профессіямъ, начиная отъ простого рабочаго, кончая интеллигентнымъ трудомъ разныхъ категорій) тѣмъ изъ бывшихъ депутатовъ, о коихъ у *группы* уже имѣются свѣдѣнія, а также сообщать ей свѣдѣнія о возможныхъ открывающихся мѣстахъ и спросѣ на трудъ. Только путемъ широкаго ознакомленія съ ея задачами и при помощи лицъ, сочувствующихъ этому дѣлу, *группа* надѣется выполнить весьма трудную задачу, которую она себѣ поставила.

Отвѣты съ указаніемъ характера мѣстъ и условій, а также запросы по данному предмету можно адресовать въ редакцію *для группы*.

Группа Членовъ 1-ой Государственной Думы.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ ТИПОГРАФІИ

М. М. Стасюлевича

(Существуетъ съ 1872 г.)

Спб. Вас. остр., 5 л. д. 28, собств.

Телефонъ № 208-30.

1-го іюля 1909 года выпущенъ **новый полный каталогъ** Склада (180 страницъ), въ которомъ впервые обозначены офиціальныя одобренія, рекомендаціи и допущенія со стороны всевозможныхъ вѣдомствъ, всѣ рекомендаціи самыхъ разнообразныхъ указателей лучшихъ книгъ для самообразованія, дѣтскаго чтенія и пр., а также рецензіи въ журналахъ и газетахъ. Такимъ образомъ каждому дѣлается ясно, съ какими изданіями онъ имѣетъ дѣло.

Изъ подсчета всѣхъ этихъ данныхъ видно, что изъ **892** вошедшихъ въ каталогъ основныхъ номеровъ

четверть (24%) названій одобрена, рекомендована и допущена различными вѣдомствами,

больше половины (53%) названій рекомендовано наиболѣе солидными и извѣстными программами для самообразованія и указателями лучшихъ книгъ и

больше трети (37%) названій лестно отмѣчено различными критиками, спеціалистами и библіографами.

Складъ обращаетъ вниманіе на **дѣтскій отдѣлъ** своего каталога. Въ развитіи этого отдѣла за послѣдніе годы Складомъ все время руководитъ одна основная мысль: дать, по содержанію, хорошую, умную и сердечную книгу для дѣтей всѣхъ возрастовъ, а по внѣшности—книгу вполнѣ здоровую для глазъ, съ крупными шрифтами, красивую и вмѣстѣ недорогую. По массѣ лестныхъ рекомендацій и отзывовъ видно, каково содержаніе этого пока еще не особенно значительнаго отдѣла.

Дополнительные каталоги будутъ выпущены Складомъ 1 сентября и 1 ноября 1909 года и 1 января, 1 марта и 1 мая 1910 года. Въ нихъ будутъ указаны всѣ книги, вновь выходящія въ свѣтъ, а также и всѣ печатающіяся въ типографіи М. М. Стасюлевича и поступающія въ ея Книжный Складъ.

Каталогъ высылается при полученіи 7 коп. марки.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Л. Шестовъ. Достоевскій и Нитше. Философія трагедіи. Изданіе второе. Спб., 1909. Ц. 1 руб. 25 коп.

Книга г. Шестова вышла первымъ изданіемъ въ 1903 г. Второе изданіе ея свидѣтельствуетъ о растущей извѣстности ея автора. До сихъ поръ, по видимому, распространенность сочиненій г. Шестова не соотвѣтствовала степени его таланта—несомнѣнно крупнаго и оригинальнаго. Объясненіемъ этому служатъ, можетъ быть, двѣ черты, не чуждыя и настоящей книгѣ: парадоксальность и недоговоренность. Окончательныя заключенія г. Шестова скорѣе угадываются, чѣмъ выступаютъ на видъ прямо и открыто—а на пути къ нимъ онъ разбрасываетъ множество мыслей, часто до крайности спорныхъ. Приведемъ два-три примѣра. Автору нужно доказать, что Л. Н. Толстой „окольнымъ путемъ все сводитъ къ проявленію человѣческаго эгоизма, но вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасное и высокое сохраняетъ свое прежнее почетное положеніе". Чтобы достигнуть цѣли, г. Шестовъ цитируетъ извѣстную отповѣдь Ростова на „мятежныя" слова Пьера (въ эпилогѣ „Войны и Мира") и приходитъ къ выводу, что Толстой „питаетъ глубокое уваженіе къ Ростову" и этимъ „бросаетъ вызовъ всѣмъ образованнымъ людямъ, всей, если хотите, совѣсти нашего времени". Между тѣмъ, истинное отношеніе Л. Н. Толстого къ спору между Пьеромъ и Ростовымъ выразилось съ достаточною ясностью въ томъ восторгѣ, съ которымъ внималъ первому Николинька Болконскій. Чистая душа мальчика инстинктивно понимала, на чьей сторонѣ правда. — Начиная съ 1862-го или 1863-го года Достоевскій, по словамъ г. Шестова, униженными и оскорбленными почти не занимался. Но развѣ не къ этой категоріи принадлежитъ кн. Мышкинъ въ „Идіотѣ", Шатовъ въ „Бѣсахъ", капитанъ и его бѣдный Илюша въ „Братьяхъ Карамазовыхъ"?.. Чтобы показать Достоевскаго такимъ, какимъ онъ самъ его видитъ, г. Шестовъ отказывается считаться съ фабулой „Преступленія и наказанія". Истинная трагедія Раскольникова, по мнѣнію г. Шестова, „не въ томъ, что онъ рѣшился преступить законъ, а въ томъ, что онъ сознавалъ себя неспособнымъ на такой шагъ. Раскольниковъ—не убійца; никакого преступленія за нимъ не было. Исторія съ старухой-процентщицей и Лизаветой — выдумка, поклепъ, напраслина". Въ такихъ положеніяхъ, кромѣ новизны, есть смѣлость, отталкивающая — но вмѣстѣ съ тѣмъ подкупающая. Книга г. Шестова читается съ большимъ интересомъ и заслуживала бы, вмѣстѣ съ другими его сочиненіями, подробнаго разбора.

П. Коганъ. Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. Томъ первый. Выпускъ II. Москва, 1909. Цѣна 80 коп.

Книга г. Когана, посвященная Тургеневу, Л. Толстому и Григоровичу, читается легко и не безъ интереса. Можно пожалѣть объ излишней рѣшительности нѣкоторыхъ сужденій — и осужденій,—произносимыхъ авторомъ. Въ *Отцахъ и дѣтяхъ*, по его мнѣнію, „Тургеневъ сдѣлалъ попытку заглянуть во внутренній міръ новыхъ людей. Онъ не понялъ ихъ, и это непониманіе углублялось по мѣрѣ того, какъ Тургеневъ старался охватить общественныя и умственныя теченія, развивавшіяся въ чуждыхъ ему сферахъ". Тѣхъ новыхъ людей, которыхъ Тургеневъ вывелъ въ образѣ Базарова и позднѣе—въ образахъ Маркелова, Нежданова, Машуриной, — онъ понялъ какъ нельзя лучше. Было, конечно, немало другихъ разновидностей вновь нарождавшагося типа—но исчерпывающее изображеніе его никогда не входило въ задачу нашего великаго романиста.

Статистика общедоступности начальнаго обученія въ Московской губерніи (матеріалы по статистикѣ Московской губерніи, выпускъ I). Составилъ Н. Казиміровъ. Москва, 1909 г.

Московская губернія давно принадлежитъ къ числу тѣхъ, гдѣ всего лучше поставлено дѣло начальнаго народнаго образованія. Планъ школьной сѣти, которою вполнѣ удовлетворялась бы потребность населенія, былъ составленъ московскимъ губернскимъ земствомъ болѣе десяти лѣтъ тому назадъ; на его осуществленіе земство расходовало ежегодно большія суммы — и все-таки даже теперь до всеобщаго обученія въ Московской губерніи еще далеко. Только въ трехъ уѣздахъ число правильно организованныхъ школъ достаточно для дѣтей школьнаго возраста, ограничиваемаго тремя годами (8, 9 и 10 лѣтъ); въ остальныхъ десяти уѣздахъ недостаетъ отъ 13 до 78 школъ, а во всей губерніи — до 273. Для того, однако, чтобы данная мѣстность могла воспользоваться пособіемъ отъ казны, необходимо, чтобы курсъ ученья въ начальной школѣ продолжался четыре года, другими словами — чтобы школьный возрастъ обнималъ собою не три года, а четыре (8, 9, 10 и 11 лѣтъ). Для исполненія этого требованія нужно открыть во всей Московской губерніи, при обязательности обученія въ теченіе всѣхъ четырехъ лѣтъ школьнаго курса, не менѣе 858 новыхъ школъ; при отсутствіи обязательности это число можетъ быть уменьшено до 422. Эти цифры показываютъ, что удачно и быстро всеобщее обученіе можетъ быть введено только при широкомъ увеличеніи средствъ, которыми располагаетъ земство, и при значительномъ уменьшеніи непроизводительныхъ государственныхъ расходовъ.

Товарищества для улучшенія сельскаго хозяйства въ разныхъ земляхъ. (Взаимная помощь. Подъ редакціей И. Горбунова-Посадова. Вып. 10-й). Составила Софія Голинская. Перев. съ польскаго. Москва, 1909. Ц. 12 к.

Эта небольшая, популярно написанная брошюра можетъ сослужить хорошую службу недостаточнымъ классамъ населенія. Она даетъ понятіе о различныхъ формахъ товариществъ—кредитныхъ, потребительныхъ, производительныхъ и другихъ. Особенно любопытны свѣдѣнія о земледѣльческихъ кружкахъ, образующихся, въ послѣднее время, между крестьянами Галиціи и Познани. По своей простотѣ они всего скорѣе могли бы найти подражателей въ Россіи, еслибы условія нашей общественной жизни больше благопріятствовали группировкамъ всякаго рода.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ въ 1909 г.

(Сорокъ-четвертый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

издаваемый **М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ**, подъ редакціей **К. К. АРСЕНЬЕВА**

при ближайшемъ участіи:

И. В. ЖИЛКИНА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО, В. Д. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА, А. С. ПОСНИКОВА, Л. З. СЛОНИМСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

Кромѣ прежнихъ отдѣловъ, журналъ будетъ заключать обозрѣніе провинціальной жизни, періодическіе обзоры новыхъ явленій въ мірѣ науки, литературы, искусства и постоянныя корреспонденціи изъ главныхъ центровъ западно-европейскихъ и сѣверо-американскихъ. Мемуары и воспоминанія, помѣщаемые въ журналѣ, будутъ время отъ времени сопровождаться снимками съ портретовъ историческихъ дѣятелей, исполненными преимущественно англійской геліогравюрой Rembrandt Intaglio (всего предполагается до 20 снимковъ въ годъ).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторахъ журнала . . .	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

въ Главной Конторѣ журнала, В.-О., 5 л., 28; въ Городской Конторѣ журнала, Загородный пр., 14; въ книжн. маг. К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ КІЕВѢ:

въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

въ Отдѣленіи Конторы журнала: Большая Никитская, д. 5, въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

въ книжн. магаз. „Образованіе“, Ришельевская, 12; въ книжн. маг. „Одесскихъ Новостей“, Дерибасовская, 20.

ВЪ ВАРШАВѢ:

въ книжномъ магазинѣ „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ Н. П. Карбасникова.

Заявленія о подпискѣ принимаются также по телефону: въ Спб. № 74 — 51, въ Москвѣ № 57 — 86.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Главной Конторѣ журнала *своевременно*, съ указаніемъ прежняго адреса. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки посылаются исключительно въ Главную Контору журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Подписныя квитанціи* высылаются Главною Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: Спб., Моховая, 32.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Вас.-Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА: Пет. Стор., Кронверкская ул., 21.

ГОРОДСКАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Загородный просп., 14.